

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Годъ IV-й.

№ 3-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОЩЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

М А Р Т Ъ

1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1895.

LOAN STACK

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21-го февраля 1895 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

AP50
M47
1895:3-4
MAIN

СТР.

1. АУДЕНЦІЯ. (Эпизодъ изъ жизни Бастиліи). Историческій разсказъ Юліи Безродной	1
2. РИЧАРДЪ ОСТЛЕРЪ «КОРОЛЬ ФАБРИЧНЫХЪ ДѢТЕЙ». (Изъ исторіи фабричнаго законодательства въ Англіи). Л. Давыдовой	22
3. СТИХОТВОРЕНІЯ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА ЯДРИНЦЕВА	49
4. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ. Романъ. (Продолженіе). К. М. Станюковича.	53
5. ПРОЦЕССЪ ОПЛОДОТВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ. (Продолженіе). Проф. И. П. Бородина	75
6. ФИЛОСОФКА. Картинка съ натуры. (Переводъ съ польскаго). Пер. Вукола Лаврова	96
7. ПОТЕРПѢЛА ЛИ НАУКА БАНКРОТСТВО? Шарля Рише. Пер. А. К.	102
8. ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Романъ въ двухъ частяхъ. (Продолженіе). А. Валенберга. Пер. съ шведскаго В. Фирсова	112
9. ИВАНЪ СЕРГѢВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ. (Жизнь, личность, творчество). (Продолженіе). Ив. Иванова	146
10. НѢСКОЛЬКО СООБРАЖЕНІЙ О ТЕМПЕРАТУРѢ СОЛНЦА, НА ОСНОВАНІИ ОПЫТОВЪ СЪ БОЛЬШИМЪ ЗАЖИГАТЕЛЬНЫМЪ ЗЕРКАЛОМЪ. Проф. В. Цераскаго	202
1. КАКЪ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЖИЗНЬЮ. Джона Леббона. (Переводъ съ англійскаго). А. К.	210
2. ТЕКУЩІЯ ЗАМѢТКИ. А. Б.	227
3. ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.—Вопросы русской общественной жизни.—Секта бѣлоризцевъ.—Женская доля.—Калмыцкое окружное училище.—На родинѣ Тургенева. Изъ русскихъ журналовъ. «Русская Мысль», «Русская Школа»	237
4. ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ. Англійскія школы.—Способность приспособленія у животныхъ.—Народное образованіе въ Австріи.—Разговоръ съ Альфонсомъ Додэ.—Европейскія женщины въ Конго.—Первобытный народъ. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Revue de Paris», «Natural Science», «Zukunft»	247
5. НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ	262
6. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) БНЯЗЬ И КМЕТЫ. Историческій романъ Іосифа-Игнатія Крашевскаго. Переводъ съ польскаго Л. В—скаго	49
2) ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ. Г. Дююдрэ. I. Древній міръ. Переводъ съ французскаго А. Позень, подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго	65
3) ОБЗОРЪ ОБЩЕДОСТУПНЫХЪ КНИГЪ ЛИТЕРАТУРНАГО И НАУЧНАГО СОДЕРЖАНІЯ. Составляется подъ редакціей особой комиссіи по порученію Комитета грамотности, состоящаго при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ.	25
9. НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.	
10. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

1776

1777

1778

1779

1780

1781

1782

1783

1784

1785

1786

1787

1788

1789

1790

1791

1792

1793

1794

1795

1796

1797

1798

1799

1800

1801

1802

1803

1804

1805

1806

1807

1808

1809

1810

1811

1812

1813

1814

1815

1816

1817

1818

1819

1820

1821

1822

1823

1824

1825

1826

1827

1828

1829

1830

1831

1832

1833

1834

1835

1836

1837

1838

1839

1840

1841

1842

1843

1844

1845

1846

1847

1848

1849

1850

1851

1852

1853

1854

1855

1856

1857

1858

1859

1860

1861

1862

1863

1864

1865

1866

1867

1868

1869

1870

1871

1872

1873

1874

1875

1876

1877

1878

1879

1880

1881

1882

1883

1884

1885

1886

1887

1888

1889

1890

1891

1892

1893

1894

1895

1896

1897

1898

1899

1900

1901

1902

1903

1904

1905

1906

1907

1908

1909

1910

1911

1912

1913

1914

1915

1916

1917

1918

1919

1920

1921

1922

1923

1924

1925

1926

1927

1928

1929

1930

1931

1932

1933

1934

1935

1936

1937

1938

1939

1940

1941

1942

1943

1944

1945

1946

1947

1948

1949

1950

1951

1952

1953

1954

1955

1956

1957

1958

1959

1960

1961

1962

1963

1964

1965

1966

1967

1968

1969

1970

1971

1972

1973

1974

1975

1976

1977

1978

1979

1980

1981

1982

1983

1984

1985

1986

1987

1988

1989

1990

1991

1992

1993

1994

1995

1996

1997

1998

1999

2000

2001

2002

2003

2004

2005

2006

2007

2008

2009

2010

2011

2012

2013

2014

2015

2016

2017

2018

2019

2020

2021

2022

АУДИЕНЦІЯ.

(ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ БАСТИЛИИ).

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ

Юліи Безродной.

I.

Корридоры парижской городской ратуши были переполнены народомъ. Всякій, имѣвшій хоть часъ свободнаго времени, считалъ своимъ долгомъ заглянуть сюда, потому что сегодня парижскіе граждане знакомились здѣсь со своимъ гостемъ, — плѣнникомъ Бастилии, который провелъ тамъ тридцать два года и былъ освобожденъ четырнадцатаго іюля.

Въ залу, гдѣ толпились безъ различія состояній мужчины и женщины, ещцы и рабочіе, офицеры и чиновники, пробраться было очень трудно; но все же были такіе счастливцы, которые, благодаря смѣлости и крѣпкимъ локтямъ, могли посмотрѣть на старика, и даже услышать его слабый, дребезжащій голосъ.

Старикъ былъ высокаго роста, держался прямо и чрезвычайно величественно. Его блѣдное лицо напоминало художественное изваяніе изъ слоновой кости; морщины, кое-гдѣ глубоко прорѣзывавшія матовую гладкую кожу, не только не вредили его своеобразной красотѣ, а наоборотъ, придавали ей еще болѣе трогательный отбѣнокъ.

— Вы хотите знать повѣсть моихъ страданій, добрые люди? — сказалъ старикъ, обводя усталыми блѣдно-голубыми глазами массу народа, толпившагося около, — я счастливъ, что могу вполне удовлетворить ваше любопытство и, по мѣрѣ силъ, отблагодарить за ту великую услугу, которую вы мнѣ оказали.

— Какъ твое имя, гражданинъ?—спросилъ предсѣдатель этого импровизированнаго народнаго собранія.

— Меня зовутъ Франсуа-Луи дю-Шатене,—отвѣтилъ старикъ,—а вѣрнѣе... я давно уже забылъ это имя и назывался только номеръ шестидесятый... Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я стараюсь приучить себя къ иному—и не могу! Не могу, потому что невозможно забыть тридцати лѣтъ заточенія, тридцати лѣтъ одиночества, и теперь, хотя съ тѣла моего сняты уже оковы, душа по прежнему считаетъ себя заточенной.

— Гражданинъ, за какую вину тебя такъ жестоко наказали?—спросила одна изъ женщинъ, толпившихся у двери.

— Я за собой никакой вины не знаю,—отвѣчалъ дю-Шатене.

— Но какъ же ты очутился въ Бастиліи, и почему, если вышло какое-нибудь недоразумѣніе, тебя сейчасъ же не выпустили?—спросилъ одинъ изъ членовъ магистратуры.

— Меня заточили въ Бастилію вмѣсто моего племянника; а не вышелъ я оттуда только потому, что тамъ меня забыли.

— Забыли?

— Да, забыли.

— Чѣмъ же провинился твой племянникъ?

— Не знаю... Онъ началъ блестяще свою карьеру, при дворѣ, любимый всѣми; но затѣмъ онъ неосторожно оскорбилъ чѣмъ-то госпожу Помпадуръ и, опасаясь ея гнѣва, бѣжалъ въ Англію. Кромѣ меня, у сорванца родныхъ не было, и я пострадалъ за его неосмотрительную безпечность. Однажды, глубокой ночью, ко мнѣ явилось нѣсколько вооруженныхъ полицейскихъ и потребовали, чтобы я написалъ письмо племяннику въ Англію съ предложеніемъ вернуться домой и обѣщаніями все уладить. Я зналъ, что Помпадуръ не прощаетъ обиды, и отвѣтилъ, что никогда не пойду на подобное предательство. Тогда меня отвезли въ Бастилію. Около недѣли я провелъ тамъ совершенно одинъ. Только утромъ и въ полдень появлялся тюремщикъ, молча ставилъ на каменную скамейку пищу и также молча удалялся. Я умолялъ его сказать мнѣ хоть слово о моей участи; но онъ на всѣ мои просьбы отвѣчалъ молчаніемъ.

Наконецъ, меня потребовали къ допросу.

Самъ важный господинъ де-Сартинъ сидѣлъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ.

— Знаете ли вы, гдѣ вашъ племянникъ?—спросилъ онъ меня чрезвычайно вѣжливо.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я довольно грубо.

— Въ такомъ случаѣ, мы можемъ дать вамъ самыя точныя свѣдѣнія о мѣстопребываніи этого неосторожнаго молодого человѣка: онъ теперь въ англійскомъ городѣ Соутгемптонѣ.

Я молчалъ.

— Надѣюсь, что, узнавъ его адресъ, вы не откажетесь исполнить нашу просьбу и напишете ему приглашеніе вернуться на родину?

Я отказался.

— Подумайте хорошенько, прошу васъ! Примите во вниманіе, что по отправленіи письма вы сейчасъ же будете свободны.

— Не уговаривайте меня, мое рѣшеніе твердо и неизмѣнно.—Говоря такъ, я случайно поднялъ глаза вверхъ и увидѣлъ, что трапъ на потолокъ открывается, и оттуда спускается лѣстница. Волосы встали у меня дыбомъ, кровь застыла въ жилахъ! Я вспомнилъ всѣ тѣ ужасы, которые слышалъ на свободѣ; мученія узниковъ въ Бастиліи, желѣзную влѣтку, гдѣ восемь лѣтъ провелъ Анри Бомэль, каменный мѣшокъ, служившій жилищемъ аббату Годрону, цѣпи, на которыхъ сидятъ люди до самой своей смерти...

А могущественный господинъ де-Сартинъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ моего ужаса, и спросилъ еще болѣе вѣжливо:

— Быть можетъ, вы раздумали?

Мнѣ показалось, что я способенъ уступить, до того страхъ парализовалъ всѣ мои чувства; но это продолжалось только одно мгновеніе.

— Нѣтъ!—сказалъ я, падая безъ чувствъ на каменные плиты пола.

Очнулся я уже въ подземелии.

Эта была темная, мрачная нора изъ полированного гладкаго камня, съ каменной скамейкой, у каменнаго же стола, и маленькой отдушиной наверху, въ уровень съ землею. Впрочемъ, я недолго пробылъ въ этомъ проклятомъ мѣстѣ: я, въ счастью, заболѣлъ горячкой. Меня перевели въ больницу, а оттуда я попалъ въ маленькую камеру со столомъ, скамейкой и постелью, которая мнѣ показалась верхомъ роскоши послѣ каменнаго мѣшка, гдѣ я находился первое

время... Тутъ я сталъ жить и ждать... Ждалъ я страстно и долго; но ничего не дождался. Въ судьбѣ моей не произошло ни улучшенія, ни ухудшенія: обо мнѣ попросту забыли... Да это и понятно! Развѣ мало было дѣла у госпожи Помпадуръ и у важнаго де-Сартинь?

— И ты, гражданинъ, съ тѣхъ поръ не выходилъ болѣе на свободу?—спросилъ одинъ изъ рабочихъ въ блузѣ, украшенной трехцвѣтной кокардой.

— Я пытался выйти; но отъ этого только пострадалъ еще больше... О, друзья, веселые, свободные люди, я сохранилъ для васъ подробное описаніе этой моей попытки. Я потратилъ много труда и времени, чтобы описать подробно всю исторію нашего побѣга.

Я будто чувствовалъ, что, наконецъ, настанетъ минута, когда мнѣ можно будетъ прочесть вслухъ эти печальныя страницы, и добрые люди будутъ слушать ихъ съ участіемъ.

Старикъ вынулъ изъ кармана небольшую тетрадь въ восьмую долю листа, исписанную мелкимъ почеркомъ, и, подавая ее предсѣдателю, связалъ:

— Благородный гражданинъ, прошу васъ, прочтите за меня эту исторію моихъ страданій, я самъ не въ силахъ.

Предсѣдатель взялъ тетрадку изъ рукъ старика, развернулъ ее и началъ чтеніе.

II.

Когда люди находятся въ несчастіи, дни протекаютъ у нихъ медленнѣе, чѣмъ годы. Въ тюрьмѣ также день иногда кажется годомъ; но зато и годъ можетъ при случаѣ сойти за одинъ день...

Не могу опредѣлить, сколько дней, мѣсяцевъ или лѣтъ прошло со времени моего заточенія; но, наконецъ, и въ моемъ житейскомъ обиходѣ произошла перемѣна: однажды, тюремщикъ вошелъ ко мнѣ не одишъ, а въ сопровожденіи сильнаго, молодого черноволосаго человѣка.

— Добрый день, коллега, честь имѣю рекомендоваться: отнынѣ я вашъ товарищъ по заточенію,—привѣтствовалъ онъ меня, усмѣхаясь;—наша благородная старушка Бастилія такъ переполнена, что для меня не нашлось уже мѣста, и вамъ, волей-неволей, придется имѣть компаньона.

— Очень радъ такому веселому собесѣднику,—отвѣчалъ я.

— Я также доволенъ... И знаете ли, я попалъ въ вашу камеру совершенно случайно: привратникъ думалъ, что она не занята. Вотъ до чего васъ здѣсь забыли.

Видъ моего новаго знакома былъ такой веселый, что даже тюремщикъ улыбался, закрывая за собою двери.

— Да, меня забыли, — повторилъ я, — теперь у меня одна надежда на смерть, которой жду, какъ освободительницы.

— Зачѣмъ смотрѣть на вещи такъ мрачно, — возразилъ молодой человекъ, — люди не помогаютъ вамъ, помогайте себѣ сами, испробуйте всѣ средства къ спасенію, преодолѣйте всѣ препятствія, и если васъ вездѣ постигнетъ неудача — тогда ужъ отчаявайтесь.

— Другъ мой, то мѣсто, куда мы съ вами попали, не требуетъ отъ насъ ни храбрости, ни отчаянія... Здѣсь нужно только одно — терпѣніе.

— Терпѣніе? Это вѣрно, терпѣніе вездѣ вещь необходимая. Только нужно видѣть въ терпѣніи не цѣль, а средство.

Отвѣтивъ мнѣ такъ, мой новый компаньонъ развязалъ чемоданъ и, весело насвистывая, сталъ раскладывать свои вещи.

Я никогда не видалъ такого множества бѣлья, сколько было въ чемоданѣ у молодого человека. Положительно, этими сорочками, жабо, чулками, простынями, сватертами можно было наполнить шкапы любого магазина и торговать, по крайней мѣрѣ, цѣлый годъ.

— Вы, пріятель, смотрите и удивляетесь, — сказалъ мой компаньонъ — о, у меня чрезвычайно помѣстительные чемоданы... и это еще вовсе не все бѣлье, которое я имѣю: скоро мнѣ сестрица пришлетъ еще новую партію.

— Но вѣдь и того, что есть у васъ, здѣсь хватитъ и въ-сволькимъ на многіе годы?

— Неужели? — загадочно произнесъ онъ, — а для меня этого мало... Впрочемъ, это зависитъ отъ точки зрѣнія: вы склонны смотрѣть на эти предметы только какъ на бѣлье, а у меня другой взглядъ, и если бы вы узнали его, то согласились бы, что бѣлья этого очень, очень немного.

— Какой же можетъ быть еще взглядъ на бѣлье, какъ не на предметъ домашнего употребленія?

— О, растолковать это довольно трудно... до такого взгляда обыкновенно доходятъ самостоятельно.

Онъ замолчалъ, но ненадолго. Его живая натура требовала движенія, разговора, общенія съ людьми, и, очевидно, онъ вовсе не желалъ даже въ тюрьмѣ отвыкать отъ своихъ привычекъ.

— Вы еще не знаете даже, какъ меня зовутъ,—заговорилъ мой новый товарищъ,—Жеромъ де-Сень-Поль, честь имѣю рекомендоваться! Блудный сынъ, мотъ и картежникъ, посаженный въ Бастилію собственнымъ отцомъ за проигрышъ въ сорокъ тысячъ франковъ...

Господинъ Жеромъ прошелся нѣсколько разъ по крошечной камерѣ. Казалось, онъ, въ нетерпѣніи, способенъ опрокинуть плечами каменные стѣны.

— Какая скука!—началъ онъ опять; — представьте, у меня при входѣ отобрали табакъ, а я не могу жить безъ табаку... Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я въ этомъ провлятомъ логовищѣ лишень возможности курить. Это мученіе! Я сержусь на отца не за то, что онъ заточилъ меня, но за то, что лишилъ возможности курить... И за что наказалъ онъ меня такъ жестоко? За долги!.. Впрочемъ, я увѣренъ, онъ не зналъ, что узникамъ Бастиліи запрещено курить...

— Вы бы написали ему теперь объ этомъ,—посоветовалъ я съ улыбкой.

— Теперь поздно. Старикъ очень упрямъ; а онъ по-влялся, что продержитъ меня въ крѣпости до своей смерти. Конечно, я вовсе не желаю ему скорой кончины; но также не хочу и сидѣть въ этомъ логовищѣ, да еще безъ табаку. За что я буду губить свою молодость? Въ наказаніе за проигрыши, за долги? Но я надѣлалъ долговъ потому, что онъ самъ отказался содержать меня. Онъ воспиталъ меня въ роскоши, приучилъ тратить деньги не считая, а потомъ лишаетъ меня содержанія только за то, что я не захотѣлъ жениться по его выбору. Онъ вдругъ оставилъ меня безъ средствъ и хочетъ, чтобы я не былъ знакомъ съ ростовщиками... О, я убѣгу изъ тюрьмы, не сомнѣвайтесь въ этомъ, уважаемый батюшка, и въ Парижѣ еще найдется много благодѣтелей, которые дадутъ деньги Жерому де-Сень-Полу!

„Молодой безумецъ“ — думалъ я. „Онъ вошелъ въ это мѣсто не съ отчаяніемъ въ душѣ, а съ надеждой. Онъ намѣревается бѣжать изъ Бастиліи? Но развѣ бывали такіе примѣры? Неужели онъ не видитъ стѣнъ, толщиною въ десять футовъ, четырехъ желѣзныхъ рѣшетокъ въ окнѣ, высоту башенъ, почти недосыгаемую?“

Жеромъ прочелъ эти мысли въ моемъ взорѣ и тотчасъ же сталъ ихъ горячо опровергать,

— Вы сомнѣваетесь? Вы считаете меня глупымъ мечта-

телемъ? Но вы развѣ не знаете, что жажда свободы можетъ сдѣлать чудеса, а всякій смѣлый поступокъ до удачнаго исхода всегда кажется безумствомъ!

— Другъ мой, совѣтую вамъ лучше привыкнутьъ къ мысли о заточеніи.

— Я никогда въ ней не привыкну.

— Но чѣмъ же вы станете работать? Гдѣ возьмете хотя какой-нибудь инструментъ. Вѣдь у васъ, вмѣстѣ съ табакомъ, отобрали и ножикъ, ножницы и всякіе другіе рѣжущіе инструменты, не такъ ли?

— Вотъ мой лучшій инструментъ!—воскликнулъ онъ, протягивая во мнѣ свои могучія руки,—нужно только терпѣніе и мужество, а руки эти замѣнятъ и ножъ, и пилу, и вѣщи, и долото, и лопату... Впрочемъ, довольно говорить объ этомъ, я вижу, что вызываю только ваше состраданіе.

Мой товарищъ обиженно умолкнулъ; но я видѣлъ, что мозгъ его не переставая работаетъ только въ одномъ направленіи. Эти мечтанія поддерживали силы молодого человѣка, иначе—онъ, вѣроятно, умеръ бы съ тоски черезъ недѣлю.

Да, нужно быть плѣнникомъ Бастиліи, чтобъ понять страданія заключеннаго!

Представьте себѣ прозябаніе въ узенькой, душной камерѣ, полутемной, сырой, въ которую никогда никто не заглянетъ, гдѣ никогда никто не заговоритъ посторонній.. Никогда, никто!.. Однажды были тамъ заточены рядомъ мужъ и жена. Они прожили годы, раздѣленные только одной каменной стѣною, они тосковали другъ о другѣ, жаждали дать знать о себѣ другъ другу — и они умерли, не зная, что прожили столько времени рядомъ; они умерли, не передавъ другъ другу ни одного вздоха! Сырая бездушная стѣна прятала эти вздохи, собирала ихъ въ свои холодные камни; а несчастные мучились, не зная, какъ близко было ихъ утѣшеніе..

И плѣнники привыкають къ мысли о томъ, что они заживо погребенные; зачѣмъ страдать, когда, все равно, ничего никогда не измѣнится? Зачѣмъ ждать чего-нибудь, когда никакая новость никогда не достигнетъ вашего слуха? Въ государствѣ можетъ вспыхнуть война, можетъ случиться нашествіе враговъ, налетѣтъ моровая язва,—мы никогда ничего, ничего не узнаемъ! Сколько бы вы ни спрашивали—вамъ отвѣтятъ только на „добрый день“ — здравствуйте, и на „спокойной ночи“—прощайте! Вотъ и все.

Такъ жилъ и я до появленія моего новаго компаньона; но онъ перевернулъ вверхъ дномъ все мое существованіе.

III.

Однажды, во время утренняго посѣщенія коменданта крѣпости, Жеромъ всталъ, чтобы заявить ему одну претензію.

— Я привыкъ еженедѣльно бывать въ церкви, а здѣсь почему-то у меня не только отняли табакъ, но даже отказываютъ и въ этомъ единственномъ духовномъ утѣщеніи. Я смотрю на это прямо какъ на притѣсненіе тюремщика.

Молодой человѣкъ произнесъ свою рѣчь такъ искренно и такъ жалобно смотрѣлъ на коменданта, что тотъ, не смотря на свою обычную строгость, благосклонно отвѣтилъ:

— Милостивый государь, я могу только одобрить ваши религіозныя чувства и пожелать, чтобы вы въ молитвѣ нашли себѣ утѣшеніе.

И тутъ же, обернувшись къ тюремщику, комендантъ велѣлъ ему выпускать плѣнника къ обѣднѣ всякій разъ, какъ онъ только этого пожелаетъ.

— Зачѣмъ вамъ нужно посѣщать церковь?—спросилъ я, лишь только тяжелая дверь захлопнулась за вышедшимъ комендантомъ.

— Зачѣмъ? Я постараюсь хорошенько осмотрѣть тюрьму, я буду ходить по лѣстницамъ, заглядывать въ другія камеры, мѣрять высоту башенъ, толщину стѣнъ и, быть можетъ...— Тутъ онъ загадочно умоленулъ. Я даже и не возражалъ молодому мечтателю: очевидно, мысль о бѣгствѣ такъ крѣпко зацѣпла въ его мозгу, что оттуда нельзя было извлечь ее никакими убѣжденіями.

Въ первый же празникъ Жеромъ воспользоваться разрѣшеніемъ коменданта, и отправился въ церковь; но вернулся онъ оттуда не особенно довольный. Очевидно, узнать что-либо во время прогулки по лѣстницамъ въ сопровожденіи тюремщика было довольно затруднительно. Но, все-таки, эти благочестивыя прогулки продолжались довольно аккуратно, хотя результаты были по прежнему мало утѣшительные.

Наконецъ, однажды Жеромъ вернулся преображенный отъ восторга. Его лицо сіяло. Онъ едва дождался, чтобы ушелъ тюремщикъ, и, подойдя ко мнѣ, крѣпко сжалъ мои руки въ своихъ.

— Другъ мой! — сказала онъ съ глубокой торжественностью, — умоляю васъ, покоритесь мнѣ на нѣкоторое время! Считайте меня по прежнему мечтателемъ, безумцемъ, одержимымъ маніей, но только повинуйтесь моимъ приказаніямъ, безпрекословно исполняйте то, что мнѣ будетъ нужно!

— Что съ вами? — спросилъ я, отступая отъ него въ глубокомъ изумленіи.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! — воскликнулъ онъ съ тоскою; — какъ мнѣ сдѣлать такъ, чтобы вы въ меня повѣрили? Безъ вашего участія всѣ мои планы рушатся, а съ вашей помощью мы скоро были бы на свободѣ... Да не смотрите на меня такъ! Вамъ кажется, что я брежу? Что я въ горячкѣ? Но подумайте: вѣдь во мнѣ вы не замѣчали никакихъ странностей? Я не былъ ни глупъ никогда, ни заговаривался — не правда ли?

— Конечно, нѣтъ!

— Такъ почему же, какъ только я заговорю о побѣгѣ, вы думаете, что передъ вами сумасшедшій?

— Потому что вы говорите о неслыханномъ, о невѣроятномъ, о неисполнимомъ.

— Оно не слыхано только потому, что о немъ еще не слыхали; неисполнимо — потому, что никто его не пытался исполнить; невѣроятно? Но если это случится, то и невѣроятнымъ оно перестанетъ быть.

Я молчалъ.

— Другъ мой, — продолжалъ Жеромъ умоляющимъ голосомъ, — знаете что? Смотрите на мою попытку, какъ на развлеченіе для себя. Вѣдь вамъ, все равно, нечего дѣлать, такъ почему же не развлечься немного, созерцая безумство товарища? Это только поможетъ вамъ провести веселѣе скучное время, не такъ ли?

— Согласенъ, — отвѣтилъ я съ улыбкой.

— Ну, вотъ и великолѣпно! — Жеромъ захопалъ въ ладоши, — ахъ, милый старичокъ, какъ я вамъ благодаренъ!

Онъ прошелся нѣсколько разъ по камерѣ, потомъ остановился передо мной и неожиданно сообщилъ:

— Слѣдующее воскресенье, по моей личной просьбѣ, комендантъ разрѣшилъ вамъ сопровождать меня въ церковь.

— Зачѣмъ? — спросилъ я съ удивленіемъ.

— Мнѣ нужно ваше содѣйствіе при маленькомъ архитектурномъ изслѣдованіи. Ну, не хмурьтесь, вѣдь вы же общались? Смотрите же на все съ точки зрѣнія развлеченій.

— А какъ съ вами попадешь еще въ бѣду?

— „Хуже не будетъ“ — сказалъ какой-то арабскій мудрецъ про что-то, и былъ правъ! Я нарочно попросилъ коменданта самъ отъ вашего имени, потому что вы въ своей просьбѣ были бы такъ мало убѣдительны, что навѣрное получили бы сухой отказъ.

Съ этимъ я молча согласился, и только спросилъ смиренно:

— Какую же работу вы мнѣ дадите на воскресенье?

— Я еще и самъ хорошенько не сообразилъ ничего; знаю только, что нужно быть вдвоемъ для успѣшнаго хода дѣла... Не знаю, открыть ли вамъ теперь же свой секретъ, или отложить до воскресенья?

— Конечно, говорите лучше сейчасъ, — отвѣчалъ я шутливо, — тогда вашъ помощникъ отнесется болѣе серьезно къ своимъ важнымъ обязанностямъ.

— Ну, хорошо... Я не обижаюсь шутками, я даже радъ, что вы повеселѣли.

Жеромъ подошелъ къ двери, убѣдиться, не стоитъ ли тамъ тюремщикъ, потомъ сѣлъ ко мнѣ на кровать и повелъ рѣчь самымъ тихимъ шепотомъ:

— Видите ли, другъ мой, прежде чѣмъ сдѣлаться вашимъ товарищемъ, я пробылъ уже въ Бастиліи недѣли двѣ и перебивалъ, нарочно, въ нѣсколькихъ камерахъ. Но вездѣ я говорилъ, что мнѣ неудобно, и ходатайствовалъ о перемѣщеніи: хотѣлось мнѣ получше ознакомиться съ крѣпостью.

— Какое поразительное упрямство! Значить, вы вошли въ Бастилію уже съ мыслью о побѣгѣ?

— Это не упрямство, это сила воли и настойчивость, которыя одни только и преодоляють препятствія, для другихъ непреодолимыя, — отвѣтилъ мой товарищъ.

Я замолчалъ, нѣсколько смущенный.

— Ваша камера, — продолжалъ онъ, — понравилась мнѣ больше другихъ: она находится въ углу, слѣдовательно, имѣетъ двѣ наружныхъ стѣнки, отчего шумъ, происходящій внутри ея, передается не такъ ясно въ корридоръ, гдѣ ходитъ тюремщикъ. Затѣмъ она — послѣдняя, слѣдовательно, мимо ея дверей безъ надобности никому ходить не надо, и наконецъ, она находится въ башнѣ Сокровищъ, которая, по моимъ вычисленіямъ, должна быть самой маленькой изъ всѣхъ башенъ Бастиліи. Затѣмъ, уже благодаря прогулкамъ въ церковь, я замѣтилъ, что къ нашему углу не подходитъ и наружный

часовой, потому что тамъ обвалилась часть каменной балюстрады, что дѣлаетъ прогулку около насъ уже не безопасной. Но это все мелочи; главное я узналъ недавно. Въ другихъ камерахъ, гдѣ я жилъ, изрѣдка былъ слышенъ отдаленный гулъ, не то отъ голосовъ человѣческихъ, не то эхо казыхъ-нибудь уличныхъ звуковъ; — здѣсь же всегда необыкновенно тихо.

— О, эта мертвая, могильная тишина! — воскликнулъ я, содрогаясь, — она меня приводила въ отчаяніе, отъ котораго излѣчило меня только ваше присутствіе.

— А меня тишина эта приводитъ въ восторгъ, — сказалъ товарищъ, лукаво усмѣхаясь — я на ней построилъ всю попытку нашего побѣга... Вы опять хмуритесь? Повторяю, смотрите на меня только какъ на предметъ своего развлечения... Но мнѣ надо убѣдиться въ этихъ предположеніяхъ, для чего я и прошу вашего содѣйствія въ воскресенье.

— Что же я долженъ дѣлать?

-- Узнаете въ церкви.

Понятно, что я, не смотря на все свое недовѣріе, ожидалъ съ нетерпѣніемъ воскресенья.

Наконецъ, оно наступило, и я вышелъ сопровождать Жерома въ церковь.

Во время обѣдни, товарищъ наклонился къ моему уху и, дѣлая видъ, что произноситъ молитвы, зашепталъ мнѣ:

— Заверните футляръ отъ очковъ въ носовой платокъ, и, когда мы будемъ во второмъ этажѣ на лѣстницѣ, уроните его такъ, чтобы онъ упалъ внизъ, на плиты передней... не противорѣчьте и сдѣлайте такъ, какъ я говорю...

Изумленный, я все-таки повиновался.

Послѣ обѣдни, когда мы дошли до второго этажа, мой деревянный футляръ загремѣлъ по чугунной лѣстницѣ и очень ловко скатился внизъ на каменные плиты передней.

— Другъ мой — сказалъ Жеромъ тюремщику, насъ сопровождавшему, — поднимите, пожалуйста, вещь господина дю-Шателе, вамъ это удобнѣе... а вы говорите что-нибудь теперь, говорите громко, — шепнулъ онъ мнѣ послѣшно.

Тюремщикъ медленно сталъ сходить внизъ; я громко заговорилъ какою-то бессмыслицу о томъ, что футляръ, вѣроятно, будетъ разбитъ вдребезги, что онъ не можетъ перенести такого паденія; а Жеромъ въ это мгновеніе бросился въ угловую камеру, приходившуюся какъ разъ подъ нашей, открылъ ее незапертую дверь, быстро вымѣряя вы-

соту ея стѣнъ, и черезъ секунду уже стоялъ на прежнемъ мѣстѣ.

— Видите, футляръ вашъ цѣлъ, — говорилъ онъ мнѣ, принимая его изъ рукъ тюремщика.

Какъ только затворилась за нами желѣзная дверь, я спросилъ его:

— Почему вы знали, что въ сосѣдней камерѣ нѣтъ узника? Вѣдь вы рисковали нарваться на неприятность.

— О, я уже нѣсколько воскресеній употребилъ на то, чтобы увидеть его фізіономію. Это оказался какой-то очень религіозный старикъ, который также любитъ посѣщать домъ Божій. Я нарочно вышелъ сегодня поскорѣе, чтобы опередить его на нѣсколько минутъ — вотъ и все!

Затѣмъ Жеромъ взялъ изъ камина кусочекъ угля и сталь чертить на стѣнѣ какія-то цифры, потомъ вытеръ все, захопалъ въ ладоши, обнялъ меня и завертѣлся по камерѣ.

— Мы уже почти свободны, пріятель, — говорилъ онъ, — не знаю, какъ вы, а я уже началъ праздновать побѣду.

Но, замѣтивъ, что я попрежнему представляю собой довольно жалкую фигуру, Жеромъ посадилъ меня на кровать, и заговорилъ серьезно:

— Я сейчасъ все объясню вамъ, и вы будете радоваться вмѣстѣ со мною: между нашимъ, третьимъ, и нижнимъ вторымъ этажемъ идетъ лѣстница въ тридцать двѣ ступени. Во время прогулокъ къ обѣднѣ я измѣрялъ ихъ вмѣстѣ съ разстояніемъ между ними и, разочтя все хорошенько, нашелъ, что наша камера должна быть гораздо выше, чѣмъ она есть. Сначала я думалъ, что помѣщеніе, находящееся подъ нами, очень высокое, и для того, чтобы провѣрить это, забѣжалъ въ комнату благочестиваго старикашки. Но его камера оказалась вовсе не высбой, что же это значить, дружище?

— Не знаю...

— А я знаю! Не даромъ, вѣдь, я пробылъ три года въ инженерномъ училищѣ... Это значить, что между нашимъ поломъ и потолокомъ нижней камеры пустое пространство... Сегодня же ночью изслѣдую это, и, такъ какъ оно навѣрно есть, то мы изъ него сдѣлаемъ складочное мѣсто для нашихъ инструментовъ и предметовъ спасенія.

— Вы сразу далеко забѣгаете...

— Да, мы спрячемъ тамъ лѣстницу, веревки, ножи, пилу и многое другое.

— Предположимъ, что подъ нами, дѣйствительно, пу-

стое мѣсто, куда можно спрятать лѣстницу и веревки; но вѣдь надо прежде приобрести то, что вы хотите туда спрятать.

— О, у насъ все уже есть, не безпокойтесь, товарищъ! Веревки? Ихъ болѣе тысячи футовъ въ моемъ чемоданѣ; а лѣстница?—въ каминѣ горитъ ежедневно по нѣскольку лѣстницъ... Одну изъ нихъ мы спасемъ отъ пламени и спрячемъ въ наше хранилище.

— У васъ все загадки!—воскликнулъ я сердито, — я знаю, что въ каминѣ нѣтъ ничего, кромѣ золы, а чемоданы ваши наполнены ненужными тряпками.

— Да, въ чемоданѣ моемъ пятнадцать съ половиной дюжинъ рубашекъ, шесть дюжинъ простынь, восемь дюжинъ салфетокъ, множество щегольскихъ чулокъ, носковъ и пропасть разнаго другого хлама... Если мы все это разсучимъ на нитки, то можемъ свить болѣе тысячи футовъ веревокъ; а когда мы начнемъ прятать въ день хоть по одному полѣну, что будетъ вовсе не замѣтно, то скоро наберемъ достаточно матеріала для деревянной лѣстницы... Уразумѣли ли вы, наконецъ, мой планъ, невѣрующей скептикъ?..

Я молчалъ, совершенно ошеломленный мыслью, что планъ его вовсе ужъ не такъ безуменъ, какъ можно было думать.

— А инструменты? Гдѣ мы возьмемъ хотя бы какой-нибудь ножикъ, не говоря уже ни о чемъ другомъ!—спросилъ я, впервые охваченный безумной лихорадкой, которая давала моему пріятелю такія громадныя силы, такое стойкое мужество. И я уже со страхомъ ожидалъ его отвѣта; я уже самъ заранѣе сталъ придумывать, изъ чего бы смастерить необходимые намъ инструменты... Вотъ до чего одинъ только призракъ возможности освобожденія, почти миражъ, полубезумная надежда, преобразили и меня.

— Инструменты, у насъ будутъ въ эту же ночь, — отвѣчалъ Жеромъ, глядя на меня сіяющими глазами, — видите ли вы желѣзную полосу, которая соединяетъ вверху ножки нашего складнаго стола? Если мы оторвемъ съ двухъ сторонъ отъ нея по кусочку, столъ будетъ стоять по прежнему, а у насъ будетъ пара ножей... У меня въ чемоданѣ осталось послѣ обыска бесполезное огниво, — его мы можемъ употребить въ дѣло при отламываніи желѣза.

— Да, да! — воскликнулъ я, гылая весь, точно въ горячкѣ, — затѣмъ мы будемъ точить наши бруски до тѣхъ поръ о каменныя плиты пола, пока они не сдѣлаютъ ихъ острыми,

кавъ настоящіе ножи! И зачѣмъ намъ два ножика? Лучше мы изъ другого конца смастеримъ маленькую пилу. Это потруднѣе; но зато работа наша пойдетъ успѣшнѣй...

— Да, да, это хорошая идея!..

— Съ чего же мы начнемъ работу? Я думаю, надо прежде всего ломать рѣшетку въ трубѣ камина, не такъ ли? Мнѣ кажется, легче всего намъ вылѣзть на крышу, а оттуда уже спускаться съ башни по лѣстницѣ?

Жеромъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня.

— Да я васъ не узнаю, пріятель!—воскликнулъ онъ,—вы такъ преобразились, что я положительно готовъ идти къ вамъ подъ команду!

— Я повѣрилъ тебѣ, другъ мой! Я тебѣ повѣрилъ! Я вдругъ почувствовалъ, что, быть можетъ, когда-нибудь, черезъ много, много времени, мы можемъ надѣяться на освобожденіе и эта одна мысль уже наполнила меня мужествомъ! Отнынѣ мы неразлучны, мы все, все будемъ дѣлать вмѣстѣ.

Тутъ мы, переполненные счастьемъ и радостными надеждами, бросились другъ другу въ объятія.

IV.

Въ тотъ же день, послѣ ужина, какъ только насъ заперли на ночь, мы оторвали отъ стола пару желѣзныхъ полосокъ и, вооружившись ими, подняли одну изъ гладкихъ четырехугольныхъ плитъ, которыми былъ вымощенъ полъ нашей камеры. Всю ночь мы пробивали, продавливали деревянный полъ, лежавшій подъ плитою, и къ утру имѣли счастье пробить дыру въ пустое мѣсто, которое находилось надъ потолкомъ сосѣдней камеры.

Мы собрали весь соръ, опилки, кусочки дерева, высыпали обратно въ яму, затѣмъ положили на мѣсто плиту, заровнявъ ее такъ, чтобы ничего не было замѣтно, и съ этого мгновенія уже считали себя здѣсь только временными квартирантами.

— Неужели же мнѣ придется-таки еще курить на свободѣ?—говорилъ Жеромъ,—право, уже начинаю сомнѣваться въ своемъ счастьи! Пока не было ничего положительнаго, я вѣрилъ, а теперь такъ боюсь неудачи, что готовъ чуть ли не отказаться.

— Стыдись, товарищъ!—возражалъ я ему,—ты долженъ

вѣрить, потому что и теперь, еще ничего не достигнувъ, ты уже надѣлалъ прямо чудесъ?

— Эхъ, ты, легковѣрный, — отвѣчалъ онъ, — и ты повѣрилъ, что я способенъ хоть на мгновеніе усомниться? Это у меня одно изъ тѣхъ невольныхъ колебаній духа, которое бываетъ у всѣхъ, но на которое надо смотрѣть только съ улыбкой. Всѣ эти психическіе фокусы совершаются только отъ того, что у насъ не налажено дѣло, а вотъ скоро пропадетъ всякая охота думать о чемъ-нибудь, кромѣ нужной работы.

И дѣйствительно, вскорѣ работа поглотила насъ такъ, что мы почти перестали разговаривать.

Прежде всего мы распустили нѣсколько рубашекъ, спустили изъ корпіи нитки, которые намотали въ большіе влѣбки, и спрятали ихъ въ нашу кладовую. Когда набралось достаточно влѣбковъ, мы свили изъ нихъ толстую веревку, изъ которой скоро была готова довольно большая лѣстница.

Работали мы большею частью молча, потому что приходилось прислушиваться къ шуму, ловить отдаленный шорохъ, чтобы поскорѣе прятать опасныя вещи. Обыкновенно сидѣли мы на кроватяхъ и, при всякомъ подозрительномъ звукѣ, прятали все подъ тюфякъ или подушку.

Когда лѣстница была готова, мы приступили къ другой, болѣе трудной, работѣ: ночью мы привязывали свою лѣстницу къ рѣшеткѣ, находившейся внутри камина, и, взбираясь туда, распатывали желѣзные стержни, загораживавшіе выходъ на крышу.

Какія трудности пришлось намъ преодолѣть! Мы висѣли въ трубѣ на веревочныхъ ступеняхъ, съ ошарашенными руками, съ лицомъ, обсыпаннымъ сажей, которая затрудняла намъ дыханіе. Приходилось вылѣзть оттуда чуть ли не каждыя полчаса, чтобы не потерять сознанія. Затѣмъ, надо было постоянно держать во рту воду и брызгать ею въ пробитыя отверстія для размягченія цемента... и мы были вполне счастливы, если за цѣлую ночь работа наша подвинулась хоть на одну пятую дюйма.

Прошло много, много времени, и наконецъ наступила давно желанная, блаженная минута: въ одну изъ бурныхъ ночей, когда свистѣлъ вокругъ ураганъ и лилъ ручьями проливной дождь, — рѣшетка наша пала! Самое трудное дѣло было окончено, мы радостно поздравляли себя съ успѣхомъ;

но имѣли осторожность снова приладить ее къ трубѣ и даже сдѣлать ее, для виду, совершенно неподвижной, какъ бы ее никто и не трогалъ.

Мы проработали нѣсколько лишнихъ часовъ надъ этимъ, новидимому, ненужнымъ дѣломъ, и оно спасло насъ отъ великаго, непредвидѣннаго, несчастія.

На утро слѣдующаго же дня, по обыкновенію, въ нашу камеру вошелъ комендантъ.

Чрезмѣрно счастливые, усталые послѣ безсонной ночи, мы не успѣли принять обычныхъ мѣръ предосторожности и хорошенько пообчиститься. Особенно подозрителенъ былъ Жеромъ, проведеншій въ трубѣ большую часть ночи. Онъ успѣлъ вымыть только лицо и руки, а на бородѣ и волосахъ его осталось много сажи.

— Отчего это вы покрыты сажей, милостивый государь? — спросилъ комендантъ, удивленно разглядывая моего товарища.

Услыхавъ этотъ вопросъ, я рѣшилъ, что все кончено, и готовъ былъ лишиться признанія; но храбрецъ мой нашелся и отвѣчалъ съ чистосердечной улыбкой:

— Я покрытъ сажей потому, что сегодня игралъ роль трубочиста: ночью было такъ холодно, изъ камина такъ дуло и несло сажей, что я было рѣшилъ закрыть трубу. Но намѣреніе это такъ и осталось намѣреніемъ, потому что я не нашелъ нигдѣ ни одной вьюшки, и только напрасно испачкался.

Комендантъ недовѣрчиво оглядѣлъ насъ, потомъ нашу камеру; но, не найдя ничего подозрительнаго, вышелъ, проговоривъ:

— Я къ вамъ сегодня же пришлю трубочиста настоящаго.

Дѣйствительно, спустя нѣкоторое время, въ каминѣ поднялась какая-то возня, шуршаніе, подозрительное постукиванье.

Я сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, а Жеромъ расхаживалъ яростно по камерѣ, приговаривая сэвось зубы:

— Стучи, стучи хоть до завтра, дѣло сдѣлано чисто, ничего не замѣтишь, а фонаря спустить туда не догаднешься.

Не смотря на эти храбрыя рѣчи, я видѣлъ, что мой пріятель взволнованъ не менѣе меня. И дѣйствительно, теперь вся жизнь наша, все наше счастье зависѣло отъ догадливости трубочиста.

Но, конечно, трубочисты рѣдко бываютъ догадливы, и нашъ вовсе не составлялъ исключенія изъ общаго правила...

Трубочистъ ушелъ, не найдя ничего подозрительнаго.

Мы думали, что злобленія наши тѣмъ и покончатся; но глубоко ошибались: они еще только что начались.

Слѣдить за нами стали гораздо строже. Теперь и послѣ ужина сталъ иногда заходить тюремщикъ, чего раньше никогда не случалось; поэтому и намъ надо было принимать болѣе дѣйствительныя мѣры предосторожности, отчего работа подвигалась очень медленно. Теперь только одинъ изъ насъ могъ работать, потому что другой долженъ былъ стоять у двери и прислушиваться. При малѣйшемъ шумѣ все пряталось подъ тюфякъ, и мы притворялись спящими.

Но всѣ эти неудобства были ничто передъ тѣмъ, что намъ готовилось...

Однажды комендантъ ввелъ въ нашу камеру еще одного товарища... При первомъ взглядѣ на этого отвратительнаго человѣка, мы догадались, что это — шпионъ! — шпионъ, поставленный наблюдать за нами.

Не мало мнѣ приходилось видѣть людей, входившихъ впервые въ Бастилію, — всѣ они были убиты, имѣли растерянный видъ, полный отчаянія. Исключение составлялъ только Жеромъ, да этотъ новый нашъ пріятель съ рыжими волосами, съ плоскимъ лицомъ, покрытымъ веснушками и съ наглымъ видомъ человѣка, увѣреннаго въ своей безопасности.

— Добрый день, господа! — привѣтствовалъ онъ насъ съ улыбкой, — на свободѣ теперь такая хорошая погода, что мнѣ было очень неприятно войти въ это мрачное мѣсто.

Я молчалъ, готовый броситься на негодая и задушить его. Жеромъ взглянулъ на меня мелькомъ и отвѣчалъ самымъ любезнымъ образомъ:

— Что дѣлать? Къ сожалѣнію, здѣсь рѣдко кто сообразуется съ нашими желаніями, будь даже это желанія такихъ достойныхъ господъ, какъ вы.

— Конечно, конечно, — отвѣчалъ мошенникъ весьма благосклонно, — притомъ, и камера у насъ еще такая маленькая... нельзя будетъ размѣститься съ удобствами, къ которымъ я привыкъ.

— Ну, съ этимъ ужъ придется примириться, — говорилъ Жеромъ, — за то есть пословица: въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ... Но мы постараемся вознагражить васъ за неудобства отъ тѣсноты помѣщенія.

— А чѣмъ же это вы меня вознаградите? — спросилъ вновь прибывшій.

— Несомнѣнно, нашимъ любезнымъ обращеніемъ съ вами, — пояснилъ Жеромъ, чрезвычайно вѣжливо.

— А, — пробормоталъ негодяй, который, вѣроятно, имѣлъ въ виду какое-нибудь болѣе существенное вознагражденіе. Но спѣ все-таки старался также отвѣчать любезностями на любезность, и затѣмъ рассказалъ какую-то нелѣпую исторію, — какой-то романъ съ женой какого-то маркиза, черезъ мгновеніе превратившагося въ графа, а потомъ въ канцлера, — чтобы объяснить намъ свое заточеніе.

Жеромъ притворялся, что вѣритъ всему, выражалъ сочувствіе, разспрашивалъ подробно о красотѣ дамы... Однимъ словомъ, скоро они, повидимому, совсѣмъ подружились. И вдругъ, неожиданно, негодяй вызвалъ со стороны Жерома самыя искренніе, самыя пылкіе и непринужденныя восторги. Остановившись на половинѣ разговора, онъ подмигнувъ моему пріятелю, всталъ со скамейки, поманилъ его къ камину и тамъ, вынувъ изъ-за голенища кисеть съ табакомъ, предложилъ ему выкурить папирску.

— Да вы, я вижу, чудеснѣйшій товарищъ! — воскликнулъ Жеромъ, — какъ удалось вамъ пронести такую драгоценную контрабанду? Это просто чудо!

— О, я мастеръ и не на такія штуки! — загадочно сказалъ шпіонъ и сталъ крутить папирску.

Затѣмъ они мирно присѣли на корточки у камина, стараясь пускать прямо въ трубу образцовыя колечки дыма.

И я видѣлъ, что Жеромъ не только не ненавидитъ негодяя, а даже прямо благодаренъ ему за доставленное наслажденіе... Это открытіе уязвило меня до глубины души, и взоры мои становились все мрачнѣе, а плутишка изрѣдка видалъ на меня насмѣшливый взглядъ и съ наслажденіемъ выпускалъ одно за другимъ въ трубу образцовыя колечки.

Когда же и шпіонъ началъ подозрительно оглядываться на меня, еще не сказавшаго ему ни одного слова, Жеромъ нагнулся къ его уху и прошепталъ:

— Оставьте этого дикаря въ покоѣ... Знаете ли, я уже давно живу съ нимъ вмѣстѣ, и нахожу, что сосѣдство это — наказаніе похуже самого тюремнаго заключенія! Я хочу хорошимъ поведеніемъ заслужить расположеніе господина комеданта, и тогда буду просить его перевести меня въ другую камеру.

— А онъ не будетъ доносить на насъ, если мы займемся еще кой-чѣмъ незаконнымъ?—спросилъ негодай потихоньку.

— Ну вотъ, такъ онъ и посмѣеть!

— Тогда чортъ съ нимъ!—сказалъ шпіонъ,—а мы съ вами зато можемъ провести время очень весело.

Тутъ онъ очень глупо захохоталъ и вытащилъ изъ другого голенища колоду засаленныхъ картъ съ обгрызанными углами.

— Не хотите ли перекинуться по маленькой?—сказалъ онъ, подсовывая ихъ Жерому подъ носъ, какъ бы для того, чтобы послѣдній понюхалъ, какъ пахнетъ сало, которымъ они были покрыты,—это занятіе значительно скраситъ наше существованіе.

— Всегда готовъ на хорошее дѣло съ хорошимъ человѣкомъ,—отвѣчалъ Жеромъ, и не прошло получаса, какъ они уже были увлечены игрой до самозабвенія.

Съ тѣхъ поръ наступила для насъ пора полного бездѣйствія и вѣчнаго безпокойства. Мы изрѣдка могли только обмѣниваться взглядами. Одни только эти взгляды и показывали мнѣ, что Жеромъ вовсе не думаетъ бросать своей работы, о которой теперь нечего было думать даже и ночью: нашъ негодай, кажется, спалъ только однимъ глазомъ.

Мало-по-малу я пришелъ въ такое отчаяніе, что совершенно лишился сна и аппетита. Я такъ увѣровалъ въ наше освобожденіе, я до того свыкъся съ этой мыслью, что не могъ теперь безъ нея жить, и былъ очень доволенъ, когда, наконецъ, истощенный организмъ мой пересталъ принимать какую бы то ни было пищу.

Негодяй превесело уничтожалъ за меня мой обѣдъ и каждое утро съ безпокойствомъ освѣдомлялся, какъ мое здорье? есть ли у меня аппетитъ?

Я отвѣчалъ ему полусловами, увѣренный, что, если бы я теперь посягнулъ на свою порцію обѣда, то это вызвало бы у негодая самое горестное разочарованіе.

Жеромъ видѣлъ мои муки; но ничѣмъ не могъ помочь, и только въ церкви, во время церковнаго пѣнія, бросалъ мнѣ изрѣдка по нѣскольکو словъ.

Наконецъ, однажды, въ церкви, когда хоръ громко пѣлъ какую-то кантату, товарищъ нагнулъ ко мнѣ и шепнулъ:

— Я придумалъ средство избавиться отъ нашего пріятеля... Перестаньте морить себя голодомъ! Надо набираться силы, потому что скоро опять начнемъ работать.

Я такъ вѣрилъ въ находчивость своего друга, что послѣ

этихъ словъ воскресъ душою, и, придя въ камеру, съ аппетитомъ съѣлъ почти весь обѣдъ, что вызвало со стороны шпіона восклицаніе, въ которомъ не звучало особенной радости.

— Вы, кажется, поправляетесь, пріятель?

— Именно, именно!—радостно отвѣтилъ я,—и скоро надѣюсь вполнѣ выздоровѣть.

И потомъ я сдѣлался такъ веселъ, что даже проигралъ негодяю нѣсколько франковъ, чтобы ему было съ чѣмъ отправиться изъ Бастиліи.

— Я былъ о васъ худшаго мнѣнія, другъ мой,—сказалъ онъ, пряча деньги въ засаленный кожаный кошелекъ,—а въ сущности, вы также добрый малый.

— Вы дѣлаете мнѣ большую честь,—возразилъ я вѣжливо.

Я готовъ былъ говорить ему теперь комплименты, отдать всѣ деньги, какія у меня были, до того я чувствовалъ себя счастливымъ при мысли, что мы наконецъ имѣемъ возможность отъ него освободиться.

И вотъ, этотъ счастливый мигъ наступилъ!

Однажды утромъ, когда отворялась дверь, для обычной повѣрки камеръ, Жеромъ потихоньку вынулъ одну карту изъ колоды, лежавшей подъ подушкой шпіона, и бросилъ ее на полъ.

Негодяй не замѣтилъ этого маневра, а вошедшему коменданту прежде всего бросилась въ глаза карта.

— Что это такое?—воскликнулъ онъ, въ негодованіи обращаясь къ тюремщику,—ты проглядѣлъ, что здѣсь играютъ? Чьи это карты? Кто принесъ ихъ сюда съ собою?

Въ камерѣ всѣ молчали. Шпіонъ сталъ бѣлѣе мѣла, которымъ была выкрашена стѣнка; лицо Жерома выражало благочестивое сокрушеніе о случившемся; я заранѣе торжествовалъ побѣду: игра въ карты наказывалась строже, чѣмъ употребленіе спиртныхъ напитковъ.

— Вы не хотите признаваться,—бушевалъ комендантъ,—я посажу васъ всѣхъ въ каменный мѣшокъ, если вы станете упорствовать!

Но отвѣтомъ грозному начальнику было опять одно молчаніе. Негодяй отъ страха не попадалъ зубъ на зубъ.

— Сдѣлать сейчасъ же обыскъ при мнѣ по всей камерѣ!—приказалъ комендантъ.

Тюремщикъ повиновался и сейчасъ же вытащилъ двѣ колоды, одну изъ подъ подушки шпіона, другую изъ его кармана. Улики были на лицо. Несчастный такъ струсилъ, что даже не посмѣлъ просить о помилованіи.

— Убрать его отсюда сейчас же!—сказалъ комендантъ тюремщику.

Услышавъ это приказаніе, Жеромъ смиренно подошелъ къ начальнику и сказалъ:

— Милостивый государь, я рискую навлечь на себя ваше негодованіе, но все-таки не могу удержаться, чтобы не попросить васъ за этого человѣка. Прошу васъ, не изгоняйте его отсюда, мы такъ успѣли къ нему привыкнуть. И велика ли его вина? Конечно, мы немножко играли; но неужели за это онъ достоинъ такой строгой кары?

Во время этой рѣчи комендантъ бросалъ на шпиона взоры, полные ярости:

— А, вотъ какъ!—воскликнулъ онъ, наконецъ, —вотъ какъ... ступай сейчасъ же прочь отсюда!

Негодяй, опустивъ голову, сталъ собирать свои вещи; а Жеромъ опять позволилъ себѣ смиренно замѣтить:

— О, сударь, смѣю ли я еще замолвить за него хоть одно словечко!

— Ни слова!—сурово отвѣтилъ комендантъ, и Жеромъ, понизивъ головой, умолеъ.

Негодяй, забравши свой скарбъ—вышелъ. За нимъ послѣдовалъ тюремщикъ; комендантъ гордо замыкалъ шествіе.

Мы были свободны!

Я упалъ на кровать, и, рыдая, обхватилъ руками шею Жерома. Онъ покорялся моимъ объятіямъ, пытаясь насмѣшливо улыбаться; но и по его лицу текли въ это время слезы.

Мы были свободны.

(Окончаніе слѣдуетъ).

РИЧАРДЪ ОСТЛЕРЪ „КОРОЛЬ ФАБРИЧНЫХЪ ДѢТЕЙ“.

(Изъ исторіи фабричнаго законодательства въ Англіи) *).

I.

«Въ началѣ этого столѣтія, въ самый разгаръ великой борьбы между Франціей и Англіей, когда англійскіе промышленники обратились къ Питту съ жалобой, что повышеніе заработной платы препятствуетъ имъ уплачивать налоги, первый министръ произнесъ жестокія слова: «возьмите дѣтей». Эти слова тяжелымъ проклятіемъ легли на Англію». Такъ объясняетъ знаменитый французскій историкъ Мишле возникновеніе дѣтскаго труда на англійскихъ фабрикахъ. Новѣйшіе англійскіе историки доказали, что Мишле былъ не правъ, приписывая данное изреченіе Питту; но, кѣмъ-бы ни были сказаны эти «жестокія» слова, важно то, что они оказались пророческими, и что англійскіе промышленники, дѣйствительно, «взяли дѣтей» на фабричную работу.

Фабричная промышленность начала развиваться въ Англіи въ концѣ прошлаго столѣтія, со времени изобрѣтенія машинъ. Около ста лѣтъ тому назадъ, земледѣліе составляло еще главное занятіе англійскаго населенія, а производство тканей и другихъ предметовъ необходимости велось на ряду съ сельскимъ хозяйствомъ, подобно тому, какъ это и до сихъ поръ практикуется у нашихъ кустарей. Но изобрѣтеніе машинъ произвело цѣлый переворотъ въ народномъ хозяйствѣ Англіи. Ткани, изготовлявшіяся крестьянами съ помощью ручныхъ прялокъ, не могли конкурировать съ машинными издѣліями, которыя отличались и лучшимъ качествомъ, и болѣе дешевой цѣной. На ряду съ прежними домашними мастерскими, теперь стали возникать большія фабрики, которыя, мало-по-малу, распространились по всей странѣ.

Такъ какъ рабочія руки были дороги, то фабриканты, какъ уже сказано, рѣшили эксплуатировать дѣтскій трудъ. Однако,

*) Матеріаломъ для настоящей статьи послужили: Alfred: «History of the Factory-Movement»; Cooke-Taylor: «The modern Factory System» и Gibbins: «English Social Reformers» (Univ. Ext. Series).

въ началѣ этого столѣтія не легко было найти дѣтей для фабричной работы. Новоизобрѣтенныя машины приводились въ движеніе, главнымъ образомъ, водою, на подобіе водяныхъ мельницъ, и первыя фабрики строились, обыкновенно, вдали отъ городовъ, на берегу рѣчекъ или горныхъ потоковъ. Въ то время, когда появились эти фабрики, сельское населеніе Англій было еще довольно зажиточно, благодаря тому, что машины еще не успѣли вытѣснить домашняго производства, которое служило крестьянамъ крупной поддержкой въ хозяйствѣ. Поэтому, родители ни за что не соглашались посылать своихъ дѣтей на фабрику. Они считали для себя позоромъ заставлять дѣтей цѣлые дни работать въ душныхъ фабричныхъ помѣщеніяхъ, въ томъ возрастѣ, когда они должны набираться силъ и здоровья для будущей трудовой жизни. Отецъ, отдавшій своего ребенка на фабрику, дѣлался басней всего околотка.

Не имѣя возможности завербовать себѣ дѣтей окрестныхъ крестьянъ, фабриканты нерѣдко обращались къ пасторамъ и другимъ приходскимъ властямъ, завѣдующимъ рабочими домами для бѣдныхъ, и просили присылать имъ нищихъ дѣтей, содержимыхъ тамъ на счетъ общественной благотворительности. Эта комбинація оказалась очень выгодной для обѣихъ сторонъ. Администрація рабочихъ домовъ рада была освободиться отъ дѣтей, такъ какъ для нея это было нѣкоторымъ сокращеніемъ расходовъ, а фабриканты получали самую дешевую рабочую силу, какую только можно было достать въ то время: они обязывались только содержать на свой счетъ этихъ „приходскихъ подмастерій“, не платя имъ никакого жалованья. Содержаніе же ихъ, какъ увидимъ ниже, не было особенно обременительнымъ для хозяйскаго кармана. Въ назначенный день фабриканты являлись въ рабочіе дома и производили смотръ своимъ будущимъ рабочимъ. Иногда же дѣти увозились изъ рабочихъ домовъ особыми комиссіонерами, которые препровождали свой живой товаръ въ какой-нибудь крупный промышленный центръ, и затѣмъ раздавали его по рукамъ разнымъ фабрикантамъ.

Надсмотрщики рабочихъ домовъ самыми радужными красками рисовали дѣтямъ ихъ будущую жизнь на фабрикахъ: имъ рассказывали, что тамъ они сдѣлаются важными господами, будутъ ѣсть ростбифъ и сладкіе пирожки, жить въ прекрасныхъ домахъ, носить серебряные часы, и т. д. Поэтому, дѣти съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда фабриканта и наперерывъ стремились попасть въ число избранниковъ. Но горькое разочарованіе ожидало ихъ уже при самомъ вступленіи въ новую жизнь. Въмѣсто обѣщаннаго рая, они попадали на фабрику, построенную гдѣ-нибудь въ глухомъ

мѣстѣ, вдали отъ человѣческаго жилья. Ихъ заставляли, не разгибаясь, работать по 16 часовъ въ сутки, въ душныхъ, вонючихъ помѣщеніяхъ, среди оглушающаго шума тысячи вертящихся станковъ. Работа на фабрикѣ производилась и днемъ, и ночью: когда одна партія отправлялась на отдыхъ, другая принималась за работу. И такой каторжный трудъ выпадалъ на долю совсѣмъ маленькихъ ребятишекъ, начиная съ 5-лѣтняго возраста. Когда, изнемогая отъ усталости, дѣти на минутку отрывались отъ работы, чтобы отдохнуть, ихъ тотчасъ же побоями заставляли снова приниматься за нее. Случалось, что, выбившись изъ силъ, они начинали дремать надъ машиной, продолжая работу машинально. Можно себя представить, какъ часто при такихъ обстоятельствахъ происходили разные несчастные случаи, и дѣтямъ то и дѣло приходилось расплачиваться потерей или изуродованіемъ руки за свою несвоевременную сонливость.

О томъ, какую жизнь дѣтямъ приходилось вести на фабрикахъ и какъ съ ними обращались, можно составить себѣ понятіе по подлинному разсказу одного изъ рабочихъ, Роберта Блинко, который съ дѣтства работалъ на фабрикахъ и на себѣ испыталъ все то, о чемъ онъ говоритъ. Разсказъ этотъ, появившійся въ одномъ изъ журналовъ въ 1828 г. и затѣмъ изданный отдѣльно, былъ перевѣренъ, и оказалось, что въ немъ нѣтъ никакого преувеличенія, хотя факты, разсказываемые Блинко о жестокости обращенія съ дѣтьми, намъ теперь кажутся просто невѣроятными.

Робертъ Блинко былъ сиротой и съ четырехъ лѣтъ жилъ въ рабочемъ домѣ; 7-ми лѣтъ, его, вмѣстѣ съ 80-ю другими дѣтьми, отправили на хлопчатобумажную фабрику близъ Ноттингэма. На этой первой фабрикѣ, по словамъ Блинко, жилось лучше, чѣмъ на всѣхъ остальныхъ, на которыхъ ему пришлось перебивать. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь его постоянно били, таскали за волосы и бранили. Будучи маленькаго роста и слабымъ, онъ никакъ не могъ поспѣвать за машиной, и надсмотрщикъ колотилъ его за это, несмотря на всѣ увѣренія ребенка, что онъ не можетъ скорѣе работать. Домъ, въ которомъ помѣщались дѣти, ихъ пища и одежда—все это было въ самомъ ужасномъ видѣ, но, сравнительно, было еще сносно. Блинко работалъ на этой фабрикѣ 4 года, затѣмъ она прекратила свое существованіе, и его, вмѣстѣ съ остальными дѣтьми, перевели на другую фабрику. Тутъ начинается настоящій мученичество несчастнаго ребенка. Назиратели на этой фабрикѣ изопрямись въ жестокомъ обращеніи съ дѣтьми. Такъ, Блинко разсказываетъ, что однимъ изъ наиболѣе частыхъ наказаній было бросаніе въ голову дѣтямъ деревянныхъ

цилиндровъ, составляющихъ одну изъ частей ткацкаго станка. Цилиндры эти нерѣдко разбивали дѣтямъ голову до крови, что доставляло надзирателямъ величайшее удовольствіе. Прежде чѣмъ одна рана успѣвала зажить, они уже заботились о томъ, чтобы еще разъ расшибить ребенку голову такимъ же способомъ, и Блинко говоритъ, что у него нерѣдко вся голова бывала въ ранахъ, причинявшихъ такую ужасную боль, что онъ совсѣмъ не могъ спать, несмотря на страшное утомленіе отъ дневной работы. Иногда дѣтямъ удавалось залѣплять раны на головѣ пластыремъ, и одинъ изъ надзирателей, котораго называли «страшнымъ докторомъ», забавлялся тѣмъ, что сдиравъ эти пластыри съ незажившихъ еще ранъ. Одной изъ часто примѣнявшихся исправительныхъ мѣръ было слѣдующее истязаніе: дѣтямъ связывали за спиной обѣ руки, привязывали къ рукамъ одну изъ ногъ и заставляли ихъ прыгать на другой, свободной ногѣ. Если они при этомъ двигались съ недостаточной быстротой, то надзиратели, для поощренія, закатывали имъ въ спину удары кулакомъ, или бросали въ голову деревянные цилиндры. Остальныя наказанія были въ такомъ же родѣ: имъ до крови щипали уши, сжимали носъ и уши ручными тисками и заставляли работать съ такими украшеніями, и били, нещадно били всѣми возможными способами. До какой невѣроятной жестокости доходило на этой фабрикѣ обращеніе съ дѣтьми, можно судить по слѣдующему факту: при фабрикѣ жилъ спеціальныи кузнецъ, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы, въ случаѣ надобности, заковывать въ кандалы подмастерій, пытавшихся бѣжать (а такіе случаи бывали нерѣдко). Надо думать, что человекъ, избравшій себѣ подобную спеціальность, не могъ обладать особенно чувствительными нервами, а между тѣмъ, даже онъ не могъ вынести постоянныхъ криковъ и стоновъ истязуемыхъ дѣтей и, сидя въ своей мастерской, помѣщавшейся въ подвальномъ этажѣ, принимался иногда изо всей силы стучать въ потолокъ, чтобы заглушить по возможности «эти дьявольскіе звуки».

Нечего и говорить, что условія жизни фабричныхъ подмастерій были самыя негигіеничныя, какія только можно себѣ вообразить: они жили въ тѣсныхъ, грязныхъ помѣщеніяхъ и постоянно голодали. Завтракъ, состоящій изъ мучной похлебки, назначался въ 8 ч. утра; но такъ-какъ работы въ это время не останавливались, то завтракъ иногда отодвигался до 11 и даже 12 часовъ, и дѣти все это время, съ 5 час. утра, оставались безъ пищи. На обѣдъ отводилось 40 мин., причемъ половина этого времени уходила на чистку машинъ. Иногда же, во время очень спѣшной работы, дѣтей задерживали на фабрикѣ и въ обѣденное время. Въ такомъ случаѣ

они оставались безъ пищи и отдыха втеченіи 16 часовъ. По субботамъ работа, обыкновенно, продолжалась до полуночи, а иногда и до 6 ч. слѣдующаго утра. Обѣдъ состоялъ изъ вареной свинины самаго низшаго сорта; воду, въ которой она варилась, подправляли мукой и подавали дѣтямъ на ужинъ и на слѣдующей день на завтракъ. Блинко говоритъ, что эта похлебка издавала такой отвратительный запахъ, что противно было подойти близко къ мискѣ, но голодъ заставлялъ пересиливать отвращеніе. Дѣти, въ буквальномъ смыслѣ слова, питались хуже, чѣмъ свиньи. Пища откармливаемыхъ свиней служила для нихъ предметомъ страшной зависти. Помѣщеніе дѣтей соприкасалось со свинымъ хлѣвомъ, и они зорко слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось у ихъ сосѣдей. Какъ только они замѣчали, что пастухъ куда-нибудь выходилъ, одинъ изъ мальчиковъ прокрадывался въ хлѣвъ, и старался забрать елико возможно больше мучныхъ колобковъ, которыми откармливали свиней. Эта добыча дѣлилась затѣмъ между голодными ребятами. Но свиньи, несмотря на всю свою глупость, вскорѣ научились оберегать свою пищу отъ этихъ непрошенныхъ конкурентовъ. Какъ только кто-нибудь изъ дѣтей появлялся въ хлѣву, тамъ поднималось такое оглушительное хрюканье, что оно достигало ушей пастуха, и онъ съ кнутомъ въ рукѣ спѣшилъ на защиту своихъ питомцевъ.

Естественно, что при такихъ условіяхъ фабрики представляли чрезвычайно благопріятную почву для всякихъ болѣзней и эпидемій. Ухода за больными никакого не было, и смертность среди дѣтскаго персонала фабричныхъ рабочихъ бывала такъ велика, что, напримѣръ, на той фабрикѣ, гдѣ работалъ Блинко, дѣтей часто хоронили ночью, тайкомъ, безъ всякихъ церковныхъ обрядовъ, чтобы не обращать вниманія окружающихъ на огромное количество умиравшихъ.

Разумѣется, не на всѣхъ фабрикахъ съ дѣтьми обращались съ такой изысканной жестокостью, но уже одно то, что 8—9-лѣтнихъ дѣтей заставляли работать безъ перерыва по 16 ч. въ сутки,—достаточно доказываетъ весь ужасъ и всю ненормальность фабричныхъ порядковъ того времени. А такая непосильная продолжительная работа несомнѣнно была тогда общимъ правиломъ.

Фабрика, на которой работалъ Блинко, конечно, принадлежала къ числу худшихъ. Возьмемъ-же теперь фабрику, гдѣ условія труда были лучшими для своего времени, и посмотримъ, какъ тамъ жилось дѣтямъ. Одной изъ такихъ фабрикъ является Нью-Ланаркская, принадлежавшая м-ру Дэлю въ Шотландіи. М-ръ Дэль былъ человѣкъ образованный и гуманный, хорошо относившійся къ своимъ рабочимъ, и вовсе не желавшій ихъ эксплуати-

ровать. На его фабрикѣ работало нѣсколько сотъ дѣтей, взятыхъ изъ рабочихъ домовъ, и дѣти эти были поставлены въ сравнительно очень благоприятныя условия: они жили въ хорошихъ помѣщеніяхъ, каждый день, втеченіи опредѣленнаго времени, пользовались отдыхомъ и гуляли въ паркѣ; наконецъ, они получали элементарное образованіе. Самъ м-ръ Дэль былъ очень добръ къ своимъ малолѣтнимъ рабочимъ и, посѣщая фабрику, нерѣдко привозилъ имъ въ подарокъ разныя бездѣлушки. Современники м-ра Дэля считали его фабрику образцовымъ учрежденіемъ и осыпали похвалами ея владѣльца. И, тѣмъ не менѣе, даже у этого образцоваго фабриканта, выдѣлявшагося изъ среды прочихъ своимъ исключительно - хорошимъ отношеніемъ къ рабочимъ, пятилѣтнія дѣти работали по 13 часовъ въ сутки!

По мѣрѣ развитія крупной промышленности, постепенно измѣнялись и условія фабричнаго труда. Примѣненіе парового двигателя избавило фабрикантовъ отъ необходимости устраивать свои фабрики вблизи рѣкъ, и они перенесли ихъ въ города, гдѣ гораздо легче было найти рабочихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и необходимость брать на фабрики сиротъ изъ рабочихъ домовъ. Среди городского населенія было достаточно неимущихъ людей, которыхъ нужда заставляла жертвовать здоровьемъ дѣтей и которые въ изобиліи поставляли фабрикантамъ дешевыя рабочія руки. Эти дѣти уже не жили на фабрикѣ и не содержались на счетъ фабриканта, какъ «приходскіе подмастерья». Они жили у своихъ родителей и, также какъ и взрослые рабочіе, получали за свой трудъ извѣстное вознагражденіе. Но положеніе ихъ было нисколько не лучше положенія «приходскихъ подмастерій» и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже хуже, такъ какъ они находились уже совершенно «внѣ закона». Нужно замѣтить, что «приходскіе подмастерья», хотя и номинально, все-жъ таки ограждались закономъ 1802 г. Законъ этотъ представлялъ слабую попытку защитить интересы дѣтей, работающихъ на фабрикахъ: онъ ограничивалъ рабочій день для дѣтей 12-ю часами и устанавливалъ обязательность элементарнаго обученія. Но онъ не устанавливалъ никакого предѣльнаго возраста для поступленія на фабрику и, главное, не устанавливалъ никакого надзора за исполненіемъ указанныхъ предписаній, которыя (какъ видно изъ всего сказаннаго выше) оставались на дѣлѣ мертвой буквой. Съ переходомъ же фабрикъ въ города, законъ 1802 г. утратилъ всякое значеніе, такъ какъ онъ относился только къ «приходскимъ подмастерьямъ», къ живущимъ на фабрикахъ, и не распространялся на всѣхъ дѣтей вообще, занятыхъ въ фабричномъ производствѣ. Такимъ образомъ, эти дѣти

совершенно не ограждались отъ произвола фабрикантовъ и были всецѣло предоставлены во власть своихъ хозяевъ.

Первымъ, кто выступилъ на защиту фабричныхъ дѣтей, былъ знаменитый общественный дѣятель и писатель Робертъ Овэнъ. Онъ былъ женатъ на дочери фабриканта (того самаго м-ра Дэля, о которомъ уже была рѣчь выше) и, перекупивъ фабрику у своего тестя, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ лично управлялъ ею. Фабрика тогда пришла въ цвѣтущее состояніе, и положеніе рабочихъ, дѣйствительно, очень измѣнилось къ лучшему. Но Овэнъ не ограничился филантропической дѣятельностью среди подвѣдомственныхъ ему рабочихъ: присмотрѣвшись ближе къ фабричнымъ порядкамъ, онъ убѣдился, что они требуютъ коренной реформы. Особенное вниманіе онъ обратилъ на положеніе «фабричныхъ дѣтей» и составилъ даже проектъ объ ограниченіи дѣтской работы на фабрикахъ. Проектъ этотъ, который онъ въ 1815 г. представилъ сэру Роберту Пилу-старшему, бывшему тогда первымъ министромъ Англіи, заключался въ слѣдующемъ: дѣтямъ, моложе 10-ти лѣтъ, совсѣмъ запрещалась работа на фабрикахъ, а подростки отъ 10—18 лѣтъ должны были работать не болѣе 10 ч. въ сутки.

Если бы проектъ Овэна былъ принятъ, то охрана дѣтей, проведенная въ настоящее время англійскимъ фабричнымъ законодательствомъ, была бы осуществлена на 30 лѣтъ раньше. Но чтобы добиться отъ парламента такой охраны, понадобилось 30 лѣтъ упорной и ожесточенной борьбы.

Сэръ Робертъ Пилъ, сочувственно отнесшійся къ проекту Овэна, не рѣшился даже внести его въ парламентъ, изъ боязни возбудить недовольство засѣдавшихъ тамъ фабрикантовъ. Онъ ограничился тѣмъ, что поднялъ въ одномъ изъ парламентскихъ засѣданій вопросъ о положеніи дѣтей на фабрикахъ, и парламентъ назначилъ особую комиссію для изслѣдованія вопроса. Комиссію обратилась къ фабрикантамъ и другимъ лицамъ, прикосновеннымъ къ фабричному дѣлу, и спрашивала ихъ, какъ живетъ дѣтямъ на фабрикахъ. Въ качествѣ представителей науки спрашивались также и доктора, которые должны были рѣшить вопросъ, не имѣетъ ли фабричный трудъ вреднаго вліянія на здоровье дѣтей. Большинство фабрикантовъ, разумѣется, заявило, что дѣтямъ на фабрикахъ живетъ прекрасно, и что правительственное вмѣшательство въ это дѣло можетъ только повредить, такъ какъ оно возбудитъ недовольство среди ихъ родителей и внесетъ несогласіе въ семьи. Фабриканты изъ графствъ Ноттингэма и Дерби представили даже свидѣтельства, подписанныя мѣстными властями и

священниками, въ которыхъ удостовѣрялось, что на всѣхъ фабрикахъ въ ихъ краю дѣтскій трудъ обставленъ наилучшимъ образомъ. (Въ окрестностяхъ Ноттингэма находилась, между прочимъ, и та образцовая фабрика, гдѣ работалъ Блинко). Но особенно любопытны показанія докторовъ. Одинъ изъ нихъ на вопросъ: «считаетъ ли онъ необходимымъ для дѣтей имѣть небольшой отдыхъ въ теченіи дня?»—рѣшительно отвѣтилъ: «Я не считаю этого необходимымъ». Другой медикъ пошелъ еще дальше: опираясь на опытъ 24-хъ-лѣтней медицинской практики, онъ заявилъ, что, по его мнѣнію, дѣти могутъ безъ ущерба для себя работать безъ перерыва втеченіи 23-хъ часовъ. Когда же его спросили, можетъ ли онъ сказать то же самое про 24-хъ-часовую работу, онъ замѣтилъ, что «не въ состояніи указать никакой границы». Наконецъ, третій докторъ утверждалъ, что постоянное вдыханіе пыли и хлопковыхъ волоконъ нисколько не вредно для дѣтскихъ легкихъ. Попадались, правда, и показанія совершенно другого характера. Нѣкоторые доктора указывали на огромную смертность среди фабричнаго населенія, на большой процентъ золотушныхъ и болѣзненныхъ дѣтей среди работающихъ на фабрикахъ. Упомянулось также, что при настоящихъ условіяхъ фабричной работы дѣти совершенно лишены возможности получать даже самое первоначальное образованіе. Но всѣ эти свидѣтельства не произвели особеннаго впечатлѣнія на парламентъ, среди членовъ котораго было много фабрикантовъ и промышленниковъ, естественно возстававшихъ противъ всякаго заступничества правительства за рабочихъ. Тѣмъ не менѣе, въ 1819 г. былъ изданъ законъ, запрещающій работу на фабрикахъ дѣтямъ моложе 9 лѣтъ, и ограничивающій работу дѣтей старше этого возраста 12-ю часами въ сутки. Но законъ этотъ относился только къ хлопчатобумажной промышленности, такъ что на всѣхъ остальныхъ фабрикахъ попрежнему могли приниматься 5-ти-лѣтнія дѣти. Кромѣ того, правительство опять-таки не установило никакого надзора за исполненіемъ новаго закона, который, поэтому, опять остался мертвой буквой; фактически на фабрикахъ продолжали царствовать совершенно такіе же порядки, какъ и раньше, и дѣти попрежнему были беззащитны.

Только въ 30-хъ годахъ вопросъ этотъ снова всплываетъ, изъ за него начинается многолѣтняя и ожесточенная борьба, въ исторіи которой выступаетъ на первый планъ благородная, трогательная въ своей простой добротѣ личность Ричарда Остлера, прозваннаго «королемъ рабочихъ дѣтей».

II.

Остлеръ былъ управляющимъ одного большого имѣнья, находившагося въ центрѣ промышленнаго графства Йоркшира. Онъ былъ извѣстенъ, какъ очень добрый и искренно религиозный человѣкъ, готовый помочь всякому; отъ политики онъ стоялъ въ сторонѣ, и занимался сельскимъ хозяйствомъ и воспитаніемъ своихъ дѣтей. У него уже были взрослые сыновья, когда онъ сдѣлался однимъ изъ вождей общественнаго движенія въ защиту фабричныхъ дѣтей. На этотъ новый путь онъ вступилъ совершенно случайно—сама жизнь толкнула его туда.

Въ качествѣ управляющаго имѣніемъ, Остлеру почти не приходилось сталкиваться съ фабричными рабочими, хотя имѣніе, въ которомъ онъ былъ управляющимъ, находилось вблизи промышленнаго городка Гуддерсфильда, гдѣ было очень много фабрикъ. Но по самому роду своихъ занятій Остлеру приходилось имѣть дѣло преимущественно съ крестьянскимъ населеніемъ, и только совершенно случайно узналъ онъ отъ одного своего знакомаго, фабриканта м-ра Вуда, о томъ ужасномъ положеніи, въ какомъ находятся фабричные рабочіе и, въ особенности, фабричныя дѣти. М-ръ Вудъ разсказалъ ему, какой непосильный трудъ несутъ на себѣ дѣти, въ какихъ ужасныхъ условіяхъ они живутъ и какъ жестоко съ ними обращаются. Остлеръ былъ чрезвычайно пораженъ разсказомъ своего друга и захотѣлъ поближе познакомиться съ этимъ вопросомъ.

Онъ отправился осматривать находящіяся по сосѣдству фабрики и убѣдился во-очію, что въ словахъ Вуда не только не было никакого преувеличенія, но что дѣйствительность даже превосходила его описанія. Все это произвело сильное впечатлѣніе на добраго старика, и онъ рѣшился во что-бы то ни стало добиться улучшенія участи фабричныхъ дѣтей и всю свою остальную жизнь посвятилъ этому дѣлу. Личность Остлера интересна именно тѣмъ, что онъ раньше никогда не думалъ объ общественной дѣятельности и не готовился къ ней, а выступилъ на этотъ путь уже старикомъ, движимый исключительно христіанскимъ чувствомъ состраданія и любви къ дѣтямъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не пошелъ избитой дорогой частной благотворительности, а избралъ болѣе трудный, но зато и болѣе плодотворный путь коренной законодательной реформы и послѣ многихъ лѣтъ неустаннаго труда и борьбы, дѣйствительно, достигъ намѣченной цѣли. О томъ, какимъ образомъ онъ сдѣлался защитникомъ фабричныхъ дѣтей, самъ Остлеръ разсказываетъ слѣдующее:

«Однажды, когда я былъ въ гостяхъ у моего друга, м-ра Вуда, онъ, къ моему великому удивленію, сообщилъ мнѣ, что я живу невдалекѣ отъ города, гдѣ человѣческія существа — маленькія дѣвочки и мальчики—ежедневно приносятся въ жертву за деньги. Я не берусь описать вамъ, съ какими чувствами я ложился спать въ этотъ вечеръ. Я велѣлъ слугѣ разбудить себя въ 4 часа утра на другой день, такъ какъ мнѣ нужно было ѣхать довольно далеко по дѣлу. Когда слуга разбудилъ меня, онъ сказалъ: «м-ръ Вудъ желаетъ еще повидаться съ вами, прежде чѣмъ вы уѣдете», и провелъ меня въ спальню своего барина. Другъ мой былъ въ постели, но не спалъ, а сидѣлъ, облокотившись на столикъ, стоявшій около его кровати. На этомъ столикѣ стояли двѣ свѣчи и между ними лежала библія. Когда я подошелъ къ нему, онъ протянулъ мнѣ руку и, крѣпко пожавъ ее, сказалъ: «Я не могъ спать эту ночь. Я читалъ эту книгу и на каждой страницѣ ея видѣлъ обвинительный приговоръ себѣ. Я не могу разстаться съ вами, прежде чѣмъ вы не дадите мнѣ клятвы, что употребите всѣ свои силы на то, чтобы искоренить изъ нашихъ фабрикъ тѣ жестокости, которыя теперь тамъ практикуются...» Я обѣщалъ своему другу, что сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ, и чувствовалъ въ эту минуту, что мы оба находимся въ присутствіи Небеснаго Отца, и что клятва моя услышана въ небесахъ. И я не измѣнилъ этой клятвѣ...»

Первымъ шагомъ къ борьбѣ была статья Остлера «Рабство въ Йоркширѣ», появившаяся въ одной изъ мѣстныхъ газетъ въ сентябрѣ 1830 г. Въ это время въ англійскомъ обществѣ существовало сильное движеніе противъ рабства въ Вестъ-Индіи. Вопросъ этотъ обсуждался въ парламентѣ и очень волновалъ общественное мнѣніе. Остлеръ, который раньше тоже былъ захваченъ этимъ движеніемъ и горячо ратовалъ противъ вестъ-индскихъ рабовладѣльцевъ, воспользовался злобой дня для своей новой цѣли. Въ статьѣ «Рабство въ Йоркширѣ» онъ говорилъ, что вмѣсто того, чтобы распинаться за рабовъ въ далекой Вестъ-Индіи, англичанамъ не мѣшало бы повнимательнѣе присмотрѣться къ тому, что происходитъ у нихъ передъ глазами: въ самой Англіи существуютъ многія тысячи рабовъ, положеніе которыхъ нисколько не легче, чѣмъ положеніе вестъ-индскихъ рабовъ, и рабы эти—фабричныя рабочіе и ихъ дѣти.

Появленіе статьи Остлера было важнымъ событіемъ въ исторіи англійскаго фабричнаго законодательства. До этого времени движеніе въ пользу огражденія рабочихъ и ихъ дѣтей отъ произвола фабрикантовъ имѣло случайный характеръ и представителями его были, по большей части, люди, чуждые народной массѣ; те-

перь же, подѣ влияніемъ статей Остлера и его неутомимой дѣятельности въ качествѣ оратора, выросло крупное общественное движеніе, поставившее задачей—добиться отміны дѣтскаго труда на фабрикахъ. Первая же статья Остлера обратила на себя общее вниманіе и вызвала оживленную полемику въ газетахъ, изъ которой Остлеръ вышелъ полнымъ побѣдителемъ. Всѣ факты, приводимые имъ, оказались совершенно вѣрными, и вслѣдъ за тѣмъ въ газетахъ начали появляться многочисленныя корреспонденціи, сообщавшія все новыя и новыя данныя о положеніи дѣтей на фабрикахъ.

Особенно заинтересовались статьями Остлера рабочіе, которые на своихъ митингахъ постановляли нерѣдко выразить благодарность Остлеру за то, что онъ возбудилъ въ обществѣ интересъ къ положенію дѣтей на фабрикахъ. Гуддерсфильдскіе рабочіе отправили къ Остлеру депутацію, чтобы переговорить съ нимъ о фабричныхъ дѣлахъ и предложить ему свою помощь въ борьбѣ, которую онъ предполагалъ начать. Вотъ какъ самъ Остлеръ рассказываетъ объ этой депутаціи:

«Въ одно воскресное утро, когда я со своей семьей собирался идти въ церковь, ко мнѣ пришли нѣсколько человекъ рабочихъ изъ Гуддерсфильда. Они сказали мнѣ, что прочли мои газетныя статьи о «іоркширскомъ рабствѣ» и желаютъ поговорить со мной о нихъ, передать мнѣ отъ имени товарищей благодарность и предложить мнѣ свою помощь. Я сказалъ, что иду теперь въ церковь, но что во всякій другой день радъ буду поговорить съ ними. Они отвѣтили: «Воскресенье, сэръ, единственный день, когда мы можемъ придти къ вамъ. Всѣ остальные дни мы заняты на фабрикѣ съ ранняго утра и до поздней ночи». Я посоветовался съ моей женой, и мы оба рѣшили, что мнѣ слѣдуетъ остаться и поговорить съ ними; семья моя безъ меня отправилась въ церковь. Рабочіе сообщили мнѣ много очень интересныхъ и полезныхъ свѣдѣній. Я съ большимъ интересомъ слушалъ все, что они мнѣ рассказывали, и былъ пораженъ ихъ интеллигентностью и учтивостью. Мнѣ часто приходилось видѣть бѣдняковъ въ болѣзни и несчастьи, въ ихъ собственныхъ домахъ, или въ богадѣльняхъ и больницахъ, но до этого дня мнѣ никогда не случалось говорить съ рабочими о дѣлахъ, касающихся ихъ самихъ, какъ съ представителями извѣстнаго класса. Мнѣ показалось, что передо мной открываются новые горизонты: эти рабочіе поразили меня своими знаніями и смысленностью, съ какою они излагали мнѣ эти знанія. Но все-таки мнѣ казалось, что намъ трудно будетъ работать вмѣстѣ, такъ какъ они принадлежали къ радикаламъ, а я былъ тори (кон-

серваторомъ) и приверженцемъ церкви. Они думали иначе. Послѣ продолжительныхъ разговоровъ, мы рѣшили соединиться для общей работы, съ тѣмъ, чтобы никогда не касаться политическихъ и религіозныхъ вопросовъ».

Союзъ съ рабочими имѣлъ для Остлера большое значеніе. Въ то время среди іоркширскихъ рабочихъ существовала сплоченная организація, которая могла быть очень полезна при парламентскихъ выборахъ и вообще при агитаціи въ пользу проведенія извѣстной мѣры въ парламентѣ. Такимъ образомъ, дѣло, которое задумалъ Остлеръ, получило извѣстную почву и изъ области благородныхъ мечтаній могло перейти въ жизнь. Въ своихъ дальнѣйшихъ статьяхъ, обращенныхъ уже прямо къ рабочимъ, Остлеръ писалъ, что имъ слѣдуетъ добиваться отъ парламента трехъ вещей:

- 1) запрещенія дѣтямъ, моложе 9 лѣтъ, работать на фабрикахъ;
- 2) ограниченія работы подростковъ отъ 9 до 18 лѣтъ 10-ю часами въ сутки;
- 3) запрещенія ночной работы лицамъ, не достигшимъ 21-го года.

Наиболѣе существеннымъ изъ этихъ 3-хъ пунктовъ былъ 2-й, ограничивающій работу подростковъ 10-ю часами въ сутки. Онъ имѣлъ огромное значеніе потому, что если бы удалось добиться этой мѣры по отношенію къ подросткамъ, то этимъ самымъ сократился бы и рабочій день для взрослыхъ рабочихъ, такъ какъ безъ подростковъ фабрика не въ состояніи работать. «Десяти-часовой рабочій день для подростковъ» означалъ въ сущности 10-ти-часовой рабочій день для всѣхъ, работающихъ на фабрикахъ. Естественно, поэтому, что англійскіе рабочіе тотчасъ же откликнулись на воззваніе Остлера, и поднятое имъ движеніе получило названіе «движенія въ пользу 10-ти-часоваго рабочаго дня» (Ten-hours bill movement).

Остлеръ, при содѣйствіи своихъ новыхъ союзниковъ, взялся руководить внѣ-парламентской агитаціей и обсуждать этотъ вопросъ въ литературѣ. Но этого было недостаточно: нужно было найти среди парламентскихъ депутатовъ человѣка, который согласился бы защищать требованія рабочихъ въ парламентѣ, гдѣ въ то время не было еще ни одного представителя отъ самихъ рабочихъ. Такой человѣкъ нашелся. Это былъ консервативный ирландскій депутатъ Сэдлеръ, согласившійся внести въ парламентъ билль о десяти-часовомъ рабочемъ днѣ.

Сэдлеру пришлось выступить въ очень неблагоприятный для дѣла моментъ. Тридцатые годы были періодомъ блестящаго расцвѣта англійской промышленности. Фабриканты и промышлен-

ники сдѣлались тогда крупной общественной силой и оказывали огромное вліяніе на общество и на правительство. За ними было обезпечено большинство въ парламентѣ, и они вовсе не склонны были проводить такія мѣры, которыя были имъ прямо убыточны. Поэтому, они всѣми силами противились фабричному законодательству. Они вzywали къ патріотическому чувству англичанъ, доказывая, что если только будетъ запрещена работа дѣтей на фабрикахъ, то англійскіе фабриканты раззорятся, Англія не будетъ въ состояніи конкурировать съ другими странами на международномъ рынкѣ, и все богатство и могущество Англіи пойдетъ прахомъ. Всѣ наиболѣе выдающіеся представители экономической науки того времени открыто стали на ихъ сторону. Ученые утверждали, что правительство не имѣетъ права вмѣшиваться въ отношенія между предпринимателями и рабочими, и что промышленность только тогда будетъ развиваться нормально, когда она будетъ совершенно предоставлена самой себѣ и освобождена отъ всякихъ стѣсненій. Охрана дѣтей и законодательное ограниченіе рабочаго дня считалось однимъ изъ самыхъ опасныхъ и вредныхъ стѣсненій. Самый вліятельный экономической журналъ того времени—«The Economist»—все время велъ ожесточенную борьбу противъ фабричнаго законодательства. Газеты ссыпали насмѣшками Остлера и его друзей, которые рѣшились выступить на такую неравную борьбу. И дѣйствительно, борьба была неравная: съ одной стороны стояли сильные, богатые, сплоченные представители промышленности (фабриканты, желѣзнодорожники, банкиры и пр.), поддерживаемые наукой и печатью; съ другой—небольшой кружокъ совершенно невліятельныхъ частныхъ лицъ и фабричныя рабочіе. Но инициаторы движенія твердо вѣрили въ правоту своего дѣла и смѣло выступили на борьбу.

Начиная отъ промышленныхъ центровъ и кончая самыми глубокими, отдаленными деревушками—вездѣ усиленно ратовали за 10-ти часовую рабочій день. Въ газетахъ постоянно помѣщались статьи и корреспонденціи, посвященныя этому вопросу. Повсюду происходили митинги, куда стекались тысячи народа и гдѣ говорили вожаки движенія—Остлеръ, Сэдлеръ, Вудъ и др. Остлеръ сразу приобрѣлъ себѣ громадную популярность на этихъ митингахъ. Рѣчи его не отличались блестящимъ остроуміемъ или изысканнымъ краснорѣчіемъ, которое создаетъ успѣхъ ораторамъ, но онъ умѣлъ говорить необыкновенно просто, убѣдительно и тепло, и слова его находили себѣ откликъ въ сердцахъ рабочихъ, ремесленниковъ и крестьянъ, составлявшихъ его аудиторію. Рѣчь его

Не блистала красотой,
Но обладалъ онъ тайной слова,
Доступнаго душѣ простой.

Онъ не прибѣгалъ ни къ какимъ ораторскимъ эффектамъ, а попросту разговаривалъ со своими слушателями о томъ, что у каждаго изъ нихъ давно наболѣло на душѣ, и всѣ съ жадностью прислушивались къ его словамъ. Массы народа стекались на митинги, гдѣ онъ говорилъ, и вскорѣ за нимъ установились прозвища: «короля рабочихъ дѣтей», «фабричнаго короля» и даже просто «короля Ричарда». Остлеръ рассказываетъ, что этотъ высокій титулъ достался ему слѣдующимъ образомъ: «Когда маленькіе школьники за что-нибудь разсердятся на большихъ, они оплачиваютъ имъ тѣмъ, что даютъ имъ прозвища. Совершенно также поступали мои богатые и могущественные враги—они давали мнѣ прозвище за прозвищемъ и въ концѣ концовъ окрестили меня «королемъ». Я, съ своей стороны, тотчасъ же присваивалъ себѣ всякое прозвище и, такимъ образомъ, обезоруживалъ ихъ. Они называли меня «глупомъ»,— я соглашался съ ними и говорилъ: «пусть я глупецъ, но все-таки ваша тиранія скоро прекратится». Они называли меня «сумасшедшимъ»,— я опять соглашался и говорилъ: «пусть будетъ такъ, но все-таки побѣда останется за вами». Однажды они въ насмѣшку назвали меня «королемъ». Я, по обыкновенію, принялъ и эту кличку, но она такъ и осталась за мной. Рабочіе схватились за это прозвище, данное мнѣ врагами, и съ тѣхъ поръ, когда я появляюсь среди нихъ, меня привѣтствуютъ не иначе, какъ «короля Ричарда». Такимъ образомъ, теперь я сдѣлался «королемъ» и для друзей, и для враговъ».

Митинги, на которыхъ обсуждался вопросъ о 10-тичасовомъ рабочемъ днѣ, имѣли совершенно особый характеръ и не были похожи на обыкновенные политическіе митинги: на нихъ, вмѣстѣ съ рабочими, присутствовали и ихъ жены съ грудными младенцами, и старухи-матери, и дѣти, сами работающія на фабрикѣ. Рѣчи постоянно прерывались восклицаніями негодованія или сочувствія со стороны присутствующихъ, многіе плакали. По окончаніи рѣчей пѣлись хоромъ пѣсни, сочиненныя специально для этого случая, и общее одушевленіе охватывало всѣхъ.

На публичныхъ лекціяхъ для интеллигентной публики сообщались свѣдѣнія изъ анатоміи и фізіологіи человѣка и указывалось на разрушающее вліяніе непосильной работы на человѣческой организмъ. При этомъ показывались фотографіи искалѣченныхъ рабочихъ и т. д. Словомъ, Остлеръ и его сообщники пользовались всѣми возможными средствами, чтобы возбудить въ обществѣ состраданіе къ фабричнымъ рабочимъ, и [такая дѣятельность, конечно, создала имъ массу ожесточенныхъ враговъ среди фабрикантовъ.

Самый большой из іоркширскихъ митинговъ по поводу «билля о десяти-часовомъ рабочемъ днѣ» былъ грандіозный митингъ въ Іоркѣ 24 апр. 1832 г., имѣвшій цѣлю доказать парламенту, какъ горячо сочувствуетъ іоркширское населеніе этому биллю. На митингъ собрались представители не только всѣхъ главнѣйшихъ городовъ Іоркшира, но также и представители различныхъ деревень. Тысячи народа, въ томъ числѣ и женщинъ, и работающихъ на фабрикахъ дѣтей, стекались со всѣхъ концовъ Іоркшира.

Приготовленія къ нему чрезвычайно взволновали мѣстное общество. Возникли опасенія, что рабочіе на своемъ пути будутъ раззорять дома фермеровъ, что произойдутъ всевозможные поджоги, кражи и т. д. Но эти опасенія оказались совершенно неосновательными: митингъ прошелъ въ образцовомъ порядкѣ, имущество окрестныхъ жителей осталось неприкосновеннымъ, и манифестація удалась вполнѣ.

Въ деревняхъ и фабричныхъ мѣстечкахъ дѣлались сборы для доставленія пилигримамъ свѣстныхъ припасовъ во время пути. Главное затрудненіе состояло въ томъ, что ни у кого не было подходящей обуви для предстоящаго долгаго путешествія. Нѣкоторые на прокатъ брали сапоги у сосѣдей, а другіе, болѣе энергичные и болѣе бѣдные, просто обертывали себѣ ноги кусками смазной кожи и безстрашно пускались въ путь въ такихъ незатѣйливыхъ ботинкахъ.

Огромныя массы народа въ большомъ порядкѣ двигались по направленію къ Іорку, распѣвая свои пѣсни про «маленькихъ фабричныхъ дѣтей». Первая остановка была въ Лидсѣ. Отдохнувъ тамъ нѣсколько часовъ, вся толпа къ вечеру опять двинулась въ путь. Ночь была очень темная. Нѣкоторые изъ путниковъ запаслись своеобразными свѣтильниками въ видѣ пучка старыхъ веревокъ, привязанныхъ къ палкѣ. Освѣщая себѣ путь такими факелами, процессія съ пѣснями двигалась впередъ и къ утру достигла Іорка. Но тутъ случилось одно непріятное обстоятельство: въ Іоркѣ для путниковъ долженъ былъ быть приготовленъ завтракъ изъ хлѣба, сыра и пива, но, по ошибкѣ распорядителей, хлѣбъ и сыръ были отправлены въ другое мѣсто, и усталымъ проголодавшимся пилигримамъ пришлось довольствоваться однимъ пивомъ. Въ толпѣ поднялся ропотъ, но какъ только появился Остлеръ, недовольные голоса сразу стихли, и всѣ, какъ одинъ человекъ, восторженно привѣтствовали его криками: «да здравствуетъ король Ричардъ!».

Старый городъ Іоркъ никогда еще не видалъ въ своихъ стѣнахъ такого страннаго собранія: явившіеся сюда со всѣхъ концовъ Іоркшира гости были почти исключительно оборванные, ни-

щенски одѣтые люди, измученные голодомъ и усталостью, съ трудомъ выбравшіеся изъ своего захоlustья, чтобы послушать Остлера, Сэдлера, и др. Особенный энтузіазмъ вызвала рѣчь Остлера. Приведемъ изъ нея нѣсколько выдержекъ, чтобы дать понятіе о немъ, какъ о народномъ ораторѣ.

«Не будемъ касаться вопросовъ политики,—говорилъ онъ между прочимъ.—Если во многихъ вопросахъ мы съ вами не сходимся, то относительно одного мы съ вами согласны: нужно освободить нашихъ дѣтей отъ рабства, подъ бременемъ котораго они теперь изнываютъ. Забудемъ всѣ наши распри: пусть тори, виги и радикалы подадутъ другъ другу руки и общими силами стремятся къ освобожденію дѣтей... Я помню еще время, когда въ Англіи были тысячи домашнихъ мастерскихъ, хозяева которыхъ дома выдѣлывали сукно и потомъ продавали его на рынкѣ. Они зарабатывали 50, 100 и даже 200 ф. стерл. и жили въ довольствѣ; теперь же всѣ они доведены до нищеты или превратились въ наемныхъ рабочихъ. Я помню время, когда дѣти весело рѣзались на лугахъ и были беззаботны и здоровы, какъ и подобаетъ быть дѣтямъ,—теперь это время прошло. Теперешнія дѣти лѣлые дни просиживаютъ за станками, въ душной фабрикѣ. Я чувствую, что повинуюсь голосу Бога, когда требую, чтобы дѣти снова были выпущены на волю... Законы нашей страны требуютъ, чтобы каждый гражданинъ зналъ законы своего государства. Но какимъ образомъ можно разъяснить какіе-бы то ни было законы подростку, который съ утра идетъ на работу, и къ ночи возвращается домой съ болью во всѣхъ суставахъ? Подумайте, что этимъ дѣтямъ предстоитъ еще цѣлая жизнь. Чему могутъ они научиться, какъ будутъ они смотрѣть на міръ, проведя все свое дѣтство въ четырехъ стѣнахъ фабрики? Когда я смотрю на жизнь фабричнаго ребенка, сердце мое переполняется ужасомъ при мысли, до какого эгоизма и черствости дошли люди, разъ они могутъ спокойно сидѣть, сложя руки, зная, что рядомъ съ ними такъ страдаютъ маленькія, беззащитныя существа», и т. д.

Манифестаціи, подобныя іоркскому митингу, имѣли большое значеніе: онѣ распространяли и поддерживали интересъ къ фабричнымъ дѣтямъ въ разныхъ слояхъ общества. Появилась цѣлая литература объ этомъ вопросѣ, и въ позднѣйшее время въ числѣ сторонниковъ фабричнаго законодательства были такіе люди, какъ Брунингъ, Рескинъ, Карлейль, Диккенсъ и др. Но несмотря на это, билль о 10-ти часовомъ рабочемъ днѣ, внесенный Сэдлеромъ въ парламентъ въ 1832 г., былъ отвергнутъ, и Сэдлеру удалось только добиться назначенія парламентской комиссіи для изслѣдованія

вопроса. Комиссія, подъ предсѣдательствомъ самого Сэдлера, опросила 89 человекъ, среди которыхъ было много фабричныхъ рабочихъ, собранныхъ со всей Англіи. Ихъ показанія дають вѣрную картину жизни рабочихъ дѣтей того времени.

Одинъ суконщикъ, которому постоянно приходилось бывать на фабрикахъ, гдѣ онъ скупалъ сукно, рассказывалъ:

«По близости отъ меня находится около 30—40 большихъ шерстяныхъ фабрикъ, и я въ теченіи 20 лѣтъ имѣю возможность наблюдать за тѣмъ, что тамъ дѣлается. На всѣхъ этихъ фабрикахъ работаютъ дѣти, начиная съ 5-лѣтняго возраста. Лѣтомъ я часто видѣлъ дѣтей, отправляющихся на фабрику въ 5 или 6 ч. утра. Зимой дѣтямъ тоже приходится вставать очень рано, чтобы во-время поспѣть на фабрику. Одна женщина рассказывала мнѣ, что ея дѣвочка ходила на фабрику за двѣ версты, и такъ какъ у нихъ не было въ домѣ часовъ, то она вставала ночью около 2-хъ часовъ, боясь опоздать, и приходила на фабрику, когда тамъ все еще было заперто. Домой же дѣвочка возвращалась въ 11 ч. вечера. Работа ихъ продолжается до 10 час. вечера... Я бывалъ на фабрикахъ во всякіе часы дня и ни разу не видалъ, чтобы машины останавливались во время завтрака. Дѣти завтракаютъ во время работы. Отсутствие свободнаго времени для завтрака является общимъ правиломъ. Обращаются съ дѣтьми на фабрикахъ очень жестоко. Въ какое бы время ни придти на фабрику, непременно услышишь плачь дѣтей, которыхъ бьютъ. Бьютъ ихъ, обыкновенно, длинными плетками съ желѣзными пластинками на концѣ. Я видѣлъ, какъ дѣтей били этими плетками по головѣ и какъ многія изъ нихъ падали на землю подъ тяжестью этихъ ударовъ, и когда я сказалъ: «о Боже мой, я бы не допустилъ, чтобы съ моимъ ребенкомъ такъ обращались»,—мнѣ отвѣтили: «а почему вы знаете, что онъ этого не заслужилъ».

Рабочій Іосифъ Габергамъ сообщилъ:

«Мнѣ было семь лѣтъ, когда я началъ работать на фабрикѣ. Работа продолжалась отъ 5 ч. утра до 8 ч. вечера (14^{1/2} часовъ), приче́мъ въ 12 ч. полагалось полчаса на отдыхъ и на завтракъ. Перерыва для обѣда не было: мы обѣдали во время работы, стараясь выискать свободную минуту. На этой фабрикѣ было около 50 дѣтей такого-же возраста, какъ и я. Дѣти очень часто хворали и многія отъ чрезмѣрной работы. Сама по себѣ работа была не очень трудна, но трудно было работать такъ много часовъ подъ-рядъ. Къ тремъ часамъ мы уже начинали чувствовать усталость и сонливость, а потомъ дѣлалось все хуже и хуже, и къ 6—7 часамъ мы совсѣмъ изнемогали. У насъ было три над-

смотрщика: одинъ былъ главнымъ, другой смотрѣлъ за чисткой машинъ, а третій назначался специально для того, чтобы бить дѣтей. Дѣтей били, чтобы побуждать ихъ къ непосильной работѣ, какъ бьютъ старую лошадь, которая упала и не можетъ подняться. Такъ у насъ шло изо дня въ день. Надзиратель непрерывно ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ съ хлыстомъ въ рукѣ, пуская его въ ходъ, какъ только кто изъ дѣтей переставалъ работать. Если бы не эти удары хлыстомъ, дѣтей невозможно было бы заставить такъ долго работать... Однимъ изъ требованій фабричной дисциплины было полное молчаніе. Дѣтямъ запрещалось говорить другъ съ другомъ, и если надзиратель замѣчалъ, что они разговариваютъ между собой, онъ тотчасъ же наказывалъ ихъ хлыстомъ».

По показанію другого свидѣтеля, на нѣкоторыхъ фабрикахъ практиковался еще слѣдующій способъ «подбадриванія» утомленныхъ дѣтей: ихъ, не раздѣвая, съ головой окунали въ чанъ съ холодной водой и затѣмъ въ мокрыхъ одѣянiяхъ отправляли опять на работу.

Наконецъ, одинъ изъ надсмотрщиковъ разсказалъ слѣдующую исторію объ одной маленькой фабричной работницѣ:

«Я зналъ одного бѣднаго человѣка, маленькая дочь котораго работала на нашей фабрикѣ. Она хворала и нѣкоторое время не ходила на фабрику. Потомъ она опять принялась за работу. Вотъ однажды приходитъ ко мнѣ ея отецъ и на глазахъ у него слезы. «Что случилось, Томасъ?» спрашиваю я. Онъ говоритъ: «Моя маленькая дочка умерла». Я спросилъ: «Когда же она умерла?» Онъ отвѣтилъ: «Сегодня ночью, и сердце мое надрывается, когда я подумаю, что утромъ она еще ходила на фабрику. Она не могла сама справиться со своей работой, и одинъ маленькій мальчикъ обѣщалъ помочь ей, если она дастъ ему полъ-пенни въ субботу. Я сказалъ, что дамъ ему пенни».—Но ночью, когда дѣвочка возвращалась домой, она нѣсколько разъ падала по дорогѣ отъ изнеможенія, и когда она, наконецъ, добрела до дому, то уже совсѣмъ не могла говорить. Въ эту ночь она и умерла. У дѣвочки не было никакой особенной болѣзни: она умерла просто отъ слабости и чрезмѣрнаго напряженія. Хотя она и не моя дочь,—заклучилъ надсмотрщикъ, — но я не могу безъ жалости подумать, что ей пришлось такъ работать въ послѣдній день своей жизни».

Показанія докторовъ на этотъ разъ были совсѣмъ въ другомъ родѣ, чѣмъ вышеприведенныя заявленія ихъ коллегъ въ первой комиссіи. Всѣ опрошенные доктора единогласно признали, что фабрики, въ ихъ настоящемъ видѣ, являются рассадниками болѣзней и обезсиленія дѣтей, и что для ребенка, даже и старше 12 лѣтъ, вредно работать болѣе 10-ти часовъ въ сутки.

Такимъ образомъ, всѣ показанія свидѣтелей, опрошенныхъ комиссіей 1832 г., несомнѣнно говорили въ пользу фабричнаго законодательства. Но Сэдлеру, тѣмъ не менѣе, не удалось провести своего билля, потому что, вскорѣ по окончаніи работъ комиссіи, парламентъ былъ распущенъ и предстояли новые выборы.

III.

На выборахъ Сэдлеръ былъ забаллотированъ, благодаря дружной оппозиціи мѣстныхъ фабрикантовъ, видѣвшихъ въ немъ опаснаго врага. Провалъ Сэдлера былъ тяжелымъ ударомъ для молодой и не успѣвшей еще окрѣпнуть партіи сторонниковъ фабричнаго законодательства, которая лишалась, такимъ образомъ, своего представителя въ парламентѣ. Нѣкоторые изъ болѣе передовыхъ и гуманныхъ членовъ парламента чрезвычайно сочувствовали биллю въ пользу десяти-часоваго рабочаго дня и готовы были всячески поддерживать его, но они были еще слишкомъ молоды и слишкомъ невліятельны, чтобы взять на себя проведение такого сложнаго и труднаго дѣла. Поэтому, послѣ долгихъ колебаній и размышленій, Остлеръ и его друзья рѣшились обратиться къ одному изъ видныхъ представителей консервативной партіи—лорду Аплею, съ просьбой взять на себя внесеніе и защиту билля о десяти-часовомъ рабочемъ днѣ. Лордъ Аплей согласился стать во главѣ этого движенія и сдѣлался парламентскимъ вожакомъ партіи. Тотчасъ же послѣ открытія сессіи онъ внесъ въ палату билль о десяти-часовомъ рабочемъ днѣ. Билль этотъ снова былъ отвергнутъ, и правительство назначило отъ себя комиссаровъ, которые должны были на мѣстѣ изслѣдовать положеніе дѣтей на фабрикахъ. Главная цѣль назначенія комиссаровъ заключалась въ томъ, чтобы на время отсрочить рѣшеніе вопроса. Предшествовавшая комиссія собрала уже такой обильный матеріалъ, что въ новыхъ фактахъ никакой нужды не было. При этомъ надѣялись, что комиссары соберутъ свѣдѣнія нѣсколько другого характера, чѣмъ комиссія Сэдлера, выводы которой, по мнѣнію большинства членовъ парламента, были «чрезвычайно односторонни». Рабочіе прекрасно поняли, что парламентъ желаетъ только затянуть и затормозить дѣло, и поэтому назначеніе комиссіи вызвало общее неудовольствіе среди фабричнаго населенія. Общественное мнѣніе склонялось къ тому, что назначеніе комиссаровъ есть дѣло фабрикантовъ и что показанія ихъ нельзя довѣрять. Во многихъ мѣстностяхъ рабочіе рѣшились протестовать и отказывались давать показанія комиссарамъ. Комиссары были непріятно поражены общимъ недовѣріемъ и недоброжелательствомъ,

съ какимъ ихъ всюду встрѣчали. Одинъ изъ нихъ обратился къ Остлеру и просилъ помочь имъ получить нужныя свѣдѣнія. Но Остлеръ отказался, сказавъ, что считаетъ назначеніе этой коммисіи—продѣлкою враговъ рабочихъ. «Свѣдѣній уже собрано совершенно достаточно,—замѣтилъ онъ,—и всякая старая прачка можетъ засвидѣтельствовать вамъ, что для ребенка слишкомъ много работать даже и по 10 часовъ въ день».

Недовольство увеличивалось еще тѣмъ, что комиссары почти вездѣ пользовались гостепрѣимствомъ фабрикантовъ и, видимо, были съ ними въ наилучшихъ отношеніяхъ. Всѣ были убѣждены, что отчетъ комиссаровъ будетъ въ пользу фабрикантовъ, но ожиданія эти не оправдались. Отчетъ комиссаровъ въ общихъ чертахъ подтвердилъ свѣдѣнія, полученныя комиссіей Сэдлера.

Однако, несмотря на признаніе существующаго зла даже королевскими комиссарами, билль лорда Ашлея, читанный во второй разъ въ парламентъ, въ іюнѣ 1833 г., опять-таки былъ отвергнутъ. Воспользовавшись проваломъ билля, правительство внесло въ парламентъ новый проектъ фабричнаго закона, который относился только къ тѣмъ фабрикамъ, гдѣ выдѣлывались ткани, и на этихъ фабрикахъ ограничивалъ работу дѣтей и подростковъ до 18 лѣтъ—9 и 12 часами въ сутки. Для наблюденія за исполненіемъ закона впервые были назначены фабричные инспектора. Законъ этотъ, извѣстный подъ именемъ «закона лорда Альтропа», былъ принятъ парламентомъ и вступилъ въ дѣйствіе въ августѣ 1833 г. Но онъ оказался очень неудачной попыткой помочь рабочимъ. Прежде всего, онъ распространялся не на всѣхъ, а только на тѣхъ, которые работали на фабрикахъ, занимающихся выдѣлкой тканей; вся же остальная масса рабочихъ, занятыхъ въ копяхъ и во всѣхъ другихъ производствахъ, по прежнему оставалась безъ всякой защиты. Вторыхъ, норма рабочаго дня была на 2 часа выше той, которую требовали рабочіе. Наконецъ, весь законъ въ сущности сводился къ нулю, потому что наказанія, налагаемыя за нарушеніе его, были такъ ничтожны, что фабриканты съ большой выгодой для себя, могли обходить его. Такъ, напр., если фабрикантъ заставлялъ работать сверхъ срока какое угодно число дѣтей, то это считалось такимъ же проступкомъ, какъ еслибъ онъ принуждалъ къ лишней работѣ *одного* ребенка, и наказывалось одинаково—незначительнымъ денежнымъ штрафомъ. Понятно, фабриканты воспользовались этой слабостью закона, вносили штрафы и продолжали по прежнему морить дѣтей и подростковъ за работой. Уже при самомъ началѣ дѣйствія новаго закона отступленія отъ него были такъ многочисленны, что это давало сильное орудіе въ руки

противникамъ всякаго правительственнаго вмѣшательства въ дѣла фабрикантовъ съ рабочими. «Вотъ къ чему приводитъ ваше вмѣшательство», говорили они парламенту. «Никто не слушается новаго закона, и онъ ведетъ только къ смутамъ и беспорядкамъ».

Рабочіе, съ своей стороны, были очень недовольны новымъ закономъ, и въ ихъ средѣ продолжалось прежнее движеніе въ пользу десяти-часоваго рабочаго дня. Остлеру удалось сгруппировать вокругъ себя кружокъ энергичныхъ и преданныхъ дѣлу лицъ, которыя работали вмѣстѣ съ нимъ и подготавливали почву для будущей реформы. Изъ нихъ наибольшимъ вліяніемъ на народъ пользовались священникъ Буллъ и методистскій проповѣдникъ Райнаръ Стефенсъ.

Булль былъ сыномъ сельскаго священника, выросъ въ патриархальной, религіозной семьѣ и съ дѣтства готовился къ священническому сану. Окончивъ свое образованіе, онъ дѣйствительно сдѣлался священникомъ въ одномъ изъ промышленныхъ городковъ Йоркшира, гдѣ ему постоянно приходилось сталкиваться съ жизнью фабричнаго люда. Между нимъ и его прихожанами установились самыя дружескія, простыя отношенія, и когда въ Йоркширѣ началось движеніе въ защиту фабричныхъ дѣтей и въ пользу ограниченія рабочаго дня, Буллъ рѣшительно перешелъ на сторону рабочихъ и сдѣлался однимъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей. Онъ пользовался большою популярностью и издавалъ газету для рабочихъ, имѣвшую много подписчиковъ.

Стефенсъ былъ въ молодости методистскимъ проповѣдникомъ, но потомъ порвалъ сношенія со своей сектой и, оставаясь проповѣдникомъ, избиралъ для своихъ проповѣдей не религіозныя, а темы общаго характера. Онъ странствовалъ по селамъ и городкамъ Англіи и вездѣ проповѣдывалъ подъ открытымъ небомъ, собирая вокругъ себя тысячи слушателей. Небольшого роста и невзрачной наружности, онъ обладалъ выдающимся краснорѣчіемъ, и проповѣди его были проникнуты рѣдкимъ одушевленіемъ и дышали негодованіемъ противъ безсердечнаго отношенія къ фабричнымъ дѣтямъ. Онъ былъ очень друженъ съ Буллемъ и Остлеромъ, хотя расходился съ ними въ политическихъ взглядахъ.

Стефенсъ, Буллъ, Остлеръ и молодой членъ парламента Фильденъ составляли ядро партіи сторонниковъ фабричнаго законодательства. Къ нимъ примыкали, съ одной стороны, рабочіе, съ другой—люди различныхъ общественныхъ классовъ: священники, доктора, и даже нѣкоторые фабриканты. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за проведеніемъ закона лорда Альтропа, въ парламентѣ наступило затишье по вопросу о фабричномъ законо-

дательствѣ. Наконецъ, въ 1840 г., послѣ 6-ти-лѣтняго перерыва, лордъ Ашлей снова выступилъ въ парламентѣ съ предложеніемъ объ ограниченіи дѣтскаго труда. Онъ предложилъ назначить комиссію, которая занялась бы изслѣдованіемъ положенія дѣтей, въ тѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ, на которыя не распространялось дѣйствіе закона лорда Альтропа, т.-е. въ копяхъ, на металлическихъ, машиностроительныхъ, стекляныхъ и тому подобныхъ заводахъ. Работы этой комиссіи продолжались болѣе двухъ лѣтъ и результатами явилось обширное изслѣдованіе, въ которомъ подробно описывалось положеніе дѣтей въ англійской промышленности. Собранные факты показали, какія ужасныя вещи все еще творятся тамъ и какъ ничтожно все, что до сихъ поръ было сдѣлано законодательствомъ, въ сравненіи съ громадною существующаго зла. Оказалось, что во всѣхъ неурегулированныхъ закономъ отрасляхъ производства продолжаютъ существовать тѣ самые порядки, о которыхъ уже столько говорилось и писалось въ теченіи послѣднихъ 10-ти лѣтъ. Въ производствѣ машинныхъ кружевъ дѣти, начиная съ 6-ти лѣтъ, работали по 15 часовъ въ день; въ отчетѣ указывается даже одинъ случай, когда *двухъ-лѣтній* ребенокъ тоже имѣлъ какое-то занятіе въ одной изъ такихъ мастерскихъ. На стекляныхъ и ситцепечатныхъ фабрикахъ шла ночная работа, въ другихъ заведеніяхъ рабочей день продолжался 18 и болѣе часовъ, и т. д. Но самые ужасные факты сообщались отчетомъ относительно работы дѣтей въ копяхъ. Большая часть дѣтей, работавшихъ тамъ, была 8-ми- и 9-ти-лѣтняго возраста, но попадались и шести, пяти и даже четырехлѣтнія. Работа этихъ несчастныхъ дѣтей сама по себѣ была несложна и нетрудна: она заключалась въ томъ, чтобы открывать и закрывать двери при проѣздѣ тачекъ съ углемъ, но она продолжалась все время, пока въ шахтахъ шла работа. При этомъ дѣти весь день сидѣли въ темнотѣ и въ полномъ одиночествѣ. Однообразіе нарушалось только проѣзжающими взадъ и впередъ тачками съ углемъ. Зимой эти дѣти по цѣлымъ недѣлямъ не видятъ дневного свѣта, потому что они спускаются въ шахту рано утромъ, пока еще темно, и выходятъ изъ нея вечеромъ. Дѣти постарше, начиная съ 6 лѣтъ, должны были возить тачки съ углемъ отъ мѣста работы до выхода шахты; по отзывамъ всѣхъ свидѣтелей, эта работа превышала силы дѣтей и была для нихъ очень тяжела. Въ нѣкоторыхъ шахтахъ дѣти на спивѣ таскали вязанки угля вверхъ по лѣстницѣ. Въ огромномъ большинствѣ шахтъ ночная работа являлась общимъ правиломъ. Комиссія обратила вниманіе также на то, что работающія

на фабрикахъ и въ копяхъ дѣти, обыкновенно, не получаютъ никакого образованія, и что умственный уровень ихъ крайне низокъ. Такъ, нѣкоторыя дѣти, работающія на фабрикахъ въ Вольфергамптонѣ, давали слѣдующія опредѣленія личности Иисуса Христа. Одна дѣвочка заявила: «Я знаю, кто былъ Иисусъ Христосъ. Онъ умеръ на крестѣ и пролилъ свою кровь, чтобы спасти Сына Божьяго». Другой юноша 16-ти лѣтъ полагалъ, что Иисусъ Христосъ много лѣтъ тому назадъ былъ королемъ Лондона. Одинъ 14-лѣтній юноша сказалъ: «Я слышалъ, что Богъ сотворилъ міръ и потомъ утопилъ всѣхъ людей, кромѣ одного. Этотъ одинъ былъ маленькой птичкой». Другой признался, что, по его мнѣнію, «чортъ—славный малый, гдѣ онъ живетъ—не знаю». Объ историческихъ герояхъ дѣти никогда и не слыхивали, но зато они во всѣхъ подробностяхъ были знакомы съ исторіей извѣстнаго въ то время мошенника Дика Турпина и другихъ подобныхъ дѣятелей. Относительно всѣхъ другихъ вопросовъ дѣти имѣли такія же смутныя понятія, какъ и объ религіи. Многія дѣти не могли даже отвѣтить на вопросъ, въ какой странѣ они живутъ. Одинъ 12-лѣтній мальчикъ сознался, что онъ никогда даже не слышалъ, что есть на свѣтѣ страна, называемая Англійей. Король, по мнѣнію дѣтей, «это человѣкъ, которому принадлежатъ всѣ деньги и все золото».

Въ отчетѣ обращается также вниманіе на то, что большинство работающихъ на фабрикахъ дѣтей точно лишены всякихъ нравственныхъ понятій. «Нельзя сказать, чтобы эти дѣти были особенно злы и порочны,—замѣчаетъ одинъ изъ составителей отчета м-ръ Горнъ,—но у нихъ совершенно отсутствуетъ нравственное чувство. Я приписываю это, главнымъ образомъ, тому, что они въ столь раннемъ возрастѣ уже посылаются на работу, и родители ихъ заботятся, главнымъ образомъ, объ ихъ заработкѣ. Дѣти инстинктивно чувствуютъ, что они представляютъ собою не болѣе, какъ одну изъ составныхъ частей машины. Вслѣдствіе постоянной работы и пребыванія внѣ дома, любовь ихъ къ семьѣ мало-по-малу слабѣетъ и, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ». Предоставленные самимъ себѣ, дѣти дичаютъ и тупѣютъ, лишеныя всякихъ развивающихъ вліяній и нравственной поддержки. «Многія изъ дѣтей,—продолжаетъ тотъ же м-ръ Горнъ,—сами сообщали мнѣ, что они ежедневно работаютъ по 12—14 часовъ въ сутки и всѣмъ этимъ трудомъ вырабатываютъ 1½ шил. (75 к.) въ недѣлю, причемъ сами они не пользуются ни единой полушкой изъ своего заработка; одѣты они были въ лохмотья и, по ихъ собственнымъ словамъ, постоянно не доѣдали, не досыпали и часто претерпѣвали

побои. Тѣмъ не менѣе, многія изъ этихъ бѣдныхъ дѣтей нисколько не жаловались и отвѣчали на предлагаемые вопросы, что они «работаютъ съ удовольствіемъ» и «бываютъ наказываемы, когда заслуживаютъ этого». Они, очевидно, и не представляли себѣ, что можетъ быть какая-нибудь другая жизнь, и считали вполне нормальнымъ—изо дня въ день, тотчасъ послѣ вставанія, отправляться на работу и работать до тѣхъ поръ, пока имъ не прикажутъ перестать. Раньше ихъ никогда не спрашивали: не устали ли они?—и многія изъ нихъ были совершенно не въ состояніи понять смыслъ такого вопроса».

Факты, собранные комиссіей, снова подняли въ обществѣ интересъ къ участи рабочихъ дѣтей и доказали ему, что агитация Остлера и его друзей оправдывалась дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. Но въ это время сторонниковъ реформы постигъ неожиданный ударъ: ихъ дѣятельный и вліятельный вождь, «король Ричардъ», былъ заключенъ въ тюрьму за долги. Случилось это такъ: Остлеръ нѣсколько разъ занималъ довольно крупныя суммы у помѣщика м-ра Торнгилля, у котораго онъ служилъ управляющимъ, и рассчитывалъ погасить этотъ долгъ, вычетами изъ своего жалованья. Но когда Остлеръ сталъ во главѣ движенія въ пользу 10-тичасового дня, у него начались по этому поводу разногласія съ его хозяиномъ, и въ концѣ концовъ тотъ лишилъ его мѣста. Остлеръ очутился, такимъ образомъ, на старости лѣтъ безъ всякихъ средствъ къ существованію и вдобавокъ еще съ порядочнымъ долгомъ на шеѣ. Онъ надѣялся, что такой богатый человѣкъ, какъ его бывший хозяинъ, не станетъ особенно прижимать его этимъ долгомъ, тѣмъ болѣе, что ихъ связывали старинныя дружескія отношенія, такъ какъ еще отецъ Остлера служилъ управляющимъ у отца нынѣшняго помѣщика, и самъ Остлеръ получилъ эту должность какъ-бы по наслѣдству. Но надежды его не сбылись: политическая вражда до такой степени обострила ихъ отношенія, что м-ръ Торнгилль возбудилъ противъ него искъ, взыскивая слѣдующую ему сумму. Остлеръ, конечно, не въ состояніи былъ заплатить долга, и его заключили въ долговую тюрьму,—въ ту самую которая описана Диккенсомъ въ его «Пиквикскомъ клубѣ».

Въ тюрьмѣ Остлеръ провелъ 4 года. Онъ пользовался тамъ, сравнительно, большою свободой и продолжалъ работать для дорогого ему дѣла, издавая еженедѣльную «Тюремную газету», въ которой печатались статьи по вопросу о положеніи рабочихъ и о необходимости фабричнаго законодательства. Онъ постоянно видѣлся съ друзьями, сообщавшими ему послѣднія новости, и, кромѣ того, принималъ многочисленныхъ посѣтителей изъ иностранцевъ.

Одинъ изъ друзей Остлера слѣдующимъ образомъ описываетъ свой визитъ къ старому «королю въ изгнаніи»: «Я нашелъ м-ра Остлера бодримъ и здоровымъ, но нѣсколько похудѣвшимъ, потому что, благодаря постоянной работѣ по изданію журнала, чтенію и обширной корреспонденціи, онъ никакъ не можетъ устанавить для самого себя 10-тичасового рабочаго дня. За завтракомъ у «его величества» насъ собралось 8 человѣкъ; между прочимъ, было два польскихъ графа, одинъ французскій офицеръ, два издателя журналовъ и пр. Комната его не велика; вмѣсто трона, монарху пришлось сидѣть на своей постели, предоставивъ намъ стулья; угощеніе состояло изъ кофе съ буттербродами, и, несмотря на все это, мнѣ рѣдко приходилось присутствовать на болѣе оживленномъ и пріятномъ завтракѣ».

Примирившись со своимъ заключеніемъ, Остлеръ мирно жилъ и работалъ въ тюрьмѣ. Но годы все-таки начинали сказываться, и тюремное заключеніе не могло не отозваться на его здоровьи. Силы его замѣтно слабѣли, что внушало серьезныя опасенія его друзьямъ. Они открыли общественную подписку и вскорѣ собрали требуемую сумму, которую вручили м-ру Торнгиллю. Остлеръ былъ освобожденъ изъ тюрьмы и вернулся въ Гуддерсфильдъ. Возвращеніе на родину было настоящимъ триумфомъ для «фабричнаго короля». Тысячныя толпы народа восторженно привѣтствовали своего старшаго вождя, который вернулся изъ тюрьмы значительно измѣнившимся и постарѣвшимъ, но попрежнему полнымъ молодой силы и энергіи.

Вскорѣ послѣ этого Остлеру удалось, наконецъ, увидѣть осуществленіе той задачи, ради которой онъ 20 лѣтъ работалъ и боролся: въ 1847 году радикаль Фильденъ снова внесъ въ парламентъ билль о десятичасовомъ рабочемъ днѣ, въ общихъ чертахъ совершенно схожій съ биллемъ Овэна, составленнымъ 32 года тому назадъ. Билль этотъ, наконецъ, прошелъ въ парламентѣ.

Такимъ образомъ, Остлеръ исполнилъ клятву, которую онъ далъ себѣ 20 лѣтъ назадъ. Теперь ему оставалось только отдыхать отъ трудовъ. Но борьба въ защиту фабричныхъ дѣтей обошлась ему очень дорого: онъ лишился мѣста, потерялъ всѣ свои средства и долженъ былъ теперь доживать свои дни на счетъ общественной благотворительности. Но помощь, которая ему оказывалась, не могла тяготить его: онъ сознавалъ, что вполне заслужилъ ее, и, кромѣ того, видѣлъ кругомъ себя столько любви и признательности, что это служило ему лучшимъ вознагражденіемъ. Приведемъ отрывки изъ одного письма къ нему гуддерсфильдскихъ рабочихъ. Письмо было адресовано:

«Ричарду Остлеру, королю фабричныхъ дѣтей».

«Дорогой старый другъ! Вы не забыты. Гуддерефильдскіе рабочіе никогда не перестанутъ вспоминать васъ — своего друга, короля фабричныхъ дѣтей. Мы знаемъ, что ваша дѣятельность, бывшая такой плодотворной для насъ, сдѣлала васъ бѣднымъ и, зная это, мы увѣрены, что вы не отвергнете прилагаемаго при семъ подарка—пиджачную пару, пальто и шляпу. Все это самаго лучшаго качества и работы и куплено на деньги, собранныя у людей, которыя не могутъ дать многого, но хотятъ все-таки выразить вамъ свою благодарность и свою сердечную любовь. Этимъ они хотятъ вернуть вамъ хоть малую часть того, чѣмъ они и дѣти ихъ обязаны вамъ. Мы не сомнѣваемся, что тѣ жертвы, которыя вы принесли въ борьбѣ за 10-тичасовой рабочій день, сражаясь со слабыми противъ сильныхъ, хотя и лишили васъ довольства и комфорта, дадутъ вамъ нравственное удовлетвореніе, которое нельзя купить за деньги. Мы знаемъ—вы, навѣрное, чувствуете, что прожили не даромъ... Мы отъ души просимъ васъ принять нашъ небольшой подарокъ и убѣждены, что онъ не понравится вамъ менѣе отъ того, что онъ подносится вамъ простыми рабочими. Чтобы все было сшито какъ слѣдуетъ, мы заказали пиджакъ у вашего прежняго портного».

Въ припискѣ къ письму говорится: «Въ одномъ изъ кармановъ жилетки вы найдете два соверена, которые оказались лишними, потому что въ магазинѣ съ насъ не взяли денегъ за сукно, узнавъ, что оно предназначается на подарокъ вамъ».

Старый король съ благодарностью принялъ отъ своихъ бывшихъ подданныхъ подарокъ и 2 соверена, и написалъ имъ въ отвѣтъ письмо, подробно описывая свою жизнь «на покоѣ»,—письмо очень характерное для Остлера.

«Представьте себѣ, — пишетъ онъ имъ, — старика, вполне удовлетвореннаго тѣмъ участіемъ, которое онъ когда-то принималъ въ жизненной борьбѣ, съ хорошими воспоминаніями въ прошломъ и свѣтлыми надеждами на будущее. Онъ живетъ въ хорошенькомъ маленькомъ коттеджѣ, окруженномъ садомъ, Коттеджъ стоитъ на небольшомъ холмѣ, съ котораго открывается видъ на старый городъ, отдѣленный отъ коттеджа садами и лугомъ. Прямая линія городскихъ зданій неясно виднѣются сквозь зелень садовыхъ деревьевъ. Старикъ часто подолгу сидитъ у порога своего домика и смотритъ вдаль, на растилающіяся кругомъ поля, тропинки, лѣски и кустарники, на фермы и коттеджи, видѣющіеся среди зелени. Мимо него проносятся поѣзда, которые напоминаютъ ему о неустанной торговой дѣятельности людей, но онъ предпочи-

таетъ сельскія картины, окружающія его. Онъ проводитъ много времени въ своемъ саду, занимается разведеніемъ цвѣтовъ и огородничествомъ. Семья старика не велика, но очень счастлива: съ нимъ живетъ его жена, бывшая ему всегда вѣрнымъ и дорогимъ другомъ въ счастья и несчастья, и старая служанка, которую они любятъ какъ родную.

По мнѣнію многихъ людей, этотъ старикъ можетъ быть названъ бѣднымъ, но самъ онъ считаетъ себя очень богатымъ. Онъ получаетъ деньги со всѣхъ сторонъ — отъ священниковъ, фермеровъ, членовъ парламента, купцовъ, фабрикантовъ и изъ благодарныхъ ручекъ маленькихъ фабричныхъ дѣтей. Скажите же, мои старые друзья, развѣ этотъ человекъ не богатъ? Онъ открылъ истинную тайну счастья и живетъ теперь изъ года въ годъ, въ мирѣ и покоѣ».

Билль 1847 г. не устранилъ всѣхъ злоупотребленій и несправедливостей въ современномъ положеніи фабричной промышленности. Это былъ только первый шагъ въ борьбѣ съ существующимъ зломъ. Но билль о 10-ти часовомъ рабочемъ днѣ замѣчательнъ тѣмъ, что онъ былъ первой крупной побѣдой рабочаго сословія въ его борьбѣ съ фабрикантами, и побѣда эта навсегда связана съ именемъ неутомимаго «фабричнаго короля»—Ричарда Остгера.

Л. Давыдова.

СТИХОТВОРЕНІЯ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА ЯДРИНЦЕВА.

Извѣстный сибирскій публицистъ и писатель Н. М. Ядринцевъ, умершій въ 1894 г., не былъ поэтомъ въ точномъ смыслѣ. Его стихотворенія, очень немногія по количеству, носятъ совершенно случайный характеръ и, очевидно, являлись удовлетвореніемъ минутныхъ порывовъ въ стихотворной формѣ подъ вліяніемъ лирическаго или комористическаго настроенія,—тѣмъ болѣе, что и его проза часто становилась музыкальной, изящной и размѣренной, какъ стихи. Въ душѣ его жили истинно художественные инстинкты, благодаря которымъ все, во что онъ вѣрилъ, что любилъ, чему поклонялся—облекалось въ художественные образы. Такимъ воплощеніемъ его фантазіи была его родная Сибирь, которую онъ постоянно рисовалъ молодой красавицей, то страдающей, то дремлющей, то униженной, то очаровательной въ ея юной, нетронутой красотѣ. Онъ обращается къ ней со словами: «дорогая, безцѣнная, возлюбленная!» Онъ говоритъ: «всю жизнь я слѣдилъ за нею, всю жизнь я кидалъ ей цвѣты, всю жизнь посылая горячіе поцѣлуи, не заботясь, чтобы она знала имя поклонника, не требуя награды»... Онъ часто шутилъ сравнивалъ себя съ средневѣковымъ рыцаремъ и называлъ Сибирь «дамой своего сердца», во имя которой онъ всю жизнь боролся и страдалъ.

Его дама не была къ нему милостива. «Сколько разъ,—говорилъ онъ,—я заикался возвращаться въ Сибирь, возвращаться, но крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока возможно будетъ хоть малѣйшее существованіе тамъ человѣка въ настоящемъ, а не въ фиктивномъ смыслѣ, пока создастся хоть какая-нибудь нравственная атмосфера. Зачѣмъ? къ чему это возвращаться?—говорилъ я себѣ, и силился вырвать изъ груди своей эту старую привязанность, эту жгучую большую тоску. Однако, сколько я ни боролся съ собой, какъ хорошо ни сознавалъ, что изъ нашей встрѣчи ничего не выйдетъ, кромѣ рокового недоразумѣнія, комическаго облжновенія и празднаго зрѣлища для равнодушнаго общества,

сколько я ни раздумывалъ, что послѣ многихъ мытарствъ встрѣчу, вмѣсто родственныхъ объятій, знакомый крикъ «ату его!»—тѣмъ не менѣе, я все-таки возвращался»... (В. О. 1884 г., № 24).

Онъ зналъ всѣ недостатки своей страны, и иногда съ грустнымъ добродушіемъ набрасывалъ юмористическія картинки, какъ, напр., приводимые ниже «Сибирскіе мотивы». Онъ умѣлъ отыскивать въ этомъ краю, съ столь странною печальною судьбой, стороны, въ которыхъ ему свѣтилось лучшее будущее. Онъ вѣрилъ въ будущее родины, любилъ ее горячее, беззаветной любовью, и часто высказывалъ желаніе умереть въ родной землѣ подъ «родными желтыми лиліями». Какой глубокой нѣжностью звучатъ его слова: «наступить тишина, безмолвіе смерти... И когда-нибудь я удалюсь отъ тебя, моя родина. Не услышишь ты моего голоса, но легче ли тебѣ будетъ, дорогая?..» (В. О. 1884 г., № 24).

Приводимыя ниже стихотворенія, найденныя въ его посмертныхъ бумагахъ, отражаютъ эти же мотивы. И если можно ихъ критиковать со стороны невыдержанности и необработанности формы, то, опять повторяемъ,—онъ, вѣдь, и не былъ творцомъ-поэтомъ *).

Н. Я—ва.

СИБИРСКІЕ МОТИВЫ.

На родимую сторонку
 Ёду къ празднику въ село,
 Но родимую дорожку
 Всю-то снѣгомъ замело.
 Изъ ухаба да въ ухабы,
 Изъ нырка несетъ въ нырокъ.
 Стали лошади въ канавѣ,
 На бову лежитъ возокъ.
 Ёхаль къ сроку—не доѣхаль,
 Цѣль собирался быть—избить,
 Распроклятая дорожка!
 Такъ ямщикъ ее язвить.
 Сталь обозъ — глядишь, въ сугробѣ;

*) Подстрочныя примѣчанія къ стихотвореніямъ сдѣланы Г. Н. Потанинымъ.

На подмогу—кошева. *)
 Сразу срѣзали два мѣста **).
 Здѣсь нажива дешева!
 Дорогá дорожка эта.
 Правятъ изъ году года,
 Но проходу и проѣзду
 Не бываетъ никогда.
 Мужики затылокъ чешутъ,
 Проѣзжающій—бока,
 Лишь исправникамъ дорожка
 И доходна, и гладка.

Ж А Л О Б А.

(Вписанная въ жалобную книгу въ деревнѣ Семилужнахъ, на первой станціи отъ Томска).

Здѣсь въ деревнѣ Семилужной
 Родился писатель скромный,
 И живи онъ тихо, мирно,
 Былъ бы онъ талантъ огромный ***).

* * *

Но писатель Семилужной
 Угодилъ подъ чью-то лапу
 И, какъ слѣдуетъ, былъ высланъ
 Изъ селенья по этапу.

* * *

Съ этихъ поръ въ село родное
 Ходитъ тайно на свиданье
 И съ бродягами у окошъ
 Проситъ скромно подаанья.

* * *

*) Обозы съ чаемъ, идущіе по Иркутскому тракту, нерѣдко подвергаются нападенію лихихъ людей, которые, пользуясь пасмурной погодой, ночной темнотой или роговѣйствомъ ямщиковъ, ловко срѣзываютъ цибки съ чаемъ и увозятъ. Эти воры подѣзжаютъ къ обозу въ «кошевыхъ», т. е. въ глубокихъ саняхъ, бока которыхъ обиты рогожей или войлокомъ.

**) Мѣстомъ или цибкомъ называется ящикъ, спитый изъ сырой коровьей шкуры шерстью внутрь; въ такихъ ящикахъ чай идетъ отъ Кяхты до Нижегородской ярмарки.

***) Н. М. Ядринцевъ провелъ дѣтскіе годы въ Томскѣ и изъ имени пригородной деревни составилъ свой псевдонимъ Семилуженскій; подъ писателемъ, родившимся въ д. Семилужной, онъ, конечно, разумѣетъ себя, но въ дѣйствительности онъ родился въ г. Омскѣ и въ данномъ стихотвореніи подъ деревней подразумѣвается Сибирь.

Въ Семилужной пѣсни, вѣяси,
 Въ Семилужной плачь и вой,
 Засѣдательская встряска,
 Кражи, буйства и разбой *).

* * *

А писатель добродушный **),
 Весь избить, и хиль, и старь,
 Все такой же благодушный,
 Славить прелесть Семилужной.

ВОЗВРАЩЕНІЕ КРЕСТНОСЦА.

Онъ вернудся утомленный,
 Солнцемъ гоби ***) опаленный,
 Сбросяъ съ плечъ свой плащъ походный,
 Снявъ тяжелый крестъ и мечъ
 И предъ дамой, предъоненный,
 Говорить такую рѣчь:
 — Я пришелъ къ тебѣ все тотъ же,
 Та жъ печаль туманить взоръ.
 Въ безднахъ горя не схоронишь,
 Не закинешь въ выси горъ.
 Если знаешь тайну жизни:
 Какъ забыться,—научи!
 Украти мой духъ мятежный
 И рукой своею нѣжной,
 Раны сердца залѣчи!..

*) Намеки на послѣдствія штрафной колонизаціи Сибири.

**) Намекъ на другой псевдонимъ Ник. Михайловича: «Добродушный сибирякъ», который онъ придумалъ изъ подражанія «Добродушному господину», псевдониму другого сибиряка Григ. Зах. Елисева.

***) Слово «гоби» по монгольски значитъ пустыня или вѣрнѣе всякая равнина, что фактически въ Средней Азійи совпадаетъ. Въ монгольскомъ словарѣ «гоби» нарицательное, и только въ нашихъ географіяхъ ему придается значеніе имени собственнаго для центральной монгольской пустыни.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.

РОМАНЪ.

К. М. Станюковича.

(Продолженіе) *).

Х.

Только благодаря сознанию важности принятых на себя обязанностей, „графъ“ въ этотъ вечеръ обнаружилъ воистину героическую силу характера, ограничившись всего пятью рюмками водки и полубутылкой краснаго вина.

Давно ужъ онъ не ѣлъ такого вкуснаго обѣда, напоминашаго ему лакомыя блюда былыхъ временъ, давно ужъ не позволялъ себѣ такой роскоши, какъ вино. И онъ ѣлъ съ аппетитомъ проголодавашагося человѣка, соблюдая, однако, видъ джентльмена, имѣющаго обыкновеніе обѣдать болѣе или менѣе хорошо каждыи день.

„Графъ“ нѣсколько оживился, покончивъ обѣдъ. Глаза его слегка блестя пьянымъ блескомъ. Онъ чувствовалъ потребность завершить обѣдъ маленькой чашкой кофе и, разумеется, съ рюмкой коньяку.

Одну только рюмочку... всего одну!

Но въ тотъ самый моментъ, когда „графъ“ величественнымъ жестомъ руки подозвалъ лакея, чтобы отдать соответствующее приказаніе, въ головѣ его, весьма кстати, пронеслась мысль объ Антошеѣ, и вслѣдъ затѣмъ онъ вспомнилъ, что коньякъ, особенно недурной, можетъ увлечь его далеко за предѣлы благоразумія и бюджета и значительно отдалить

* См. «Миръ Божій», № 2, февраль 1895 г.

время возвращенія домой... За одной рюмкой любимаго имъ напитка можетъ послѣдовать другая, третья, четвертая, и тогда... что будетъ тогда съ Антошкиными деньгами, и гдѣ онъ самъ проведетъ ночь?

— Что прикажете? — довольно небрежно освѣдомился лакей, точно сконфуженный, что ему пришлось служить такому подозрительному господину.

Душевная борьба видимо еще не кончилась, потому что „графъ“ не сразу отвѣчалъ, что ему угодно.

Еще секунда, другая, и онъ рѣшительно спросилъ:

— Что съ меня слѣдуетъ?

— Рубль шестьдесятъ пять копѣекъ.

— Сдачи не надо! — небрежно кинулъ „графъ“, подавая два рубля, и торопливо вышелъ изъ ресторана, словно бы боялся, что рѣшеніе его можетъ внезапно измѣниться.

Вернулся онъ домой, чуть-чуть захмѣлѣвшій, но совершенно твердый на ногахъ. Онъ былъ возбужденно веселъ и доволенъ собой, какъ человѣкъ, избѣжавшій серьезной опасности.

— Ну вотъ и я, Антошка! Здравствуй, братъ! — весело проговорилъ „графъ“, входя въ комнату и выкладывая на столъ нѣсколько свертковъ, многочисленность которыхъ нѣсколько удивила обрадованнаго появленіемъ „графа“ Антошку.

— Зазябли, графъ?..

— Нисколько... Ничуть... Чувствую, братъ, себя превосходно... Теперь мы съ тобой обезпечены на недѣлю чаемъ и сахаромъ! — сказалъ „графъ“, похлопывая рукой по двумъ сверткамъ... — Четверть фунта чая и пять фунтовъ сахара!.. А вотъ тутъ кое-что и для тебя есть, Антошка! — ласково подмигнулъ „графъ“. — Останешься доволенъ.

Онъ снялъ шляпу, снялъ пальто, бережно повѣсилъ на гвоздь и потрепалъ Антошку по щекѣ.

— Вѣрно, сегодня хорошо работали съ письмами, графъ? — спросилъ Антошка съ участиемъ.

— Недурно работаль, какъ ты выражаешься, — засмѣялся „графъ“... — И съ письмами, и такъ... благодаря ораторскому искусству... А ты, пожалуй, правильнѣе смотришь на вещи, называя это работой. Собственно говоря, такое занятіе — очень неприятная и тяжелая работа, хотя люди и называютъ

насъ нищими бездѣльниками! Пусть-ка его превосходительство, мой братецъ, попробуетъ такой работы... Ха-ха-ха!.. Да, сегодня я недурно работалъ, Антошка... Однако, не такъ хорошо, какъ надѣялся...

— Не на всѣ письма былъ отвѣтъ?

— Ты сообразительный мальчишъ! Именно не на всѣ... Но все-таки для начала твоей экипировки кое-что получено... Можно тебѣ и нѣсколько бѣлья сдѣлать, и сапоги купить и даже приобрести у татарина какую-нибудь принадлежность костюма. Напримѣръ, жакетку или панталоны, что-ли... Сразу, братъ, полное благополучіе не достигается... Нѣтъ! Но ты этимъ не смущайся... Я тебѣ весь костюмъ сдѣлаю и полушубокъ куплю! Непремѣнно и въ скоромъ времени!—увѣренно повторилъ „графъ“, ласково глядя на Антошку.—А пока, вотъ попробуйка-ка эту штучку, — прибавилъ „графъ“, вынимая изъ одного изъ пакетовъ красную пастилку.

Антошка рѣшительно былъ подавленъ такою заботой объ его костюмѣ и такимъ вниманіемъ. Эта заботливость трогала и смущала его тѣмъ болѣе, что пальто самого „графа“, по мнѣнію Антошки, не должно было въ достаточной степени защищать отъ холода.

Онъ быстро проглотилъ вкусную „штучку“ и молчалъ, не находя словъ для изъявленія благодарности, и въ то же время недоумѣвалъ, какъ это „графъ“ можетъ такъ хорошо „работать“, чтобы съ такою увѣренностью говорить о полушубкѣ, и почему онъ до сихъ поръ не позаботился о собственномъ пальто. Это, казалось ему, было непростительной ошибкой съ его стороны.

— Мнѣ вовсе не надо полушубка. Зачѣмъ мнѣ полушубокъ, ежели вы не будете посылать меня на работу? — вымолвилъ, наконецъ, Антошка.—Мнѣ никакого даже костюма не надо... Здѣсь тепло... Вотъ вамъ, графъ, ежели, напримѣръ, къ пальту да теплый воротникъ...

— Обо мнѣ не безпокойся, добрый мой мальчишъ, — возразилъ „графъ“, тронутый такою деликатностью Антошка. — Я знаю секретъ, какъ согрѣться, если очень холодно...

— И я знаю, графъ.

— Ты? Какой же твой секретъ?

— Я пробовалъ. Бывало, заколѣешь отъ холода, выпьешь швалишъ, и будто теплѣе...

— Никогда больше не пробуй, Антошка!—строго и торжественно сказала „графъ“, и прибавилъ:—Ахъ бѣднѣй, бѣднѣй! Такой маленькой и узъ согрѣвался водкой!

— Никакъ нельзя было по нашей работѣ иной разъ не выпить,—оправдывался Антошка.—И меньше меня мальчики пили...

— Теперь у тебя такой работы не будетъ... слышишь? И ты дай мнѣ слово, что никогда больше не прикаснешься къ водкѣ, чтобъ не огорчить меня... Дашь?

— Убей меня Богъ, если я прикаснусь! — горячо воскликнул Антошка и перекрестился.—Да я и не люблю ея... Только горло дереть...

— То-то... Нечего и любить подлую!—какъ-то грустно и значительно протянул „графъ“.

Онъ сталъ раздѣваться и, облачившись въ халатъ, присѣлъ къ столу и спросилъ:

— Ну рассказывай, Антошка, что ты безъ меня дѣлалъ? Скучно было?

Антошка не безъ нѣкоторой гордости объявилъ, что онъ не сидѣлъ, сложа руки. Утромъ прибралъ комнату, вытопилъ печь, потомъ помогаль кое въ чемъ Анисѣ Ивановнѣ, и вотъ теперь занялся книжкой.

— Ай да молодчина, Антошка! Хвалю, что не сидѣлъ въ праздности. Праздность—мать всѣхъ пороковъ... Не слыхаль объ этомъ?.. Ну, а теперь скажи: ѣсть хочешь?

— Нѣтъ, я сытъ. Только что ужиналъ. Анисья Ивановна дала мнѣ горячихъ щей и мяса... Преотличныя!

— А я тебѣ ветчины принесъ... Ну, все равно, завтра поѣшь... И документъ твой принесъ...

— Получили?—воскликнул Антошка.

— Получилъ.

— И видѣли ихъ?

— И видѣлъ. Вѣдьма-то твоя съ подвязанной щекой ходитъ,—ловко ты, братъ, ея ошпарилъ!—а дяденька прихрамываетъ!—присочинилъ „графъ“, желая доставить Антошкѣ удовольствіе. — Бумага твоя здѣсь, у меня. Припугнулъ я этого мерзавца... Теперь ты, Антошка, вольный російскій гражданинъ... Дяденьки не бойся... Онъ ничего не смѣетъ тебѣ сдѣлать... Тю-тю твой дяденька! И вовсе онъ тебѣ не

дяденька и никогда имъ не былъ... То-то... Ну, а теперь будемъ чай пить и бесѣдовать... А чай будемъ пить съ вареньемъ... Любишь варенье?.. И калачи есть... Ставь-ка скорѣй самоваръ... Умѣешь?

— Еще бы не умѣть!—весело отвѣчалъ Антошка.

— Да попроси ко мнѣ Анисью Ивановну...

Безконечно обрадованный, что ненавистный „дяденька“ теперь не смѣетъ взять его къ себѣ, Антошка со всѣхъ ногъ полетѣлъ на кухню и, передавъ Анисѣ Ивановнѣ приглашеніе „графа“, принялся ставить самоваръ съ какимъ-то ожесточеніемъ усердія.

Ахъ, какъ было радостно и свѣтло теперь на душѣ у Антошки и какъ казалось ему лучезарно будущее!.. А главное, какъ хотѣлось ему отблагодарить „графа“, въ которому онъ чувствовалъ такую горячую любовь, что готовъ былъ для „графа“ на все...

„Хотя бы еще такую порку выдержать, какъ третьяго дня!“—мысленно рѣшилъ Антошка, придумывая какъ бы онъ могъ доказать свою преданность...

И пока онъ раздувалъ уголья, въ головѣ его бродили, смѣняясь одна другой, самыя смѣлыя мечты о томъ, какъ онъ потомъ купитъ „графу“ шубу и найметъ ему комнату побольше... Какъ онъ избавитъ его отъ работы, которая ему почему-то кажется тяжелой и неприятной, хотя, казалось ему, что особенно неприятнаго нѣтъ—писать письма и получать въ отвѣтъ деньги. И не особенно тяжело, если только тепло одѣться, попросить на улицѣ у хорошо одѣтыхъ людей... Что имъ стоитъ дать пятачекъ?.. По крайней мѣрѣ, когда онъ работалъ въ нищенкахъ, онъ нисколько не стѣснялся... Но „графъ“ не хочетъ, чтобы Антошка такъ работалъ, и Антошка, конечно, не будетъ... „Графъ“ худо не научить. Только бы поскорѣй ему поучиться читать и писать, а тамъ онъ найдеть мѣсто... Онъ поступитъ въ прикащики въ лавку. Чего лучше? А то сдѣлается газетчикомъ... тоже недурно... Во всякомъ случаѣ онъ позаботится о добромъ „графѣ“. И Анисья Ивановна пусть вмѣстѣ живетъ... И Нютка тоже... То-то будетъ отлично!

И Антошка находился въ такомъ альтруистическомъ настроеніи, что въ своихъ ребячьихъ мечтахъ не разу не вспом-

нѣль (ни о дяденьѣ, ни о вѣдьмѣ, и въ данную минуту далекъ былъ отъ мысли засадить перваго въ острогъ, а вторую бросить подъ коню.

ХІ.

„Графъ“ усадилъ Анисью Ивановну на стулъ и, предложивъ ей полакомиться пастилой, совѣтовался съ ней на счетъ того, что можно сдѣлать для Антошки на семь рублей.

Анисья Ивановна приняла живое участіе въ этомъ дѣлѣ и кстати похвалила мальчика. Сегодня онъ самъ вызвался ей помогать и дѣлалъ все со стараніемъ. Она предложила свои услуги по части бѣлья. На два рубля она купитъ холста и сошьетъ ему по парѣ рубахъ, исподнихъ и подвертокъ.

— А за два рубля, Александръ Ивановичъ, можно купить въ рынкѣ сапоги, а на три цѣлый костюмъ для мальчика. Вотъ и обули, и одѣли...

— Вы говорите: можно? Отлично! Только за глаза трудно поупать... Идти-то ему не въ чемъ.

Но и это затрудненіе было улажено. Анисья Ивановна обѣщала попросить у дворника пальтецо и сапоги его сынишки. Онъ одного роста съ Антошкой.

„Графъ“ горячо благодарилъ хозяйку. Отдавая ей два рубля, онъ передалъ ей еще полтинникъ, чтобъ покончить маленькіе счета.

— Да вы не торопитесь, Александръ Ивановичъ. Мнѣ пока деньги не нужны, а у васъ большіе расходы.

— Пожалуйста,—настояль „графъ“.—У меня есть въ виду значительная получка, Аксинья Ивановна. Непремѣнно двадцать рублей должны прислать!—прибавилъ „графъ“.—Куда-жъ вы? Сейчасъ Антошка самоваръ принесетъ.. Не угодно ли съ нами чаю напитокъся?

Анисья Ивановна сперва отнѣкивалась, но кончила тѣмъ, что согласилась выпить „чашечку“ и пошла за стаканами и чашкой.

Скоро на маленькомъ столѣ шумѣлъ самоваръ. Около стояли варенье, пастила и калачи. Отъ ветчины всѣ отказались.

Антошка угощался на славу и только удивлялся, что „графъ“ ничего не ѣстъ, а пьетъ пустой чай и попыхиваетъ папирозской. Анисья Ивановна, молча, прикусывая вареньемъ, выпила чашку и скоро поднялась, объяснивъ, что у нея дѣло...

— А мѣрку я завтра съ тебя сниму, Антошка!—проговорила она, уходя.

— Вотъ, братъ, дѣло и слажено... Завтра мы тебя обмундируемъ!—промолвилъ „графъ“.—А потомъ я тебя въ одной княгинѣ пошлю...

— Къ княгинѣ? Зачѣмъ мнѣ идти къ княгинѣ. Съ письмомъ, что ли?

— Нѣтъ, такъ. Она съ тобой говорить будетъ...

— Настоящая княгиня?

— Настоящая...

— Зачѣмъ же ей со мной говорить?..

— Разспрашивать будетъ... Ты ей всю правду говори, какъ жилъ у дяденьки, какъ ко мнѣ убѣжалъ...

— Къ чему ей это знать?..

— Она, быть можетъ, денегъ дастъ или захочетъ опредѣлить тебя куда-нибудь...

— Я бы отъ васъ нигуда не хотѣлъ!—рѣшительно заявилъ Антошка.

— Я и самъ не отпущу тебя, если ты согласенъ со мною жить... Развѣ ужъ что-нибудь хорошее представится...

— Ничего не представится. А я мѣсяца въ два, Богъ дастъ, выучусь писать и читать по настоящему и тогда въ газетчики поступлю. У меня есть одинъ знакомый газетчикъ... Онъ схлопочетъ...

— Въ газетчики?—протянулъ „графъ“.

— Что жъ развѣ худое мѣсто? Не бойсь, жалованье дадутъ... А я у васъ жить буду.

— Положимъ, и въ газетчики не дурно... Всякія новости знать будешь. Но можно и лучше сыскать мѣсто, если подольше поучиться. Напримѣръ, этакъ, знаешь ли, машинистомъ, а?.. Ты прежде поучись основательно... А ужъ мы съ тобой какъ-нибудь да прокормимся... Много ли намъ нужно? А къ княгинѣ ты все-таки сходи... Кто знаетъ, она, быть можетъ, что-нибудь и сдѣлаетъ... Кстати увидишь, какъ живутъ князья... Любопытно...

— Не бойсь, очень богато... Мнѣ сказывалъ одинъ чело-вѣкъ, будто они ѣдятъ на серебряныхъ и на золотыхъ тарелкахъ, а купаются въ молокъ... Это правда?

— Не совсѣмъ... Твой человѣкъ нѣсколько преувеличилъ...
Но все-таки живутъ богато...

— И лакеевъ страсть?

— Есть-таки.

— А вы, графъ, тоже прежде были богаты?

— Былъ, Антошка...

— То-то васъ графомъ называютъ...

— Только я не графъ...

— Изъ какихъ же вы будете?

— Изъ дворянъ, изъ старинныхъ дворянъ, Антошка!

— Это изъ господъ, значить?..

— Именно, мой другъ...

— Я такъ и полагалъ, что вы изъ важныхъ...

— Это почему?

— Видь у васъ такой графскій... Сейчасъ примѣтно... Другой и видно богачъ, а виду нѣтъ... А вы богаты тоже были?— допрашивалъ Антошка.

— Да... было состояніе...

— И много у васъ денегъ было?... Тысячъ десять, поди?— освѣдомлялся Антошка, имѣвшій о богатствѣ довольно смутныя представленія.

— Тысячъ триста считай!— усмѣхнулся „графъ“.

Антошка ахнулъ. Въ его воображеніи пронеслось что-то колоссальное.

„Я бы такихъ денегъ не спустил!“ — подумалъ онъ и спросилъ:

— За такія деньги можно, напримѣръ, домъ купить?

— Да еще какой!

— Ишь ты!— Куда жъ вы столько денегъ протратили?

— Такъ, зря протратилъ... на всякія глупости и безобразія... Только и жилъ для того, чтобъ себя потѣшить и другимъ показать: вотъ какой я дуракъ... Не понималъ тогда, что это гнусно...

— Для форца, значить?— старался уяснить себѣ Антошка.

— То-то для форца; какъ ты выражаешься... И когда я ухнулъ свои триста тысячъ, я еще задолжалъ на двѣсти... Отецъ долги заплатилъ и отказался отъ меня... Проклялъ... Понялъ?

— Понялъ!— шепнулъ Антошка, невольно вздрагивая при представленіи объ ужасѣ проклятія.

— Ну вот съ тѣхъ поръ я и сдѣлался нищимъ...

Антошка участливо посматривалъ на „графа“.

— А развѣ тогда никто вамъ не помогъ?—спросилъ онъ.

— Никто... Да и къ чему помогать такому мотыгѣ? Рѣшительно не въ чему!

— А я на мѣстѣ отца помочь бы!—рѣшительно заявилъ Антошка.

„Графъ“ усмѣхнулся.

— Капиталу большого не далъ бы, а отпускалъ бы на прожитокъ... А то вдругъ такъ-таки и бросить человѣка. Пропалъ, молъ!

„Графъ“ любовно взглянулъ на своего сожителя и словно бы про себя замѣтилъ:

— Оно, пожалуй, и лучше вышло, что тогда меня всѣ бросили... А то я такъ бы свиньей и остался!

Этой „философiи“ Антошка видимо не понялъ и удивленно приподнялъ брови. По его мнѣнiю, получать барину на прожитокъ отъ сродственникововъ ничего общаго не имѣло со свинствомъ. На то онъ и баринъ, чтобы ничего не дѣлать... Видалъ онъ, слава Богу, господъ... Катаются себѣ да гуляютъ. Пречудесно!

Однако онъ не сообщилъ этихъ соображенiй „графу“, и съ большимъ любопытствомъ и нѣкоторымъ соболѣзнованiемъ спросилъ послѣ минуты молчанiя:

— А еслибъ *того* не случилось... вы могли бы выдти въ генералы?

— Навѣрное. Всѣ мои товарищи генералы... Я прежде офицеромъ былъ.

— Офицеромъ?—протянулъ удивленно Антошка.

— Хочешь посмотрѣть, какой я былъ?

„Графъ“ досталъ изъ своего сундука старенькiй альбомъ и, передавая его Антошкѣ, проговорилъ:

— Вотъ узнай-ка, гдѣ я.

Антошка сталъ разсматривать альбомъ, въ которомъ было много офицеровъ, генераловъ въ крестахъ и со звѣздами и красивыхъ дамъ, нѣсколько огорошенный такимъ обилiемъ важныхъ особъ.

— Это все ваши сродственники, графъ?

— Тутъ не одни родственники; есть и бывшiе товарищи и знакомые...

— И князя, и графы есть?

— Однако ты, Антошка, какъ посмотрю, имѣешь къ нимъ большое пристрастіе... Ужъ не думаешь ли и ты графомъ быть со временемъ?—разсмѣялся „графъ“.—Ну, а меня не узналъ?

— Нѣтъ!—отвѣчалъ нѣсколько сконфуженный Антошка.

— Вотъ, полюбуйся!

И „графъ“ указалъ на фотографію молодого красавца-брюнета, въ полной парадной формѣ уланскаго офицера, веселаго, жизнерадостнаго, съ смѣлымъ, слегка надменнымъ, выраженіемъ въ большихъ глазахъ. И поза на фотографіи была вызывающая, самоувѣренная...

— Это—вы?—воскликнулъ, полный восхищеннаго изумленія, Антошка, и его быстрые, варіе глаза перебѣгали съ портрета на оригиналь, желая уловить сходство.

— Я... Собственной своей персоной...

— Теперь и не признать!

— Ну еще бы!—грустно протянулъ „графъ“.

И по его преждевременно состарившемуся, испитому землистому лицу, нисколько не напоминавшему красавца на портретѣ, пробѣжала тѣнь...

— Укатали, братъ, сивку крутыя горки! — примолвилъ „графъ“.

Оба примолкли.

— Однако, ложись спать, Антошка... Завтра пораньше пойдемъ въ рынокъ покупать тебѣ обмундировку... Ложись... О князьяхъ и графахъ еще успѣемъ поговорить... Только, знаешь ли что?.. Не особенно завидуй имъ... Право, не стоитъ...

Скоро они улеглись спать.

Антошка, хоть и полонъ былъ новыми впечатлѣніями и мыслями, но, тѣмъ не менѣе, довольно скоро сладко захрапѣлъ.

Въ этотъ вечеръ, передъ отходомъ ко сну, „графъ“ почему-то вдругъ вспомнилъ о совѣтахъ доктора и не вынулъ обычныхъ нѣсколькихъ рюмокъ водки, хотя бутылка и была имъ принесена въ числѣ другихъ закупокъ и спрятана въ сундукъ, чтобъ Антошка ея не видалъ. И—что еще было страннѣй!—ему, еще нѣсколько дней тому назадъ совѣмъ равнодушному къ смерти, теперь, напротивъ, очень хотѣлось жить.

Долго ворочался „графъ“ на своемъ жесткомъ блинчатомъ тюфякѣ, долго кашлялъ сквернымъ, сухимъ кашлемъ, чувствуя,

какъ ноетъ грудь, и долго думалъ объ Антошкиной судьбѣ и объ его полшубѣѣ.

„Неужели „знатный братецъ“ до конца будетъ послѣдователенъ и оставитъ просьбу безъ отвѣта? Неужели жалость недоступна его сердцу?“

И въ головѣ „графа“ забродили воспоминанія о „братцѣ“.

Никогда они не были близки и дружны. Этотъ благо-разумный, солидный и корректный Костя, любимецъ отца, всегда относился нѣсколько свысока къ безпутному Шуркѣ и нерѣдко читалъ ему нравоученія. И всегда онъ былъ какой-то жесткій и гордился и тѣмъ, что вышелъ изъ школы правовѣдѣнія съ золотой медалью, и своимъ умомъ, и своими блестящими успѣхами по службѣ. Когда бабушка оставила одному Шуркѣ, своему любимцу, свое состояніе, братъ еще болѣе озлился на Шурку, говорилъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ, что дуракамъ счастье, и наотрѣзъ отказался взять половину наслѣдства, которую Шурка великодушно предложилъ старшему брату. Съ тѣхъ поръ они рѣдко и видались. Шурка просаживалъ наслѣдство, а Костя работалъ, усердно дѣлая карьеру. Скоро онъ уѣхалъ въ провинцію, назначенный двадцати семи лѣтъ прокуроромъ окружного суда, и вернулся въ Петербургъ, чтобы занять довольно видное мѣсто въ то самое время, какъ младшій братъ долженъ былъ выдти изъ полка и избѣжалъ позора суда за подлогъ только благодаря тому, что отецъ заплатилъ за сына большую часть своего состоянія... Послѣ этого „Шурка“ обратился за помощью къ брату, но получилъ отъ него жестокое письмо...

О, это было одно изъ тѣхъ безсердечныхъ и въ то же время неумолимо справедливыхъ писемъ, логичныхъ и строго принципиальныхъ, которыя могутъ писать только очень сухіе и мнѣящіе себя непогрѣшимыми люди. И „графъ“ до сихъ поръ не забылъ этого письма—онъ даже сохранилъ его—въ которомъ старшій братъ привелъ вѣскія соображенія, почему онъ считаетъ невозможнымъ помочь человѣку, дѣлающему подложныя надписи, хотя бы такимъ человѣкомъ былъ и родной братъ, и почему онъ „поворнѣйше проситъ“ не считать его братомъ и ни въ какія сношенія не входить. Далѣе онъ откровенно выражалъ сожалѣніе, что отецъ заплатилъ по векселю, а не передалъ дѣла судебному разбирательству, и рекомендовалъ пустить себя пулю въ лобъ. Это было бы самое лучшее.

Съ тѣхъ поръ прошло пятнадцать лѣтъ. „Графъ“ зналъ изъ газетъ, что братъ занимаетъ очень видное мѣсто. О немъ пишутъ въ газетахъ. Въ иллюстраціяхъ помѣщаютъ его портреты. „Знатный братецъ“ былъ знаменитъ, и пропойца-нищій раза два-три видѣлъ его на улицѣ... видѣлъ и каждый разъ вспоминалъ его со злобой. Онъ ненавидѣлъ его и глубоко презиралъ, считая его далеко не заслуживающимъ той репутаціи, какой онъ пользовался. Прослышавъ про его богатство, онъ былъ увѣренъ, что „знатный братецъ“, не смотря на всю свою корректность, далеко не разборчивъ въ средствахъ, но только умѣетъ ловко хоронить концы.

„Навѣрное воруетъ!“ — рѣшилъ „графъ“ и нерѣдко въ компаніи такихъ же пропойцъ, какъ онъ самъ, ораторствовалъ по поводу несправедливости и неправды, которыя царятъ на землѣ.

— Укради что-нибудь какой-нибудь уличный ворюшка — и его въ тюрьму, ему нѣтъ пощады, а если воруетъ видное лицо, какъ бы вы думали, что ему?.. Ничего! Даже если и попадется, то самое большее, что уволить и назначать въ какой-нибудь совѣтъ... Такъ-то на свѣтѣ творятся дѣла!

Онъ все ждалъ, что „знатный братецъ“ попадется и его уволить, но проходили года, и онъ крѣпко сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, хотя озлобленная увѣренность „графа“ какъ будто и имѣла нѣкоторыя основанія. По крайней мѣрѣ, о безкорыстін Опольева ходили весьма неслестные слухи въ бюрократическихкихъ кругахъ, и многіе удивлялись, какъ это министръ вѣрить въ добродѣтели Опольева.

Съ такими недобрими воспоминаніями о своемъ „знатномъ братцѣ“ графъ еще долго не засыпалъ. Онъ ужъ не надѣялся больше на отвѣтъ. Никакого отвѣта не будетъ. Необходимо придумать новый источникъ для приобрѣтенія полушубка.

XII.

На слѣдующее утро, скверное и сырое октябрьское утро, „графъ“ съ Антошкой отправились въ Александровскій рынокъ и послѣ тщательнаго осмотра разныхъ востюмовъ и сапогъ купили, наконецъ, все, что было нужно.

Нельзя сказать, чтобы „графъ“ былъ удовлетворенъ покупками, но за то Антошка былъ въ полномъ восторгѣ и

отъ сапогъ, и отъ поношенной темно-сѣрой блузы, и отъ штановъ, приобрѣтенныхъ за три рубля послѣ довольно оживленнаго торга. Въ такомъ костюмѣ Антошка еще никогда не ходилъ. Все было цѣло и, главное, впору, точно на него шитое. „Дяденькины“ же костюмы всегда отличались полнымъ несоотвѣтствіемъ съ тоненькой и худенькой фигурой Антошки и имѣли видъ мѣшковъ. Недурна была и фуфайка, пріятно согрѣвающая грудь, хороша была и шапка изъ поддѣльныхъ смушекъ, купленная у татарина за двугривенный.

Изъ рынка они вернулись домой. Отворила имъ двери Ани-сья Ивановна, необыкновенно радостная, и тотчасъ же сообщила „графу“, что его ждетъ посыльный съ „пріятнымъ письмецомъ“.

— Ужъ полчаса, какъ дожидается, Александръ Ивановичъ. Не могу, говорить, безъ росписки довѣрить... А я тоже сбѣгала, холста купила... Вечеромъ и пить начну...

Радостное волненіе охватило „графа“ при извѣстіи о „пріятномъ письмецѣ“ и напрасно онъ старался скрыть его! Лицо его мгновенно просвѣтлѣло и оживилось, и голосъ дрогнулъ, когда онъ торопливо проговорилъ:

— Попросите-ка, Ани-сья Ивановна, посыльнаго... Что за письмецо...

„Совѣсть въ немъ, видно, не совсѣмъ пропала!“ подумалъ онъ въ ту же минуту.

Посыльный вошелъ въ комнату „графа“ и подаль ему небольшой, элегантнѣй, надушенный конвертъ съ коробкой. Къ изумленію „графа“, почеркъ на конвертѣ былъ очевидно женскій: мелкій англійскій и довольно красивый.

Онъ вскрылъ конвертъ. Тамъ было письмо и въ немъ двадцати-пяти-рублевая бумажка. Тѣмъ же мелкимъ почеркомъ написанное письмо было слѣдующаго содержанія:

„Дорогой дядюшка,

„Папа поручилъ мнѣ послать прилагаемыя деньги и извиниться передъ вами, что самъ не отвѣчаетъ вамъ. Онъ очень занятъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проситъ не благодарить его, и если вамъ что будетъ нужно, обращаться ко мнѣ. Я съ большимъ удовольствіемъ принимаю на себя эту обязанность и усердно прошу не забывать этого. Дай Богъ вамъ и вашему бѣдному мальчику всего хорошаго. Преданная вамъ Нина Ополева“.

Глаза „графа“ были влажны, когда онъ прочиталъ это письмо.

Онъ понялъ, почему не надо благодарить „знатнаго братца“, и тотчасъ же написалъ племянницѣ:

„Дорогая Нина Константиновна,

„Ваша помощь и ваше доброе письмо тронули меня до глубины души. Что бы вамъ ни говорили обо мнѣ, вѣрьте, что присланныя вами деньги будутъ употреблены на мальчика. Будьте счастливы и примите горячую благодарность отъ меня и отъ мальчика. Безгранично благодарный А. Ополъевъ“.

— Вотъ вамъ отвѣтъ и двугривенный за то, что ожидали меня!—радостно проговорилъ „графъ“, обращаясь къ старику посыльному.

И затѣмъ спросилъ:

— Кто вамъ письмо передалъ? Сама барышня или прислуга?

— Сама барышня... Позвали въ корридоръ передъ кухней и передали...

— Что, какъ она?.. Должно быть, совсѣмъ молодая?

— Молодая... Лѣтъ этакъ двадцати, не болѣе.

— Таеъ, таеъ... Брюнетка или блондинка?

— Чернявенькія, сударь... И аккуратненькая такая барышня...

— А собой какъ?.. Красива?

— Очень даже лицомъ пріятныя... И простыя такія, даромъ, что такого важнаго генерала дочь... Ласково такъ говорила со мной... Просили, чтобы скорѣй отнесъ вамъ письмо... Очень, моль, нужное... Въ собственныя руки безпремѣнно отдайте... И цѣлыхъ шесть гривенъ дали... Не по такціи, значить.

„Не въ отца!“—подумалъ „графъ“.

Когда посыльный ушелъ, „графъ“ весело воскликнулъ, показывая Антошкѣ бумажку, которую давно уже не видалъ въ своихъ рукахъ:

— Вотъ мы и съ полушубкомъ, Антошеа... И у насъ еще про запасъ останется... Рѣшительно тебѣ везетъ счастье! Спасибо милой племянницѣ... Спасибо молодому, доброму сердцу... Оно отозвалось и повѣрило... Да, Антошка, молодость-то отзвучива...

— А откуда у барышни таеъ много денегъ, что она вамъ

такую бумажку прислала? — задалъ вопросъ практичный Антошка.

— Откуда... Вѣрно, отецъ на булавки ей даетъ... Она единственная у него дочь...

— На булавки... и такую пропасть денегъ?..

„Графъ“ объяснилъ, что значить „на булавки“, и пошелъ забавлять Анисью Ивановну обѣдъ.

Въ тотъ же день Антошка щеголялъ въ полушубкѣ.

„Графъ“ въ этотъ вечеръ не выходилъ на работу.

XIII.

Княгиня Марья Николаевна Моравской тридцать два.

Такъ, по крайней мѣрѣ, она говоритъ вотъ уже года три, четыре, и показаніе это нисколько не противорѣчитъ ея наружности.

Она недурна собой, даже красива, свѣжа, цвѣтуща и пышетъ здоровьемъ. Слегка подведенные глаза полны блеска и жизни и въ то же время цѣломудренно-строги. Талии ея позавидовали бы многія барышни. Походка легка и граціозна. Фигура красивая и внушительная, напоминающая римскую матрону древнихъ временъ.

Всѣмъ этимъ она обязана не одному только Господу Богу, но въ значительной мѣрѣ и самой себѣ, такъ какъ заботы о своей персонѣ она возводитъ до степени культа и ведетъ самый гигиеническій образъ жизни, чтобъ не пополнилъ, не подурнить и преждевременно не поблекнуть.

Она ежедневно беретъ холодную ванну, спитъ въ прохладной комнатѣ, ходитъ пѣшкомъ верстъ по пяти, не ѣстъ мучнаго и сладкаго, не пьетъ горячаго чая или кофе, рано ложится спать и рано встаетъ, словомъ, основательно блюдетъ себя.

Дѣтей у нея нѣтъ. Мужу, военному генералу, страдающему ревматизмомъ и печенью, подъ шестьдесятъ. Исключительно свѣтская жизнь княгиню не удовлетворяетъ. Семейная—и недавно. Супругъ совсѣмъ неинтересенъ со своимъ ревматизмомъ и брюжжаніемъ. Свободнаго времени у княгини много, и она отдаетъ его на служеніе ближнимъ.

Она—дама-благотворительница, необыкновенно дѣятельная и энергичная.

Въ этой дѣятельности она находитъ удовлетвореніе. Погло-

ценная ею, княгиня не такъ чувствуетъ „тяжесть креста“, какъ фігурально она называетъ свой бракъ съ почтеннымъ генераломъ.

Въ свою очередь, и князь хотя и относится слегка насмѣшливо къ „филантропическому зуду“ жены и къ тому, что она „пускаетъ къ себѣ всякую сволочь“, тѣмъ не менѣе, въ сущности, весьма доволенъ и охотно открываетъ супругѣ свой кошелекъ.

Еще бы! Вѣдь, благодаря ея увлеченію, онъ избавился отъ семейныхъ сценъ, онъ не видитъ скучающаго лица любимой жены, онъ не слышитъ ядовитыхъ намековъ о загубленной жизни.

Все это, какъ рукой сняло, съ тѣхъ поръ, какъ Марья Николаевна посвятила себя дѣламъ благотворенія и въ нихъ, казалось, забыла о неудовлетворенности личной своей жизни. Она стала мягче и ласковѣе съ мужемъ и, повидимому, прощала ему и его шестьдесятъ лѣтъ, и его печень, и терпѣливо выслушивала за обѣдомъ жалобы князя на государственныхъ людей.

Вы, вѣроятно, видѣли эту высокую, статную, эlegantную женщину со слегка приподнятой головой, одѣтую почти всегда въ черное, безукоризненно сшитое, платье, на благотворительныхъ вечерахъ, гдѣ она является въ качествѣ распорядительницы и всегда о чемъ-то хлопочетъ, отдаетъ приказанія, появляясь то тутъ, то тамъ? Если не видали, то, навѣрное, знаете княгиню Моравскую по наслышкѣ, какъ объ извѣстной благотворительницѣ. И ужъ во всякомъ случаѣ встрѣчали ея имя въ газетахъ.

Она предсѣдательница кружка: „Помогай ближнему!“, членъ разныхъ благотворительныхъ обществъ, издательница и авторъ многихъ душевспасительныхъ брошюръ, рекомендующихъ въ горячей вѣрѣ найти забвеніе отъ терній жизни, устроительница всякихъ благотворительныхъ спектаклей, концертовъ, лекцій и базаровъ, и одна изъ самыхъ умѣлыхъ и назойливыхъ опустошительницъ кармановъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ въ различныхъ слояхъ общества.

Стоитъ только быть ей представленнымъ или явиться къ ней по какому-нибудь дѣлу, какъ черезъ минуту, другую у васъ въ рукахъ два, три билета на какое-нибудь зрѣлище

съ благотворительной цѣлью. Отдѣлаться отъ княгини такъ же трудно, какъ попасть въ царство небесное. Она нападаетъ внезапно, безъ всякихъ предисловій, и смотритъ на васъ такъ строго и рѣшительно, что нужно обладать большимъ мужествомъ, чтобы немедленно не вынуть бумажника и не заплатить контрибуціи.

Репутація княгини въ свѣтѣ выше всякихъ подозрѣній. Ея даже не злословятъ и только удивляются самоотверженію, съ какимъ она несетъ крестъ свой, имѣя на рукахъ шестидесятилѣтняго мужа. Ее уважаютъ, но не особенно любятъ.

Но, какъ бы то ни было, а княгиня высоко держитъ знамя супружескаго долга и женской добродѣтели и, гордая ею, даже не повторяетъ словъ Пушкинскои Татьяны, такъ какъ никого не любитъ, кромѣ самой себя.

Въ это утро княгиня, проведя послѣ ванны цѣлый часъ въ уборной, гдѣ выпила чашку жидкаго чая съ крошечнымъ сухарикомъ, по обыкновенію ровно въ девять часовъ вышла въ свой роскошный небольшой кабинетъ, убранный съ тонкимъ вкусомъ и изяществомъ и полнымъ рѣдкихъ художественныхъ вещей.

Свѣжая, цвѣтушая и благоухающая, княгиня была въ черномъ кашемировомъ платьѣ, нѣжная ткань котораго плотно охватывала красивыя формы. Темноваштановые волосы были гладко зачесаны назадъ и собраны въ коронку, возвышавшуюся надъ головой. Не совсѣмъ правильныя крупныя черты ея лица не лишены были той холодной красоты, которая свѣтитъ, а не грѣетъ. Высокій лобъ, прямой римскій носъ, чуть-чуть приподнятый, съ расширенными ноздрями, румяныя щеки, тонкія, плотно сжатыя губы, большіе темносѣрые глаза и надъ ними красивыя дуги густыхъ бровей.

И въ выраженіи этихъ глазъ, и въ складѣ рта, и въ нѣсколько горделивомъ подъемѣ головы, и во всей ея фигурѣ было что-то строгое, холодное и самоувѣренное. Сразу чувствовалось, что эта красивая женщина любитъ себя и свое холеное тѣло, внутренне любитъ собой и своимъ видомъ будто говорить: „Посмотрите, какая я цвѣтушая, здоровая и добродѣтельная. Чувствуйте это!“

Въ маленькихъ ея ушахъ сверкали брилліантовые кабюшоны. На рукахъ колець не было, за исключеніемъ обручальнаго. Кольца едва бы шли къ ея нѣскольکو крупнымъ, почти мужскимъ, бѣлымъ, выхоленнымъ рукамъ съ крѣпкими розоватыми ногтями большихъ, но породистыхъ пальцевъ.

Она подошла къ письменному столу, на которомъ съ поразительною аккуратностью были разставлены разные письменныя красивыя принадлежности и разложены бумаги и книги, и посмотрѣла въ свою маленькую записную книжку, въ которую княгиня записывала программу дня.

Оказалось, что сегодня во время прогулки ни одного изъ кліентовъ кружка посѣщать не слѣдуетъ. Въ часъ у нея засѣданіе комитета; въ три у нея назначено дѣловое свиданіе, а въ четыре она должна ѣхать хлопотать о концертѣ. Вечеромъ — благотворительный спектакль.

Она просмотрѣла затѣмъ аккуратно собранныя въ папкѣ прошенія для доклада въ сегодняшнее засѣданіе и, взглянувъ на часы, прошла черезъ анфиладу комнатъ на половину мужа. Она всегда ходила здороваться къ нему сама, чтобы мужъ не являлся къ ней и не засиживался у нея, отнимая время.

Низенькій, худой, плѣшивый старикъ-генераль въ коротенькой тужуркѣ съ закутанными въ пледъ ногами, сидѣлъ въ большомъ креслѣ въ жарко натопленномъ кабинетѣ и читалъ газету.

При видѣ своей молодой и цвѣтущей жены, съ появленіемъ которой въ комнату какъ будто ворвалось само здоровье, онъ завистливо вздохнулъ и, поднявшись съ кресла, пошелъ къ ней на встрѣчу, стараясь твердо ступать тоненькими ногами и вообще принять молодцоватый видъ.

— Здравствуй, Маріе.

И князь почтительно и нѣжно поцѣловалъ руку жены. Она слегка привоснула губами къ его холодному желтоватому лбу.

Передъ высокой, крѣпкой, здоровой княгиней, тщедушный князь казался какимъ-то карликомъ.

— Добраго утра, Пьеръ. Ну, какъ ты сегодня себя чувствуешь. Кажется, хорошо?—спросила княгиня своимъ низкимъ и густымъ красивымъ контральто.

— Сегодня какъ будто лучше... Ревматизмъ не донимаетъ... А тебя и спрашивать нечего... Цвѣтешь, красавица!—

прибавилъ нѣжно князь, и взглядъ его маленькихъ тусклыхъ глазъ скользнулъ по роскошному бюсту жены...

— Ну до свиданія... Иду гулять...

— До свиданія, Магіе...

Онъ опять поцѣловалъ женину руку и спросилъ:

— Къ завтраку придешь?

— Разумѣется...

Княгиня облегченно вздохнула, выйдя изъ этой душной, натопленной комнаты—она не любила жаркихъ комнатъ—и прошла въ переднюю.

Молодая, чисто одѣтая горничная ужъ ожидала ее тамъ со шляпкой, перчатками и зонтикомъ. Представительный лакей подаль ей коротенькую жакетку, и княгиня, несмотря на сырость и дождь, пошла „дѣлать моціонъ“, направляясь твердой и скорой походкой съ Гагаринской набережной къ Лѣтнему саду.

Передъ уходомъ, она взглянула на часы. Было ровно десять.

— Въ половинѣ двѣнадцатаго я вернусь! — сказала она швейцару и прибавила: — Если кому-нибудь меня нужно видѣть, пусть подождетъ.

— Слушаю, ваше сіятельство! — отвѣчалъ швейцарь.

Княгиня обязательно гуляла ровно полтора часа, ни болѣе, ни менѣе, имѣя съ собою подометръ, и — совсѣмъ не по женски — была аккуратна, какъ вѣрнѣйшіе часы, и — что еще удивительнѣе — умѣла отдавать приказанія кратко, ясно и точно.

XIV.

Вернулась она слегка вымокшая, зарумяненная и проголодавшаяся.

— Никого не было?

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство!

Перемѣнивъ обувь (калошъ княгиня не носила) и чулки, она присѣла къ письменному столу и принялась просматривать газеты, принесенныя отъ князя и отчеркнутыя краснымъ карандашомъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя почему-либо ему очень нравились или, напротивъ, возбуждали его негодованіе.

Княгиня, впрочемъ, не особенно интересовалась такими мѣстами, находя взгляды мужа слишкомъ ужъ напоминающими времена Іоанна Грознаго, но все-таки ихъ прочитывала, чтобы подавать въ случаѣ разговора реплики.

Часы пробили двѣнадцать.

И съ послѣднимъ ударомъ хорошо вышколенный княгиней лакей доложилъ, что завтракъ поданъ.

Княгиня отложила въ сторону непрочитанныя еще „Times“ и „Figaro“ и торопливо прошла въ столовую.

Князь уже былъ тамъ въ растегнутомъ сюртукѣ, подъ которымъ былъ ослѣпительной бѣлизны жилетъ, и не сѣлся въ ожиданіи княгини.

Имъ подали различныя блюда послѣ того, какъ они отвѣдали закуски. Князю—бульонъ, яйца въ смятку и рубленную разбавленную хлѣбомъ, куриную котлетку съ какимъ-то пюре, а княгинѣ—большой сочный кусокъ філе.

Плотоядный огонекъ блеснулъ въ глазахъ проголодавшейся женщины, когда она, съѣвъ маленькій кусочекъ селедки, положила салфетку за воротъ платья, и положила съ серебрянаго блюда къ себѣ на тарелку філе, поливъ его почти кровавымъ соусомъ.

Она ѣла „корректно“, не спѣша, съ видимымъ наслажденіемъ, хорошо прожевывая куски и запивая ихъ глотками чуть-чуть тепловатаго полька изъ маленькаго стакана, и что-то животное, напоминающее радостнаго звѣря, было въ это время въ красивомъ лицѣ княгини. Глаза оживились; широкія ноздри слегка раздувались.

Она вся, казалось, отдавалась наслажденію ѣды, серьезная и сосредоточенная и словно бы инстинктивно чувствовала, что въ этомъ кровавомъ нѣжномъ мясѣ, которое она дробитъ своими крѣпкими и крупными бѣлыми зубами, она черпаетъ и свою свѣжесть, и румянецъ, и здоровье.

А генераль въ эту минуту лѣниво ковырялъ вилкой котлетку, поглядывая на жену и завидуя ея аппетиту. Онъ зналъ, что жена не любитъ разговаривать во время ѣды, и молчалъ.

Княгиня окончила мясо и чувствовала, что еще голодна. Но она удержалась отъ соблазна взять кусокъ холодной индѣйки, поданной лакеемъ, и только скушала немножко цвѣтной капусты.

Затѣмъ ей подали крошечную чашку кофе и тутъ же на подносѣ письмо.

Она прочитала письмо и сказала лакею:

— Пусть мальчикъ подождетъ. Когда я кончу завтракать, проведите его въ корридоръ. Что, онъ очень грязенъ?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, не замѣтно...

— А одѣтъ какъ, въ лохмотьяхъ?

— Одѣяніе весьма пристойное. Полушубокъ-съ.

— Въ такомъ случаѣ проведете его въ мой кабинетъ!— приказала княгиня.

Она выжидала, пока остынетъ кофе, и генералъ воспользовался этимъ, чтобъ заговорить.

— А ты обратила, Магіе, вниманіе, что дѣлается во Франціи...

— Какъ же, читала...

— Недурная страна равенства и братства... Хе-хе-хе...

Княгиня отмалчивалась.

— Извини, меня тамъ ждуть,—проговорила она, вставая...

Поднялся и князь.

— Непремѣнно, Магіе, прочти... Это Богъ знаетъ что такое...

— Прочту, будь увѣренъ...

— Тебѣ не нужна будетъ карета?.. Я ѣду сегодня въ совѣтъ.

— Нѣтъ... Я выѣду на дрожкахъ.

И супруги разошлись по своимъ комнатамъ.

Тѣмъ временемъ Антошка, вымытый и причесанный, въ новомъ полушубкѣ и вычищенныхъ сапогахъ сидѣлъ въ столовнѣ въ обширной кухнѣ и зоркими, любопытными глазами молчаливо наблюдалъ и повара въ бѣлой курткѣ и колпакѣ, и лакея во фракѣ, и забѣгавшую щеголеватую гбрничную, и не оставилъ безъ должнаго вниманія длиннаго ряда блестящихъ костюловъ, костюлекъ и разныхъ невиданныхъ имъ формъ и мѣдныхъ вещей, разставленныхъ на трехъ полкахъ.

Это обиліе вычищенной на славу мѣдной посуды нѣсколько удивило его, и онъ рѣшилъ, что держать столько бесполезныхъ вещей положительно не къ чему. Если бы половину продать, и то было бы за глаза достаточно.

И пылкое его воображеніе уже оцѣнивало приблизительно стоимость назначеннаго имъ къ продажѣ, и на эти деньги,

которы онъ почему-то уже считалъ своей собственностью, покупало теплую шубу „графу“, необходимую для такого большого челсвѣка. А эту ночь бѣдный „графъ“ все кашлялъ, кашлялъ и утромъ, снаряжая Антошку въ княгинѣ, часто схватывался за грудь.

Анисья Ивановна поила „графа“ малиной и совѣтовала ему посидѣть дома!

Вотъ почему Антошка жалѣлъ „графа“, и воображеніе его, увлеченное видомъ бесполезныхъ кострюль, работало въ извѣстномъ направленіи.

Затѣмъ, наблюдая, какъ поварь безъ церемоніи пробуетъ кушанья, Антошка возмѣлъ желаніе сдѣлаться поваромъ и началъ, было, размышлять, сколько княжескій поварь долженъ получать жалованья (должно быть, не мало—не даромъ онъ такой толстый!),—какъ вошедшій лакей прервалъ его размышленія и сказалъ:

— Пойдемъ, мальчикъ, въ княгинѣ!.. Да сапоги оботри хорошенько, а то наслѣдишь!

Нѣсколько оробѣвшій Антошка вытеръ на-сухо сапоги и пошелъ вслѣдъ за лакеемъ, осторожно ступая по паркетнымъ поламъ и коврамъ.

Лакей отворилъ двери кабинета и слегка подтолкнулъ Антошку. Онъ очутился передъ лицомъ княгини.

К. Станюковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОЦЕССЪ ОПОЛОДТОВРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ.

И. П. БОРОДИНА.

(Продолженіе *).

Въ проточной прѣсной водѣ нерѣдко встрѣчается особенная зеленая нитчатка, образующая нѣжный, часто курчавый войлочекъ или тину. Ее можно ежегодно находить у насъ въ Невѣ. Ученые называютъ эту нитчатку—*Ulothrix*. Подъ микроскопомъ она нѣсколько напоминаетъ эдогоніи, такъ какъ каждая нить, тоже однимъ концомъ прикрѣпленная къ подводному предмету, оказывается составленною изъ одного ряда члениковъ-клеточекъ. Только членики эти короче, чѣмъ въ нитяхъ эдогоніевъ, т. е. перегородки слѣдуютъ другъ за другомъ чаще, нигдѣ нѣтъ насѣчекъ, по которымъ узнаются эдогоніи, да сверхъ того зеленое вещество не выполняетъ равномерно всей полости клеточки, а располагается обыкновенно лишь въ средней ея части поперечнымъ пояскомъ, тогда какъ концы клеточекъ остаются безцвѣтными. Благодаря послѣднему обстоятельству, улотриксъ можно тотчасъ отличить отъ всякой другой нитчатки. Растетъ она, какъ и эдогоніи, время отъ времени дробя то тотъ, то другой изъ своихъ члениковъ перегородкою на-двое, но половое размноженіе ея представить намъ нѣчто совершенно новое. Что касается безполага размноженія, то оно не можетъ возбудить особеннаго интереса послѣ фактовъ, извѣстныхъ уже намъ изъ исторіи эдогоніевъ. Мы опять-таки встрѣчаемся здѣсь съ инфузоріеобразными подвижными тѣльцами, т. е. зооспорами или бродяжками, выходящими изъ члениковъ нити. Только здѣсь не всегда все содержимое членика выпускается въ видѣ одной зооспоры, а часто предварительно дробится на двѣ, иногда даже на четыре части, изъ которыхъ каждая формируется въ отдѣльную зооспору. На рис. 27 въ А мы видимъ небольшой кусочекъ нити, производящей зооспоры; изъ

*) См. «Міръ Божій» № 2, февраль 1895 г.

двухъ кліточекъ содержимое выходитъ наружу, въ данномъ случаѣ цѣликомъ, а рядомъ изображены двѣ готовыя бродяжки въ блестящую пору ихъ привольной жизни. Къ носіку зооспоры прикрѣпляются четыре рѣснички, а въ зеленомъ тѣльцѣ ея замѣчается ярко-красное пятнышко, называемое часто глазкомъ. Для чего оно тутъ—никто не знаетъ, но такіе глазки встрѣчаются у водорослей вообще нерѣдко. Такъ, напримѣръ, каждая кліточка въ шаровидной колоніи вольвокса, каждый живчикъ фукуса снабжены подобнымъ же глазкомъ. Кромѣ того, въ зооспорѣ улотрикса есть

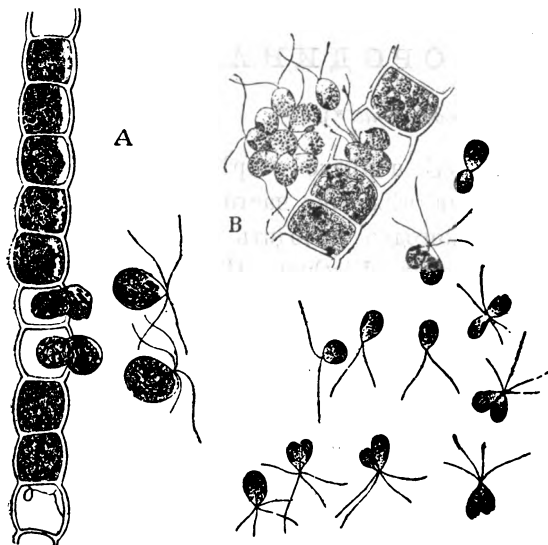

Рис. 27.

еще нѣчто въ родѣ сердечка—бьющійся пузырекъ, регулярно, каждыя 15 секундъ, попеременно то внезапно исчезающій, то медленно появляющійся. Впрочемъ, и это не составляетъ исключительной особенности нашей нитчатки. Бьющіеся пузырьки, какъ и глазныя пятна, весьма нерѣдки въ бродяжкахъ водорослей вообще, придавая имъ

еще болѣе сходства съ инфузоріями, гдѣ оба эти образования встрѣчаются совершенно въ томъ же видѣ. Иногда бываетъ даже два бьющихся пузырька, расположенныхъ бокъ-о-бокъ и работающихъ попеременно, какъ поршни въ паровой машинѣ: когда одинъ пузырекъ сокращается, другой расширяется, и наоборотъ. Что дѣлается далѣе съ описанною бродяжкой улотрикса—читатель, конечно, догадывается. Поблотившись въ водѣ, она подходит къ подводному предмету, втягиваетъ рѣснички, закутывается въ оболочку, и черезъ нѣсколько дней мы находимъ на этомъ мѣстѣ новую нить, во всемъ сходную съ тою, изъ которой вышла зооспора.

Но кромѣ описаннаго, очевидно, бесполого способа размноженія, наблюдаемаго въ теченіе всего дѣла, та же нитчатка представляетъ въ извѣстное время еще другое. Только при этомъ образуются вовсе не антеридіи и оогоніи, какъ можно бы было ожидать, судя по прежнимъ примѣрамъ. Получаются, напротивъ, опять-таки, въ сущ-

ности, зооспоры, но непохожія на прежнія. Вмѣсто того, чтобы дробить содержимое каждаго члена всего на двѣ, много четыре части, нашъ уютриксъ крошитъ его по крайней мѣрѣ на восемь, но чаще на 16 или даже на 32 кусочка и каждый изъ нихъ превращаетъ въ зооспору. Разумѣется, такія зооспоры, тоже выдупляющіяся изъ клѣточки всею кучею заразъ, должны быть гораздо мельче прежнихъ. Но отличаетъ ихъ не одна только величина: какъ можно видѣть изъ рис. 27 В, онѣ, вмѣсто четырехъ, снабжены всего двумя рѣсничками. Эти-то мелкія зооспоры обнаруживаютъ любопытнѣйшее явленіе, сдѣлавшееся извѣстнымъ ботаникамъ сравнительно недавно и, что называется, открывшее совершенно новые горизонты для изученія водорослей съ одной, и для пониманія полового процесса вообще съ другой стороны. Явленіе это совершается подъ микроскопомъ на глазахъ наблюдателя въ каплѣ воды, кишашей мелкими зооспорами. Зооспоры эти начинаютъ въ толпѣ словно искать другъ друга и сталкиваются попарно своими носиками. Иногда результатъ такой рекогносцировки оказывается неудовлетворительнымъ, судя по тому, что обѣ зооспоры снова расходятся, словно убѣдившись въ ошибкѣ, и отправляются за новыми поисками. Но обыкновенно столкновеніе носиками производитъ столь благопріятное впечатлѣніе на обѣ зооспоры, что онѣ моментально прикладываются другъ къ другу бочкомъ и, плотно прижавшись одна къ другой, продолжаютъ путешествовать вмѣстѣ, уже не разлучаясь болѣе. Если не терять изъ виду такой парочки (рис. 27 С), мы увидимъ, что раздѣляющая ихъ тѣла линія постепенно исчезаетъ, обѣ зооспоры сливаются мало-по-малу въ одну, сначала только передними концами, т. е. носиками, а потомъ и задними зелеными частями. Въ результатѣ получается зооспора съ четырьмя рѣсничками и двумя глазами; скоро движеніе ея прекращается, но вмѣсто того, чтобы прямо прорасти въ новую ниточку, она образуетъ зеленый шарикъ, за дальнѣйшими перипетіями котораго мы слѣдить не станемъ. Достаточно сказать, что много времени спустя шарикъ этотъ выпуститъ изъ себя нѣсколько зооспоръ, которыя произведутъ новыя нити. Иногда описанныя выше мелкія зооспоры сдѣпляются и сливаются не по двѣ, а по три вмѣстѣ. Но особенно любопытно то обстоятельство, что сляніе или, какъ выражаются ученые, *копуляція* зооспоръ для своего осуществленія требуетъ одного непремѣннаго условія: въ каплѣ воды должны находиться бродяжки, вышедшія изъ двухъ различныхъ нитей. Если же взять какую бы то ни было нить въ отдѣльности, то ея зооспоры между собою копулировать не станутъ, а будутъ прорастать прямо въ очень мелкія растенъца, обыкновенно, впрочемъ, рано погибающія.

И такъ, нашъ улотриксъ производитъ двоякаго рода зооспоры или бродяжки: однѣ, снабженныя четырьмя рѣсничками, болѣе крупныя и воспроизводящія каждая порознь нить улотрикса, другія—лишь съ двумя рѣсничками, болѣе мелкія и сливающіяся, копулирующія между собою, обыкновенно попарно. Чтобы отличать эти два рода бродяжекъ и по названіямъ, одно время называли первыя макрозооспорами, а вторыя микрозооспорами (т. е. крупными и мелкими бродяжками). Теперь, однако, имѣя въ виду, что главное различіе вовсе не въ величинѣ, прибѣгаютъ къ иной терминологіи. За крупными, несомнѣнно безполыми бродяжками сохраняютъ названіе зооспоръ, мелкія же, копулирующія другъ съ другомъ бродяжки называютъ *гаметами*, а продуктъ копуляціи, т. е. клѣточку, получающуюся чрезъ сліяніе гаметъ,—*зиготой*. Эти выраженія въ научномъ языкѣ стали теперь общепотребительными.

Прежде нежели мы воспользуемся только-что изложенными фактами для какихъ-нибудь теоретическихъ выводовъ, познакомимся еще съ нѣсколькими аналогическими примѣрами.

На сырой землѣ встрѣчаются иногда зеленые пузырьки грушевидной формы, величиною покрупнѣе булавочной головки, слѣдовательно, ясно замѣтные невооруженнымъ глазомъ; каждый пузырекъ прикрѣпленъ къ землѣ съ помощью безцвѣтныхъ нитевидныхъ корешковъ. Это любопытнѣйшая водоросль, развитіе которой во всей подробности изучилъ нашъ извѣстный ученый, *М. С. Воронинъ*. Въ ботаникѣ эта водоросль извѣстна подъ именемъ *Botrydium*. Если осторожно вырыть ее изъ земли и положить подъ микроскопъ, то оказывается (рис. 28-й, увеличеніе всего въ 30 разъ), что пузырь и корешки составляютъ лишь части одной и той же клѣтки; перегородокъ во внутренней полости нигдѣ нѣтъ. Слѣдовательно, ботридій представляетъ такую же одноклѣточную водоросль, какъ знакомая уже намъ вошерія; только форма ея совершенно другая: вошерія—нитчатка, а ботридій этого названія, конечно, не заслуживаетъ. Любопытенъ этотъ организмъ въ особенности своею замѣчательною приспособляемостью къ окружающимъ его условіямъ. Чуть что-либо во внѣшнемъ мірѣ начинаетъ угрожать его дальнѣйшему существованію, ботридій съ удивительною находчивостью принимаетъ соотвѣтствующія мѣры, дающія ему возможность и при новыхъ условіяхъ продолжать свое развитіе, а въ крайнемъ случаѣ пѣпенѣть, не теряя жизнениности, въ ожиданіи лучшихъ временъ. Если, на примѣръ, солнышко, ради котораго зеленое содержимое нарочно помѣстилось въ надземномъ пузырьѣ, начинаетъ слишкомъ безцеремонно припекать

слѣдній, угрожая окончательно иссушить его, зеленая масса перемещивается въ подземные корешки,—до тѣхъ поръ безцвѣтные, и становятся зелеными, а солнцу предоставляется сушить, сколько угодно, пустой пузырь. Мы не станемъ описывать всѣхъ отдѣлокъ, на которыя способенъ ботридій, такъ какъ это прямо относится къ занимающему насъ вопросу, а ограничимся изло-

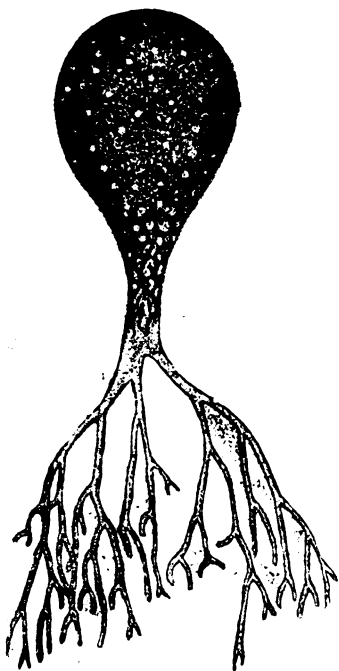

Рис. 28.

Рис. 29.

женіемъ общаго хода его развитія. Подобно множеству другихъ одорослей, ботридій размножается посредствомъ бродяжекъ. Погоднія могутъ образоваться, смотря по обстоятельствамъ, или въ пузырьѣ, или въ корешкахъ. На рис. 29-мъ мы видимъ ихъ исходящими цѣлою тучею изъ пузыря. Отъ зооспоръ другихъ извѣстныхъ уже намъ водорослей онѣ отличаются тѣмъ, что снабжены сего одною рѣсничкою. Съ этими бродяжками не происходитъ ничего особеннаго и, успокоившись, онѣ прямо прорастаютъ въ новыя астенъица. Очевидно, мы имѣемъ предъ собою бесполое размноженіе нашего ботридія. Но при извѣстныхъ условіяхъ происходитъ что иное. Когда молодымъ росткамъ ботридія угрожаетъ опасность высыхания, содержимое ихъ раздробляется на нѣсколько

шаровидныхъ участковъ, облекающихся оболочками; шарики эти, вначалѣ зеленые, постепенно дѣлаются красными. Въ сухомъ видѣ ихъ можно сохранять безъ измѣненія цѣлыя мѣсяцы, но какъ только они попадутъ въ воду—содержимое въ каждомъ шарикѣ дробится на большое число мелкихъ тѣлецъ, вскорѣ покидающихъ ни на что болѣе негодную оболочку шарика. Предъ нами снова зооспоры, но уже не тѣ, что мы видѣли выходящими изъ пузыря: и строеніе, и дальнѣйшія судьбы ихъ иныя. Зооспоры эти могутъ быть и красныя, и зеленыя, смотря по тому—успѣлъ ли уже покраснѣть шарикъ передъ тѣмъ, какъ попалъ въ воду, или нѣтъ. Онѣ снабжены не одною, а двумя рѣсничками и обнаруживаютъ удивительную вѣжность другъ къ другу. Въ каплѣ воды, которая кишитъ ими, наблюдается явленіе, знакомое уже намъ по улотриксу: зооспоры по-парно, рѣже по 3—4, сцѣпляются носиками, прикладываются другъ къ другу бочкомъ и постепенно сливаются между собою. Очевидно, слѣдовательно, что это не простыя зооспоры, а гаметы, подобно мелкимъ бродяжкамъ улотрикса. Въ результатъ ихъ сліянія или копуляціи получается зигота, представляющая неподвижный шарикъ, облеченный оболочкою; изъ него, либо тотчасъ же, либо послѣ извѣстнаго періода покоя, вырастаетъ новый экземпляръ ботридія, т. е. зеленый пузырь съ безцвѣтными корепиками.

Копуляція бродяжекъ была замѣчена впервые на особой зеленой водоросли, по строенію довольно сходной съ описаннымъ выше вольвоксомъ. Она тоже образуетъ мелкіе зеленые шарики, свободно плавающіе въ водѣ (рис. 30 I); но каждый шарикъ состоитъ всего изъ шестнадцати клѣточекъ, занимающихъ всю внутренность шара, который, слѣдовательно, представляется сплошнымъ, а не полымъ внутри, какъ у вольвокса. Каждая клѣтка устроена на подобіе зооспоры, имѣетъ безцвѣтный носикъ, красный глазокъ и пару длинныхъ рѣсничекъ, которыя сквозь общую оболочку, облекающую всѣ 16 клѣточекъ, выставляется въ окружающую воду. Такимъ образомъ вся колонія приводится въ движеніе 32-мя рѣсничками. Размножается эта водоросль, которой присвоено названіе *пандорины*, двояко. Одинъ, несомнѣнно безполый, способъ размноженія состоитъ въ томъ, что каждая изъ 16-ти клѣточекъ шарика превращается постепеннымъ дробленіемъ въ новую, опять-таки 16-тиклѣточную шаровидную колонію. Эти новыя 16 недѣлимыхъ, отличающіяся отъ породившей ихъ колоніи только меньшими размѣрами, вначалѣ заключены въ общій студенистый пузырь (рис. 30 II), но скоро послѣдній расплывается, и дѣтки дѣлаются свободными, теряя всякую связь между собою. Сравнительно съ вольвоксомъ, здѣсь обнаруживается, слѣдовательно, то

различіе, что всѣ члены колоніи оказываются абсолютно равноправными и одинаково участвуютъ въ производствѣ потомства. Та-же равноправность обнаруживается и при другомъ способѣ размноженія пандорины. Всѣ клѣточки колоніи опять-таки дробятся, но вмѣсто того, чтобы образовать связные шарики, продукты дробленія, покидая связывавшую ихъ общую студенистую массу (III), совершенно разъединяются, такъ что на мѣстѣ прежней колоніи получается туча голыхъ зооспоръ, кишачиыхъ въ водѣ; каждая имѣетъ по двѣ рѣснички. Замѣчательно, что эти бродяжки,

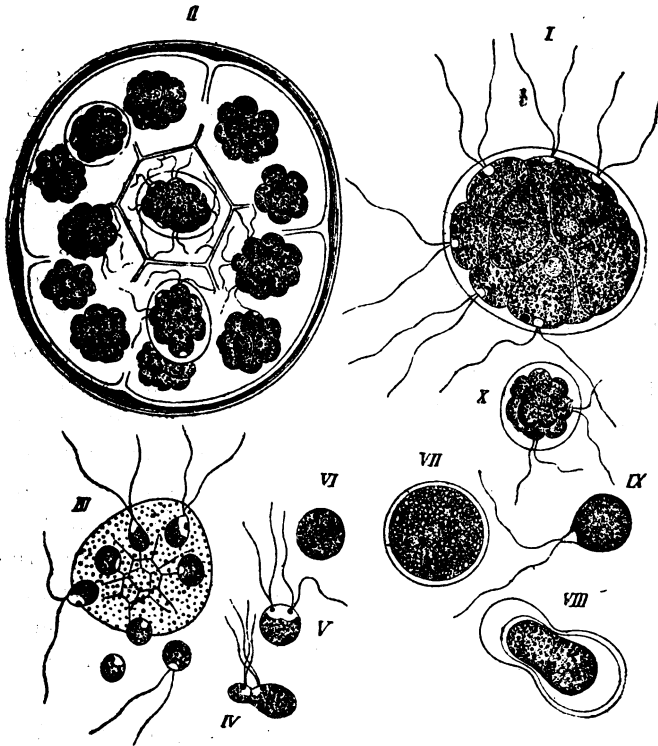

Рис. 30.

обыкновенно, оказываются неодинаковой величины: однѣ помельче, другія покрупнѣе. Вотъ тутъ-то и разыгрывается уже дважды встрѣтившееся намъ явленіе копуляціи зооспоръ: онѣ словно отыскиваютъ другъ друга, причемъ особенно часто и охотно сдѣпляются носиками и сливаются двѣ бродяжки различной величины, крупная съ мелкою (IV и V). Строгой разборчивости, впрочемъ, не видно: тамъ и сямъ копулируютъ другъ съ другомъ двѣ крупныя или, напротивъ, двѣ мелкія бродяжки или, лучше сказать, гаметы. Продуктомъ копуляціи оказывается сначала зеленый, по-
«миръ божій», № 3, мартъ.

томъ красный шарикъ (VI и VII); эта зигота остается нѣкоторое время въ покоѣ, а затѣмъ выпускаетъ все свое содержимое въ видѣ одной, сравнительно крупной, двухрѣсничатой бродяжки (VIII и IX), которая постепеннымъ дѣленіемъ превращается въ 16-тиклѣточную колонію пандорины (X).

И такъ, вотъ три водоросли самаго различнаго строенія, одна (улотриксъ), похожая на эдогоніи, другая (ботридій)—на вошеріи, третья (пандорина)—на вольвоксѣ, и всѣ три представляютъ намъ одно и то же явленіе копуляціи зооспоръ. Число этихъ примѣровъ можно было бы безъ труда значительно увеличить, но мы ограничимся приведенными.

Спрашивается, что можетъ означать описанное явленіе копуляціи зооспоръ? При объясненіи его необходимо имѣть въ виду, что оно встрѣчено до сихъ поръ исключительно у такихъ водорослей, которыя лишены несомнѣннаго оплодотворенія, т. е. не производятъ живчиковъ и яицъ, какъ эдогоніи, вошеріи и другія. Если бы когда-либо найдена была копуляція зооспоръ у водоросли, снабженной антеридіями и оогоніями, это открытіе повергло бы ученыхъ въ совершенный тупикъ; однако, судя по всему, едвали ихъ ожидаетъ подобная непріятность. Далѣе, мы видимъ, что тѣ же водоросли, которымъ присуща копуляція зооспоръ, обнаруживаютъ, кромѣ того, другой способъ размноженія, причемъ всего чаще тоже образуются зооспоры, но нѣсколько инаго строенія, на примѣръ съ инымъ числомъ рѣсничекъ, а главное—эти бродяжки относятся другъ къ другу вполне индифферентно и прямо прорастаютъ въ новыя особи. Такъ какъ безполый характеръ этого послѣдняго размноженія очевиденъ, то весьма естественно признать, что копуляція бродяжекъ замѣняетъ собою недостающее оплодотвореніе или, другими словами, представляетъ оплодотвореніе въ упрощенной, такъ сказать, первобытной формѣ. Одна изъ копулирующихъ гаметъ соотвѣтствуетъ живчику, другая—яйцу. Живчикъ и яйцо, какъ мы видѣли, даже внѣшнимъ образомъ отличаются другъ отъ друга, гаметы же, сцѣпляющіяся своими носиками, на видъ обѣ совершенно одинаковы; внутреннее различіе однако между ними должно существовать, не даромъ онѣ влекутся другъ къ другу и безъ сліянія, обыкновенно, погибаютъ. Особенно ясно это въ тѣхъ случаяхъ, когда копулируютъ между собою только гаметы, вышедшія изъ разныхъ клѣточекъ.

Убѣжденные нѣ томъ, что сложное выработалось изъ простаго, ученые составили себѣ въ настоящее время слѣдующее представленіе о происхожденіи яицъ и живчиковъ у водорослей. Сначала существовали на землѣ исключительно организмы, раз-

множавшіеся только бесполомъ путемъ. И въ настоящее время такихъ растений сохранилось еще не мало въ той же группѣ водорослей. Положимъ, для многихъ изъ нихъ современемъ, вѣроятно, еще удастся найти половое размноженіе, но развитіе нѣкоторыхъ извѣстно настолько хорошо, что оставляетъ мало надежды въ этомъ отношеніи. Большая группа, такъ называемыхъ, фикохромовыхъ или синевато-зеленыхъ водорослей, многіе представители которой принадлежатъ къ обыкновеннѣшимъ нитчаткамъ стоячихъ рѣсныхъ водъ, считается лишенною всякаго намека на процессъ оплодотворенія. Живя въ водѣ, подобныя растенія стали выпускать изъ себя по временамъ инфузоріеобразныя тѣла—зооспоры. Сначала зооспоры служили только для безполага воспроизведенія организма, потомъ онѣ стали копулировать—и это былъ первый намекъ на будущее оплодотвореніе. На первыхъ порахъ оно проявляется, такъ сказать, нерѣшительно: копулирующія зооспоры сохраняютъ еще способность прорасти и безъ копуляціи, слѣдовательно, могутъ служить и для безполага размноженія; но постепенно половой характеръ ихъ обозначается все рѣзче, онѣ окончательно теряютъ упомянутую способность, а безполое размноженіе возлагается всецѣло на особыя, не копулирующія зооспоры. Внутреннее различіе между обѣими сливающимися гаметами мало-по-малу распространяется и на внѣшніе ихъ признаки: женская становится крупнѣе мужской, а затѣмъ теряетъ свою подвижность, не производитъ рѣсничекъ, вмѣсто носика образуетъ воспринимающее пятно, и—предъ нами то, что мы называемъ яйцомъ. Болѣе мелкая мужская гамета, напротивъ, остается подвижною и образуетъ—живчикъ. Яйцо эдогонія, вошерія и т. п. развилось, слѣдовательно, нѣкогда изъ обыкновенной зооспоры. Доказать съ очевидностью справедливость этого воззрѣнія мы, разумѣется, не въ состояніи; палеонтологія, напримѣръ, не даетъ намъ никакихъ фактовъ, изъ которыхъ-бы можно было заключить, что водоросли въ родѣ улотрикса, ботридія и т. п. появились на землѣ раньше такихъ, какъ эдогоній, вошерія и пр. Весь этотъ постепенный рядъ отъ совершенно бесполоыхъ водорослей къ водорослямъ, снабженнымъ живчиками и яйцами, есть, въ сущности, не болѣе, какъ построеніе нашего ума, вызванное глубокимъ убѣжденіемъ въ преимущества формъ на землѣ, въ развитіи сложныхъ изъ болѣе простыхъ; это убѣжденіе составляетъ альфу и омегу современнаго естествознанія. За неимѣніемъ прямыхъ доказательствъ, наука вынуждена довольствоваться косвенными. Одно изъ таковыхъ, по мнѣнію ученыхъ, доставляетъ намъ морская водоросль—*кутмерія*. Оплодотвореніе ея совершается слѣдующимъ оригинальнымъ

*

образомъ. Кутлерія производитъ двоякія зооспоры—мелкія мужскія и крупныя женскія. Во время движенія онѣ, однако, не сдѣляются между собою, но вскорѣ крупная останавливается, втягиваетъ свои рѣснички, округляетъ свое голое тѣло, словомъ—превращается въ настоящее яйцо, причемъ прежній носикъ зооспоры образуетъ знакомое намъ воспринимающее пятно. Къ послѣдному устремляется живчикъ, т. е. мелкая зооспора, сохранившая подвижность; живчикъ исчезаетъ въ массѣ яйца—и оболочка, обрисовывающаяся на поверхности яйца, свидѣтельствуетъ о совершившемся оплодотвореніи. И такъ, у кутлеріи превращеніе зооспоры въ яйцо совершается на нашихъ глазахъ. Въ этой водоросли природа какъ бы сохранила намъ одну изъ тѣхъ переходныхъ формъ, которыя связывали организмы съ яснымъ и съ сомнительнымъ оплодотвореніемъ.

Упрощенное оплодотвореніе совершается у многихъ водорослей еще другимъ способомъ: копузируютъ не зооспоры, которыхъ здѣсь совѣтъ и не образуется, а сливаются содержимыя двухъ клѣточекъ, снабженныхъ оболочками. Этотъ процессъ былъ извѣстенъ

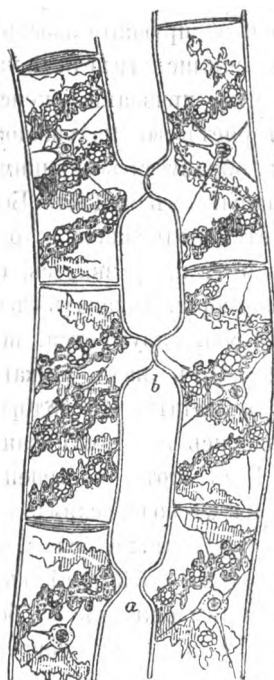

Рис. 31.

гораздо раньше копуляціи зооспоръ; уже въ началѣ нашего столѣтія Вошеръ указываетъ на него даже прямо, какъ на простѣйшую форму оплодотворенія. Примеромъ послужить намъ одна изъ распространеннѣйшихъ въ прѣсной водѣ нитчатокъ—*спирогира*. Она образуетъ свѣтло-зеленую тину, свободно плавающую въ водѣ. Подъ микроскопомъ узнать спирогиру весьма легко; нить ея построена на подобіе нитей эдгоніевъ или улотрикса, т. е. состоитъ изъ одного ряда цилиндрическихъ клѣточекъ, но зеленая масса образуетъ въ каждой клѣточкѣ изящную, зазубренную по краямъ, спирально завитую ленту (рис. 31). Всѣ клѣточки похожи другъ на друга, и каждая время отъ времени дѣлится перегородкою на-двое. Размноженіе спирогиры начинается съ попарнаго сдѣленія нитей. Двѣ нити, лежація въ тинѣ рядомъ, пускаютъ боковые выростки въ формѣ бородавочекъ

(рис. 31 *a*), направленныхъ другъ къ другу; бородавочки скоро сталкиваются между собою (*b*), а затѣмъ оболочка въ мѣстѣ

столкновения растворяется, такъ что получается сквозная трубка, соединяющая полости обѣихъ сдѣвившихся клѣточекъ. Каждая пара получаетъ, слѣдовательно, видъ буквы Н, а такъ какъ сдѣвленіе клѣточекъ попарно повторяется, обыкновенно, на всемъ протяженіи обѣихъ нитей, то послѣднія производятъ впечатлѣніе лѣстницы. Послѣ различныхъ измѣненій въ сдѣвленныхъ клѣточкахъ, содержимое одной изъ нихъ переливается черезъ соединительный рукавъ въ другую (рис. 32 *A a*); первая остается совсѣмъ пустою, а во второй—изъ обѣихъ слившихся содержимыхъ формируется одно уплотненное, яйцевидное тѣло, не выполняющее своего цилиндрическаго футляра; тѣло это, вначалѣ голое, одѣвается плотною оболочкою (рис. 32 *B*) и въ такомъ видѣ остается

въ покоѣ нѣсколько недѣль, даже мѣсяцевъ, послѣ чего производитъ изъ себя новую нить спорогиры. Передъ нами, слѣдовательно, спора, но, въ отличіе отъ другихъ споръ, она получаетъ специальное названіе *зигоспоры*. Въ настоящее время, впрочемъ, вмѣсто зигоспоры, говорятъ и здѣсь *зигота*, распространяя и на этотъ случай терминъ, знакомый уже

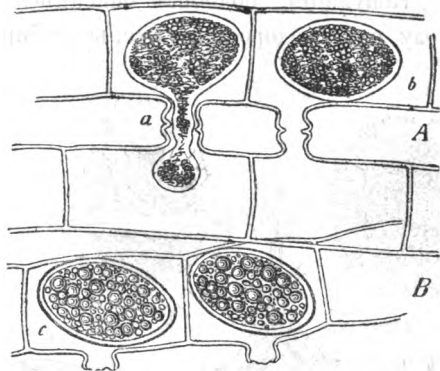

Рис. 32.

намъ по продуктамъ копуляціи двухъ зооспоръ, которые мы видѣли у улотрикса, ботридія и пандорины. Точно также называютъ *гаметами* сливающіяся между собою въ зиготу содержимыя двухъ клѣтокъ спорогиры, хотя онѣ лишены рѣсничекъ и съ виду вовсе не похожи на гаметы улотрикса и прочихъ знакомыхъ уже намъ водорослей. Такимъ образомъ зигоспора или зигота есть вообще клѣточка, происшедшая чрезъ копуляцію двухъ клѣточекъ, подвижныхъ или неподвижныхъ, въ обѣихъ случаяхъ называемыхъ гаметами. Что копуляція спорогиры есть половой процессъ—это почти не подлежитъ сомнѣнію. Въ каждой сдѣвленной парѣ клѣточекъ одна представляетъ мужскую, другая—женскую. По аналогіи мы должны считать мужскою ту, которая переливаетъ свое содержимое въ другую; первая соответствуетъ активному живчику, вторая—пассивному яйцу. Когда нити только-что сдѣпились (рис. 31), невозможно еще предсказать, въ какомъ направленіи произойдетъ переливаніе содержимаго—кѣтки мужскія и женскія еще ничѣмъ не различаются. По окончаніи-же копуляціи мы на-

ходимъ обыкновенно одну изъ двухъ нитей опорожненною на всемъ ея протяженіи, тогда какъ другая въ каждомъ членикѣ содержитъ по зигоспорѣ. Можно, слѣдовательно, сказать, что вся нить спирогиры бываетъ мужская или женская. Но это только наиболѣе обыкновенный случай. Иногда замѣчается копуляція на протяженіи одной и той же нити, безъ всякаго сцѣпленія ея съ другою нитью. Въ такомъ случаѣ копулируютъ между собою смежныя клѣтки данной нити, переливая одна въ другую свое содержимое чрезъ соединительный рукавъ, который въ видѣ ушка огибааетъ перегородку, ихъ раздѣляющую: одна клѣтка (мужская) остается пустою, а рядомъ съ нею другая (женская) содержитъ зиготу.

Копуляція, подобная описанной у спирогиры, свойственна цѣлому ряду водорослей. Ученые собираютъ ихъ въ одну группу подъ

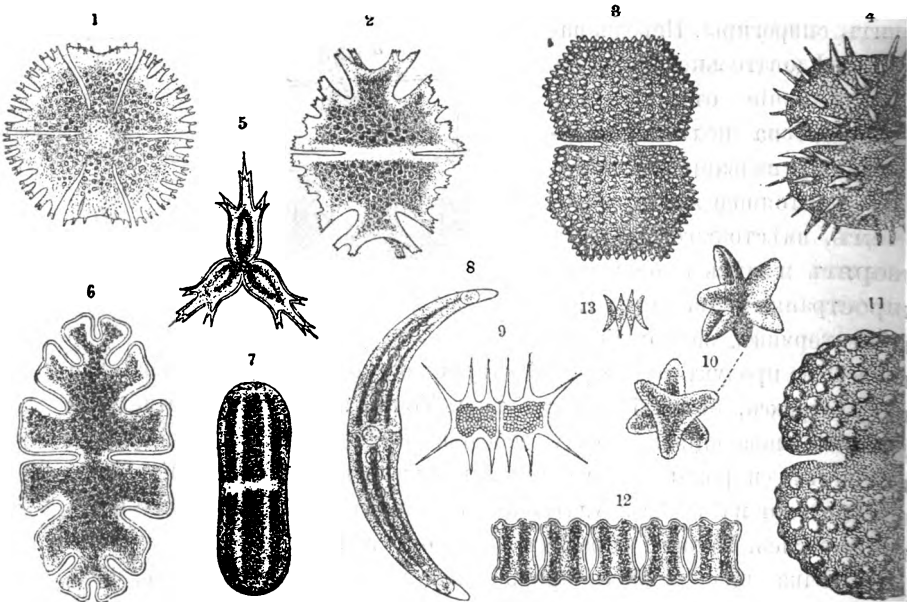

Рис. 33.

названіемъ *конъюгатъ* (копуляцію часто называютъ иначе конъюгаціею). По русски это можно выразить словомъ «сцѣплянки». Нѣкоторыя сцѣплянки похожи на спирогиру, представляя также нитчатки, другія же устроены гораздо проще, состоя всего изъ одной клѣтки, наподобіе ботридія. Клѣтка эта можетъ принимать самыя разнообразныя и причудливыя формы: бисквита, звѣзды, серпа и т. д., какъ это можно видѣть на рисункѣ 33-мъ, изображающемъ различныя, большею частью одноклѣточные сцѣп-

лянки. Общая черта ихъ заключается въ томъ, что каждый экземпляръ состоитъ изъ двухъ симметричныхъ половинокъ, часто отдѣленныхъ другъ отъ друга болѣе или менѣе глубокимъ перехватомъ (рис. 33 и А въ рис. 34). Въ высшей степени замѣчательно, что эти двѣ половинки, хотя совершенно сходны по виду, въ сущности, различнаго возраста: одна изъ нихъ старая, другая молодая. Это вытекаетъ изъ наблюдений надъ бесполомъ размноженіемъ такихъ сцѣплянокъ и прекрасно поясняется рисункомъ 34-мъ. На немъ видно, какъ обѣ половинки клѣточки постепенно раздвигаются, а на мѣстѣ прежняго перехвата отрастаютъ мало-по-малу двѣ новыя половинки, отдѣленные другъ отъ друга сплошною перегородкою; въ D процессъ почти оконченъ: изъ одного экземпляра получилось два, которымъ остается только расклевтись вдоль по перегородкѣ. Но кромѣ такого размноженія дѣленіемъ, эти водо-

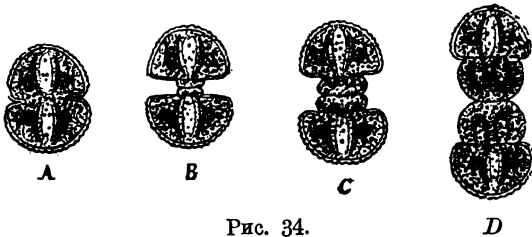

Рис. 34.

росли по временамъ обнаруживаютъ явленіе копуляціи, причѣмъ два отдѣльныхъ экземпляра сцѣпляются между собою различнымъ образомъ и, сливая свои содержимыя, даютъ одну общую зиготу. Просматривая весь этотъ пестрый рядъ по отношенію къ процессу сцѣпленія, мы замѣтимъ, что здѣсь существуютъ такія же градации, какъ и между водорослями, сцѣпляющимися своими зооспорами. Иногда половое различіе сливающихся клѣточекъ выражено даже рѣзче, чѣмъ у спирогиры, иногда, напротивъ, оно совершенно ступшевывается, существуя, такъ сказать, лишь въ теоріи. Такъ, есть сцѣплянки, у которыхъ мужская клѣточка, переливающая свое содержимое въ женскую, съ самаго же начала отличается отъ послѣдней меньшею величиною. Съ другой стороны, извѣстно много такихъ, гдѣ содержимыя обѣихъ сцѣпленныхъ клѣточекъ одновременно направляются на встрѣчу другъ другу въ соединительный рукавъ и на этой нейтральной почвѣ сливаются, образуя зиготу. Въ этомъ случаѣ исчезъ послѣдній намекъ на тотъ или другой полъ сцѣпляющихся клѣточекъ. Такимъ образомъ, какъ водоросли съ копулирующими зооспорами, такъ и водоросли, составляющія группу сцѣплянокъ, мы можемъ расположить, каждыя въ отдѣльности, въ теоретическій рядъ, начинающійся съ формъ,

у которыхъ половое различіе ни въ чемъ не выражается, и кончая такими, гдѣ мужскіе и женскіе элементы обозначены даже выѣшними признаками. Связать, однако, эти два ряда между собою мы пока совершенно безсильны. Другими словами, мы не имѣемъ даже теоретическихъ данныхъ для рѣшенія вопроса — произошли ли спѣлянки отъ водорослей въ родѣ улотрикса, наоборотъ ли шло развитіе организмовъ, или, наконецъ, оба эти ряда возникли независимо другъ отъ друга.

Познакомившись, такъ сказать, съ выѣшною стороною того упрощеннаго полового процесса, который мы называемъ копуляціею, поговоримъ теперь еще о его внутренней сторонѣ, о тѣхъ измѣненіяхъ, какія происходятъ внутри сливающихся другъ съ другомъ гаметъ. Въ этомъ отношеніи въ послѣдніе годы обнаружены чрезвычайно любопытные и неожиданные факты для спѣлянокъ, гдѣ гаметы гораздо крупнѣе и потому доступнѣе для подобныхъ изслѣдованій, чѣмъ у водорослей съ копулирующими бродяжками. *Хмилевскій* (профессоръ ново-александрійскаго института) подробно изслѣдовалъ, что происходитъ внутри зиготы у спирогиры (рис. 31 и 32) послѣ копуляціи. Мы видѣли, что въ каждой клѣточкѣ спирогиры находится по спиральной зеленой лентѣ (у нѣкоторыхъ спирогиръ такихъ лентъ оказывается даже не одна, а нѣсколько), слѣдовательно, въ зиготѣ, получающейся сляніемъ содержимыхъ двухъ клѣточекъ, должно быть двѣ подобныхъ ленты (если не больше). Оказывается, однако, что одна изъ нихъ, а

именно внесенная въ зиготу мужскою клѣточкою, перелившею свое содержимое въ женскую, мало-по-малу совершенно разрушается.

На рисункѣ 35-мъ мы видимъ внутри цилиндрической клѣточки спирогиры эллиптической формы зиготу, въ которой ясно замѣтны двѣ различныя спиральныя ленточки: одна изъ нихъ болѣе широкая и въ натурѣ ярко зеленая, другая же болѣе узкая, какъ бы съжатая, зернистая и пожелтѣвшая; первая принадлежитъ бывшей женской, а вторая — бывшей мужской

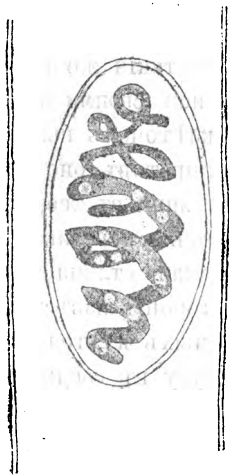

Рис. 35.

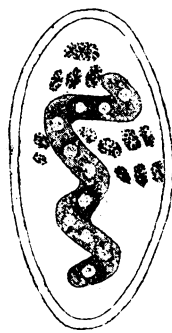

Рис. 36.

клѣточкѣ. На рисункѣ 36-мъ замѣтно дальнѣйшее разрушеніе мужской ленты, отъ которой остались теперь только разрозненныя

группы желтыхъ зернышекъ, между тѣмъ какъ женская лента сохраняетъ прежнюю свѣжесть.

Не менѣе любопытна судьба клѣточныхъ ядеръ внутри зиготы. Судя по тому, что мы знаемъ для эдогоніевъ (сравни рис. 16), нужно было ожидать, что ядра обѣихъ копулирующихъ клѣточекъ у спирогиры сольются въ одно. Такъ оно въ дѣйствительности и оказывается, но вслѣдъ за этимъ внутри зиготы начинаются совершенно неожиданныя и трудно объяснимыя явленія. Ядро, образовавшееся чрезъ сліяніе ядеръ мужской и женской клѣточекъ, начинаетъ дѣлиться на-двое обычнымъ для ядеръ, сложнымъ способомъ, съ которымъ мы познакомимся впоследствии, и каждое изъ двухъ новыхъ ядеръ еще разъ повторяетъ тотъ же процессъ. Такимъ образомъ внутри покоящейся бурой зиготы оказываются теперь четыре ядра, но только на короткое время: вскорѣ два изъ нихъ сближаются между собою и сливаются въ одно, прочія же два ядра, предварительно раздробившись, разрушаются и исчезаютъ безслѣдно. Въ концѣ концовъ, слѣдовательно, зигота спирогиры заключаетъ, какъ почти всякая растительная клѣточка, одно ядро, на видъ не представляющее рѣшительно ничего особеннаго; глядя на него, никто бы не могъ догадаться, что это результатъ двухкратно почему-то повторившагося сліянія ядеръ въ зиготѣ.

Нѣчто подобное происходитъ и у другихъ сѣпляннокъ. Хорошо изучена въ этомъ отношеніи (нѣмцемъ *Клебаномъ*) одноклѣтная сѣплянка, имѣющая видъ слабо изогнутаго серпа (рис. 33, фиг. 8) и извѣстная подъ именемъ *кlostерія* (*Closterium*). При копуляціи два такихъ серпа сѣпляются по срединѣ своей длины, развивая здѣсь, подобно спорогирѣ, боковые выростки; зигота получается въ этихъ слившихся выросткахъ, между обоими опорожненными серпами. Сліяніе ядеръ обѣихъ клѣтокъ совершается и здѣсь, но наступаетъ необыкновенно поздно. Въ теченіи всего періода покоя внутри зиготы можно видѣть два плотно сближенныхъ ядра (рис. 37); лишь при прорастаніи зиготы, когда она вышупляется изъ своей плотной шкурки (рис. 38), эти ядра дѣйствительно сливаются въ одно, которое тотчасъ же приступаетъ къ обычному сложному дѣленію на два (рис. 38 I и II); такое дѣленіе повторяется еще разъ (III), такъ что получается, какъ и у спирогиры, четыре ядра, но при этомъ все содержимое зиготы постепенно перетягивается на-двое (IV) и скоро внутри нѣжной оболочки, оставшейся на поверхности зиготы, послѣ того какъ она вышуплась изъ толстой зимней шкурки (рис. 37), получаютъ двѣ отдѣльныя клѣточки (рис. 38 IV), принимающія дагѣ серповидную

форму взрослога кластерія (рис. 39). Въ каждой клѣточкѣ содержится, слѣдовательно, два ядра, но они оказываются неодинаковыми (рис. 38 IV и рис. 39): одно изъ нихъ, болѣе крупное имѣетъ обычный видъ и снабжено ядрышкомъ, другое, болѣе мелкое, безъ ядрышка. Первое ядро сохраняется въ клѣточкѣ и далѣе, второе же—постепенно разрушается и исчезаетъ безслѣдно. Таковы непонятныя чудеса, разыгрывающіяся внутри зиготъ кластерія. У спирогиры эти чудеса совершаются въ покоящейся

Рис. 37.

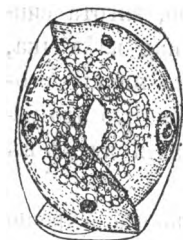
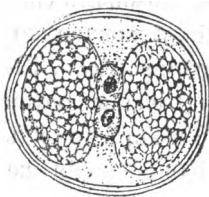

Рис. 39.

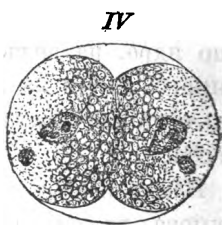
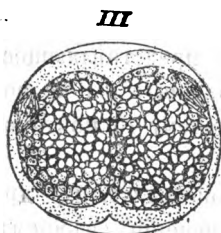
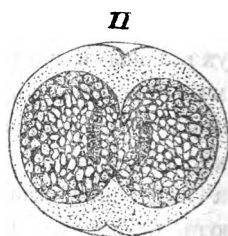
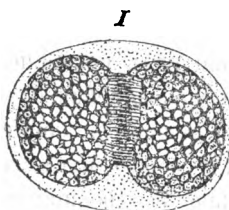

Рис. 38.

зиготѣ, у кластерія—въ прорастающей; въ первой сліяніе двухъ ядеръ происходитъ дважды, у втораго—только разъ; изъ зиготы спирогиры вырастетъ одна только новая нить, а изъ зиготы кластерія вылуцится (рис. 39) два новыхъ недѣлимыхъ.

Отъ водорослей съ упрощеннымъ оплодотвореніемъ перейдемъ теперь къ тѣмъ, гдѣ этотъ процессъ совершается, наоборотъ, сложнѣе, чѣмъ у эдогоніевъ, вошерій и пр. Оплодотвореніе, усложненное иногда до того, что повергаетъ ученыхъ въ тупикъ, наблюдается въ своеобразной группѣ *багрянокъ*. Это болшею частью обитатели морей, получившіе свое названіе отъ болѣе или менѣе откровеннаго краснаго цвѣта ихъ тѣла. Внѣшній видъ багрянокъ чрезвычайно разнообразенъ. Есть между ними простыя нитчатки, чаще это кустики, прикрѣпленные къ подводнымъ предметамъ, причемъ каждая вѣточка кустика слагается изъ одного или изъ многихъ рядовъ клѣточекъ; встрѣчаются формы въ видѣ пластинокъ однослойныхъ или многослойныхъ, и т. д. Большинство багрянокъ

размножается двумя различными способами: безполымъ и половымъ. При безполымъ размноженіи, вмѣсто зооспоръ, которыхъ багрянки совершенно лишены, развиваются особыя, неподвижныя, вначалѣ голыя *тетраспоры*, получившія свое названіе отъ того, что онѣ образуются по четыре вмѣстѣ (рис. 40). Строеніе и расположеніе тетраспоръ, разумѣется, весьма разнообразны у разныхъ багрянокъ, но для насъ особеннаго интереса не представляютъ. Кромѣ тетраспоръ, давно уже были извѣстны у багрянокъ другія споры, получившія названія *карпоспоры*. Онѣ-то и оказались продуктами оригинальнѣйшаго полового процесса. Карпоспоры образуются почти всегда на особыхъ недѣлимыхъ, которыя тогда уже не производятъ тетраспоръ. Судя по тому, что экземпляры, снабженные безполыми тетраспорами, попадаются несравненно чаще, чѣмъ экземпляры съ половыми карпоспорами, можно думать, что у багрянокъ

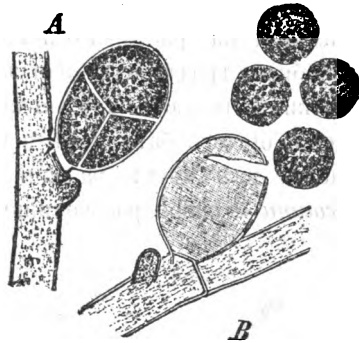

Рис. 40.

существуетъ такая же смѣна многихъ безполыхъ поколѣній однимъ половымъ, съ какою мы познакомились при описаніи эдогоніевъ. Опытнымъ путемъ это предположеніе еще не провѣрено, такъ какъ культура багрянокъ представляетъ почти непреодолимыя затрудненія. Во всякомъ случаѣ, такая смѣна поколѣній свойственна не всей группѣ: извѣстны багрянки, совершенно лишеныя тетраспоръ. Мужскіе и женскіе органы размѣщаются, обыкновенно, на двухъ различныхъ экземплярахъ; слѣдовательно, одна и та же багрянка можетъ производить троякаго рода экземпляры: безполые съ тетраспорами, мужскіе и женскіе. Иногда, впрочемъ, оба сорта половыхъ органовъ сидятъ рядомъ на одномъ и томъ же недѣлимомъ, на примѣръ, у тѣхъ двухъ багрянокъ, оплодотворе-

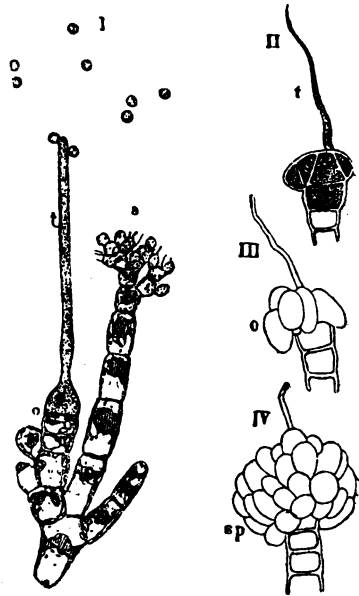

Рис. 41.

ніе которыхъ воспроизведено на рисункахъ 41-мъ и 42-мъ. Оплодотворяющими элементами служатъ здѣсь не живчики, а мелкія тѣльца, большею частью шаровидной формы, голыя, но лишеныя рѣсничекъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и способности самостоятельнаго движенія (рис. 41 I). Ихъ называютъ *сперматіями*. Они развиваются или каждый въ особой мелкой клѣточкѣ, какъ видно, напримѣръ, на рис. 41-мъ I въ *a*, гдѣ много такихъ клѣточекъ собрано гроздевидно, или же въ большомъ числѣ внутри одной клѣточки, которую можно тогда назвать *антеридіемъ* (рис. 42 *a*). Женскій органъ багрянокъ извѣстенъ подъ именемъ *прокарпія* и состоитъ изъ двухъ различныхъ частей: воспринимающей или *трихоина* и споропроизводящей или *карпогона*. Познакомившись

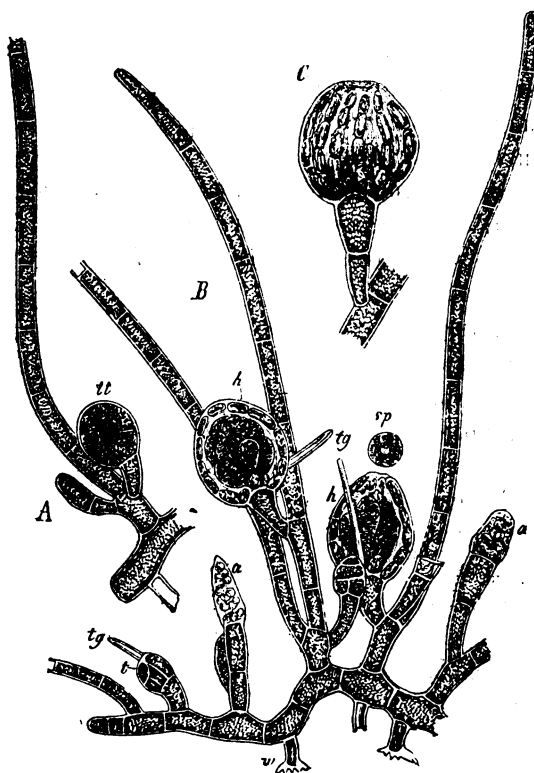

Рис. 42.

ближе съ строеніемъ соответствующихъ частей, мы увидимъ, что приведенная выше сложная терминологія вызвана не простымъ капризомъ ученыхъ, а роковою необходимостью: извѣстные уже намъ термины—яйцо, оогоній, ооспора и пр. совершенно непримѣнимы къ багрянкамъ. Воспринимающая часть женскаго органа, т. е. трихогинъ, имѣетъ вообще видъ нѣжнаго волоска (*t* въ рис. 41-мъ и *tg* въ рис. 42-мъ), который своимъ концомъ всегда выставляется свободно въ окружающую воду, даже если прокарпія скрыта

отдѣленъ при основаніи перегородкою отъ карпогона, но послѣдній уже до оплодотворенія составленъ самъ изъ нѣсколькихъ клѣточекъ (рис. 42 *t*). Процессъ оплодотворенія заключается у багрянокъ въ слѣдующемъ. Сперматіи, пассивно увлекаемые водою, прилипаютъ къ кончику трихогина (рис. 41 I) и, облекшись оболочкою, копулируютъ съ нимъ, т. е. переливаютъ въ трихогинъ свое содержимое, оставаясь и послѣ этого замѣтными въ видѣ пуповки или бородавки. Оплодотворяющее вещество по трихогину передается въ карпогонъ, побуждая его къ дальнѣйшему развитію, а самъ трихогинъ, какъ часть, исполнившая свое назначеніе, послѣ этого постепенно отмираетъ и, наконецъ, сбрасывается. Напротивъ, карпогонъ начинаетъ разрастаться, увеличивая число своихъ клѣточекъ, и, въ концѣ концовъ, превращается въ кучку такъ называемыхъ карноспоръ. Послѣднія либо лежатъ совершенно открыто, образуя гроздевидную массу (рис. 41 IV *sp*), либо обрастаютъ постепенно особыми клѣтками, такъ что заключены какъ бы внутри плода (рис. 42, *h* и *C*). Какимъ образомъ изъ карноспоры вырастаетъ новая багрянка—пока неизвѣстно.

Сравнивая описанный процессъ оплодотворенія багрянокъ съ тѣмъ же процессомъ у другихъ водрослей, мы замѣчаемъ слѣдующія особенности: 1) не только женскіе, но и мужскіе элементы утратили свою подвижность; 2) воспринимающая часть женскаго органа обособилась, отдѣлилась отъ той, которая, собственно, подвергается оплодотворенію; 3) нѣтъ яйца въ смыслѣ голой массы, которая послѣ оплодотворенія облекалась бы оболочкою; 4) продуктомъ оплодотворенія является не отдѣльная спора, а цѣлая кучка таковыхъ, цѣлый, иногда сложно устроенный плодъ (рис. 42). По внѣшнему виду прокарпій багрянокъ напоминаетъ пестикъ высшихъ растений: трихогинъ играетъ роль столбика съ рыльцемъ, а карпогонъ—роль завязи. Сравненіе это, впрочемъ, совершенно поверхностное, сути дѣла не выражающее, какъ увидимъ, ознакомившись съ оплодотвореніемъ высшихъ растений. Съ другой стороны, глядя на особенно просто устроенный прокарпій въ родѣ *ob* на рис. 41-мъ I, можно бы сказать, что яйцо вытянуло здѣсь свое воспринимающее пятно въ длинную ниточку—трихогинъ, но къ болѣе сложнымъ случаямъ воззрѣніе это, очевидно, не примѣнимо; къ тому же трихогинъ, и вообще прокарпій, покрытъ оболочкою еще до оплодотворенія. Вообще половой процессъ багрянокъ разыгрывается такъ своеобразно, что многіе ученые рѣшительно возстаютъ противъ включенія багрянокъ въ число водрослей; по ихъ мнѣнію; эти организмы должны составлять особую

группу, связь которой съ водорослями и пр. остается пока совершенно невыясненною.

Существуютъ багрянки, оплодотвореніе которыхъ представляетъ еще большія, почти невѣроятныя усложненія. Здѣсь тоже есть трихогинъ, къ кончику котораго приклеиваются сперматіи; но клѣточки, лежащія при основаніи трихогина, вмѣсто того, чтобы породить карпоспоры, послѣ оплодотворенія разрастаются въ длинныя нити; нити эти направляются въ разныя стороны къ особеннымъ, заранѣе намѣченнымъ клѣточкамъ, сидящимъ на концахъ особыхъ вѣточекъ того же экземпляра; конецъ нити сливается (копулируетъ) съ такою клѣточкою и побуждаетъ ее образовывать кучку карпоспоръ. Здѣсь, можно сказать, трихогинъ и карпогонъ, обыкновенно связанные другъ съ другомъ въ прокарпіѣ, совершенно разъединены: трихогинъ лишенъ карпогона, а карпогонъ—трихогина, а связь между ними устанавливается лишь во время оплодотворенія съ помощью особыхъ нитей, разносящихъ оплодотворяющее вещество. Вмѣстѣ съ тѣмъ оплодотвореніе совершается здѣсь какъ бы дважды: первый разъ, когда, подъ влияніемъ сперматіевъ, прильнувшихъ къ трихогину, выпускаются оплодотворяющія нити, второй—когда послѣднія копулируютъ съ карпогонами. Это-то двухкратное оплодотвореніе, нигдѣ болѣе въ растительномъ царствѣ не встрѣчающееся, возбуждаетъ особенное недоумѣніе ученыхъ. А между тѣмъ, какъ ни удивительны эти факты, обнаруженные французскими учеными *Борнэ* и *Тюрэ*, открывшими половой процессъ багрянокъ вообще, дальнѣйшія изслѣдованія не только вполне подтвердили ихъ, но еще открыли намъ существованіе любопытныхъ переходныхъ формъ. У нѣкоторыхъ багрянокъ прокарпіи обычнаго строенія располагаются въ большомъ числѣ, цѣлымъ слоемъ, плотно прижимаясь другъ къ другу; всѣ они сходны между собою, но у крайнихъ трихогины менѣе развиты, чѣмъ у среднихъ. Оплодотворенію подвергаются средніе прокарпіи, т. е. къ ихъ длиннымъ трихогинамъ пригѣпляются сперматіи, карпоспоры же развиваются только изъ крайнихъ прокарпіевъ. Очевидно, что средніе прокарпіи играютъ здѣсь только передаточную роль: они воспринимаютъ оплодотворяющее вещество и передаютъ его крайнимъ, которые уже пользуются имъ; средніе служатъ растенію своими трихогинами, крайніе—своими карпогонами. Вслѣдствіе скученности прокарпіевъ, оплодотворяющія нити становятся здѣсь излишними.

Подводя итоги всему, что мы видѣли у водорослей, мы можемъ установить въ этой группѣ по отношенію къ процессу оплодотворенія пять типовъ: 1) низшія водоросли, совершенно лишеныя

оплодотворенія; 2) водоросли съ упрощеннымъ оплодотвореніемъ въ видѣ копуляціи бродяжекъ; 3) параллельный предыдущему типъ сцѣплянокъ; 4) водоросли съ типическимъ оплодотвореніемъ, т. е. яйцами и живчиками; 5) типъ багрянокъ съ усложненнымъ оплодотвореніемъ. Второй типъ, вѣроятно, развился изъ перваго, четвертый изъ втораго, типы же сцѣплянокъ и багрянокъ стоятъ совершенно особнякомъ,—связь ихъ съ прочими не выяснена. Въ настоящее время принято называть водоросли (и другіе организмы), лишенныя всякаго намека на половой процессъ, *гамными*, водоросли, у которыхъ оплодотвореніе заключается въ копуляціи двухъ подвижныхъ или неподвижныхъ гаметъ (второй и третій типы)—*изогамными*; водоросли съ яйцами и живчиками—*оогамными*; багрянки, наконецъ, суть водоросли *карпогамныя*.

Вотъ выводы, къ которымъ привело насъ изученіе развитія водорослей. Прощаясь съ этою интереснѣйшею группою, благодаримъ ее за весь умственный багажъ, которымъ она насъ снабдила, и перестанемъ смотрѣть презрительно на тину и на ученыхъ, съ любовью и настойчивостью въ ней копающихся.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ф И Л О С О Ф К А.

КАРИНКА СЪ НАТУРЫ

Остои (Юзефы Савицкой)

Переводъ съ польскаго

„Я знаю, что въ репертуарѣ цѣлаго вашего дня нѣтъ ни минуты свободнаго времени, но, хотя бы мнѣ пришлось обречь васъ на сплетни цѣлаго города, я долженъ придти къ вамъ сегодня вечеромъ, чтобы отдать отчетъ въ порученномъ мнѣ дѣлѣ“.

Письмо это панна Каролина получила сегодня утромъ, когда выходила на первый урокъ. Письмо къ ней! Боже милосердый! Да вѣдь она почти никогда не получаетъ писемъ. Отъ времени до времени отзываются два племянника, словно два филина, одинъ изъ глубины лѣсовъ Бѣлаго, другой изъ степей Чернаго моря. Оба они по ея милости и людьми вышли. Она платила за ихъ помѣщеніе, одѣвала, а какъ они немного пришли въ разумъ и поняли, что сиротамъ грустно живется на свѣтѣ, то взяла ихъ къ себѣ и стала ухаживать за ними, хотя для нѣжности времени у нея не было. Десять, двѣнадцать часовъ уроковъ музыки каждый день. Когда приходилось ей оказывать какую-нибудь ласку, ее охватывала такая жалость, какъ будто она сама была сиротою, хотя на самомъ дѣлѣ у панны Каролины на свѣтѣ никого близкаго не было. Племянники — дѣти какой-то четверюродной сестры, но это все равно: каждый мальчикъ сорванецъ, отъ родной ли, отъ четверюродной ли сестры родится онъ на свѣтѣ. Хлопотъ съ ними было не мало: они прятали отъ нея дырявые сапоги, сами чинили платье, обходились даже безъ книжекъ. Она должна была шпионить за ними и почти украдкой удовлетворять ихъ потребности. Теперь едва они стали на свои

ноги, и тотъ и другой въ каждомъ письмѣ ее къ себѣ тянутъ: одинъ на Бѣлое, другой на Черное море. Скучаютъ, разбойники! Отъ каждого письма такую грустью вѣетъ, что она, хотя никогда не плачетъ, а читая письма, невольно разъ десять принуждена бываетъ подносить платокъ къ глазамъ; сами съ тамошней жизнью примириться не могутъ, а ей рай общають! Тотъ, изъ лѣсовъ, въ особенности! Ахъ, еслибъ можно было раздвоиться, не утрачивая при этомъ своей цѣлости, она, можетъ быть, и поѣхала бы, чтобы посмотрѣть, каковы ея прежніе сорванцы. Теперешній лѣсничій прежде былъ настоящимъ волкомъ: людей боялся, книжки пожиралъ, худъ былъ какъ гончая собака, потому что отъ науки не потолстѣешь. А тотъ, что теперь ученымъ агрономомъ считается, корчилъ изъ себя барчука. Купила она какъ-то ему духовъ и пару перчатокъ на имянины; онъ былъ совершенно счастливъ и поклялся, что никогда этого не забудетъ. Ну, и не забылъ! Какія письма этотъ мальчикъ пишетъ! Придастъ имъ такое содержаніе, что даже вложенная въ письмо кредитная бумажка представляется сердечнымъ словомъ, а не пощачкой или уплатой стараго долга. Послѣ каждого письма панна Каролина—хоть сейчасъ въ дорогу, и если бы у нея вдругъ выросли крылья, она полетѣла бы на сѣверъ, потому что нелюдимый книжникъ все-таки больше приходился ей по сердцу. Но она никогда не уѣдетъ изъ города, пятьдесятъ лѣтъ уже прожила въ немъ. Хотѣла бы она только жонъ имъ выбрать изъ здѣшнихъ: боится, какъ бы тамъ отъ скуки глупостей не надѣлали. Ее даже морозъ по кожѣ подираетъ, когда она подумаетъ объ этомъ. Да нѣтъ, она знаетъ своихъ мальчиковъ! Одному изъ нихъ она ужъ почти подыскала жену, свою Антосю... тоже сирота; панна Каролина воспитываетъ ее съ пятого года. Красивая она, но слабая и болѣзненная, — настоящая княжна! Бѣдною, она была бы только тягостью для мужа, но, къ счастью, у нея можетъ быть состояніе, даже большое. Панна Каролина этой мыслью живетъ вотъ ужъ два года, то-есть, съ тѣхъ поръ, какъ умеръ какой-то далекій дѣдушка Антоси. Послѣ сегодняшняго письма адвоката она почти увѣрена, что процессъ выигранъ.

Этотъ вертопрахъ Лавицкій, тоже ея старый ученикъ! Способный былъ, бездѣльниекъ; гаммы порядочно сыграть не умѣлъ, а тоже мазурки и вальсы въ ея честь сочинялъ... Шестъ лѣтъ она учила его затѣмъ только, чтобъ онъ надѣдалъ ей.

— Отдайте мнѣ мои шестьсотъ шестьдесятъ шесть часовъ, панна Каролина! — кричитъ онъ, какъ только встрѣтитъ ее на улицѣ.

Хорошій мальчижь! Онъ былъ товарищемъ: ея Яся и Стася и самъ набился вести процессъ Антося, хотя сначала и смѣялся надо всѣмъ этимъ дѣломъ:

— Яйцо выѣденное мы выиграемъ, панна Каролина! Рудовицкій родственникъ Антосѣ развѣ только по Адаму и Евѣ, а какъ вамъ извѣстно, всемірный потопъ прервалъ всѣ родственныя связи той отдаленной эпохи, и я не знаю, удастся ли намъ связать узелъ нашего родства. Попробую, для того и законы, чтобъ существовало беззаконіе. Вотъ и вы самымъ законнѣйшимъ образомъ украли у меня шестьсотъ шестьдесятъ шесть наилучшихъ часовъ моей жизни!

Лавицкій смѣется надо всѣмъ въ свѣтѣ, но человѣкъ онъ хорошій, хотя и у него есть свои странности. Когда въ первый разъ онъ пришелъ къ ней за документами, необходимыми для процесса, то осматривалъ комнатку, какъ ростовщикъ или судебный приставъ.

— И въ этой-то канурѣ вы нашли мѣсто для сироты! — сказалъ онъ затѣмъ. — Право, панна Каролина, меня разбираетъ охота подарить вамъ мои шестьсотъ шестьдесятъ шесть часовъ. Пусть ужъ будетъ квитъ.

У панны Каролины камень съ сердца свалился, когда она отдала дѣло въ его руки; она знала, что это дѣло онъ будетъ защищать какъ свое собственное. Дѣло было запутанное, процессъ могъ затянуться на нѣсколько лѣтъ.

— Мнѣ хоть бы умереть спокойно, — повторила въ душѣ панна Каролина.

Избаловала она дѣвочку, испортила ее почти добровольно, кутала, какъ тепличное растеніе. Въ теченіе пяти лѣтъ пять разъ ради нея перемѣнила квартиру, и наконецъ нашла сухую, теплую комнату въ предмѣстьѣ, съ окнами, выходящими на сады и поля, откуда можно было видѣть и небо, и солнце, и деревья. Дѣвочкѣ было четырнадцать лѣтъ; она росла, выравнилась, но до сихъ поръ едва научилась читать да писать; для работы и науки силъ не хватало...

— Нужно было только отъ смерти ее спасти? — повторяла про себя панна Каролина. Ей было досадно на себя, что она не могла сдѣлать больше того, что сдѣлала.

— Хоть бы еще нѣсколько лѣтъ проскрипѣть — только едва ли это удастся.

Ноги у нея распухали, съ сердцемъ дѣло было все хуже и хуже; правда, она бѣгала по городу изъ конца въ конецъ почти безъ передышки, но на лѣстницы входила уже съ трудомъ. Только лицо ея цвѣло по прежнему, голубые глаза смѣялись весело, а въ свѣтлыхъ волосахъ ни слѣда сѣдины! И энергія не падала. Еще и теперь, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ, она могла работать съ утра до ночи. При всякомъ, болѣе или менѣе ясномъ, проявленіи сочувствія, она пожимала плечами съ веселой улыбкой. Глупые люди! Она перемѣнила бы только свои распухшія ноги, да больное сердце, но больше ничего! Если бы она начала жить сначала, то жила бы такъ же, какъ живетъ теперь.

Сегодня она даже боли въ ногахъ не ощущала, бѣгала съ урока на урокъ, какъ въ горячкѣ, сердце ея то замирало, то тревожно билось въ груди, на щекахъ выступилъ яркій румянецъ, глаза блистали; въ разсѣянности она не слыхала почти ни одной ноты.

— Неужели это правда? Неужели я еще сегодня могу быть такой счастливой?—повторяла она, считая тактъ и указывая ноты дрожащей рукой.

Два раза она хотѣла возвращаться съ дороги и бѣжать къ адвокату, но боялась, что не застанетъ его дома.

День тянулся безконечно долго; на послѣднемъ урокѣ ей было совсѣмъ не по себѣ; нотные знаки скакали передъ ея глазами, сердце то вздрагивало, то останавливалось; ее охватывала тяжелая тревога.

— Глупо съ ума сходить раньше времени,—шептала она дрожащими губами, — или я съ ума сойду отъ радости... или... — она махнула рукой; лично ея не пугало никакое разочарованіе.

— Вы сегодня словно невѣста, — шутилъ старый профессоръ, живущій на пенсіи, смотря на разгорѣвшееся лицо панны Каролины.—А вѣдь что же?.. но это было бы страшный афронтъ для меня! Старый солдатъ всегда знаетъ службу лучше молодого, ну, и вѣрность лучше соблюдается подъ старость.

Они оба засмѣялись. Въ прошлую зиму она связала ему шесть паръ шерстяныхъ чулокъ; съ тѣхъ поръ онъ въ шутку называлъ ее своимъ идеаломъ; ему было восемьдесятъ лѣтъ и онъ жилъ съ двумя взрослыми внучками.

Кончился послѣдній урокъ... панна Каролина знала, что Лавицкій раньше восьми не придетъ, но торопилась, чтобы поскорѣй добраться до дому. Стоялъ морозный лунный ве-

черь, на улицахъ было почти пусто. Панна Каролина ускоряла шаги, но дорога какъ-то сама собою вытягивалась безконечною лентой. Въ первый разъ паннѣ Каролинѣ пришло въ голову, что она живетъ далеко отъ центра города.

На углу одной улицы она прислонилась спиною къ стѣнѣ.

— Скажите, такъ вотъ какъ дѣйствуетъ надежда! — шептала она съ веселой улыбкой, крѣпко прижала руку къ сердцу, отдохнула немного и пошла дальше, останавливаясь черезъ нѣсколько шаговъ.

— Одинъ такой день поглотилъ больше силъ и здоровья, чѣмъ годъ спокойнаго, тяжелаго труда? Глупо я дѣлаю, что поддаюсь этимъ впечатлѣніямъ. Но если это правда... если будущность моей бѣдной дѣвочки обезпечена, — ну, тогда отъ радости и умереть стоитъ!

Она пробовала образумить себя, но разъ пробужденная надежда не давала подрѣзать себѣ крылья. Силы почти оставили панну Каролину, когда она подошла къ двери своего дома... Съ трудомъ переводя дыханіе, долго простояла она у порога.

Въ комнатѣ на столѣ горѣла лампа, подлѣ печки шумѣлъ самоваръ; на кровати спала Антося, покрытая теплымъ платкомъ; въ темномъ углу, у комода, горничная суетилась и гремѣла чайной посудой, панна Каролина медленно снимала пальто и шляпу; руки и ноги ея отяжелѣли какъ свинцовыя. Она знала это состояніе, не разъ это случалось съ ней, но сегодня ее черезчуръ измучило волненіе. Шатаясь, она прошла изъ темной прихожей въ комнату.

На столѣ, около лампы, лежало письмо, панна Каролина уже съ порога пытливо всматривалась въ него, — она узнала почеркъ Лавицкаго. Всякая боль и тягость исчезли. Кровь горячимъ потокомъ прилила къ ея головѣ. Письмо было не длинно: „Сегодня у меня нѣтъ ни минуты свободнаго времени, я могъ попасть бы къ вамъ развѣ только завтра вечеромъ. Не хочу медлить съ извѣстіемъ о вполнѣ благопріятномъ исходѣ нашего дѣла: у дѣвочки въ кармапѣ пятнадцать тысячъ, столько же она получитъ послѣ продажи имущества. Да, по временамъ нелѣпная фортуна умѣетъ выдѣлывать хитрые фокусы! О подробностяхъ завтра“.

Письмо выпало изъ ея рукъ. Панна Каролина опустилась на кресло. На глазахъ ея навернулись слезы, она хотѣла-было окликнуть Антося, но голосъ застылъ въ ея горлѣ.

— Такъ это правда! — сказала она про себя, — такъ это правда...

Откинувшись на спинку кресла съ руками, опущенными на колѣна, она сидѣла неподвижно и смотрѣла на письмо, лежащее передъ ней на столѣ... То, о чемъ она мечтала столько лѣтъ, наконецъ, осуществилось!.. Странное дѣло, какъ все въ ея жизни счастливо складывалось! Сирота она была, но ее въ дѣтствѣ пригрѣли добрые люди... потомъ сразу она нашла много работы. Одинъ годъ былъ грустный, тяжелый... самый лучший годъ въ ея жизни... весь свѣтъ улыбался ей... тогда ее называли „Розою“... она любила... давно ужъ это прошло, а каждую минуту этого года она помнить ясно... счастье продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Грустный конецъ смягчало убѣжденіе, что и она, если бы была на его мѣстѣ. можетъ быть, также поступила. Онъ женился на дѣвушкѣ доброй, умной.. и богатой. Онъ спасалъ семью и состояніе... Когда первая боль миновала, панна Каролина первая пожелала ему счастья... Правда, со слезами на глазахъ.

Послѣ этого что-то попортилось въ ея сердцѣ, и ничто уже не могло поправить этого... А сколько счастливыхъ минутъ пережила она со своими мальчиками! Она вытщила ихъ изъ нужды, спасла чуть не отъ голодной смерти, и какіе люди вышли изъ этихъ несчастныхъ, заморенныхъ ребятишекъ! честные, заботящіе, закаленные!.. Сколько разъ слезы счастья наворачивались на ея глазахъ, когда она думала о своихъ мальчикахъ.

А теперь... О, какой страшный огонь разлился въ ея груди... Панна Каролина смежила глаза, отяжелѣвшая голова склонилась на ручку кресла.

Въ тишинѣ слышалось только легкое дыханіе Антоси, лампа угасала, лучи мѣсяца, заглядывающаго въ окно, все яснѣе вырисовывались на полу...

Сонъ овладѣвалъ панной Каролиной. Мало-по-малу се-ребристый сумракъ смѣнялся яркимъ свѣтомъ солнца.

Блаженная улыбка застыла на губахъ панны Каролины.. ей было такъ легко, какъ только легко можетъ быть въ счастливомъ снѣ... Старое, изможденное трудомъ, тѣло оставалось въ покоѣ, молодая сильная душа расплылась въ солнечной атмосферѣ...

Не стоитъ пробуждаться отъ такого сна...

Перевелъ Вуколь Лавровъ.

ПОТЕРПѢЛА ЛИ НАУКА БАНКРОТСТВО?

Статья Шарля Рише *).

Потерпѣла ли наука банкротство? Таковъ вопросъ, предлагаемый г. Брюнетьеромъ въ недавно появившейся его статьѣ въ «Revue des Deux Mondes». Онъ не рѣшается отвѣчать прямо; онъ не осмѣливается утверждать, что наука потерпѣла полное банкротство, но, говоря его словами, «она оказалась отчасти несостоятельной».

Да проститъ мнѣ г. Брюнетьеръ, но согласиться съ нимъ я не могу. Какъ бы я имъ ни восторгался, но на этотъ разъ, менѣе, чѣмъ когда-либо, я раздѣляю его мнѣніе.

Я не буду разбирать подробно безчисленные вопросы, которые онъ предлагаетъ и рѣшаетъ въ своей статьѣ. Изъ всей его туманной аргументаціи я возьму лишь основу, и, прежде всего, попытаюсь ярко освѣтить его разсужденія, съ цѣлью придать имъ, по возможности, больше силы.

«Вотъ уже сто лѣтъ, какъ наука обѣщала обновить міръ, разсѣять тайну: она этого не сдѣла. Въ рѣшеніи единственно существующихъ вопросовъ,—вопросовъ, касающихся происхожденія чело-вѣка, закона его нравственной жизни, и его будущей судьбы,—она безсильна. Мы теперь знаемъ, что въ этомъ отношеніи естественныя науки никогда намъ ничего не откроютъ».

Таковъ, если я вѣрно понялъ, смыслъ аргументаціи г. Брюнетьера. Какъ видно, это—сильное нападеніе, если не на науку, то, по крайней мѣрѣ, на самыя законныя стремленія ея. Посмотримъ; до какой степени можно ее защищать.

Прежде всего, мнѣ кажется, не слѣдуетъ смотрѣть трагически на обѣщаніе науки обновить міръ, да еще въ опредѣленный срокъ. Ученые имѣютъ, между прочимъ, претензію быть очень скромными: эту мудрую скромность налагаетъ на нихъ сама наука. Не

*) Изъ «Revue scientifique», январь 1895 г.

нужно быть великимъ астрономомъ, чтобы знать, что земля—маленькая планета, атомъ въ солнечной системѣ, что эта солнечная система—атомъ въ видимомъ звѣздномъ мірѣ, и что видимый звѣздный міръ—только атомъ въ безконечномъ пространствѣ.

Развѣ не наука установила эту незначительность, эту почти-что смѣшную ничтожность человѣка? Было бы недобросовѣстно упрекать ее въ томъ, что она залетаетъ слишкомъ высоко, когда именно она доказала, что человѣкъ—ничтожная частичка вселенной.

«Насъ окружаетъ невѣдомое; оно насъ окутываетъ, давитъ со всѣхъ сторонъ, и ни законы физики, ни выводы физиологии не дадутъ намъ средства познать его». Это говоритъ самъ г. Брюнетьеръ, и лучше не могъ бы сказать и ученый. Какой же химикъ, физикъ или физиологъ думаетъ, что онъ въ состояніи все постичь? Признаніе безсилія науки—вотъ элементарное правило всякаго научнаго знанія. Мы наблюдаемъ только явленія. Сокровенная природа вещей ускользаетъ отъ насъ. Конечно, съ помощью микроскопа можно разсмотрѣть чудесно устроенныя, сложнѣйшія клѣточки, изъ которыхъ каждая—настоящій микрокосмъ. Но затѣмъ? Здѣсь только начинается безконечно-малое. Чтобы дальше идти, нужно было бы имѣть болѣе совершенныя чувства; а безконечно малое, какъ и безконечно великое, остается закрытымъ для насъ.

Во всякомъ случаѣ, если бы даже мы обладали чудесными телескопами и микроскопами, которые намъ позволяли бы видѣть въ тысячу разъ дальше, чѣмъ теперь,—намъ все же была бы доступна одна внѣшность, форма, а не причина матеріи и жизни. Почему желудъ превращается въ дубъ? Вотъ задача, часто предлагаемая, но едва ли когда разрѣшимая. Послѣдовательныя формы превращеній желудка въ дубъ будутъ описываться съ все большей и большей научной точностью. Но причина этихъ превращеній останется неуловимой; если бы одно какое-либо естественное явленіе было постигнуто во всѣхъ своихъ причинахъ и проявленіяхъ, то полное объясненіе микрокосма повело бы за собой и знаніе всей природы.

Химикъ, излагающій структуру молекулъ какого-нибудь тѣла, прекрасно знаетъ, что схемы, которыя онъ даетъ,—сущіе символы. Нашъ разумъ отказывается отъ пониманія матеріи, какъ только мы пытаемся ее постигнуть не на основаніи ея внѣшнихъ качествъ. Открывая законы, факты, явленія, методы, мы нисколько не поднимаемся впередъ относительно самой сущности вещей.

Наука, а не богословы, открыла безсиліе человѣка въ природѣ и несовершенство его ничтожныхъ пяти чувствъ. Въ своихъ

начинаніяхъ, человѣчество думало, что можетъ все познать, все постигнуть. Ученые разрушили это дѣтски-наивное мировоззрѣніе: они доказали, что человѣкъ не только не можетъ проникнуть во все, но что онъ не можетъ даже быть увѣренъ въ точности своихъ познаній. Научный прогрессъ отдаляетъ, если можно такъ выразиться, завоеваніе абсолютной истины. При каждомъ шагѣ впередъ граница отодвигается; такимъ образомъ, ученые лучше всего знаютъ, какъ велико ихъ невѣжество.

Совершенно излишне призывать ученыхъ къ скромности, разъ вся наука подтверждаетъ съ ужасающей достовѣрностью безконечность того непознаваемаго, которое насъ «давитъ», по сильному выраженію г. Брюнетьера. Но не справедливѣе ли было бы признать, что эта непоправимая слабость науки была формулирована, опредѣлена и почти-что доказана именно наукой?

Но если наука бессильна, въ чемъ она и сознается, относительно совершеннаго пониманія вселенной и абсолютнаго понятія истины, она, не обѣщая ничего, тѣмъ не менѣе, оказала нѣкоторое вліяніе на міръ. Г. Брюнетьеръ, который, какъ и я, не любитъ банальности, былъ бы недоволенъ, если бы я сталъ подробно перечислять всѣ завоеванія науки. Тѣмъ не менѣе, не могу не замѣтить почтительно моему оппоненту, что наука нѣсколько усовершенствовала матеріальныя условія человѣчества. Право, очень удобно пользоваться каждую минуту, каждую секунду жизни благодѣяніями науки, и насмѣхаться надъ нею, «кусать свою кормилицу», по выраженію одного классика. Да развѣ мы можемъ думать, спать, ѣсть, ѣздить въ Римъ и обратно, писать, печатать, говорить, не будучи со всѣхъ сторонъ окружены плодами науки? *In eâ movemur, vivimus et sumus* (въ ней мы двигаемся, ею живемъ и существуемъ). Не будь науки, мы бы жили, какъ во времена святыхъ отшельниковъ, проповѣдавшихъ Крестовые походы, или даже, — вѣдь наука не вчера родилась, — какъ во времена каменнаго вѣка, когда люди, вооруженные камнями, боролись съ медвѣдями и защищали ногтями и зубами своихъ женъ и свою кровавую добычу отъ столь же свирѣпыхъ сосѣдей.

Наука и цивилизація — тождественныя понятія, и я не вижу, какими тонкостями и какими уловками краснорѣчія можно ихъ раздѣлить?

Собственно говоря, наука, — подъ словомъ «наука» я подразумеваю великихъ ученыхъ и ихъ смиренныхъ учениковъ: Галилея, Декарта, Ньютона, Лавуазье, Лапласа, Дарвина, Пастера, — наука, говорю я, никакихъ обѣщаній не давала. Человѣкъ погруженъ въ густой мракъ; онъ можетъ уловить лишь ничтожнѣйшую часть

явленій, его окружающихъ. Ученые сказали: «Попытаемся нѣсколько разсѣять этотъ мракъ; попытаемся бросить немного свѣта въ эту черную бездну; можетъ быть, такимъ образомъ, намъ удастся сдѣлать человѣческую жизнь менѣе суровой. Будемъ служить истинѣ, и если мы откроемъ новый законъ, новый фактъ,—вашъ долгъ будетъ исполненъ». Вотъ какія обѣщанія давала наука, и, кажется, она ихъ сдержала.

Сейчасъ увидимъ, что намъ думать о нравственномъ прогрессѣ; но что касается матеріальнаго прогресса, конечно, никто не рѣшится отрицать, что онъ—плодъ науки, иначе говоря, что онъ—результатъ усилій ученыхъ. Съ этимъ спорить невозможно.

Весь современный міръ, съ своими тысячью пяти сотъ милліонами жителей, обязанъ своимъ развитіемъ только наукѣ, и наука ведетъ его впередъ, независимо отъ различныхъ культуръ, испещряющихъ его земную поверхность. И такъ, миссія ученыхъ не потерпѣла неудачи, и слово «банкротство» въ данномъ случаѣ очень странно, ибо ученые, ничего не обѣщая, дали много.

Дадутъ ли они еще что-нибудь? Мы думаемъ, да. Можетъ быть, мы ошибаемся, но мы думаетъ, не давая впрочемъ никакихъ обѣщаній, дабы какой-нибудь потомокъ г. Брюнетьера не поставилъ намъ ихъ когда-нибудь въ укоръ, — мы думаемъ, что наука не сказала еще своего послѣдняго слова. Она находится еще въ дѣтствѣ, въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Достигнутые успѣхи могутъ намъ представить лишь блѣдную картину будущихъ успѣховъ. Конечно, эти успѣхи—ничто въ сравненіи съ безконечнымъ и абсолютнымъ. Вселенная всегда останется неизвѣстной и непроходимой. Но прогрессъ, ничтожный съ точки зрѣнія трансцендентной метафизики, имѣетъ большое значеніе въ смыслѣ облегченія страданій человѣчества.

Обратимся къ подробностямъ.

Г. Брюнетьеръ очень настаиваетъ на томъ, что ученые ничего не могутъ узнать о «происхожденіи человѣка». «Каково происхожденіе рѣчи?—говоритъ онъ.—Каково происхожденіе общества? Происхожденіе нравственности? Кто ни пытался въ нашемъ вѣкѣ отвѣчать на эти вопросы, — терпѣлъ жалкую неудачу, и всегда будетъ неудача, одна неудача».

Такія утвержденія мнѣ кажутся нѣсколько смѣлыми. Конечно, происхожденіе рѣчи въ точности неизвѣстно: тѣмъ не менѣе, собрано много поучительныхъ документовъ, которыми пренебрегать неразумно. Этнологія и лингвистика съ одной стороны, физиологія, экспериментальная психологія и патологическая анатомія, съ другой, открыли намъ столько тѣсно связанныхъ между собой фак-

товъ относительно природы и, слѣдовательно, происхожденія членораздѣльной рѣчи, что мы, право, не далеки отъ сиптезиса. Если не приписывать рѣчи божественное происхожденіе, то мы близки къ рѣшенію вопроса. Между нечленораздѣльной рѣчью животныхъ и первобытной членораздѣльной рѣчью, состоящей изъ нѣсколькихъ звуковъ, нѣтъ той глубокой непроходимой пропасти, отдѣляющей познаваемое отъ непознаваемого. Можетъ быть, сущность матеріи останется всегда неизвѣстной человѣку, но я не вѣрю, чтобы всякая гипотеза о происхожденіи рѣчи, гипотеза, основанная на наблюденіяхъ, опытахъ и аналогіяхъ, неизбѣжно повела къ неудачѣ. Напротивъ, мнѣ кажется, этотъ вопросъ уже наполовину рѣшенъ или, по крайней мѣрѣ, на пути къ разрѣшенію. Столько есть дѣйствительно недоступныхъ намъ вопросовъ, что не слѣдовало бы выбирать именно этотъ въ доказательство ничтожности или слабости человѣческой науки.

Что касается меня, то я никогда не осмѣлюсь сказать о какомъ-нибудь научномъ вопросѣ: «Это никогда не удастся». Такой смѣлости у меня не хватаетъ, можетъ быть, потому, что я знаю нѣсколько примѣровъ преждевременныхъ, очень неудачныхъ, отрицаній. Въ 1821 г., Прево и Дюма, изучая кровавые шарики, рѣшились написать: «Тщетность нашихъ попытокъ отдѣлить окрашенное вещество крови отъ остальнаго ея состава, даетъ намъ почти увѣренность, что это никогда не удастся». Сорокъ лѣтъ спустя, это «окрашенное вещество» было отдѣлено, анализировано и изучено. Въ настоящее время приготовленіе кристаллизованнаго гемоглобина сдѣлалось совершенно элементарнымъ курсовымъ опытомъ. Въ 1839 г. Юганъ Миллеръ говорилъ: «Быстрота нервовъ такъ велика, что измѣрить ее никогда не удастся». Два года спустя, Гельмгольцъ показалъ посредствомъ очень простаго опыта, столь простаго, что онъ доступенъ любому студенту-медику второго курса, что эту быстроту можно очень хорошо измѣрить. Когда Вельпо разсказалъ въ институтѣ экспериментальной медицины исторію операціи, совершенной въ анестезическомъ снѣ, то Маженди заявилъ, что уничтожить боль во время операціи невозможно, и что это *было бы безнравственно*. Даже Пастэръ, нашъ великій Пастэръ, слава нашего вѣка и нашей страны, имѣлъ неосторожность сказать, что химическій синтезъ никогда не создастъ вещества, одареннаго поляризующими свойствами, а нѣсколько лѣтъ спустя, г. Юнгфлейшъ синтетически приготовлялъ виннокаменную кислоту, имѣющую коловратную силу.

Тутъ г. Брюнетьеръ находится въ хорошемъ обществѣ. Но все-таки, мнѣ кажется, онъ нѣсколько легкомысленно отважился

утверждать, будто бы мы никогда ничего не узнаемъ о происхожденіи рѣчи.

То же самое относительно человѣческихъ обществъ. По этому вопросу было написано столько книгъ, что одно ихъ перечисленіе заняло бы нѣсколько страницъ. Неужели ничего не сдѣлали всѣ географы, путешественники и натуралисты, которые изучали нравы дикарей, ихъ ассоціаціи, столкновенія, инстинкты? Неужели всѣ эти знанія о первобытныхъ обществахъ не имѣютъ значенія, никуда не приводятъ, ничему не учатъ?

Цивилизація не сошла съ неба, вооруженная съ ногъ до головы, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Она совершалась постепенно, медленно, методично. Мы не можемъ въ ней сомнѣваться, такъ какъ каждый день видимъ ея успѣхи. Предками цивилизованныхъ людей были дикари. Слѣдовательно, умственное и общественное состояніе нынѣшнихъ дикарей можетъ дать намъ вполнѣ вѣрное понятіе о томъ, чѣмъ были наши предки. Почему же эта область должна считаться непознаваемой? И кто имѣетъ право сказать — наука «потерпѣла банкротство» только потому, что науки, занимающіяся происхожденіемъ человѣка, не обладаютъ достовѣрностью и точностью физическихъ или математическихъ званій?..

Правда, если бы наука могла доказать еще точнѣе, что происхожденіе рѣчи кроется въ крикѣ животныхъ, а происхожденіе человѣческихъ обществъ въ обществахъ животныхъ, то и тогда бы она лишь отодвинула затрудненіе. Она бы объяснила *какъ*, но не *почему*. Почему существуетъ эволюція? почему явились человѣскія существа? Къ чему жизнь на землѣ? Почему такой-то или такой-то смыслъ эволюціи этой жизни? Какова цѣль? Какова наша будущая судьба? Тутъ мы сталкиваемся съ непознаваемымъ, доходимъ до границы науки. Можетъ быть, мы когда-либо двинемъ впередъ задачу, но рѣшить ее намъ, вѣроятно, никогда не удастся. Да, къ несчастью, это правда: мы страшно малая частица великаго цѣлаго, слабый молекулъ, затерянный въ безконечномъ пространствѣ и времени, и мы никогда не подыдемся до причины нашего существованія и не дадимъ его полной формулы.

Во всякомъ случаѣ, это не самое важное. Дѣло въ томъ, чтобы установить отношенія между нравственностью и наукой. Наука совершила матеріальный прогрессъ человѣчества. Это неопровержимо. Но что она сдѣлала для нравственнаго прогресса? Ничего, по мнѣнію г. Брюнетьера. Она оказалась здѣсь несостоятельной, какъ и въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи. Въ физиологич. нельзя найти основъ нравственности.

Конечно. Ни фізіологія сама по себѣ, ни химія, ни ботаника, ни математика, не могутъ опредѣлить добро и зло и дать чело-вѣчеству правила нравственности. Ученый въ своей лабораторіи не пытается указывать людямъ, что они должны дѣлать, чтобы быть справедливыми, добрыми и мудрыми. Задача его очень узка: опредѣленіе морского ежа, кристаллизація соли, провѣрка термометра. Съ изумительнымъ увлеченіемъ специализируется всякій ученый на какомъ-нибудь трудѣ, на первый взглядъ пустяшномъ и незначительномъ; поверхностному наблюдателю могутъ показаться просто жалкими, по своей незначительности, нѣкоторыя научныя изысканія. Одинъ знаменитый химикъ посвятилъ сорокъ лѣтъ своей жизни точному измѣренію расширенія ртути, стекла и нѣкоторыхъ газовъ. Физиологъ изучаетъ въ мельчайшихъ подробностяхъ сокращеніе одного какого-нибудь мускула лягушки; геологъ пытается открыть въ формѣ полосъ раковины средство раздѣлить два вида ископаемыхъ устрицъ; ботаникъ считаетъ лепестки рѣдкаго цвѣтка или разбираетъ устройство листьевъ на стеблѣ; математикъ изобрѣтаетъ новыя функціи и пишетъ длинныя работы о величинахъ, которыя могутъ не существовать.

Въ настоящую минуту, въ тѣхъ самыхъ лабораторіяхъ, гдѣ, будто бы, насмѣхаются надъ «банкротствомъ» науки, вездѣ, во Франціи, въ Германіи, въ Итали, въ Россіи, въ Англии и въ Америкѣ, сотни, или, вѣрнѣе, тысячи людей работаютъ, изучаютъ путемъ подробнаго, часто скучнаго анализа, факты и явленія, и радуются, если въ концѣ дня ихъ микроскопическая задача подвинулась хоть на волосъ впередъ. Міръ похожъ на громадную мастерскую, гдѣ тысячи работниковъ, все почти неизвѣстныхъ, содѣйствуютъ, каждый по мѣрѣ силъ, увеличенію общаго фонда чело-вѣческихъ знаній.

Во всѣ времена было то же самое; во всѣ времена были ученые. Исканіе истины ведетъ начало еще отъ Пифагора и Архимеда, и, конечно, Пифагоръ и Архимедъ имѣли предшественниковъ; но число этихъ тружениковъ увеличивается съ каждымъ днемъ. Съ самаго начала нынѣшняго вѣка колоссальное усиліе было употреблено энергическимъ сотрудничествомъ этихъ тысячъ работниковъ. Работа каждаго изъ нихъ очень мала, но общая ихъ работа громадна.

Если бы кто вздумалъ спросить одного изъ этихъ людей: «Какъ воздѣйствуетъ на нравственность этотъ бромистый эфиръ, который вы изучаете уже десять лѣтъ? Какимъ образомъ анализъ такой-то математической функціи измѣнить понятіе о долгѣ? Станутъ ли люди лучшими, вслѣдствіе болѣе совершеннаго опредѣленія той или другой устрицы?» Вѣроятно, ученый разсмѣялся бы и не по-

ялгъ бы этого вопроса. Вѣдь онъ не заботится о нравственности; онъ ищетъ только истины, не думая о послѣдствіяхъ, которыя она ведетъ за собой. Разъ отдавшись наукѣ, онъ признаетъ за очевидное требованіе, что истина хороша сама по себѣ, и не можетъ себѣ представить, чтобы его работа могла быть ненужной, если только онъ уменьшилъ, хотя бы въ очень слабой степени, ужасное по своей гравдіозности человѣческое невѣжество.

Намъ кажется, что ученые правы; вѣдь то, что мы называемъ цивилизаціей, есть лишь послѣдствіе ихъ громаднаго труда. Совокупность всѣхъ этихъ маленькихъ частныхъ истинъ составляетъ общее достояніе, и это цѣлое нельзя расчлениить. Историческія и математическія, экспериментальныя и медицинскія, физико-химическія и естественныя, промышленныя и механическія знанія, все это такъ тѣсно связано между собой, что нельзя себѣ представить прогрессъ въ одной изъ наукъ, который бы не отозвался сейчасъ же на прогрессъ въ другой. Это вѣчто вродѣ блока, по одному знаменитому сравненію, и этотъ блокъ, эта цивилизація, это—само человѣчество, такое, какимъ оно существуетъ до настоящаго времени.

Было бы несправедливо упрекать того или другого изъ безчисленныхъ работниковъ, содѣйствовавшихъ созиданію громаднаго зданія, въ томъ, что они не начертили плана всего строенія. Развѣ можно упрекать солдата, который на полѣ битвы, по приказанію офицера, пошелъ впередъ, затѣмъ нагѣво, потомъ направо и стрѣлялъ въ дыму, ничего не видя, развѣ можно его упрекать въ томъ, что онъ не понялъ смысла великаго сраженія, въ которомъ участвовалъ? Онъ ничего не понялъ, онъ ничего не видѣлъ, а между тѣмъ, своимъ слабымъ участіемъ содѣйствовалъ побѣдѣ. Точно также, всѣ работавшіе для науки въ своей лабораторіи или въ своемъ кабинетѣ, всѣ они, по древнему и вѣрному выраженію, принесли свой камень на постройку зданія. Они содѣйствовали прогрессу, хотя ихъ личная работа была ничтожна, и они не понимали всего ея значенія. Значеніе коллективной работы, въ которой они участвовали, ускользнуло отъ нихъ, но, тѣмъ не менѣе, они создавали, изобрѣтали, открывали и, понемногу, они расширили предѣлы человѣческаго знанія.

И вотъ, благодаря нѣсколькимъ поколѣніямъ умныхъ и неутомимыхъ тружениковъ, всѣ эти завоеванія науки представляютъ вѣчто неразрывное съ нашей цивилизаціей, а вмѣстѣ—онѣ составляютъ нашу нравственность.

Наука, цивилизація и нравственность, это три понятія паралельныя. Невозможно вообразить себѣ нравственнаго прогресса, который бы не повлекъ за собой прогресса цивилизаціи, и наоборотъ.

ротъ. Одинъ юмористъ сказалъ, что состояніе цивилизаціи страны измѣряется потребленіемъ мыла и почтовыхъ марокъ. Эту остроту можно было бы примѣнить къ нравственности, которая растетъ одновременно съ побѣдой человѣка [надъ матеріей. В. Дюркумъ однажды сказалъ намъ: «Если бы я составлялъ естественную исторію, я бы раздѣлилъ ее на двѣ части: міръ до желѣзныхъ дорогъ и міръ послѣ желѣзныхъ дорогъ». Этой краткой формулой онъ хотѣлъ сказать, что промышленность обновила общественное и нравственное состояніе человѣчества. Да кто бы посмѣлъ отрицать, что цивилизованный человѣкъ нравственнѣе дикаря? Кто допуститъ нелѣпую мысль, что троглодиты и доисторическіе люди были совершенны, что первобытный человѣкъ былъ ангеломъ? Намъ приходится признать, несмотря на краснорѣчіе Руссо, что, благодаря на,къ, развитіе человѣчества смягчило нравы, вдохнуло въ насъ великодушныя чувства и создало идеалъ нравственности, установивъ принципъ свободы и отвѣтственности. Борьба съ природой все болѣе и болѣе удаляетъ насъ отъ низкаго типа первобытнаго человѣка; она уничтожила дикость и ввела нравственныя идеи, которыя дѣлаютъ насъ такъ мало похожими на нашихъ отвратительныхъ предковъ.

Кому мы обязаны этимъ прогрессомъ?

Для большей ясности, возьмемъ не очень отдаленную эпоху, когда наука еще не завоевала міра. Каковы были нравственныя идеи Боссюэ о войнѣ, о рабствѣ, пыткѣ, свободѣ совѣсти, равенствѣ людей, объ уваженіи къ человѣческой жизни? Какъ смотрѣлъ Боссюэ на драгонады, на Варфоломейскую ночь, на инквизицію? И какъ мы смотримъ на это теперь? Кто же измѣнилъ мнѣнія людей?

Въ настоящее время цивилизованное человѣчество признаетъ лишь одну нравственность. Эта нравственность не вырабатывалась понемногу въ лабораторіяхъ, но, тѣмъ не менѣе, она—плодъ науки. По мѣрѣ того, какъ наука распространялась въ мірѣ, уменьшая страданія и разсѣвая невѣжество людей, развивалась и нравственность, обязательная для всѣхъ. Она дѣлаетъ такіе быстрые успѣхи, что ея окончательное торжество можетъ настать гораздо скорѣе, чѣмъ мы предполагаемъ и надѣемся.

Эта нравственность основывается на понятіи о человѣческой солидарности. *Зло есть то, отъ чего страдаютъ другіе.* Вотъ чему насъ научили физика и зоологія, химія и астрономія, ботаника и физиологія, географія и филологія, антропологія и математика. Развиваясь умственно и приобрѣтая все новыя и новыя знанія, человѣкъ пришелъ къ тому, что лучше сталъ понимать свой долгъ

на землѣ. Не теряясь въ облакахъ загадочнаго будущаго, ожидающаго его, онъ покуда довольствуется простымъ исполненіемъ своего долга, а долгъ этотъ вполне ясенъ: нужно, прежде всего, быть добрымъ и справедливымъ. Люди—братья, и борьба классовъ, какъ и борьба націй, есть преступленіе. Человѣкъ долженъ признать, что эгоизмъ и жестокосердіе—отвратительные пороки, что самозабвеніе—необходимо, что самоотверженіе—лучшее и, можетъ быть, единственное средство быть счастливымъ, что оно составляетъ неопровержимое требованіе, и никто не имѣетъ права отъ него уклониться.

Усилія ученыхъ привели къ возникновенію такой нравственности. Они завоевали идейный міръ, увеличивая и культивируя человѣческій разумъ. Великіе мыслители, проповѣдавшіе людямъ милосердіе и братство, долго оставались безъ отклика...

Наука идетъ впередъ; каждый день она дѣлаетъ неслыханные успѣхи, каждый день наши познанія расширяются, и въ то же время нашъ нравственный идеалъ растетъ. Напрасно спорить противъ очевидности: наука ведетъ міръ. Человѣчество ни за кѣмъ больше не идетъ, какъ за наукой. Что бы ни говорили, какъ бы ни старались помѣшать этому,—человѣчество страстно бросается на новые пути, которые раскрываетъ предъ нами—наука.

А. К.

ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

А. Валенберга.

Перев. съ шведскаго В. Фирсова.

(Продолженіе *).

VII.

На слѣдующее утро Бурманъ всталъ съ готовымъ рѣшеніемъ привести въ исполненіе планъ, задуманный, въ сущности, гораздо раньше. Надо было осуществить газету, о которой подумывали когда-то его сторонники для проведенія его въ парламентъ.

Со вчерашняго дня онъ начиналъ думать, что его романъ будетъ имѣть успѣхъ и подготовить почву для газеты такого же направленія. Но газета была главное, такъ какъ на слѣдующую осень назначены были общіе выборы, на которыхъ и онъ предполагалъ снова выступить кандидатомъ; а для того, чтобы попасть въ палату, требовались сильныя средства. Такимъ средствомъ была бы большая газета. Само собой разумѣется, что онъ не приметъ на себя обязанностей главнаго редактора. Для этого онъ еще недостаточно популяренъ, а главное, слишкомъ занятъ. Но онъ будетъ вести въ газетѣ политическій отдѣлъ, и, такимъ образомъ, будетъ имѣть возможность распространить свои взгляды среди избирателей. За годъ эти взгляды успѣютъ, пожалуй и привиться.

Самая перспектива предстоявшей борьбы съ тысячами противниковъ, которыхъ надо было побороть, приручить, просвѣтить и плѣнить — казалась ему заманчивой. Онъ чувствовалъ въ себѣ достаточно силы для такой борьбы, и жаждалъ случая проявить ее.

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль, 1895 г.

Теперь нужно было спѣшить съ приведеніемъ въ исполненіе задуманнаго проекта, чтобы ко времени большихъ выборовъ оружіе было вполне готово и умы достаточно подготовлены. Газета непременно должна была появиться въ этомъ же году, а самое позднее—къ Новому году. Если на большое изданіе не окажется достаточно средствъ, можно будетъ ограничиться на первое время еженедѣльнымъ изданіемъ, которое можно будетъ потомъ и расширить. Но основать изданіе необходимо сейчасъ же! И оно будетъ имѣть успѣхъ! Оно должно имѣть успѣхъ.

Бурманъ имѣлъ въ виду многихъ хорошихъ сотрудниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые были популярными писателями, и поддерживали съ нимъ хорошія отношенія. Несомнѣнно, они съ радостью применятъ къ новому предпріятію, тѣмъ болѣе, что можно будетъ основать въ газетѣ большой литературный отдѣлъ, который будетъ для нихъ настоящей приманкой. Вообще, программа будетъ самая широкая, такъ, чтобы газета, въ одно и то же время, давала и остроумныя, и глубокомысленныя, и легкія, и воинственныя, и шутивыя, и строго-научныя статьи. Надо, чтобы она стала насущной потребностью всѣхъ и каждого... Посмотримъ, окажется ли такая газета вліяніе на выборы!

Онъ тотчасъ же принялся за хлопоты, навѣстилъ всѣхъ своихъ вліятельнѣйшихъ сторонниковъ и всюду нашелъ полное сочувствіе новому изданію. Труднѣе оказалось собрать нужные капиталы. Пришлось устроить акціонерное общество, но и это мало помогло предпріятію, такъ какъ подписка на акціи пошла очень туго. Всѣ высказывали опасеніе, что слишкомъ рискованно сразу заводить собственную типографію; многіе, притомъ, боялись и разсориться съ вліятельными издателями. Становилось очевиднымъ, что дѣло не устроится, если не привлечь къ нему какой-нибудь крупной издательской фирмы.

Пришлось подумать и о Валеріусѣ. До этой минуты Бурманъ все еще надѣялся, что будетъ въ состояніи обойтись безъ содѣйствія друга. Онъ даже ничего не говорилъ ему о задуманномъ предпріятіи и лелѣялъ злорадную мечту насладиться изумленіемъ Валеріуса, когда все будетъ уже готово, и представится возможность, какъ бы мимоходомъ, сообщить ему новость. Вѣдь этотъ Валеріусъ воображаетъ, кажется, что безъ него ничего нельзя и сдѣлать... Хорошо бы разубѣдить его въ этомъ! Притомъ, Бурманъ начиналъ серьезно сомнѣваться въ дружбѣ этого господина. Какъ беллетристъ,

Бурманъ считалъ себя знаткомъ человѣческаго сердца и воображалъ, что видитъ людей насквозь. Поведеніе Валеріуса представлялось ему теперь крайне подозрительнымъ. Напримѣръ, тогда, во время ужина, послѣ сходки... Вѣдь не безъ цѣли же онъ тогда сдѣлалъ все, чтобы ослабить надежды и мужество Бурмана... А что, если онъ самъ мечтаетъ о депутатскомъ креслѣ и заблаговременно устраняетъ конкурентовъ? Вѣдь это очень и очень похоже на истину!

Однако теперь, когда пришлось подумать о содѣйствіи Валеріуса для основанія газеты, Бурманъ сталъ убѣждать себя, что нельзя же обвинять людей, не имѣя никакихъ доказательствъ ихъ вины, и что, въ сущности, теперь представляется прекрасный случай провѣрить истинныя намѣренія Валеріуса. Могло вѣдь оказаться, что онъ и въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ никакихъ дурныхъ намѣреній, и повредилъ другу на сходкѣ совсѣмъ невольно, просто по недостатку такта и по своей мѣщанской склонности сомнѣваться во всемъ великомъ. Теперь это легко провѣрить, поставивъ ему вопросъ прямо: хочешь быть съ нами и поддержать новую газету въ качествѣ директора Бальдерской типографіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ въ то же время и отвѣтомъ на всѣ предъидущіе.

Какъ-то утромъ Бурманъ шелъ по улицѣ, размышляя обо всемъ этомъ, и подумалъ, не зайти ли въ Валеріусу сегодня же. Было всего одиннадцать часовъ, и Бурманъ былъ въ этотъ день свободенъ. Къ тому же, онъ находился уже по близости Бальдерской типографіи.

Вдругъ его пробудили отъ раздумья громкія привѣтствія. Онъ поднялъ голову.

Оказалось, что онъ очутился у воротъ манежа, передъ которымъ стояло нѣсколько кавалеровъ и дамъ. Въ числѣ другихъ были Гертрудъ и Гильдуръ Скогъ, а также и Антонъ Валеріусъ. Они только что вернулись съ катанья верховъ и весело болтали.

Сеть Бурманъ поклонился дамамъ и сталъ спрашивать о катаніи. Не безъ любопытства освѣдомился онъ, первая ли это ихъ поѣздка въ этомъ году.

— Первая?— вскричалъ Валеріусъ.— Вотъ и видно, что ты живешь не на землѣ! Мы ѣздимъ, кажется, уже въ четвертый или пятый разъ.

— Да, въ пятый!— гордо подтвердила Гертрудъ.— Я теперь настоящая наѣзница и скоро буду брать барьеры! Катанья мнѣ ужъ и теперь нипочемъ!

Бурманъ нахмурился. Онъ, не находилъ ничего хорошаго въ этомъ увлеченіи спортомъ и удивлялся, какъ это Валеріусъ успѣлъ такъ близко сойтись съ семействомъ Скогъ.

— И умѣете перепрыгивать канавы?—съ легкой ироніей спросилъ онъ Гильдуръ.

— Прежде умѣла!—весело отвѣтила Гильдуръ.—Но не знаю, рѣшусь ли теперь. Я такъ давно не ѣздила верхомъ.

— Но развѣ недовольно пяти катаній, чтобы вернуть искусство?—спросилъ онъ тѣмъ же тономъ.

— Пяти? Но, вѣдь я-то выѣхала сегодня въ первый разъ!—вскричала она.

Гертрудъ объяснила, что Гильдуръ была это время просто какая-то невозможная! Едва-едва удалось уговорить ее хоть разъ поѣхать съ ними...

— Вотъ какъ!.. А я думаль...

Выразительное лицо Бурмана сразу прояснилось. Онъ съ увлеченіемъ заговорилъ о прелестяхъ верховой ѣзды, въ которой чувствовалъ отвращеніе, сталъ шутить и наговорилъ дамамъ даже любезностей по поводу изящества ихъ амазонокъ.

Впрочемъ, комплиментъ по адресу Гертрудъ былъ не совсѣмъ искренній, потому что на ея круглой фигурѣ амазонка сидѣла далеко не особенно хорошо, а цилиндръ придавалъ ея лицу ужъ слишкомъ мальчишеское выраженіе.

Зато Гильдуръ была просто восхитительна. Ея стройная фигура и нѣжное личико сохраняли въ верховомъ костюмѣ всю женственную прелесть и даже точно еще ярче выдѣлялись въ немъ, а шляпа шла къ ней необыкновенно.

Наконецъ дамы уѣхали домой, а Бурманъ пошелъ съ Валеріусомъ.

— Я вижу, ты хорошо познакомился съ семействомъ Скогъ?—началъ Бурманъ,

— Бываю у нихъ довольно часто. Надѣюсь, ты не ревнивъ?

— Ревнивъ? Съ чего тебѣ это пришло въ голову?

Валеріусъ взялъ пріятеля подъ руку и сказалъ таинственно:

— Если хочешь ѣздить съ нами, ужъ такъ и быть — выкажу самоотверженность:—уступлю тебѣ веселую барыньку, а самъ поѣду съ м-лле Скогъ.

Бурманъ искоса посмотрѣлъ на пріятеля. На минуту ему пришло даже въ голову, что Валеріусъ смѣется надъ нимъ. Но онъ вспомнилъ, что въ первый визитъ дѣйствительно

увлекся-было госпожей Скогъ и даже сказалъ тогда объ этомъ Валеріусу. Не могъ же Валеріусъ знать о томъ, что Бурманъ успѣлъ перемѣнить свои симпатіи...

— Спасибо!—сказалъ онъ, смѣясь.—Ты однако великодушень.

— Еще бы, я вѣдь не то, что ты! Она, право, очень мила! Съ ней весело. Рѣзвится, какъ дитя, и можетъ разсмѣшить до слезъ... Не мудрено, что она сразу произвела на тебя такое впечатлѣніе, что ты цѣлый вечеръ не отходилъ отъ нея... Но согласишься, что ты выказалъ себя тогда эгоистомъ... чертовскимъ эгоистомъ!

— Теперь твоя очередь... Ты тоже не промахъ!!

— Да, справедливость прежде всего.

Глаза Валеріуса сверкнули не то шуткой, не то ядовитой насмѣшкой. Но это выраженіе тотчасъ же исчезло, и Валеріусъ сказалъ уже серьезно.

— Шутки въ сторону. Это хорошіе люди, и бывать у нихъ очень пріятно.

Заговорили о другомъ, и Бурманъ сталъ подыскивать таковой переходъ разговора, чтобы можно было, какъ бы встать, упомянуть о новой газетѣ. Ему не хотѣлось выступить передъ пріятелемъ въ роли просителя. Случай не замедлилъ представиться, какъ только рѣчь зашла о литературѣ.

Съ притворнымъ равнодушіемъ упомянулъ Бурманъ о затѣянномъ предпріятіи, сообщилъ, что все уже налажено, и остается только выбрать типографію и, какъ бы мимоходомъ, предложилъ Валеріусу принять участіе въ дѣлѣ, причемъ газета могла бы печататься въ Бальдерской типографіи..

Валеріусъ не отвѣтилъ ничего и молча хлопывалъ хлыстомъ по своимъ ботфортамъ, пока Бурманъ разъяснялъ выгоды предпріятія. Газета вѣдь понравится публикѣ сразу, и по многимъ причинамъ! За подписчиками дѣло не станетъ... Развѣ мало такихъ, которые подпишутся только ради принципа? А еще больше подписчиковъ привлечетъ смѣлость, съ какой поведется борьба за либеральные взгляды! Что же касается толпы, то ее заманить богатый беллетристическій отдѣлъ, который будетъ вестись совсѣмъ не такъ, онъ какъ велся до сихъ поръ въ шведскихъ газетахъ...

Понемногу Бурманъ увлекся и говорилъ все съ большимъ и большимъ жаромъ, хотя Валеріусъ попрежнему не проронилъ ни слова. Такъ дошли они до типографіи, прошли контору и очутились въ кабинетѣ директора. Не переставая

излагать свой планъ, Бурманъ опустился въ кресло рядомъ съ письменнымъ столомъ Валеріуса. Тотъ также машинально занялъ свое обычное мѣсто передъ столомъ и сталъ поигрывать перомъ, не глядя на друга, но слушая его довольно внимательно.

— Стало быть,—сказаль онъ наконецъ, когда Бурманъ замолчалъ, чтобы перевести духъ,—это будетъ ново-демократическая газета съ большимъ отдѣломъ беллетристики и нѣкоторой склонностью въ социализму?

— Да, нѣчто въ этомъ родѣ.

— Гм! Очень симпатичное направленіе...

— Не правда ли? Я радъ, что ты это находишь.

— Да, да!—серьезно проговорилъ Валеріусъ.—Очень, очень симпатично... Но... развѣ тебѣ непремѣнно нужно имѣть большое число подписчиковъ?

— Безусловно!

— Въ такомъ случаѣ, какъ это ни жаль, а я долженъ дать одинъ совѣтъ: вычеркни...

— Что вычеркнуть?

— Да что-нибудь въ своей программѣ.

— Что же въ ней вычеркивать?

— Что хочешь. Либо демократическое направленіе и литературный отдѣлъ, либо литературный отдѣлъ и социализмъ; либо, наконецъ, демократическое направленіе и социализмъ, Бурманъ нетерпѣливо всталъ.

— Ты, кажется, въ очень шутливомъ настроеніи!—вскричалъ онъ.

— Наоборотъ, я говорю очень серьезно. Дѣло въ томъ, что большинство читателей ровно ничего не смыслятъ въ тонкихъ оттѣнкахъ. Ей нуженъ какой-нибудь одинъ простой и яркій цвѣтъ, надъ которымъ не нужно было бы ломать голову.

— Словомъ, ты находишь предпріятіе неудачнымъ? Ты прочишь провалъ?

— Ахъ Боже мой!—вышелъ изъ терпѣнія и Валеріусъ.— Я не выдаю себя за пророка и не буду отрицать возможности, что за послѣдніе годы наши читатели настолько развелись, что окажутся въ состояніи понять сложную программу. Но только я сомнѣваюсь въ этомъ, а поѣтому и твое предпріятіе кажется мнѣ сомнительнымъ. Въ одномъ, по крайней мѣрѣ, я увѣреждъ...

Онъ тоже всталъ, заложилъ руки въ карманы и продолжалъ говорить, устремляя на друга горячій взглядъ:

— Видишь ли, самъ-то ты слишкомъ утонченная натура для газетнаго дѣла! Ты измучишься въ борьбѣ съ противниками, потому что ты человѣкъ нервный и будешь слишкомъ горячо принимать въ сердцу всякую выходку съ ихъ стороны. Да тебѣ и не преодолѣть препятствій, не пробиться впередъ. Вѣдь ты поэтъ, другъ мой! Въ этомъ твоя сила, но въ этомъ же и твоя слабость, особенно въ такой реальной борьбѣ... Повѣрь, Сеть—это такъ.

Съ минуту Бурманъ молчалъ. Въ словахъ Валеріуса звучала такая искренность, въ его глазахъ было столько дружескаго чувства, что Бурманъ не зналъ даже, что и возразить ему, и не могъ отрицать ни вѣрности замѣчанія, ни сердечности, съ которой оно было сдѣлано. Но онъ успѣлъ слишкомъ сродниться съ излюбленной идеей стать руководителемъ своей собственной газеты, чтобы отказаться отъ нея такъ легко, и черезъ минуту впечатлѣніе разсѣялось.

Опять началъ онъ доказывать практичность предпріятія. Относительно себя онъ выразился, что не придаетъ ни малѣйшей цѣны всему, что сдѣлалъ до этого времени, если ему не суждено говорить съ народомъ иначе, какъ въ книгахъ. Что же касается дѣловой стороны, то вѣдь имѣются всѣ шансы на успѣхъ... И онъ повторилъ почти все, что уже говорилъ раньше, потому что другихъ доводовъ у него не было, и онъ упрямылся, какъ ребенокъ, который воображаетъ, что можетъ убѣдить въ чемъ-нибудь, повторяя одну и ту же нелѣпость.

Валеріусъ пробовалъ-было спорить, но скоро убѣдился, что это ни къ чему не ведетъ, и попытался повліять на Бурмана иначе.

— Во всякомъ случаѣ,—сказалъ онъ,—ты знаешь, что такіа дѣла рѣшаются у насъ не мною однимъ, а совѣтомъ правленія. Притомъ, какъ разъ теперь мы уже ведемъ переговоры объ уступкѣ намъ издательскихъ правъ другого еженедѣльнаго изданія, за которымъ имѣется то преимущество передъ вашимъ, что программа его очень несложна: это чисто беллетристическій журналъ. Мы еще не сошли съ ума, чтобы взять на себя два еженедѣльныхъ изданія одновременно! Не разводите же кроликовъ для того, чтобы они пожирали другъ друга!..

Бурманъ нахмурился.

— Да, если такъ,—сказалъ онъ угрюмо,—я не настаиваю.

Валеріусъ хорошо зналъ характеръ своего стараго товарища и тотчасъ же догадался, замѣтивъ мрачное выраженіе

его лица, что онъ заподозрилъ въ его словахъ что-то дурное. Не даромъ же Бурманъ славился умѣньемъ дѣлать изъ мухи слона! Чтобы предупредить ссору, онъ заговорилъ въ примирительномъ духѣ.

— Впрочемъ, вѣдь я могу и ошибаться, и очень возможно, что въ комитетѣ правленія предпочтутъ твою газету тому изданію, о которомъ ведутся переговоры. Готовъ даже отстаивать твою газету на слѣдующемъ же засѣданіи комитета, и совершенно съ чистою совѣстью, потому что, хотя я и оспариваю практичность твоей затѣи, но въ душѣ симпатизирую твоимъ взглядамъ.

— Благодарю тебя!—отвѣтилъ Бурманъ довольно сухо.— Хорошо и то, что вы согласны поговорить.

— Да, бѣльшаго, пока, обѣщать не могу, — улыбнулся директоръ.— Мы потолкуемъ, нельзя ли воспользоваться твоимъ предложеніемъ. А тамъ видно будетъ, стоитъ ли настаивать...

— Да, да. Бѣльшаго я и не требую.

Бурманъ взялся за шапку и протянулъ Валеріусу руку.

— Надѣюсь, ты не сомнѣваешься въ томъ, что я сдѣлаю все, чтобы поддержать тебя?—сказалъ тотъ на прощанье.

— Напротивъ, я рассчитываю на тебя!

Бурманъ простился и вышелъ, мысленно давая себѣ клятву никогда больше не обращаться къ Валеріусу съ какими-либо просьбами и не продолжать даже и начатыхъ переговоровъ. Выйдя на улицу, онъ сталъ припоминать все, что сказалъ пріятель въ сегодняшней бесѣдѣ, и въ каждомъ его словѣ увидѣлъ теперь что-то двусмысленное. Даже въ дружескомъ предостереженіи Валеріуса не погубить себя и свое поэтическое дарованіе въ чисто коммерческой борьбѣ показалось ему теперь что-то подозрительное.

Очевидно, Валеріусъ съ одной стороны боится лишиться доходовъ съ изданія романовъ Бурмана, а съ другой—самъ мечтаетъ о депутатствѣ... Вотъ и все! Теперь это совершенно ясно... Но Бурманъ съумѣетъ обойтись и безъ господина директора Валеріуса! Онъ сегодня еще повидается со своими компаньонами и предложитъ имъ новую комбинацію...

Онъ пошелъ къ одному изъ компаньоновъ, но не засталъ его дома; другого тоже не удалось найти. Тогда его рѣшимость сейчасъ же покончить съ вопросомъ о выборѣ типографіи поколебалась, и его потянуло домой. Несомнѣнно, его энергія была сильно ослаблена тѣмъ, что не удалось повидаться съ нужными людьми; но было и нѣчто другое, тянувшее его въ этотъ часъ домой... Дѣло въ томъ, что въ послѣдніе дни онъ

привыкъ возвращаться домой именно къ концу урока музыки его дочери. Ему даже не доставало чего-то, когда онъ опаздывалъ и не заставалъ Гильдуръ въ своей квартирѣ! А теперь подходило какъ разъ урочное время...

Для него сдѣлалось какъ бы насущной потребностью разговаривать съ Гильдуръ. Говорили они больше всего о его книгѣ, прочитывали вмѣстѣ появлявшіяся въ газетахъ первыя рецензіи и сообщали другъ другу все, что слышали по поводу новой книги въ кругу своихъ знакомыхъ. Бурманъ не преминулъ также сообщить ей свои новые проееты, и она отнеслась къ газетѣ съ такимъ же интересомъ, съ какимъ относилась и къ роману.

Онъ положительно крѣпнулъ душой въ разговорѣ съ нею, которая обладала какой-то особенной способностью возвращать ему довѣріе къ собственнымъ силамъ и вѣру въ успѣхъ.

И теперь дѣла были отложены по обыкновенію до другого дня, а самъ онъ поспѣшилъ домой, чтобы застать еще Гильдуръ за урокомъ.

Входя въ переднюю, онъ услышалъ звуки фортепіано, и лицо его приняло выраженіе спокойнаго довольства. Тихонько снялъ онъ пальто, прокрался на ципочкахъ въ гостинную и занялъ свое обычное мѣсто на диванѣ, стараясь остаться незамѣченнымъ.

Но Гильдуръ разслышала его шаги. Она успѣла уже привыкнуть къ тому, что онъ прокрадывался такимъ образомъ въ гостинную во время урока, и знала даже скрипъ старыхъ диванныхъ пружинъ, раздававшійся всегда, когда онъ опускался на диванъ. Поэтому она обернулась безъ всякаго удивленія, улыбнулась ему, и опять повернулась къ нотамъ. Она успѣла переодѣться, вернувшись съ верховой ѣзды. Теперь на ней было красивое сѣрое платье, плотно облегавшее ея стройный станъ, стянутый простымъ чернымъ поясомъ.

Замѣчательно умиротворяющее вліяніе имѣлъ на возбужденные нервы Бурмана видъ этой дѣвушки, слѣдившей по нотамъ за мелодіей, неувѣренно лившейся изъ подъ тоненькихъ и слабыхъ пальцевъ Лены. Однимъ тихопроизнесеннымъ словомъ, однимъ знакомъ пальца или головы, она исправляла игру и указывала Ленѣ, что слѣдовало дѣлать. И ни одного знака нетерпѣнія, или раздражительности!.. Вотъ характеръ, какимъ слѣдуетъ обладать женщинамъ, которыя хотя бы осчастливить цѣлую семью!

Когда пьеса была окончена, Лена вскочила съ табурета и обняла отца.

Онъ приласкалъ ее и шутливо сталъ разспрашивать объ ея успѣхахъ. Скоро ли она разъучитъ эту прелестную сонату настолько, чтобы онъ могъ мечтать подъ ея звуки послѣ обѣда, а можетъ быть, даже и вздремнуть? Напримѣръ, сегодня онъ бы такъ охотно заснулъ подъ ласкающіе звуки музыки...

Говоря это, онъ съ утомленнымъ видомъ провелъ рукой по лбу.

— Отчего ты такъ усталъ, папа?—озабоченно осведомилась Лена.—Ты здоровъ?

— О, совершенно здоровъ, дитя мое. Но сегодня мнѣ пришлось такъ много думать и разсуждать... А есть вѣдь люди, разговоръ съ которыми утомительнѣе всякаго труда.

— У васъ было сегодня много дѣловыхъ разговоровъ?—спросила Гильдуръ.

— Въ сущности, только одинъ,—усмѣхнулся онъ.—Но этого достаточно... вполне достаточно.

Гильдуръ догадалась, съ кѣмъ произошелъ разговоръ, о которомъ говорилъ Бурманъ, но не стала разспрашивать. Она знала о намѣреніи Бурмана предложить Валеріусу участіе въ новомъ предпріятіи, и еще утромъ, когда пріатели пошли вмѣстѣ изъ манежа, по направленію къ типографіи Бальдера, сообразила, что предметомъ ихъ разговора будетъ новая газета. Очевидно, что Валеріусъ опять разстроилъ своего друга обычными противорѣчіями. Она узнала въ словахъ Бурмана ту же горечь, которая проявлялась у него послѣ выборовъ.

— А знаете,—продолжалъ между тѣмъ Бурманъ;—не найдется и одного человѣка на тысячу, способнаго на безкорыстное отношеніе къ идеѣ. Всегда первымъ вопросомъ является: „Не представится ли возможность что-нибудь заработать!“ и, если нѣтъ, то жертва предоставляется другимъ. Отказъ подслащается, разумѣется... Но стоить обдумать хорошо доводы отказа, чтобы понять ихъ истинную цѣну.

Онъ желчно расхохотался.

— Сегодня мнѣ пришлось разговаривать точно въ маскарадѣ!—прибавилъ онъ.

— Гдѣ это?—полюбопытствовала Лена.

— Не все-ли равно, гдѣ? Во всякомъ случаѣ, это была настоящая маскарадная интрига. Никогда еще въ жизни мнѣ не приходилось изворачиваться такимъ образомъ... Зато

сколько фразъ! Хорошо еще, что я умѣю переводить такія фразы на обыкновенный языкъ... „Не лѣзь наверхъ! Оттуда можно упасть!“—это мы слышали и прежде.

Теперь Гильдуръ ужъ не сомнѣвалась, что рѣчь шла о Валеріусѣ. Въ стремленіи тянуть людей внизъ обвинялъ его Бурманъ уже и прежде. Но, какъ мало она ни знала Валеріуса, она считала неправдоподобнымъ, чтобы онъ сталъ безчестно морочить довѣрившагося ему друга.

— Позвольте,—замѣтила она спокойно.—Но увѣрены-ли вы въ томъ, что переводите фразы вѣрно? А что, если вы сочиняете, вмѣсто того, чтобы переводить? Вѣдь творчество вамъ болѣе привычно.

— Вы говорите, что я сочиняю? — спросилъ онъ запальчиво.

— Да, возможно, что вы, сами того не замѣчая, и сочиняете, и приписываете людямъ такія побужденія, которыхъ у нихъ и не было. Это врядъ ли устранимо, при избыткѣ воображенія... Но я бы на вашемъ мѣстѣ сочиняла о людяхъ хорошее. Это и веселѣе, и... пожалуй, вѣрнѣе.

— Вы думаете?—вскричалъ онъ и улыбнулся.—А что, если я тоже сочиняю теперь объ одной особѣ, что она расположена ко мнѣ, и желаетъ мнѣ добра, и думаетъ обо мнѣ хорошо, а потомъ вдругъ окажется, что все это была только мечта. Хорошо мнѣ будетъ тогда? Какъ вы полагаете?

Послѣднія слова онъ произнесъ съ такой непритворной печалью, что Гильдуръ была тронута.

— Лучше всего, не искажайте дѣйствительности!—сказала она.—Попытайтесь не дѣлать этого.

— Но сами же вы сомнѣвались, чтобы это было возможно!—замѣтилъ онъ серьезно.

— Однако, не мѣшаетъ попытаться. Если внимательнѣе присматриваться къ тому, что дѣлается вокругъ насъ, фантазія остается меньше произвола. А вѣдь сами же вы добиваетесь истины. Развѣ вы не требуете, чтобы естественность и правда предпочитались условностямъ?

— Да... конечно...

Онъ потушился и замолчалъ. Но онъ задумался не о Валеріусѣ, съ котораго начался разговоръ. Наоборотъ, — онъ дѣлалъ то, что она запрещала ему дѣлать: онъ уже сочинялъ, сочинялъ продолженіе къ дѣйствительности. Онъ мечталъ о томъ, что въ его маленькой гостинной всегда будетъ такъ же уютно, какъ теперь; что его всегда будутъ встрѣ-

вать музыкой, любовью, тонкими психологическими замѣчаніями... Онъ мечталъ, что у него опять свой мирный семейный очагъ, и что онъ счастливѣе, чѣмъ когда-либо...

Водворившееся ли безмолвіе встревожило Гильдуръ, или взглядъ, которымъ Бурманъ поглядывалъ на нее, испугалъ ее,—она не знала. Но ей стало не по себѣ, и, выпустивъ Лену, которую она обнимала за талію, она стала прощаться.

Бурманъ проводилъ ее въ переднюю.

— Вы никогда не сочиняете продолженій къ настоящему?—спросилъ онъ вполголоса.

Она отвѣтила не сразу и протянула руку за сверткомъ нотъ, который онъ держалъ.

— Развѣ нѣтъ?—повторилъ онъ вопросъ.

— Да, случается!—отвѣтила она коротко, нервно повернула ключъ, и вышла, не оглядываясь, на лѣстницу.

Когда Гильдуръ вошла въ столовую, на обѣденномъ столѣ оказалось однимъ приборомъ болѣе обыкновеннаго. Спросить, кого ожидали къ обѣду, было некого: Гертрудъ переодѣвалась, а Гуго еще не возвращался изъ конторы.

Гильдуръ стала просматривать газеты. Но вотъ позволили, и въ передней раздались два знакомыхъ голоса. То были голоса брата и Валеріуса. Гильдуръ встрѣтила мужчину въ дверяхъ гостиной.

— Ну, что скажешь о нашей большой новости?—спросилъ сестру Гуго.

— О какой такой новости? — переспросила удивленная Гильдуръ.

— Развѣ ты не знаешь, что у насъ будетъ столоваться одинъ господинъ, который возненавидѣлъ рестораны.

Господинъ, возненавидѣвшій рестораны, раскланялся передъ Гильдуръ. Это былъ никто иной, какъ директоръ Валеріусъ.

Оказалось, что договоръ состоялся совсѣмъ неожиданно, на улицѣ. Скогъ встрѣтилъ Валеріуса и сталъ его приглашать къ обѣду, но тотъ заупрямился, увѣряя, что онъ и такъ уже злоупотребляетъ гостеприимствомъ госпожи Скогъ, и сталъ у нихъ точно нахлѣбникомъ. На это Скогъ со смѣхомъ отвѣтилъ, что былъ бы совсѣмъ не прочь имѣть Валеріуса своимъ нахлѣбникомъ, и, начавшись шуткой, дѣло приняло серьезный оборотъ, когда Валеріусъ признался, что ненавидитъ рестораны, а Скогъ уже серьезно предложилъ ему обѣдать у него. Изъ ближайшей кофейни спросили согласія Гертрудъ по теле-

фону, и договоръ былъ заключенъ, хотя сначала только въ видѣ опыта, на неопредѣленное время.

Состоялся веселый обѣдъ, за которымъ произнесены были шуточные тосты за здоровье новаго „нахлѣбника“ и его хозяевъ.

Валеріусъ, съ юности не знавшій семейной жизни, былъ въ непритворномъ восторгѣ отъ мѣстечка, удѣленнаго ему друзьями у ихъ семейнаго очага. Онъ признавался, что даже и не ожидалъ, какое радостное впечатлѣніе произведетъ на него сознаніе, что онъ уже не въ гостяхъ въ этой семьѣ, гдѣ всегда чувствовалъ себя какъ-то особенно хорошо, и угрожалъ госпожѣ Сьюгъ, что она не скоро отъ него отдѣлается.

Послѣ обѣда просидѣли довольно долго въ гостиной, потому что сначала Гертрудъ пожелала выучиться играть въ экарте, а потомъ Гуго сталъ рассказывать анекдоты.

Гильдуръ сидѣла въ сторонѣ съ рукодѣльемъ. По временамъ она вставляла замѣчанія въ общій разговоръ, но больше сидѣла молча. Ей хотѣлось уяснить себѣ, что за человѣкъ этотъ Валеріусъ, производившій на всѣхъ такое пріятное впечатлѣніе, но такъ раздражавшій Бурмана. Чѣмъ онъ отличается отъ прочихъ людей? Почему онъ совсѣмъ не похожъ на обычныхъ посѣтителей этой гостиной, хотя ведетъ себя, какъ и всѣ? Какъ и всѣ прочіе, онъ сдѣлался постояннымъ кавалеромъ Гертрудъ; какъ и другіе, онъ больше шутилъ и забавлялъ общество веселыми разсказами, чѣмъ разсуждалъ; съ Гильдуръ, опять-таки какъ и остальные, онъ обмѣнивался только немногими фразами, предпочитая весело болтать съ Гертрудъ...

И, однако, онъ не походилъ на другихъ.

Она стала припоминать разсужденія Сета Бурмана о своемъ другѣ, и невольно задумалась надъ тѣмъ, что онъ говорилъ сегодня. Тогда она заступилась за Валеріуса, но теперь она почему-то чувствовала себя настроенной противъ него.

Развѣ не было съ его стороны непростительнымъ эгоизмомъ и безсердечіемъ всегда подкапывать мужество такого друга, какъ Бурманъ? И развѣ не было проявленіемъ нравственнаго ничтожества нежеланіе чѣмъ-либо рискнуть ради идеи и дружбы? Наконецъ, даже, если онъ почему-либо и былъ противъ основанія новой газеты Бурмана, развѣ не могъ онъ отказаться принять участіе; не огорчая и не раздражая своего друга? Можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ къ такимъ людямъ, о которыхъ говорилъ Бурманъ, т. е.

къ тѣмъ, которые, сами не обладая талантами, чувствуютъ какую-то особенную потребность умалить и тормозить все сколько-нибудь выдающееся?

А что, если сегодняшніе намеки Бурмана вовсе и не относились къ Валеріусу? Вѣдь онъ никого не называлъ по имени...

Гильдуръ рѣшилась провѣрить слова Бурмана, разсировавъ самого Валеріуса.

— Что жъ, удалось вамъ уговорить Бурмана ѣздить съ нами верхомъ?—спросила она, воспользовавшись первой паузой въ разговорѣ. — Вы вѣдь обѣщались Гертрудъ сдѣлать это.

Онъ, повидимому, удивился ея неожиданному обращенію къ нему, но тотчасъ же вѣжливо обернулся къ ней.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,— я долженъ признаться, что плохо исполнилъ порученіе. О катаньяхъ верхомъ мы говорили съ нимъ такъ мало, что я не успѣлъ добиться отъ него сколько-нибудь опредѣленнаго отвѣта.

— Вы скоро разстались?

— О, нѣтъ! Онъ проводилъ меня въ типографію и просидѣлъ довольно долго. Но намъ пришлось говорить о дѣлахъ, и этотъ дѣловой разговоръ настолько увлекъ насъ обоихъ, что вопросъ о верховой ѣздѣ былъ забытъ. Впрочемъ, надѣюсь, въ слѣдующій разъ онъ отдѣляется не такъ дешево...

Разговоръ на этомъ прервался какимъ-то замѣчаніемъ Гертрудъ; но при прощаньи Валеріусъ вернулся къ затронутому Гильдуръ предмету.

— Не безпокойтесь,—сказалъ онъ, смѣясь;—такъ или иначе, я поймаю Бурмана! А если только онъ разъ пробѣдетъ съ нами, такъ я ручаюсь, что уже не вырвется...

Гильдуръ пришло въ голову, что Валеріусъ вообразилъ, будто она особенно хлопочетъ получить Бурмана въ качествѣ кавалера на катаньяхъ верхомъ. Ей стало досадно.

— Гертрудъ будетъ очень рада!—сказала она нѣсколько холодно. — Она вѣдь находитъ, что кататься въ обществѣ такого великаго человѣка большая честь!— прибавила она уже шутливо.

Всѣ стали смѣяться надъ слабостью госпожи Свогъ къ „величію“ и „чести“. Валеріусъ сказалъ даже, что замѣтилъ эту слабость еще въ первое посѣщеніе этой гостинной... Тѣмъ не менѣе, у Гильдуръ оставалось какое-то смутное сознаніе, что ее точно въ чемъ-то уличили, и ей попрежнему казалось, что Валеріусъ поддразниваетъ ее, серьезно утѣшая

объщаніемъ завербовать Бурмана кататься съ дамами. Объ этомъ Валеріусъ никогда вѣдь нельзя сказать съ увѣренностью, говоритъ ли онъ серьезно, или только шутить: въ обоихъ случаяхъ онъ говорилъ тѣмъ же спокойнымъ, слегка насмѣшливымъ, тономъ. Притомъ, въ его глазахъ было что-то особенное, заставлявшее подозрѣвать въ немъ большую пронизательность... Даже страшно становилось подчасъ подъ его смѣющимся взглядомъ!

Въ слѣдующіе дни она оставалась подъ тѣмъ же, нѣсколько тревожнымъ, впечатлѣніемъ, будто Валеріусъ наблюдаетъ за нею. Какъ бы онъ ни увлекался своей партіей въ экарте, или бесѣдой съ Гертрудъ, онъ ни на минуту не упускалъ Гильдуръ изъ виду, и стоило ей уронить что-нибудь, или къ чему-нибудь потянуться, онъ тотчасъ же подавалъ ей нужный предметъ. Онъ принималъ отъ нея чашку, едва кофе былъ допитъ, подавалъ ей за столомъ солонку, прежде чѣмъ она успѣвала спросить ее, — и продѣлывалъ все это, будто случайно, не переставая, повидимому, заниматься исключительно другими.

Какъ-то Гертрудъ ѣздила за покупками и привезла, между прочимъ, очень красивую вазу голубого граненаго хрустала. Эту вазу съ цвѣтами поставили на маленькомъ лакированномъ столикѣ передъ диваномъ. Всѣ долго любовались ею, когда перешли въ гостинную пить кофе.

Но Гильдуръ не одобрила покупки.

— Если бы она не была голубой, — сказала она, — было бы гораздо лучше. Голубое совсѣмъ не идетъ къ зеленой мебели... Развѣ тамъ не было бѣлыхъ вазъ?

Были и бѣлыя, и желтыя, но Гертрудъ нашла, что голубыя самыя красивыя. И развѣ голубой цвѣтъ не идетъ къ зеленому? Она этого не находить...

Гуго нашель, конечно, что голубой къ зеленому идетъ какъ нельзя лучше. Онъ рѣдко расходился во вкусахъ со своей избалованной женой. Что же касается Валеріуса, то онъ даже прищурился, чтобы лучше рассмотретьъ, но затѣмъ объявилъ, что не можетъ сказать, что красивѣе — бѣлая, или голубая ваза, такъ какъ бѣлой здѣсь не было и сравнивать было не съ чѣмъ. Затѣмъ онъ взялъ колоду картъ, лежавшую рядомъ съ вазой въ красивомъ вышитомъ футлярѣ, и сталъ показывать фокусы.

Представленіе имѣло полный успѣхъ. Съ поразительнымъ проворствомъ продѣлывалъ онъ самыя забавныя фокусы и при-

вель всѣхъ въ восхищеніе необыкновенной ловкостью. Но для картъ нужно было все больше и больше мѣста на маленькомъ столѣ, и вазу отодвинули на самый край.

— Не уроните вазы!—вскричала Гертрудъ.

— Будьте спокойны. Я ловокъ!—усмѣхнулся онъ.

Однако, скоро представленіе прервалось грохотомъ... Прекрасная ваза лежала на полу, разбитая въ дребезги.

Гертрудъ сердилась. Гуго хохоталъ, а Валеріусъ разсыпался въ извиненіяхъ, помогая горничной подбирать осколки и цвѣты.

Какъ и слѣдовало ожидать, на слѣдующій же день госпожа Скогъ получила такую же вазу, наполненную самыми лучшими цвѣтами, какіе только нашлись въ городѣ. Только ваза была бѣлая и въ нее вложено было письмо, въ которомъ Валеріусъ просилъ тысячу разъ извинить его... Голубыхъ больше въ магазинѣ не оказалось.

Послѣ обѣда, когда общество, по обыкновенію, собралось въ гостинной, Валеріусъ подошелъ къ Гильдуръ.

— А вѣдь вы были правы!—сказалъ онъ, указывая на вазу.—Бѣлая гораздо красивѣе.

Въ его смѣющихся глазахъ было что-то такое лукавое, что она подозрительно посмотрѣла на него, и вдругъ ей пришло въ голову, что онъ нарочно разбилъ вазу, только для того, чтобы угодить ей. Шутка ли это, или попытка заинтересовать ее? Во всякомъ случаѣ, она осталась недовольна его назойливостью и отвѣтила довольно сухо:

— А знаете, я теперь вижу, что голубая была и въ самомъ дѣлѣ наряднѣе.

Онъ искоса посмотрѣлъ на нее, помѣшалъ ложечкой свой кофе и сказалъ добродушно:

— Не позволите ли показать вамъ еще нѣсколько карточныхъ фокусовъ.

Она не въ силахъ была удержаться отъ улыбки.

— Нѣтъ, нѣтъ,—вскричала она.— Съ насъ довольно и вчерашнихъ.

— Однакожь у меня неблагодарная публика!—вздохнулъ онъ съ такимъ комичнымъ уныніемъ, что на этотъ разъ Гильдуръ расхохоталась.

— Вы неисправимы!—проговорила она, продолжая смѣяться.

Право, на него нельзя было сердиться, столько незлобности было въ его ребяческихъ шалостяхъ.

Тѣмъ не менѣе, это маленькое происшествіе заставило

ее еще съ большимъ вниманіемъ присматриваться къ нему. Она все еще не могла рѣшить, хорошій ли это человекъ, или, какъ въ послѣднее время полагалъ Бурманъ, опасный интриганъ, ничего не дѣлавшій проста.

VIII.

По одну сторону гостиной Бурмана былъ его кабинетъ, меблированный со вкусомъ, даже изящно, но выдержанный весь въ довольно темныхъ краскахъ; по другую сторону была маленькая веселая комнатка, съ мягкой мебелью, обитою свѣтлымъ кретономъ, съ кретоновыми же занавѣсками у окна и передъ альковомъ и съ туалетнымъ столикомъ, задрапированнымъ кисеей. Это была комнатка Лены.

Чаще всего въ этой комнаткѣ бывало очень тихо. Даже когда Лена бывала дома, она не нарушала тишины, проводя время въ чтеніи книгъ, перепискѣ отцовскихъ рукописей или въ занятіяхъ руководѣльями. Но все-таки изрѣдка у нея бывали гости, и комнатка оживлялась.

Какъ Бурманъ говорилъ однажды, у нея не было подругъ-сверстницъ, а приглашать другихъ дѣвочекъ, не изъ знакомыхъ семей, когда она была еще въ школѣ, ей не приходило даже и въ голову, такъ какъ отецъ такихъ затѣй не поощрялъ. Прося Гильдуръ сжалиться надъ одиночествомъ дочери, онъ въ первый разъ подумалъ объ этомъ одиноществѣ, и сообразилъ, что жестоко и неблагоразумно предоставлять дочь исключительно самой себѣ. Если бы онъ раньше встрѣтилъ такую симпатичную дѣвушку, какъ Гильдуръ, такая мысль пришла бы ему въ голову и гораздо раньше. Но ничто не наводило его на такія размышленія, а самъ онъ отличался замѣчательной слѣпотой къ окружавшей его дѣйствительности, и такимъ образомъ, много лѣтъ кряду, бѣдная Лена жила совсѣмъ одинокой, если не считать общества пожилыхъ пріятелей отца и старой Маи.

Надо еще замѣтить, что всякій разъ, какъ Бурманъ что-нибудь писалъ, онъ становился чрезвычайно раздражителенъ и не переносилъ ни малѣйшей помѣхи своему творчеству, и тогда дочь не смѣла приглашать знакомыхъ, даже сдѣлавшись взрослой и приобрѣтя знакомыхъ въ гимнастическомъ залѣ и на урокахъ танцевъ.

Впрочемъ, бывали и исключенія...

Когда знали, на примѣръ, навѣрное, что Бурмана долго не будетъ дома, т.-е. когда онъ бывалъ куда-нибудь приглашенъ,

или шель на ученое засѣданіе, или просто предупреждалъ, что не вернется домой къ обѣду, подавались иногда таинственные сигналы платкомъ изъ окна, украшеннаго кретоновыми занавѣсами, и такіе же сигналы давались въ отвѣтъ изъ окна сосѣднаго дома. Затѣмъ, черезъ очень короткій промежутокъ времени, раздавались легкіе шаги на лѣстницѣ и порывистый звонокъ въ передней, послѣ чего появлялась въ комнатѣ Лены молоденькая особа съ рыжими волосами, тщедушной фигуркой и странными, безпокойными глазами на некрасивомъ, но довольно пикантномъ, личикѣ. Это была Мимми Гельстрэмъ, дочь учительницы танцевъ Гельфридъ Гельстрэмъ, у которой Лена недавно брала уроки.

Эти уроки доставляли Ленѣ большое удовольствіе, но прергались какъ-то внезапно, вслѣдствіе отвращенія доктора Бурмана къ рыжей Мимми, которую онъ видѣлъ мимоходомъ у своей дочери. Тогда же онъ пожелалъ, чтобы были прекращены всякія сношенія съ этой молодой особой, и съ тѣхъ поръ, всякій разъ, когда онъ замѣчалъ въ Ленѣ что-нибудь, по его мнѣнію, дурное, онъ обвинялъ въ этомъ Мимми, примѣръ которой считалъ пагубнымъ. Кто же, какъ не она научила Лену находить иногда удовольствіе въ самой пустой болтовнѣ и фыркать со смѣху, когда не было ровно ничего смѣшнаго? Мимми то и дѣло фыркала и ухмылялась, даже здороваясь и прощаясь! Казалось, она считала признакомъ хорошаго тона вѣчно смѣяться!

Бурманъ надѣялся однако, что теперь его дочь уже устранена отъ глетворнаго вліянія этой хохотушки и полагалъ, что подруги больше не встрѣчаются.

Вотъ почему эти свиданія происходили тайно и лишь тогда, когда Бурмана не бывало дома.

Какъ-то разъ, около полудня, уже въ серединѣ октября, мелькнули бѣлыя платки въ обоихъ окнахъ, и черезъ десять минутъ рыжая Мимми сидѣла на кретоновомъ диванѣ въ комнатѣ Лены. Барышни обнялись и стали читать какое-то письмо, которое Мимми взялась ей передать

Онѣ смѣялись по поводу каждой строки и cadaго слова. Письмо перечитывалось безъ конца. Возникали самыя горячія пренія по поводу того или другого смысла, который слѣдовало придавать нѣкоторымъ выраженіямъ.

— Что же ты ему отвѣтишь?—спросила, наконецъ, Мимми.

— Отвѣчать, ему?—Лена презрительно перекосила губы и откинулась на спинку дивана.—Пусть воображаетъ, что я ему отвѣчу! Останется съ носомъ!

Однако, несмотря на высказанное презрѣніе къ автору письма, Лена снова взяла листокъ изъ рукавъ смѣявшейся подруги и въ десятый разъ перечла письмо съ начала до конца. Можно было смѣяться и шутить надъ письмомъ, но это не мѣшало его содержанію оставаться лестнымъ для дѣвочки. Оно было отъ гимназиста, съ которымъ Лена встрѣтилась съ недѣлю тому назадъ у госпожи Гельстрэмъ, въ которой заходила иногда тайкомъ, стараясь попадать во время уроковъ танцевъ. Потомъ она встрѣтила его на улицѣ, прогуливаясь съ Мимми, и позволила проводить ихъ до ближайшаго угла. И вотъ, онъ осмѣлился написать ей, упрашивая придти на слѣдующій урокъ танцевъ къ госпожѣ Гельстрэмъ.

Такъ она и придетъ! Нѣтъ, она даже не взглянетъ на него, если имъ придется еще разъ встрѣтиться въ этой жизни!

— Неужели, ты такъ и не придешь больше танцевать?— ужаснулась Мимми, которой показалось, что наказаніе не соотвѣтствуетъ проступку.

— Конечно, нѣтъ!—Лена безпокойно оглянулась на дверь.—Ты вѣдь знаешь, что папа не желаетъ этого и не запрещаетъ только потому, что и безъ того увѣренъ, что я больше не хожу...

Но тотчасъ же она стряхнула съ себя эти назойливыя размышленія объ обязанностяхъ и вернулась въ разговоръ о письмѣ. Надо было хорошенько обдумать, какъ теперь поступить. Не оставить же безнаказаннымъ этого дерзкаго гимназиста! Его нужно проучить, и хорошенько!

Лена стала придумывать одинъ планъ дѣйствій за другимъ, а Мимми только хохотала, одобряла все, и бралась помочь, въ чемъ угодно.

Старая Мая подала барышнямъ кофе со свѣжимъ домашнимъ печеньемъ, и обсужденіе продолжалось за кофеемъ. Наконецъ выработанъ былъ такой планъ:

На слѣдующемъ урокѣ танцевъ Мимми передастъ господину гимназисту, что Лена такъ разсердилась, получивъ письмо, что изорвала его въ клочки и объявила, что никогда не проститъ самоувѣреннаго мальчишку. Затѣмъ, когда онъ огорчится этимъ,—конечно, онъ будетъ очень огорченъ,—ему скажутъ, что Лена не хочетъ больше бывать на урокахъ танцевъ, пока бываетъ тамъ онъ. Разумѣется, онъ поспѣшитъ сказать, что не придетъ и самъ. Тогда Лена, такъ и быть, постарается придти... Но тутъ-то и произойдетъ самое главное, такъ какъ навѣрное онъ не утерпитъ, и все-таки появится на урокѣ, причемъ ему

будетъ показано, что значить настоящее презрѣніе оскорбленной барышни!.. Небось, не забудетъ этого урока!

Дальнѣйшія обсужденія интереснаго плана были прерваны появленіемъ Май, которая быстро вошла въ комнату, схватила подносъ съ кофейнымъ приборомъ и проговорила торопливо, что слышала на лѣстницѣ шаги доктора Бурмана.

— Онъ идетъ долго!—пояснила она, протягивая руку за еще недопитой чашкой Лены.

Та отдала чашку, не задумываясь. Ей не было запрещено угощать знакомыхъ кофеемъ, такъ какъ Бурманъ вообще не любилъ запрещать что-нибудь. Но какъ Мая, такъ и Лена, понимали, насколько ему будетъ неприятенъ двойной сюрпризъ: застать у дочери антипатичную ему Мимми, да еще обѣихъ за кофеемъ, точно старыхъ салопницъ. Бурманъ успѣлъ приучить своихъ домашнихъ столько же опасаться сдѣлать что-нибудь ему не по вкусу, какъ и нарушить прямое запрещеніе.

Къ счастью, комната Май была рядомъ съ спальней Лены, почему и удалось во время унести подносъ и смести со стола крошки. Но Мимми осталась на диванѣ, такъ какъ въ квартирѣ былъ только одинъ входъ, и отступленіе было отрѣзано. Раздался звукъ отпираемой и снова запираемой входной двери (Бурманъ всегда носилъ съ собой ключъ отъ квартиры), а затѣмъ появился на порогѣ Лениной комнаты, и онъ самъ, чтобы, по обыкновенію, поцѣловать дочь, прежде чѣмъ пристаться за работу.

Увидѣвъ Мимми, онъ насутился, и, поклонившись очень холодно, прошелъ въ свой кабинетъ.

Черезъ нѣсколько минутъ подруги Лены уже не было въ квартирѣ, а сама Лена пошла къ отцу, подъ благовиднымъ предлогомъ убѣдиться, все ли у него уже прибрано, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы успокоить его, если онъ разсерженъ.

Бурманъ всѣ послѣдніе дни былъ не въ духѣ. Во-первыхъ, дѣла съ основаніемъ газеты подвигались впередъ недостаточно быстро; во-вторыхъ, въ толстыхъ журналахъ стали появляться довольно неблагоприятныя рецензіи его книги. Критики находили, что все сочиненіе проникнуто всякими утопіями, что характеры не выдержаны, и много, много еще и другихъ недостатковъ. Положимъ, съ особенной рѣзкостью писали о немъ критики консервативныхъ журналовъ, которые не долюбливали его принципиально. Тѣмъ не менѣе, нападки огорчали Бурмана, и какъ Лена, такъ и Гильдуръ, должны были выслушивать его горькія сѣтованія на неспра-

ведливость критики. Особенно его возмущало то, что журналы не брезгали искаженіемъ правды и введеніемъ своихъ читателей въ полное заблужденіе относительно художественныхъ достоинствъ той или другой книги, когда этого требовали ихъ партійные интересы. Это уже была безчестность! Въ своемъ ожесточеніи онъ сдѣлался крайне мнителенъ, читалъ между строкъ, находя преслѣдованія даже тамъ, гдѣ этого вовсе и не было.

Лена тихо ходила вокругъ отца, дѣлая видъ, что приводитъ въ порядокъ кабинетъ и ожидая, что вотъ, вотъ онъ скажетъ что-нибудь о сегодняшнемъ визитѣ Мямми. Долго онъ сидѣлъ надъ своими бумагами, не произнося ни слова, но наконецъ поднялъ голову.

— Скажи, пожалуйста, ты часто выдаешься съ этой барышней?—спросилъ онъ.

— Н-н-ѣтъ... не особенно часто, папа.

Лена растягивала слова, не зная, какъ примирить истину съ нежеланіемъ раздражить отца.

— Не понимаю, что ты находишь въ ней хорошаго? Довольно странный у тебя вкус!

Бурманъ брезгливо перекошилъ губы, закурилъ сигару и снова склонился надъ просматриваемой рукописью.

Повертѣвшись еще нѣсколько минутъ въ комнатѣ и полагая, что выслушивать больше нечего, Лена потихоньку направилась къ дверямъ, но отецъ снова поднялъ голову и поманилъ ее къ себѣ.

Она ожидала новыхъ упрековъ и приблизилась робко, съ опущенной головой. Но его настроеніе уже успѣло переѣвиться. Вмѣсто того, чтобы продолжать выговоръ, онъ обнялъ ее, привлекая къ себѣ и, потрепавъ ей рукой щеку, сказалъ ласково:

— Ты вѣдь мой цвѣточекъ! Не могу себѣ представить, чтобы тебѣ нравилось что-нибудь, кромѣ прекраснаго, хорошаго, изящнаго! Вѣдь меня огорчаетъ только то, что ты бываешь иногда съ людьми, которые не стоятъ тебя. Эта дѣвушка положительно тебѣ не подходящая.

Онъ даже вздрогнулъ,—такъ антипатична была ему „эта дѣвушка“.

— Въ ней что-то вульгарное!—продолжалъ онъ.—Стоитъ взглянуть на нее, чтобы это понять. Какіе-то безпокойные, подслѣповатые, глаза; этотъ взлохмаченный рыжій чубъ!.. Такъ и видно, что это особа, только и думающая о томъ, о

чемъ не слѣдуетъ думать... Нѣтъ, моя Лена, она тебѣ не пара! За что ты ее любишь?

— Она такая добрая! — отвѣтила Лена, не глядя отцу въ глаза, но ласкаясь къ нему.

— Добрая? Очень можетъ быть... Я вѣдь не знаю ея, можетъ быть, я къ ней и несправедливъ. Я даже вовсе не хочу, чтобы ты обидѣла ее безпричиннымъ разрывомъ. Но, право, я не думаю, чтобы тебѣ было полезно такое общество, и мнѣ было бы очень пріятно, если бы ты какъ-нибудь деликатнѣе прекратила это знакомство. Развѣ у тебя нѣтъ госпожи и дѣвицы Скогъ? Вотъ это приличные люди! Отчего ты не бываешь съ ними чаще?

Лена молча ласкалась къ отцу, какъ котенокъ. У нея не было ни достаточной храбрости, ни силы воли, чтобы защищать свою подругу, какъ бы слѣдовало, а согласиться съ отцомъ она тоже не хотѣла. Впрочемъ, теперь она была такъ довольна измѣненіемъ въ настроеніи отца и легкостью, съ какою прошелъ выговоръ, что ласкалась къ отцу изъ благодарности, и въ концѣ концовъ общалась даже какъ можно рѣже видаться съ Мимми и какъ можно чаще навѣщать семейство Скогъ.

Но вернувшись въ свою комнату и сѣвъ за переписку одной изъ рукописей отца, она задумалась.

Хорошо быть цвѣточкомъ папы, очень, конечно, лестно считаться такимъ исключительнымъ существомъ, которому трудно подыскать даже сколько-нибудь подходящее общество. Но тяжело и отказываться отъ всякихъ удовольствій и не бывать изрѣдка на танцевальныхъ урокахъ госпожи Гельстрэмъ. Но особенно досадно отказаться отъ надежды отомстить этому нахалу-гимназисту! Такой жертвы она положительно не могла принести...

Однако вдругъ въ ней проснулась прирожденная гордость, и ей показалось стыдно обманывать отца, который былъ о ней такого хорошаго мнѣнія. Мысли о Мимми и о гимназистѣ были подавлены. Тихонько прошла она въ кабинетъ отца, подошла къ нему сзади и, обвивъ его шею руками, поцѣловала его въ щеку. Затѣмъ, не проронивъ ни слова, она выбѣжала изъ кабинета, чтобы не мѣшать занятіямъ отца.

За обѣдомъ она была къ нему особенно внимательна и заговаривала о разныхъ разностяхъ, чтобы отвлечь его мысли отъ назойливыхъ критическихъ статей. А когда Бурманъ перешелъ на свой диванчикъ, она подложила ему за спину по-

душку и стала играть его любимыя пьесы. Она играла съ такимъ чувствомъ, что всѣ темныя мысли разсѣялись въ головѣ неисправимаго мечтателя, и онъ заснулъ съ счастливою улыбкой.

IX.

Если неблагопріятныя критическія статьи сердили Сета Бурмана, то Гильдуръ онѣ сердили еще гораздо больше. Она находила ихъ несправедливыми, неблаговидными, бессмысленными. Но она все еще утѣшала и Бурмана, и себя увѣренностью въ томъ, что, какъ только появится разборъ книги въ либеральныхъ журналахъ, удовлетвореніе будетъ полное.

Особенныя надежды возлагала она на одинъ журналъ, тенденціи котораго наиболѣе согласовались со взглядами, отстаиваемыми въ книгѣ Бурмана. Газеты тоже отозвались еще далеко не всѣ...

Каждое утро она съ нетерпѣніемъ просматривала газеты, поджидая книжки журнала, гдѣ должна была появиться статья. Но газеты отмалчивались. Наконецъ получился журналъ, дѣйствительно, съ довольно большой статьей о „Свободѣ“ Бурмана.

Гильдуръ стала жадно просматривать статью, пропуская общія мѣста и отыскивая суть, т.-е. то громкое и категорическое признаніе достоинствъ книги, котораго она ждала такъ долго и съ такою увѣренностью. Попадались кисло-сладкія замѣчанія, обильно сдобренныя не относящимися къ дѣлу размышленіями; попадались и ничтожныя похвалы отдѣльнымъ страницамъ, тому, или другому художественному приему автора, но опять-таки со всевозможными оговорками и совсѣмъ несущественныя. Сути все не было, и такой статья оказалась до конца.

Гильдуръ не вѣрила своимъ глазамъ и вторично прочла статью, на этотъ разъ не пропуская уже ни строки, все же надѣясь, что въ первый разъ она, вѣроятно, проглядѣла главное. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ было допустить, чтобы основныя мысли автора были совсѣмъ не замѣчены критикомъ и чтобы въ статьѣ не было чего-либо другого, кромѣ переливанія изъ пустого въ порожнее. Но, при внимательномъ чтеніи, впечатлѣніе получилось еще болѣе неблагопріятное. Отзывъ былъ положительно неодобрителенъ, и многое въ книгѣ Бурмана замалчивалось, какъ не стоящее обсужденія...

Глубокое негодованіе противъ критика и сочувствіе къ Бурману взволновали дѣвушку. Какъ-то онъ самъ отнесется

къ этой статьѣ? Можетъ быть, она его хоть немного утѣшить, если выскажетъ ему, съ какимъ негодованіемъ относится къ такой несправедливости къ писателю.

Не обдумывая того, что она будетъ дѣлать, она почти побѣжала къ Бурману, уже дорогой придумавъ для этого предлогъ, будто она забыла ноты.

Лена стала помогать ей искать ихъ и сама же она разсѣянно перебирала на этажеркѣ ноты, прислушиваясь, не послышатся ли шаги или шорохъ въ комнатѣ Бурмана. Но дверь въ эту комнату не открывалась, и ни малѣйшаго звука оттуда не доносилось... Въ такое раннее время онъ бывалъ однако обыкновенно дома!.. Но спрашивать о немъ не хотѣлось.

Въ концѣ-концовъ пришлось-таки спросить Лену, отчего ей отецъ не выходитъ и какъ онъ отнесся къ статьѣ о книгѣ.

Лена посмотрѣла на нее удивленно. Оказалось, что она ничего о ней не знаетъ, а отца она еще не видала. Онъ ушелъ, когда Лена еще не была одѣта, и такъ торопился, что даже и не позавтракалъ.

Для вида Гильдуръ еще нѣкоторое время искала тетрадь и ушла. Но долго еще она ничѣмъ не могла заняться. Она пробовала взяться за рукодѣлье, но сейчасъ же бросала работу; чтеніе не пошло тоже, такъ какъ не удавалось сосредоточить мысли на прочитанномъ. Ни о чемъ, кромѣ несправедливости, постигшей романъ Бурмана, думать ей не хотѣлось.

Какъ могло случиться, что книгу, произведшую на нее такое глубокое впечатлѣніе, и не менѣе, чѣмъ ее заинтересовавшую всѣхъ, съ кѣмъ ей ни приходилось говорить о ней, критики признали почти ничтожной? Не могли же они не понять очевидныхъ достоинствъ сочиненія, да и самъ Сетъ Бурманъ былъ слишкомъ крупной величиной въ шведской литературѣ, чтобы къ его идеямъ можно было относиться съ пренебреженіемъ! А между тѣмъ выходило, точно книгу едва замѣтили или совсѣмъ не поняли критики...

Но въ самомъ ли дѣлѣ книга не понята? Не правдоподобнѣе ли, что критики, по какимъ-нибудь партійнымъ соображеніямъ, намѣренно не пожелали понять идей Бурмана? А можетъ быть, они такъ занутились въ своихъ собственныхъ критическихъ теоріяхъ, что не уловили основной мысли сочиненія, совершенно понятнаго для всякаго безпристрастнаго читателя?

Она ждала такого огромнаго успѣха книги, что совсѣмъ сбилась съ толку такой непредвидѣнной неудачей. Хуже всего

было то, что послѣдняя статья появилась въ либеральномъ и очень вліятельномъ въ литературномъ мірѣ журналѣ... Гильдуръ возлагала особенныя надежды именно на этотъ журналъ и была вполнѣ увѣрена, что онъ вознесетъ романъ до небесъ. И вотъ, оказывалось, что либеральный критикъ остался недоволенъ! Онъ скрасилъ свои выраженія цвѣтистыми фразами, но суть все-таки сводилась къ тому, что въ романѣ не было послѣдовательности, что идеи автора неясны, что его психологическіе выводы спутаны, фабула—неправдоподобна, а вся книга—невыносимо скучна.

Возможно ли, чтобы сама она такъ ошиблась и что сочиненіе увлекло ее только тѣмъ, что касалось мучившихъ ее мыслей, а само по себѣ не имѣло литературныхъ достоинствъ?

Эта мысль такъ взволновала ее, что она почувствовала себя совсѣмъ разстроенной. И не съ кѣмъ было поговорить, некого было просить разъяснить путаницу!.. Какъ досадно, что Бурманъ именно сегодня ушелъ изъ дому такъ рано!..

Она уже подумывала, нельзя ли найти новый предлогъ зайти къ Бурману, узнать, не вернулся ли онъ домой, какъ вдругъ постучали въ дверь. Служанка подала Гильдуръ письмо и не безъ таинственности пояснила, что его принесъ какой-то уличный мальчишка. Видъ письма былъ такъ же необыкновененъ, какъ и способъ его пересылки. Адресъ былъ написанъ карандашомъ. Оно было безъ конверта и написано на клочекъ простой бумаги; сложено очень замысловато и, вмѣсто печати, зашпилено березовымъ прутикомъ, продѣтымъ въ бумагу, какъ булавка. Прутикъ сломался, когда Гильдуръ взяла письмо въ руки, и бумажка развернулась...

Ни подписи, ни обращенія въ письмѣ не было, но Гильдуръ тотчасъ же узнала, отъ кого оно. Оно было написано тѣмъ же четкимъ, угловатымъ почеркомъ, какимъ и авторская надпись на книгѣ Бурмана.

„Наблюдали ли вы когда нибудь, какъ кружатся и носятся по вѣтру опавшіе листья?—писалъ Бурманъ.—Вотъ валяется сухой, сморщенный, кленовый листъ съ короткимъ стебелькомъ и острыми зубцами. Налетаетъ вѣтеръ и подхватываетъ его. Онъ поднимается, упираясь однимъ зубцомъ въ землю, и катится по дорожкѣ,—катится очень быстро, точно несется куда-то по важному дѣлу. Но вотъ, онъ встрѣтилъ на пути препятствіе, завертѣлся на одномъ мѣстѣ, точно въ нерѣшительности бросился въ сторону, потомъ упалъ и вѣтеръ несетъ его по землѣ... Новый порывъ вѣтра поднимаетъ его

опять на зубцы, и онъ опять катится впередъ, очевидно, уже безъ всякихъ колебаній... Онъ будетъ катиться, пока не наткнется на камушекъ, или пока его не растопчутъ прохожіе ногами...

Тамъ другой листиѣвъ, отъ ближайшей березы. Онъ ярко-желтаго цвѣта съ зелеными, вздутыми, жилками. Онъ только что упалъ съ дерева и лежитъ на дорожкѣ, въ ожиданіи такой же участи, какъ и другіе спавшіе листья. Налетитъ вѣтеръ, и завружитъ его въ общей, круговой пляскѣ сухихъ листиѣвъ. Поднимется листокъ, можетъ быть, высоко, выше кустовъ и молодыхъ деревьевъ, но неминуемо опустится опять на землю, гдѣ снова станетъ кружиться въ общемъ хороводѣ, пока не попадетъ въ кучку листиѣвъ и не придавитъ его къ самой землѣ. Напрасно онъ мечтаетъ вознестись до верхушекъ деревьевъ. Сегодня такъ сыро, листья быстро утаптываются въ землю“.

Этимъ и кончалось письмо. Поэтическій порывъ фантазій! Печальныя размышленія мечтателя, который находитъ откликъ своему невеселому настроенію въ осеннихъ картинахъ! И ни единого слова къ ней...

Тѣмъ не менѣе, ей показалось, что въ этомъ странномъ письмѣ былъ точно скрытый призывъ, призывъ именно къ ней... Вѣдь онъ говорилъ съ нею въ письмѣ такъ, какъ будто сидѣлъ рядомъ. Конечно, тамъ, на кладбищѣ, гдѣ они уже сидѣли рядомъ однажды...

Не задумываясь, встала она, надѣла пальто и ушла изъ дому.

На кладбищѣ за послѣдніе дни стало пустынно, непривѣтно. Полуобсыпавшаяся листва деревьевъ желтѣла рѣденькой и прозрачной сѣткой. Уже у самыхъ воротъ Гильдуръ различила мощную фигуру Сета Бурмана, который однако не сидѣлъ подъ кивами, какъ она ожидала, а прогуливался взадъ и впередъ по большой аллеѣ кладбища.

На поворотѣ онъ увидѣлъ Гильдуръ и пошелъ ей навстрѣчу неторопливо и безъ всякаго удивленія. Очевидно, онъ ждалъ ее. Ему казалось вполне естественнымъ, что она пришла. Тѣмъ не менѣе, глаза его блеснули какимъ-то страннымъ огонькомъ, когда онъ приблизился къ ней.

Они поздоровались и онъ пожалъ ей руку, какъ обыкновенно. Затѣмъ они вмѣстѣ пошли дальше, причемъ ни онъ, ни она ни словомъ не обмолвились о письмѣ.

— Я сегодня много гулялъ, — сказалъ онъ. — Много и далеко! Было столько мѣстъ, которыя я хотѣлъ еще разъ увидѣть...

— Прощаетесь съ природой передъ зимой?—спросила она, улыбаясь.

Онъ пристально посмотрѣлъ на нее, глянулъ прямо передъ собой и проговорилъ:

— Да, я прощаюсь...

Немного помолчавъ, онъ прибавилъ съ удареніемъ:

— Только не на зиму... Да, — придется разстаться на болѣе продолжительное время!

Она вздрогнула отъ этого неожиданнаго сообщенія. Очень тихо и неестественно спокойно спросила она, не уѣзжаетъ ли онъ куда-нибудь?

Да, онъ собирался уѣхать. Сегодня утромъ онъ понялъ, что до сихъ поръ въ своей дѣятельности придерживался дурной программы. Теперь онъ составилъ себѣ новую программу жизни и хотѣлъ немедленно привести ее въ исполненіе.

Гильдуръ слушала молча, смотрѣла себѣ подъ ноги, и даже не замѣтила, что они вышли съ кладбища, и шли по улицѣ.

— Что же вы хотите сдѣлать?—спросила она, когда онъ замолчалъ.

— Я хочу превратиться въ нѣчто отвлеченное, такъ сказать, въ духа.

Замѣтивъ ея недоумѣвающій взглядъ, онъ продолжалъ, улыбаясь:

— Да, да, я хочу быть духомъ! Тѣло мое должно исчезнуть отсюда, насколько можетъ исчезнуть человѣкъ, а дѣятельность мою долженъ продолжать незримый духъ.

Продолжая идти по улицѣ, которая вела за городъ, онъ сталъ излагать свой планъ.

Давно уже онъ замѣтилъ, что личность человѣка всегда вредитъ проповѣдуемой имъ идеѣ. Развѣ это не подтверждается теперь на его книгѣ? Почему не желаютъ понять проводимой въ этой книгѣ идеи? Потому, что идея выдвинула бы личность, а личности никто не желаетъ видѣть впереди себя. Личность принято осаживать, давить, растаптывать, какъ бы нужна ни была мысль этой личности. Кто не политическій врагъ, тотъ соискатель, или завистникъ... Всякому нужна гибель отдѣльных личностей.

Когда сочиненіе встрѣчаютъ наименѣе враждебно? Когда автора нѣтъ въ живыхъ, или когда онъ изгнанъ. Нѣтъ вѣдь ни малѣйшаго интереса бороться съ мертвецомъ, или съ обезсиленнымъ изгнанникомъ!

Не можетъ же онъ желать себѣ смерти, хотя это лучше всего расчистило бы дорогу его идеямъ. Не можетъ же онъ сдѣлать этого, хотя бы только потому, что далеко еще не высказался вполнѣ! Но, вмѣсто смерти, можно сдѣлать другое: можно сдѣлаться невидимкой, оставить свое мѣсто въ политической жизни, умалить свою личность до нельза, бросить друзей и родину, не имѣть постояннаго мѣста жительства, — словомъ, можно обставить свою жизнь такъ, что личность ни опасеній, ни зависти возбуждать не стала бы. Тогда, можетъ быть, идея осталась бы незатемненной, и могла бы постоять за себя!

Гильдуръ пла рядомъ съ нимъ и молча прислушивалась къ его словамъ, звучащимъ то горечью и тоскою, то горячимъ энтузіазмомъ, который загорался всякій разъ, когда онъ говорилъ о своей идеѣ, о своемъ призваніи. Для идеи онъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ, что было ему дорого... Но чѣмъ болѣе онъ говорилъ, тѣмъ сильнѣе возмущалась она противъ необходимости такой съ его стороны жертвы. Почему человѣкъ съ такими сокровищами въ душѣ долженъ бѣжать отъ родины, отъ положенія, отъ самой жизни, пожалуй, — и все это только для того, чтобы обезоружить враговъ, которые не хотятъ внимать голосу истины и мѣшаютъ дѣлать это другимъ? Откуда явилась такая власть у этихъ людей, и такъ ли все это? Вѣрно ли, наконецъ, то, что изъ своего убѣжища въ добровольномъ изгнаніи писатель будетъ имѣть большее вліяніе на людей, чѣмъ теперь?

Робко и съ безпокойствомъ задала она ему, наконецъ, эти вопросы. Она чувствовала себя точно виноватой. Ей казалось, что и на ней лежитъ часть отвѣтственности за несправедливость соотечественниковъ къ этому великому человѣку.

Но онъ не понялъ причинъ ея смущенія. Въ отвѣтъ онъ еще разъ выяснилъ свою точку зрѣнія и доказалъ довольно послѣдовательно цѣлесообразность принятаго рѣшенія. Во всякомъ случаѣ, это было единственнымъ разумнымъ рѣшеніемъ, какое можно было принять въ его теперешнемъ положеніи.

Она попыталась, было, возражать, но не находила доводовъ, и должна была ограничиться выраженіями негодованія или ни на чемъ не основаннымъ утвержденіемъ, что общественное мнѣніе не можетъ быть противъ него. Вѣрить она не хотѣла, чтобы Сеть Бурманъ позволилъ врагамъ выжить себя изъ страны! Все это она говорила горячо, но невольно чувствовала въ глубинѣ души восторгъ передъ человѣкомъ, способнымъ на

такія жертвы ради идеи, и это-то и мѣшало ей говорить убѣдительно.

Сказать правду, она не разъ сокрушалась, подмѣчая въ Бурманѣ человѣческія слабости. Какъ она ни возвеличивала его, какъ ни гордилась его дружбой, она все-таки должна была зачастую соглашаться, что онъ слишкомъ ужъ выдвигаетъ на первый планъ себя. Конечно, это зависѣло только отъ того, что онъ, признанный борецъ за индивидуальность, не могъ начать съ отрицанія своихъ личныхъ достоинствъ и правъ!.. Но, тѣмъ не менѣе, ей бывало иногда неприятно, когда онъ выдвигалъ себя впередъ. Зато теперь это намѣреніе пожертвовать собой ради идеи являлось точно искупленіемъ всѣхъ его слабостей и было доказательствомъ того, что, на самомъ дѣлѣ, онъ не эгоистъ... И это такъ радовало ее, освобождая отъ гнетущей мысли...

Теперь онъ былъ въ ея глазахъ тѣмъ же возвышеннымъ, благороднымъ, великимъ человѣкомъ, какимъ она считала его всегда. Идея, ради проведенія которой онъ соглашался страдать всю жизнь, могла быть только возвышеннѣйшей идеей! Да, передъ такимъ человѣкомъ преклониться можно...

Мелкія обвиненія, шевелившіяся противъ него въ глубинѣ ея души, разсѣялись, и она всецѣло отдалась порыву восторга...

Ея глаза подернулись влагой. Она не смѣла останавливать на немъ взгляда: она такъ ясно чувствовала, что этотъ взглядъ выдастъ ея волненіе.

Но онъ успѣлъ кое-что замѣтить. Онъ, какъ и прежде, властно завладѣлъ ея рукой и пошелъ съ нею рука объ руку. Ни онъ, ни она уже не замѣчали, куда идутъ.

Такъ миновали они таможеню, прошли по Вальгальской дорогѣ и оказались на шоссе королевы Христіны. Подъ елями они невольно замедлили шаги, точно пришли къ намѣченной цѣли.

Торжественно, мелодично шумѣлъ вокругъ всегда зеленый еловый лѣсъ. Надъ ними была совѣмъ еще свѣжая зелень. Между камнями пробивался такой же свѣжій зеленый мохъ. Подъ огромными деревьями не чувствовался осенній вѣтеръ и не видно было печальной, опавшей, листвы. Тихо и мирно было подъ этими старыми деревьями, и сквозившіе между ними солнечные лучи грѣли здѣсь теплѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

У дороги стояла старая, потемнѣвшая отъ времени, источенная червями, скамейка. Поровнявшись съ ней, Гильдуръ освободила руку и остановилась. Она не устала, но ей просто

захотѣлось посидѣть здѣсь, подъ этими старыми елями, и она опустила на скамейку.

Бурманъ молча сѣлъ рядомъ, снялъ шляпу и провелъ рукой по своимъ густымъ, серебристымъ отъ пробивавшейся сѣдины, волосамъ. Онъ съ удовольствіемъ оглянулся на окружающую зелень, жадно вдохнулъ въ себя смолистый запахъ хвойныхъ деревьевъ, и улыбнулся.

— Да, здѣсь точно весна! — сказалъ онъ.

— Здѣсь еще май, — прошептала, улыбнувшись, и она.

Она ощущала въ себѣ какое-то весеннее настроеніе. Въ ней точно освободилось и расцвѣло какое-то новое чувство, — чувство безпредѣльнаго восторга въ этому сильному душой человѣку, который безъ колебаній отказывался отъ борьбы за свое счастье только для счастья другихъ людей. Куда бы онъ ни уѣхалъ теперь, она уже не будетъ чувствовать себя въ пустынѣ, какъ прежде. Она узнала, что такое дѣйствительное, настоящее, величіе человѣческой души, и въ ней навсегда останется сознаніе, что она была дружна съ этимъ великимъ человѣкомъ!

— Однако, недолго намъ съ вами наслаждаться этой весной! — заговорилъ Бурманъ. — Стоитъ сдѣлать только нѣсколько шаговъ назадъ, и мы снова очутимся среди опадающихъ, мертвыхъ, листьевъ.

— Но вы вѣдь скоро уѣдете отъ этихъ листьевъ?

— Отъ тѣхъ, которые для меня особенно мучительны, уѣхать мнѣ некуда!

Онъ проговорилъ это съ горечью и печально покачалъ головой.

— Наоборотъ! — вскричала Гильдуръ. — Заграницей вы сейчасъ же забудете все, что трудно забывается здѣсь, и скоро мы услышимъ о васъ что-нибудь новое!

Онъ сдвинулъ въ рукахъ свою мягкую, войлочную шляпу и проговорилъ, пытливо заглянувъ ей въ глаза:

— Вы, кажется, измѣнили ваше мнѣніе и согласны, что мнѣ слѣдуетъ уѣхать.

— Нѣтъ, я все также думаю, что эта жертва излишня.

— А какъ же вы хотѣли услышать обо мнѣ что-то новое?

— Но вѣдь это не противорѣчитъ моему мнѣнію...

— Т. е. какъ же такъ? Стало быть, это была съ вашей стороны пронія?..

— Да нѣтъ же... нѣтъ!..

Она совсѣмъ смѣшалась и поглядывала на него, точно прося пощады. Какъ онъ могъ такъ истолковывать ея слова?!

— Что же вы хотѣли сказать?—спросилъ онъ.

— Видите ли... Это добровольное изгнаніе врядъ ли полезно, даже врядъ ли благоразумно. Но зато...

— Зато?

— Зато это было бы такъ прекрасно!

— Такъ посоветуйте же мнѣ, долженъ ли я предпочесть прекрасное разумному?

Она не знала, что сказать, и смущенно смотрѣла въ землю.

— Если я предпочту прекрасное,—продолжалъ онъ, понижая голосъ и такъ мягко, что сердце ея забилося сильнѣе,— врядъ ли намъ придется снова наслаждаться „весной“ среди осени. Врядъ ли намъ даже придется снова увидѣться!

Говоря это, онъ положилъ руку на спинку скамейки и такъ близко склонился къ Гильдуръ, что она чувствовала на своей щекѣ тепло отъ его дыханія.

— Притомъ, развѣ прекрасное не бываетъ обыкновенно и самымъ разумнымъ?—прибавилъ онъ.

Она подняла голову.

— Вѣдь вы сами уже сдѣлали выборъ, и предпочли прекрасное!—сказала она.

— Да, конечно!—согласился онъ, мѣняя тонъ и выпрямляясь.

Руки его уже не было на спинкѣ скамьи, и голосъ прозвучалъ почти сухо. Но, когда онъ еще разъ заглянулъ ей въ лицо и увидѣлъ выраженіе ея глазъ, поднявшееся въ его душѣ раздраженіе мгновенно улеглось. Еще никогда онъ не ощущалъ такъ ясно, какъ теперь, притягательную силу этой дѣвушки! Съ каждымъ днемъ она становилась ему милѣе, дороже. Ему стоило только увидѣть ея лицо, чтобы снова найти въ себѣ силы и равновѣсіе, какъ бы онъ ни былъ измученъ одолѣвавшими его сомнѣніями. И его чувство къ Гильдуръ разрасталось, переростало все остальное и готово было вырваться наружу, вопреки всякимъ соображеніямъ холоднаго разсудка.

— И такъ, вамъ все равно, уѣду ли я, или нѣтъ?—спросилъ онъ тихо.

— Нѣтъ, не все равно...

Она не договорила и снова опустила глаза, всецѣло занятая разсматриваніемъ какой-то ползавшей на землѣ букашки.

— Понимаю, вы считаете меня своего рода Донъ-Кихотомъ, и предпочитаете, чтобы я выѣхалъ гоняться за подвигами, вмѣсто того, чтобы оставаться здѣсь вашимъ другомъ! Я говорю: другомъ,—потому что, во всякомъ случаѣ, мы были друзьями...

Опять подняла она на него взглядъ, и на этотъ разъ въ глазахъ ея сверкали слезы.

— Неужели же вы не понимаете,—проговорила она, стараясь принудить свои дрожащія губы сложиться въ улыбку,— неужели же вы, наконецъ не понимаете, что именно такого Донъ-Кихота я всегда и мечтала имѣть своимъ другомъ?

— Другомъ? Истиннымъ другомъ?—переспросилъ онъ.

Она отвернулась. А его рука обвила ея талію, и онъ съ силой прижалъ ее къ своей груди.

— Другомъ? Ты говоришь, что хочешь быть его другомъ?— вскричалъ онъ страстно.—Ну, такъ тебѣ придется пойти за твоимъ Донъ-Кихотомъ, когда онъ выступитъ въ походъ!

Она не дѣлала ни малѣйшей попытки освободиться изъ его объятій. Восторженные слова, которыя онъ нашептывалъ ей, склонившись къ ея лицу, вызывали въ ея душѣ такой же порывъ восторга, и ея все еще дрожавшія губы сами собой встрѣтились съ его губами...

Съ этой минуты она чувствовала себя точно во снѣ. Самые обыкновенные предметы стали представляться ей въ какомъ-то необыкновенномъ, сказочномъ, свѣтѣ. Люди безшумно шевелились вокругъ нея, точно они были отъ нея очень далеки, но голоса звучали яснѣе обыкновеннаго, хотя точно издалека, и такое же впечатлѣніе производилъ на нее звукъ ея собственнаго голоса.

За обѣдомъ она сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ, отвѣчая на вопросы и разговаривая, какъ всегда. Только не могла она удержаться отъ счастливой улыбки, то и дѣло появлявшейся на ея губахъ. Среди обѣда Валеріусъ спросилъ ее, не ходила ли она гулять въ лѣсъ, что слѣдовало заключить по букетику лѣсныхъ растений, приколотому у нея на груди. На это она, улыбаясь, отвѣтила, что дѣйствительно прошла до самаго лѣса, а затѣмъ отколола букетъ и раздѣлила растенія между Валеріусомъ, Гуго и Гертрудъ, желая, чтобы каждый изъ нихъ получилъ по душистой вѣткѣ.

Никогда еще ея маленькіе племянники и племянницы не находили въ ней такой веселой тети, какъ сегодня. Послѣ обѣда она стала возиться съ ними, какъ маленькая, играла съ ними въ лошадки, бѣгала по всѣмъ комнатамъ и въ концѣ-концовъ, запыхавшись, бросилась въ гостиной въ кресло.

— Съ вами сегодня случилось, вѣрно, что-нибудь очень пріятное?—улыбаясь, спросилъ ее подошедшій Валеріусъ.

— Да, случилось!..

Она сказала это побѣдоносно и весело, наслаждаясь возможностью сдѣлать это признаніе, ничего не выдавая и не скрывая ни ликующей улыбки, ни сіяющаго счастіемъ взора.

Валеріусъ стоялъ возлѣ нея и не спускалъ съ нея глазъ.

— Не хотите ли еще поиграть въ лошадки?—предложилъ онъ.—Если дѣти устали, я готовъ замѣнить ихъ.

— Нѣтъ, благодарю!—разсмѣялась она.—Съ чего это вамъ пришло въ голову?

— У васъ такой видъ, точно вамъ не сидится на мѣстѣ.

— Неужели?

Она откинулась на спинку кресла, оперлась на нее головой, и протянула руки.

— Видите, я могу сидѣть очень спокойно!—сказала она, улыбаясь.

Онъ тоже улыбался, продолжая смотрѣть на нее.

— Ну, ненадолго!—замѣтилъ онъ.—Неужели вы воображаете, что незамѣтно, что васъ волнуетъ какая-то радость? А знаете что? Не устроить ли такъ, чтобы можно было потанцовать.

— Потанцовать? Что у васъ сегодня за фантазіи! Это вамъ самимъ хочется танцовать?

— Да, мнѣ самому. У меня ужъ такой нравъ, что, когда я вижу, что кто-нибудь... ну, кто-нибудь, не совсѣмъ безразличный для меня, конечно,—кто-нибудь радуется, мнѣ самому хочется повеселиться вмѣстѣ съ нимъ.

— И вамъ потому-то и хочется танцовать?

— Да, именно потому...

Гильдуръ подняла на него глаза, и только теперь замѣтила, сколько добродушія и въ то же время, чего-то благороднаго свѣтилось въ его взглядѣ. Никогда еще она не видала такихъ добрыхъ, и въ то же время умныхъ голубыхъ глазъ!

Ничего не возражая, встала она съ кресла, подошла къ роялю и стала играть. Раздались звуки вальса; Валеріусъ потанцовалъ съ Гертрудъ, потомъ сталъ кружиться съ дѣтми. Но Гильдуръ уже не замѣчала, что дѣлалось позади нея, всецѣло захваченная веселой мелодіей, которая не мѣшала ей мечтать.

Ее пробудило къ дѣйствительности прикосновеніе какой-то руки къ ея плечу. Это пришелъ ея братъ Гуго смѣнить ее.

Она протестовала, но Гуго стоялъ на своемъ, находя, что и ей слѣдуетъ потанцовать, и пришлось уступить мѣсто. Однако танцовать ей не хотѣлось и, отойдя отъ рояля, она медленными

ГР. Л. Н. ТОЛСТОЙ. Д. В. ГРИГОРОВИЧЪ.
И. А. ГОНЧАРОВЪ. И. С. ТУРГЕНЕВЪ А. В. ДРУЖИНИНЪ. А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ВЪ МАРТЪ 1856 Г. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

шагами направилась въ отдаленный уголь гостиной, ей хотѣлось еще помечтать.

Но вотъ, передъ ней очутился Валеріусъ.

— Одинъ туръ вальса!—предложилъ онъ, распаркиваясь.

— Нѣтъ, нѣтъ... благодарю васъ!—отвѣтила она нерѣшительно.

Онъ измѣнился въ лицѣ... Она не хотѣла танцовать, но такъ и вѣдала, стало быть, подѣлиться съ нимъ своимъ счастьемъ.

— Я очень устала!—прояснила Гильдуръ въ видѣ извиненія.

— Я такъ много гуляла сегодня.

— Конечно, зачѣмъ же вамъ утомляться...

Но то было сказано отнюдь не колко, но совсѣмъ уже не въ томъ тонѣ, какимъ онъ говорилъ раньше. При этомъ въ его глазахъ было что-то пытлиное.

— Надѣюсь, вы не разсердились на меня?—спросила Гильдуръ.

— Уже начиная сожалѣть объ отказѣ.—Одинъ туръ я была готова, пожалуй, въ силахъ протанцовать...

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу, чтобы вы утомлялись изъ за меня.

— Такъ сказалъ онъ церемонно и отошелъ къ столику, у котораго Эдвигъ разбирала новыя фотографическія карточки.

Онъ не показывалъ вида, что былъ оскорбленъ и скоро заговорилъ уже совсѣмъ такъ же спокойно, какъ и всегда. Но въ его глазахъ онъ уже не заговаривалъ.

Гильдуръ успокоилась на его счетъ и осталась одна со своимъ счастьемъ.

Съ этимъ счастьемъ она вскорѣ осталась одна въ своей комнатѣ, и долго не засыпала, раздумывая о немъ.

Но-то, даже совсѣмъ неправдоподобное, находила она въ своемъ счастьи, въ правѣ называть „своимъ“ Сета Бурманна.

Этого великаго, благороднаго человѣка! Неужели же въ самомъ дѣлѣ онъ полюбилъ ее, именно ее, изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ зналъ?

Лишь разъ въ теченіе этихъ часовъ радостныхъ размышлений содрогнулась она при мысли, что теперь она невѣста женатаго человѣка...

Но она тотчасъ же отогнала эту мысль.

Онъ вѣдь сказалъ ей, что въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ совершенно свободенъ. Что значили какихъ-нибудь нѣсколько недѣль двусмысленнаго положенія, когда впереди была цѣлая жизнь!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИВАНЪ СЕРГѢВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

(Продолженіе *).

IV.

Мы видѣли, Тургеневъ покинулъ родной домъ противъ воли матери. Она, конечно, не сочла нужнымъ помочь ему,—онъ уѣхалъ, по словамъ вполне достовѣрнаго свидѣтеля, «получивъ отъ матери весьма скромную сумму денегъ». Дальше тотъ же свидѣтель рассказываетъ, какъ Варвара Петровна почти каждый день говорила: «надо Ванчикъ денегъ послать», и откладывала посылку день за день; случалось, и совсѣмъ забывала о ней ⁸⁰).

Для Тургенева начались годы въ полномъ смыслѣ бѣдственнаго существованія въ чужомъ краю. Одну зиму онъ живетъ на дачѣ Віардо въ полномъ одиночествѣ, питается супомъ изъ полукурицы и яичницей, вся прислуга его состоитъ изъ старухи-ключницы. Въ эти трудные дни возникаютъ *Записки охотника*: нужда вызываетъ дѣятельное творчество ⁸¹).

Это собственный рассказъ Тургенева Фету. Другой очевидецъ передаетъ, что Тургеневъ въ теченіи цѣлыхъ лѣтъ жилъ «займами въ счетъ будущихъ благъ, забираемъ денегъ у редакторовъ подъ ненаписанныя еще произведенія—словомъ, велъ жизнь Сөгемы знатнаго происхожденія, аристократическаго нищенства» ⁸²).

Всѣ эти свѣдѣнія подтверждаются письмами Тургенева. «Я прожилъ три года заграницей, не получая отъ нея ни копѣйки», пишетъ Тургеневъ о своей матери ⁸³). Недавно напечатанныя письма Тургенева къ Краевскому, издателю *Отечественныхъ Записокъ*, даютъ подробныя свѣдѣнія по затронутому вопросу. Письма чаще всего заключаются въ просьбахъ о присылкѣ авансовъ или простой

*) См. «Міръ Вожія», № 2, февраль 1895 г.

⁸⁰) Житова, *Иб.*, 580, 603.

⁸¹) Феть, I, 158.

⁸²) Анненковъ, *Молодость. Иб.*, 466.

⁸³) *Письма*, 233.

ссудѣ денегъ. Осенью 1849 года Тургеневъ сидитъ безъ копѣйки и не можетъ разсчитывать вообще «на подмогу изъ родительскаго дома». Въ концѣ года читаемъ: «Я нахожусь въ совершенной крайности». Триста рублей ему необходимы, чтобы спастись «отъ голодной смерти». Въ слѣдующемъ году та же исторія: «голодь не тетка, и я имѣю свирѣпыя намѣренія на вашъ карманъ», пишетъ Тургеневъ въ одномъ письмѣ; изъ другого узнаемъ о желаніи автора возвратиться въ Россію, но нѣтъ денегъ. Незадолго до этого извѣстія Тургеневъ сообщаетъ объ окончательномъ разрывѣ съ матерью и прибавляетъ: «мнѣ приходится зарабатывать свой насущный хлѣбъ». Слова эти подчеркиваются, очевидно, въ расчетѣ сильнѣе подѣйствовать на тугого издателя.

Изъ этихъ же писемъ мы узнаемъ размѣръ гонорара, получаемаго Тургеневымъ въ началѣ литературной дѣятельности. «Современникъ» платитъ ему 50 р. за листъ, съ Краевскаго Тургеневъ требуетъ сначала 200 р. ассигнаціями, потомъ 75 р. сер., такъ какъ листъ *Отечественныхъ Записокъ* больше листа *Современника*⁸⁴). И это—единственный источникъ: весной—1850 года узнаемъ, что мать уже полтора года не высылаетъ сыну «ни гроша»...

У Тургенева нѣтъ средствъ жить въ Парижѣ. Одну зиму онъ проводитъ въ деревнѣ Виардо, потомъ поселяется въ замкѣ Жоржъ Зандъ, на югѣ, почти на самой границѣ Испаніи, и здѣсь живетъ въ полномъ одиночествѣ, изрѣдка наѣзжаетъ въ Парижъ, старается не встрѣчаться съ своими знакомыми и снова исчезаетъ⁸⁵). Это была жизнь, исполненная мелкихъ заботъ, жестокихъ страданій самолюбія по самымъ ничтожнымъ причинамъ, жизнь бѣдности, едва прикрытой и тѣмъ болѣе тяжелой и мучительной. Тургеневъ, не смотря ни на какія огорченія, дѣятельно продолжаетъ *Записки охотника: Ермолай и мельничиха, Мой сосѣдъ, Радиловъ, Одиодворецъ Овсянниковъ, Львовъ, Бурмистръ, Контора*—всѣ быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ, всѣ они появляются въ теченіи одного 1847 года въ *Современникѣ*. Легко представить, какой богатый запасъ наблюденій, какое жгучее стремленіе поразить своего исконнаго врага—крѣпостное право—привезъ Тургеневъ за границу! И мы не должны забывать, что эти удары во имя свободы наносятся въ то время, когда самъ авторъ томится подъ гнетомъ жесточайшаго рабства—бѣдности. Естественнo, въ личной жизни Тургенева подчасъ невольнo являются необъяснимые лихорадочные порывы. Никто не могъ догадаться, чѣмъ они вы-

⁸⁴) *Отчетъ Императорской публичной бібліотеки за 1890 годъ*. Спб. 1893. 7, 8, 10, 11, 12, 15, 30.

⁸⁵) Анненковъ, *Молодость*. Ів., 468. Ср. *Ист. В.* XIV, 370.

звивались, самъ Тургеневъ отказывался объяснить тотъ или другой свой поступокъ: жизнь его бѣжала слишкомъ нервно, безпокойно, лишённая твердой внѣшней опоры и спасительной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ...

Въ маѣ 1847 года за границу отправился Бѣлинскій, страдавшій уже смертельнымъ недугомъ. Геніальный критикъ чувствовалъ себя совершенно безпомощнымъ на чужой сторонѣ, съ нимъ на каждомъ шагу, по его словамъ, совершались «комическія несчастія». Но въ Берлинѣ ему удалось отыскать Тургенева и—пишетъ Бѣлинскій— «я почувствовалъ себя у пристани; со мною была моя нянька».

Тургеневъ повезъ своего друга сначала въ Дрезденъ, потомъ въ Зальцбруннъ. Отсюда Бѣлинскій написалъ знаменитое письмо Гоголю по поводу его *Переписки*. Тургеневъ писалъ *Бурмистра*, почти не покидая Бѣлинскаго. Былые жаркіе споры возобновились. Критикъ часто обращался къ молодому писателю: «Мальчикъ—берегитесь—я васъ въ уголъ поставлю». Это была добродушная, отеческая шутка. Бѣлинскій по прежнему глубоко уважалъ Тургенева и возлагалъ на него большія надежды. Онъ одобрилъ *Бурмистра*, не могъ не воскликнуть съ обычнымъ страстнымъ негодованіемъ по поводу Пѣвочкина: «что за мерзавецъ—съ тонкими вкусами!..» Въ общемъ, жизнь въ Зальцбруннѣ была все-таки слишкомъ однообразна. Тургеневъ не выдержалъ и покинулъ друзей, обѣщая скоро вернуться.

Этого возвращенія не послѣдовало, и самъ Тургеневъ не могъ понять, какъ это произошло. Хитрость, конечно, была безцѣльна, и для всѣхъ ея мотивы остались тайной. Тургеневъ, повидимому, успѣваетъ въ короткое время побывать въ Берлинѣ, въ Лондонѣ, въ Парижѣ. Онъ будто гоняется за жизнью: съ такимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ онъ переживаетъ каждый день и впоследствии все еще жалѣетъ о дурно растроченной молодости.

Событія 1848 года застаютъ Тургенева въ Парижѣ. Онъ наблюдаетъ великій переворотъ, пишетъ потомъ рядъ воспоминаній изъ эпохи февральскихъ и іюньскихъ дней: *Человѣкъ въ сѣрѣхъ очкахъ*, *Наши послани*, съ изумительной проницательностью угадывая смыслъ событій и характеры дѣйствующихъ лицъ. Въ томъ же году и, по всей вѣроятности, въ Парижѣ, возникаетъ рядъ новыхъ рассказовъ изъ *Записокъ охотника*; они продолжаются и въ слѣдующіе три года: послѣдніе—*Блужинъ мугъ* и *Касьянъ съ Красивой Мечи*; всѣ они печатаются въ *Современникѣ*. Двадцать лѣтъ спустя, Тургеневъ возобновляетъ свои записки—пишетъ *Конецъ Чертопханова*. Рассказъ не нравится его друзьямъ, и одинъ изъ

нихъ беретъ съ автора слово—«никогда впредь никакихъ прибавленій и продолженій къ *Запискамъ охотника* не дѣлать»⁸⁶⁾.

Эти рассказы были, въ сущности, личными воспоминаніями автора, большинство героевъ—все знакомые, охотничьи происшествія, описанныя въ *Запискахъ*, были извѣстны не одному Тургеневу, знали о нихъ и его друзья, принимавшіе участіе въ его охотахъ. Исторіи излагались съ необыкновенной простотой, оказывались доступными пониманію всякаго грамотнаго человѣка. Это—великое достоинство художественнаго произведенія.

Есть извѣстіе, что императоръ Александръ II выразилъ свое сочувствіе «*Запискамъ охотника*», даже лично заявилъ автору, что «съ тѣхъ поръ, какъ онъ, государь, прочелъ *Записки охотника*, его ни на минуту не оставляла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости»⁸⁷⁾.

Это извѣстіе приписывается самому Тургеневу. Оно проникло и въ западную печать: Додэ даже сообщаетъ, будто Александръ II о произведеніяхъ Тургенева выражался: это мои настольныя книги⁸⁸⁾.

Въ такого рода сообщеніяхъ могутъ быть неточности: но для насъ важно вліяніе *Записокъ охотника* въ эпоху, когда поднимался вопросъ о великой реформѣ. Вліяніе это въ всякаго сомятнія. Со временемъ оно было признано благотѣльнымъ, но на первыхъ порахъ книга подверглась гоненію.

Тургеневъ прѣхалъ въ Россію весной 1850 года, вызванный вѣстями о болѣзни матери. Варвара Петровна съ нетерпѣніемъ ждала сына, радостно его встрѣтила, но, въ сущности, отношенія ея къ нему и къ старшему сыну не измѣнились. Они по прежнему должны были жить въ крайней нуждѣ, Иванъ Сергѣевичъ сталъ извѣстностью, приглашенія въ Петербургъ и въ Москвѣ сыпались на него со всѣхъ сторонъ, а у него часто не бывало нѣсколькихъ копеекъ—заплатить извозчику. Еще тяжелѣе было положеніе Николая Сергѣевича, обремененнаго семьей. Братья рѣшились, наконецъ, заговорить, «въ самыхъ вѣжныхъ и почтительныхъ выраженіяхъ просили они мать опредѣлить имъ хотя небольшой доходъ, чтобы знать, сколько они могутъ тратить, а не беспокоить ее изъ-за каждой необходимой бездѣлицы»⁸⁹⁾.

Варвара Петровна въ отвѣтъ жестоко посмѣялась надъ сыновьями, обѣщала все сдѣлать и ничего не сдѣлала: это былъ какой-то злорадный опытъ надъ покорностью сыновей. Иванъ Сер-

⁸⁶⁾ *Письма*, 209.

⁸⁷⁾ *Ист. В.* XIV, 457.

⁸⁸⁾ *Иностран. крит.*, 197.

⁸⁹⁾ *Житова*, *Гв.*, 611.

гѣевичъ не вытерпѣлъ, — не за себя, а за брата. Онъ искренно заявилъ ей, какъ жестоко играть комедію съ человѣкомъ, обреченнымъ на всевозможныя лишенія вмѣстѣ со своей семьей. Разговоръ скоро перешелъ на болѣе широкую почву, сынъ сталъ укорять мать вообще за ея отношеніе къ людямъ. Варвара Петровна прогнала его съ глазъ долой. Это было страшнымъ горемъ для сына, неизмѣнно-любящаго и преданнаго. Онъ не могъ удержаться отъ слезъ. Братья уѣхали въ отцовскую деревню, Тургенево.

Разрывъ подѣйствовалъ и на Варвару Петровну. Ея здоровье давно надломилось, теперь оно быстро разрушалось. Сыновья писали ей письма, но отвѣта не получали. Иванъ Сергѣевичъ тайно пріѣзжалъ осведомляться о здоровьѣ матери и глубоко раскаявался въ своемъ разговорѣ съ ней. Въ ноябрѣ Варвара Петровна скончалась. Ивану Сергѣевичу почему-то не успѣли сообщить о наступающемъ концѣ, онъ не засталъ мать въ живыхъ, о чемъ не переставалъ сѣтовать до конца своей жизни.

Послѣдовалъ раздѣлъ наслѣдства между братьями. Иванъ Сергѣевичъ выказалъ необыкновенную уступчивость, пожелалъ удержать за собой Спасское, а большую часть лучшихъ имѣній уступилъ брату, не протестовалъ, когда жена брата забрала все движимое имущество Варвары Петровны, серебро, драгоценности, не оставила въ Спасскомъ ни одной ложки. Иванъ Сергѣевичъ долженъ былъ всѣмъ снова обзаводиться ⁹⁰⁾.

Относительно крестьянъ и дворовыхъ онъ поспѣшилъ загладить вины матери: дворовыхъ немедленно отпустилъ на волю, многихъ крестьянъ, изъявившихъ желаніе, перевелъ на оброкъ, ближайшихъ слугъ матери осыпалъ наградами. Дворовымъ были розданы десятки десятинъ земли и лѣсу. Раздача производилась крайне неосторожно. Иванъ Сергѣевичъ дарилъ бывшимъ дворовымъ землю у самой усадьбы, и съ теченіемъ времени новые владѣльцы стали тѣснить своего барина. Въ Спасскомъ былъ колодезь съ превосходной ключевой еодой. Иванъ Сергѣевичъ былъ убѣжденъ, что такой воды нѣтъ во всемъ мірѣ, но облагодѣтельствованные имъ новые владѣльцы загородили всѣ пути къ колодезю, — Ивану Сергѣевичу стоило не малаго труда пробираться къ нему ⁹¹⁾.

Этотъ мелкій фактъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о терпимости и благодушіи Тургенева. Взаимныя отношенія барина и его крѣпостныхъ характеризуются однимъ изъ бывшихъ тургеневскихъ крестьянъ въ такихъ словахъ:

⁹⁰⁾ Полонскій, 499. Григоровичъ, *Воспоминанія*, гл. XIII, *Русск. М. Гб.*

⁹¹⁾ Полонскій, 500. *Письма*, 234.

«Иванъ Сергѣевичъ былъ человѣкъ мягкой, добрый, въ высшей степени благородный. Крестьяне называли его «хорошимъ баринкомъ», «добрымъ бояриномъ», «батюшкой», выражали иногда: «гуюторятъ люди, что нашъ - то слѣпой («слѣпымиъ» называли Ивана Сергѣевича потому, что онъ никогда не разставался съ *pinse-nez*), прѣхалъ и ужъ ушелъ съ Дьянкою на позаранкѣ... «Что вы довольны моимъ управляющимъ?» обыкновенно спрашивалъ Иванъ Сергѣевичъ своихъ крестьянъ, когда прѣѣзжалъ въ Спасское и созывалъ «сходку», «миръ» крестьянъ.—«Очень довольны, батюшка ты нашъ, Иванъ Сергѣевичъ», отвѣчали каждый разъ мужики»⁹²).

Эти отношенія, какъ увидимъ, не измѣнились и послѣ великой реформы. Иванъ Сергѣевичъ неизмѣнно—до послѣднихъ дней своей жизни—оставался благодѣтелемъ своихъ крестьянъ, и, что особенно рѣдко и удивительно, близкимъ для нихъ человѣкомъ.

Тургеневъ не покидалъ Россіи до 1856 года, проживая въ Петербургѣ или въ Спасскомъ. Въ Петербургѣ онъ быстро занялъ въ обществѣ то самое положеніе, какимъ пользовался въ кругу берлинскихъ писателей. Съ перваго же года его пребывания на родинѣ его гостиная сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ для людей изъ всѣхъ классовъ общества.

Тургеневъ сталъ любимымъ писателемъ. Его знакомствомъ одинаково дорожили и герои свѣтскихъ салоновъ, и представители литературы и искусства, и ученые. Иванъ Сергѣевичъ, обладая блестящимъ образованіемъ, громадной начитанностью и рѣдкимъ знаніемъ заграничной жизни, могъ удовлетворить запросамъ всѣхъ своихъ гостей. Красавецъ, всегда изящный, остроумный, исполненный чисто-русскаго благодушія и по русски гостепріимный, онъ возбуждалъ всеобщій интересъ какъ писатель и какъ личность. Тургеневъ съ одинаковымъ радушіемъ принималъ и знаменитостей, и людей неизвѣстныхъ, безъ имени.

Личное благородство Ивана Сергѣевича не отрицалось даже его врагами. Современникъ, превосходно его знавшій, пишетъ объ этомъ періодѣ его жизни: «Онъ обладалъ однимъ замѣчательнымъ качествомъ: за нимъ ничего не пропадало. Онъ никогда не оставался въ долгу ни за какое дѣло, ни за оказанное расположеніе, ни за наслажденіе, доставленное ему произведеніемъ, ни за простую потѣху, почерпнутую въ той или другой формѣ. Все это онъ помнилъ хорошо, и такъ или иначе, рано или поздно находилъ случай отыскать и отблагодарить по-своему человѣка за интеллектуальную услугу, полученную отъ него когда-то».

⁹²) Русск. Вѣстн., 361—2. Воспомин. о селѣ Спасскомъ-Дутовскомъ.

Тургеневъ отличался одной страстью, не особенно распространенной среди литераторовъ,—страстью открывать новые таланты и создавать имъ успѣхъ и славу. Нерѣдко ему приходилось раскаяваться въ своихъ слишкомъ благосклонныхъ и нерѣдко поспѣшныхъ приговорахъ. Тургеневъ попадалъ въ комическія положенія съ своими «геніями». Друзьямъ часто не представляло большого труда развѣнчать того или другого изъ нихъ. Тургеневъ негодовалъ на придиричивыхъ критиковъ и иногда наказывалъ ихъ самихъ старымъ своимъ оружіемъ—эпиграммой.

Но ничто не могло помѣшать Тургеневу осыпать нуждающихся денежными подарками. Одинъ очевидецъ считаетъ невозможнымъ пересчитать всѣхъ, обязанныхъ Тургеневу матеріально, другой приводитъ цифру пенсій, которыя ежегодно раздавалъ Тургеневъ, до 8.000 рублей ⁹³).

Естественно, при такихъ условіяхъ, домъ Тургенева былъ всегда переполненъ гостями и просителями. Гостей, даже если бы они и не чувствовали особеннаго интереса къ литературѣ, должна была привлекать бесѣда Тургенева. По словамъ очевидца, невозможно было найти болѣе веселаго, остроумнаго собесѣдника ⁹⁴).

Это въ полномъ смыслѣ исключительное соединеніе качествъ—писателя, человѣка, товарища, представителя салоннаго общества.

Мы неоднократно будемъ имѣть случай убѣдиться, какою скромностью отличался Тургеневъ въ оцѣнкѣ *своего* таланта и *своихъ* заслугъ. Онъ поощрялъ таланты другихъ писателей, искренно убѣжденный, что онъ такимъ путемъ приноситъ пользу обществу. Извѣстенъ характерный фактъ. Тургеневъ умолялъ извѣстнаго историка Забѣлина—дать согласіе на напечатаніе какого-либо изъ его трудовъ. «Нельзя же мнѣ», говорилъ геніальный художникъ, уже авторъ *Записокъ охотника*, «тяготить весь вѣкъ мой землю безъ пользы для другихъ: дайте мнѣ возможность сдѣлать что-либо для общества».

Въ этомъ же 1852 г. написанъ былъ рассказъ *Муму*. Эту исторію Карлейль считалъ самой трогательной, какую только ему случилось читать...

Исторія была личнымъ воспоминаніемъ Тургенева. Герой рассказа—нѣмой Герасимъ—типичная жертва крѣпостнической прихоти.

Нѣмого на самомъ дѣлѣ звали Андреемъ, драма его рассказана почти съ исторической точностью,—только на самомъ дѣлѣ драма едва ли не трогательнѣе, и нѣмой едва ли не симпатичнѣе, чѣмъ въ рассказѣ. Онъ и послѣ того, какъ, по волѣ помѣщицы, ли-

⁹³) Анненковъ, *Молодость*, Гб., 464. Полонскій, 500.

⁹⁴) Григоровичъ, Гб., 39.

шился своей Муму, сохранилъ къ госпожѣ прежнюю преданность, до самой ея смерти служилъ ей. Мы знаемъ всю эту исторію со словъ вполне достовѣрнаго свидѣтеля, и этотъ свидѣтель впоследствии изумлялся, какъ Иванъ Сергѣевичъ—одинъ изъ всѣхъ—слумѣлъ такъ глубоко проникнуть въ душу нѣмого крестьянина, такъ пристально заинтересовался его тоской и страданіями. Никому ничего подобнаго и въ голову не приходило⁹⁵). Свидѣтель правъ: нужно было питать исключительную любовь къ крѣпостному, чтобы такъ изучить и такъ воспроизвести его душевную жизнь...

Въ томъ же году Тургеневъ долженъ былъ отправиться въ Спасское. Это было страшнымъ лишеніемъ для него. Онъ не могъ похоронить себя въ деревенскомъ уединеніи,—онъ, всю жизнь стремившійся къ культурнымъ живымъ центрамъ, считавшій уединеніе даже вреднымъ для художественнаго творчества. Однажды онъ привелъ въ ужасъ своихъ московскихъ друзей, явившись неожиданно въ Москву. Его навѣщали знакомые, но замѣнить ему столицы не могли. Онъ старался наполнить время усиленной работой и даже писалъ, что не чувствуетъ скуки, и будто его пребываніе въ деревнѣ зимой полезно для приведенія въ порядокъ разстроенныхъ дѣлъ⁹⁶).

Письмо это относится къ половинѣ ноября 1852 года. Черезъ годъ, 23 ноября 1853 года онъ получилъ возможность вернуться въ столицу.

Записки охотника и *Муму* увеличили популярность Тургенева. Кругъ его знакомствъ еще болѣе расширился, на него невольно стали смотрѣть, какъ на первенствующаго выразителя лучшихъ стремленій современнаго общества. Общественное мнѣніе возлагало на писателя новую отвѣтственность, и Тургеневъ скоро вступаетъ въ новый періодъ художественнаго развитія.

Лѣто 1855 года Тургеневъ, по обыкновенію, провелъ въ Спасскомъ. Весной у него гостили г. Григоровичъ, Дружининъ и Боткинъ. Въ *Воспоминаніяхъ* г. Григоровича подробно описано времяпрепровожденіе друзей. Имъ пришла мысль сочинить общими силами пьесу и разыграть ее. Главнымъ героемъ пьесы выбрали самого хозяина, воспользовались его свойствомъ—приходить въ восторгъ отъ предметовъ, не заслуживающихъ такого отношенія. Произведеніе носило названіе *Школа гостепрѣимства* и было разыграно 26 мая въ Спасскомъ домѣ. Сюжетъ фарса весьма простой: добрякъ-помѣщикъ, не бывавшій съ дѣтства въ деревнѣ и

⁹⁵) В. Н. Житова. В. Е. 1884, ноябрь, 120.

⁹⁶) Отчетъ Императ. публ. библ., стр. 20.

получившій ее въ наслѣдство, на радостяхъ зоветъ къ себѣ всякаго встрѣчнаго, въ яркихъ краскахъ описываетъ невиданную прелесть сельской жизни, обстановку своего дома. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не оказывается: все запущено, въ крайнемъ безпорядкѣ, всюду почти однѣ развалины. Помѣщикъ въ ужасѣ, гости должны прѣхать съ часу на часъ. Начинается мучительная пытка: гости являются, возникаетъ брань, ссоры, жена помѣщика съ дѣтьми уѣзжаетъ, но гости все прибываютъ, тогда герой бросается, наконецъ, къ кухаркѣ и говоритъ ей изнемогающимъ голосомъ: «Аксинья, поди, скажи имъ, что мы всѣ умерли!..»

Тургеневъ игралъ роль помѣщика, согласился даже внести въ роль фразу, будто бы произнесенную имъ на пароходѣ во время пожара: «Спасите, спасите меня, я единственный сынъ у матери!»

Тургеневъ совершенно увлекся и сочинилъ еще пародію на сцену Эдипа и Антигоны въ трагедіи Озерова: Эдипа изображалъ самъ авторъ, Антигону—г. Григоровичъ.

Слухъ о спектаклѣ быстро распространился среди окрестныхъ помѣщиковъ. Оказалось множество желающихъ присутствовать на спектаклѣ. Тургеневъ, несмотря на протесты друзей, удовлетворилъ эти желанія,—и публика едва нашла мѣсто. Фарсъ былъ разыгранъ съ успѣхомъ, роль Тургенева, и особенно знаменитая фраза произвела фуроръ. Тургеневъ, уже послѣ отъѣзда друзей, писалъ, что ихъ артистическіе подвиги вызвали въ уѣздѣ цѣлыя легенды⁹⁷⁾.

Въ половинѣ іюня мы узнаемъ изъ писемъ Тургенева, что онъ остался одинъ и принялся за работу. Работа началась въ началѣ мѣсяца, это былъ первый романъ Тургенева—*Рудинъ*.

Въ черновой тетради стоитъ другое заглавіе *Геніальная натура* и такое примѣчаніе: «начать 5 іюня 1855 г. въ воскресенье, въ Спасскомъ; конченъ 24 іюля 1855 въ воскресенье тамъ же, въ 7 недѣль. Напечатанъ съ большими прибавленіями въ январ. и фѣвр. книжкахъ *Современника* 1856 г.»

Тургеневъ приступилъ къ этому труду съ большой осмотрительностью, не хотѣлъ, «чтобы первый блинъ вышелъ комомъ», придавалъ, очевидно, исключительное значеніе этому произведенію. И это было совершенно естественно. Во-первыхъ, «блинъ» на самомъ дѣлѣ уже не былъ *первымъ*, а потомъ осмотрительность, помимо обычной авторской добросовѣстности Тургенева, вызывалась недавнимъ печальнымъ опытомъ, именно тѣмъ, что дѣйствительно *первый блинъ* вышелъ комомъ. *Рудину* предшествовалъ другой романъ, настоящій первенецъ писателя въ этомъ жанрѣ. Романъ

⁹⁷⁾ Письмо 13, Полонскій 522; Григоровичъ, Р. М., I. cit. 61.

остался неоконченнымъ и исчезъ безслѣдно, за исключеніемъ одного отрывка, напечатаннаго въ *Московскомъ Вѣстникѣ* за 1859 годъ подъ заглавіемъ—*Собственная господская контора*. Несомнѣнно существовала вся первая часть романа. По обыкновенію, Иванъ Сергѣевичъ послалъ ее для прочтенія и критики друзьямъ и ближайшимъ знакомымъ—Анненкову, Боткину и Аксаковымъ—Сергѣю Тимофеевичу и Константину Сергѣевичу. Романъ писался въ теченіи зимы 1852—1853 годовъ, въ апрѣлѣ первая часть была готова и къ 29 іюня Тургеневъ уже зналъ впечатлѣнія Анненкова и ждалъ «приговора» Сергѣя Аксакова. Письмо Анненкова съ отзывомъ о романѣ помѣчено 1-мъ іюня и даетъ намъ нѣкоторыя указанія на сущность романа и характеры его героев⁹⁸).

Существенный недостатокъ романа, по мнѣнію Анненкова, заключался въ обиліи біографическихъ повѣствованій, и именно относительно главной героини. Другія погрѣшности автора казались критику мелочами и должны были исчезнуть при дальнѣйшей обработкѣ.

Но прочіе судьи далеко не были такъ снисходительны, какъ Анненковъ. Прежде всего Кетчеръ подвергъ романъ жестокому порицанію, а Боткинъ въ этомъ направленіи даже превзошелъ горячаго и откровеннаго доктора-литератора. На Тургенева и тотъ и другой отзывы подѣйствовали удручающе. Анненкову стѣбло немалого труда утѣшить мнительнаго романиста.

Боткинъ видѣлъ «блѣдность и неопредѣленность» личности героя—Дмитрія Петровича и героини—Елизаветы Михайловны, отсутствіе интереса въ самомъ разказѣ и указывалъ на недостатокъ, уже извѣстный Тургеневу изъ письма Анненкова,—«монотонность» непрерывнаго біографическаго повѣствованія. Анненковъ попытался опровергнуть рѣзкій приговоръ Боткина и совѣтовалъ автору не обращать вниманія на судъ пріятелей. «Публичный оборотъ», писалъ онъ, «важнѣе ареопага изъ пятнадцати Гёте, изъ дюжины критиковъ. Для кого вы пишете? Для меня, для А, для В? Да вы знаете хорошо, что вы хоть лопните отъ усердія, а Я и А и В всегда найдемъ, чѣмъ васъ отравить на пріятельскомъ ужинѣ. Вы сами точно также устроены и знаете, какъ только въ рукахъ книга, и пошли вставать образы, лица, вопросы, до-

⁹⁸) *Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*, изд. акад. Л. Н. Майкова. *Русское Обозр.* 1894, окт. стр. 487 etc. О колебаніяхъ Тургенева во время писанія Рудина сообщаетъ письмо къ Краевскому, напечатанное въ *Отчетъ публ. библ.*, стр. 32. Письмо отнесено къ 1856 году: это очевидная ошибка. *Рудинъ* уже былъ напечатанъ въ началѣ этого года.

просы и проч. Ни себя, ни насъ вы никогда не удовлетворите. Зачѣмъ же добиваться этого съ такою горячностью? Это ли послѣднее слово созданія? Эта ли цѣль его? Цѣль есть публичный оборотъ мысли, которая и растетъ, и крѣпнетъ вмѣстѣ съ расширеніемъ оборота»⁹⁹).

Изъ этого письма мы можемъ заключить, какія мучительныя сомнѣнія переживалъ Тургеневъ по поводу своего перваго романа. Доводы Анненкова были горячи и казались Ивану Сергѣевичу, несомнѣнно, убѣдительными. Онъ и самъ позже ставилъ сочувствіе публики выше похвалъ или порицаній профессиональныхъ литературныхъ судей. Но такое представленіе могло укрѣпиться только послѣ многочисленныхъ горькихъ испытаній, въ результатѣ долготнѣй и бесплодной борьбы съ недоразумѣніями, а часто и совершенно сознательными навѣтами критиковъ... Теперь романистъ еще переживалъ первый періодъ своей боевой дѣятельности,—и пріятельская отравка дѣйствовала губительно.

Сначала Тургеневъ будто поддался убѣжденіямъ Анненкова, но въ его письмахъ звучитъ уже ясная нота разочарованія въ своемъ дѣтищѣ и какое-то запуганное чувство надежды. Въ октябрѣ онъ писалъ Аксакову: «Стану передѣлывать, а потомъ, если Богъ дастъ, и продолжать свой романъ... Въ моемъ послѣднемъ письмѣ было сказано нѣсколько словъ на счетъ вашихъ замѣчаній,—теперь же не хочется больше говорить, а дѣлать; письма ваши прочтены мною не разъ,—и многое принято къ свѣдѣнію»¹⁰⁰).

Но едва прошла недѣля—отъ 6-го до 14-го октября, Тургеневъ уже сознается, что онъ «немного охладѣлъ» къ роману. Правда, здѣсь же слѣдуетъ оговорка, что онъ намѣренъ все-таки «его кончить» — но замыселъ былъ, очевидно, парализованъ въ самомъ корнѣ. Возникли новые планы и успѣли созрѣть въ богѣ совершенныя созданія. Еще 2-го іюня 1855 года Тургеневъ продолжаетъ увѣрять Аксакова, что онъ думаетъ передѣлать романъ. Ровно годъ спустя Аксакову пришлось высказываться уже о новомъ произведеніи Ивана Сергѣевича, — и этимъ произведеніемъ былъ *Рудинъ*. Мы точно знаемъ, когда оно начато: оказывается—три дня спустя послѣ того, какъ Тургеневъ все еще писалъ Аксакову о старомъ романѣ. Очевидно, множество художественныхъ плановъ филодось въ головѣ писателя одновременно, и этотъ фактъ долженъ былъ отразиться на романѣ, который, наконецъ, авторъ, рѣшился выпустить въ свѣтъ. Тургеневъ нетер-

⁹⁹) *Тб.* 497.

¹⁰⁰) *Тб.* 498.

гѣливо ждалъ впечатлѣній публики и отзывовъ критики. И ожиданія были ненарасны. Но по поводу *Рудина* опредѣлилось на цѣлыя годы отношеніе читателей и журналистовъ къ художнику. Публика привѣтствовала романъ, критика причинила Тургеневу не мало огорченій.

Прежде всего любопытны впечатлѣнія тѣхъ же друзей Тургенева, тѣмъ болѣе, что здѣсь мы находимъ цѣнныя историческія указанія относительно происхожденія романа. Письмо Сергѣя Аксакова слѣдуетъ поставить на первое мѣсто. Немедленно по прочтеніи романа онъ писалъ автору:

«Рудинъ похожъ очень на общаго нашего знакомаго, хотя, какъ сходство, онъ не очень удовлетворителенъ. Кой-гдѣ встрѣчаются неуясненности, характеръ Рудина не широко развитъ; но, тѣмъ не менѣе, повѣсть имѣетъ большое достоинство, и такое лицо, какъ Рудинъ, замѣчательно и глубоко. Лѣтъ десять тому назадъ, вы бы изобразили Рудина совершеннымъ героемъ. Нужна была зрѣлость созерцанія для того, чтобы видѣть пошлость рядомъ съ необыкновенностью, дрянность рядомъ съ достоинствомъ, какъ въ Рудинѣ. Вывести Рудина было очень трудно, и вы эту трудность побѣдили, хотя и можно кой-чего еще бы прибавить. Теперь вы Печорина, конечно, выставили бы не героемъ. А замѣчательное лицо—нашъ знакомый»¹⁰¹).

Дѣло идетъ объ извѣстномъ диалектикѣ-гегельянцѣ, блиставшемъ въ московскомъ университетскомъ кружкѣ. Но рядомъ съ портретомъ опредѣленной личности Аксаковъ видѣлъ въ Рудинѣ вѣчто типичное. Рудинъ напомнилъ Аксакову университетъ, «кругъ нашъ студентскій и Станкевича», и въ этомъ воспоминаніи ему почуялось родственное чувство, связывавшее его съ авторомъ романа.

Впечатлѣнія съ этой стороны были, слѣдовательно, благоприятны. Пріятели пока не угощали романиста «отравой», но въ журналахъ онъ могъ прочесть мало для себя утѣшительнаго.

Прежде всего, Рудинъ застаѣ критиковъ будто врасплохъ. Естественнѣе всего приходила на умъ догадка, что предъ читателями представитель юношества сороковыхъ годовъ, россійскаго гегельянства, блестящаго на словахъ и жалкаго въ житейской практикѣ. Писаревъ именно въ такомъ смыслѣ и разбиралъ тургеневскій романъ. «Поколѣніе Рудиныхъ—гегельянцы, заботившіеся только о томъ, чтобы въ ихъ идеяхъ господствовала систематич-

¹⁰¹⁾ Русск. Обзор. 1894. дек. 587. Объ оригиналѣ для Рудина говоритъ также Шмидтъ. Иностр. критика, стр. 24.

ность, а въ ихъ фразахъ замысловатая таинственность, мирили насъ съ неаѣпостями жизни, оправдывая ихъ разными высшими взглядами и всю жизнь свою толкуя о стремленіяхъ, не трогались съ мѣста и не умѣли измѣнить къ лучшему даже особенности своего домашняго быта» ¹⁰²).

Дальше критикъ видитъ заслугу со стороны Тургенева въ томъ, что онъ «совершенно» развѣнчалъ Рудиныхъ, поступилъ съ ними такъ же, какъ Сервантесъ съ героями рыцарскихъ романовъ. Представленіе критика о тургеневскомъ героѣ необыкновенно просто: красивый фразеръ и въ то же время бесполезный прозябатель. «Рудинъ», по мнѣнію Писарева, «умираетъ великолѣпно, но вся жизнь его ничто иное, какъ длинный рядъ самообольщеній, разочарованій, мыльныхъ пузырей и миражей». Наконецъ, оказывается—у Тургенева была уже совершенно опредѣленная тенденція, направленная противъ Рудиныхъ. «Чтобы отѣннить своихъ героевъ, принадлежащихъ къ рудинскому типу, чтобы рельефнѣе выставить безопасность своихъ отношеній къ ихъ чахлымъ личностямъ и смѣшнымъ претензіямъ, Тургеневъ ставитъ ихъ рядомъ съ простыми, очень неразвитыми смертными; и эти простые смертные оказываются выше, крѣпче и честнѣе [полированныхъ и фразерствующихъ умниковъ].

Ясно, Рудинъ полное ничтожество, разъ навсегда заклеянное авторомъ. Рудинъ для Писарева только отрицательная личность, и самъ авторъ предвѣренно хотѣлъ его изобразить въ крайне неелестномъ свѣтѣ.

Другой критикъ—Шелгуновъ—посмотрѣлъ на вопросъ совершенно иначе. Рудинъ и для него несомнѣнно уродство и жалкій продуктъ барской теплицы, хотя Рудинъ отнюдь не аристократъ и искренне пришелъ бы въ изумленіе отъ всякаго намека на его барственность и *обозначенное* тунеядство. Но если у Шелгунова виновать герой, не менѣе виновать и авторъ, именно за свое сочувствіе Рудину. Тургеневъ, по возрѣніямъ критика, лично «остался всю свою жизнь вѣренъ сферѣ, воспитавшей его, и не былъ въ состояніи понять новой жизни и новыхъ людей, созданныхъ поворотомъ прогрессивнаго общественнаго мнѣнія. Вина его въ сочувствіи только къ Рудинымъ и въ неумѣніи понять новыхъ людей, смѣнившихъ ихъ» ¹⁰³).

Въ глазахъ Шелгунова, слѣдовательно, совершенно исчезла замѣченная Писаревымъ тенденція — развѣнчать Рудиныхъ. На-

¹⁰²) Русское Слово, 1861, XI.

¹⁰³) Русскіе идеалы, герои и типы. Дѣло, 1868, VII.

противъ, Тургеневъ только и былъ способенъ увѣнчивать подоб-ныхъ господъ, спеціально «тургеневскихъ героевъ», какъ выра-жается критикъ.

Наконецъ, третій судья, имѣвшій право разсчитывать на вниманіе читателей, Аполлонъ Григорьевъ, попытался, повидимому, слить и то и другое настроеніе своихъ соратниковъ. «Въ этой повѣсти,—писалъ онъ,—совершается передъ глазами читателей явленіе совершенно особенное. Художникъ, начавши критическимъ отношеніемъ къ создаваемому имъ лицу, видимо путается въ этомъ критическомъ отношеніи, самъ не знаетъ, что ему дѣлать съ своимъ анатомическимъ ножомъ, и, наконецъ, увлеченный порывомъ искренняго стараго сочувствія, снова возводитъ въ апо-теозу въ эпилогѣ то, къ чему онъ пытался отнести критически въ разсказѣ»¹⁰⁴).

Но и критическое отношеніе Тургенева къ своему герою, по итѣнію Григорьева, отнюдь не развѣнчиваетъ Рудина. Это не фразеръ, еще менѣе человѣкъ слабый и безхарактерный, «купный», по выраженію Пигасова. При подобныхъ недостаткахъ онъ не произ-водилъ бы такого дѣйствія на «чистую, юношеско-благородную натуру Басистова», и Пигасовъ не приходилъ бы въ такой во-сторгъ, подмѣтивъ его *куцымъ*, и Лежневъ не боялся бы его влія-нія на другихъ. Очевидно, и до эпилога у Рудина много весьма существенныхъ положительныхъ сторонъ, и именно эти стороны объясняютъ перемѣну въ тонѣ автора.

Отзывы Писарева, Шелгунова и Григорьева сравнительно тер-пимы, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже благосклонны къ Тур-геневу. Критики обнаружили несомнѣнную односторонность взгля-довъ, пристрастное чувство, заставившее отождествить личность автора съ его отнюдь не возвышеннымъ героемъ, закрывшее у цѣнителей глаза на разнородный составъ рудинскаго характера. Но критики, по крайней мѣрѣ, не выходили за предѣлы литературнаго суда. Нашлись читатели, несравненно болѣе усердные, и, вмѣсто разбора произведенія, увлеклись слѣдствіемъ надъ совѣстью автора.

Нѣкоторые находили, что Рудинъ униженъ въ романѣ; этимъ униженіемъ авторъ, будто бы, излилъ свое негодованіе на одно дѣй-ствительное лицо, занимавшее деньги и не платившее долговъ.¹⁰⁵ Другіе были увѣрены, что Тургеневъ преднамѣренно сдѣлалъ изъ своего героя карриатуру, чтобы угодить богатымъ литера-турнымъ друзьямъ, считающимъ всякаго бѣдняка за мерзавца¹⁰⁶).

¹⁰⁴) Сочиненія, I.

¹⁰⁵) *Молодость И. С. Тургенева*, Анненкова. В. Е. 1884, февр. 472.

¹⁰⁶) *Шестъ лѣтъ переписки съ И. С. Тургеневымъ*. В. Е. 1885, мартъ, 36.

Въ результатѣ оказывалось,—Тургеневу слѣдовало вовсе перестать заниматься литературой. На это онъ отвѣчалъ: «при всемъ моемъ невысокомъ мнѣніи о моемъ талантѣ, мнѣ все-таки не хочется согласиться, что лучше было бы мнѣ вовсе не писать» ¹⁰⁷).

Такіе отзывы не мѣшали Тургеневу интересоваться русской критикой. Онъ «очень» проситъ своихъ друзей прислать ему въ вырѣзкахъ или въ спискахъ всѣ критики, которыя появятся на его произведенія, самъ тщательно перечитываетъ журналы и пристально слѣдитъ за развитіемъ новыхъ талантовъ ¹⁰⁸).

Рядомъ съ совершенно неосновательными обвиненіями были, конечно, и восторженные отзывы. Одинъ изъ нихъ принадлежалъ извѣстному журналисту Сенковскому.

Мы не станемъ изслѣдовать мутныхъ источниковъ личныхъ нападокъ. Публикѣ достаточно было совершенно серьезныхъ и литературныхъ сужденій о Рудинѣ, чтобы попасть въ безысходное положеніе, придти къ неразрѣшиму вопросу: кто же въ самомъ дѣлѣ Рудинъ и какъ самъ авторъ смотритъ на него?

А между тѣмъ — та же публика не допускаетъ неясностей и тонкихъ оттѣнковъ въ литературно-общественныхъ сужденіяхъ. Ей требуется опредѣленный отвѣтъ, яркая характеристика, — пусть даже она будетъ односторонней. Въ результатѣ — популярнѣйшее представленіе о Рудинѣ, какъ о самомъ подлинномъ продуктѣ сороковыхъ годовъ, рускомъ гегельянцѣ — гениальномъ мечтателѣ и безнадежно-неудачливомъ дѣятелѣ. Все отрицательное съ годами улетучилось изъ этого представленія. Рудинъ стоитъ въ ряду симпатичнѣйшихъ фигуръ русскаго романа. Можно сказать, читатели на него смотрятъ глазами Наташи, еще не испытавшей жестокаго разочарованія.

Но взгляды внимательнѣе въ эту безусловно интересную личность, попытаемся отрѣшиться отъ какихъ бы то ни было предвзятыхъ осужденій и увлеченій: въ настоящее время это не трудно. Три поколѣнія отдѣляютъ насъ отъ рудинской полосы. Будемъ считать единственно достовѣрными руководствами — романъ и біографію автора.

Рудинъ — воспитанникъ германскихъ университетовъ. Онъ «весь погруженъ въ германскую поэзію, въ германскій романтическій и философскій міръ». Такъ сообщаетъ намъ авторъ, — и Рудинъ при первомъ же случаѣ готовъ предаться студенческимъ воспоминаніямъ, принять на себя защиту великаго пророка и учителя — Гегеля. Все это несомнѣнные отголоски сороковыхъ годовъ.

¹¹⁷) Письма, 45.

¹¹⁸) Письма, 36—7.

Тѣ же отголоски слышатся и въ идеяхъ Рудина, въ его блестящихъ проповѣдяхъ. Припомните основныя положенія героя, какими онъ увлекаетъ Наташу и Басистова. Вы всё ихъ цѣликомъ отыщете въ литературныхъ произведеніяхъ и личныхъ признаніяхъ молодежи гегельянской эпохи.

«Людымъ нужна вѣра: имъ нельзя жить одними впечатлѣніями, имъ грѣшно бояться мысли и не довѣрять ей. Скептицизмъ всегда отличался бесплодностью и безсиліемъ».

Такъ говоритъ Рудинъ. То же самое Бѣлинскій писалъ матери, когда будущій гениальный критикъ былъ исключенъ изъ московскаго университета «по неспособности» и влачилъ самое жалкое голодное и холодное существованіе.

Дальше Рудинъ доказываетъ:

«Если у человѣка нѣтъ крѣпкаго начала, въ которое онъ вѣрить, нѣтъ почвы, на которой онъ стоитъ твердо, какъ можетъ онъ дать себѣ отчетъ въ потребностяхъ, въ значеніи, въ будущности своего народа? Какъ можетъ онъ знать, что онъ долженъ самъ дѣлать...»

Насмѣшникъ Пигасовъ окончательно раздраженъ, не даетъ даже кончить рѣчи,—но это опять идеи и даже форма рѣчи сороковыхъ годовъ. Неуклонное, хотя и мечтательное стремленіе къ народному благу было общей страстью молодежи. Врядъ ли какой русскій гегельянецъ не страдалъ страданіями народа. Бѣлинскій — студентъ сочиняетъ пламенную драму, клеймящую крѣпостное право монологами въ духѣ шиллеровскаго Карла Мора. Въ заграничномъ кружкѣ Станкевича, мы видѣли, главнѣйшимъ вопросомъ считалось просвѣщеніе народа. И эти мечты были, очевидно, атмосферой времени. Лермонтовъ не дружилъ съ Бѣлинскимъ, не бывалъ у Станкевича, но и онъ не преминулъ первые шаги своей поэтической дѣятельности отмѣтить драмой, направленной на то же зло родного народа... Не даромъ, слѣдовательно у Рудина представленіе о народѣ является въ неразрывной связи съ самыми выпренными идеями иноземной философіи.

Да, Рудинъ—гегельянецъ, студентъ, выросшій среди молодыхъ идеалистовъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. И къ числу ихъ принадлежалъ самъ авторъ. Вѣдь это онъ оплакалъ такими горькими слезами благороднѣйшаго питомца германской мысли и поэзіи. Все его сочувствіе было на сторонѣ безвременно погибшаго учителя, друга, вождя. И если Рудинъ изъ той же среды, у Тургенева не только въ эпоху возникновенія романа, а до конца дней, не должно развиваться иного настроенія, кромѣ восторга и благодарной любви.

А между тѣмъ, въ романѣ этого нѣтъ. Развѣ вамъ не бросилось въ глаза, при первомъ же знакомствѣ съ Рудинымъ, странное отношеніе автора къ своему герою? Рудинъ, появляясь на сцену, покоряетъ всѣ сердца, озлобляетъ завистниковъ, пугаетъ людей добродѣтельныхъ, но ограниченныхъ. Онъ настоящій герой, и притомъ стяжавшій власть неотразимой силой слова и мысли. Остается одинъ только человѣкъ, не поддавшійся очарованію, — и тотъ человѣкъ — самъ авторъ.

На его взглядъ, герой комиченъ съ самаго начала. «Я вижу фортепiano», началъ Рудинъ мягко и ласково, какъ путешествующій принцъ...» и вы чувствуете, — такое заключеніе можно сдѣлать объ артистѣ, только что вызвавшемъ эффектъ, для него вполне привычный и интересный лишь по чужимъ впечатлѣніямъ. Онъ блистательно исполнилъ свою роль и хочетъ отдохнуть на игрѣ другихъ. Подобное настроеніе врядъ ли доступно человѣку, минуту раньше съ такой горячностью разрѣшавшему міровые вопросы, — врядъ ли доступно при одномъ условіи, если самые вопросы хватаютъ его за сердце, тѣсно срослись съ его нравственной природой. И какъ естественнымъ является замѣчаніе — также авторское — о впечатлѣніи m-lle Voncourt: Рудинъ «въ ея глазахъ былъ чѣмъ-то въ родѣ виртуоза или артиста...» Невольно спрашиваешь: зачѣмъ авторъ счелъ необходимымъ сообщить намъ, что думаетъ объ его героѣ существо совершенно безличное и не играющее въ романѣ никакой роли?

Дальше еще болѣе краснорѣчивый моментъ. Рудинъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе на Басистова. Юный слушатель сталъ его боготворить. Но Рудинъ остался совершенно равнодушенъ къ благородному чувству юности, какъ-то поговорилъ съ нимъ разъ «о самыхъ важныхъ міровыхъ вопросахъ и задачахъ», «возбудилъ въ немъ живѣйшій восторгъ, но потомъ онъ его бросилъ». Авторъ не оставляетъ безъ своей оцѣнки такого поведенія Рудина: «видно», — читаемъ дальше, «онъ только на словахъ искалъ чистыхъ и преданныхъ душъ»...

То же самое и относительно Наташи. Она, конечно, гораздо интереснѣе для Рудина, чѣмъ Басистовъ, онъ безпрестанно бесѣдуетъ съ ней, но именно какъ виртуозъ: ему важенъ эффектъ, а не идейный результатъ рѣчей. «Рудинъ, казалось», снова замѣчаетъ авторъ, «не очень заботился о томъ, чтобы она его понимала — лишь бы слушала его»...

Это въ высшей степени любопытное явленіе. Авторъ будто не можетъ сдержать своего отрицательнаго или ироническаго настроенія относительно своего побѣдоноснаго героя и заранѣе спѣ-

шить уронить его въ нашихъ глазахъ, раньше, чѣмъ самые факты сорвутъ съ него пышное убранство. Въ чемъ таится мотивъ подобнаго чувства, столь субъективнаго, даже слишкомъ горячаго? Отнюдь, конечно, не въ рудинскихъ идеяхъ, насколько онѣ связаны съ преданіями «германскаго романтическаго и философскаго міра». Рудинъ, очевидно, не изъ вѣрныхъ и безукоризненныхъ друзей Станкевича. Въ этой натурѣ есть нѣчто, отдѣляющее ее глубокой пропастью отъ истинныхъ представителей русскаго гегельянства, отъ подлинныхъ русскихъ мечтателей философской эпохи.

Это нѣчто ясно указано и многократно подчеркнуто авторомъ. Это—не фразерство въ томъ смыслѣ, какъ его поняли критики романа, т. е. увлеченіе словеснымъ блескомъ при полной практической бездарности. Подобная черта еще не является настолько порочною, чтобы вызвать у автора такое энергическое негодованіе и даже презрѣніе. Вѣдь и Гамлетъ—философъ того же типа, и никому никогда и на умъ не приходило бросать камень въ датскаго принца. Герои чистой отвлеченной мысли заслуживаютъ скорѣе состраданія и благосклоннаго внимательнаго изученія, чѣмъ «страсти и гнѣва». Это печальное явленіе, но *непроизвольное*; оно всегда источникъ страданій для человѣка, часто основа удручающей душевной драмы. Недостатокъ воли при разностороннемъ развитіи мысли—страшное бремя, принижающее личность въ ея собственныхъ глазахъ, исключаящее всякую возможность героическаго эффекта.

Не то съ Рудинымъ.

Его роль вполнѣ сознательная. Онъ можетъ оставаться такимъ, какимъ мы видимъ его въ гостяхъ у Дарьи Михайловны, но можетъ говорить и поступать иначе. Онъ *выбираетъ* образъ дѣйствій, наиболѣе для него выгодный въ данную минуту, не въ прямомъ матеріальномъ смыслѣ слова, а въ дѣлахъ артистическаго, художественнаго успѣха. Рудинъ, дѣйствительно, виртуозъ, артистъ, совершенно разсчетливо ведущій определенную политику,—безкорыстную относительно житейскихъ благъ, но весьма цѣлесообразную для роли «путешествующаго принца», пророка, пропитателя, гипнотизирующаго юныя сердца.

И предъ нами всѣ признаки лицедѣя - волшебника. Артисту нужна самая впечатлительная и благодарная публика. А таковой публикой искони являются женщины, — и Рудинъ ораторствуетъ, «вдохновленный близостью молодыхъ женщинъ», «увлеченный потокомъ собственныхъ ощущеній». Дальнѣйшіе его подвиги въ томъ же направленіи. Онъ безпрестанно бесѣдуетъ съ Натальей и едва удѣляетъ одно утро Басистову. Публика подсказываетъ и

*

извѣстную манеру игры. Для русскаго героя манера давно испытанная, хотя и много разъ осмѣянная. Опустошенія, произведенныя въ женскихъ сердцахъ Онѣгинскими, Печоринскими и ихъ маленькими двойниками и подражателями—Тамаринами и Агаринами—будутъ вѣчно удручать сердца романическихъ героев—чувствами зависти и соревнованія. Рудинъ одинъ изъ нихъ. Аксаковъ бросилъ будто случайно намекъ на Печорина по поводу тургеневскаго героя; на самомъ дѣлѣ—воспоминаніе о печоринскомъ типѣ преслѣдуетъ насъ на каждой страницѣ рудинской исторіи.

Припомните, напримѣръ, одинъ изъ многочисленныхъ разговоровъ Рудина съ Натальей—на тему о любви. Рудинъ говоритъ особенно часто объ этомъ предметѣ, онъ намѣренъ даже писать трактатъ о трагическомъ значеніи любви. Почему именно о трагическомъ? Отнюдь не потому, что самъ авторъ испыталъ, или вообще способенъ испытать любовную трагедію, а потому, что *трагедія* несравненно эффектнѣе, романтичнѣе, чѣмъ обыкновенная, общечеловѣческая психологія даннаго чувства. Рудинъ немедленно представляетъ и картинную иллюстрацію своихъ идей.

— Замѣтили ли вы—заговорилъ онъ, круто повернувшись на каблукахъ:—что на дубѣ—а дубъ крѣпкое дерево—старые листья только тогда опадаютъ, когда молодые начнутъ пробиваться?

— Да,—медленно возразила Наталья,—замѣтила.

— Такъ тоже случается и съ старой любовью въ сильномъ сердцѣ: оно уже вымерло, но все еще держится; только другая, новая любовь можетъ ее выжить.

Что значить эта аллегорія—Наталья не понимаетъ. Но этого и не требуется Рудину. Ему необходимо произвести эффектъ, подавить воображеніе, заинтриговать чувство. А этого можно достигнуть, напуская по возможности больше театральнаго тумана.

Конецъ сцены превосходенъ.

«Рудинъ постоялъ, встряхнулъ волосами и удалился».

Картина — прямо изъ опернаго либретто. И картина весьма старая, но неотразимо захватывающая сердца Татьянъ, Марій, Наталій. Нужна тайна—и сердце дѣвушки неизбѣжно запутается въ сѣтяхъ. Такъ ведетъ себя Онѣгинъ среди деревенскихъ мечтательницъ, Печоринъ съ княжной Мери, «принявъ глубоко тронутый видъ», рассказываетъ аллегорическую темную исторію о томъ, какъ онъ отрѣзалъ одну мертвую половину своей души и бросилъ, «тогда какъ другая шевелилась»... Результаты всюду тождественны. Татьяна не спитъ ночей въ смутной мучительной тоскѣ, княжна Мери окончательно подавлена сладкимъ ужасомъ заго-

рающейся страсти, Наталья «долго размышляла о послѣднихъ словахъ Рудина и вдругъ сжала руки и горько заплакала»...

Въ основѣ столь могущественной таинственности лежитъ капля все того же яду—*разочарованіе*. Рудинъ щеголяетъ въ старомъ плащѣ россійскихъ чайльдъ-гарольдовъ. Костюмъ въ сильной степени потертъ, утратилъ много мишурныхъ, блестящихъ украшеній,—но Рудинъ успѣшно обновляетъ маскарадъ приемами, неизвѣстными его предшественникамъ. Тѣ черпали репертуаръ загубленныхъ чувствъ и жестокихъ рѣчей въ поэзіи англійскаго поэта и разныхъ *dii minores* того же направленія. Рудинъ пользуется германской философіей и поэзіей—совершенно противоположнаго духа, чѣмъ байронизмъ. Чайльдъ-гарольды усиливались все отрицать и надъ всѣмъ смѣяться: Рудинъ, напротивъ, зоветъ свою публику въ царство восторженной вѣры, вдохновенной мысли, всеобъемлющихъ идей. Но вѣдь нашъ бѣдный міръ такъ мало отвѣчаетъ поэтическимъ призывамъ и идеальнымъ стремленіямъ. Краснорѣчивымъ гегельянцамъ далеко не всегда приходится встрѣчать радостно-трешетную публику, вродѣ Натальи и Басистова, рѣдко рѣчи ихъ льются среди молчанія роскошной ночи, подъ аккомпаниментъ шубертовской музыки,—и гегельянство, слѣдовательно, прямымъ путемъ можетъ привести къ тоскѣ и «холоду сердечному».

Правда,—настоящіе подвижники идеи минуютъ этотъ путь. У нихъ могутъ быть минуты тяжелаго раздумья, томительныхъ сомнѣній, но вѣра въ *человѣческое призваніе* восторжествуетъ. Самая мысль о разочарованіи, какъ бы красиво оно ни было, покажется имъ позорнымъ малодушіемъ, а игра въ разбитыя мечты и безнадежное будущее напомнитъ имъ жалкихъ, нравственно-немоцныхъ комедіантовъ печальнаго прошлаго...

Послушайте, какъ истинный русскій гегельянецъ ободряетъ себя и друзей на неустанный общественный подвигъ.

«Иногда ночью, когда потушена свѣча, когда воетъ вѣтеръ, чортъ знаетъ, чего не лѣзетъ въ голову: міръ кажется скучною церемонією, будущность безотраднa; вспоминаешь ничтожныя слова, сны; начинаешь хоронить друзей, чувствуешь тяжесть въ груди и засыпаешь безпокойно... Разсвѣтаетъ, и вся тоска прошла, и первое движеніе—молитва»...

О чѣмъ же молитва? Можетъ быть, это жалоба безпомощнаго, мятущагося страдальца, заблудившагося путника, ищущаго тлаго пристанища? Нѣтъ,—это молитва воина, идущаго въ бой съ какими угодно препятствіями, стоящими на пути къ дорогимъ идеямъ.

«Я не молюсь о своемъ счастиі; съ меня довольно быть чело-
вѣкомъ. Я говорю: Господи! буди въ сердцѣ моемъ и дай мнѣ
совершить подвигъ на землѣ».

Такъ рассказываетъ Станкевичъ о своихъ думкахъ. То же самое
онъ пишетъ Грановскому, когда тотъ, было, согнулся подъ тяже-
стью научной работы, не всегда живой и увлекательной.

«Мужество, твердость, Грановскій! Не бойся этихъ формулъ,
этихъ костей, которыя облекутся плотью и возродятся духомъ по
глаголу Божію, по глаголу души твоей. Твой предметъ—жизнь
человѣчества: ищи же въ этомъ челоѣчествѣ образа Божія; но
прежде приготовься трудными испытаніями,—займись философіею!
Занимайся тѣмъ и другимъ: эти переходы изъ отвѣченной къ
конкретной жизни и снова углубленіе въ себя—наслажденіе! Ты-
сячу разъ бросишь ты книги, тысячу разъ отчаешься и снова
исполнишься надежды; но вѣрь, вѣрь—и иди путемъ своимъ».

Въ этихъ словахъ весь юноша идеалистической эпохи,—муже-
ственный, неустанно мыслящій, убѣжденный, что челоѣческая
мысль—сильнѣйшее орудіе челоѣческой природы, и вѣра въ при-
званіе—непреодолимая защита противъ всѣхъ искушеній, противъ
малодушія и отчаянія.

Могло ли этому челоѣку придти на умъ—устроить театраль-
ное зрѣлище изъ своихъ идей и настроеній, драпироваться въ
плащъ непонятаго и неоцѣннаго героя великихъ таинственныхъ
замысловъ? Тотъ же Станкевичъ признается: «Моя голова по-
лучила такое несчастное устройство, что ее опасно оставлять
безъ занятія... Одна мысль объ односторонности, связанная съ
мыслью о нравственномъ усыпленіи, въ состояніи все отравить для
меня».

Очевидно, здѣсь немыслима игра въ эффекты, невозможно
спокойное самоуслажденіе при видѣ чудныхъ, безмолвныхъ востор-
говъ. При такой напряженной умственной работѣ челоѣкъ не-
избѣжно отъ начала до конца остается строжайшимъ судьей самого
себя. До болѣзненности чуткое и придирчивое сознаніе неотступно
слѣдитъ за всякимъ впечатлѣніемъ и поступкомъ. Русскіе гегельянцы
особенно любили исповѣдываться въ своихъ вольныхъ и неволь-
ныхъ прегрѣшеніяхъ,—и нерѣдко подвергали себя столь немилос-
сердному суду, что біографамъ приходилось впоследствии защи-
щать мнимыхъ преступниковъ отъ ихъ же самихъ. Таковы само-
обличенія Бѣлинскаго въ такого рода «паденіяхъ», какія могли бы
смущать развѣ душу идеально-чистой дѣвушки...

Рудинъ также склоненъ жестоко нападать на собственную
личность, но и эти нападки носятъ характеръ такого же оратор-

скаго турнира, какъ и всѣ другія разсужденія краснорѣчиваго виртуоза. Для Рудина развѣнчивать себя—не глубокая нравственная мука, какъ это было для Бѣлинскаго, а тоже самое наслажденіе, какое испытываетъ Печоринъ, рассказывая княжнѣ Мери всевозможные ужасы про свою жизнь и личность. Это обычная уловка байронствующихъ комедіантовъ,—окружить себя мрачнымъ, даже безнадежнымъ ореоломъ самоотрицанія, чтобы вызвать сочувствіе въ отзывчивомъ отуманенномъ сердцѣ женщины. Эта психологія до тонкости была извѣстна Печорину.

Лермонтовскій герой, прочитавши предъ княжной Мери «эпитафію» самому себѣ, замѣчаетъ: «Въ эту минуту я встрѣтилъ ея глаза: въ нихъ бѣгали слезы; рука ея, опираясь на мою, дрожала; щеки пылали; ей было жаль меня! Состраданіе—чувство, которому покоряются такъ легко всѣ женщины, впустило свои когти въ ея неопытное сердце»...

Буквально, на этотъ результатъ разсчитываетъ Рудинъ и—не ошибается.

Вы съ перваго же появленія героя на сцену увѣрены, что Наталья полюбитъ Рудина,—а онъ? Обратимся опять къ *исторіи*.

Для юныхъ русскихъ гегельянцевъ завѣтнымъ стремленіемъ было—всѣ чувства, всѣ настроенія подчинить *идеи*, «утвердить на *мысли* и *разумъ*» всѣ движенія сердца и души, всю нравственную и практическую жизнь. Весь міръ представляетъ гармоническое развитіе одной *идеи*,—человѣческое существованіе должно быть также воплощеніемъ этой идеи, осуществленіемъ благороднѣйшаго *призванія*, какое только доступно совершеннѣйшему созданію вселенной. Чувство любви прежде всего должно подчиниться этому закону, потому что оно представляетъ болѣе всего опасностей для увлеченнаго страстью—нарушить гармонию личныхъ нравственныхъ силъ, принести ихъ въ жертву эгоистическому стремленію къ счастью.

Такъ, можетъ быть, на иной взглядъ наивно, но глубоко-убѣжденно и честно разсуждали *подлинныя* люди тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Станкевичъ, переживая искреннее увлеченіе, писалъ: «Потребность любви должна быть вызвана не бѣдностью души, которая, чувствуя свою нищету и будучи недовольна собой, ищетъ кругомъ себя помощи; нѣтъ,—любовь должна выходить изъ богатства нашего духа, исполненнаго силы и дѣятельности и отыскивающего въ самой любви только новую, высшую, поднѣйшую жизнь».

Это, пожалуй, можетъ показаться праздною метафизикой и рэзонерствомъ. Но здѣсь слово не расходится съ дѣломъ. Мы должны

ожидать, что влюбленный останется вѣренъ *идейному* представленію о любви и въ своей жизни. И Станкевичъ именно такъ и поступилъ. Самоотверженная мысль, непреклонная совѣсть всегда готовы стать на пути къ личному счастью, а молодость отличается еще своимъ особеннымъ фанатизмомъ, и въ результатѣ предъ нами своего рода аскетъ на почвѣ высокоразвитаго гуманнаго чувства и безграничныхъ общественныхъ стремленій.

У Рудина я на этотъ разъ мы встрѣчаемъ яркіе отголоски только-что описаннаго явленія. Лежневъ рассказываетъ, какъ онъ влюбился въ «предобренькую» дѣвушку, открылъ свое чувство Рудину,—и тотъ отнесся къ факту на первый взглядъ въ духѣ своихъ современниковъ-философовъ: «поздравилъ, обнявъ меня», говоритъ Лежневъ, «и тотчасъ же пустился вразумлять меня, толковать мнѣ всю важность моего новаго положенія».

Рудинъ, слѣдовательно, взглянулъ на чувство Лежнева съ точки зрѣнія извѣстныхъ идей и, вѣроятно, въ его рѣчахъ было не мало мотивовъ, знакомыхъ намъ по признаніямъ Станкевича, Бѣлинскаго и ихъ товарища, писавшаго къ невѣстѣ письма изъ далекой провинціи. Но сущность не въ словахъ, даже не въ идеяхъ, а въ нравственномъ результатѣ, вытекающемъ изъ словъ и идей. У Рудина онъ совершенно другой — чѣмъ у его *историческихъ* сверстниковъ. У тѣхъ анализъ чувства любви усиливалъ сознание нравственной отвѣтственности, заставляя ихъ переживать настоящую гамлетовскую драму и, наконецъ, приводилъ къ самопожертвованію во имя *человѣческаго достоинства*. Совершенно иначе отзываются рѣчи Рудина на Лежневѣ.

«Я уши развѣсилъ», повѣствуетъ бывший влюбленный... «Слова его подѣйствовали на меня необыкновенно. Уваженіе я къ себѣ вдругъ возымѣлъ удивительное, видъ принялъ серьезный и смѣяться пересталъ. Помнится, я даже ходить началъ тогда осторожноѣе, точно у меня въ груди находился сосудъ, полный драгоценной влаги, которую я боялся расплескать... Я былъ очень счастливъ, тѣмъ болѣе, что ко мнѣ благоволили явно»...

Таковы послѣдствія рудинскаго краснорѣчія, и намъ, невольно припоминается фигура также изъ породы байронствующихъ, но уже вовсе каррикатурная и мелодраматическая—Грушницкій. Несомнѣнно, у Лежнева также «какой-то смѣшной восторгъ блисталъ въ глазахъ», онъ также говорилъ «очень важно», полунамеками, съ сожалѣніемъ ко всѣмъ, несчастливленнымъ и непосвященнымъ въ великія таинства его любви... Если Рудинъ могъ внушить такія настроенія своему другу, что же могъ испытывать онъ самъ?

Отнюдь не богѣ возвышенныя чувства, чѣмъ Печоринъ рядомъ съ княжной Мери.

Послушайте, какъ Рудинъ объясняетъ Натальѣ свое будущее.

«Любовь (при этомъ словѣ онъ пожалъ плечомъ)... Любовь— не для меня, я... ея не стою; женщина, которая любить, въ правѣ требовать всего человѣка, а я ужъ весь отдаться не могу. Притомъ, нравиться — это дѣло юношей: я слишкомъ старъ. Куда мнѣ кружить чужія головы? Дай Богъ свою сносить на печачахъ!»

Иллюзія полная: стоитъ фамилію Рудинъ подмѣнить какой-нибудь демонической кличкой, и предъ нами самый настоящій «герой нашего времени» или просто «современный герой». Разница только въ исходной точкѣ: тамъ—«наука любви», здѣсь нѣмецкая философія, безпрестанно переходящая къ той-же наукѣ. На байроническомъ плащѣ прибавилось нѣсколько новыхъ галуновъ и лентъ: это ходячія идеи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Но плащъ остался тотъ же, и въ лицѣ Рудина мы видимъ только новую вариацию на старую тему, новое изданіе, дополненное и исправленное, уже давно всѣми прочитанной книги.

Рудинъ—московскій чайльдъ-гарольдъ сороковыхъ годовъ, другими словами: такое же карикатурное отраженіе гегельянства, какимъ наши демоны были для байронизма. И тогда, и теперь рядомъ шли два теченія. Одно преисполнено великаго историческаго и общественнаго значенія, другое—подражательное, модное, рассчитанное на вышній эффектъ и эгоистическое самоуслажденіе. Байронизмъ въ его истинно-культурномъ значеніи—благородный протестъ личности противъ обветшалыхъ основъ общества, протестъ свободной личной совѣсти противъ стадныхъ инстинктовъ толпы, борьба за человѣческое достоинство и права разума. И эти силы байронизма сыграли великую роль на Западѣ и у насъ,—въ лицѣ нашихъ геніальныхъ поэтовъ. Пушкинъ, среди повальнаго аристократическаго и чиновнаго презрѣнія къ литературѣ, нашелъ въ себѣ мужество—открыто заявить о значеніи поэта, какъ серьезнаго дѣятеля,—поэзіи, какъ общественнаго служенія: Лермонтовъ, проникнутый тѣмъ же сознаниемъ личной мощи, сумѣлъ спасти яркій огонь вдохновенія отъ свѣтской пошлости и леденящаго равнодушія и неразумія ближайшихъ друзей и родственниковъ. Но Пушкинъ въ то же время облакался въ мантию человѣковенавистничества, Лермонтовъ хотѣлъ казаться Мефистофелемъ и смертоноснымъ демономъ. И оба поэта воплотили въ своихъ произведенияхъ этотъ *низменный* сортъ байронизма, сами наказали себя—одинъ въ лицѣ Онѣгина, другой—Печорина и отчасти Грушниц-

каго. Пушкинъ успѣлъ окончательно сбросить съ себя театральные уборы и произнесъ достойный приговоръ даже надъ своимъ учителемъ. Лермонтовъ несомнѣнно шелъ къ тому же результату, — смерть захватила его на пути, и онъ унесъ въ могилу еще нѣкоторые отзвуки юношескаго демонизма.

Гегельянство вызвало аналогичныя явленія. Рядомъ съ людьми глубокой вѣры и восторженнаго идеализма шумѣли мелкіе эксплуататоры великихъ идей и благороднѣйшихъ стремленій. Бѣлинскій могъ все забыть, разрѣшая вопросъ о существованіи Бога, Станкевичъ могъ негодовать на свои физическія немощи изъ страха не выполнить начертанной программы. Но здѣсь же выросли живыя каррикатуры на увлеченіе Бѣлинскаго и гнѣвъ Станкевича, и въ то время, когда для однихъ въ неустанной мысли заключались и мука, и счастье, для другихъ — и философія, и поэзія служили только бутафорскими средствами для новаго спектакля на тему демонизма.

Рудинъ идетъ по этому пути до конца своего романа съ Натальей. Любитъ онъ ее или нѣтъ? Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ нравственная оцѣнка его поведенія въ послѣднемъ свиданіи. Если любить, тогда его колебанія — трусость, боязнь нравственной и практической отвѣтственности. Если нѣтъ — его резонерство въ критическій моментъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ желаніе обычнымъ словоизверженіемъ прикрыть отсутствіе настоящаго чувства. Критики обыкновенно рѣшали вопросъ въ первомъ смыслѣ: діалектикъ и мыслитель оказывался несостоятельнымъ въ практическомъ отношеніи. Объясненіе весьма простое, давно уже установившееся для всѣхъ гамлетовъ, но только къ Рудину оно непримѣнимо. Онъ *не любитъ* Наталью на столько, чтобы связать съ ней свою жизнь. И это общее свойство демоновъ мелкаго разбора. Они *pousseuses de grands sentiments*, какъ выражались въ XVII вѣкѣ, и на самомъ дѣлѣ такъ же мало способны къ сильнымъ органическимъ увлеченіямъ, какъ и ихъ первообразы. Грушницкій безъ всякихъ стѣсненій изображаетъ «большія чувства», — Рудинъ несравненно умнѣе, и поэтому его заявленія скромнѣе, но смыслъ тотъ же.

Наталя только-что призналась ему въ любви. Рудинъ остается одинъ при лунномъ свѣтѣ, произноситъ всего нѣсколько словъ, но какъ краснорѣчивы эти слова!

— Я счастливъ, — произнесъ онъ вполголоса. — Да, я счастливъ, повторилъ онъ, какъ бы желая убѣдить самого себя.

«Онъ выпрямилъ свой станъ, встряхнулъ кудрями и пошелъ проворно въ садъ, весело размахивая руками».

Дальше мы узнаемъ о свиданіи Рудина съ Волынцевымъ: ослепленный герой вздумалъ подѣлиться своимъ счастьемъ съ завѣдомымъ соперникомъ... Точь-въ-точь, какъ Грушницкій приходитъ къ Печорину изливать свои восторги... Поступаютъ ли такъ влюбленные, умѣющие беречь свое чувство и цѣнить любимую дѣвушку? Очевидно, и здѣсь для Рудина весь вопросъ въ интересномъ зрѣлищѣ, въ настроеніи, интересующемъ его самого съ художественной, артистической точки зрѣнія? Пятый актъ всей этой трагикомедіи вполне достоинъ начала. Мы говоримъ о письмѣ Рудина Натальѣ.

Онъ въ послѣдній разъ обращается къ ней, послѣ разлуки, повергнутой ее въ отчаяніе... И неужели у него не нашлось бы простыхъ сердечныхъ словъ даже въ эту минуту, если бы для него разлука являлась дѣйствительно лишеніемъ, разрывомъ съ единственно-дорогимъ человѣкомъ? У Рудина совершенно не оказывается такихъ словъ, онъ письмо сочиняетъ, какъ нѣкую адвокатскую рѣчь, по всѣмъ правиламъ реторики, съ умными разсужденіями, съ чувствительными изліяніями, съ лирическимъ беспорядкомъ и безчисленными многоточіями. Вотъ разсказъ объ этихъ странныхъ минутахъ «несчастливаго любовника».

«Онъ очень долго сидѣлъ надъ этимъ письмомъ, многое въ немъ перемарывалъ и передѣлывалъ и, тщательно списавъ его на тонкомъ листѣ почтовой бумаги, сложилъ его какъ можно мельче и положилъ въ карманъ. Съ грустью на лицѣ прошелся онъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ, сѣлъ на кресло передъ окномъ, подперся рукою; слеза тихо выступила на его рѣсницы... Онъ всталъ, застегнулся на всѣ пуговицы, позвалъ человѣка и велѣлъ спросить у Дарьи Михайловны, можетъ ли онъ ее видѣть».

Вы чувствуете ироническій тонъ разсказчика, и это вполне естественно. Вся сцена искусственна, театральна, Рудинъ не забываетъ играть роль во всякомъ положеніи, «лѣются ли рѣчкой» его слова, или тихая слеза выступаетъ на его рѣсницы... Самое письмо лишено цѣльнаго чувства, лишено даже открытой объединяющей идеи. Сначала Рудинъ воображаетъ себя осужденнымъ на вѣчное одиночество: это величественная причина, намекъ на демоническую карьеру. Въ концѣ письма другой мотивъ нераздѣленныхъ страданій: самобичеваніе. Онъ «неоконченное существо», онъ «весь рассыпался при первомъ препятствіи», «испугался отвѣтственности», и поэтому «недостоинъ» Натальи.

Очевидно, одно представленіе уничтожаетъ другое. То герой вообще врядъ ли способенъ «любить любовью сердца», то, полю-

бывъ, онъ бѣжитъ отъ отвѣтственности... Письмо, такимъ образомъ, въ послѣднихъ аккордахъ воспроизводитъ излюбленныя темы байроническихъ рѣчей Рудина: геніальничанье рядомъ съ самоуниженіемъ, рассчитаннымъ на созвучныя волненія женскаго сердца.

И Рудинъ пока сходитъ со сцены, не сказавъ намъ о себѣ ни одного яснаго, прочнаго, правдиваго слова, устроивъ рядъ «интересныхъ спектаклей» для героини, а въ сущности повторивъ старый репертуаръ при новомъ освѣщеніи, репертуаръ байронизма съ гегельянскими декораціями.

Но пусть Рудинъ, сколько угодно, притворяется таинственнымъ незнакомцемъ, авторъ все время на сторожѣ, не пропускаетъ ни одного его фальшиваго слова, ни одного поддѣльнаго настроенія. Часто получается впечатлѣніе, будто авторъ преднамѣренно выводитъ своего героя на всеобщее посмѣшище. Таково столкновеніе Рудина съ Волинцевымъ за обѣдомъ, таково свиданіе его съ тѣмъ же Волинцевымъ—факты едва вѣроятной трусости и наивности, такова сцена, сопровождающая письмо къ Натальѣ. Наконецъ, въ романѣ существуетъ особое лицо, неистощимое на критику и жестокія насмѣшки надъ Рудинымъ—его старый товарищъ Лежневъ. Мы знаемъ, что Лежневъ ревнуетъ Александру Павловну къ Рудину, но авторъ стремится изобразить его безукоризненнымъ джентльменомъ, умнымъ, положительнымъ человѣкомъ, неизмѣнно держитъ его на приличной высотѣ сравнительно съ байронствующимъ и въ то же время трусливымъ Рудинымъ: въ результатъ чувство ревности затушевывается, и предъ нами строгій, но справедливый судья.

Положеніе автора, слѣдовательно, вполне очевидно. Онъ необыкновенно сурово относится къ своему герою и даже не хочетъ скрывать этого чувства. Смыслъ такого отношенія, послѣ извѣстнаго намъ личнаго нравственнаго развитія автора, вполне понятенъ. Тургеневъ въ лицѣ Рудина совершаетъ надъ собой тотъ самый судъ художника, какой искони совершали великіе писатели: Гёте въ *Вертеръ* и отчасти въ *Фаустъ*, Шекспиръ въ трагедіяхъ *Ромео и Джульетта* и въ *Гамлетъ*, Пушкинъ въ *Евгени Онегинъ*. Это—вдохновенныя автобіографіи, это, по выраженію Лермонтова, муки, оторванныя отъ сердца и воплощенныя въ образы. Гёте на самомъ себѣ объяснялъ психологію этого явленія. Поэта, постигнутого невзгодой, страстью или тоской, неоступно преслѣдовало стремленіе—возсоздать въ художественномъ произведеніи лично пережитое. И разъ произведеніе возникало, — исчезала и сердечная боль, и душевная истома. Такимъ путемъ созданъ *Вертеръ* въ молодые годы и *Маріенбадская элегія* въ преклонной старости. И писатель долженъ испытывать истинное

нравственное удовлетвореніе, развѣнчивая въ своемъ созданіи собственные ошибки и неразумныя увлеченія.

У Тургенева, мы знаемъ, лежали на совѣсти подобныя увлеченія. Онъ не хуже Рудина устраивалъ словесныя турниры ради эффекта, поражалъ слушателей ослѣпительной вереницей идей, образовъ, и вдохновенный «общимъ сочувствіемъ и вниманіемъ», «увлеченный потокомъ собственныхъ ощущеній»;—еще легче, чѣмъ Рудинъ, «возвышался до краснорѣчія, до поэзіи». У Ивана Сергѣевича, несомнѣнно, была также своя восторженная публика, но были и Лежневы. Именно они видѣли въ немъ легкомысленнаго краснорѣчиваго артиста и виртуоза, не имѣющаго за душой никакихъ прочныхъ, продуманныхъ убѣжденій. «Фраза и поза» характеризовали цѣлый періодъ въ личной жизни гениальнаго художника, и ему ли было не «оторвать», наконецъ, отъ своей личности эти крикливыя уборы? И онъ оторвалъ и заклеилъ ихъ безпощаднымъ смѣхомъ и даже гнѣвомъ въ лицѣ Рудина.

Таковъ, по нашему мнѣнію, смыслъ перваго тургеневскаго романа,—несравненно болѣе автобіографическій, чѣмъ историко-общественный. И именно этотъ смыслъ возвышаетъ значеніе романа и бросаетъ вѣрный свѣтъ на нравственную природу художника и его дальнѣйшій путь развитія. Рудинъ послужилъ духовнымъ самоочищеніемъ для автора. Тургеневу необходимо было освободиться отъ юношескихъ ослѣпленій, отъ празднои игры тщеславнаго воображенія, чтобы вполне сознательно отнестись къ окружающей дѣйствительности и сказать «прочное слово», столь для него желанное и жадно искомое.

Но молодой авторъ не могъ остановиться на одномъ отрицаніи, не могъ оставить себя и читателей среди поля, покрытаго осмѣянными «фразами и позами», оборванной, потускнѣвшей мишурой. Воспоминанія молодости вообще дороги и близки сердцу, но они еще дороже, когда съ ними соединяется представленіе о былыхъ успѣхахъ, о быломъ блескѣ, безотчетномъ героизмѣ—все равно—дѣйствительномъ или театральномъ. Всѣ поэты, развѣнчивая молодыя заблужденія, хранятъ въ сердцѣ какое-то нѣжное чувство къ своимъ героямъ, похожее на чувство отца къ легкомысленному сыну. Гете сознавался, что даже въ старости не могъ безъ глубокаго волненія читать исторію страданій Вертера, Тургеневъ и Лермонтовъ будто невольно отождествляютъ себя со своими героями: такимъ лиризмомъ звучитъ подчасъ ихъ рѣчь непосредственно послѣ уничтожающей ироніи. Молодость незабвенна потому, что невозвратча, и нѣтъ такихъ радостей въ зрѣломъ возрастѣ, чтобы заставить замолчать гдѣ-то далеко едва слышное эхо...

Тургеневъ написалъ въ высшей степени суровую исторію рудинскаго романа, кончилъ ее полнымъ разгромомъ героя, во «*минуло около двухъ лѣтъ*»,—и начинается эпилогъ. Аполлонъ Григорьевъ, единственный изъ видныхъ критиковъ, подмѣтилъ разногласіе въ романѣ и эпилогѣ, но объяснилъ ее просто непоследовательностью автора, въ высшей степени странной и совершенно неожиданной. На самомъ дѣлѣ, авторъ какъ нельзя болѣе последователенъ—съ *психологической* точки зрѣнія—такъ же последователенъ, какъ и Пушкинъ, заявляющій одновременно о своихъ добрыхъ чувствахъ къ Онѣгину и выставяющій его въ комическомъ свѣтѣ. Тургеневъ идетъ тѣмъ же путемъ, только болѣе откровеннымъ и рѣзкимъ. Его романъ прямо дѣлится на двѣ части: въ одной байронствующій гегельянецъ, боящійся даже «*касаться нѣкоторыхъ струнъ*» въ своемъ сердцѣ, въ другой—честный, мужественный мечтатель и даже *дѣятель* сороковыхъ годовъ. Какъ это могло произойти въ теченіи двухъ лѣтъ?

Отвѣта логическаго, убѣдительнаго объективно, нѣтъ и не можетъ быть. Надо стать на мѣсто автора, пишущаго свою исповѣдь, чтобы понять переворотъ, полную реабилитацію Рудина.

Сначала его «*возстаниваютъ*» на словахъ: Лежневъ теперь его искренній другъ и даже поклонникъ наравнѣ съ Басистовымъ. Теперь онъ все оправдываетъ и все объясняетъ. Но какъ же, спросите вы, можно оправдать факты, рассказанные раньше тѣмъ-же Лежневымъ и ясно доказывавшіе, что Рудинъ, *тридцатипяти-лтний* Рудинъ—почти невѣжда, недобросовѣстный фразеръ, сомнительный въ своихъ поступкахъ съ друзьями и женщинами? Ни одинъ изъ этихъ фактовъ теперь не опровергается, а другихъ Лежневъ не знаетъ: онъ не видѣлъ Рудина послѣ романа съ Натальей. Неужели только чувство ревности, притомъ далеко неясное и въ глазахъ самого Лежнева врядъ ли основательное, можетъ до такой степени сбить съ толку необыкновенно уравновѣшеннаго и разсудительнаго человѣка? Кромѣ того, надо помнить,—Лежневъ порвалъ съ Рудинымъ задолго до романа, и встрѣчается съ нимъ крайне непривѣтливо: очевидно, мотивы разрыва были весьма внушительные и вполне соответствовали рассказамъ Лежнева о Рудинѣ у Вольтыныхъ. Куда же все это исчезло безъ всякаго участія со стороны Рудина, напротивъ, послѣ его далеко неслестныхъ приключеній у Ласунской? Только-что мы слышали смертнѣйшій приговоръ герою и видѣли на дѣлѣ, насколько этотъ приговоръ справедливъ,—и вдругъ оправданіе по всѣмъ статьямъ и даже признаніе великой пользы отъ его краснорѣчія, хотя именно оно и заставило Лежнева презирать Рудина задолго до побѣды оратора надъ Натальей и Басистовымъ!..

Очевидно, *логическое* объясненіе здѣсь непримѣнимо. Автору нужно во что бы то ни стало создать у читателей новое впечатлѣніе относительно своего героя, и сначала тоска Лежнева, его жесточайшаго критика, а потомъ—въ видѣ иллюстраціи—появленіе самого Рудина. Въ первой части Рудинъ дѣйствовалъ въ полномъ согласіи съ отзывами Лежнева,—являлся комедіантомъ, горе-богатыремъ, безъ любящаго, отзывчиваго сердца, даже трусомъ. Во второй части его дѣйствія другія, потому что и рѣчи Лежнева не тѣ.

«Прошло еще нѣсколько лѣтъ», такъ начинается эпилогъ, и Рудинъ выступаетъ на сцену, чтобы окончательно закрѣпить въ нашемъ представленіи новый образъ. Средство очень простое. Рудинъ рассказываетъ Лежневу о томъ, что произошло съ нимъ за эти «два года» и «еще нѣсколько лѣтъ». И намъ нечего объяснять смыслъ этого разказа. Гегельянецъ дѣйствовалъ, какъ истинный достойный представитель идеалистической эпохи.

Всѣ его предпріятія и стремленія озарены безсмертнымъ пламенемъ вѣры въ человѣческія силы и человѣческій прогрессъ. Рудину ничто не удастся, онъ всюду терпитъ неудачи и пораженія, но Лежневъ и всякій другой слушатель безусловно на сторонѣ побѣжденнаго. И иначе не можетъ быть. Рудина угнетаетъ чужой эгоизмъ, чужая алчность, недобросовѣстность,—онъ настоящій мученикъ идеи, жертва своего внутренняго прометеяева огня,—жертва все болѣе прекрасная, чѣмъ больше терновыхъ вѣнковъ на ея челѣ... Послѣдній «номеръ» рудинскихъ «похожденій»—священнѣйшая мечта юношества тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Рудинъ сталъ учителемъ, преподавателемъ русской словесности, и онъ описываетъ свои надежды и первыя впечатлѣнія совершенно въ томъ же духѣ, какъ говорили объ этомъ предметѣ Станкевичъ и его друзья. И на этомъ поприщѣ Рудинъ терпитъ пораженіе, но такого сорта, что имъ—пораженіемъ—покрываются всѣ опрочечивыя увлеченія, всѣ слишкомъ громкія рѣчи благороднаго неудачника. И Лежневъ спѣшитъ подтвердить именно этотъ результатъ.

«Ты уваженіе внушаешь мнѣ,—говоритъ онъ,—вотъ что». И у Лежнева есть совершенно убѣдительныя основанія питать такое чувство къ Рудину.—«Отчего ты, странный человѣкъ, съ какими бы помыслами ни начиналъ дѣло, всякій разъ непременно кончалъ его тѣмъ, что жертвовалъ своими личными выгодами, не пускалъ корней въ недобрую почву, какъ она жирна ни была?»...

И Лежневъ необыкновенно лестно для Рудина объясняетъ его вѣчныя неудачи, не признаетъ, чтобы это метанье было плодомъ празднаго беспокойства. «Огонь къ истинѣ въ тебѣ горитъ и, вид-

но, не смотря на всѣ твои дразги, онъ горитъ въ тебѣ сильнѣе, чѣмъ во многихъ, которые даже не считаютъ себя эгоистами, а тебя, пожалуй, называютъ интриганомъ. Да я первый на твоемъ мѣстѣ давно бы заставилъ замолчать въ себѣ этого червя и примирился бы со всѣмъ; а въ тебѣ даже желчи не прибавилось».

Естественно, такіе люди возбуждаютъ энтузіазмъ молодежи и Басистовъ уже давно подготовилъ насъ къ разсужденіямъ Лейнева, восторженно провозгласивъ Рудина «геніальной натурой». Онъ по личному опыту знаетъ великое нравственное вліяніе неудачника: «клянусь вамъ, этотъ человекъ не только умѣлъ потрясти тебя, онъ съ мѣста тебя двигалъ, онъ не давалъ тебѣ останавливаться, онъ до основанія переворачивалъ, зажигалъ тебя».

И такимъ былъ Рудинъ съ самаго начала... Теперь этотъ талантъ выступаетъ на первый планъ, а раньше онъ пропадалъ въ безднѣ праздныхъ искусственныхъ рѣчей, эффектныхъ жестовъ, размалеванныхъ демоническихъ страданій... И соображенія о возрастѣ, болѣе зрѣломъ, здѣсь безусловно неумѣстны. Рудинъ не былъ юношей въ минуту перваго появленія на сцену: Лейневъ совершенно справедливо находилъ, что въ «года Рудина стыдно тѣшиться шумомъ собственныхъ рѣчей, стыдно рисоваться»... И вдругъ, уѣхавъ отъ Ласунской, Рудинъ вступилъ на совершенно другую дорогу, прощеголявъ въ пестромъ плацѣ новаго чайльдгарольда почти до сорока лѣтъ... Нѣтъ, фактическая исторія и общая психологія приведутъ насъ къ неразрѣшимой загадкѣ. Объясненія слѣдуетъ искать въ нравственномъ и творческомъ мірѣ самаго автора. Второй Рудинъ — дѣйствительно типъ идеалиста, стоящаго слишкомъ высоко надъ современной дѣйствительностью, предъявляющаго людямъ и жизни непосильныя и мало доступныя для нихъ требованія. Онъ — жертва великихъ задачъ, проникающихъ все его существо и не приспособленныхъ къ общественнымъ и историческимъ условіямъ извѣстной среды.

Гдѣ-нибудь, среди другихъ людей, Рудинъ, можетъ быть, и нашелъ бы исходъ своей жаднѣ — героическаго поприща. Авторъ заставляетъ своего героя умереть на парижскихъ баррикадахъ въ 1848 г., въ іюньскіе дни, умереть, слѣдовательно, — за рабочихъ. Смерть сѣдовласаго русскаго гегельянца въ междоусобицахъ чужого народа производитъ на насъ сложное впечатлѣніе, не комическое, не театральное, а какое-то гнетущее, болѣзненное. Французъ, умирающій на тѣхъ же баррикадахъ — герой, но участь Рудина, не смотря на весь драматизмъ, вызываетъ еще другое чувство, — то самое, какимъ авторъ кончаетъ разсказъ о встрѣчѣ Рудина съ Лейневымъ.

«Лежневъ долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, остановился передъ окномъ, подумалъ, промолвилъ вполгласа: «бѣдняки!» и сѣвъ за столъ, началъ писать письмо къ своей женѣ.

«А на дворѣ поднялся вѣтеръ и завылъ зловѣщимъ завываньемъ, тяжело и злобно ударяясь въ звенящія стекла. Наступила долгая, осенняя ночь. Хорошо тому, кто въ такія ночи сидитъ подъ кровомъ дома, у кого есть теперь уголокъ... И да поможетъ Господь всѣмъ безпріютнымъ скитальцамъ!»

И мы знаемъ, у кого этотъ уголокъ и кто безпріютный скиталецъ, и не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ нашего равнодушія и сочувствія.

Еще раньше послѣдняго появленія Рудина у автора будто невольно сорвалось замѣчаніе о бывшемъ товарищѣ и грозномъ судьѣ нашего героя. Собственно рѣчь идетъ о сынѣ Лежнева; но ея смыслъ необыкновенно краснорѣчивъ и для отца.

«Ребенокъ не шипалъ, съ важностью сосалъ свой палецъ и спокойно посматривалъ кругомъ. Достойный сынъ Михайла Михайлыча уже сказывался въ немъ».

Объясненія излишни. Рудинъ—«безпріютный скиталецъ», вызы, вающій молитву, Лежневъ—достойный отецъ сына, сосущаго свой палецъ и спокойно посматривающаго на весь міръ... Такъ перемѣнились роли героев! И—что еще важнѣе—до неузнаваемости преобразовалось настроеніе автора.

Его чувства и мысли до такой степени различны, что въ сущности предъ нами два героя и два романа: одинъ герой—незаконное дѣтище философской эпохи, другой—ея истинный сынъ. Въ лицѣ одного писатель подвергъ безошадному униженію все фальшивое, все актерское и виртуозное въ русскихъ гегельянцахъ, въ лицѣ другого—вспомнилъ завѣты и жизнь благороднѣйшихъ учениковъ германской мысли. Такое совмѣщеніе въ одномъ лицѣ двухъ разнородныхъ общественныхъ теченій наноситъ жестокій ударъ психологической правдѣ и художественной гармоніи романа. Но это совмѣщеніе *личный опытъ* самого автора и, вѣроятно, не одного его въ ту же эпоху.

Ошибка заключается не въ самомъ типѣ, а въ произведеніи. Вмѣсто того, чтобы постепенно вводить читателя въ развивающійся духовный міръ героя, авторъ предпочитаетъ отрывочныя сообщенія о *результатахъ*. Мы читаемъ: «минуло около двухъ лѣтъ», «прошло еще нѣсколько лѣтъ»,—и занавѣсъ поднимается, а именно въ антрактахъ произошло все самое существенное, что намъ надо было *видѣть*. Цѣльность дѣйствующаго лица исчезаетъ и ее можно

возстановитъ только путемъ разсужденій—біографическаго и психологическаго характера.

Въ моментъ возникновенія романа его герой, можетъ быть, ему самому являлся чѣмъ-то смутнымъ и двусмысленнымъ. И это воплилъ естественцо. Понять Рудина для Тургенева въ сильной степени значило понять самого себя. А такая «зрѣлость созерцанія» дается лишь годами вдумчивости, безпристрастнаго и спокойнаго самонаблюденія. Врядъ ли все это было доступно писателю, едва покончившему съ «бурнымъ періодомъ» своей жизни и, вѣроятно, носившему въ себѣ еще не мало рудинскихъ элементовъ.

Одинъ изъ этихъ элементовъ, только уже послѣдующаго развитія, элементъ *эпилога*, принадлежалъ самой натурѣ писателя. Это—мужество и послѣдовательность на почвѣ общихъ вопросовъ, безсиліе и колебанія въ будничныхъ положеніяхъ жизни. Тургеневъ не скрывалъ своего слабоволія и обнаруживалъ этотъ недостатокъ на каждомъ шагу въ практическихъ вопросахъ, отступалъ при первомъ натискѣ энергичнаго или просто ловкаго человѣка. Особенно сказывалось это свойство, когда дѣло шло о деньгахъ. Здѣсь достаточно было нахальной выходки, чтобы Тургеневъ прекратилъ всякій протестъ.

Такихъ случаевъ безчисленное множество: мы знаемъ, какъ велъ себя Тургеневъ при раздѣлѣ наслѣдства, по смерти брата онъ уступилъ мужу его дочери, когда тотъ отказался выдать завѣщанные Николаемъ Сергѣевичемъ 100.000 р. и даже заявилъ Тургеневу, что, по его мнѣнію, для Ивана Сергѣевича и 20.000 слишкомъ достаточно. Тургеневъ ограничился замѣчаніемъ: «Ну, на этотъ счетъ позвольте мнѣ думать иначе» ¹⁰⁹).

Такіе факты повторялись безпрестанно. Характерна исторія съ книгопродавцемъ Основскимъ. Книгопродавецъ взялся издать сочиненія Тургенева: происходило это въ 1861 году. Банкротство застигло Основскаго въ самый разгаръ предпріятія. Тургеневъ жестоко сердился на значительныя потери, причиненныя ему банкротомъ, но отъ какого-либо иска отказался. На этотъ отказъ негодовали даже остальные кредиторы Основскаго. Тургеневъ оправдывалъ себя такимъ соображеніемъ: «Я не могъ не усумниться въ немъ, вслѣдствіе писемъ отъ его же пріятелей, но я не позволилъ бы себѣ осудить окончательно человѣка бездоказательно» ¹¹⁰).

Мы дальше познакоимся съ отношеніями Тургенева къ литераторамъ и журналистамъ и увидимъ то же нежеланіе вступать въ препирательство и въ борьбу, хотя бы право находилось без-

¹⁰⁹) Григоровичъ. *Русск. М.*, 1. cit. 72.

¹¹⁰) Анненковъ. *Шестъ лѣтъ переписки*. В. Е. 1885, апр. 486.

условно на сторонѣ Ивана Сергѣевича. Мы, кромѣ того, убѣдимся въ необыкновенной терпимости Тургенева къ чужимъ мнѣніямъ и взглядамъ, въ его уваженіи къ чужимъ идеямъ, какъ бы сильно онѣ ни противорѣчили его собственному міросозерпанію. Все это—качества, безусловно культурныя, благородныя, но на практикѣ вызываютъ нерѣдко тяжелыя огорченія. Для житейской борьбы требуется извѣстная односторонность, рѣшительность, независимая отъ логическихъ процессовъ и даже общихъ нравственныхъ соображеній. Въ иныхъ положеніяхъ отъ дѣятеля, во что бы то ни стало преслѣдующаго личный успѣхъ, требуется извѣстный компромиссъ съ совѣстью и убѣжденіями. Такого рода побѣды предосудительны съ нравственной и идейной точекъ зрѣнія, но часто только онѣ и возможны на аренѣ будничныхъ столкновеній. Тургеневъ не былъ способенъ идти такимъ путемъ, даже больше — отступалъ отъ *личной* борьбы, если вопросъ шелъ объ удовлетвореніи его *личныхъ* интересовъ. Это—несомнѣнно одна изъ чертъ, входящихъ въ сложный характеръ Рудина. Не даромъ герой умираетъ за идею, за вопросъ, для него практически безразличный, но въ своей личной жизни, въ практическихъ интересахъ онъ терпитъ одну неудачу за другой.

Самъ авторъ въ этомъ смыслѣ напоминаетъ своего героя. Въ общихъ вопросахъ, въ идеяхъ Тургеневъ не дѣлалъ ни одного шага въ сторону въ теченіи всейжизни, здѣсь онъ, какъ увидимъ, боролся мужественно, энергично, не покидая оружія. Во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ способенъ былъ замолчать и отступить.

Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать его отзывъ о самомъ себѣ, высказанный именно вскорѣ послѣ созданія Рудина.

Здѣсь вопросъ идетъ о спорахъ, какіе Тургеневъ велъ съ Аксаковыми въ пятидесятыхъ годахъ—и въ устной бесѣдѣ, и въ письмахъ. Споры касались основныхъ явленій русской исторіи и русскаго быта. Предметъ разногласій и положеніе Тургенева ясны изъ слѣдующаго письма къ С. Аксакову, отъ 25 мая 1856 года.

«Съ Константиномъ Сергѣевичемъ, я боюсь, мы никогда не сойдемся. Онъ въ «мірѣ» видитъ какое-то всеобщее лекарство, панацею, альфу и омегу русскоѣ жизни; а я, признавая его особенность и собственность—если такъ можно выразиться—Россіи, все-таки вижу въ немъ одну лишь первоначальную основную почву, но не болѣе, какъ почву,—форму, на которой строится, а не *съ* которую выливается государство. Дерево безъ корней быть не можетъ; но Константинъ Сергѣевичъ, мнѣ кажется, желалъ бы видѣть корни на вѣтвяхъ. Право личности имъ, что ни говори, уничтожается, а я за это право сражаюсь до сихъ поръ и буду сра-

жаться до конца. Обо всемъ этомъ мы еще поговоримъ въ дѣлѣ; но пословица гласитъ: «горбатаго исправить могила»,—а мы съ нимъ чуть ли не оба горбаты, только въ разныя стороны. Хотя я принадлежу болѣе къ «тряпкамъ», но вѣдь и у тряпки есть свое упорство: разорвать ее легко, а молотомъ сколько угодно бей по ней,—ничего не сдѣлаешь»... ¹¹¹⁾).

Въ такихъ же словахъ можно бы изобразить смыслъ «похожденій» Рудина—вплоть до трагедіи на баррикадахъ...

Письмо къ Аксакову было написано изъ Спасскаго, куда Иванъ Сергѣевичъ уѣхалъ пожить на покой послѣ шумнаго появленія въ свѣтъ *Рудина*.

Лѣто 1856 года Тургеневъ, по обыкновенію, прожилъ въ своихъ имѣніяхъ и велъ, по его словамъ, «жизнь самую праздную»: ѣлъ «все, даже салатъ», спалъ «какъ Моська», читалъ, впрочемъ, «съ большимъ удовольствіемъ» *Исторію Греціи* Грота, восхищался, «милыми и счастливыми аэинянами», и ходилъ на охоту ¹¹²⁾. Въ письмѣ отъ 20 іюля онъ пишетъ о предстоящей поѣздкѣ за границу, и въ августѣ уѣзжаетъ. Съ конца октября Тургеневъ живетъ въ Парижѣ, собирается приняться за работу «довольно серьезно». Въ эти періоды заграничной жизни Тургеневъ не питаетъ добрыхъ чувствъ ни къ французамъ, ни къ Парижу. Аксакову онъ пишетъ: «пребываніе во Франціи произвело на меня обычное свое дѣйствіе: все, что я вижу и слышу, какъ то тѣснѣе и ближе прижимаетъ меня къ Россіи; все родное становится мнѣ вдвойнѣ дорого» ¹¹³⁾. «Французская фраза» ему противна, довольство, какое онъ замѣчаетъ въ Парижѣ, дѣлаетъ этотъ городъ «прозаически плоскимъ». Здѣсь его удерживаетъ «старинная неразрывная связь съ однимъ семействомъ» и его дочь.

Все это читаемъ въ письмѣ къ гр. Толстому отъ 16 ноября 1856 года. Письмо въ высшей степени интересно, какъ самый ранній подлинный отзывъ Тургенева о личности, талантѣ и литературной дѣятельности гр. Толстого.

Тургеневъ познакомился съ гр. Толстымъ по собственному почину. Графъ былъ его сосѣдомъ по имѣнію. Вѣчно всѣмъ заинтересованный, ко всѣмъ участливый, Тургеневъ пригласилъ сосѣда къ себѣ. Знакомство состоялось, но, по словамъ Тургенева, «въ неладную минуту». Писатели, которымъ было суждено первенствующее значеніе въ новой русской литературѣ, рѣзко отличались другъ отъ друга характерами и взглядами. Это различіе еще не могло пре-

¹¹¹⁾ *Р. Обзор.* 1894, дек. 585.

¹¹²⁾ *Письма*, 24.

¹¹³⁾ *Р. Обзор.* *Иб.*, 589.

вернуться въ неисчерпаемый источникъ ссоръ и крайне враждебныхъ столкновений. Требовался воинствующій элементъ, требовалась нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ, къ чужой личности. Все это обнаружилось съ самого начала знакомства на сторонѣ гр. Толстого.

Мы видѣли, у Тургенева въ молодости были извѣстныя странности, склонность къ геніальничанью, къ эффекту, можетъ быть, нѣкоторое пристрастіе къ фразѣ. Все это съ теченіемъ времени исчезло и авторъ геніальныхъ романовъ уже не могъ страдать этими недостатками. Знакомство съ гр. Толстымъ произошло раньше, и у графа оказалось множество мотивовъ громить своего друга проповѣдями на темы о простотѣ, здоровомъ смыслѣ и прочихъ добродѣтеляхъ. Эти проповѣди были часто безошадны: гр. Толстой, подвергая жестокой критикѣ даже внѣшность Тургенева, будто бы обличающую его нравственныя несовершенства, находилъ его ляшки «фразистыми», «демократическими». Очевидцы свидѣтельствуютъ о «вызывающемъ тонѣ и злобномъ презрѣніи», которые выказывалъ гр. Толстой къ Тургеневу, когда Тургеневъ успѣлъ уже отдѣлаться отъ многихъ увлеченій молодости. Это извѣстіе идетъ отъ друга Тургенева ¹¹⁴).

Другой современникъ, безусловный сторонникъ гр. Толстого, передаетъ, съ какимъ упорствомъ гр. Толстой длилъ распри: на него нисколько не дѣйствовали убѣжденія другихъ, ставившихъ на видъ любовь и уваженіе къ нему Тургенева ¹¹⁵).

Мы передаемъ только свидѣтельства очевидцевъ и не признаемъ за собой права высказывать окончательные приговоры въ чью бы то ни было пользу. Одно несомнѣнно: любовь и уваженіе Тургенева къ гр. Толстому,—чувства, граничившія съ сердечной нѣжностью и пылкимъ восторгомъ.

Письма Тургенева переполнены доказательствами. На этотъ разъ мы приведемъ только ранніе отзывы Тургенева, высказанные до разрыва съ гр. Толстымъ.

Осенью 1854 года онъ пишетъ: «Очень радъ я успѣху *Отрочества*. Дай только Богъ Толстому пожить, а онъ, я твердо надѣюсь, еще удивить насъ всѣхъ—это талантъ первостепенный».

Слѣдуетъ помнить, что этотъ взглядъ высказанъ при самомъ началѣ литературной дѣятельности гр. Толстого, когда еще его талантомъ не интересовались даже литераторы, нѣкоторые не знали его произведеній, а издатели журналовъ смѣшивали его съ другими современными писателями ¹¹⁶). Тургеневъ еще въ 1852 году, не

¹¹⁴) Анненковъ. *Молодость И. С. Т—ва*. В. Е., 1884, февр. 471.

¹¹⁵) Фетъ. *Мои воспоминанія*. I, 107.

¹¹⁶) *Отчетъ*, 20—1.

зная лично Толстого, умѣлъ оцѣнить его талантъ и собрать свѣдѣнія объ его личности.

Онъ не пропускаетъ ни одного произведенія графа безъ горячихъ похвалъ. Самъ Тургеневъ въ это время уже пользовался обширной популярностью и для начинающаго писателя, какимъ являлся гр. Толстой, отзывы Тургенева были драгоцѣнны. Наконецъ, письмо отъ 16 ноября—настоящая исповѣдь.

Тургеневъ пишетъ:

«Я чувствую, что люблю васъ, какъ человѣка (объ авторѣ и говорить нечего); но многое меня въ васъ коробитъ; и я нашелъ подъ конецъ удобнѣе держаться отъ васъ подальше. При свиданіи, попытаемся опять пойти рука объ руку—авось удастся лучше, а въ отдаленіи (хотя это звучитъ довольно странно)—сердце мое къ вамъ лежитъ, какъ къ брату—и я даже чувствую нѣжность къ вамъ. Однимъ словомъ, я васъ люблю—это несомнѣнно; авось изъ этого современемъ выйдетъ все хорошее».

Тургеневъ переходитъ къ литературнымъ вопросамъ и здѣсь та же искренность, та же задушевность,—на этотъ разъ вмѣстѣ съ безкорыстнѣйшимъ уваженіемъ къ таланту своего соперника.

«Если вы не свихнетесь съ дороги (и кажется, нѣтъ причинъ предполагать это) вы очень далеко уйдете. Желаю вамъ здоровья, дѣятельности—и свободы, свободы духовной».

Тургеневъ оканчиваетъ письмо сравненіемъ своей литературной дѣятельности съ дѣятельностью гр. Толстого и высказываетъ взглядъ, свидѣтельствующій объ исключительномъ самоотверженіи уже прославленнаго писателя: этотъ взглядъ останется неизмѣннымъ до послѣднихъ дней Тургенева и будетъ высказанъ въ предсмертномъ письмѣ къ автору *Войны и мира*.

«Мои вещи могли вамъ нравиться—и, можетъ быть, имѣли нѣкоторое вліяніе на васъ—только до тѣхъ поръ, пока вы сами сдѣлались самостоятельны. Теперь вамъ меня изучать нечего, вы видите только разность манеры, видите промахи и недомолвки; вамъ остается изучать человѣка, свое сердце—и дѣйствительно великихъ писателей. А я писатель переходнаго времени и гожусь только для людей, находящихся въ переходномъ состояніи».

Иванъ Сергѣевичъ пристально слѣдитъ за нравственнымъ и художественнымъ развитіемъ гр. Толстого и привѣтствуетъ «какъ нянька старая» каждый поворотъ къ лучшему—на его взглядъ. Рядомъ съ этими привѣтствіями Тургеневу приходится выносить не мало испытаній. Онъ въ восторгѣ отъ разсказа гр. Толстого: «*Утро помѣщика*». «Нравственное впечатлѣніе» разсказа состоитъ въ томъ, «что пока будетъ существовать крѣпостное право, нѣтъ

возможности сближенія и пониманія обѣихъ сторонъ, не смотря на самую безкорыстную и честную готовность сближенія». Обѣ стороны—это помѣщики и ихъ крѣпостные. Выводъ кажется Тургеневу хорошимъ и вѣрнымъ. Но у гр. Толстого есть еще и другой: «просвѣщать мужика, улучшать его быть — ни къ чему не ведетъ». Съ этимъ Тургеневъ не можетъ согласиться. Естественно, спустя нѣсколько времени онъ принужденъ сознаться: «съ Толстымъ я все-таки не могу сблизиться окончательно: слишкомъ мы врозь глядимъ» ¹¹⁷).

Таковы были отношенія и нѣкоторые *разные* взгляды двухъ писателей во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ. Разногласія и глубокая противоположность натуръ скоро должны были разрѣшиться разрывомъ...

Въ то самое время, когда Тургеневъ съ такой искренностью заботился о сближеніи съ своимъ собратомъ, ему пришлось пережить первое оскорбленіе отъ журнальнаго издателя. Въ началѣ 1857 года Тургеневъ заключилъ съ редакціей «Современника» условіе—помѣщать свои произведенія исключительно въ этомъ журналѣ. Но еще до условія Тургеневъ обѣщалъ редакціи «Русскаго Вѣстника» повѣсть, и, давая обязательство «Современнику», выговаривалъ право—исполнить свое обѣщаніе другому журналу. Въ девятой книгѣ «Современника» появилась повѣсть «Фаустъ». Катковъ печатно заявилъ, что это та самая повѣсть, которую Тургеневъ обѣщалъ доставить въ «Русскій Вѣстникъ», хотя обѣщанное произведеніе авторъ называлъ «Призраками». Тургеневъ счелъ нужнымъ, въ письмѣ къ редактору «Московскихъ Вѣдомостей», разъяснить вопросъ, такъ какъ онъ могъ принять въ глазахъ публики форму, весьма неблагопріятную для его имени, какъ писателя ¹¹⁸).

Въ теченіи этихъ лѣтъ Тургеневу жилось за границей далеко не весело. Его письма переполнены тоской о родицѣ, о друзьяхъ, оставшихся въ далекомъ Петербургѣ. Особенно зима 1856 года оказалась для Тургенева «ужасной». Къ этому времени относятся его жалобы на «цыганскую жизнь»; «не свить мнѣ, видно, гнѣзда нигдѣ и никогда!»—воскликаетъ онъ въ одномъ письмѣ. Въ другомъ настроеніе еще мрачнѣе: «что ни говори, на чужбинѣ точно вывихнутый. Никому не нуженъ—и тебѣ никто не нуженъ. Надо прѣзжать сюда молодымъ, когда еще собираешься только жить—или же старымъ, когда покончилъ жизнь». Дальше читаемъ: «я въ этомъ чужомъ воздухѣ разлагаюсь, какъ мерзлая рыба при

¹¹⁷) Письма, 44, 51.

¹¹⁸) Письма, 40—1, 31.

оттепели». Парижъ ему «солонъ пришелся» и онъ во что бы то ни стало хочеть разстаться съ нимъ. Онъ даже клянется, что съ будущей зимы «всѣ зимы своей жизни» будетъ проводить въ Петербургѣ. Пока онъ разѣзжаетъ изъ Парижа по Франціи «для перемѣны воздуха», но пользы отъ этого никакой не видитъ¹¹⁹). Работа идетъ крайне медленно и, по мнѣнію Тургенева, неудачно. Онъ посылаетъ въ «Библиотеку для чтенія» рассказъ «Поѣздка въ Полѣсье» и пишетъ редакторамъ журнала: «Мнѣ онъ казался такъ слабъ, что я рѣшился прибѣгнуть къ третейскому суду. Если вы сообщая найдете, что это печатать не стоитъ, то бросьте его и извините меня»¹²⁰). Онъ даже намѣренъ совершенно отказаться отъ писательства. Въ одинъ изъ приступовъ мрачнаго настроенія онъ изорвалъ всѣ свои «начинанія и планы». Извѣщая объ этомъ Боткина онъ писалъ: «Скажу тебѣ на ухо съ просьбой не пробалтываться. Ни одной моей строчки никогда напечатано (да и писано) не будетъ до окончанія вѣка... Таланта съ особенной фізіономіею и цѣлостію нѣтъ; были поэтическія струнки, да онѣ прозвучали и отзвучали—повторяться не хочется. Въ отставку! Это не вспышки досады, повѣрь мнѣ; это выраженіе или плодъ медленно созрѣвашаго убѣжденія. Неуспѣхъ моихъ повѣстей ничего мнѣ не сказалъ новаго... Ты, вѣроятно, подумаешь, что все это преувеличеніе, и ты мнѣ не повѣришь. Ты увидишь, я надѣюсь, что я никогда не говорилъ серьезнѣе и искреннѣе. Ты знаешь, что я хотѣлъ бросить стихи писать, какъ только убѣдился, что я не поэтъ, а по теперешнему моему убѣженію, я такой же повѣствователь, какой былъ поэтъ»¹²¹). Мы не разъ и впоследствии встрѣтимся съ подобнымъ отчаяніемъ и такими же завѣреніями. Къ великому счастью русскаго общества отчаяніе оказывалось мимолетнымъ и завѣренія не выполнялись. Но все это далеко не свидѣтельствовало о счастьѣ самаго писателя, — и кто знаетъ, сколько стоило ему мужества и энергіи—среди полного нравственнаго одиночества—личныя неудовлетворенныя стремленія забывать ради творческаго подвига!..

Осенью 1857 года Тургеневъ уѣзжаетъ въ Римъ, рассчитывая спокойно работать.

Надежды сбылись не вполне. Тяжелое настроеніе не покидаетъ Тургенева. Въ концѣ октября онъ пишетъ: «какъ мнѣ тяжело и горько бываетъ, этого я вамъ передать не могу. Работа можетъ

¹¹⁹) *Письма*, 32, 34, 47, 44, 48. Анненковъ. *Шестъ лѣтъ переписки*. В. Е. 1885, март. 9.

¹²⁰) *Письма*, 48.

¹²¹) *XXV лѣтъ*. 1859—1884, стр. 500—501.

одна спасти меня, но если она не дастся, худо будетъ. Прощу-
тилъ я жизнь—а теперь локтя не укусишь» ¹²²).

Никто не посмѣлъ бы высказать такой упрекъ гениальному художнику. Но ему самому казалось, что къ сорокамъ годамъ мало создать «Записки Охотника», «Рудина» и множество другихъ произведений, мало возбудить энергическую работу общественной мысли, сосредоточить на себѣ взоры всей просвѣщенной Россіи, исполненные трепетныхъ ожиданій... Когда мы читаемъ эти упреки писателя самому себѣ, свидѣтельствующіе о неудержимомъ стремленіи наполнить дѣломъ каждый часъ жизни, намъ припоминается юношеская рѣчь другого поэта, горящая тѣмъ же благороднымъ нетерпѣніемъ.

Лермонтовъ на порогѣ своей поэтической дѣятельности писалъ:

Много нужно дѣйствовать; я каждый день
Безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь
Великаго героя, и понять
Я не могу, что значить отдыхать.
Всегда кипить и вѣть что-нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь.
Но что жъ? Мнѣ жизнь все какъ-то коротка,
И все боюсь, что не успѣю я
Свершить чего-то...

Несомнѣнно, такое же безпокойство, такая же боязнь—прожить безплодно драгоцѣнные годы—омрачали мысль Тургенева, и вмѣстѣ съ тоской одиночества не переставали терзать его сердце, исполненное любви и необъятныхъ порывовъ. Онъ ведетъ мужественную борьбу съ своимъ настроеніемъ, старается устранить его изъ своихъ произведений: «Темный покровъ упалъ на меня и обвинилъ меня»¹²³ лишетъ онъ, «не стряхнуть мнѣ его съ плечъ долой. Стараюсь, однако, не пускать эту копотъ въ то, что я дѣлаю; а то кому оно будетъ нужно? Да и самому мнѣ оно будетъ противно» ¹²³).

Тургеневъ часто жалуется на болѣзни, называетъ себя «развалиной», постоянно воспоминаетъ о смерти... Это была истинная мука, но духовная жизнь шла своимъ путемъ. Тургеневъ не перестаетъ горячо интересоваться русской литературой, восхищается римской природой, «упивается» римской исторіей Моммзена, заводитъ знакомство съ художникомъ Ивановымъ, подробно разбираетъ его знаменитую картину, ведетъ жестокую войну съ другими русскими художниками, проживающими въ Римѣ и предающими по-

¹²²) *Шесть лѣтъ переписки. В. Е.* 1885, мрт. 10.

¹²³) *Ть.*, 11.

нопенію Рафаэля и все, кромѣ своего невѣжества, наконецъ, пишетъ одно изъ прелестнѣйшихъ своихъ произведеній, — повѣсть «Ася».

Но это не все. Тургенева задерживаетъ въ Римѣ еще одна работа. Ее онъ считаетъ «довольно серьезной» и не совѣмъ для себя привычной ¹²⁴). Работа была вызвана освободительными планами правительства. Въ ней принимали участіе еще нѣсколько русскихъ—кн. Черкасскій, В. П. Боткинъ, гр. Ростовцевъ. Тургеневъ много лѣтъ спустя писалъ: «Первыя вѣсти о намѣреніи правительства освободить крестьянъ застали насъ въ Римѣ—и мы подъ вліяніемъ этихъ вѣстей устроили сходки, на которыхъ обсуждались всѣ стороны этого жизненнаго вопроса, произносились рѣчи—(особеннымъ краснорѣчіемъ отличался кн. Черкасскій)». Въ результатѣ явилась мысль основать журналъ—«Хозяйственный указатель» ¹²⁵). Въ программѣ говорилось: «Хозяйственный указатель» посвящается спеціальной и подробной разработкѣ всѣхъ вопросовъ, касающихся до устройства крестьянскаго быта въ Россіи, и до опредѣленія правильныхъ и постоянныхъ отношеній между землевладѣльцами». Объяснялось, что онъ вызванъ появленіемъ Высочайшихъ рескриптовъ, и «будетъ дѣйствовать въ ихъ духѣ».

Тургеневъ составилъ записку. Она была представлена на разсмотрѣніе властей; проектъ былъ найденъ «рановременнымъ», изданіе не осуществилось ¹²⁶).

Записка подробно объясняетъ цѣль будущаго журнала. Авторъ начинаетъ заявленіемъ, что дворянское сословіе сопротивляется благимъ намѣреніямъ правительства. Это сопротивленіе вызвано страхомъ и невѣжествомъ. По мнѣнію Тургенева, изъ двадцати помѣщиковъ едва ли пять знакомы—не говоря уже о теоріи—просто «съ нѣсколько разумной практикой земледѣлія, которое ихъ питаетъ». Свѣдѣнія дворянства по части финансовой или административной,—совершенно ничтожны. При такихъ условіяхъ комитеты, учреждаемые правительствомъ, не могутъ помочь дѣлу освобожденія. «Дворянство понесетъ свои предубѣжденія, свой страхъ въ самые комитеты; оно воспользуется всѣми средствами, кото-

¹²⁴) *Иб.*, 18.

¹²⁵) *Письмо къ А. В. Г.* 31 (19) янв. 1881. *Русск. Ст.* т. XL: *И. С. Т.*—въ эпоху трудовъ по крестьянскому вопросу.

¹²⁶) *Записка* напечатана въ *Р. Ст.* XL, въ приложеніи къ октябр. книгѣ. Анненковъ ошибочно полагаетъ, что Тургеневъ съ друзьями занимался въ Римѣ проектомъ народнаго образованія. (*Шестъ лѣтъ перепіски.* В. Е. 1885, март. 18, прим. 1). Этотъ проектъ, какъ увидимъ, возникъ позже и при другихъ обстоятельствахъ.

рыя найдеть подъ рукою для того, чтобы затруднить или замедлить дѣло».

Необходимо, слѣдовательно, разсѣять недоразумѣнія. Къ этой цѣли ведетъ единственный путь—гласность. «Необходимо нужно придти на помощь общественному мнѣнію, дать возможность наукѣ, опытности, знанію возвысить свой независимый и добросовѣстный голосъ, собрать воедино ихъ разрозненныя силы, создать арену, на которой они могли бы сходиться—словомъ, основать журналъ (или газету), исключительно и специально посвященный разработкѣ всѣхъ вопросовъ, касающихся собственно до устройства крестьянскаго быта, и вытекающихъ изъ того послѣдствій».

Журналъ долженъ былъ носить оффиціальныя характеръ, являться «какъ бы адвокатомъ распоряженій правительства», «пояснять его намѣренія». Авторъ записки такъ и называетъ его «правительственнымъ журналомъ», рассчитывая при этомъ на свободу и независимость его сужденій.

Авторъ часто впадаетъ въ восторженный тонъ: очевидно, слухи о реформѣ, взлелѣянной имъ съ первой молодости, произвели на него сильное впечатлѣніе. Вѣрный своему исконному представленію о высокой общественной роли литературы, Тургеневъ обращается къ власти съ такою смѣлою, искреннею рѣчью: «Одинокій мой голосъ былъ бы ничтоженъ, но я увѣренъ, что выражаю единодушное мнѣніе моихъ собратій, когда утверждаю, что всѣ мы готовы идти на встрѣчу правительству, которому покорялись всегда, но которое полюбили только недавно. Мы не желаемъ преувеличивать наше значеніе; но мы чувствуемъ, что мы можемъ быть полезны власти—и мы всѣ проникнуты готовностью быть ей полезными, сослужить ей въ настоящемъ случаѣ полезную службу».

Намъ не трудно опѣнить эту записку во всѣхъ отношеніяхъ: въ ней ярко выразились общественные идеалы Тургенева, его личное настроеніе въ концѣ пятидесятихъ годовъ—въ эпоху его первыхъ романовъ, его характеръ, открытый, мужественный, когда вопросъ шелъ объ убѣжденіяхъ, объ общемъ благѣ. Любопытна одна черта. Тургеневъ, предлагая свои литературныя силы на службу правительству, дѣлалъ то же самое, что было сдѣлано его любимѣйшимъ поэтомъ и наставникомъ двадцать шесть лѣтъ тому назадъ. Не только сходились стремленія обоихъ писателей, даже подробности ихъ проектовъ можно принять за части одного и того же плана. Въ просьбѣ Пушкина, поданной графу Бенкендорфу въ іюнь 1831 года, встрѣчаемъ поразительное сходство въ идеяхъ и выраженіяхъ съ запиской Тургенева.

Пушкинъ также говорилъ не только о самомъ себѣ. Онъ хо-

тѣлъ, чтобы русскимъ писателямъ было позволено руководить общественнымъ мнѣніемъ въ интересахъ просвѣщенной дѣятельности правительства. Онъ надѣялся соединить въ своемъ политическомъ и литературномъ журналѣ — людей полезныхъ и талантливыхъ, «приблизить ихъ къ правительству», управлять взглядами русской публики въ запутанныхъ вопросахъ внѣшней и внутренней политики.

Такую дѣятельность поэтъ считалъ истинно-общественной и государственной службой. Проектъ Пушкина потерпѣлъ ту же участь, какъ и записка Тургенева.

Говоря объ этомъ фактѣ, не можемъ не обратить вниманія на широкіе общественные политическіе замыслы предшественника Тургенева. Этими замыслами жилъ и вдохновлялся поэтъ въ теченіи зрѣлаго періода своей дѣятельности. Сколько же послѣ этого правды въ ходячихъ обвиненіяхъ, направленныхъ противъ Пушкина, какъ противъ жреца чистаго искусства, пѣвца сладкихъ звуковъ и молитвъ! Пусть обвинители и жрецы помнятъ, что достойный учитель Тургенева еще въ ранней молодости выражалъ сожалѣніе о трудѣ цензора, обязаннаго

посвятить безплодное вниманье
На бредни новыя какого-то враля,
Которому досугъ пѣть рощи да поля...

Тургеневъ въ вопросахъ искусства считалъ себя «недостойнымъ» ученикомъ Пушкина, въ вопросахъ общественной мысли могъ смѣло идти по слѣдамъ своего учителя, — конечно, — не въ отдѣльныхъ взглядахъ: многія идеи должны были измѣниться согласно съ самимъ строемъ жизни: дороги Пушкина и Тургенева сходились на глубокомъ интересѣ къ общественному благу и просвѣщенію своей родины.

Изъ Италіи весной Тургеневъ проѣхалъ въ Вѣну, посоветоваться съ знаменитымъ врачомъ на счетъ своихъ недуговъ, побывалъ въ Парижѣ, въ Лондонѣ, а въ августѣ пріѣхалъ въ Петербургъ. Онъ привезъ съ собой новый романъ *Дворянское гнѣздо*. Романъ былъ начатъ за границей и оконченъ весной въ Россіи.

Новый романъ написанъ былъ подъ вліяніемъ настроеній, съ полной ясностью отразившихся въ письмахъ Тургенева. Въ воздухѣ носились вѣянія новаго грядущаго общественнаго строя. Старому крѣпостническому порядку грозила смерть. На арену должны были выступить новые дѣятели, новые интересы, новыя условія личнаго развитія русскаго человѣка. Преемственная связь преданій и основъ жизни порывалась. Новая эпоха открыто несла войну своей предшественницѣ. Только-что процвѣтавшія поколѣнія должны были или войти въ новое теченіе, или посторониться, уступить мѣсто другимъ.

Тургеневъ понималъ этотъ переломъ, видѣлъ тѣни, исчезающія предъ лучами вновь встающаго свѣта, захотѣлъ воплотить эти тѣни въ художественныхъ образахъ и создалъ глубоко-трогательную поэму о томъ, чему суждено было навсегда потонуть въ дали минувшаго. Предъ нами люди отживающаго помѣщичьяго строя. Въ нихъ много душевныхъ свойствъ, достойныхъ гуманной кисти художника: патріархальная любовь къ тихой семейной жизни, рыцарское благородство, наивная мечтательность, простодушная лѣнь, весьма поверхностное знаніе дѣйствительной прозы, извѣстная рѣзкость характера, не мѣшающая сердечному отношенію къ людямъ и ихъ горю.... Это все воплощается въ симпатичныхъ, часто поэтическихъ образахъ. Лаврецкій—истинный герой русскаго *захолустнаго* идиллическаго романа, выросшій на старой почвѣ, еще не знакомой съ другими трудно разрѣшимыми вопросами, не видавшей жестокихъ столкновений безчисленныхъ личныхъ и общественныхъ стремлений и интересовъ, не знавшей всего, что должна была ввести великая реформа въ вѣковую жизнь дворянства...

Идилліи теперь перейдутъ въ область воспоминаній. Лаврецкаго смѣнятъ другіе герои и другіе мечтатели. Объ этихъ *новыяхъ* людяхъ расскажетъ тотъ же художникъ, а пока онъ проводитъ въ вѣчность доброе старое сердечно прочувствованной элегіей.

Естественно, не мало личныхъ чувствъ автора будетъ мелькать на страницахъ романа. Онъ самъ признается, что образъ Лаврецкаго жилъ въ его душѣ одновременно съ личной тоской одинокости, съ мечтами о семьѣ...

Въ романѣ описано свиданіе Лаврецкаго съ старымъ товарищемъ. Товарищъ укоряетъ Лаврецкаго въ лѣни, въ томъ, что онъ байбакъ, проводитъ жизнь въ какомъ-то млѣннн скуки, не умѣетъ найти плодотворной дѣятельности. Лаврецкій защищается слабо, отдѣлывается остроловіемъ отъ самыхъ рѣзкихъ упрековъ Михалевича. Одинъ изъ этихъ упрековъ особенно любопытенъ. Онъ живо напоминаетъ основной мотивъ *Записки*.

«И когда же, гдѣ же вздумали люди обайбачиться?—кричалъ «полтавскій Демосеенъ»:—у насъ! теперь! въ Россіи! когда на каждой отдѣльной личности лежитъ долгъ, отвѣтственность великая передъ Богомъ, передъ народомъ, передъ самимъ собою! Мы спимъ, а время уходитъ; мы спимъ...»

Не слышится ли въ этой страстной рѣчи мучительное сознаніе автора, что первое сословіе государства вяло или прямо враждебно отзывалось на благородныя намѣренія власти? Можетъ быть, здѣсь звучитъ также отголосокъ жалобъ автора на то, что онъ самъ не умѣетъ наполнить свою жизнь значительной дѣя-

тельностью. Жалобы—мы видѣли—несправедливья, но естественныя въ устахъ Тургенева. Можетъ быть, все это объясняетъ намъ изумительную энергію творческой работы въ эту эпоху. Едва вышло *Дворянское гнѣздо*, въ умѣ автора былъ готовъ уже слѣдующій романъ и ровно черезъ годъ было окончено *Наканунъ*.

Дворянское гнѣздо появилось въ первой книгѣ *Современника* за 1859 годъ. Впечатлѣнія публики на этотъ разъ превзошли всѣ ожиданія автора и его друзей, хотя они единодушно одобряли романъ.

Анненковъ, ближайшій свидѣтель событій и признанный самимъ Тургеневымъ цѣнитель его произведеній, сообщаетъ объ единогласномъ сочувствіи, восторгѣ и увлеченіи, которые вызваны были появленіемъ *Дворянскаго гнѣзда*. «На новомъ романѣ автора,—продолжаетъ критикъ,—сошлись люди противоположныхъ партій въ одномъ общемъ приговорѣ; представители разнородныхъ системъ и возрѣній подали другъ другу руку и выразили одно и то же мнѣніе. Романъ былъ сигналомъ повсемѣстнаго примиренія и образовалъ родъ какого-то литературнаго *trève de Dieu*, гдѣ каждый позабылъ на время свои любимыя мнѣнія, чтобы вмѣстѣ съ другими насладиться произведеніемъ и присоединить голосъ свой къ общей и единодушной похвалѣ»¹²⁷).

Съ этого времени за Тургеневымъ окончательно установилась слава первенствующаго и любимаго писателя. Такъ думала публика. Тургеневъ сдѣлался популярнѣйшей личностью въ петербургскихъ салонахъ. Молодые писатели признавали его своимъ руководителемъ и наставникомъ. Женщины не щадили словъ чтобы выразить свой восторгъ предъ новымъ романомъ.

И читательницы дѣйствительно имѣли свой весьма убѣдительный поводъ—привѣтствовать романъ. Мы убѣдимся въ этомъ, когда подробно разберемъ нравственную личность Лизы, оцѣнимъ общественный смыслъ новой героини и опредѣлимъ ея мѣсто среди тургеневскихъ типовъ. Мы увидимъ, что именно Лизой авторъ ознаменовалъ новую полосу въ своемъ творчествѣ, открылъ флангу людей, долженствовавшихъ смѣнить отжившія поколѣнія.

Героиню, стоящую на первомъ планѣ въ этомъ ряду, органически отрипавшую старый порядокъ жизни,—авторъ озарилъ всѣмъ блескомъ своего проникновеннаго таланта,—и Лизу привѣтствовали одинаково и *Отцы и дѣти*. Восторги охватили даже среду, въ то время чаще всего равнодушную къ явленіямъ лите-

¹²⁷) *Наше общество въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» Тургенева. Воспоминанія и критическіе очерки.* С.-Петербургъ. 1879. II, 194. Ср. *Шестъ лѣтъ перелиски.* В. Е., 1885, мрт. 24—5.

ратуры. Высокопоставленные лица считали счастьемъ попасть въ знакомство съ Тургеневымъ. Это—была слава несомнѣнная и прочная, потому что она простиралась на всѣ слои общества.

Иной результатъ вызвалъ романъ въ средѣ литераторовъ съ именемъ, имѣвшихъ основаніе считать себя соперниками Тургенева или рассчитывать на такое же общественное вліяніе. Критикъ Аполлонъ Григорьевъ обратился къ Тургеневу съ энергическимъ заявленіемъ: «Вы не нужный болѣе продолжатель традицій Пушкина въ нашемъ обществѣ»¹²⁸). Жесточайшее огорченіе ждало Тургенева съ другой стороны, отъ автора-романиста.

Гончаровъ до появленія въ свѣтъ романа Тургенева прочелъ въ обществѣ, въ присутствіи Тургенева, часть своего романа *Обрывъ* и рассказалъ его содержаніе. Когда было написано *Дворянское гнѣздо*, авторъ *Обрыва* нашелъ поразительное сходство сюжетовъ въ томъ и другомъ романѣ. Тургеневъ крайне удивился этому открытію, но, согласно указанію Гончарова, выключилъ изъ своего романа одно мѣсто, напоминавшее какую-то подробность въ *Обрывѣ*. Гончаровъ успокоился, но ненадолго. *Наканунъ* снова возбудило его авторское самолюбіе и на этотъ разъ вызвало разрывъ съ Тургеневымъ.

О происхожденіи новаго романа одинъ изъ друзей Тургенева рассказываетъ слѣдующее:

Зимой въ 1858—1859 году Тургеневъ въ кругу близкихъ людей не разъ читалъ отрывки изъ плохой рукописной повѣсти никому неизвѣстнаго автора. Повѣсть не возбуждала у слушателей никакого интереса, но Тургеневъ ею увлекался и, наконецъ, воспользовался ея сюжетомъ для романа. Повѣсть носила названіе *Московское семейство*, изображала событія, дѣйствительно, происшедшія въ Москвѣ. Героиня—красивая барышня, Катерина, незаконная дочь старика-нѣмца—встрѣтилась случайно въ окрестностяхъ Москвы съ молодымъ болгаринимъ, студентомъ университета. Болгаринъ оказался—юношей честнымъ, серьезнымъ, энергическимъ. Катерина его полюбила, но онъ сторонился ея по врожденной дикости. Героиня, прекрасная музыкантша и пѣвица, съ помощью своихъ талантовъ постепенно приручила болгарина. Но любовь не привела къ счастью. Болгаринъ заболѣлъ чахоткой, принужденъ былъ уѣхать въ Италію и здѣсь умеръ. Предъ смертію онъ написалъ Катеринѣ письмо. Катерина въ это время находилась уже въ Парижѣ, куда выпросилась у отца для окончанія своего музыкальнаго образованія, намѣрена была отпра-

¹²⁸) *Молодость И. С. Т.—ва. В. Е.*, 1884, февр. 464.

виться въ Италію къ болгарину. Но всѣ планы ея разрушились извѣстіями о смерти матери и любимаго человѣка ¹²⁹⁾.

Никакого художественнаго таланта въ этой «правдивой исторіи» не было и слѣда. *Московское семейство* нельзя и сравнивать съ романомъ Тургенева; изъ повѣсти въ романъ перенесено нѣсколько общихъ чертъ плана.

Весной 1859 года Тургеневъ былъ уже за границей и на черновой рукописи *Наканунъ* стоитъ слѣдующая надпись: «Начата въ Виши, во вторникъ 28 (16-го іюня) 1859 г.; кончена въ Спасскомъ въ воскресенье, 25-го октября (6-го ноября) 1859 г.; напечатана во 2-й книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за 1860 г.».

Работа за границей происходила при довольно неблагопріятныхъ условіяхъ. Сначала Тургеневъ проѣхалъ въ Парижъ и засталъ здѣсь празднества по случаю окончанія итальянской войны. Наполеонъ III готовилъ колоссальный смотръ—une revue monstre. Всюду гремѣло оружіе и раздавались побѣдные клики. Тургеневъ не могъ переносить патриотическаго шума французовъ. Все его сочувствіе на сторонѣ итальянцевъ, французы—своимъ національнымъ самообожаніемъ—вызываютъ у него жестокія насмѣшки и негодованіе. Наконецъ, онъ рѣшилъ бѣжать изъ французской столицы, поѣхалъ сначала въ Виши, потомъ въ Куршавнелъ—дачу Виардо, прожилъ здѣсь лѣто и осенью отправился въ Россію.

Любопытны письма Тургенева изъ Парижа и Куршавнеля. Они переполнены насмѣшками надъ французами и ихъ цезаремъ, русскій текстъ чередуется съ латинскими фразами, болѣе умѣстными въ разсказѣ о «преторіанско-цезарскомъ празднествѣ». Одна изъ нихъ гласитъ: «maxima similitudo invenire debet между Galliam hujusce temporis et Romam Trajani neanon Caracallae et aliorum Heliogabalorum (разительное сходство должно возникнуть между Франціей нынѣшняго времени и Римомъ Траяна, а также Каракаллы и разныхъ другихъ гелиогабаловъ).

Наканунъ принесло Тургеневу въ отечествѣ не мало непріятностей. Романъ, какъ мы уже знаемъ, былъ напечатанъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Это не могло понравиться Некрасову, редактору *Современника*, тѣмъ болѣе, что онъ употреблялъ всѣ усилія, романъ приобрести въ свой журналъ. Тургеневъ остался твердъ, даже рѣшилъ—ничего больше не печатать въ *Современникѣ* и потребовалъ отъ редакціи окончательнаго разсчета. Последнимъ его вкладомъ въ *Современникъ* была рѣчь *Гамлетъ и Донъ-Кихотъ*, напечатанная въ первой книгѣ за 1860 г. Разрывъ былъ

¹²⁹⁾ *Шестъ лѣтъ переписки. Гв., 23—4.*

неизбѣженъ. Со стороны журнала началось систематическое преслѣдованіе произведеній Тургенева. Цѣль была—убѣдить публику въ томъ, что разрывъ послѣдовалъ изъ-за убѣжденій, совершившихся на идейной почвѣ.

Первую вылазку сдѣлали противъ романа *Рудинъ*: авторъ обвинялся въ угодливости литературнымъ друзьямъ¹³⁰⁾. Тургеневъ немедленно написалъ письмо съ просьбой не помѣщать его имени въ числѣ сотрудниковъ *Современника*. Письмо пересылалось черезъ руки одного изъ друзей и не попало въ редакцію: другъ Тургенева боялся «раздуть пламя». Но редакція рѣшила дѣйствовать. Она сообщила читателямъ, что принуждена была отказаться отъ сотрудничества Тургенева «по разности взглядовъ и убѣжденій» и «уволила его».

Это было вопіющее извращеніе фактовъ. У Тургенева было письмо отъ Некрасова съ самыми блестящими предложеніями. «Я ему отвѣчалъ,—пишетъ Тургеневъ Достоевскому,—что сотрудничать *Современнику* болѣе не буду, ну и выходитъ, что надо сказать публикѣ, что меня прогнали»¹³¹⁾. *Свистокъ*, издававшійся при *Современникѣ*, въ свою очередь, громилъ Тургенева въ куплетахъ: изображался модный писатель, слѣдующій въ хвостѣ странствующей пѣвицы и устраивающій ей оваціи на подмосткахъ провинціальныхъ театровъ за границей. Тургеневъ не стерпѣлъ, вздумалъ публично отвѣчать *Современнику*. Но борьба на этотъ разъ оказалась неравной: журналъ пользовался слишкомъ внушительной популярностью среди молодежи.

Впослѣдствіи Тургеневъ вспомнилъ объ этой борьбѣ въ статьѣ *По поводу «Отцовъ и дѣтей»*. Заканчивая статью, онъ пишетъ: «Еще одинъ послѣдній совѣтъ молодымъ литераторамъ и одна послѣдняя просьба. Друзья мои, не оправдывайтесь никогда, какую бы ни ввели на васъ клевету: не старайтесь разяснить недоразумѣнія, не желайте—ни сами сказать, ни услышать «послѣднее слово». Дѣлайте свое дѣло, а то все перемелется. Во всякомъ случаѣ пропустите сперва порядочный срокъ времени—и взгляните тогда на всѣ прошедшія дрязги съ исторической точки зрѣнія, какъ я попытался сдѣлать теперь. Пусть слѣдующій прижѣръ послужитъ вамъ въ назиданіе: въ теченіе моей литературной карьеры я только однажды попробовалъ «возстановить факты». А именно: когда редакція *Современника* стала въ объявленіяхъ своихъ увѣрять подписчиковъ, что она отказала мнѣ по негодности

¹³⁰⁾ Письма, 84. *Шесть лѣтъ переписки*. В. Е. 1885, мрт. 36.

¹³¹⁾ Письма, 96.

моихъ убѣжденій (между тѣмъ какъ отказалъ ей я, несмотря на ея просьбы, на чтѣ у меня существуютъ письменныя доказательства), я не выдержалъ характера, я заявилъ публично въ чемъ было дѣло—и, конечно, потерпѣлъ полное фіаско. Молодежь еще болѣе вознегодовала на меня... «Какъ смѣлъ я поднимать руку на ея идола! Чтѣ за нужда, что я былъ правъ! Я долженъ былъ молчать! Этотъ урокъ пошелъ мнѣ въ прокъ; желаю, чтобы и вы воспользовались имъ».

Одновременно съ этой исторіей произошло крайне мучительное для Тургенева недоразумѣніе съ Гончаровымъ.

Прочитавъ нѣсколько страницъ новаго романа, Гончаровъ снова вообразилъ, что Тургеневъ воспользовался его матеріаломъ и написалъ ему слѣдующее письмо: «Мнѣ очень весело признать въ васъ смѣлаго и колоссальнаго артиста». Эта похвала сопровождалась ядовитымъ, тоже хвалебнымъ замѣчаніемъ: «Какъ въ человѣкѣ цѣнну въ васъ одну благородную черту — это радушіе и снисходительность, пристальное вниманіе, съ которымъ вы выслушиваете сочиненія другихъ, и, между прочимъ, недавно выслушали и расхвалили мой ничтожный отрывокъ все изъ того же романа, который былъ вамъ разсказанъ уже давно въ программѣ».

Одновременно съ письмомъ распространились слухи, что *Наканунъ* заимствовано изъ неизданнаго романа Гончарова *Обрывъ*. Тургеневъ потребовалъ третейскаго суда. Въ судьи были выбраны Дудышкинъ, Дружининъ и Анненковъ. Всѣ они единогласно рѣшили: «произведенія Тургенева и Гончарова, какъ возникшія на одной и той же русской почвѣ—должны были тѣмъ самымъ имѣть нѣсколько схожихъ положеній, случайно совпадать въ нѣкоторыхъ мысляхъ и выраженіяхъ, что оправдываетъ и извиняетъ обѣ стороны».

Гончаровъ, по словамъ одного изъ судей, остался доволенъ этимъ рѣшеніемъ. Но на Тургенева весь этотъ процессъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Очевидецъ описываетъ такую сцену:

«Лицо его покрылось болѣзненной блѣдностью; онъ пересѣлъ на кресло и дрожащимъ отъ волненія голосомъ произнесъ слѣдующее. Я помню каждое его слово, какъ и выраженіе его фізіономіи, ибо никогда не видѣлъ его въ такомъ возбужденномъ состояніи. «Дѣло наше съ вами, Иванъ Александровичъ, теперь кончено; но я позволю себѣ прибавить къ нему одно послѣднее слово. Дружескія наши отношенія съ этой минуты прекращаются. То, что произошло между нами, показало мнѣ ясно, какія опасныя послѣдствія могутъ являться отъ пріятельскаго обмѣна мыслей, простыхъ довѣрчивыхъ связей. Я остаюсь поклонникомъ ва-

шого таланта и, вѣроятно, еще не разъ мнѣ придется восхищаться имъ, вмѣстѣ съ другими, но сердечнаго благорасположенія, какъ прежде, и задушевной откровенности между нами существовать уже не можетъ съ этого дня»¹³²⁾.

Примиреніе состоялось въ 1864 году на похоронахъ Дружинина, но прежнія добрыя отношенія возстановиться не могли. Это не мѣшало Тургеневу приходить въ восторгъ отъ произведеній Гончарова,—даже вскорѣ послѣ ссоры онъ «умилился» отрывкомъ, напечатаннымъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*¹³³⁾. *Обрывъ* не произвелъ на Тургенева такого впечатлѣнія: Тургеневъ не могъ помириться съ длиннотами, съ малосодержательными разговорами и разсужденіями. Но въ то же время Тургеневъ не могъ подвергать порицанію личныя странности Гончарова, объяснялъ ихъ «нездоровьемъ и слишкомъ исключительно-литературной жизнью». Когда вопросъ зашелъ о сборникѣ, Тургеневъ съ обычной своей скромностью писалъ: «Прекрасно дѣлаютъ издатели *Складчины*, что начинаютъ съ Гончарова, если это ему можетъ доставить удовольствіе. Меня могутъ помѣстить гдѣ угодно»¹³⁴⁾.

Публика встрѣтила *Наканунъ* съ живѣйшимъ интересомъ, но этотъ интересъ далеко не всегда оказывался въ пользу автора. Тургеневъ вывелъ на сцену новыхъ людей, прежде всего новую женщину, исполненную смѣлыхъ общественныхъ стремленій, горящую энтузіазмомъ предъ идеями свободы и борьбы за угнетенныхъ, умѣющую слить самоотверженное чувство любви съ жаждой обширной дѣятельности. Елена совершенно другого нравственнаго склада, чѣмъ обычныя героини русскихъ романовъ того времени. Естественно, она должна была вызвать недоумѣніе у неподготовленныхъ читателей. Не могла всѣмъ нравиться также героическая роль болгарина, исключительное вниманіе, какое авторъ удѣляетъ далекой чужой націи. Особенно много укоровъ Тургеневъ

¹³²⁾ *Шестъ лѣтъ переписки*. П. 39.—Письмо Гончарова о *Наканунъ* написано 3 марта 1860 г., а 13 марта Тургеневъ сообщилъ Фету, что онъ читалъ свою повѣсть *Первая любовь*—«ареопагу, состоявшему изъ Островскаго, Писемскаго, Анненкова, Дружинина и Майкова», и что «приглашенный Гончаровъ пришелъ пять минутъ по окончаніи чтенія». Повѣсть была окончена въ теченіи недѣли, предшествовавшей 13-му марта, т. е. приблизительно считая съ 6-го марта. Слѣдовательно, Тургеневъ даже послѣ письма Гончарова не думалъ вступать съ нимъ въ пререканія и только слухи, въ которыхъ несомнѣнно долженъ былъ принимать участіе авторъ *Обрыва*, вызвали въ немъ рѣшимость покончить вопросъ третейскимъ судомъ. Письмо къ Фету. *Мои воспоминанія*. I, 321.

¹³³⁾ *Шестъ лѣтъ переписки*. В. Е. 1885, апр., 479.

¹³⁴⁾ *Письма*, 151, 145, 227. *Русск. Ст.* XL, 212.

слышалъ отъ лицъ высшаго общества, менѣе всего способныхъ примириться съ основными мотивами романа.

Одна изъ читательницъ повергла Тургенева въ безысходное недоумѣніе. Она, по его словамъ, «неопровержимо доказала», что романъ «никуда не годится, фальшивъ и ложенъ отъ А до Z». Тургеневъ серьезно сталъ думать—не бросить-ли его въ огонь. Онъ призываетъ къ себѣ друга, чьимъ мнѣніемъ привыкъ дорожить, и предлагаетъ вмѣстѣ съ нимъ разобрать замѣчанія читательницы. «Она,—пишетъ Тургеневъ,—безъ всякаго преувеличенія поселила во мнѣ отвращеніе къ моему продукту—и я, безъ всякихъ шутокъ, только изъ уваженія къ вамъ и вѣря въ вашъ вкусъ, не тотъ же часъ уничтожилъ мою работу. Приходите-ка, мы потолкуемъ—и, можетъ быть, и вы убѣдитесь въ справедливости ея словъ. Лучше теперь уничтожить, чѣмъ впослѣдствіи бранить себя. Я все это кончу не безъ досады, но безъ всякой желчи, ей-Богу. Жду васъ и буду держать огонь въ каминѣ»¹³⁵).

Романъ все-таки былъ спасенъ. Автору не трудно было убѣдиться, что отрицательные приговоры были вызваны необычною темой романа, его общественнымъ и политическимъ содержаниемъ. Для читателей и особенно читательницъ сляніе поэзіи съ такими задачами казалось еще слишкомъ страннымъ, неестественнымъ. Тургеневъ переживалъ настроеніе публики, напоминавшее зрѣлый періодъ литературной дѣятельности его учителя.

Пушкину стоило великихъ усилій—пріучить читателей къ реализму и простотѣ въ искусствѣ. Читатели встрѣчали съ восторгомъ романтическія поэмы въ родѣ *Бахчисарайскаго фонтана*, *Кавказскаго пленника*: все здѣсь было такъ живописно и эффектно. Но *Евгеній Онегинъ* вызвалъ разочарованіе: образованнѣйшіе представители современной публики заговорили объ упадкѣ таланта Пушкина, и онъ долженъ былъ доказывать, что въ будничной жизни есть своя поэзія, долженъ былъ не только творить, но и поднимать читателей до уровня своего творчества. Съ такимъ трудомъ достается борцамъ идеи каждый новый шагъ!..

Но у Тургенева нашлись также и горячіе защитники. Однимъ изъ первыхъ высказался едва ли не самый суровый судья автора, его пріятель Боткинъ. На этотъ разъ онъ былъ совершенно удовлетворенъ. Преимущественно его восхищали поэтическія достоинства романа. «Какіе озаряющіе предметы эпитеты!»—восклидалъ Боткинъ,—«да, солнечные эпитеты, неожиданныя, вдругъ раскрывающіе внутреннія перспективы предметовъ». Въ заключеніе кри-

¹³⁵) *Шесть лѣтъ переписки*. Гв. мрт., 31.

тѣхъ находить, что повѣсть на читателей «повѣтъ ароматомъ лучшихъ цвѣтовъ жизни»¹³⁶). Добролюбовъ написалъ также восторженную статью: самъ авторъ признавалъ похвалы критика «самыми горячими», но и «самыми незаслуженными». Этотъ фактъ имѣлъ особенное значеніе: критикъ *Современника* оказывался на сторонѣ поклонниковъ романа. На этого же самого критика Тургеневъ жаловался по поводу отзыва о *Рудинѣ*. И здѣсь, какъ и всегда, самый неблагоприятный приговоръ не могъ вызвать у Тургенева злобы и ненависти. Тургеневъ продолжалъ «высоко цѣнить Добролюбова, какъ человѣка и какъ талантливаго писателя». Онъ горько сѣтуетъ на болѣзнь критика и по смерти его пишетъ: «огорчила меня смерть Добролюбова, хотя онъ собирался меня съѣсть живьемъ»¹³⁷). Эта способность личныя отношенія отдѣлять отъ вопроса о талантѣ и значеніи писателя—неотъемлемая заслуга Тургенева,—заслуга, столь рѣдкая у людей на какомъ бы то ни было поприщѣ дѣятельности.

Большинство публики, несомнѣнно, понимало намѣренія Тургенева и оцѣнило его дѣятельность. Имя Ивана Сергѣевича сдѣлало возбудить сильнѣйшій интересъ русскихъ читателей къ дѣлу, совершенно новому и неожиданному. Этотъ интересъ—превосходный показатель популярности Тургенева въ эпоху его двухъ первыхъ романовъ.

Въ 1859 году, по мысли Дружинина, былъ основанъ литературный фондъ. «Тургеневъ,—говорить ближайшій свидѣтель,—вложилъ всю свою душу для доставленія ему успѣха; онъ устраивалъ блестящіе литературные вечера, ѣздилъ съ тою же цѣлью въ Москву, и всякій разъ появленіе его на эстрадѣ сопровождалось громаднымъ стеченіемъ публики и энтузіастическимъ приѣмомъ чтеца».

Материальная помощь, доставленная фонду Тургеневымъ, была «чрезвычайно значительна». Ему молодое учрежденіе въ высшей степени обязано своимъ развитіемъ. Для доказательства достаточно одного факта.

Въ январѣ 1860 года, на вечерѣ литературнаго фонда, Тургеневъ произнесъ свою знаменитую рѣчь *Гамлетъ и Донъ-Кихотъ*. Немного спустя Иванъ Сергѣевичъ поѣхалъ въ Москву, устроилъ здѣсь литературный вечеръ, выхлопоталъ позволеніе для Островскаго — прочесть отрывки изъ комедіи *Свои люди—сочтемся*, и повторилъ свою рѣчь. Очевидецъ пишетъ: «надобно было присутствовать, чтобы понять впечатлѣніе, произведенное его выходомъ,

¹³⁶) Фетъ. *Мои воспом.* I, 323.

¹³⁷) *Шестъ лѣтъ переписки*. Ib. апр., 502.

Онъ долго не могъ начать чтеніе, встрѣченный шумными, громкими рукоплесканіями и даже нѣсколько смутился отъ такого приѣма, доказавшаго, что онъ былъ въ то время нашъ излюбленный беллетристъ. Особенное чувство высказывали тѣ посѣтители, которые, будучи очень хорошо знакомы съ его сочиненіями, впервые лицомъ къ лицу увидали сочи вителя. Короче, львиная часть овацій досталась на долю Тургенева и вполне заслуженно». Въ результатѣ въ комитетъ литературнаго фонда было выслано 1.220 р. 50 к. и Тургеневъ писалъ: «Комитетъ долженъ быть доволенъ мною»¹³⁸).

Тургеневъ не ограничился денежной поддержкой фонду. Ему пришлось вести продолжительную полемику съ писателемъ, нападавшимъ на литераторовъ вообще и питавшимъ «презрѣніе» къ литературному фонду. Такимъ писателемъ оказался Фетъ. На его выходки противъ литераторовъ Тургеневъ отвѣчалъ: «Что вамъ не нравится званіе «литераторъ»,—это вашъ конекъ, а жизнь научила меня обходиться съ чужими ковычками почтительно; по моему, «литераторъ» такое же званіе или опредѣленіе рода занятій, какъ «сапожникъ» или «пирожникъ». Но есть пирожники хорошіе и дурные, и литераторы тоже».

Въ другой разъ Тургеневъ, невольно теряя терпѣніе, выражается гораздо энергичнѣе: нападки Фета на литераторовъ и фондъ онъ называетъ прямо «возмутительными». Фетъ, дѣйствительно, писалъ странныя вещи. Объ его практическихъ свѣдѣніяхъ на счетъ литераторовъ можно судить по слѣдующему письму Ивана Сергѣевича:

«Вы пишете, что «не шутя не знаете ни одного бѣднаго литератора!» Это происходитъ оттого, что вы ихъ вообще мало знаете. Укажу вамъ на одинъ примѣръ. Недавно А. Н. Аванасьевъ умеръ буквально отъ голода, а его литературныя заслуги будутъ помниться тогда, когда напи съ вашими, любезный другъ, давно уже пожрутца мракомъ забвенія. Вотъ на такіе-то случаи и полезенъ намъ бѣдный, вами столь презираемый фондъ». Естественно со стороны Тургенева обратиться къ своему противнику съ такимъ пожеланіемъ: «Было бы великимъ счастьемъ, если бы дѣйствительно *бы* были самымъ бѣднымъ русскимъ литераторомъ»¹³⁹).

¹³⁸) О московскомъ вечерѣ сообщаетъ Галаховъ (*Соржковские годы, Ист. В. XLVII, 140—141*) и Анненковъ (*Шестъ лѣтъ переписки, ib., мрт., 34—5*). Галаховъ вечеръ относитъ къ 10-му января 1861 г., Анненковъ—говоритъ о январѣ 1860. Сообщение Анненкова слѣдуетъ считать болѣе достовѣрнымъ, потому что рѣчь появилась въ январской книгѣ *Современника* за 1860 годъ.

¹³⁹) Фетъ. *Мои восп.* II, 212, 246, 255.

У Тургенева въ это время было не мало заботъ, несравненно болѣе серьезныхъ, чѣмъ споръ съ Фетомъ. Время крестьянской реформы приближалось. Настроеніе русскаго общества становилось съ каждымъ днемъ безпокойнѣе, ожиданія мучительнѣе. Всевозможныя догадки на счетъ будущаго, проекты важныхъ новыхъ мѣръ и преобразованій возникали безпрестанно. Просвѣщенными классами овладѣла жажда общественной и политической дѣятельности. Еще въ концѣ сороковыхъ годовъ Бѣлинскій писалъ объ оживленіи, проникшемъ въ литературу, о статьяхъ и статейкахъ на новыя темы, о терпимости администраціи къ этимъ темамъ. «Видво по всему», прибавилъ Бѣлинскій, «что патриархально сонный быть визжитъ и надо взять иную дорогу»¹⁴⁰⁾.

За послѣдніе годы это движеніе успѣло разростись и окрѣпнуть. Цензура оказывалась безсильной сдерживать его и у нея было опредѣленнаго пути—воздѣйствовать на литературу и общественное мнѣніе. Кромѣ того, возникали опасенія—крутыми мѣрами повредить дѣлу освобожденія крестьянъ. При такихъ условіяхъ неминуемо должно было явиться множество частныхъ добровольныхъ проектовъ, свидѣтельствовавшихъ о крайнемъ возбужденіи общественной мысли.

Тургеневъ не могъ не идти во главѣ этого движенія. Мы знакомы съ его проектомъ—создать журналъ или газету для выясненія вопросовъ, вызванныхъ предстоящей реформой. Этотъ органъ предназначался для просвѣщенія дворянства, вообще дѣйствующихъ классовъ общества. Теперь вниманіе Тургенева обращено въ другую сторону, на крестьянъ.

Лѣто наканунѣ реформы Тургеневъ жилъ за границей, сначала въ Парижѣ, потомъ въ Содепѣ, въ августѣ переѣхалъ въ Англію и поселился на островѣ Уайтѣ на весь сезонъ морскихъ купаній. Въ его умѣ зрѣли планы новаго романа, но пока онъ ничего не предпринималъ. Въ Германіи онъ встрѣтился съ малорусской писательницей—Марко - Вовчокъ. Ея рассказы изъ крѣпостнаго быта пользовались большимъ сочувствіемъ публики, Тургеневъ перевелъ ихъ на русскій языкъ и былъ въ восторгѣ отъ самого автора: «это—прекрасное, умное, честное и поэтическое существо», писалъ онъ подъ первымъ впечатлѣніемъ. Интересъ Тургенева распространялся на весь кружокъ малорусскихъ писателей, на ихъ органъ *Основу*, на ихъ стремленія—поднять языкъ родины, развить ея культуру и поставить ее въ дружескія, а не подчиненныя только отношенія къ Великоруссіи. Тургеневъ искалъ

¹⁴⁰⁾ *Анненковъ и его друзья*, 603.

знакомства съ поэтомъ Шевченко, высказывалъ искреннее сочувствіе къ его прошлымъ страданіямъ и его таланту,—хотя увлеченія малорусскаго поэта Запорожьемъ, гайдамачиной, казацкимъ удальствомъ были совершенно чужды Тургеневу, возбуждали у него добродушныя насмѣшки.

Тургеневъ, принявъ горячее участіе въ семьѣ г-жи Марковичъ (настоящая фамилія Марко-Вовчокъ), едва-ли не съ первой встрѣчи открылъ, что «ей не совсѣмъ легко жить на свѣтѣ». Почти въ каждомъ письмѣ онъ говоритъ объ ея дѣлахъ, заботится о службѣ ея мужа, помѣщаетъ ея сына въ одинъ изъ парижскихъ пансіоновъ. Но г-жа Марковичъ всѣ услуги Тургенева принимала какъ нѣчто должное и отличалась изумительной способностью—сорить деньгами. Тургеневъ сначала только удивлялся, но потомъ его готовность оказывать совершенно бесполезныя благодѣянія—охлаждала.

На Уайтѣ собралось довольно многочисленное общество русскихъ. Тургеневъ за романъ не принимался, время проходило въ бесѣдахъ,—и здѣсь возникла мысль основать «Общество для распространенія грамотности и первоначальнаго обученія». Тургеневъ составилъ программу просвѣщенія народа съ помощью имущихъ и развитыхъ классовъ всего государства. Программа обсуждалась по вечерамъ выборными лицами отъ русской колоніи, передѣлывалась, исправлялась и послѣ многихъ преній была принята. Потомъ былъ составленъ циркуляръ, при немъ «проектъ» предполагалось разослать всѣмъ выдающимся лицамъ обѣихъ столицъ—художникамъ, литераторамъ, ревнителямъ просвѣщенія и вліятельнымъ особамъ.

Проектъ не касался подробностей, не разбиралъ, какими путями можно было создать множество учебныхъ заведеній, учителей, не указывалъ, откуда должны были исходить распоряженія, кому предстояло покрыть Россію народными училищами. Вообще, практическіе вопросы оставались въ сторонѣ. Это было одной изъ основныхъ чертъ всевозможныхъ преобразовательныхъ плановъ, возникавшихъ въ русскомъ обществѣ наканунѣ крестьянской реформы. Проекты неизмѣнно свидѣтельствовали о добрыхъ, патріотическихкихъ стремленіяхъ авторовъ, о великихъ ожиданіяхъ въ виду новаго грядущаго строя, о восторженной вѣрѣ въ могущество идей, но опредѣлить подробности пракческаго примѣненія этихъ идей предоставлялось всякому желающему, или случайному стеченію обстоятельствъ.

Тургеневъ дѣятельно принялся за распространеніе своего проекта. Циркуляры разсылались, въ нихъ выражалась надежда, что

всѣ образованные русскіе сочтутъ долгомъ вступить въ общество, или, по крайней мѣрѣ, сообщать свои соображенія на счетъ проекта—и не откажутся придать ему возможно широкую гласность. Авторъ проекта настоятельно желалъ знать «мнѣніе всей Россіи» о столь важномъ предпріятіи.

Большинство получившихъ циркуляръ изъявило желаніе вступить въ члены Общества, но нѣкоторые требовали большей ясности въ подробностяхъ, большаго вниманія къ особымъ условіямъ русской жизни.

Проекту не суждено было дожить до практическаго осуществленія. Вскорѣ наступившія событія устранили со сцены всякія частныя предпріятія. Идея тургеневскаго общества перешла въ область воспоминаній, осталась одной изъ историческихъ чертъ, характеризующихъ великаго писателя и все русское общество накануне шестидесятихъ годовъ ¹⁴¹⁾.

Эти годы до самыхъ основъ всколыхнули русскую дѣйствительность и въ жизни нашего писателя отразились событіями перво-степенной важности.

Ив. Ивановъ.

(Продолженіе слѣдует).

¹⁴¹⁾ *Шесть мѣтъ переписки. Гв. апр. 473. Фетъ. Мои восп. I, 348.*

Нѣсколько соображеній о температурѣ солнца, на основаніи опытовъ съ большимъ зажигательнымъ зеркаломъ.

Проф. В. Цераскаго.

§ 1.

На послѣдней парижской выставкѣ, въ оптическомъ отдѣлѣ, невольно обращало на себя вниманіе величиною и совершенствомъ отдѣлки вогнутое зеркало, выставленное оптиками Gettliffe et Simon. Оно появилось затѣмъ на французской выставкѣ въ Москвѣ. Благодаря стараніямъ директора физическаго отдѣла Политехническаго музея А. Хр. Репмана, это рѣдкое произведеніе современнаго оптическаго искусства было приобрѣтено для музея, и въ маѣ прошлаго года я получилъ разрѣшеніе взять его на нѣкоторое время въ университетскую астрономическую обсерваторію и сдѣлать съ нимъ рядъ опытовъ.

Эти опыты послужатъ темой настоящаго сообщенія.

Зеркало сильно вогнутое, такъ что лучи солнца, падающіе на всю его поверхность, собираются на очень сравнительно небольшомъ пространствѣ въ его фокусѣ, гдѣ температура и доходитъ до весьма значительной высоты. По этой причинѣ, подобныя зеркала называются зажигательными.

Я полагаю, что жаръ, наблюдаемый въ фокусѣ зеркала, можетъ служить наилучшимъ образомъ исходною точкою для соображеній о температурѣ солнца.

Это можетъ показаться немного страннымъ; въ самомъ дѣлѣ, температурою солнца занимались въ послѣднее время многіе отличные ученые, прибѣгая къ сложнымъ опытамъ и труднымъ теоретическимъ выводамъ, а отъ зеркала вѣдетъ простотой и стариной. Дѣйствительно, если и невѣрно, что Архимедъ сжегъ посредствомъ зеркалъ римскій флотъ, то зажигательныя зеркала были уже у Рожера Бекона, а съ самаго начала семнадцатаго вѣка со-

ставляли довольно обычный предметъ въ коллекціяхъ итальянскихъ принцевъ; наконецъ, опыты Бюффона всѣмъ извѣстны.

Постараемся же прежде всего составить себѣ понятіе о современномъ состояніи интересующаго насъ вопроса.

§ 2.

Для нахождения температуры солнца прибѣгали къ разнымъ способамъ. Одни опредѣляли нагрѣваніе воды или ртути въ сосудѣ, выставленномъ на непосредственное дѣйствіе лучей солнца, другіе старались вычислить температуру, необходимую для бурныхъ явленій, наблюдаемыхъ на поверхности самого солнца, иные сравнивали солнце съ разными раскаленными тѣлами или вольтовой дугою и т. д.

Изъ многочисленныхъ опредѣленій приведемъ нѣсколько самыхъ характерныхъ. Въ первой колоннѣ даны имена ученыхъ, во второй—найденныя ими температуры солнца въ градусахъ Цельзія:

Пулье	1.600°
Секки	5.000.000°
Цельнеръ	61.000°
С. К. Девиль.....	2.500°
Виоль (1877 г.).....	1.500°
Викеръ (1877 г.).....	1.400°
Сименсъ	3.000°

Едва ли пришло бы кому-нибудь въ голову, глядя на эти числа, собственно говоря, не имѣющія ничего общаго другъ съ другомъ, подумать, что они представляютъ разныя опредѣленія одной и той же величины.

Цифра, данная знаменитымъ патеромъ Секки, должна быть со всѣмъ отброшена: дѣйствительно, свои опыты онъ вычислилъ по двумъ разнымъ формуламъ, одна изъ нихъ дала температуру равную пяти милліонамъ, другая равную 1.400 градусамъ. Подобное вопіющее разногласіе уничтожаетъ всякое довѣріе къ выводу.

Цельнеръ получилъ свой результатъ, предполагая извѣстнымъ строеніе солнечной оболочки и выступовъ. Предположенія его доказаны быть не могутъ и цифра не заслуживаетъ довѣрія. С. К. Девиль основывался на температурахъ, имѣющихъ мѣсто при химическихъ реакціяхъ и его выводы кажутся убѣдительными. Но самыми основательными и учеными приходится считать разсужденія Виоля, судя по старательности и остроумію, съ которыми была сдѣлана его работа, заслужившая денежное поощреніе парижской академіи. А между тѣмъ, опредѣленная имъ температура солнца невѣрна, и чтобы доказать это, достаточно будетъ повторить старинный опытъ съ новымъ зеркаломъ.

§ 3.

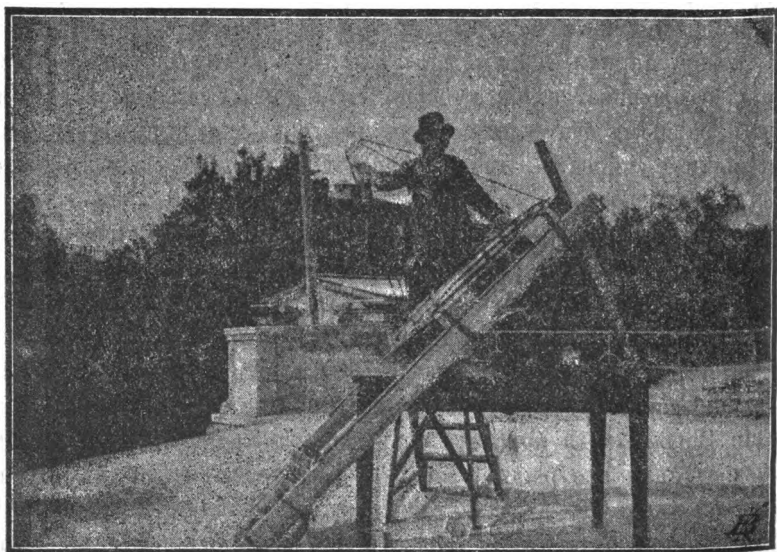
Въ теоретической физикѣ доказывается,—это, впрочемъ, понятно и само собою,—что въ фокусѣ зеркала или стекла температура не можетъ быть выше температуры самого источника, т.е. въ разсматриваемомъ случаѣ солнца.

Посмотримъ же, до какого напряженія доходитъ жаръ въ фокусѣ нашего зеркала.

Скажемъ сначала нѣсколько словъ о самомъ зеркалѣ.

Отверстіе его равно 970 миллиметрамъ, фокусное разстояніе тоже 970 милл. Оно стеклянное, задняя поверхность его амальгамирована. Радиусъ кривизны передней поверхности стекла меньше радиуса кривизны задней, амальгамированной, поверхности, такъ что края сравнительно очень толстые, а середина зеркала тонкая. Этимъ достигается такое значительное уменьшеніе сферической aberrации, что въ фокусномъ изображеніи луны видны нѣкоторые лунные кратеры. Это, вѣроятно, самое совершенное по формѣ зажигательное зеркало изъ всѣхъ, какія когда-либо существовали. Но сферическая aberrация возрастаетъ чрезвычайно быстро при удаленіи отъ оптической оси, такъ что, производя опыты съ солнцемъ, надо аккуратно направлять зеркало на него. Изображеніе солнца имѣетъ, приблизительно, величину 15-ти-копѣечной монеты. Въ предѣлахъ кружка такой величины и существуетъ та высокая температура, о которой мы желаемъ составить себѣ понятіе.

Прилагаемая картинка изображаетъ зеркало въ моментъ производства опыта, на западной террасѣ обсерваторіи.

Зеркало вставлено въ простую деревянную раму на шарнирахъ и уравновѣшено кирпичами, наложенными на низъ рамы. Наблюдатель держитъ въ фокусѣ кусокъ тѣла, подвергаемаго плавленію, просто щипчиками или на кускѣ желѣзной проволоки; его глаза защищены отъ ослѣпительнаго блеска темными очками, какіе употребляются при электрическихъ установкахъ.

Мои опыты плавленія я началъ прямо съ платины, точка плавленія которой равна 1.775° С.

Въ фокусѣ нашего зеркала она плавится почти моментально. Одного такого опыта, продолжительностью въ нѣсколько десятковъ секундъ, совершенно достаточно для того, чтобы доказать разнавсегда, что температура солнца не можетъ быть ниже 1.775 градусовъ, и что всѣ опредѣленія, какъ и кѣмъ бы они ни были сдѣланы, если только дадутъ меньшую температуру, ошибочны и несостоятельны.

Затѣмъ, я такъ же легко расплавилъ разные образцы тугоплавкой глины, куски тугоплавкихъ тиглей, употребляемыхъ въ химическихъ лабораторіяхъ, корундъ, желѣзный блескъ съ Эльбы, прокаленный бериллъ, гранитъ изъ Кременчугскаго уѣзда, цирконъ и силлиманитъ изъ Делавара.

Оставалась негашеная известь. Она прежде кристаллизуется при температурѣ 2.500 С и затѣмъ уже плавится. Довести ее до кристаллизаціи въ фокусѣ зеркала нетрудно. Очень скоро послѣ начала опыта на поверхности извести показываются блестящія; разсматривая въ лупу, послѣ охлажденія, увидимъ, что поверхность покрылась прозрачною щетинкой маленькихъ кристалликовъ.

Въ фокусѣ зеркала, а слѣдовательно и на солнцѣ, температура не ниже 2.500° С.

Расплавить известь, помѣщая ее прямо въ фокусѣ, мнѣ не удалось, хотя я полагаю, что это и будетъ возможно въ болѣе ясный и сухой день, чѣмъ тѣ, когда производились опыты. Я говорю: помѣщая просто въ фокусѣ, ибо, собравъ лучи солнца въ болѣе тѣсный кружокъ, при помощи небольшой стеклянной чечевицы, я получилъ несомнѣнные признаки плавленія извести; чечевица при этомъ лопається.

Такъ какъ вышеупомянутое положеніе физики справедливо всегда, при всякихъ способахъ концентраціи, и известь плавится при 3.000° С, какъ это показалъ недавно Муассанъ въ Парижѣ, при помощи своей электрической печки, то температура солнца не можетъ быть ниже 3.000° .

Температура разныхъ точекъ солнца должна быть весьма различна; мы можемъ составить себѣ понятіе лишь о средней тем-

пературѣ и притомъ наружныхъ слоевъ, непосредственно посылающихъ намъ свои лучи.

Замѣтимъ, что уголь, какъ теперь оказывается, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ не плавится, а прямо переходитъ изъ твердаго въ газообразное состояніе.

Изъ нашихъ опытовъ вытекаетъ слѣдующее положеніе: въ фокусѣ зеркалъ или другихъ снарядовъ, концентрирующихъ солнечные лучи, температура можетъ достигнуть 3.000° ; причемъ плавятся всѣ извѣстныя намъ тѣла. Это есть низшій предѣлъ температуры солнца: на солнцѣ не можетъ быть меньше 3.000° , во можетъ быть гораздо больше.

Важно было бы повторить опыты съ металлическимъ зеркаломъ, на вершинѣ высокой горы, въ ясный и сухой день, чтобы ослабить поглощающее вліяніе земной атмосферы и уничтожить потерю лучей въ толщѣ стекла.

Обращаю вниманіе читателей на то, что этотъ способъ достиженія высокихъ температуръ есть очень простой и, такъ сказать, пріятный, и что, вѣроятно, было бы удобно воспользоваться имъ и при другихъ ученыхъ изысканіяхъ.

Не разъ старались уловить нагрѣваніе лучами луны и опредѣлить температуру ея поверхности, пользуясь для этого сильными собирающими лучи приспособленіями и самыми чувствительными термометрическими аппаратами. Выводы, сдѣланные на основаніи подобныхъ наблюденій, нужно подвергнуть новому пересмотру, принимая во вниманіе вышесказанное. Можетъ быть, было упущено изъ виду, что, если температура луны такая же, какъ температура нашей земли и атмосферы, т.-е. среды, въ которой помѣщаемся мы съ нашими снарядами, или ниже ея, то никакими способами нельзя достигнуть хотя какого-нибудь повышенія температуры. И если бы замѣчалось нагрѣваніе, то его нужно было бы приписать лучамъ солнца, отраженнымъ отъ луны, а не лучамъ, испускаемымъ самою ея поверхностью.

Однимъ словомъ, вдумываясь въ то, какъ и при какихъ обстоятельствахъ можно надѣяться добиться замѣтнаго нагрѣванія въ фокусѣ, увидимъ, что слѣдуетъ концентрировать лучи луны помощью металлическихъ зеркалъ, въ самую морозную, ясную зимнюю ночь, сейчасъ послѣ начала полнаго луннаго затменія. Прямо отраженныхъ лучей солнца тогда не будетъ, а поверхность луны, не успѣвшая еще охладиться, можетъ быть замѣтно теплѣе мѣсто знаго окружающаго насъ воздуха.

§ 4.

Теперь мы можемъ сдѣлать еще шагъ впередъ, и притомъ шагъ значительный.

Попробуемъ собрать при помощи нашего зеркала лучи сильного источника теплоты, температура котораго намъ извѣстна. Посмотримъ, много ли лучей собираетъ зеркало, и насколько разнится температура въ его фокусѣ отъ температуры самаго источника.

Для нашей цѣли удобнѣе всего воспользоваться вольтовой дугою. Въ ней есть раскаленные твердые, жидкія и газообразныя тѣла, ея температура довольно хорошо извѣстна и колеблется между 3.000° и 3.500° . Можетъ показаться неожиданнымъ это приблизительное совпаденіе температуры дуги съ найденною нами прежде; совпаденіе это не случайное, и въ фокусѣ зеркала, и въ вольтовой дугѣ она обуславливается точкою плавленія самыхъ тугоплавкихъ тѣлъ.

Поставивъ дугу на такомъ разстояніи отъ зеркала, чтобы ея изображеніе въ фокусѣ имѣло величину изображенія солнца, и внося разныя легкоплавкія тѣла въ фокусъ, мы убѣдились, что температура въ немъ равна, приблизительно, температурѣ плавленія сѣры, т. е. около 115° .

При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что опытъ съ дугою дѣлается при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, нежели съ солнцемъ, ибо лучи его ослабляются поглощеніемъ атмосферъ солнца и земли, а можетъ быть, и междупланетнымъ пространствомъ.

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что температура въ фокусѣ зеркала составляетъ лишь малую долю температуры самаго источника, и что, слѣдовательно, на солнцѣ она гораздо выше трехъ тысячъ градусовъ, хотя и не превышаетъ этой цифры ни въ миллионы, ни даже въ тысячи разъ.

Всѣ подобные опыты и соображенія приводятъ насъ къ такъ-называемой эффективной температурѣ. Если вообразимъ себѣ термометръ, помѣщенный на солнцѣ, то онъ покажетъ дѣйствительную температуру, которая всегда выше эффективной. Объ этой дѣйствительной температурѣ нельзя составить себѣ теперь сколько-нибудь точнаго понятія, потому что мы почти ничего не знаемъ о лучеиспускательной способности солнца.

Представимъ себѣ теперь, что нѣкоторое тѣло приближается къ солнцу. По мѣрѣ приближенія лучи солнца будутъ грѣть его все больше и больше, и будетъ въ пространствѣ такая точка, въ

которой оно расплавится подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ лучей солнца такъ, какъ оно плавилось въ фокусѣ нашего зеркала. Это будетъ та точка, изъ которой солнце видно подъ такимъ же угломъ зрѣнія, подъ какимъ видно зеркало изъ своего фокуса. Уголъ этотъ равенъ въ нашемъ случаѣ шестидесяти градусамъ, а упомянутая точка пространства отстоитъ отъ поверхности солнца на величину его радіуса, т. е. на 92.600 географическихъ миль или, круглымъ числомъ, на двойное разстояніе луны отъ насъ.

Какъ въ фокусѣ зеркала, такъ и въ этой точкѣ пространства плавятся всѣ тѣла.

Въ этомъ выводѣ нѣтъ ничего гипотетическаго, это есть простое и необходимое слѣдствіе опыта. Съ еще большимъ приближеніемъ къ солнцу жаръ будетъ быстро увеличиваться.

§ 5.

Въ настоящее время изученіе солнца составляетъ одинъ изъ основныхъ и важнѣйшихъ отдѣловъ астрофизики. Изъ многихъ частныхъ изслѣдованій сложилось современное ученіе о солнцѣ, и оно нынѣ представляется намъ во всемъ своемъ величїи и загадочности.

Какъ образовался этотъ мощный очагъ всепожирающаго огня, чѣмъ онъ питается такъ обильно и такъ правильно, что въ нѣсколько тысячъ лѣтъ историческаго существованія человѣка незамѣтно ни малѣйшаго истощенія, гдѣ тотъ неуловимый и чудный механизмъ, посредствомъ котораго лучи солнца поддерживаютъ безчисленныя явленія земной жизни — вотъ вопросы, занимающіе современнаго ученаго, на которые нѣтъ еще окончательныхъ отвѣтовъ.

И невольно вспоминаются взгляды, какіе существовали на строеніе солнца такъ недавно. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Гершель и Боде, — я называю лишь самыхъ знаменитыхъ, — рисовали картинки прїятной жизни счастливыхъ обитателей солнца. Поверхность солнца усѣяна холмами и равнинами, орошена журчащими ручейками, вверху слой облаковъ, защищающій отъ чрезмѣрной жары, а надъ этимъ слоемъ вѣчно свѣтящая и вѣчно грѣющая атмосфера.

Скажу болѣе; Араго, умершій только въ 1853 г., кого физики называютъ астрономомъ и астрономы — физикомъ, — человѣкъ, который, можетъ быть, какъ никто другой, соединялъ въ себѣ всѣ свойства знатока и специалиста этихъ именно вопросовъ, — принималъ солнце за обитаемое. Онъ говоритъ: «Если бы у меня просто спросили: есть ли на солнцѣ жители? то я отвѣчалъ бы, что ни-

чего о томъ не знаю. Но если спросить: могутъ ли на солнцѣ существовать обитатели, организованные подобно жителямъ земли, то я не медля дамъ утвердительный отвѣтъ». (Общепонят. Астрон. Фр. Араго т. 2, стр. 139).

А между тѣмъ, мы только что убѣдились, на основаніи самыхъ простыхъ соображеній, что за сотни тысячъ миль отъ поверхности солнца уже всѣ тѣла плавятся, подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ его лучей.

Вотъ какъ трудно составить себѣ понятіе о явленіяхъ, превосходящихъ нашъ обыкновенный масштабъ, какъ трудно отвлечься отъ того, что по врожденной привычкѣ считаемъ нормальнымъ порядкомъ вещей.

КАКЪ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЖИЗНЬЮ *).

Джона Леббока.

(Переводъ съ англійскаго).

ГЛАВА I.

Великій вопросъ.

Важнѣйшее дѣло жизни — умѣніе пользоваться ею. Ничѣмъ люди такъ не дорожатъ, какъ жизнью, и ни съ чѣмъ не обращаются такъ небрежно, какъ съ жизнью.

*) Новый, недавно только вышедшій въ свѣтъ, трудъ знаменитаго ученаго Джона Леббока—«Use of life», въ буквальный переводъ—«Пользованіе жизнью», составляетъ какъ бы дополненіе къ прежнему его труду «Радости жизни» (переведенъ и изданъ на русскомъ языкѣ). Вопросъ, разбираемый Леббокомъ, заключается въ томъ, какъ лучше всего, для себя и для другихъ, воспользоваться жизнью, чтобы принести другимъ возможное для насъ количество добра и самимъ испытать возможно больше наслажденія. Свои мысли Леббокъ излагаетъ въ сжатой до крайности формѣ афоризмовъ, подкрѣпляя ихъ, по обыкновенію англичанъ, массою цитатъ изъ всевозможныхъ авторовъ, древнихъ и новыхъ. Многимъ, быть можетъ, нѣкоторыя изъ его сужденій покажутся далеко не новыми, но нельзя не замѣтить, насколько въ общемъ тонъ его книги благороденъ и возвышенъ. Все, что онъ говоритъ о взаимныхъ отношеніяхъ людей, дышитъ самой широкой гуманностью, въ высшей степени искренно и мило. Мѣстами его мысли проникнуты юморомъ, свойственнымъ англичанамъ, и перемежаются безобидными шутками и анекдотами. Не слѣдуетъ забывать также, что авторъ имѣетъ въ виду преимущественно условія жизни въ Англій, во многомъ отличающіяся отъ нашихъ. Общее впечатлѣніе отъ его книги получается бодрящее и жизнерадостное, что придаетъ ей, въ нашихъ глазахъ, особое значеніе. «Никогда не слѣдуетъ впадать въ отчаяніе, ибо нѣтъ такого положенія, изъ котораго не было бы выхода», говоритъ Леббокъ и спѣшитъ рассмотреть возможные въ данномъ случаѣ «выходы».

Когда переводъ настоящей книги будетъ законченъ, мы постараемся дать характеристику Леббока, какъ философа и моралиста, на основаніи его произведеній: «Красоты природы», «Радости жизни» и «Какъ пользоваться жизнью». Что касается предлагаемаго перевода, то онъ сдѣланъ съ небольшими сокращеніями. Выпущены главнымъ образомъ, нѣкоторыя цитаты, которыми Леббокъ иногда просто злоупотребляетъ, что дѣлаетъ чтеніе его книги въ оригиналѣ нѣсколько утомительнымъ.

Ред.

Это сложный вопросъ. «Жизнь,—говоритъ Гиппократъ въ началѣ своихъ медицинскихъ «Афоризмовъ»,—жизнь коротка, долга наука, мгновеніе мимолетно, опытъ обманчивъ, а сужденіе затруднительно».

Счастье и успѣхъ въ жизни гораздо больше зависятъ отъ насъ самихъ, чѣмъ отъ окружающихъ обстоятельствъ. Людей, погубившихъ себя, гораздо больше, чѣмъ погибшихъ по винѣ другихъ; отъ человѣческихъ рукъ погибло гораздо больше городовъ и домовъ, чѣмъ отъ бурь и землетрясеній. Есть двоякаго рода разрушеніе: одно—дѣло времени, другое—рукъ человѣческихъ.

Изъ всѣхъ несчастій самое ужасное—гибель человѣка, а худшій врагъ его, какъ говоритъ Сенека, находится у него въ груди. «Много людей, — замѣчаетъ Ла-Брюйеръ, — проводятъ большую часть своего времени, подготавливая себѣ несчастія». Тяжело искупаются грѣхи молодости, тяжело расплачивается старость за легкомысліе юныхъ годовъ. Люди слишкомъ любятъ себя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не умѣютъ любить себя разумно.

Во многомъ человѣкъ самъ виноватъ; онъ не умѣетъ наслаждаться, часто отталкиваетъ отъ себя счастье и тѣмъ омрачаетъ свою жизнь. Уайттеръ говоритъ: «нѣтъ печальнѣе словъ на свѣтѣ, какъ—оно могло бы быть».

Зломъ мы часто считаемъ дурно понятое или доведенное до излишества благо. Если колесо, или даже зубецъ его, не на своемъ мѣстѣ,—вся машина можетъ испортиться. Точно также мы должны сообразоваться съ законами вселенной, иначе мы непременно страдаемъ. Излишняя храбрость переходитъ въ безразсудство, привязанность—въ слабость, экономія—въ скупость. Никто еще не могъ доказать, чтобы какая-нибудь перемѣна въ законахъ природы повела къ лучшему. Люди падаютъ и ломаютъ себѣ ноги, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы какое-нибудь измѣненіе закона тяготѣнія могло улучшить порядокъ вещей.

Персіане приписывали счастье Ормузду, духу добра, а несчастье Ариману, духу зла. Въ дѣйствительности же мы создаемъ себѣ сами много заботъ и горя своими ошибками. Часто мы прекрасно сознаемъ, что поступаемъ неправильно, и все-таки дѣйствуемъ по своему; иногда же мы искренно ошибаемся.

Относительно ошибокъ второго рода мы должны руководствоваться голосомъ разума и постоянно воспитывать себя. Воспитаніе—это часть насъ самихъ; у каждаго изъ насъ есть, по крайней мѣрѣ, одинъ воспитанникъ, которымъ мы обязаны заняться. То, чему мы выучимся сами, гораздо болѣе дѣлается нашимъ достояніемъ, чѣмъ то, чему насъ выучатъ другіе. Воспитаніе не

кончается въ школахъ, — оно лишь начинается здѣсь и продолжается всю жизнь. «Какъ было бы хорошо,—говоритъ Сенека,—если бы люди такъ же упражняли свои мозги, какъ и тѣло, и столько же трудились для добродѣтели, сколько они трудятся для своего удовольствія».

Нѣкоторыя расы смотрятъ на жизнь фаталистически. На ихъ взглядъ, все предрѣшено, и хочеть человѣкъ или нѣтъ, но что должно случиться, — непременно случится. На человѣка онѣ смотрятъ, какъ на автомата, на игрушку судьбы. Есть ли наука жизни? — вотъ о чемъ слѣдуетъ серьезно подумать. Можемъ ли мы управлять своимъ кораблемъ и вести его черезъ Океанъ Времени, или должны отдаться теченію? Человѣкъ — прежде всего человѣкъ; слѣдовательно, онъ господинъ своей судьбы; если же нѣтъ, то онъ самъ виноватъ. Жанъ Поль Рихтеръ говоритъ: «Человѣкъ дѣлается тѣмъ, чѣмъ онъ хочеть быть, ибо наша воля обладаетъ такимъ могуществомъ, что мы дѣлаемся всегда тѣмъ, чѣмъ быть твердо и искренно желаемъ».

Если же мы дѣйствительно имѣемъ власть надъ судьбой, то все зависитъ отъ того, чѣмъ мы желаемъ быть, и какъ мы сѣумѣемъ воспользоваться богатымъ полемъ жизни. У однихъ людей есть цѣль жизни, у другихъ ея нѣтъ. Прежде всего мы должны стремиться къ тому, чтобы извлечь наибольшее и лучшее изъ себя. По словамъ Гумбольдта, «цѣль каждаго человѣка должна заключаться въ возможно-высшемъ и гармоничномъ развитіи своихъ силъ, въ образованіи совершеннаго и цѣльнаго» характера. А Ж. П. Рихтеръ говоритъ, что «человѣкъ долженъ изъ себя столько выкроить, сколько выйдетъ изъ его матеріи». Но мы не должны брать на себя такую задачу изъ эгоистическихъ мотивовъ, иначе мы потерпимъ неудачу. «Личная человѣческая судьба не можетъ быть достойной цѣлью существованія», говоритъ Бэконъ. Лучшіе и величайшіе умы человѣческіе — Платонъ, Аристотель, Будда, св. Павелъ, — не стали бы совершенствоваться ради себя самихъ.

Мы должны работать надъ собой ради другихъ, а для этого, прежде всего, нужно познать себя, по мудрому правилу грековъ. «Я не видѣлъ,—заключаетъ Монтэнь, — большаго чудища или чуда на свѣтѣ, чѣмъ я самъ». Самая, повидимому, тихая и сѣрая жизнь можетъ быть настоящей поэмой или удивительнымъ романомъ. Грустно видѣть, какъ часто человѣкъ упускаетъ свое счастье и сколько случаевъ онъ теряетъ!

Удовольствіе должно быть дѣйствительнымъ, а не воображаемымъ. Между тѣмъ, мы часто принимаемъ участіе въ очень скучныхъ вещахъ только потому, что считаемъ ихъ удовольствіемъ. Многіе

воображаютъ, будто они наслаждаются, потому что не дѣлаютъ ничего полезнаго. Другіе употребляютъ слово «удовольствіе» только въ смыслѣ чувственномъ, тогда какъ, умственные удовольствія, по силѣ, очарованію и продолжительности, превосходятъ всѣ другія.

Мы слишкомъ мало заботимся о своемъ тѣлѣ и о своемъ здоровьи, отъ котораго такъ страшно зависитъ наше душевное состояніе. Сколькими возвышенными и прекрасными удовольствіями мы пренебрегаемъ! Насъ окружаютъ музеи, великолѣпныя картинныя галереи, богатая природа, а мы не умѣемъ наслаждаться ни твореніями искусства, ни прекраснымъ голубымъ небомъ, ни другими красотами міра. Больше мы пользуемся музыкой, но и то сравнительно мало. Мы постоянно хвастаемся тѣмъ, что мы—разумныя существа, тогда какъ у животныхъ есть только инстинкты. Между тѣмъ, какъ мало счастья прибавилъ человѣчеству нашъ гордый разумъ! Циники не даромъ сомнѣвались и спрашивали себя, не является ли обладаніе разумомъ — «проклятымъ наслѣдіемъ», источникомъ страданія, а не наслажденія? Животныя не умѣютъ такъ мучить себя, какъ мы. «Малѣйшая тѣнь беспокоитъ человѣка». Мы мучимъ себя сомнѣніями и страхомъ, заботами и предположеніями. Тайна со всѣхъ сторонъ окружаетъ насъ, но къ чему напрасныя терзанія? Терпѣніе и спокойствіе—прежде всего.

Не будемъ омрачать свою жизнь излишними заботами, но будемъ строго слѣдить за собой. Будемъ внимательны ко всему и всегда, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ кажется, что мы не можемъ ошибиться. «Гораздо труднѣе,—говоритъ лордъ Честерфильдъ,—быть добродѣтельнымъ, чѣмъ избѣгать противоположныхъ пороковъ. Порокъ такъ безобразенъ въ своемъ естественномъ видѣ, что онъ насъ отталкиваетъ сразу; онъ никогда бы не соблазнилъ насъ, если бы не одѣвалъ, въ началѣ, маску какой-нибудь добродѣтели». Всѣ мы встрѣчали людей, хорошихъ во многихъ отношеніяхъ и способныхъ, въ тоже время, къ жестокосердымъ, недобрымъ поступкамъ. Лордъ Пальмерстонъ утверждалъ, что всѣ люди рождаются добрыми; во всякомъ случаѣ, никто не дѣлается злымъ—легко.

Если мы обратимся теперь отъ индивида къ роду,—насъ еще больше поразитъ пренебреженіе ко многимъ благамъ. По справедливому сравненію Ньютона, человѣчество все еще похоже на дѣтей, играющихъ на берегу моря и собирающихъ наугадъ красивыя раковины или иѣжныя морскія травы, въ то время, какъ великій океанъ разстилается предъ нами, а мы не видимъ его. Нѣтъ ни одного вещества, качества и польза котораго были бы намъ вполне извѣстны; мы работаемъ съ утра до ночи, но если бы мы умѣло

пользовались всѣми силами природы и болѣе нормально распредѣляли трудъ, — намъ не пришлось бы трудиться больше какихъ-нибудь одного или двухъ часовъ въ день; такимъ образомъ у насъ оставалось бы много времени для удовлетворенія нашихъ умственныхъ и душевныхъ потребностей. Паръ еще не утилизированъ, какъ слѣдуетъ; электричество мы только начинаемъ примѣнять; рѣчная сила пропадаетъ даромъ. Сколько ужасныхъ страданій было бы избѣгнуто, если бы наркотики были нами изучены ранѣе. Мы бы могли написать цѣлую книгу для иллюстраціи нашей мысли. Никто не можетъ сомнѣваться, что передъ нашими глазами лежатъ тысячи другихъ неразгаданныхъ еще, не открытыхъ силъ. Неудивительно ли, что такъ называемые «христіане» бросаютъ милліоны денегъ на взаимное уничтоженіе и дерутся, какъ звѣри, изъ-за клочка земли, тогда какъ передъ ними разстилается великій океанъ невѣдомой истины?

Въ прошломъ поколѣніи, дѣти часто выросли неграмотными, и это никого не беспокоило. Даже теперь еще часто слышатся упреки въ «излишней образованности», хотя, вѣроятно, рѣчь идетъ скорѣе о несоотвѣтствующемъ воспитаніи. Многіе люди до сихъ поръ жалуются на расходы по образованію, не понимая, что невѣжество обходится гораздо дороже. Но если въ настоящую минуту всѣ наши дѣти получаютъ извѣстное образованіе *), то едва ли наша нынѣшняя система воспитанія правильна. Въ нашихъ школахъ обращаютъ слишкомъ мало вниманія на нравственное воспитаніе. Въ результатѣ явилась теорія, что человѣкъ, нарушающій заповѣди, поступаетъ, конечно, дурно и причиняетъ много страданій другимъ, но зато самому ему лучше живется; жадность, снисходительность къ себѣ, необузданность, лѣнь, все это очень дурные, можетъ быть, но очень пріятные пороки; съ личной точки зрѣнія, единственно желательная жизнь—это жизнь, полная комфорта и удовольствій; добродѣтельная жизнь, какъ бы она ни была благородна и возвышена, ведетъ къ отреченію отъ самыхъ невинныхъ удовольствій, и, взятая въ цѣломъ, сводится къ полному самопожертвованію.

Это страшная ложь. Дурной человѣкъ не только не свободенъ, но онъ рабъ, рабъ худшихъ властителей — своихъ собственныхъ страстей.

Многіе молодые люди думаютъ почему-то, что въ порокѣ есть нѣчто молодецкое, забывая, что каждый слабохарактерный дуракъ можетъ быть порочнымъ. Чтобы быть добродѣтельнымъ, нужно бытьму-

*) Дѣло идетъ объ Англіи.

жественнымъ; только добродѣтельный человѣкъ свободенъ вполне, порокъ—настоящее рабство. Известнаго рода поведеніе унижаетъ человѣка совсѣмъ не потому, что оно дурно, но оно дурно, потому что оно унижаетъ его. «Счастливымъ можетъ быть только великій и хорошій человѣкъ», говоритъ лордъ Честерфилдъ.

Не одни легкомысленные, злые люди и эгоисты дѣлаютъ другихъ несчастными, думая, что они преслѣдуютъ свои собственные выгоды. Многие достойные люди считаютъ счастливую жизнь—грѣховной и рисуютъ добродѣтель, какъ нѣчто строгое и тяжелое.

Нельзя прожить безъ горя. Какое несчастье—одна потеря близкихъ и дорогихъ намъ людей! Вообще же, жизнь наша—такъ сложна, миръ такъ юнъ, и мы еще такъ мало знаемъ, что горе и страданія—неизбѣжны. Многие люди волнуются и мучаются тайной существованія; но хорошій и умный человѣкъ, исполняющій свой долгъ, никогда еще не бывалъ недоволенъ міромъ, какія бы у него ни были испытанія и горести.

«Нѣтъ такого долга,—говоритъ Сенека,—исполненіе котораго насъ не сдѣлало бы болѣе счастливыми, и нѣтъ такого соблазна, отъ котораго не нашлось бы лекарства». «Не упрекай природу,—говоритъ Мильтонъ,—она сдѣлала свое дѣло, ты же дѣлай свое». Мы можемъ быть увѣрены, что Богъ не создалъ бы природу столь прекрасной для зрѣнія и слуха, если бы не хотѣлъ, чтобы мы наслаждались. Нельзя представить себѣ, сколько человѣкъ приноситъ душевнаго спокойствія другимъ и сколько радости себѣ, поступая справедливо.

Изъ всѣхъ вѣковъ, нашъ, вѣроятно, самый чудесный, интересный и свѣтлый. Это наше счастье, и мы должны быть благодарны за это, но гордиться намъ нечего: мы тутъ не при чемъ.

Наслаждаясь благами жизни, мы не должны рассчитывать на одвѣ радости; негѣло думать, что можно прожить безъ заботъ, безъ горя и испытаній. Вальполь сказалъ, что «жизнь—комедія для того, кто думаетъ, и трагедія для того, кто чувствуетъ». Въ дѣйствительности же, жизнь—то комедія, то трагедія; но чаще всего она то, чѣмъ мы ее дѣлаемъ. Мы склонны ставить въ счетъ каждую минуту горя, тогда какъ цѣлые годы счастья проходятъ для насъ незамѣтно.

Мы не можемъ всегда рассчитывать на успѣхъ; сама природа терпитъ иногда неудачу. Но всегда слѣдуетъ быть бодрымъ и не отчаиваться.

Путь къ доброму совсѣмъ не узокъ и не тяжелъ, какъ думаютъ многие, но найти его не всегда легко.

Иногда зло кажется приятнымъ; но, уступая ему, мы покупаемъ временное удовольствіе цѣною будущаго горя. Мы продаемъ наше первородство, какъ Исааъ, за чечевичную похлебку, когда ради веселаго часа готовимъ себѣ долгіе годы сожалѣнія и раскаянія. Желая счастья, мы должны стремиться къ добру.

Счастье и богатство далеко не всегда идутъ вмѣстѣ, и многіе несчастны, хотя у нихъ, повидимому, есть все, чтобы быть счастливыми.

«Не всякій,—сказалъ Вовенаргъ,—можетъ достигнуть богатства и высокаго положенія, но всякій можетъ быть добрымъ, великодушнымъ и мудрымъ. Настоящее богатство заключается не въ томъ, что мы имѣемъ, а въ томъ, что мы изъ себя представляемъ; чѣмъ большими преимуществами мы пользуемся, тѣмъ больше наша отвѣтственность».

Не то важно, сколько мы сдѣлали, а сколько стремились сдѣлать, не то, имѣли ли мы успѣхъ въ жизни, а заслужили ли мы его?

Въ сущности, не дурная, а добродѣтельная жизнь—истинно-счастливая. Зло—настоящее самопожертваніе.

ГЛАВА II.

Т а к т ь.

Для успѣха въ жизни тактъ имѣетъ гораздо больше значенія, чѣмъ талантъ, но если онъ не врожденъ, то очень трудно пріобрѣтается. Успѣхъ, въ этомъ отношеніи, возможенъ только при большой внимательности къ чужимъ желаніямъ.

Никогда не слѣдуетъ упускать случая доставить другимъ удовольствіе. Вѣжливость обязательна со всѣми. «Учтивость,—говоритъ леди Монтэгю,—ничего не стоитъ и все покупаетъ». Она, дѣйствительно, покупаетъ много такого, чего ни за какія деньги не купишь. Всѣхъ, кого мы встрѣчаемъ на пути, слѣдуетъ стараться расположить къ себѣ. Бюрлей сказалъ королевѣ Елизаветѣ: «Если вы хотите обладать сердцами и кошельками людей, завойуйте ихъ расположеніе».

Часто, при помощи такта, удается то, что не удается силѣ. Дяди вспоминаетъ старую басню о солнцѣ и вѣтрѣ. «Однажды у солнца съ вѣтромъ возникъ споръ, кто изъ нихъ сильнѣе. Тутъ случился прохожій, и они рѣшились испробовать на немъ свою силу. Вѣтеръ сталъ страшно дуть и пытался сорвать съ него шубу. Но чѣмъ онъ дѣлался свирѣпѣе, тѣмъ плотнѣе закутывался въ шубу прохожій. Тогда выглянуло солнце и облило его горячими лучами. Прохожему стало жарко, и онъ снялъ не только шубу, но и сюртукъ. Вѣтеръ согласился, что солнце его побѣдило».

Шекспиръ сказалъ: «Ты легче побѣдишь улыбкой, чѣмъ мечомъ».

Слѣдуетъ всегда помнить, что людей легче вести, чѣмъ тащить; мягкостью можно большаго достигнуть, чѣмъ грубой силой.

Въ политикѣ есть хорошее правило: «*Ras ton gouverner*».

Нужно стараться приобрѣсти, а еще больше заслужить довѣріе всѣхъ, съ кѣмъ мы сталкиваемся. Много людей сдѣлались вліятельными благодаря своей порядочности, а не талантамъ. Сидней Смитъ говорить о Фрэнсисѣ Горнерѣ, который имѣлъ громадное вліяніе, не занимая никакого высокаго положенія, что на его лицѣ были отпечатаны всѣ десять заповѣдей.

Нужно стараться исполнять, насколько это возможно и разумно, чужія желанія, но не слѣдуетъ бояться сказать: «нѣтъ».

Всякій съумѣетъ сказать «да», хотя и не всякій съумѣетъ сдѣлать это пріятно, но гораздо труднѣе сказать: «нѣтъ». Сколько людей раззорилось потому, что они не умѣли сказать: «нѣтъ». Плутархъ рассказываетъ, какъ жители Малой Азіи сдѣлались рабами только изъ за того, что не могли сказать: «нѣтъ». Въ жизни очень важно умѣть сказать «нѣтъ», но еще важнѣе умѣть сказать это пріятно. Мы должны стараться, чтобы люди, съ которыми мы сталкиваемся, находили удовольствіе имѣть дѣло съ нами и пожелали вернуться къ намъ. Дѣла гораздо болѣе зависятъ отъ чувства и настроенія, чѣмъ мы предполагаемъ; всѣ любить хорошее обхожденіе, пріятныя и открытыя манеры иногда лучше устраиваютъ дѣло, чѣмъ какіе-нибудь поль-процента.

Почти каждый человѣкъ можетъ быть пріятнымъ, если захочетъ. «Желаніе нравиться, это—по крайней мѣрѣ половина искусства нравиться», говоритъ лордъ Честерфильдъ. Съ другой стороны, никто не понравится, если этого не пожелаетъ. Въ молодости легче всего приобрѣсти этотъ великій даръ; позднѣе, это очень трудно. Многие люди обязаны своими внѣшними успѣхами гораздо болѣе пріятному обхожденію, чѣмъ какимъ-нибудь серьезнымъ заслугамъ; съ другой стороны, многие очень достойные люди, съ добрымъ сердцемъ и добрыми намѣреніями, создаютъ себѣ враговъ одной внѣшней грубостью. Человѣкъ, умѣющій нравиться, самъ испытываетъ большее удовольствіе.

Въ жизни очень важны осторожность и хладнокровіе. Хладнокровный умъ имѣетъ столько же значенія, какъ и горячее сердце. Во всякихъ переговорахъ твердость и хладнокровіе неопцннымы; въ трудныя же и опасныя времена онѣ—единственное спасеніе человѣка.

На людей менѣе способныхъ никогда не слѣдуетъ смотрѣть

сверху внизъ. Никто не имѣетъ права гордиться своими способностями, точно такъ же, какъ никто не имѣетъ права гордиться унаслѣдованнымъ состояніемъ. Единственная заслуга человѣка заключается въ умѣніи ихъ примѣнять. Часто человѣкъ умнѣе, чѣмъ кажется; читать книги легче, чѣмъ узнавать людей. Въ этомъ отношеніи многое значитъ выраженіе глазъ. «Если глаза говорятъ одно, а языкъ другое, то опытный человѣкъ повѣритъ тому, что говорятъ первые», сказалъ Эмерсонъ.

Не слѣдуетъ слишкомъ довѣряться изъявленіямъ чрезмѣрной дружбы. Мужчины не влюбляются съ перваго взгляда въ мужчинъ, какъ и женщины—въ женщинъ. Если мало знакомый человѣкъ увѣряетъ насъ въ своей дружбѣ и общается многое, не слѣдуетъ ему вѣрить. Если онъ даже искрененъ, то все же говоритъ больше, чѣмъ думаетъ; если же нѣтъ, то онъ, навѣрное, чего-нибудь добивается. Не слѣдуетъ сразу вѣрить, что приобрѣлъ друга, точно также, какъ не слѣдуетъ подозрѣвать въ каждомъ врага.

Мы постоянно льстимъ себѣ, увѣряя, что мы—разумныя существа, но какъ часто мы не слушаемся разума! Мы—странныя, непоследовательныя созданія; очень часто мы дѣйствуемъ подъ вліяніемъ предразсудка или страсти. Выводъ изъ этого тотъ, что людей гораздо легче увлечь путемъ чувства, чѣмъ убѣжденія. Особенно это вѣрно по отношенію къ толпѣ.

Разсужденіе всегда нѣсколько опасно. Оно часто ведетъ къ охлажденію и недоразумѣніямъ. Можно выиграть споръ и потерять друга, а это—довольно плохой результатъ. Въ спорѣ, вообще, нужно, по возможности, уступать; если же нельзя согласиться, то слѣдуетъ это сдѣлать мягко. Очень мало людей сознаютъ себя побитыми въ спорѣ и, вообще, не любятъ этого. Если они даже сознаютъ себя побѣжденными, то и это еще не значитъ, чтобы они были убѣждены. Вопросъ въ спорѣ слѣдуетъ ставить ясно и кратко, и если довѣріе противника къ своему собственному мнѣнію поколеблется, то и это уже много; это первый шагъ къ побѣдѣ.

Умѣніе вести разговоръ—это большое искусство. Не тѣ, кто больше всего говорятъ, лучше всего разговариваютъ. Умѣніе слушать почти такъ же важно, какъ умѣніе говорить. Раньше, чѣмъ судить и критиковать, нужно постараться понять чувство говорящаго. Если вы добры и сочувственно относитесь къ чужому горю или дѣлу, то къ вамъ часто будутъ обращаться за совѣтомъ, и вы будете имѣть удовольствіе успокоивать, утѣшать и помогать.

Въ молодости человѣкъ не долженъ требовать къ себѣ особаго вниманія; онъ долженъ сидѣть, слушать и присматриваться. Игра виднѣе со стороны. Молча и незамѣтно наблюдать за другими—все равно почти, что обладать шапкой-невидимкой.

Есть люди, которые не любятъ лишній разъ подумать; они опѣняютъ васъ по вашимъ-же словамъ: «On ne vaut dans ce monde que ce que l'on veut valoir» *), говоритъ Ла-Брюэръ.

Нѣтъ ничего хуже, какъ наживать себѣ враговъ. «Не отвѣчай дураку, а то ты станешь походить на него», говоритъ одна по-словица. Мягкій отвѣтъ отклоняетъ гнѣвъ; но даже сердитый отвѣтъ лучше, чѣмъ насмѣшка: девять человекъ изъ десяти предпочитаютъ гнѣвъ и даже оскорбленіе—насмѣшкѣ. Ничего не забываютъ люди съ такимъ трудомъ, какъ то, что ихъ сдѣлали смѣшными.

«Пріятнѣй опибаться, чѣмъ разочаровываться». Афинянинъ Тразилай сошелъ съ ума и вообразилъ, что всѣ корабли Пирея принадлежатъ ему; когда Критъ его вылечилъ, онъ сталъ горько жаловаться, что его обокрали. Лордъ Честерфильдъ говоритъ, что «терять друга изъ-за шутки—безуміе; но не меньшее безуміе—дѣлать себѣ врага изъ индифферентнаго и нейтральнаго лица, ради краснаго словца».

Не хорошо быть подозрительнымъ и всюду видѣть презрѣніе или насмѣшку. Если же дѣйствительно посмѣялись надъ нами, надо стать выше этого. Кто въ состояніи принять участіе въ шуткѣ и искренно посмѣяться надъ собой съ другими, тотъ повернетъ дѣло въ свою пользу. Такихъ людей любятъ всѣ, потому что они добродушны и умны. Если вы надъ собой посмѣетесь, то другіе не станутъ смѣяться надъ вами.

Свои мнѣнія слѣдуетъ отстаивать твердо, не боясь ни осужденія, ни насмѣшки. Ничего нѣтъ смѣшного въ правдиво высказанномъ мнѣніи, тогда какъ человекъ, желающій казаться не тѣмъ, чѣмъ онъ есть, смѣшенъ всегда. Часто люди сердятся и ссорятся изъ-за воображаемой обиды, вслѣдствіе своей подозрительности.

Слѣдуетъ быть откровеннымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдержаннымъ. Не хорошо много говорить о себѣ, ни за себя, ни противъ себя; пусть другіе говорятъ о себѣ, что хотятъ: очевидно, это имъ нравится, и если вы будете слушать ихъ, то только выиграете въ ихъ мнѣніи. Во всякомъ случаѣ не показывайте человекъ, что вы считаете его дуракомъ, если вы не принуждены это сдѣлать. Если вы ему это покажете,—онъ въ правѣ обидѣться. Вы можете ошибиться, а онъ будетъ имѣть основаніе создать себѣ невыгодное мнѣніе о васъ.

Боркъ сказалъ однажды, что не могъ бы произнести обви-

*) Каждый стоитъ въ свѣтѣ столько, во сколько онъ самъ хочетъ себя цѣнить.

нительный приговоръ цѣлой націи. Точно также несправедливо нападать на цѣлый классъ или профессію. Отдѣльныя личности забываютъ и прощаютъ, но цѣлыя общества—никогда. Вообще же, обиду легче забыть, чѣмъ оскорбленіе, а оскорбленіе легче забыть, чѣмъ насмѣшку. Ничто такъ не раздражаетъ, какъ насмѣшка. Вы никогда не выиграете дѣла тѣмъ, что выведете людей изъ себя или выставите ихъ въ смѣшномъ видѣ.

Въ своихъ «Разговорахъ съ Екерманомъ» Гёте замѣтилъ: «Англичане держатъ себя въ обществѣ такъ увѣренно и спокойно, что можно подумать, будто они вездѣ хозяева, и міръ принадлежитъ имъ». Екерманъ возразилъ, что англичане нисколько не умнѣе, не сердечнѣе и не лучше воспитаны, чѣмъ нѣмцы. Гёте отвѣчаетъ: «Не въ томъ дѣло; ихъ превосходство заключается не въ этомъ, не въ ихъ происхожденіи, и не въ ихъ воспитанности: но они имѣютъ смѣлость быть тѣмъ, чѣмъ ихъ создала природа. Они—цѣльные люди. Можетъ быть, иногда они—и цѣльные дураки, я не спору, но и это имѣетъ свою цѣну».

Во всякихъ переговорахъ и дѣлахъ слѣдуетъ быть терпѣливымъ. Иногда человѣкъ болѣе признателенъ вамъ за то, что вы выслушали его рассказъ, чѣмъ за то, что вы исполнили его просьбу.

Главное же, никогда не слѣдуетъ выходить изъ себя. Если же это случится, — нужно стараться скрыть свое раздраженіе и быть сдержаннымъ въ рѣчи.

Никогда не слѣдуетъ напрашиваться туда, гдѣ мы не нужны. Найдется достаточно мѣста всѣмъ.

Нѣкоторые люди имѣютъ несчастную способность говорить невопадъ, намекать на печальныя или непріятныя воспоминанія и поселять раздоръ.

Нѣтъ болѣе важнаго знанія, какъ знаніе людей. Очень важно знать, кому можно довѣряться, кому нѣтъ; а еще важнѣе—знать, въ чемъ и въ какой степени можно довѣряться. Но это не легко. Важно умѣть выбрать друзей, товарищей и исполнителей. Каждый человѣкъ долженъ быть на своемъ мѣстѣ. Конфуцій сказалъ: «Если ты подозрѣваешь человѣка, то не употребляй его въ дѣло; если же ты употребляешь его въ дѣло, то не подозрѣвай».

Кто склоненъ къ довѣрчивости,—чаще правъ, чѣмъ тотъ, кто склоненъ къ подозрительности.

Довѣріе должно быть полное, но не слѣпое. Не смотря на всю свою мудрость, Мерлинъ погубилъ себя, неосторожно согласившись на просьбу Вивіены: «во всемъ довѣряться, или ни въ чемъ».

Слѣдуетъ всегда быть сдержаннымъ и не болтать о своихъ

личныхъ дѣлахъ. Иначе, скоро всѣ будутъ знать то, что мы сказали немногимъ. «Уста мудраго человѣка—въ его сердцѣ,—сказалъ Конфуцій,—а сердце дурака—на его устахъ, потому что дуракъ говоритъ все, что знаетъ и что думаетъ».

Нужно, какъ можно чаще, обращаться къ своему разуму; онъ не безгрѣшенъ, конечно; но наши поступки будутъ правильнѣе, если они будутъ всегда обдуманны.

Слово—серебро, а молчаніе—золото.

Многіе говорятъ не потому, что у нихъ есть что сказать, а изъ любви къ болтовнѣ. Процессъ рѣчи долженъ бы быть скорѣе упражненіемъ мозга, чѣмъ языка. Говорливость, т.-е. страсть говорить ради самого процесса, страшно мѣшаетъ успѣху въ жизни. Въ пылу разговора, люди невольно, безъ всякой цѣли, говорятъ вещи, въ которыхъ потомъ раскаиваются.

Эта необузданность рѣчи даетъ поводъ ко многимъ огорченіямъ и непріятностямъ въ жизни. Болтливость раздражаетъ того, кто дѣлается ея предметомъ, порождаетъ и разжигаетъ обиды и недоразумѣнія, которыя позабылись бы сами собой.

Плутархъ рассказываетъ, что на одномъ собраніи спросили Демарата, почему онъ молчитъ—оттого ли, что онъ дуракъ, или оттого, что не умѣетъ говорить? Демаратъ отвѣчалъ: «Дуракъ не умѣетъ молчать». А Саломонъ сказалъ: «Если ты видишь человѣка, не сдержаннаго на словахъ,—знай, что на него можно полагаться не болѣе, чѣмъ на дурака».

Никогда не слѣдуетъ стараться выказывать свое превосходство: ничто такъ не раздражаетъ людей, какъ если имъ дать почувствовать ихъ ничтожество.

Не хорошо быть слишкомъ самоувѣреннымъ. Можно оказаться неправымъ, не смотря на всю свою увѣренность; память иногда удивительно измѣняетъ, даже глаза и уши могутъ ошибаться. Наши самые дорогіе намъ предразсудки могутъ оказаться недостаточно обоснованными. Между тѣмъ, если человѣкъ правъ, то онъ ничего не потеряетъ, если выскажется не такъ самоувѣренно.

Точно также, не слѣдуетъ слишкомъ самоувѣренно дѣйствовать, разсчитывать на однѣ свои силы. Мало ли что можетъ случиться! Есть пословица: все достанется тому, кто умѣетъ ждать. Когда же случай представится, нужно умѣть имъ воспользоваться. Тотъ, кто не хочетъ, когда можно,—захочетъ, когда будетъ уже поздно».

Осторожность хороша, но въ извѣстныхъ предѣлахъ. Не слѣдуетъ бояться ошибки. «Человѣкъ, который никогда не ошибается, никогда ничего не сдѣлаетъ».

Одѣваться нужно всегда аккуратно; разъ мы должны одѣваться—лучше одѣваться хорошо, чѣмъ плохо, хотя изысканность въ нарядахъ—тоже преувеличеніе. Слѣдуетъ, по возможности, выбирать хорошей матеріалъ. Удивительно, какъ часто люди судятъ по одеждѣ! Много людей успѣваютъ въ жизни благодаря своей внѣшности. И такъ, не слѣдуетъ пренебрегать ею. Глаза и уши открываютъ сердца людей; изъ сотни людей, которые будутъ васъ видѣть и слышать, одинъ, можетъ быть, будетъ знать васъ. Нбрежность и неаккуратность въ одеждѣ заставляеть часто предполагать безпечность и въ другихъ вещахъ.

Въ обществѣ слѣдуетъ изучать тѣхъ людей, у которыхъ самыя лучшія и пріятныя манеры. Бэконъ говоритъ, что «манера дѣлаеть человѣка», и что «пріятная наружность, это—постоянное рекомендательное письмо». Достоинство и знаніе не располагають къ сердцу, хотя они укрѣпляютъ расположеніе, когда сердце уже покуплено. Обращеніе, видъ, движенія человѣка должны ласкать глаза, а его изящная и музыкальная рѣчь должна улаждать слухъ; сердце тогда, навѣрное, послѣдуетъ за зрѣніемъ и за слухомъ. Лордъ Честерфильдъ, говоря о своемъ сынѣ, замѣчаетъ «Мнѣ говорятъ, что кто его ни знаетъ, всѣ его любятъ; я очень радъ, но я предпочелъ бы, чтобы онъ нравился до знакомства а ужъ потомъ приобрѣлъ бы любовь. Плохо знаютъ людей, если этимъ пустякамъ не придають значенія».

Граціи почти столько же помогаютъ человѣку въ жизни, какъ и музы. Отчего одному человѣку позволяють украсть лошадь, а другому не позволяють даже заглянуть черезъ заборъ? Потому первый умѣеть все пріятно сдѣлать, а второй—нѣтъ. Гораций говоритъ, что даже Меркурій, богъ краснорѣчія и искусствъ, безсиленъ безъ грацій.

Глава III.

О денежныхъ дѣлахъ.

Въ Англіи не придають большого значенія экономіи. Авчаче много трудятся и зарабатываютъ хорошо, но другіе на искусство въ экономіи. Одинъ мудрый старый квакеръ говорилъ «Не то, что ты заработаешь, а то, что ты истратишь—рѣшишь будешь ты или нѣтъ богатымъ».

Но, помимо обогащенія, слѣдуетъ откладывать про черныя дни. Намъ возмущаетъ мѣщанская пословица: «когда бѣдность входитъ въ двери, любовь вылетаетъ въ окно», но грустно видѣть нужды жены и дѣтей, видѣть, какъ имъ недостаетъ пищи, одежды

медицинской помощи, отдыха или перемѣны воздуха, и сознавать, что въ этомъ виновата наша непредусмотрительность. Конечно, экономія ради экономіи—непростительна, но экономія ради независимости—разумна и достойна вниманія.

Слѣдуетъ всегда аккуратно вести счеты. Конечно, не стоитъ записывать всякую мелочь, но слѣдуетъ всегда знать, сколько истратилъ и во сколько что обошлось. Ни одинъ человѣкъ, знающій свои доходы и расходы, не станетъ сумасшествовать. Всѣ расточительные люди начинаютъ съ того, что закрываютъ глаза на свои поступки. Никто не захочетъ заглянуть прямо въ пропасть раззоренія.

Слѣдуетъ жить соразмѣрно своимъ доходамъ и хотъ что-нибудь ежегодно откладывать. Но, главное, не нужно дѣлать долговъ. Диккенсъ говоритъ въ «Давидъ Копперфильдъ»: «Если человѣкъ имѣетъ 20 фунтовъ дохода ежегодно, а тратитъ онъ будетъ 19 ф. 19½ шил., то въ результатъ получится счастье. Если же онъ имѣетъ 20 ф. ежегодно, а тратитъ будетъ 20 ф. и ½ шил., то въ результатъ получится несчастье». А вѣдь въ обоихъ случаяхъ разница только въ одномъ шиллингѣ.

Безъ преувеличенія можно сказать, что долгъ—рабство. «Кто идетъ занимать — идетъ горевать», говоритъ пословица. Есть много неприятныхъ вещей въ жизни, но самая неприятная изъ всѣхъ, это—долгъ. Горацій Грилей справедливо сказалъ: «Долгъ несравненно хуже голода, холода, лохмотьевъ, тяжелой работы, подозрѣній и несправедливыхъ упрековъ. Никогда не дѣлай долговъ. Если у тебя всего 50 центовъ въ недѣлю, то купи горсть ржи и питайся ею; это будетъ лучше, чѣмъ занять у кого-нибудь одинъ долларъ».

Не слѣдуетъ отчаиваться, если вначалѣ трудно добыть денегъ,—когда-нибудь будетъ лучше; если же сразу денегъ будетъ много, то не нужно тратить всего, а отложить что-нибудь про черный день. Времена измѣняются, а расходы, обыкновенно, растутъ. Многие раззорились оттого, что имъ вначалѣ слишкомъ везло.

Не слѣдуетъ мечтать о быстромъ обогащеніи.

Рѣдко кто составляетъ трудомъ большое состояніе, но каждый можетъ добиться порядочнаго существованія. Бѣдны не тѣ, кто мало имѣютъ, а тѣ, кому много нужно. Франклинъ сказалъ, что «содержаніе одного порока равняется по затратамъ воспитанію двухъ дѣтей».

Самые опытные и умные люди могутъ ошибиться; оттого не слѣдуетъ, по пословицѣ, «ставить все на одну карту». Мы съ равняго дѣтства знаемъ, что два да два составляетъ четыре, но

два да два составляетъ также двадцать два. Арифметическая формула—дважды два—четыре—совершенно вѣрна, но въ жизни она можетъ оказаться не всегда примѣнимой. Слѣдуетъ быть очень осторожнымъ.

Спокойствіе очень важно въ жизни. Говорятъ, что лордъ Брауэръ никогда не удавался на фотографіи, потому что не могъ спокойно посидѣть.

Бѣджготъ имѣлъ обыкновеніе говорить, что многіе раззорились потому, что не могли спокойно посидѣть въ комнатѣ.

Мы всё—люди дѣловые въ извѣстномъ смыслѣ. Каждый изъ насъ долженъ исполнять свои обязанности, вести хозяйство и распредѣлять расходы, а маленькія дѣла часто столь же трудны и хлопотливы, какъ и большія.

Успѣхъ въ дѣлахъ гораздо болѣе зависитъ отъ здраваго смысла и заботливаго вниманія, чѣмъ отъ гениальности. Ксенофонтъ разсказываетъ, что одинъ персидскій царь, очень заботился о своемъ конѣ и спросилъ у опытнаго человѣка, какъ сдѣлать, чтобы конь его разжирѣлъ. Отвѣтъ былъ таковъ: «Все сдѣлаетъ хозяйскій глазъ». Есть поговорка: «Заботься о своей лавкѣ, и лавка о тебѣ позаботится».

Очень важно выработать въ себѣ дѣловыя привычки. Люди неаккуратные, медленные, упрямые въ мелочахъ, не имѣютъ успѣха въ дѣлахъ.

Порядокъ и метода необходимы въ маленькихъ, какъ и въ большихъ дѣлахъ. Каждая вещь должна быть на своемъ мѣстѣ,—соблюдайте это золотое правило. Маленькій трудъ убрать вещи, когда онѣ больше не нужны, избавляетъ отъ большого труда ихъ отыскивать, когда онѣ снова понадобятся.

Ксенофонтъ сравниваетъ безпорядокъ съ земледѣльцемъ, который кидаетъ въ одинъ и тотъ же амбаръ пшеницу, ячмень, горохъ, и затѣмъ, когда ему надо спечь хлѣбъ или сварить гороховый супъ, долженъ все разбирать зерно за зерномъ.

Все должно быть въ порядкѣ, все должно быть подъ рукой на случай надобности. Во время бури на морѣ некогда искать на кораблѣ, что нужно. Все должно быть готово и на своемъ мѣстѣ.

Многіе философы, начиная съ Аристотеля и кончая Карлейлемъ, съ презрѣніемъ относились къ купцамъ, или, вѣрнѣе, къ торговлѣ, какъ къ профессіи. Платонъ лишилъ купцовъ гражданскихъ правъ въ своей республикѣ; это унижительное, по его мнѣнію, занятіе онъ хотѣлъ предоставить иностранцамъ. Такъ много людей занимается торговлей, что было бы весьма печально, если бы ихъ профессія была несовмѣстима съ порядочностью и мѣшала ихъ

культурѣ. Къ счастью, это не такъ. Конечно, дѣловые люди могутъ только въ часы досуга заниматься своимъ духовнымъ развитіемъ, но много выдающихся англійскихъ ученыхъ, литераторовъ и поэтовъ были въ то же время купцами.

Многіе великіе, самыя лучшіе и счастливые, люди были бѣдны. Дружная, совмѣстная работа, любовь, высокія цѣли могутъ освѣтить самую убогую обстановку.

Столько великихъ людей было бѣдными, что становится понятнымъ изрѣченіе Магомета: «Богъ выбиралъ въ пророки только пастуховъ».

Обыкновенно, придаютъ слишкомъ много значенія деньгамъ. Простая пища — самая здоровая; хорошо приготовленный простой обѣдъ можетъ доставить столько же удовольствія, какъ и богатый пиръ. Книги теперь страшно дешевы *). А можно ли купить за деньги здоровье, геній, друзей, красоту и счастливую семейную жизнь?

Конфуцій говорить: «Князь Тце былъ страшно богатъ, но никто его не любилъ; Пей-ке умеръ съ голоду, но народъ его до сихъ поръ оплакиваетъ».

Богатые люди живутъ часто въ такихъ хлопотахъ и такой сутолокѣ, что не имѣютъ времени подумать объ умственномъ и тѣлесномъ здоровьи.

Всѣ цѣли тягостны, даже золотыя. Золото часто служитъ источникомъ большого безпокойства. Богачи не господа, а рабы своихъ денегъ, такъ что богатство дѣлается иногда не только заботой, но и мученіемъ для своего обладателя.

Многіе раззорились именно изъ-за денегъ, и, въ общемъ, бѣднякъ, можетъ быть, меньше безпокоится о своихъ денежныхъ дѣлахъ, чѣмъ богатый.

Богатство можетъ принести счастье только мудрому. Человѣкъ, страстно мечтающій о богатствѣ, всегда останется жалкимъ бѣднякомъ.

Чтобы наслаждаться богатствомъ, не слѣдуетъ вкладывать въ него душу.

«Жалкое состояніе души, — говоритъ Бэкопъ, — когда мы многого боимся и мало чего желаемъ».

Богатство — большое искушеніе для скупости. «Бѣдному человѣку многое нужно, — говоритъ Сенека, — но богатому человѣку нужно все».

Погоня за богатствомъ отнимаетъ время и вниманіе отъ возвышенныхъ, болѣе благородныхъ предметовъ. Богатство хорошо,

*) Дѣло все идетъ объ Англій.

«миръ вождій», № 3, мартъ.

когда оно прибавляетъ нѣчто къ жизни, а не отнимаетъ. Бѣдность называютъ «невѣстой студента». «Кто имѣетъ крылатую колесницу, — не нуждается въ лошадяхъ и каретахъ», сказалъ Эмерсонъ.

Мы очень характерно выражаемся о деньгахъ. Мы говоримъ, что люди дѣлаютъ деньги, или, что они сотканы изъ денегъ, или, что они катаются въ деньгахъ, но мы рѣдко слышимъ, чтобы люди «наслаждались» деньгами. Кто копитъ деньги,—рѣдко пользуется ими самъ.

Когда деньгами умѣютъ пользоваться, онѣ получаютъ большое значеніе. Не даромъ говорятъ, что золото—сила. «L'argent,—сказалъ одинъ остроумный французъ,—est le Souverain des Souverains». (Деньги—властелинъ всѣхъ властелиновъ). Деньги даютъ намъ возможность приобрести все, чего мы хотимъ. Деньги даютъ свѣжій воздухъ, книги, музыку; деньги даютъ досугъ, т.-е. возможность заниматься своимъ духовнымъ развитіемъ и отдыхать; деньги даютъ возможность путешествовать, увидѣть міръ и наслаждаться чудными картинами природы; деньги—это средство помогать друзьямъ, утѣшать нуждающихся.

«Держите же ихъ,—говоритъ Свифтъ,—въ своей головѣ, а не въ сердцѣ».

Скряга тотъ, кто любитъ деньги ради денегъ, кто доводитъ экономію до крайности, кто просто превращается въ «загребистую лапу». Въ жизни мы должны научиться—быть свободными отъ мелкихъ и низкихъ заботъ, а любовь къ деньгамъ—одна изъ самыхъ низкихъ.

Большая вещь—мудро пользоваться богатствомъ.

Нужно быть великодушнымъ, но не слѣдуетъ быть расточительнымъ.

Деньгами гордиться—глупо. Слѣдуетъ помнить, что богатство—великая отвѣтственность. Мы отвѣчаемъ за то, какъ мы распорядились деньгами.

«Не деньги, а любовь къ деньгамъ—корень зла», говорится въ библии.

А въ нагорной проповѣди говорится:

«Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ, и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ.

«Но собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляетъ, и гдѣ воры не подкапываютъ, и не крадутъ.

«Ибо гдѣ сокровища ваши, тамъ и сердце ваше».

А. К.

(Продолженію слѣдуетъ).

ТЕКУЩІЯ ЗАМѢТКИ.

Неопредѣленность понятія «народъ» въ нашей «народнической» литературѣ.— Вытекающія отсюда противорѣчія. — Какъ образецъ послѣднихъ книга А. Пругавина «Запросы народа и обязанности интеллигенціи». — Положительныя стороны этой книги. — Два слова по поводу «Обзора» народно-учебной литературы С.-Петербургскаго Комитета грамотности. — Какимъ оружіемъ надо бороться съ издателями Никольскаго рынка. — Наша забывчивость къ памяти выдающихся дѣятелей. — «Юридическія поминки» А. Θ. Кони. — Его бмествія характеристики. — Любопытная страничка изъ прошлаго, имъ приводимая.

Что такое народъ?

Этотъ вопросъ, повидимому, столь простой и нехитрый, удивительно какъ запутался въ нашей литературѣ, хотя, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ европейскихъ литературъ, именно ему она посвящала больше всего вниманія. Въ теченіи 30-ти послѣднихъ лѣтъ создалась даже особая, такъ называемая, «народническая» литература, исключительно работавшая надъ выясненіемъ тѣхъ отношеній, какія должны быть между народомъ и интеллигенціей, и до сихъ поръ не выяснившая, что-же собственно понимать надлежитъ подъ ея таинственнымъ «народомъ».

Не рѣшивъ этого кореннаго вопроса, наше «народничество» запуталось въ массѣ противорѣчій, образчикомъ которыхъ можетъ служить и книга г. Пругавина «Запросы народа и обязанности интеллигенціи», вышедшая недавно вторымъ изданіемъ. Нѣкоторыя разсужденія автора отдають теперь анахронизмомъ, производятъ впечатлѣніе чего-то отжившаго, своего рода «жалкихъ словъ», щедро расточаемыхъ г. Пругавинымъ по адресу нашей интеллигенціи.

Народничество досталось намъ, какъ законное наслѣдіе крѣпостнаго права. Съ отмѣной послѣдняго не могло исчезнуть сразу его глубокое вліяніе на всѣ стороны нашей жизни. Общественная совѣсть, удрученная сознаніемъ великой несправедливости этого права, не могла не остановиться надъ вопросомъ, какъ заглядить

*

ее? И литература тогдашняго времени выдвинула въ отвѣтъ идею «долга» и «расплаты», причемъ незамѣтно для всѣхъ совершена была другая несправедливость: «историческій грѣхъ» (если, вообще говоря, подобные грѣхи мыслимы) былъ взваленъ на интеллигенцію. Съ тѣхъ поръ извѣстная часть послѣдней (съ постоянствомъ, достойнымъ лучшаго назначенія) продолжаетъ бичевать себя за этотъ «историческій грѣхъ».

Разбираться теперь, чей былъ «грѣхъ», нѣтъ никакой надобности. «Кто виновать—у судьбы не доспросишься, да и не все-ли равно?» Тѣмъ болѣе, что съ фактической отмѣной крѣпостнаго права народъ сравненъ съ интеллигенціей въ *гражданскихъ* правахъ, и, слѣдовательно, исчезла всякая почва для противопоставленій между «нами» и «имъ». Съ исчезновеніемъ привилегій, когда-то основанныхъ на крѣпостномъ правѣ, исчезло и отличіе народа отъ интеллигенціи: эти обѣ категоріи слились въ одно неразрывное цѣлое, въ томъ смыслѣ, какъ слово «народъ» понимается вездѣ. Когда нѣмецъ, французъ или англичанинъ говорятъ «народъ», то въ этомъ словѣ они объединяютъ все, что не составляетъ «правительство», и никому не придетъ въ голову при этомъ выдѣлять изъ народа какого-нибудь Вирхова, Пастера или Гладстона.

Народники-же, настаивая на своемъ противоположеніи, впадаютъ иной разъ въ забавное высокомеріе, несмотря на все свое преклоненіе предъ народомъ. Приведемъ, напр., одно мѣсто изъ книги г. Пругавина. Разсказывая о пристрастіи крестьянъ къ картинкамъ, онъ говоритъ:

«По этому поводу намъ невольно вспоминается слѣдующій, по нашему мнѣнію, глубоко *трогательный* (курсивъ нашъ) народный разсказъ, записанный однимъ изъ статистиковъ московскаго земства.

«Старикъ-крестьянинъ, возвращаясь откуда-то домой, вмѣстѣ съ своей женой, нашелъ на дорогѣ исписанный листокъ писчей бумаги.

«— Крестись, старуха, — говоритъ онъ, обращаясь къ женѣ, — у насъ теперь дома грамотка завелась!

«— А ты, старикъ, — отвѣчаетъ жена, — прилѣпи грамотку-то на стѣну: *все въ избѣ-то повеселѣе будетъ* (курсивъ автора).

«Такъ скромны эстетическія требованія мужика, придавленнаго нуждой, но въ то же время и такъ живучи» (стр. 284).

Г. Пругавинъ тронуть такой живучестью въ мужикѣ потребностей высшаго порядка, не замѣчая, что въ сущности его умиленіе обидно для «народа». Въ самомъ дѣлѣ, что тутъ особеннаго, чѣмъ можно бы и стоило «тронуться»? Вѣдь, не былъ бы онъ тронуть, если бы кто-нибудь изъ его друзей-интеллигентовъ пожелалъ украсить стѣны своей комнаты картинкой. Ему показалось бы такое желаніе вполне простымъ и естественнымъ.

Для г. Пругавина потребовалась пѣлая книга, чтобы убѣдить себя въ слѣдующихъ истинахъ: «1) народъ желаетъ учиться; 2) народъ желаетъ читать; 3) народъ жаждетъ духовныхъ, нравственныхъ впечатлѣній». И только послѣ тщательнаго разсмотрѣнія всѣхъ «за» и «противъ», г. Пругавинъ заявляетъ: «Смѣемъ думать, что намъ удалось установить достаточно прочно эти три главные положенія».

Вопросъ не въ томъ, желаетъ ли народъ учиться и есть ли у него высшія потребности, а въ томъ, какъ и кто долженъ удовлетворить его «запросы»?

Какихъ только школъ ни изобрѣтаемъ мы для народа,—вплоть до школъ г-жи Штевенъ, которыя, по совѣсти, можно назвать только школами «безграмотности». Въ этомъ смыслѣ и высказался противъ нихъ въ прошломъ году Московскій Комитетъ грамотности. «Хотя молодые учителя (15—16 лѣтъ), сами недолго учившіеся и по-прежнему участвующіе лѣтомъ во всѣхъ полевыхъ работахъ, не особенно отличаются умственнымъ развитіемъ отъ своихъ учениковъ, но это же самое обстоятельство дѣлаетъ то, что ихъ небольшое умственное и нравственное превосходство ближе и понятнѣе крестьянскимъ дѣтямъ и потому легче ими усваивается» (стр. 486). Можетъ быть, это «небольшое умственное и нравственное превосходство» учителей и совсѣмъ излишне? Тогда «усвоеніе» было бы облегчено до крайности... Приведя эту выписку изъ статьи г-жи Штевенъ, г. Пругавинъ не дѣлаетъ никакихъ оговорокъ, и читатель впадаетъ въ невольное заблужденіе, что и г. Пругавинъ раздѣляетъ подобный взглядъ на дѣло народнаго просвѣщенія. Никому, конечно, и въ голову не придетъ рекомендовать интеллигенціи школы, въ которыхъ учителя обладали бы «небольшимъ умственнымъ и нравственнымъ превосходствомъ»? И не только предлагать, но даже видѣть въ этомъ условіе благопріятное.

Врядъ ли кто отрицаетъ теперь необходимость бороться съ невѣжествомъ народа, какъ съ такимъ зломъ, которое подрываетъ всѣ «благія начинанія», къ какой бы области они ни относились. Но нужно же разбираться въ вопросѣ. Г. Пыпинъ, возражая въ 1891 г. г. Пругавину, вполне справедливо возмущался филантропической постановкой вопроса, какъ это дѣлаетъ г. Пругавинъ и во второмъ изданіи своей книги. «Мы должны бы, кажется, — говоритъ г. Пыпинъ, — весь вопросъ ставить иначе — развивать мысли не о томъ, что какая-то «интеллигенція» обязана за что-то расплатиться съ народомъ, устраивая для него филантропическія школы, а о томъ, чтобы народное образованіе, независимо отъ всякой личной филантропіи, поставлено было тѣмъ нор-

мальнымъ образомъ, какимъ оно могло быть и было поставлено у другихъ народовъ; чтобы народъ пользовался извѣстною долею образованія не вслѣдствіе случайной благотворительности, а въ правильномъ законномъ порядкѣ вещей... Проповѣдь филантропіи питаетъ заблужденіе, отводитъ глаза отъ необходимости ставить вопросъ во всей его національной, государственной широтѣ»...

Въ предисловіи къ настоящему второму изданію г. Пругавинъ возражаетъ, что онъ и не имѣлъ въ виду возлагать на интеллигенцію дѣло народнаго просвѣщенія «во всемъ его объемѣ», а только ту часть его, которая заключается въ «заботахъ о внѣшкольномъ образованіи народа: изданіе книгъ, картинъ, распространеніе ихъ въ народной средѣ, устройство библиотекъ, читаленъ и книжныхъ складовъ, организація народныхъ чтеній и т. п. Но для выполненія этой программы «во всемъ ея объемѣ» необходимы извѣстныя условія. Что можно, интеллигенція дѣлаетъ.

Оставивъ въ сторонѣ эти разсужденія автора объ «обязанностяхъ», только затемняющія главныя положенія г. Пругавина, можно найти въ его книгѣ не мало дѣльныхъ совѣтовъ и указаній чисто практическаго свойства, весьма полезныхъ для всякаго, кто бы пожелалъ поработать для народнаго образованія. Въ этомъ отношеніи на ряду съ его книгой можно поставить только «Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы», составленный по порученію С.-Петербургскаго Комитета грамотности, вышедшій недавно тоже вторымъ, значительно дополненнымъ изданіемъ. Появился пока первый отдѣлъ, именно «по родному языку», заключающій въ себѣ болѣе или менѣе полный разборъ тысячи слишкомъ (1.003) учебниковъ, руководствъ для учителей и книгъ обще-литературнаго содержанія, изданныхъ для народа. Нечего и говорить, насколько этотъ трудъ великъ по размѣрамъ и важенъ по своимъ практическимъ результатамъ, давая массу матеріала, изъ котораго каждый можетъ почерпнуть то, что больше отвѣчаетъ его задачамъ и цѣлямъ. «Обзоръ» смѣло можно рекомендовать, какъ справочную настольную книгу для всѣхъ, прикосновенныхъ къ дѣлу народнаго образованія.

Вторая часть «Обзора», въ которую вошли отзывы о книгахъ художественнаго содержанія, сопровождается руководящей статьей о необходимости для народныхъ учителей обще-литературнаго образованія и о требованіяхъ, какимъ должны удовлетворять книги, издаваемые для народа. Приведемъ небольшую выдержку изъ этой статьи:

«Народу слѣдуетъ давать, — говоритъ авторъ руководящей статьи, редакторъ этой части отдѣла В. П. Острогорскій, — только художественныя

произведенія, которыя могутъ образовывать его чувства, воображеніе, вкусъ и умъ,—давать только такія сказки, басни, пѣсни, рассказы, повѣсти, которыя соединяютъ въ себѣ три условія: правду, добро, въ смыслѣ любви къ людямъ, и красоту, въ смыслѣ живости и складности, занимательности рассказа. Поэтому, собственно говоря, слѣдовало бы давать народу въ известномъ выборѣ, сокращеніяхъ или незначительныхъ передѣлкахъ, *только сочиненія лучшихъ, талантливейшихъ писателей* (таковы: Кольцовъ, Брыловъ, Пушкинъ, Гоголь, Державинъ, Жуковский, Шевченко, Никитинъ, Тургеневъ, Григоровичъ, Мей, Майковъ, Гончаровъ, Даль, Погооскій, Кохановская, гр. Л. Толстой, А. Потѣхинъ, Некрасовъ, Марко-Вовчокъ, Гребенка, Данилевскій и др.). Но пока, къ крайнему сожалѣнію, отдѣльными изданіями избранныя для народа сочиненія этихъ авторовъ вышли далеко еще не всѣ, приходится выбирать и изъ менѣ талантливыхъ писателей, работавшихъ для народа, *наиболье художественное*. Словомъ, первое, что должно имѣть въ виду при выборѣ чтенія, это—непремѣнно *талантъ писателя, художественность произведенія*. Никакія поучительныя, нравственныя повѣсти или басни и сказки, написанныя народными доброжелателями, со всякими благиими разсужденіями, поясненіями и поддѣлкой подъ народную рѣчь, никакія даже талантливыя, но пустыя по содержанію сказочки, собственно не должны имѣть здѣсь мѣсто» (стр. 97)

Справедливость этого взгляда врядъ ли кѣмъ отрицается въ настоящее время, хотя на дѣлѣ это далеко еще не оправдывается, и до сихъ поръ наша «народная» литература имѣетъ характеръ по преимуществу *поучительный* и менѣ всего художественный.

Въ своей книгѣ г. Пругавинъ приводитъ интересныя данныя, въ какомъ количествѣ расходятся въ народѣ изданія Никольскаго рынка. Они идутъ въ народную среду въ милліонахъ экземпляровъ, тогда какъ «народныя» изданія интеллигенціи или совсѣмъ не расходятся, или же тысячами, много десятками тысячъ. Г. Пругавинъ, а съ нимъ и многіе «народные доброжелатели», видятъ причину медленности распространенія въ плохой организаціи дѣла, въ нашей неумѣлости. Онъ рассказываетъ,—намъ въ примѣръ и поученіе,—много интереснаго о ловкости офеней и ихъ замѣчательной организаціи и даетъ странный совѣтъ интеллигенціи—взвалить себѣ на плечи короба съ ея изданіями для народа и отправиться самой распространять ихъ. И такъ какъ нѣтъ такого совѣта, котораго кто-нибудь да не послушался бы, то и этотъ совѣтъ пришелся нѣкоторымъ по душѣ. Дѣло не въ томъ, что изъ этого вышло, а въ странности самаго объясненія нашихъ неудачъ. Тотъ же офеня, конкурировать съ которымъ намъ во всякомъ случаѣ не по силамъ; сталъ бы охотно распространять наши изданія, если бы это было для него выгодно. Тотъ же Никольскій рынокъ сталъ бы издавать наши «народныя» книжки, если бы замѣтилъ, что онѣ идутъ «ходко», что на нихъ есть спросъ. А разъ этого спроса нѣтъ, то сколько бы самыхъ «народолюбивыхъ»

офеней ни разошлось по свѣту съ легкой руки г. Пругавина,— имъ все-таки не вытѣснить изданій Никольскаго рынка.

Какъ это ни печально, но правда прежде всего, — девять десятыхъ нашихъ изданій для народа до того скучны, хотя и высоко-нравственны, что читать ихъ можно только за наказаніе. Что же удивительнаго, если народъ отворачивается отъ нихъ равнодушно и беретъ съ охотою «Милорда»? При всей своей негѣлости, этотъ «Милордъ» очень занимателенъ для простаго читателя. Его «безъ скуки слушать можно», а «въ искусствѣ всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго». Эту мысль Вольтера издатели Никольскаго рынка отлично усвоили, и бороться съ ними надо тѣмъ же оружіемъ.

Народъ, какъ и мы, читаетъ книги не только съ цѣлью найти въ нихъ поученіе, а и съ цѣлью развлечься, уйти на минутку отъ дѣйствительности, забыть ее и въ мірѣ фантазіи пережить то, въ чемъ отказывается окружающая жизнь. Чѣмъ послѣдняя суровѣе, непригляднѣе, тяжелѣе, тѣмъ естественнѣе и сильнѣе желаніе отвлечься отъ нея какимъ бы то ни было средствомъ. Г. Пругавинъ справедливо называетъ «Милорда» *) и ему подобныя «лубочныя» романы—«гнусными книгами», забывая одно, что къ нимъ нельзя прилагать только нашу мѣрку.

Въ одномъ изъ разсказовъ г. Короленко («Ать-Даванъ») есть прелестное мѣсто, очень характерное для отношеній простаго читателя къ «лубочному» роману. Герой разсказа вспоминаетъ свою молодость и говоритъ, между прочимъ, о томъ вліяніи, какое имѣли на него и его невѣсту (Раису) всѣ эти «Милорды», «Гуаки» и «маркграфини».

«— Никакого грѣха! И въ мысляхъ не было, — оба младенцы чистые. Рая до чтенія была большая охотница, такъ въ этомъ больше и время проводили. Сначала Гуаки тамъ, рыцари разные, Французъ Венецыянтъ, — чувствительныя исторіи!.. Пустяки, конечно, а нравилось: маркграфиня, напр., бранденбургская, принцесса баварская, и при этомъ свирѣпый сераскиръ... Все такое-этакое... Возвышенные персоны-съ и все насчетъ любви и вѣрности упражняются, претерпѣваютъ... Конечно, головы молодыя!.. Она мнѣ и разсказываетъ, что за день-то прочитала. Говорить, говорить, потомъ и задумается.

«— Вотъ, Васенька, говоритъ, какіе на свѣтѣ есть любители... Надо и намъ этакъ же. Можешь-ли ты въ испытаніи, напримѣръ, вѣрность сохранить?.. Вдругъ-бы ко мнѣ какой-нибудь свирѣпый сераскиръ присватался?

«Ну, я, конечно, съ своей стороны смѣюсь...»

«— Да, — говоритъ и Рая, — наша жизнь есть совсѣмъ другая... Вотъ и студентъ тоже все смѣется, «а мнѣ, говоритъ, что-то скучно», — и вздохнетъ...»

*) Вотъ полное заглавіе этой, въ своемъ родѣ весьма любопытной, книги: «Повѣсть о приключеніяхъ англійскаго милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фредерики-Луизы, съ присовокупленіемъ къ оной исторіи бывшаго турецкаго визиря Марцимириса и сардинской королевы Терезіи».

Именно—«что-то скучно»! Большинство нашихъ издателей для народа совсѣмъ не хотятъ, этого принять въ соображеніе. Для простаго читателя привлекательны не пошлыя сцены «лубочнаго» романа, а возвышенный характеръ общаго, что «вотъ какіе на свѣтѣ есть любители».

Этимъ замѣчаніемъ мы вовсе не имѣемъ въ виду защищать лубочную литературу. Нападая на изданія Никольскаго рынка и желая въ корень подорвать ихъ, надо обратить серьезное вниманіе на тѣ ихъ стороны, которыя дѣлаютъ ихъ столь привлекательными для народа.

Въ нашей литературѣ для народа есть, между прочимъ, одинъ существенный пробѣлъ, именно—полное почти отсутствіе біографій русскихъ выдающихся общественныхъ дѣятелей. Отчего это зависитъ? Не отъ того ли, главнымъ образомъ, что мы и сами ихъ плохо помнимъ. Люди, имена которыхъ составляютъ нашу гордость, заслужившіе глубокую благодарность современниковъ, навсегда исчезаютъ изъ нашей памяти. Развѣ потомъ, лѣтъ тридцать спустя, въ какомъ-нибудь изъ историческихъ журналовъ появятся ихъ записки или воспоминанія, по поводу которыхъ промелькнутъ двѣ-три замѣтки въ текущей печати. «Наша жизнь, — говоритъ г. Кони, — чрезвычайно впечатлительная въ первыя минуты по терь, затѣмъ быстро навѣваетъ на насъ холодъ забвенія и даже неблагодарности. Мы такъ торопимся забыть нашихъ товарищей и предшественниковъ, какъ будто, несмотря на вялость нашей умственной жизни, все куда-то неудержимо стремимся, не имѣя даже времени, чтобы оглянуться на вышедшихъ изъ строя, на покинувшихъ насъ навсегда».

Восполняя отчасти этотъ пробѣлъ, нашъ знаменитый юристъ А. Ѳ. Кони посвятилъ памяти своихъ товарищей и членовъ юридическаго Общества, умершихъ въ теченіи 1893—1894 г., „юридическія поминки“ *). Хотя въ своихъ характеристикахъ онъ касается преимущественно ихъ дѣятельности, какъ юристовъ, но рѣдкая художественность, съ которою г. Кони очерчиваетъ личность каждаго изъ нихъ, придаетъ его задушевнымъ словамъ глубокое общее значеніе.

«Смерть пронеслась въ эти полтора года надъ нами,—обращается г. Кони къ слушателямъ,—и вырвала изъ нашей среды людей, участіе которыхъ въ трудахъ общества и сочувствіе его дѣламъ составляли то, что выражается

*) «Юридическія поминки и о новыхъ теченіяхъ въ уголовномъ процессѣ Италіи и Германіи». Изв. «Журнала Министерства Юстиціи». 1895 г. Печатано съ разрѣшенія министра юстиціи.

трудно-переводимымъ итальянскимъ словомъ «ambiente», обозначающимъ одновременно и обстановку, и условія, и свойства житейскаго явленія и положенія. Они—эти умершіе—съ разныхъ сторонъ и точекъ зрѣнія составляли то ambiente, которое необходимо для успѣшности безкорыстной работы юридическаго мышленія по теоретическимъ и практическимъ вопросамъ права, разработка которыхъ составляетъ задачу нашего общества.

Въ упомянутый періодъ Общество понесло громадную потерю въ лицѣ Алексѣя Михайловича Унковскаго, Виктора Антоновича Арцимовича, Евгенія Утина, Маркова и нѣсколькихъ другихъ, не столь видныхъ своихъ членовъ. О первомъ изъ нихъ уже упоминалось на страницахъ нашего журнала (въ декабрьской книгѣ «Мира Божьяго»), по поводу превосходной біографіи его, написанной г. Джаншіевымъ. Характеризуя его дѣятельность въ рядахъ адвокатуры, г. Кони замѣчаетъ, что «А. М. Унковскій былъ примѣромъ той нравственной высоты, на которой можетъ и долженъ стоять присяжный повѣренный, и всею совокупностью своей жизни далъ право, обращаясь къ его памяти, перефразировать извѣстный стихъ великаго поэта «чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ» словами «чистѣйшей честности чистѣйшій образецъ».

В. А. Арцимовичъ, какъ и Унковскій, игралъ видную роль при осуществленіи крѣпостной реформы и проведеніи въ жизнь судебныхныхъ установленій 1864 г. Въ качествѣ калужскаго губернатора, онъ явился «глубокимъ и безтрепетнымъ толкователемъ началъ, положенныхъ въ основу освобожденія крестьянъ, и приложеніи ихъ къ практическимъ условіямъ быта». Затѣмъ, какъ лицо, занимавшее въ судебномъ вѣдомствѣ одно изъ видныхъ мѣстъ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ и стойкихъ защитниковъ судебной реформы.

Надписи на сенатскомъ вѣнкѣ у его гроба «Человѣколюбивому стражу закона» и на вѣнкѣ отъ неизвѣстныхъ «Отцу сиротъ» опредѣляютъ собою тѣ полюсы, между которыми, съ неостывающей энергіей и каждой справедливости, двигалась его широкая мысль и билось его благородное сердце. Его голова блестяла умомъ и добротою въ засѣданіяхъ совѣта и общихъ собраній Юридическаго Общества; ея бѣлоснѣжныя сѣдины, подъ которыми скрывалась житейская теплота, напоминали собою свѣжнюю вершину вулкановъ далекаго, льдистаго и мглισταго сѣвера, внутри которыхъ, однако, горитъ вѣчное пламя и свѣтитъ издалека...

Иного рода была дѣятельность Е. И. Утина, этого «талантливейшаго адвоката въ средѣ литераторовъ и талантливейшаго литератора въ средѣ адвокатовъ». По словамъ г. Кони, онъ былъ «просвѣщенный челоѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ» и вполне удовлетворялъ тѣмъ высокимъ требованіямъ, которыя жизнь предъявляетъ къ людямъ, посвятившимъ себя служенію правосудію. Онъ обладалъ широкимъ и глубокимъ образованіемъ, знакомствомъ съ исторіей искусства и литературою.

Только благодаря имъ, можно не опасаться обратитъ своего «служенія» въ ремесло. Этими знаніями надо запасаться въ возможно широкихъ размѣрахъ, иначе обыденная рядовая дѣятельность заглушитъ въ дальнѣйшіе годы жизни то, въ чемъ служеніе должно искать себѣ опору и основаніе—живой общественный организмъ, а высшій предметъ правосудія—живой человѣкъ съ его несчастіями, паденіями и преступленіями, но и съ Божьей искрой, которая во всякомъ теплится—исчезнетъ изъ виду и замретъ подъ мертвыми формулами, которыя тѣмъ болѣе несправедливы, чѣмъ болѣе приложимы ко всѣмъ безъ всякаго различія. Молодымъ юристамъ, входящимъ въ жизнь, такъ хочется сказать словами Гоголя: «Забирайте съ собою, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество—забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія—не оставляйте на дорогѣ, не подымете потомъ!» А къ этимъ движеніямъ, конечно, относятся и пылкость ума, и жажда новыхъ знаній».

Для характеристики А. А. Маркова, г. Кони приводитъ любопытную страничку изъ прошлаго, которая знакомитъ насъ съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое новый судъ—«равный для всѣхъ»—производилъ на тогдашнее общество и заграницей. Маркову пришлось вести дѣло о поджогѣ мельницы Овсянниковымъ, который, благодаря своему богатству, пользовался, конечно, огромнымъ вліяніемъ въ столицѣ.

«Наши западные сосѣди, лукаво поглядывая въ нашу сторону, отказывались вѣрить, чтобы въ «подкупной» (bestechbare) странѣ видное общественное положеніе или большое богатство не служили прочной и непреборимой защитой противъ уголовного правосудія, примѣнимаго только къ бѣднякамъ. «Изъ Петербурга пишутъ, — иронически восклицалъ «Кладерадачъ», — что *дванадцатикратный* (zwoelffache) миллионеръ Овсянниковъ арестованъ. Непостижимо! Или у него вовсе нѣтъ 12 миллионѣвъ, или же мы на-дняхъ услышимъ, что *одинадцатикратный* миллионеръ Овсянниковъ освобожденъ отъ преслѣдованія!..» Горечь этой оскорбительной ироніи какъ будто усиливалась тѣмъ, что въ прошломъ за Овсянниковымъ было свыше десяти судимостей низшими судами стараго устройства, изъ которыхъ онъ выходилъ съ самоувѣреннымъ торжествомъ, не смотря на то, что между этими дѣлами находились и дѣла о побояхъ, нанесенныхъ должностнымъ лицамъ. Судъ и присяжные совершали тяжелый трудъ по этому дѣлу съ честью, а хотя раздавались отдѣльные голоса, утверждавшіе, что Овсянниковъ осужденъ за свои прошлыя прегрѣшенія, а не за настоящее преступленіе, но если припомнить, что дѣло о такихъ, совершаемыхъ въ тайнѣ и съ оглядкой, преступленіяхъ, какъ поджогъ, не даютъ прямыхъ доказательствъ, особливо, когда обвиненіе сводится къ подстрекательству на поджогъ третьяго лица, и что въ разборѣ дѣла участвовали самыя блестящія силы защиты и обвиненія, то можно сказать, что въ предѣлахъ доступнаго человѣческому правосудію разумнѣя было совершено все возможное. Не даромъ, извѣстный глубиною своего ораторскаго таланта, повѣренный гражданскаго истца по дѣлу отвѣтилъ на обращенный къ нему упрекъ въ неприведеніи прямыхъ доказательствъ, а лишь косвенныхъ уликъ: «ну, да, у насъ лишь черточки и штрихи, но изъ нихъ составляются очертанія, а изъ очертаній буквы и слоги, а изъ слоговъ слово и слово это *поджогъ*!..» Но когда этотъ поджогъ произошелъ, оваривъ громаднымъ заревоиъ петербургское небо, то въ вызванномъ имъ пожарѣ было усмотрѣно

полиціей лишь простое «приспешствіе», подлежавшее, согласно ея сообщенію слѣдователю, погребенію подъ покровомъ 309 ст. уст. угол. суд. Тогдашній прокуроръ, задумавшійся надъ причинами громаднаго пожара, поручилъ Маркову произвести на мѣстѣ личное дознаніе. Оно продолжалось нѣсколько дней Марковъ отдался ему всецѣло и результатомъ его добросовѣстнѣйшаго и кропотливаго труда было возбужденіе уголовного преслѣдованія противъ Овсянникова...

Таковы эти люди, служившіе «чистѣйшими образцами чистѣйшей честности» для своихъ товарищей, утверждавшіе судъ и правду на новыхъ началахъ, при условіяхъ, требовавшихъ въ равной степени энергіи и осторожности, и вынесшіе на своихъ плечахъ тяжесть реформъ крѣпостной и судебной. И намъ понятны теплыя слова, которыми г. Кони оправдываетъ необходимость своихъ «юридическихъ поминокъ»: «Такіе люди становятся особенно дороги когда усталая жизнь клонится къ закату и когда, въ лицѣ ихъ одинъ за другимъ уходятъ соучастники свѣтлыхъ надеждъ, трудовъ и любви къ тому, съ чѣмъ связаны лучшіе годы жизни. Воспоминаніе о нихъ должно имѣть мѣсто въ засѣданіяхъ ученаго собранія, которому не слѣдуетъ оправдывать словъ Пушкина о томъ, что мы «лѣнны и не любопытны», хотя, къ сожалѣнію это такъ бываетъ въ дѣйствительности», — и тѣмъ болѣе воспоминанія о нихъ должны быть дороги для общества и народа, который пользуется плодами ихъ самоотверженной дѣятельности.

А. Б.

ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Вопросы русской общественной жизни. Въ настоящее время многія земскія собранія заняты разсмотрѣніемъ новаго лѣчебнаго устава, выработаннаго медицинскимъ департаментомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и разосланнаго для обсужденія въ губернскія земскія управы. Сущность новаго устава, въ общихъ чертахъ, заключается въ томъ, что управление земскими больницами передается изъ рукъ земства въ вѣдѣніе главныхъ врачей и больничныхъ правленій, состоящихъ изъ 5 лицъ, въ число которыхъ входитъ только одинъ представитель земства. Главные врачи, также какъ и члены больничныхъ правленій, опредѣляются и увольняются губернскимъ управленіемъ. Число кроватей въ каждой больницѣ должно быть заранѣе опредѣлено, и земство лишается права увеличивать или уменьшать количество ихъ, смотря по потребностямъ данной минуты. Цѣлый рядъ земствъ рѣшительно высказался противъ новаго лѣчебнаго устава, усматривая въ немъ нѣкоторыя затрудненія для успѣшнаго развитія медицинской помощи населенію. Такъ, напр., Самарская губернская управа, какъ передаетъ «Самарская газета», въ своемъ докладѣ земскому собранію высказываетъ слѣдующія соображенія:

«Управа сомнѣвается, чтобы послѣдствія, какія вызоветъ лѣчебный уставъ, отвѣчали тѣмъ ожиданіямъ

и желаніямъ правительства, какія имѣлись въ виду при его созданіи, сомнѣвается потому, что дѣло народной медицины при новой его постановкѣ, сравнительно съ существующими порядками, по ея мнѣнію, слѣдуетъ несомнѣнно шагъ назадъ. Всѣмъ памятно, какова была постановка лѣчебнаго дѣла и порядки въ больницахъ приказа общественного призрѣнія: эти больницы, находившіяся, какъ будетъ и при новомъ лѣчебномъ уставѣ, въ завѣдываніи врачей, были лишь жалкими народіями на больницахъ. Со времени передачи учреждений приказа общественного призрѣнія въ вѣдѣніе земскихъ учреждений, эти послѣднія не жалѣли ни нравственныхъ силъ, ни матеріальныхъ затратъ, чтобы обезпечить населеніе наилучшей медицинской помощью. Сравнительная табличка затратъ самарскаго земства по обезпеченію народнаго здоровья покажетъ постоянное стремленіе земства къ расширенію организаціи медицинской помощи».

Приведа затѣмъ данныя о расходахъ земства на народную медицину съ 1885 по 1893 г., изъ которыхъ видно, что затраты на это дѣло съ каждымъ годомъ возрастали и въ 1893 г. достигли крупной цифры 572.635 руб., газета продолжаетъ: «При помощи этихъ затратъ возможно было поставить дѣло на надлежащую высоту, возможно было всегда идти навстрѣчу народнымъ по-

требностямъ, прислушиваться къ открытіямъ науки и немедленно проводить ихъ въ жизнь, извлекая возможную пользу: сѣть уѣздныхъ больницъ, прекрасная губернская больница, обширная лѣчебница для душевно-больныхъ, Пастеровская станція, фельдшерско-акушерская школа, пріютъ подкидышей, борьба съ эпидеміями и эпизоотіями, и проч., наглядно свидѣтельствуютъ о заботахъ земства. Заботы эти и правительствомъ были замѣчены и оцѣнены по достоинству. Такіе результаты были достигнуты, главнымъ образомъ, благодаря тому, что земство чувствовало себя хозяиномъ, работало надъ «своимъ» любимымъ, имъ самимъ созданнымъ дѣломъ; это сознание, что не напрасны будутъ усилія, придавало энергію лучшимъ земскимъ дѣятелямъ».

Новый же лѣчебный уставъ, по мнѣнію Самарской губернской управы, неминуемо долженъ охладить энергію земства: «отсутствіе близости и тѣсной связи между земствомъ и лѣчебными заведеніями заставитъ смотрѣть на эти послѣднія, какъ на нелюбимыхъ и, главное, ускользающихъ отъ воздѣйствія шасынковъ, какъ на чуждое неинтересное дѣло. Полнымъ хозяиномъ дѣла, вмѣсто земства, содержащаго, однако, его на свои средства, становится персоналъ врачей, въ формѣ правленія, чуждый, вѣроятно, всякихъ хозяйственныхъ знаній. Совершенно справедливо можно опасаться, что, при всей добросовѣстности врачей и солидности ихъ спеціальныхъ знаній, хозяйство ихъ будетъ нехозяйственно, оно пойдетъ въ ущербъ и земскому карману, и больничнымъ заведеніямъ, а, главное, въ ущербъ больнымъ. Это будутъ тѣ же порядки временъ приказа общественаго призрѣнія, но едва ли лѣчебный уставъ при своемъ созданіи возвращеніе ихъ признавалъ желательнымъ».

Переходя далѣе къ обсужденію сдѣльныхъ частныхъ новаго устава управы замѣчаетъ, что, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, система лѣчбныя въ постоянныхъ больницахъ, строго установленнымъ количествомъ кроватей, представляетъ, по ея мнѣнію, большія неудобства. Она очень мало пригодна для удовлетворенія потребностей населенія на прострѣтѣ уѣзда въ 40.000 кв. верстъ. Громадное большинство больныхъ не состояніи будетъ воспользоваться бѣгами хорошо обставленныхъ больничной проташится до больницы, сятки верстъ и услышитъ, что нѣ свободной вакансіи. Земская же и мощь сама старалась идти навстрѣ больному; для этого создавались тучіе отряды, временные врачей и фельдшерскіе пункты, періодическіе объѣзды врачей и т. под. Земская помощь въ своей организаціи ушла далѣе тѣхъ рамокъ, какія намѣтилъ уставъ; многолѣтній опытъ пріисобилъ ее къ особенностямъ существованія сельскаго населенія. Не достаточно одного лѣченія въ больничной чтобы вылѣчить болѣзнь. Вылѣченіи больнои, возвращаясь въ тѣ же условия существованія, какія породили болѣзнь, неизбежно опять заболѣетъ и опять идетъ къ доктору. Не обходима борьба съ коренными причинами разныхъ недуговъ; и въ этихъ цѣляхъ изученіе окружающей обстановки народа, его быта, возвращеніи привычекъ при помощи существующаго санитарнаго бюро поставило задачу скую медицину на путь радикальной помощи населенію. Этой радикальной помощи хотя бы и въ прекрасноставленныхъ новыхъ больницахъ, и однако, все будетъ дѣлаться по уставу, по формѣ, населеніе не получитъ

Въ этомъ же смыслѣ высказались другія земства (напр. курское, тульское, черниговское, костромское, ижегородское, московское и мн. др. Подтверженіемъ справедливости мнѣ

ній вышеприведенныхъ земствъ можетъ служить положеніе медицинскаго дѣла въ губерніяхъ не-земскихъ. Въ № 3 «Недѣли» за текущій годъ помѣщена любопытная корреспонденція г. Я. Абрамова изъ Ставрополя-Кавказскаго, подъ заглавіемъ «Край безъ земства». Въ ней г. Абрамовъ сообщаетъ, что ставропольскій губернаторъ обратился къ населенію губерніи съ воззваніемъ, приглашая его къ пожертвованіямъ на устройство въ Ставрополѣ больницы имени покойнаго Императора Александра III. Въ этомъ воззваніи губернаторъ сообщаетъ любопытныя подробности о положеніи лѣчебнаго дѣла въ Ставропольской губерніи.

«Кому неизвѣстно, — говорится въ воззваніи, — что дѣло больничнаго призрѣнія находится въ Ставропольской губерніи въ самомъ плачевномъ ея состояніи. Единственная въ г. Ставрополѣ больница Ставропольскаго приказа общественнаго призрѣнія ветха, тѣсна и по размѣрамъ недостаточна для приѣма нуждающихся въ лѣченіи больныхъ; она должна бы принимать не болѣе 24 человѣкъ, между тѣмъ, въ лѣтнее время число больныхъ въ ней доходитъ до 50, а въ зимнее, осеннее и весеннее время даже до 100 человѣкъ. При такомъ переполненіи, неудобномъ устройствѣ зданій и невозможности обремонтировать и расширить ихъ, не можетъ быть и рѣчи о соблюденіи въ должной мѣрѣ врачебно-санитарныхъ требованій. Еще въ болѣе печальномъ и безотрадномъ положеніи находится состоящее при названной больницѣ отдѣленіе для умалишенныхъ. Самыя зданія этого отдѣленія, передѣланныя частью изъ сараевъ, существуютъ съ начала текущаго столѣтія и, по ветхости, поддерживать ихъ положительно невозможно. Насколько отдѣленіе это не удовлетворяетъ своему назначенію, можно видѣть изъ того, что число содержащихся въ немъ больныхъ до-

ходить до 35 человѣкъ, которыхъ приходится размѣщать въ отдѣленіяхъ, похожихъ скорѣе на влѣтки, чѣмъ на комнаты. Невозможность при этомъ размѣщать душевно-больныхъ по характеру ихъ болѣзни бываетъ нерѣдко причиною того, что страдающій тихимъ умопомѣшательствомъ, помѣщенный по необходимости вмѣстѣ съ буйнымъ больнымъ, переходитъ также въ буйное настроеніе и дѣлается безнадежнымъ, что, при лучшихъ условіяхъ, понятно, не имѣло бы мѣста. Вслѣдствіе того же недостатка въ помѣщеніяхъ многіе больные даже буйнымъ помѣшательствомъ не принимаются въ отдѣленіе, числясь долгое время кандидатами. Въ селеніяхъ, для безопасности отъ подобнаго рода больныхъ, обыватели прибѣгаютъ къ такимъ средствамъ, какъ приковываніе больныхъ на цѣпи, содержаніе ихъ при сельскихъ тюрьмахъ и т. п.

Къ этимъ краснорѣчивымъ словамъ едва ли что-либо нужно добавлять. Но необходимо сказать, что насколько населеніе Ставропольской губерніи лишено больничной помощи, настолько же оно не можетъ пользоваться и амбулаторной врачебной помощью. Сельской медицины, подобной созданной во внутреннихъ губерніяхъ земствами, у насъ совсѣмъ нѣтъ. Стройная организація земской медицины съ ея сельскими больницами и больничными покоями, по нѣскольку на уѣздъ, съ сѣтью амбулаторій, охватывающихъ все населеніе, съ десяткомъ врачей на уѣздъ и лѣкарскими помощниками на особыхъ пунктахъ — все это совершенно неизвѣстно намъ».

Далѣе г. Абрамовъ касается того же вопроса, который разсматривался и на земскихъ собраніяхъ при обсужденіи новаго лѣчебнаго устава — вопроса о преимуществахъ организацій немногихъ крупныхъ больницъ или многочисленныхъ мелкихъ амбулаторныхъ приѣмовъ, и склоняется къ

мивнію земствъ о предпочтительности послѣдняго. Онъ говоритъ:

«Ставропольскій губернаторъ въ своемъ воззваніи дѣлаетъ изъ приведенной выше картины отсутствія въ губерніи больничной помощи выводъ о необходимости созданія въ Ставрополѣ «центрального благоустроеннаго лѣчебнаго заведенія». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы у насъ было земство, дѣятели его воспользовались бы опытомъ земскихъ учреждений другихъ губерній, который повсемѣстно привелъ къ отрицанію цѣлесообразности устройства крупныхъ центральныхъ больницъ. Если и для амбулаторныхъ больныхъ чѣмъ ближе врачебная помощь, тѣмъ лучше, то тѣмъ еще болѣе необходимо приблизить къ населенію больничную помощь. Больница въ Ставрополѣ, несомнѣнно, будетъ имѣть большое значеніе для города, но населеніе губерній и при наличности этой больницы будетъ оставаться въ такомъ же безпомощномъ положеніи, въ какомъ находится и теперь. Не повезутъ же тяжело больного за 100—150 верстъ въ больницу?»

Секта бѣлоризцевъ. Въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» описывается существующая въ Симбирской губ. секта «бѣлоризцевъ». По словамъ газеты, основателемъ секты является крестьянинъ Писцовъ, уроженецъ Самарской губ. «Онъ воспитывался въ крайней бѣдности, такъ какъ остался послѣ родителей еще ребенкомъ. Не смотря на это, онъ, благодаря своему природному уму и бережливости, сколотилъ кое-какія деньжонки и занялся торговлею. Торговля дала ему новыя средства, и къ зрѣлымъ годамъ онъ по деревенски сталъ уже довольно состоятельнымъ человекомъ и купилъ землю вблизи своего села.

Около 30 лѣтъ тому назадъ Писцовъ купилъ въ Симбирскѣ садъ, поселился здѣсь съ семьєю, и вскорѣ

сталъ первымъ бѣлоризцемъ. Теперь ему около 70 лѣтъ, но на видъ ему не болѣе 40. Онъ средняго роста, сложенъ довольно крѣпко, и сѣдъ, «какъ лунь». Въ Симбирскѣ отличить его отъ толпы весьма легко: одѣвается онъ во все бѣлое,—бѣлая шляпа и бѣлый, широкій, просторный халатъ; голову держитъ высоко и гордо, идетъ спокойной, далеко отставляя свою палку въ сторону. На удивленные взгляды прохожихъ, а часто и на насмѣшки, которыя сыплются ему прямо въ лицо, Писцовъ отвѣчаетъ улыбочкою, и вообще обращаетъ на это мало вниманія».

Въ чемъ же заключается сущность ученія бѣлоризцевъ?

«Основа его та, что всѣ люди *живутъ не такъ, какъ надо жить*, и не такъ, какъ жили и учили святые отцы. Что жить надо по правдѣ, жить надо просто, разумно, не давать волю страстямъ. А нужно это для того, чтобы жилось легко и свободно. Что такая жизнь, какою живутъ многіе, продолжаться долго не можетъ, а скоро придетъ время, и этотъ Вавилонъ погибнетъ. А тогда... тогда всѣ будутъ «бѣленкіе», какъ мы.

Какъ же бѣлоризцы слѣдуютъ этимъ своимъ идеаламъ въ жизни?

Прежде всего они живутъ въ высшей степени скромно: никто изъ нихъ и никогда не пьетъ, никто не куритъ, они не пьютъ чая, не ѣдятъ мяса, рыбы, молока, яицъ, а прежде не ѣли даже луку и хрѣну. Однимъ словомъ, относительно пищи они могутъ служить идеаломъ для вегетаріанцевъ. Ѣдятъ они два раза въ день: ровно въ 10 час. утра и въ 6 час. вечера, или въ 4 и въ 12 час. дня, такъ какъ они ведутъ счетъ времени по восточному (въ 6 час. утра у нихъ 1-й часъ дня). Пьютъ только воду, а ѣдятъ кромѣ хлѣба все растительное.

Одѣваются они во все «самодѣльное» и по возможности въ бѣлое. На бѣлоризцѣ все свое и почти все имѣ

самимъ сдѣлано: они сѣютъ ленъ, обдѣлываютъ его, жены ихъ ткутъ холстъ и шьютъ одежду. Одежда ихъ бѣлая не потому, чтобы этого требовала ихъ вѣра, а потому, что это естественный цвѣтъ холста, и всякая краска его излишня. На всякій излишекъ въ одеждѣ, на всякую окраску, «фасонъ», вышивку бѣлоризецъ смотритъ съ усмѣшкой и при случаѣ не прочь сказать, что «дурачокъ красненькое любитъ».

Всѣ бѣлоризцы работаютъ очень много, очень усердно, толково и аккуратно. Работаютъ они больше для себя, около дома, а наниматься не любятъ, но разъ наймутся, дѣлаютъ такъ, какъ сдѣлаетъ рѣдкій не бѣлоризецъ. Работаютъ около дома они все, что придется: пахутъ, сѣютъ, ухаживаютъ за садами и огородами, плотничаютъ, кладутъ печи, пилятъ лѣсъ, кузнечатъ, сапожничаютъ и т. д. На бѣлоризцѣ отъ шапки до сапогъ или лаптей и отъ кафтана до мѣдной застежки все «своей работы». Онъ покупаетъ лишь въ случаѣ крайней необходимости, когда сдѣлать что-либо или невозможно для него, или крайне невыгодно».

О томъ, какъ Писцовъ сталъ бѣлоризцемъ, корреспондентъ «Волжскаго Вѣстника» рассказываетъ слѣдующее:

«Лѣтъ 30 тому назадъ, Писцовъ велъ большія торговля дѣла и былъ богатымъ человѣкомъ. Но вотъ, будто бы по совѣту одного врача, онъ задумалъ бросить всѣ свои дѣла и жить *просто и свободно*, прежде всего затѣмъ, чтобы сохранить свое здоровье, которое торговыми хлопотами и заботами онъ значительно подорвалъ. Задумавъ *все бросить*, Писцовъ поступилъ очень радикально: онъ позвалъ одного торговца къ себѣ на квартиру и *разомъ* спустилъ ему положительно все, что находилъ излишнимъ: дорогое платье, посуду, мебель и проч. Одѣлся самъ и нарядилъ всѣхъ домашнихъ въ такое

платье, въ какомъ ходятъ они и теперь. Надо себѣ представить, какой протестъ онъ вызвалъ со стороны жены и дѣтей, которыя были уже совершенно взрослыми. Далѣе, онъ рѣшилъ не ѣсть мяса, и доказывалъ, что ѣсть мясо грѣшно, потому что мясо «дѣлается» изъ скотины, а скотинѣ больно, когда ее передѣлываютъ на мясо. Старуха его долго терпѣла, но, наконецъ, соскучилась по мясу и убѣдительно просила старика зарѣзать ей курицу, причемъ опровергала его положеніе, что скотинѣ больно, а доказывала напротивъ, что скотина радуется, когда ее рѣжутъ. Старикъ молчалъ, но баба была не изъ «такихъ» и отстать не хотѣла, и до того ему надоѣла, что онъ не вытерпѣлъ и сказалъ: «Хорошо, зарѣжемъ!» Писцовъ взялъ топоръ, изловилъ курицу и сказалъ женѣ: «Держи!» Старуха взяла. Тогда онъ отыскалъ подѣло, положилъ на него голову курицы и занесъ топоръ, на курица до того напугалась, что вырвалась, убѣжала подъ амбаръ и сидѣла тамъ три дня, никому не показываясь... Съ тѣхъ поръ старуха не говорила, что скотинѣ хорошо, когда ей рубятъ голову».

Этотъ разговоръ, повидимому, свидѣтельствуешь о необыкновенной душевной добротѣ Писцова, который не въ состояніи причинить страданія даже курицѣ. Въ виду этого является немного страннымъ, что окрестные крестьяне относятся къ Писцову не только недружелюбно, но даже прямо враждебно. Корреспондентъ «Волж. Вѣстн.» говоритъ, что общее мнѣніе о Писцовѣ самое неблагоприятное: «если вы спросите, кто онъ такой, то въ девяти случаяхъ изъ десяти, вы услышите, что «Писцовъ мошенникъ, кулакъ, обманщикъ, Писцовъ у бабы деньги скрылъ, Писцовъ сырга, Писцовъ скоро всѣ сады за безцѣнокъ скупить, Писцовъ учить, что въ церковь не надо ходить, Писцовъ мило-

стыни не подаетъ,—говорить, что, коли ты бѣденъ, то и будь бѣденъ, а я тебя не помогу, потому что меня Богъ сотворилъ богатымъ, а тебя бѣднымъ, и что, если я тебя помогу, то пойду противъ Бога... Вотъ какой такой Писцовъ! Не глядите на то, что онъ весь въ бѣломъ, будто умирать собрался... Покойникъ! у-у!...»

Авторъ корреспонденціи «Волж. Вѣст.» очень сочувственно относится къ Писцову и объясняетъ нелюбовь къ нему крестьянъ тѣмъ, что Писцовъ является для нихъ «воплощенной укориной», указывая имъ, какъ надо жить и пристыжая ихъ своимъ примѣромъ. Но даже и въ его корреспонденціи встрѣчаются нѣкоторыя подробности, указывающія на то, что крестьяне имѣютъ и другія, болѣе основательныя, причины, быть недовольными бѣлоризцемъ. «Конечно, Писцовъ не безъ недостатковъ; онъ, напр., хотя и проповѣдуетъ трудъ, но вообще самъ дѣлаетъ мало, кромѣ того, онъ большой самодуръ, и вообще не прочь вездѣ и всюду ставить себя образцомъ для другихъ». Далѣе, оказывается, что, несмотря на свои бѣлыя ризы, Писцовъ прекрасно умѣетъ обдѣлывать свои дѣла: «Хотя у Писцова всегда имѣются деньги, но онъ никогда не кладетъ ихъ въ банкъ и не беретъ никакихъ процентовъ, если придется кому-либо дать. Дѣлаетъ это онъ также потому, что брать ростъ, по его мнѣнію, грѣшно. Когда же у него собирается излишекъ, то онъ старается пустить его въ дѣло. Онъ любитъ покупать сады, дома и просто мѣста; сады онъ обдѣлываетъ своей семьей и нанимаетъ рабочихъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Сады, конечно, держатся образцово, на сколько, конечно, это позволяютъ знанія по садоводству его и его семейныхъ. Однако, зря садовъ и домовъ онъ не покупаетъ и вообще, зря платить, тратить деньги онъ не любитъ».

Въ самомъ Симбирскѣ въ настоящее

время всего 3—4 семьи бѣлоризцевъ, но ихъ довольно много въ окрестныхъ селахъ и деревняхъ. Между ними и остальными крестьянами вездѣ существуетъ очень сильная рознь.

Женская доля. Въ провинціальныхъ газетахъ часто приходится встрѣчать разныя извѣстія о томъ, какъ ненормально складывается семейная жизнь во многихъ крестьянскихъ семьяхъ, гдѣ царятъ по истинѣ дореформенные порядки. Вотъ, наприм., что происходило, по словамъ «Саратовскаго Листка», въ приволжскомъ посадѣ Дубовкѣ. Одну дѣвушку просватали за нелюбимаго жениха. Она долго упиралась, просила родныхъ не неволить ее, обращалась съ этою же просьбою къ самому жениху, но все было напрасно. Тогда въ день самой свадьбы она не выдержала и убѣжала изъ дому въ самый разгаръ свадебнаго пира.

Трое рабочихъ, идя на работы, на улицѣ увидѣли поровнявшуюся съ ними женщину, одѣтую, не смотря на холодъ, въ одномъ бѣльѣ, съ распущенной косою; они, принявъ ее за русалку, которая ихъ можетъ зашекетать, за нечистую силу, бросились бѣжать по гору, къ рѣкѣ; женщина бѣжала за ними, свернувъ на пути къ одному дому, гдѣ стучала въ калитку, но не достучалась. Затѣмъ она снова пустилась бѣжать въ гору, по направленію къ кладбищу, догнавъ на пути тѣхъ же рабочихъ, возвращавшихся въ страхѣ отъ привидѣнныя домой; она спѣшила догнать ихъ, что-то безсвязно лепечая, но что именно—они разобрать не могли. Она, между тѣмъ, отставъ отъ рабочихъ, приютилась въ ожиданіи разсвѣта у бѣдной старушки въ избѣ. Одинъ изъ рабочихъ и теперь боленъ отъ страха. Ее черезъ нѣсколько дней поймали, водворили къ мужу, откуда она снова ушла, и въ настоящее время противъ этой женщины ведется что-то похожее на облаву...

Можно представить себѣ, какое «семейное счастье» воцарится у этихъ супруговъ, когда непокорная жена будетъ снова поймана и водворена на жительство къ мужу.

Любопытнымъ образчикомъ отношенія къ «женскому вопросу» въ деревнѣ можетъ служить также слѣдующій документъ, извлеченный «Орловскимъ Вѣстникомъ» изъ одного изъ волостныхъ правленій Орловскаго уѣзда, «1885 года, января 29-го дня. Я, нижеподписавшаяся, крестьянка Вивія Ивановна, даю эту подписку своему мужу, Климу Кириллову Синицыну, въ томъ, что обязываюсь испросить прощенья у мужа моего въ теченіе семи недѣль великаго поста, начиная съ перваго дня, должна являться въ волость ежедневно весь великій постъ и кланяться мужу въ ноги по двадцать поклоновъ каждый день и обязываюсь жить у Клима Кириллова Синицына и почитать по закону, безъ вопроса отнюдь никуда не отлучаться или что-либо дѣлать; за всякое самовольство обязана быть наказанною пятью ударами розогъ, въ томъ и подписываюсь: крестьянка Вивія Иванова, а за нее, неграмотную, по ея рукоданной, росписался личный почетный гражданинъ Николай Парменовъ Аретинскій».

Не говоря уже о незаконности такого «акта» по существу, онъ слѣдуетъ лишней иллюстраціей тяжелыхъ условій, въ которыхъ до сихъ поръ находится русская женщина. «Бабы стоны» краснорѣчиво опровергаютъ увѣренія нашихъ «самобытниковъ», что патриархальные нравы деревни представляютъ чуть не идеаль, который усердно рекомендуется и «интеллигенціи». Часто приходится слышать также, что въ рѣшеніи «женскаго вопроса» мы опередили Западную Европу. Приведенные факты, невозможные и немислимые *нигдѣ* въ Европѣ, лучше всего доказываютъ ложность такого взгляда, и намъ, какъ ни пе-

чально, а надѣ признать, что до сихъ поръ во всей силѣ остается характеристика русской крестьянки, сдѣланная знаменитымъ поэтомъ: «Ты вся—вѣковая истома, ты вся—воплощенный испугъ». Вся наша дикость и некультурность ни въ чемъ не проявляется такъ ярко, какъ въ отношеніяхъ къ женщинѣ, и пока это такъ,—можно ли говорить, что мы «опередили» Европу?

Калмыцкое окружное училище.
Въ «Приазовскомъ краѣ» сообщаются любопытныя данныя о калмыцкихъ школахъ въ области войска Донскаго. Въ станицѣ Великокняжеской есть окружное калмыцкое училище, куда поступаютъ окончившіе курсъ въ начальныхъ школахъ. По окончаніи этого училища, большинство калмыковъ стремятся получить званіе сельскаго учителя и съ этимъ уже правомъ поступаютъ помощниками учителей и учителями калмыцкаго языка въ школы сельскаго округа. Ученики-калмыки съ большой охотой берутся за науку и поражаютъ своей понятливостью и знаніями. Какъ отрадное явленіе, отмѣчаемъ слѣдующій фактъ: въ числѣ учащихся дѣтей въ настоящее время уже находится до 10 дѣвочекъ. Калмыки почти все стараются учить своихъ дѣтей, а отнюдь отдаютъ ихъ въ школы, а болѣе зажиточные изъ нихъ стараются помогать бѣднымъ учащимся. Жаль только, что, за неимѣніемъ мѣстъ въ школахъ, нѣкоторыхъ учителя не принимали. Въ великокняжескомъ окружномъ училищѣ состоитъ учениковъ 64 человѣка, изъ нихъ 22 калмыка и 42 русскихъ.

Въ настоящее время при училищѣ затѣвается устройство общежитія для учениковъ. Устройство общежитія мотивируется тѣмъ, что ученики, по большей части, не жители станицы, а пріѣзжіе изъ окрестныхъ станицъ и хуторовъ, живутъ по квартирамъ

и терпятъ, большія неудобства. Въ квартирахъ этихъ мало свѣта, воздуха, грязь, сырость, и зачастую ученикъ помѣщается въ одной комнатѣ съ хозяевами, дѣтьми, и даже домашними животными. Станичныя общества Сальскаго округа отнеслись къ вопросу объ устройствѣ общежитія сочувственно и составили приговоры, что согласны ежегодно вносить извѣстную сумму на это дѣло. Почему-то, однако, приговоры эти не были утверждены, и дѣло устройства общежитія, за неимѣніемъ средствъ, рухнуло. Теперь оно вновь затѣвается, и средства къ осуществленію его изыскиваются уже частнымъ образомъ, Бакша донскихъ калмыковъ Джемба Микулиновъ далъ обязательство вносить ежегодно по 100 рублей, старшія духовныя лица хоруловъ деиновскаго и кутейниковскаго—по 50 руб., батлаевскаго и иловайскаго—по 25 руб. Такимъ образомъ, уже есть 250 р. въ годъ. Можетъ быть, на это хорошее дѣло откликнутся и другія лица.

На родинѣ Тургенева. Земскій статистикъ г. Бѣлоконскій описываетъ въ «Рус. Вѣд.» свое посѣщеніе села Спасскаго-Лутовинова, бывшаго родовымъ имѣніемъ Тургенева, въ которомъ онъ провелъ все свое дѣтство и подолгу живалъ и впоследствии. Между прочимъ, онъ сообщаетъ интересныя данныя о томъ, насколько память о Тургеневѣ сохранилась въ народѣ. Подѣзжая къ Спасскому, г. Бѣлоконскій завелъ со своимъ возницей слѣдующій разговоръ:

«— А вы знаете Спасское?— воспользовался я настроеніемъ возницы, чтобы побесѣдовать на интересовавшую меня тему.

— Какъ не знать! Кто его не знаетъ! А вы развѣ не слышали?

— Нѣтъ, ничего не слышалъ,—отвѣтилъ я, чтобы дать возможность самому возницѣ сообщить о достопримѣ-

чательностяхъ Спасскаго. Чѣмъ же оно славится?—спрашиваю возницу.

— Баринъ больно хорошъ былъ.

— Какой баринъ?

— Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ.

Такой отвѣтъ окончательно изумилъ меня. Обыкновенно воспоминанія крестьянъ—да и то, собственно говоря, стариковъ—не простираются далѣе тѣхъ господъ, въ крѣпостной зависимости которыхъ они находились, а разъ имѣніе перешло къ новымъ владѣльцамъ, то, въ большинствѣ случаевъ, фамиліи послѣднихъ они не знаютъ вѣдаясь по дѣламъ съ какимъ-либо приващикомъ, котораго называютъ по имени, отчеству, или перевираютъ эти фамиліи до совершенной неузнаваемости. Между тѣмъ, возникла былъ изъ другой волости, а послѣдній разъ Тургеневъ посѣтилъ свое родовое имѣніе, кажется, въ 1881 или 1882 году, т. е. 11—12 лѣтъ тому назадъ, владѣнія его перешли въ другія руки, а память осталась.

— Чѣмъ же баринъ хорошъ былъ?

— Усѣмъ... Нашего брата не обиждалъ...

— Что же этотъ баринъ дѣлалъ?

— Да усѣ; только рѣдко живалъ здѣсь...

— А гдѣ же онъ жилъ?

— На теплыхъ водахъ...

— Значить, его никто и не видалъ?

— Какъ можно! Онъ скуды прѣзжалъ, поди, кажинъ годъ.

— Какъ же онъ не обижалъ?

— Да такъ... Вотъ хоть бы эта часовня—видите?

Возница опять тѣнулъ вътовщицею по направленію къ бѣлѣвшему предмету въ началѣ села.

— Ну, вижу. Такъ что же?

— Супротивъ этой часовни—во онъ за плетнемъ—кабакъ стоялъ. Кабатчикъ былъ настоящій кровопивецъ, и народъ оченно страдалъ. Вотъ, какъ Иванъ Сергѣевичъ пріѣдутъ, къ

нему народъ и преть, особливо бабы: «смилуйся, говорятъ, баринъ-батюшка, ослобони отъ кабатчика, не вели ему грабительствомъ заниматься». А баринъ въ отвѣтъ: «не могу, говорилъ, потому не на моей землѣ кабакъ». Такъ это онъ все говорилъ, говорилъ сколько тому лѣтъ. А потомъ, какъ-то, приѣхалъ и на зорькѣ по селу идетъ. Какъ увидѣли его, — баринъ былъ высоченный, а голова съ котель, — повалили къ нему мужики и бабы, дѣвки и малые ребята. Онъ идетъ, они за нимъ. И подходитъ онъ къ этому самому мѣсту, гдѣ теперь часовня, и говоритъ: «ну ребята, будемъ, говоритъ, часовню строить, а какъ, говоритъ, выстроимъ, съ Божією помощью, говорить, можемъ, и кабакъ уничтожимъ». Отвалили онъ тутъ же сколько тамъ сотенныхъ, и зачали спасовцы часовню строить. А какъ выстроили, Иванъ Сергѣевичъ куды-то — въ Питеръ, либо что — бумагу подалъ, что супротивъ часовни кабаку быть нельзя. Завошилъ тутъ кабатчикъ — туды-сюды, да ничего не подѣлаешь: такъ кабакъ и снесли... Вотъ эта часовня, — закончилъ свой рассказъ возница, указывая на каменную, выкрашенную въ желтую краску постройку, напоминающую круглую печь, сдѣланную болѣе чѣмъ аляповато. «Этою

часовнею» и начиналось село Спасское, вытянувшееся въ одну, чрезвычайно широкую и длинную, поросшую травой, улицу, заканчивающуюся усадьбою Ивана Сергѣевича Тургенева».

Самую усадьбу Тургенёва г. Бѣлоконскій описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Въ самомъ началѣ парка я увидѣлъ небольшихъ размѣровъ домъ съ мезониномъ. Половина его, обращенная къ каменной церкви, находящейся недалеко отъ дома, — съ низенькимъ балкономъ, на который выходитъ много оконъ, — деревянная, а другая половина — словно пристроенная сзади деревяннаго дома и идетъ отъ него полукругомъ, — кажется, каменная. Вотъ въ этомъ-то домѣ и жилъ Иванъ Сергѣевичъ. Внутри зданія мнѣ побывать не удалось, но объ этомъ нечего и жалѣть: въ домѣ ничего нѣтъ, даже и мебели, какъ передавали мнѣ обыватели.

Но если мнѣ не удалось въ совершенствѣ ознакомиться съ домомъ Тургенева, то чудный, громадныхъ размѣровъ, паркъ я прошелъ изъ конца въ конецъ и вдоволь насмотрѣлся на обширный прудъ. Мнѣ кажется, что и домъ этотъ, и паркъ, и прудъ описаны въ «Фаустѣ».

Изъ русскихъ журналовъ.

«Русская Мысль», «Русская Школа».

Изъ воспоминаній М. Ковалевскаго. Въ январьской книжкѣ «Русской Мысли», въ статьѣ «Мое научное и литературное скитальчество», М. Ковалевскій сообщаетъ интересныя подробности о своихъ сѣятаніяхъ за границей и своихъ знакомствахъ съ выдающимися представителями европейской науки. Въ Лондонѣ М. Ковалевскій познакомился съ Льюи-

сомъ, черезъ котораго ему удалось завязать сношенія со многими англійскими учеными и писателями. У Льюиса по воскресеньямъ сходились многіе почитатели таланта его жены, знаменитой англійской писательницы Джорджъ Элиотъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ, между прочимъ, Джона Морлея, Спенсера и другихъ. «Со Спенсеромъ мнѣ пришлось познакомиться по слѣ-

дующему случаю», рассказывает М. Ковалевскій. «Гаррисонъ предложилъ меня во временные члены Атенея, извѣстнаго литературнаго клуба въ Лондонѣ. Предложеніе было поддержано Спенсеромъ, однимъ изъ старшинъ этого клуба. Изъ нашего перваго, и чуть ли не единственнаго, разговора остались мнѣ памятны два заявленія моего собесѣдника. На мой вопросъ: что заставила его пойти въ старшины клуба?—онъ отвѣтилъ съ полной серьезностью; «желаніе познакомиться съ правительствомъ на практикѣ». Гаррисонъ, которому я передалъ этотъ отвѣтъ, шутя сказалъ мнѣ, что въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ Спенсеръ рѣшается даже жить въ пансионѣ (Boarding House), изъ желанія узнать на опытѣ выгоды и невыгоды общественной.

Дѣятельность Комитета грамотности за 33 года его существованія. Въ одномъ изъ засѣданій Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества предсѣдатель Комитета грамотности И. А. Горчаковъ прочелъ докладъ о дѣятельности Комитета грамотности за 33 года существованія. Докладъ этотъ напечатанъ въ январскомъ номерѣ журнала «Русская Школа», и мы хотимъ здѣсь въ краткихъ чертахъ познакомить нашихъ читателей съ его содержаниемъ.

Докладчикъ прежде всего обратилъ вниманіе на то, что Вольно-Экономическое Общество, съ самыхъ первыхъ шаговъ своей дѣятельности, по волѣ своей Великой Основательницы, Императрицы Екатерины II, стало заниматься вопросами народнаго образованія. Уже въ 1776 г. Общество удостоило своей преміи «сочиненіе Беарде де л'Абея, который указывалъ какъ «на лучший способъ къ исправленію земледѣлія — на освобожденіе крѣпостныхъ и надѣленіе ихъ землею, а какъ на подготовительную мѣру—

на распространеніе народнаго образованія».

Въ 1768 г. Общество объявило на конкурсъ тему: «сочинить для наставленія крестьянъ книжку, подъ именемъ «Крестьянское зеркало», которое содержало бы въ себѣ энциклопедію земледѣлія и домостроительства по отношенію къ крестьянскому быту». Такое сочиненіе было представлено неизвѣстнымъ лицомъ и издано Обществомъ въ 1799 г.

Съ 20-хъ годовъ текущаго столѣтія Общество закупаетъ полезныя книги разнообразнаго содержанія и бесплатно разсылаетъ ихъ разнымъ лицамъ. Въ 30-хъ годахъ оно идетъ еще дальше, и беретъ на себя инициативу въ открытіи публичныхъ библиотекъ и снабженіи ихъ книгами. При помощи Общества открываются библиотеки во многихъ городахъ. Говоря словами историка Вольно-Экономическаго Общества А. Ходнева, «о распространеніи въ массѣ народа полезныхъ свѣдѣній оно заботилось во все время своего существованія; но такъ какъ, главнѣйшимъ основаніемъ для распространенія всякаго рода свѣдѣній должна быть грамотность, то, наканунѣ празднованія столѣтія своей дѣятельности, Обществомъ было рѣшено открыть особый Комитетъ грамотности».

Мысль объ открытіи этого комитета впервые была высказана еще въ 1847 г., но, не смотря на сочувствіе общества этому предложенію, оно не получило осуществленія и было приведено въ исполненіе только въ 1860 г. «Съ тѣхъ поръ», — говоритъ г. Горчаковъ, — «Комитету были переданы просвѣтительныя функціи, еще съ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія входившія въ программу Вольно-Экономическаго Общества».

Перехода затѣмъ къ оцѣнкѣ самой дѣятельности Комитета грамотности, г. Горчаковъ замѣчаетъ, что на пер-

вомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить безплатную разсылку книгъ и учебныхъ пособій въ школы и другія учрежденія (больницы, тюрьмы, общества трезвости). Въ общемъ, Комитетомъ разослано болѣе 1.200.000 книгъ. Во время турецкой войны Комитетомъ были организованы библіотеки при лазаретахъ для раненыхъ солдатъ. Комитетъ вошелъ въ сношенія съ «Обществомъ распространенія священнаго писанія» и сформировалъ въ общемъ 450 библіотекъ при лазаретахъ. Въ концѣ 1893 г. Комитетъ приступилъ къ сбору пожертвованій на сельскія читальни, устраиваемыя съ помощью земствъ. Въ настоящее время собрано уже около 20.000 р. на этотъ предметъ, и отъ многихъ земствъ уже получены заявленія о согласіи ассигновать средства для устройства читаленъ, которыя Комитету предстоитъ снабдить книгами.

Съ 1881 г. Комитетъ выступилъ и на издательское поприще и съ того времени имъ были выпущены 54 книжки для народа. Въ послѣдніе годы Комитетъ усиленно занялся издательской дѣятельностью: въ теченіи 9 послѣднихъ мѣсяцевъ ему удалось выпустить 20 названій въ количествѣ 350.000 книжекъ. Кромѣ того, вырабатываются программы темъ для популярныхъ сочиненій, при участіи такихъ извѣстныхъ ученыхъ,

какъ Бекетовъ, Бредихинъ, Менделѣевъ, Мушкетовъ, и др.

Слѣдуетъ упомянуть также, что въ 60-хъ годахъ Комитетъ открылъ въ Петербургѣ первую въ Россіи женскую учительскую школу для подготовки народныхъ учительницъ. Министерство Народнаго Просвѣщенія обратило вниманіе на этотъ починъ и отпустило на поддержаніе школы 500 р. изъ суммъ министерства. Эти школы послужили прототипомъ теперешнихъ учительскихъ семинарій.

Коснувшись затѣмъ дѣятельности Комитета по обзору народно-учебной литературы, по устройству образцовыхъ училищъ, участію его на выставкахъ, и пр., П. А. Горчаковъ закончилъ свой докладъ слѣдующими словами: «Оглядываясь на свое прошлое, Комитетъ можетъ съ увѣренностью сказать, что значительной долей своего успѣха онъ обязанъ находженію при Императорскомъ Вольно-Экономическомъ Обществѣ, именно той независимости, которой онъ пользуется, будучи частью старѣйшаго въ Россіи Общества. Эта независимость, дарованная Обществу Бывшей его Основательницей и подтверждаемая ея преемниками, есть въ то же время залогъ успѣшности самого Общества, безъ которой оно не достигло бы широкой извѣстности».

Изъ иностранной жизни.

Англійскія школы. Англійскіе педагоги всѣ сходятся между собою въ одномъ пунктѣ. Они всѣ одинаково боятся переутомить учениковъ чрезмѣрными умственными занятіями и питаютъ одинаковое отвращеніе къ сидячему образу жизни. Поэтому, во всѣхъ англійскихъ школахъ уроки чередуются съ физическими упражненіями и бывають непродолжительны. Игры на свѣжемъ воздухѣ составля-

ютъ необходимую принадлежность англійскаго школьнаго воспитанія. Древніе языки, и особенно греческій языкъ, однако, попрежнему занимаютъ первенствующее мѣсто въ англійскихъ школахъ, также какъ и въ старинныхъ университетахъ, причеиъ преподаваніе греческаго языка оставлено такъ, что кончивше курсы въ этихъ школахъ дѣйствительно основательно знаютъ греческій языкъ. Леклеркъ

разсказываетъ въ своей книгѣ о воспитаніи въ Англіи слѣдующій фактъ, доказывающій, какъ распространено знаніе греческаго языка въ англійскомъ образованномъ обществѣ. Въ одномъ изъ номеровъ газеты «Times» въ 1892 году было помѣщено факсимиле одного отрывка Библии въ переводѣ семидесяти толковниковъ, причемъ, для поясненія, тутъ же былъ приведенъ и греческій текстъ. Въ другой странѣ, напримѣръ во Франціи, это могъ бы себѣ позволить только развѣ специальный филологическій журналъ.

Программа англійскихъ школъ теперь значительно расширена въ сравненіи съ прежними годами и въ нихъ введено преподаваніе математики, новой исторіи и новыхъ языковъ. До послѣдняго времени родной англійскій языкъ былъ въ загонѣ и поэтому бывали случаи, что юноши, поступавшіе въ университетъ изъ какой-нибудь публичной школы, не умѣли правильно писать по англійски. Особенностью англійскихъ школъ является также полная свобода преподаванія: каждая школа можетъ дѣйствовать совершенно самостоятельно въ этомъ отношеніи и создавать свою собственную программу преподаванія, согласна тѣмъ или другимъ взглядамъ, которыхъ она придерживается въ дѣлѣ педагогики. Въ самой постановкѣ преподаванія того или другого предмета также существуетъ полная свобода. Оригинальной, въ данномъ случаѣ, является постановка преподаванія исторіи, опредѣленной программы для которой не существуетъ вовсе: учитель только руководитъ чтеніемъ учениковъ, указываетъ имъ книги, откуда они могутъ почерпнуть свѣдѣнія объ историческихъ событіяхъ и фактахъ, а въ остальномъ предоставляетъ имъ полную свободу.

Еще очень недавно математика и естественныя науки не играли ника-

кой роли въ дѣлѣ преподаванія и, напримѣръ, въ знаменитой Итонской школѣ все математическое образованіе сводилось къ знанію четырехъ правилъ ариметики, да и самое преподаваніе ея было поручено учителю чистописанія. Вообще, согласно свѣдѣніямъ, доставленнымъ директорами 240 среднихъ школъ, въ этихъ школахъ преподаваніе математики и естественныхъ наукъ сводилось почти до минимума. Въ послѣднее время, однако, обнаружилось очень сильное и почти повсемѣстное движеніе въ пользу расширенія программы преподаванія этихъ предметовъ, и даже въ школахъ, относившихся враждебно ко всякаго рода нововведеніямъ, были образованы «*model sides*» — реальныя отдѣленія, гдѣ преподаются отечественный языкъ и литература, математика и естественныя науки.

Одна изъ старѣйшихъ англійскихъ школъ, основанная еще въ 1571 г., находится въ Горроу, хорошенькомъ городкѣ, въ полчасовомъ разстояніи отъ Лондона. Эта школа соперничаетъ со знаменитою Итонскою школой. Жилища учителей и учениковъ похожи на загородныя виллы, окруженные садами, а далѣе разстилаются обширныя поля, предназначенныя для устройства общественныхъ игръ и состязаній, столь любимыхъ англійскою молодежью. Воспитанники школы свободно разгуливаютъ по улицамъ городка; всѣ они одѣты въ хорошенкія куртки съ большими бѣлыми воротничками и въ широкополыя шляпы и имѣютъ видъ взрослыхъ джентльменовъ, какъ выражается Леклеръ. Каждому изъ нихъ предоставлена отдѣльная небольшая комната, и въ этой комнатѣ онъ — полный хозяинъ. Для наблюденій за дисциплиной выбирается который-нибудь изъ числа старшихъ и наиболѣе благоразумныхъ воспитанниковъ. Въ каждомъ классѣ полагается не болѣе 33 учениковъ.

Во время уроковъ никто почти ничего не пишетъ, а потому столы находятся не передъ учениками, а позади нихъ. Обыкновенно, если ученику понадобится записать что-нибудь за учителемъ, то онъ оборачивается и пишетъ за столомъ, стоящимъ позади него. Для классныхъ занятій отводится 24 часа въ недѣлю и столько же для домашнихъ занятій. Урокъ никогда не продолжается болѣе часа, и учениковъ почти не заставляютъ учить назусть. Одно время латинскій языкъ былъ почти вычеркнутъ изъ программы школы Горроу, но затѣмъ его снова ввели. Въ настоящее время четыре часа въ недѣлю посвящаются чтенію и объясненіямъ Тацита, Горація, Тита Ливія, причемъ письменныхъ упражненій почти не задается. Цѣль этихъ занятій, главнымъ образомъ, дать ученику понятіе о жизни и культурѣ древняго міра; новымъ языкамъ отводится гораздо болѣе времени и вниманія, затѣмъ исторія занимаетъ также одно изъ первыхъ мѣстъ въ программѣ школы, но преподаваніе ея ведется не строго систематично, а ученики знакомятся съ историческими событіями во время чтенія различныхъ авторовъ, по поводу встрѣчающихся у этихъ авторовъ описаній различныхъ историческихъ событій и фактовъ. Такъ идетъ преподаваніе въ реальномъ отдѣленіи школы (modern side), въ классическомъ же отдѣленіи (classic side) исторія и географія почти совсѣмъ не проходятся, новые же языки преподаются въ очень ограниченныхъ размѣрахъ и все почти время посвящается латинскому и греческому языкамъ.

Другая школа, которую посѣтилъ Леклеркъ, знаменитъ Итонъ, произвелъ на него не очень выгодное впечатлѣніе. Это аристократическая школа, изъ которой вышло большинство англійскихъ государственныхъ дѣятелей. Итонская школа и до сихъ поръ считается самой модной и имѣетъ гром-

кую репутацію, которую, по словамъ Леклерка, она далеко не оправдываетъ. Леклеркъ поразило самодовольство и какой-то фальшивый энтузіазмъ, которымъ пропитаны ученики Итонской школы. Одинъ отецъ, впрочемъ, откровенно заявилъ, что онъ отдалъ своего сына въ Итонъ не для того, чтобы онъ тамъ учился, а для того, чтобы онъ приобрѣлъ хорошія тонъ и манеры. Разумѣется, при такихъ условіяхъ ученіе идетъ весьма плохо, и ученики Итонской школы очень часто даже не умѣютъ правильно писать и, не смотря на многолѣтнія занятія латинскимъ языкомъ, знаютъ его, при поступленіи въ университетъ, не лучше, чѣмъ тѣ, которые занимались имъ не болѣе одного — двухъ лѣтъ. Къ счастью, такихъ школъ, какъ Итонская, весьма немного въ Англии и другія школы преслѣдуютъ иные цѣли, а не одно только обученіе учениковъ аристократическимъ манерамъ и хорошему тону.

Способность приспособленія у животныхъ. Примѣровъ приспособленія животныхъ къ окружающей средѣ можно найти не мало въ естественной исторіи, но болѣе разительный примѣръ, чѣмъ тотъ, который приводитъ де Вариньи въ «Natural Scienc» врядъ ли существуетъ въ зоологіи. Вариньи, во время своего пребыванія въ Америкѣ, наблюдалъ слѣдующій интересный фактъ. Известно, что въ Соединенныхъ Штатахъ очень распространенъ способъ сохраненія мяса и другихъ съѣстныхъ припасовъ посредствомъ очень низкой температуры. Очень часто американскіе рынки бываютъ завалены продуктами, и промышленникамъ приходится поневолѣ выжидать время, когда цѣны поднимутся, для того чтобы продать свой товаръ съ выгодой для себя. Поэтому, вездѣ въ Америкѣ устроены холодные подвалы «Cold

storage Warehouses», въ которыхъ сохраняется провизія. Температура въ этихъ подвалахъ поддерживается всегда на 3° ниже нуля. Воздухъ въ этихъ подвалахъ очень сухой и холодный, и, поэтому, мясо, рыба и проч. не подвергаются въ немъ порчѣ и могутъ сохраняться болѣе или менѣе долгое время. Въ первое время, по устройству этихъ складовъ, провизія, сохраняемая въ нихъ, была гарантирована отъ нападенія грызуновъ, крысъ и мышей. Эти истребители, производящіе опустошенія во всѣхъ другихъ складахъ, гдѣ существуетъ обыкновенная температура, не могли переносить столь низкой температуры, какая была въ этихъ подвалахъ для хранения провизіи, и поэтому хозяева считали себя обезпеченными отъ ихъ нашествія. Дѣйствительно, вначалѣ въ этихъ подвалахъ находили только трупы крысъ и мышей, соблазненныхъ перспективой пиршества и забравшихся въ склады; грызуны платились жизнью за свою дерзость, и хозяева оставались въ спокойной увѣренности, что ихъ запасы не подвергаются опасности. Но вотъ, прошло нѣкоторое время, и имъ пришлось разочароваться. Въ складахъ стали обнаруживаться большія опустошенія, и вскорѣ были найдены виновники ихъ. Это были крысы, но крысы совсѣмъ особеннаго вида, съ очень длинною и густою шерстью, покрывающею ихъ съ головы до кончика хвоста. Ясно было, что крысы мало-по-малу приспособились къ окружающей средѣ, и скоро расплодилась новая порода крысъ, съ длинною густою шерстью, которая специально велісь въ подвалахъ съ низкою температурою.

Хозяева складовъ призадумались, какъ быть? Какъ бороться съ врагомъ? Пустили кошекъ въ подвалы; но вначалѣ всѣ онѣ погибали отъ холода, не смотря на обильную пищу. Но вотъ, однажды въ подвалъ

посадили кошку, случайно обладавшую длинною, густою шерстью. Кошка эта вынесла низкую температуру, и такъ какъ она питалась хорошо, то стала жирѣть, и шерсть у нея погустѣла и удлинилась. Въ одинъ прекрасный день она произвела на свѣтъ семь котятъ, которые, когда выросли, оказались покрытыми еще болѣе густою и длинною шерстью, и видомъ своимъ напоминали дикихъ канадскихъ кошекъ. Онѣ сдѣлались рациональниками новаго поколѣнія кошекъ, превосходно переносящихъ низкія температуры и населяющихъ холодные склады. Словомъ, какъ крысы, такъ и кошки выказали удивительную способность приспособленія въ данномъ случаѣ. У новой породы кошекъ очень короткій хвостъ и громадные усы и рѣсницы. Весьма возможно что эти длинные усы и рѣсницы служатъ тактильными органами кошкамъ, которыя живутъ и развиваются въ темнотѣ. Такимъ образомъ, удалось создать двѣ новыя разновидности кошекъ и крысъ, ведущихъ войну другъ съ другомъ въ очень холодной средѣ. Акклиматизація столь совершенна въ данномъ случаѣ, что новая порода кошекъ совершенно не выноситъ ни свѣта, ни теплоты. Если такую кошку вынести на улицу въ солнечный день, она умираетъ иногда въ нѣсколько часовъ, такъ какъ уже не можетъ вынести ни свѣта, ни теплоты окружающаго воздуха.

Народное образованіе въ Австріи. За послѣднія 10—15 лѣтъ народное образованіе въ Австріи сдѣлало огромный шагъ впередъ, особенно въ деревняхъ, гдѣ удалось осуществить всеобщую грамотность. Но поборники просвѣщенія поняли, что мало распространенія одной только грамотности среди дѣтей; необходимо позаботиться и о томъ, чтобы взрослые сохранили прибрѣтенныя ими въ шко-

лѣ познанія. Сельскіе рабочіе и крестьяне, конечно, легко могутъ позабыть то, чему ихъ научила школа, между тѣмъ какъ въ городѣ низшіе классы, вслѣдствіе соприкосновенія съ городской культурой, болѣе застрахованы отъ возвращенія къ невѣжеству. Но, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе повышенія требованій городского населенія, предъявляемыхъ просвѣщенію, знанія, приобретаемыя въ школахъ дѣтьми, остающимися въ ней до 14 лѣтъ, считаются теперь уже недостаточными, поэтому-то въ послѣднее время стали замѣтно развиваться такъ называемыя, «Fachschulen» и «Fortbildungsschulen», посѣщаемыя подростками и молодыми людьми изъ приказчиковъ, ремесленниковъ и фабричныхъ. Но всѣ эти школы даютъ только одностороннее, преимущественно профессиональное, знаніе, тогда какъ въ народныхъ массахъ замѣтно начинаетъ обнаруживаться въ настоящее время стремленіе къ общему знанію. Для удовлетворенія этихъ симпатичныхъ стремленій въ Вѣнѣ образовалось общество для распространенія народнаго образованія (Volksbildungsverein). Это общество уже много потрудилося на пользу народа, просвѣщая народныя массы путемъ распространенія знаній. Оно устроило много народныхъ библиотекъ и распространило не мало полезныхъ книгъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, это общество организовало рядъ воскресныхъ лекцій, имѣвшихъ большой успѣхъ. Слушатели были преимущественно изъ рабочихъ классовъ. Успѣхъ этихъ лекцій побудилъ общество организовать ихъ по болѣе широкой программѣ и учредить правильные курсы по англійскому образцу. Но обществу трудно было справиться со своею задачею, за неимѣніемъ средствъ. Вѣнскій университетъ, къ которому общество обратилось за поддержкою въ дѣлѣ организациі университетскихъ курсовъ для народа, отнесся сначала не очень сочувствен-

но къ этой идѣе. Однако, частныя лица поддержали ее, и очень быстро была собрана сумма въ нѣсколько тысячъ гульденовъ, давшая возможность организовать воскресныя лекціи и 13 вечернихъ курсовъ, для чтенія которыхъ были приглашены молодые приватъ-доценты, сильно нуждающіеся въ матеріальной поддержкѣ. Когда средства общества стали изсякать, оно снова обратилось къ университету и правительству. Въ запискѣ, представленной имъ университету, показано было, что изъ 983 воскресныхъ лекцій, съ 1887 по 1893 годъ, 217 читались приватъ-доцентами вѣнскаго университета. Шесть приватъ-доцентовъ того же университета состоятъ, кромѣ того, преподавателями на вечернихъ курсахъ. Въ виду подлежащей сомнѣнію пользы этихъ курсовъ и ради улучшенія матеріальнаго положенія приватъ-доцентовъ, общество считаетъ себя вправѣ просить университетъ о назначеніи коммисіи, которая выработала бы программу и организацию народныхъ курсовъ, съ тѣмъ, чтобы преподавателями на этихъ курсахъ были преимущественно лаборанты и приватъ-доценты, и о томъ, чтобы университетъ взялъ на себя ходатайствовать передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о назначеніи ежегодной субсидіи обществу въ шесть тысячъ гульденовъ.

Университетскій совѣтъ, по обстоятельному обсужденіи этой просьбы, согласился исполнить ее и обратился съ соответствующимъ ходатайствомъ къ министерству народнаго просвѣщенія, результатомъ чего явилось назначеніе субсидіи въ 5.000 гульденовъ, включенной въ настоящее время въ новый австрійскій бюджетъ подъ именемъ: «Субсидіи народнымъ университетскимъ курсамъ въ Вѣнѣ».

Разговоръ съ Альфонсомъ Додэ.
Одинъ англійскій журналистъ, ми-

стеръ Шерардъ, посѣтилъ недавно Альфонса Додэ въ его прекрасномъ помѣщеніи въ Сенжерменскомъ кварталѣ, и, конечно, счелъ нужнымъ поѣздиться со своими читателями тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ на него французскій романистъ. Все, что рассказывалъ Додэ журналисту о своемъ дѣтствѣ, подтверждаетъ, что и въ самые юные годы онъ обнаруживалъ такую же сильную нервную впечатлительность, какая замѣчается въ немъ и теперь. Додэ особенно много распространялся о своей боязни собакъ, а также и всѣхъ другихъ животныхъ. Онъ не можетъ забыть того впечатлѣнія, какое произвелъ на него въ дѣтствѣ видъ бѣшеной собаки. «Съ тѣхъ поръ, — сказалъ Додэ, — я не могу отблаться отъ чувства ужаса при приближеніи собаки. Меня часто упрекали въ этомъ, говоря, что поэтъ не можетъ не любить животныхъ. Но я не могу преодолѣть этого чувства: — оно сильнѣе меня. Я ненавижу всѣхъ животныхъ. Мнѣ кажется, что животныя олицетворяютъ собою все, что есть самаго низкаго и отвратительнаго въ природѣ. Они — каррикатура всѣхъ, самыхъ низкихъ, качествъ, какія существуютъ въ человѣкѣ, это — отбросы человечества. Любопытнѣе всего, что мои дѣти наслѣдовали отъ меня такую же ненависть къ собакамъ».

Додэ рассказывалъ, что въ дѣтствѣ онъ всегда мечталъ о морѣ, и любимымъ его чтеніемъ были рассказы о приключеніяхъ на морѣ. Когда ему было пятнадцать лѣтъ, его первая поэма была напечатана въ ліонской газетѣ, и вслѣдъ затѣмъ для него наступилъ періодъ самой мрачной нужды и скитальчества.

«— Я испытывалъ такія лишенія, какія только можетъ вынести человѣкъ, — сказалъ Додэ. — Мнѣ случалось проводить цѣлые дни въ постели за неимѣніемъ сапогъ; бывали дни, когда

у меня не было куска хлѣба. Но самымъ тяжелымъ лишеніемъ для меня было то, что я долженъ былъ носить грязное бѣлье, такъ какъ у меня нечѣмъ было заплатить прачкѣ. Очень часто я пропускалъ случаи получить занятіе, потому что не могъ выйти за неимѣніемъ чистой одежды. Такъ я провелъ три года своей жизни, съ 18 до 21 года».

Но и гораздо позднѣе жизнь Додэ была далеко не изъ легкихъ. Онъ уже пользовался извѣстностью, но зарабатывалъ все-таки не особенно много. Такъ, когда къ нему явился одинъ изъ сотрудниковъ «*Athenaeum*», собиравшій свѣдѣнія о заработкѣ разныхъ писателей, то оказалось, что весь доходъ Додэ съ его литературныхъ произведеній не превышаетъ 5.000 фр. въ годъ. Это было въ 1872 году, но уже съ 1874 года доходъ его началъ возрастать, и съ той поры онъ уже зарабатывалъ не менѣе 100.000 фр. въ годъ.

Додэ работаетъ очень неправильно, — не такъ, какъ Золя. «Иногда я работаю день за днемъ по восемнадцати часовъ въ сутки, иногда же провожу цѣлые мѣсяцы, не прикасаясь къ перу, — говоритъ Додэ. — Я пишу очень медленно и постоянно все передѣлываю. Я никогда не бываю доволенъ своимъ произведеніемъ. Я всегда пишу самъ свои повѣсти, и никогда не могъ продиктовать ни одной изъ нихъ. Что же касается моихъ драматическихъ произведеній, то прежде я имѣлъ привычку диктовать ихъ, рассказывая по комнатѣ. Но, со времени своей болѣзни, мнѣ пришлось отказаться отъ этого способа, и я очень жалѣю объ этомъ».

Болѣзнь, о которой упомянулъ Додэ, дѣйствительно привела его въ очень печальное состояніе. Онъ не можетъ двигаться безъ помощи палки по комнатѣ; многія ночи онъ проводитъ безъ сна, страдая отъ боли, но ничто изъ его домашнихъ, по словамъ англійскаго журналиста, не слышалъ

изъ него ни одной нетерпливой жа-
лобы, ни одного раздражительнаго
слова, хотя въ его положеніи это
было бы совершенно понятно. Благо-
даря такому чудному характеру, у
Додэ совсѣмъ нѣтъ враговъ. Мно-
гіе не любятъ его произведеній, но
всѣ любятъ его за его доброту и кро-
тость, всѣхъ очаровываетъ онъ своимъ
блестящимъ остроуміемъ.

О своихъ литературныхъ воззрѣні-
яхъ Додэ вотъ что сказалъ англійскому
журналисту.

«— Я всегда возставалъ противъ
трехъ классическихъ традицій фран-
цузской литературы, т. е. француз-
ской академіи, французскаго театра
и «Revue des deux Mondes». Я на-
хожу академію собраніемъ посред-
ственностей, и счелъ бы для себя
оскорбительнымъ принадлежать къ
ней». По мнѣнію Додэ, будущ-
ность французской литературы въ
молодыхъ авторахъ, въ его снѣгъ
Леонъ Додэ, въ Морисъ Барресъ и
въ некоторыхъ другихъ. Не безынте-
ресны также взгляды Додэ на совре-
менное положеніе Франціи. «Если не-
давніе Панамскіе скандалы и не про-
извели народнаго возмущенія, сказалъ
онъ, если раскрытіе такихъ мерзостей,
которыя, нѣсколько лѣтъ тому на-
задъ, непременно вызвали бы появ-
леніе баррикадъ на каждой улицѣ Па-
рижа, не произвело революціи, то
это только потому, что въ характерѣ
французскаго народа произошелъ ко-
ренной переворотъ за послѣднія де-
сять или пятнадцать лѣтъ. И этотъ
переворотъ вызванъ милитаризмомъ,
которому подчинилась страна со вре-
мени введенія новыхъ военныхъ за-
коновъ. Страхъ передъ капраломъ
существуетъ теперь въ сердцѣ каж-
даго француза, и такое вліяніе воен-
ной дисциплины именно и заставля-
етъ оставаться спокойными всѣхъ
этихъ людей, которые, въ прежнія
времена, протестовали бы даже подъ
дуломъ ружья противъ всѣхъ подоб-

ныхъ безобразій и негодяевъ, которые
грабятъ и разоряютъ Францію. Мили-
таризмъ убилъ духъ протеста во
французской націи, какъ это онъ
дѣлаетъ вездѣ».

Европейскія женщины въ Конго.
Не такъ давно въ Конго отправились
двѣ европейскія женщины, госпожа
де-Лавелъ и госпожа Шеферъ, и
вотъ снова поднятъ въ печати во-
просъ: обладаетъ ли европейская
женщина достаточною физическою
выносливостію и нравственною энер-
гіей для того, чтобы, подобно мужчи-
намъ—путешественникамъ по афри-
канскому матеріку, переносить всѣ
лишенія и трудную борьбу съ климати-
ческими условіями. Многіе, основы-
ваясь на традиціонной слабости женщи-
ны, доказывали, что она, лишь въ видѣ
исключенія, можетъ сдѣлаться путе-
шественницей вродѣ Иды Пфейферъ,
или леди Бекеръ, и переносить без-
наказанно всѣ лишенія и трудности
пути, также какъ и вліяніе непри-
вычнаго климата. Однако, такихъ
исключеній наберется не мало въ
исторіи колонизаціи отдаленныхъ мѣст-
ностей, и можно найти много при-
мѣровъ, доказывающихъ, что энергія,
сила воли, мужество и физическая
выносливость, вовсе не составляютъ
исключительныхъ качествъ мужчи-
ны. Европейскихъ женщинъ можно
встрѣтить вездѣ:—въ Индо-Китаѣ, на
островѣ Явѣ, даже въ Патагоніи и
странѣ зулусовъ, а теперь и въ Конго,
гдѣ дѣятельность ихъ можетъ имѣть
прекрасное цивилизующее вліяніе.
Первая европейка, отправившаяся
въ Конго, была англичанка, госпожа
Ингамъ, которая сопровождала туда
своего мужа, протестантскаго пастора,
въ 1884 году. Послѣ нея тамъ же
поселилась леди де-Винтонъ, мужъ
которой былъ назначенъ генеральнымъ
администраторомъ государства Конго,
по возвращеніи Стэнли въ Европу.
Леди де-Винтонъ провела три года

въ Конго и приобрѣла симпатіи туземнаго населенія, очень сожалѣвшаго объ ея отъѣздѣ. Еще нѣсколько бельгійскихъ женщинъ сопровождали въ Конго своихъ мужей, но наибольшей контингентъ европейскихъ женщинъ въ Конго это миссіонерши, какъ католическія, такъ и протестантскія. Дѣятельность ихъ очень почтенна. Въ 1892 году бельгійскія монахини основали близъ Матанди госпиталь и нѣсколько школъ. Англійскія миссіи еще болѣе многочисленны въ Конго. Поэтому-то тамъ такъ много англичанокъ всего больше въ Конго, и, надо отдать имъ справедливость, никто такъ, какъ онѣ, не умѣетъ приспособляться къ условіямъ жизни и создавать вокругъ себя возможный домашній комфортъ, свой собственный «home», всюду, куда бы ихъ только ни забросила судьба, хотя бы онѣ находились за сотни миль отъ какого-нибудь пункта цивилизаціи. Каждая англичанка стремится имѣть уголокъ, который бы непременно напоминалъ ей отцовскій домъ, ея родину. Бѣда успѣла раскинуть свои бараки какая-нибудь англійская миссія, какъ уже устривается хорошенькій уютный салонъ, гдѣ стоитъ гармоніумъ, и случайно забредшему путешественнику будетъ непременно предложено въ этомъ салонѣ чай со всеми обычными принадлежностями англійской сервировки, такъ что англичанинъ легко можетъ забыть въ эту минуту, что онъ находится за многія тысячи миль отъ своего отечества.

Кромѣ англійскихъ и бельгійскихъ миссій, въ Конго есть еще американская и шведская миссія, гдѣ также есть женщины. Во всякомъ случаѣ, присутствіе европейскихъ женщинъ въ Конго несомнѣнно оказываетъ цивилизующее вліяніе не только по отношенію къ туземцамъ, но и по отношенію къ европейскимъ колонистамъ, смягчая грубость нравовъ и

напоминая колонистамъ о правнмъ вѣжливости и приличіи, о которыхъ они легко могутъ забыть, живя среди полудикихъ негровъ. Точно такъ женщины удерживаютъ европейскихъ колонистовъ отъ злоупотребленій своею властью и отъ жестокаго обращенія съ неграми, такъ что, съ тѣмъ поръ, какъ появились европейскія женщины, тѣлесныя наказанія стали прѣмѣняться не такъ часто, какъ прежде. Любопытно отношеніе негровъ къ европейскимъ женщинамъ; они питаютъ европейкамъ какое-то подобострастное уваженіе, но находятъ ихъ чрезвычайно некрасивыми, и когда въ Конго появилась первая европейская женщина, къ слову сказать — очень недурной собой, негры нашли ее такой уродливой, что наивно пожалѣли европейцевъ, что у нихъ такія некрасивыя жены. Теперь негры уже привыкли къ наружности европейскихъ женщинъ, но все-таки продолжаютъ увѣряться безвкусіемъ европейцевъ, выходящихъ себѣ женъ изъ Европы, нежелающихъ жениться на туземныхъ женщинахъ.

Первобытный народъ. Молодой англійскій путешественникъ, Саванн Ландоръ издалъ книгу «Alone with the hairy Aïnu» (Наединѣ съ волосатыми айносами), въ которой описываетъ пребываніе на островѣ Иесу острововъ, среди рѣдкихъ образчиковъ человѣческой породы, представляющихъ нетронутые никакою культурой остатки первобытныхъ людей, знающихъ ни законовъ, ни религіи, ни нравственности, ни промышленности, не вѣдающихъ никакихъ степей и не имѣющихъ ни малѣйшихъ идей о чемъ бы то ни было. Эти айносы, живущіе внутри острова, вдали отъ японскихъ селеній. Очень немногіе изъ европейцевъ видѣли носовъ, да и тѣ, кто видѣлъ, часто ошибочно принимали за айносовъ

японскихъ колонистовъ и метисовъ, живущихъ на берегу. Ландоръ, однако, оказался предприимчивѣе другихъ европейскихъ путешественниковъ и отправился вглубь острова, не смутившись заявленіемъ мѣстныхъ жителей японскихъ селеній, что ни одному человѣку еще не удавалось обойти весь островъ, влѣдствіе непроходимости пути. Островъ Иессо дѣйствительно мало доступенъ, почти необитаемъ и очень дикъ; никакихъ дорогъ на немъ не существуетъ. Ничего этого Ландоръ не испугался и, захвативъ палитру и краски, отправился одинъ, безъ проводника, и даже почти безъ запаса провизіи, вглубь острова. Онъ пробылъ въ отсутствіи пять мѣсяцевъ, проведя ихъ среди айносовъ, глубоко заинтересовавшихся его своею первобытностью и полнымъ отсутствіемъ какого бы то ни было умственного развитія. Онъ изучилъ ихъ языкъ и основательно познакомился съ нравами этихъ людей природы.

Ландоръ узналъ присутствіе айносовъ по запаху гораздо раньше, чѣмъ увидалъ ихъ. Отъ ихъ селеній на очень далекое разстояніе распространяется запахъ сушеной рыбы. Но этотъ запахъ смѣняется другимъ, гораздо болѣе непріятнымъ, вблизи самихъ айносовъ, напоминающимъ запахъ въ помѣщеніи обезьянъ, въ зоологическомъ саду. Ландоръ срисовалъ нѣсколько портретовъ съ айносовъ. Всѣ они чрезвычайно волосаты, точно медвѣди; волосы у нихъ растутъ иногда на лбу, и даже на носу, борода доходитъ до самыхъ глазъ. Шевелюра спускается низко по плечамъ, спереди же они подстригаютъ ее для того, чтобы она не закрывала имъ глаза. Это единственная забота ихъ о своемъ туалетѣ, другой они не знаютъ. Айносы живутъ и умираютъ, ни разу не вымывшись во всю жизнь. Они удивлялись тому, что Ландоръ купается въ рѣкѣ, и это купаніе воз-

буждало въ нихъ отвращеніе. «Должно быть, вы, бѣлые, очень грязны,—говорили они ему,—если нуждаетесь въ постоянномъ мытьѣ». На вопросъ Ландора, купается ли его собесѣдникъ когда-нибудь, айносы отвѣчали съ презрѣніемъ: «Мнѣ это не нужно; я очень чистъ». Кромѣ того, айносы увѣряли, что бѣлый человѣкъ очень дурно пахнетъ и пытались опредѣлять его запахъ, сравнивая его съ запахомъ извѣстныхъ имъ животныхъ, но не пришли ни къ какому заключенію, хотя очень добросовѣстно обнюхивали его.

Японцы пробовали было цивилизовать нѣкоторыхъ изъ нихъ; они увезли нѣсколькихъ молодыхъ айносовъ, вымыли ихъ, одѣли и помѣстили въ школу. Но вскорѣ пришлось ихъ вернуть на родину, такъ какъ въ новой обстановкѣ айносы умирали.

Айносы ведутъ чисто животную жизнь; они живутъ въ шалапахъ изъ камыша, и только иногда занимаются рыбной ловлей и охотой, когда имъ нужно пополнить свои запасы. Остальное время они проводятъ въ полномъ бездѣйствіи, находясь въ состояніи какой-то меланхолии и апатіи, изъ которой ихъ ничто не можетъ вывести, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни страстей, ни желаній, какъ невѣдомо и любопытство, или привязанность; имъ неизвѣстны воспоминанія. У нихъ нѣтъ никакихъ представленій о возрастѣ, или о времени вообще. Старики распознаются по сѣдымъ волосамъ, дѣти же—по росту. У нихъ не существуетъ никакихъ понятій ни о прошедшемъ, ни о будущемъ. Событія совершенно исчезаютъ изъ ихъ памяти, и поэтому у нихъ нѣтъ традицій и не существуетъ никакихъ легендъ. Ихъ социальная организація весьма не сложна. Семья почти не существуетъ. Отецъ беретъ себѣ въ жены свою собственную дочь, братъ—сестру, и никакихъ брачныхъ церемоній не существуетъ. Мужчины приводятъ къ себѣ жену и вы-

гоняетъ ее, когда она ему надоѣсть. Если онъ пожелаетъ, то можетъ имѣть нѣсколько женъ заразъ. Въ каждомъ селеніи есть король, который въ обыденной жизни ничѣмъ не отличается отъ своихъ подданныхъ и одѣвается такъ же, какъ они, зимою въ японскую блузу и звѣриныя шкуры, а лѣтомъ довольствуясь собственными волосами. Живетъ онъ, такъ же, какъ и прочіе, въ шалашѣ, среди всевозможныхъ нечистотъ. Только въ торжественные дни, когда японцы привозятъ айносамъ спиртные напитки, въ обмѣнъ на звѣриныя шкуры, онъ обвѣшиваетъ себя яркими лоскутками и надѣваетъ корону изъ древесной коры и морскихъ водорослей. Въ такіе дни всѣ айносы напиваются, и король напивается первый; въ этомъ, кажется, заключается его единственное преимущество.

У айносовъ нѣтъ никакого понятія о какихъ-либо законахъ. Каждый дѣлаетъ то, что хочетъ; но любопытно, что никто изъ нихъ не дѣлаетъ ничего худого, т.-е. не дѣлаетъ никакого зла. Въ сущности, добро и зло для нихъ не существуютъ, ничто не считается безнравственнымъ. О нихъ надо судить, поэтому, скорѣе, какъ о животныхъ, а не какъ о людяхъ. Сами по себѣ они добры, вротки и мужественны и не дѣлаютъ дурныхъ поступковъ, не въ силу какой-нибудь морали, а потому, что не чувствуютъ потребности дѣлать зло. Молодые выказываютъ инстинктивное почтеніе старымъ, не считая этого ни своимъ долгомъ, ни добродѣтелью. Айносы пользуются «свободою равнодушія» по отношенію къ добру и злу, которое одинаково для нихъ не существуетъ.

Религіозныхъ понятій у айносовъ не существуетъ никакихъ;—у нихъ нѣтъ даже фетишей, нѣтъ даже и тѣни культа или какого-либо поклоненія. Айносы не умѣютъ молиться, и въ его языкѣ, одномъ изъ самыхъ бѣдныхъ на земномъ шарѣ, не су-

ществуетъ выраженій, которыя указывали бы на какое-нибудь смутное понятіе о божествѣ. Въ отношеніи умственного развитія айносы весьма мало отличаются отъ обезьяны. Если айносы умираетъ, всѣ его тотчасъ же забываютъ. Айносы не знаютъ ни ненависти, ни дружбы, но все-таки знаютъ, что ему надо кормить свою семью, и смутно сознаетъ свою солидарность съ остальными членами селенія, основанную на общности интересовъ; до всего же остального міра ему нѣтъ никакого дѣла. Онъ не чувствуетъ къ своимъ сосѣдямъ ни вражды, ни дружбы. Къ обитателямъ другой деревни онъ совершенно равнодушенъ. Вражда, дружба—не существующія для него понятія. Всѣ имѣютъ право жить, но о томъ, чтобы помогать другъ другу, не можетъ быть и рѣчи.

Ландоръ, какъ сторонникъ эволюціонистской теоріи, очень подчеркиваетъ всѣ признаки сходства айносовъ съ обезьянами и другими животными, какъ въ отношеніи устройства скелета, такъ и въ отношеніи лривычекъ и положенія тѣла. У айноса руки очень длинны, и вся сила его, главнымъ образомъ, въ голоть и челюстяхъ, такъ что онъ пользуется головою и зубами во многихъ случаяхъ, когда другіе люди пользуются руками. Онъ лазаетъ по деревьямъ совсѣмъ какъ обезьяна, хватается вещи ногами и выражаетъ радость прыжками и ворчаніемъ. Айносы не знаютъ смѣха; когда они сердятся, они скалятъ зубы и ворчатъ. Но особенно они мастера дѣлать гримасы, и въ этомъ отношеніи не имѣютъ соперниковъ даже среди обезьянъ.

Какъ бы тамъ ни было, но айносы—это типъ первобытнаго челоука, удивительно сохранившійся въ полной неприкосновенности, несмотря на относительную близость цивилизаціи. Жизнь этихъ первобытныхъ людей, однако, далеко не сладка,

и, не смотря на близость къ природѣ, они все-таки подвержены всевозможнымъ болѣзнямъ, которыя ведутъ къ ихъ вымиранію. По мнѣнію Ландора, вымиранію айносовъ содѣйствуетъ, главнымъ образомъ, отсутствіе какой бы то ни было гигиены, страшная грязь и нечистота, среди которой они

живутъ, часто не свѣжая пища и т. п. неблагоприятныя условія. Дѣти у нихъ тоже умираютъ массами, такъ какъ матерп перестаютъ заботиться о нихъ по прошествіи восемнадцати мѣсяцевъ отъ рожденія и предоставляютъ имъ самимъ развиваться, какъ хотятъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue de Paris», «Natural Science», «Zukunft».

Оригинальная полемика, возникшая во французской печати по поводу вопроса о банкротствѣ науки, все еще не прекращается. Не только французскіе литераторы высказали свое мнѣніе объ этомъ вопросѣ, но и ученые сочли нужнымъ сказать объ этомъ свое слово. Послѣ Рише (статья котораго приводится выше) въ защиту науки выступилъ Бертело въ «Revue de Paris», напрямикъ заявившій, что предполагаемое банкротство науки— «заблужденіе людей, чуждыхъ научному духу». Бертело говоритъ, что великія заслуги науки заключаются въ томъ, что она не допустила «смертныхъ оцѣнѣтъ въ сознаниі своего безсилія и въ пассивной покорности судьбѣ, а дала имъ силу и средства противодействовать этой судьбѣ, способствовать уменьшенію горя и несправедливости на землѣ». Конечно, наука не претендуетъ на то, чтобы дать «ключъ ко всей вселенной»; она сама знаетъ размѣры своего невѣжества и скромно въ этомъ сознается, но, тѣмъ не менѣе, то, что установлено наукой, то уже прочно. Наука вызвала тѣ измѣненія, которыя произошли въ социальной жизни съ того времени, какъ возникла цивилизація. Научный методъ существуетъ въ чистомъ видѣ всего лишь какихъ-нибудь два съ половиной вѣка, а между тѣмъ, какой громадный прогрессъ достигнуть человечествомъ за это время, и какія благодѣянія для человечества

явились результатомъ введенія этого метода! Наука изгнала изъ употребленія слово «тайна», и это выраженія уже не встрѣчается въ запискахъ химиковъ и физиковъ, такъ какъ, если удавалось глубже проникнуть въ какія-нибудь явленія, то всегда оказывалось, что эти явленія совершаются въ силу извѣстныхъ, определенныхъ отношеній между причиною и слѣдствіемъ. Существуетъ только одинъ способъ достигнуть истины,— это—научный методъ, такъ какъ истина только одна, и не можетъ происходить изъ двухъ разныхъ источниковъ, т. е. «изъ глубинъ неизвѣстнаго» и «изъ опыта и наблюденія».

Бертело горячо возстаетъ противъ мистицизма, который снова выступаетъ на сцену, желая вернуть себѣ прежнее господство во имя религіи и нравственности, между тѣмъ какъ исторія развитія человѣческой расы и цивилизація указываетъ, что происхожденіе и прогрессъ нравственности берутъ свое начало изъ совершенно другихъ источниковъ. Понятія о нравственности проистекли изъ познанія вселенной (а это послѣднее могло быть достигнуто только при помощи науки) и изъ тѣхъ социальныхъ инстинктовъ, которые живутъ въ душѣ каждаго человѣка.

«Семья и государство,—говоритъ Бертело,—нравственность и добродѣтель постепенно произошли изъ тѣхъ самыхъ инстинктовъ общественности,

дѣйствіе которыхъ обнаруживается и теперь, какъ и прежде, у всѣхъ расъ. Но низменный уровень первобытныхъ людей былъ слишкомъ низокъ для того, чтобы они могли понять абстрактные законы своего собственного развитія и явленій природы; поэтому-то первобытные люди и стремились воплотить въ эти явленія и представить ихъ въ образѣ реальныхъ существъ, себѣ подобныхъ. Путешественники констатируютъ такую же самую склонность и у всѣхъ диварей. Наблюденіе показываетъ, что люди часто бываютъ подвержены склонности объективировать продукты своего мышления, создавать образы, символы, которымъ они и придаютъ порою характеръ абсолютный и автономный. Въ глубинѣ сознанія каждаго человѣка нашего времени живетъ понятіе о добрѣ и злѣ, и неизгладимое чувство долга. Это-то и есть тотъ «категорическій императивъ», о которомъ говоритъ Кантъ. Долгъ понимается человѣкомъ не только по отношенію къ самому себѣ, но и по отношенію къ другимъ, это и владеть начало солидарности. У общественныхъ животныхъ мы также встрѣчаемъ не только семейныя чувства, но и чувство солидарности и преданности. Эта преданность иногда доходит до самопожертвованія. Изученіе же человѣческихъ расъ, находящихся еще въ дикомъ состояніи, показало, что ихъ нравственность недалеко ушла отъ нравственности общественныхъ животныхъ.

«Нельзя упрекать науку въ крушеніи надеждъ, которыхъ она не возбуждала, и въ невѣрности тѣхъ утвержденій, которыхъ она не дѣлала», — прибавляетъ Бертелло и указываетъ на то, какія великія услуги принесла наука человѣчеству открытіемъ великихъ истинъ. Наука вызвала къ жизни чувство патріотизма и чувство чести, уничтожила рабство и пытки, провозгласила уваженіе къ человѣческой жизни, свободу личности, равенство

и солидарность людей. Слѣдовательно, не говоря уже о матеріальныхъ услугахъ, оказанныхъ наукою человѣчеству, она же способствовала созданію нравственныхъ идеаловъ и возможно-му ихъ осуществленію. И въ будущемъ научный методъ, какъ въ нравственномъ, такъ и матеріальномъ отношеніи, окажетъ такія же великія услуги человѣчеству, несмотря на всѣ стремленія умалить значеніе науки въ глазахъ людей, и конечное торжество науки обезпечить въ концѣ-концовъ людямъ возможный максимумъ счастья и нравственности.

Какъ бы тамъ ни было, но эта полемика противъ науки въ высшей степени характерна для нашего вѣка. Но остановить ходъ прогресса невозможно, и эта борьба между тѣми, кто избѣрился въ науку и хочетъ вернуться назадъ, и тѣми, кто толкаетъ человѣчество впередъ, убѣждая его не отчаиваться и вѣрить въ торжество знанія, врядъ ли можетъ задержать хотя бы даже на время его прогрессивное движеніе.

Японцы, какъ сообщаетъ Ф. А. Батиръ въ «Natural Science», питаютъ большое пристрастіе къ естественнымъ наукамъ. У нихъ врожденная любовь къ природѣ, которая выражается во всѣхъ сторонахъ ихъ жизни, въ искусствѣ, религін, поэзін и во всѣхъ ихъ ежедневныхъ занятіяхъ и праздничныхъ развлеченияхъ. Также сильна у японцевъ любовь къ цвѣтамъ. Ни одинъ японскій домъ, какъ бы онъ ни былъ малъ и бѣденъ, не обходится безъ садика, хотя бы и очень миниатюрнаго. Въ японскихъ гостинницахъ, даже самыхъ плохенькихъ, комнаты для прїѣзжихъ всегда украшены букетами цвѣтовъ. Любовь къ животнымъ у японцевъ развита также очень сильно, хотя и не такъ бросается въ глаза. Европейская цивилизація, встрѣтившая чрезвычайно благопріятную почву въ

Японіи, однако не вытѣснила еще изъ сердца японцевъ этой наивной любви къ природѣ. Заговоривъ объ успѣхахъ европейской цивилизаціи въ Японіи, авторъ указываетъ на ту важную культурную роль, которую играютъ въ Японіи двѣ европейскія націи, англосаксонская и германская. Вначалѣ сами японцы, т.-е. наиболѣе культурные изъ нихъ, позаботились о введеніи въ Японіи европейской цивилизаціи и культуры. Это было сдѣлано съ чисто оборонительными цѣлями, въ видахъ упроченія положенія Японіи и ея средствъ къ защитѣ. Но, съ теченіемъ времени, сама собою явилась необходимость передать цивилизаторскую дѣятельность въ руки иностранцевъ. И вотъ на помощь явились англичане и нѣмцы. Дѣятельность англичанъ ознаменовалась введеніемъ желѣзныхъ дорогъ, устройствомъ инженерной коллегіи, монетнаго двора, развитіемъ печати и т. п. Вліяніе же нѣмцевъ отразилось всего сильнѣе въ научной области, исторіи, медицинѣ и естественныхъ наукахъ. Естественныя науки въ Японіи, главнымъ образомъ, обязаны своимъ прогрессомъ германскимъ ученымъ. Первый, давшій толчокъ изученію естественныхъ наукъ въ Японіи, былъ нѣмецкій ученый, Энгельбрехтъ Кемпферъ, пріѣхавшій въ Нагасаки въ 1651 году. Онъ пробылъ въ Японіи два года и два мѣсяца и, какъ и прочіе иностранцы, долженъ былъ жить въ отведенномъ мѣстѣ, и только два раза побывалъ въ Еддо, вмѣстѣ съ голландскимъ посольствомъ. Несмотря на такія неблагоприятныя условія, онъ все-таки все время работалъ, собирая коллекціи и дѣлалъ изслѣдованія, которыя потомъ опубликовалъ по пріѣздѣ въ Европу. Въ его время знаніе естественной исторіи было очень мало распространено въ Японіи, и японцы, повидимому, интересовались только уродливыми типа-

ми, а животныхъ обыкновеннаго типа оставляли почти совсѣмъ безъ вниманія.

Спустя сто лѣтъ послѣ Кемпфера, въ Японію пріѣхалъ еще одинъ ученый, шведскій энтомологъ Тунбергъ, служившій врачомъ при посольствѣ. Онъ много поработалъ въ пользу распространенія знаній по зоологіи и ботаникѣ въ Японіи. Но больше всего пользы принесъ въ этомъ отношеніи Францъ фонъ-Зибольдъ, высадившійся въ Нагасаки въ 1823 году. Ему удалось, при помощи необычайной энергіи и силы характера, преодолѣть затрудненія, представляемыя подозрительностью и упрямствомъ японцевъ, предубѣжденіе которыхъ онъ побѣдилъ своею пріятливостью и веселостью, своимъ врачѣбнымъ искусствомъ, а также подкупомъ, къ которому онъ долженъ былъ прибѣгать для достиженія своихъ цѣлей. Однако, онъ чуть-было не заплатилъ за это. Распространился слухъ, что японскій шпіонъ продалъ ему карту Японіи. Зибольда схватили и заключили въ темницу, откуда его выпустили только въ 1830 году со строгимъ приказаніемъ никогда не возвращаться въ Японію.

Зибольдъ считаетъ характеристичною чертою японцевъ ихъ пристрастіе къ чудовищному. Онъ говоритъ, что японцы особенно много занимаются ботаникой, отчасти изъ практическихъ цѣлей, такъ какъ растительный міръ доставляетъ имъ все нужное для жизни и лѣченія болѣзней. Кромѣ того, ради удовольствія и украшенія своихъ домовъ японцы разводятъ очень рѣдкія растенія. Зоологія гораздо менѣе интересуетъ японцевъ, чѣмъ ботаника, такъ какъ животный міръ далеко не играетъ такой важной роли въ ихъ жизни и питаніи, какъ растительный міръ. Но они все-таки имѣютъ самыя точныя свѣдѣнія о такихъ животныхъ, которыя для нихъ полезны, особенно о рыбахъ и моллюскахъ. Японцы любятъ собирать

коллекціи раковинъ и выдѣлываютъ изъ раковинъ разныя вещи. Однако и тутъ они выказываютъ пристрастіе ко всякаго рода уродствамъ, и чѣмъ уродство сильнѣе выражено, тѣмъ болѣе оно получаетъ цѣну въ глазахъ японцевъ. То же замѣчается въ геологіи, успѣхи которой довольно значительны въ настоящее время.

Множество научныхъ учреждений, возникшихъ въ послѣднее время въ Японіи, указываетъ, какіе быстрые успѣхи сдѣлала Японія въ какіе-нибудь двадцать пять лѣтъ. Въ Токио существуетъ теперь при университетѣ ученая коллегія, затѣмъ геологическій институтъ, музей и множество ученыхъ обществъ. Всѣ эти учрежденія еспособствуютъ распространенію познаній въ естественныхъ наукахъ, къ которымъ, вообще, японцы обнаруживаютъ въ настоящее время большую склонность. Конечно, японцамъ надо преодолѣть еще много препятствій прежде, чѣмъ они сдѣлаются настоящими учеными, но передъ ними теперь открыто широкое поле дѣятельности и они сумѣютъ этимъ воспользоваться.

Въ журналѣ «Zukunft» напечатанъ любопытный очеркъ Георга Брандеса о знаменитомъ норвежскомъ писателѣ, Бьернстернѣ - Бьернсонѣ. Въ этомъ очеркѣ Брандесъ указываетъ на совершенно исключительное, почти единичное въ лѣтописяхъ литературы, положеніе, которое занимаетъ Бьернсонъ по отношенію къ своей родной странѣ. Бьернсонъ не только великій писатель, но онъ, кромѣ того, представитель стремленій страны. Онъ является чѣмъ-то вродѣ педагога и воспитателя для своего народа. Бьернсонъ и самъ это сознаетъ, и это придаетъ особенный отпечатокъ всѣмъ его произведеніямъ. Брандесъ говоритъ, что Бьернсонъ — педагогъ по призванію и выполнять эту обязанность не только

съ любовью и удовольствіемъ, но со священною серьезностью и сантиментальною восторженностью. Это не просто педагогъ, сухой и холодный, а великій воспитатель и пастырь душъ. Бьернсонъ принадлежитъ къ категоріи тѣхъ людей, которые смотрятъ на искусство, какъ на средство дѣйствовать на народный умъ, вліять на народъ, наставлять его и улучшать. По мнѣнію Брандеса, большіе романы Бьернсона страдаютъ именно отъ того, что въ немъ романтизмъ соединяется съ воспитателемъ. Бьернсонъ очень поздно сталъ писать романы. Брандесъ говоритъ, что онъ десять лѣтъ назадъ совѣтовалъ Бьернсону писать романы, но Бьернсонъ относился тогда съ презрѣніемъ къ этой формѣ художественной дѣятельности. Впослѣдствіи, однако, онъ измѣнилъ свое мнѣніе. «Бьернсонъ, — говоритъ Брандесъ, — воплощеніе самой плодотворной силы среди писателей сѣвера, такъ же какъ Ибсенъ олицетворяетъ собою наиболѣе оригинальный, наиболѣе странный умъ, Якобсонъ обнаруживаетъ наибольшую коморитность, а Стриндбергъ является наиболѣе ѣдкимъ и наиболѣе рѣзкимъ писателемъ. Бьернсонъ достигаетъ высоты, благодаря богатству своихъ способностей и природному избытку своихъ силъ. Своими качествами онъ обязанъ своему темпераменту, своими же недостатками — обществу, которое его окружаетъ. Онъ желалъ бы подчинить все своему искусству и хотѣлъ бы быть понятымъ всѣми и всѣхъ просвѣтить. Но, разумѣется, просвѣщеніе должно быть направлено въ сторону тѣхъ, кто больше всего въ немъ нуждается. Если же эти послѣдніе ползаютъ слишкомъ низко, то писатель не можетъ парить слишкомъ высоко, онъ долженъ поневолѣ спускаться, и поэтому-то Бьернсонъ романтистъ и парализуется Бьернсономъ педагогомъ, который долженъ спускаться въ низшіе слои.

НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

H. Taine, de l'Académie française: «Derniers essais de critique et d'histoire» (Hachette et Co) Paris. (Последніе критическіе и историческіе опыты). Этотъ томъ, заключающій въ себѣ статьи Тэна, напечатанныя имъ въ равное время, въ различныхъ журналахъ и обзорнѣяхъ, входитъ въ составъ первой серіи «Bibliothèque variée». Авторъ предполагалъ самъ собрать ихъ въ одинъ томъ и издать, но другія заботы помѣшали ему сдѣлать это. Нынѣшніе издатели, печатая сборникъ этихъ статей, старались вполне сообразоваться съ желаніями покойнаго автора, не успѣвшаго привести въ исполненіе свое намѣреніе. Философія, политика, исторія, литературная критика, высшая эстетика—вотъ предметы, о которыхъ говорится въ статьяхъ, въ которыхъ талантъ автора обнаруживается съ полною силой. Между прочимъ, мы укажемъ на прекрасную статью о Жоржъ-Зандъ. Двѣ статьи о Марселенѣ и Эдуардѣ Бертенѣ принадлежатъ къ числу наиболѣе блестящихъ и глубокихъ произведеній Тэна; послѣдняя статья, представляющая настоящій «chef d'œuvre» заключаетъ собою достойнымъ образомъ сборникъ.

(Revue politique et littéraire).

«Progress of Science» by I. Villin Marmery (Chapman and Hall). (Прогрессъ науки). Авторъ этой книги поставилъ себѣ задачей прослѣдить весь путь, пройденный научными открытіями отъ самаго зарожденія ихъ въ Египтѣ и Халдеи вплоть до нынѣшнихъ дней. Въ своемъ очеркѣ онъ описываетъ греческій, арабскій, средневѣковый и современный періоды и даетъ краткія біографіи знаменитыхъ людей, которымъ мы обязаны главными научными открытіями. Конечно, такая книга очень полезна, не только какъ указатель, но и какъ сборникъ, заключающій въ себѣ много интересныхъ данныхъ, касающихся исторіи развитія человѣческаго

знанія. Авторъ не дѣлаетъ попытокъ критическаго разбора и не касается условій, способствовавшихъ славіи того или другаго изъ ученыхъ дѣятелей; онъ только излагаетъ факты и даетъ понятіе о значеніи тѣхъ или другихъ научныхъ открытій для человѣчества.

(Daily News).

«This World of Ours» by Arnold Forster (Cassell and Co), (Нашъ міръ). Небольшой томъ выходитъ уже третьимъ изданіемъ, что, безъ сомнѣнія, указываетъ на успѣхъ этой книги. Это, насколько намъ извѣстно, единственное въ своемъ родѣ сочиненіе, заключающее въ себѣ, въ очень популярномъ изложеніи, массу свѣдѣній изъ области политической и физической географіи, климатологіи и картографіи и объясняющая связь, существующую между явленіями природы.

(Daily News).

«Abraham Lincoln and Downfall of american Slavery» by Noahs Brooks (G. P. Putnam's Sons). (Абраамъ Линкольнъ и паденіе американскаго рабства) Эта книга входитъ въ составъ серіи «Heroes of the Nations», прекрасно написана и полна интересныхъ подробностей, касающихся жизни и общественной дѣятельности Линкольна, личность котораго выступаетъ какъ живая въ разсказѣ автора.

(Daily News).

«Lectures on the Darwinian Theory» by Professor Arthur Milnes Marshall, edited by Dr. C. F. Marshall and M-s David Nutt. (Лекціи о теоріи Дарвина). Собраніе лекцій, читанныхъ покойнымъ профессоромъ Маршаллемъ въ обществѣ университетскаго движенія въ университетѣ Викторіи. Лекціи изложены очень популярно и поэтому появленіе ихъ въ видѣ отдѣльнаго сборника встрѣтило сочувственный приемъ въ публикѣ. Къ книгѣ приложены недурныя иллюстраціи, заимствованныя изъ оригинальныхъ рисунковъ и фотографій.

(Daily News).

«*The Training of Girls for work*» by Miss Edith A. Barnett (*Macmillan and Co*). (Обученіе и приготвленіе дѣвочек къ труду). Авторъ этой книги доказываетъ ложность существующихъ воззрѣній на женщину, которую принято считать слабымъ существомъ, негоднымъ къ болѣе или менѣе усиленному труду. Справедливо замѣчая, что людямъ часто приходится исполнять не то, къ чему они способны и что имъ по силамъ, а то, къ чему принуждаетъ ихъ необходимость, авторъ говоритъ, что женщинамъ всегда и во всѣ времена приходилось работать. Только въ послѣднее время стали кричать о неспособности женщинъ къ той или другой работѣ, когда женщина потребовала для себя равенства труда. Миссъ Барнеттъ находитъ, что посредствомъ физическаго и интеллектуальнаго воспитанія женщина можетъ сдѣлаться достойной конкуренткой мужчины во всѣхъ отрасляхъ труда. Въ книгѣ заключается очень много полезныхъ указаній, касающихся воспитанія дѣвочекъ.

(Daily News).

«*Livingstone and Stanley*» from W. and R. Chambers. (Ливингстонъ и Стэнли). Очень живо написанная небольшая книга, въ которой, въ формѣ биографій двухъ знаменитыхъ путешественниковъ, разсказана исторія первыхъ изслѣдованій чернаго континента. Разсказъ не лишенъ драматическаго интереса.

(Bookseller).

«*Science and Ethics*». By W. A. Macdonald (*Swan Sonnenschein and Co*). (Наука и этика). Авторъ принадлежитъ къ числу восторженныхъ мечтателей-реформаторовъ, не разъ уже дѣлавшихъ попытки создать такую социальную систему, которая доставила бы возможную сумму счастья людямъ. Въ шести лекціяхъ, составляющихъ вышеназванную книгу и читанныхъ авторомъ въ обществѣ изслѣдованія естественныхъ законовъ (Natural Law Research League), онъ развиваетъ свою панацею противъ всѣхъ общественныхъ золъ. Конечно, многое, что проповѣдуетъ авторъ, совершенно лишено практическаго значенія, но тѣмъ не менѣе, книга не лишена интереса, такъ какъ въ ней заключается много здравыхъ и хорошихъ мыслей.

(Daily News).

«*My Happy Half Century*»: The autobiography of an American Woman. By Frances E. Willard. Edited by Frances E. Cook, with an introduction by Lady H. Somerset. (Счастливыя полсотка моей жизни). Въ этой книгѣ авторъ ея, миссъ Вилларъ, разсказываетъ свою жизнь и общественную дѣятельность.

Миссъ Вилларъ была первою женщиной, избранной президентомъ американской коллегіи, и организовала въ Чикаго женское общество трезвости. Описание того, какъ американскія женщины организовали борьбу съ распространеніемъ пьянства въ Соединенныхъ Штатахъ и какое дѣятельное участіе онѣ принимали въ аболиціонномъ движеніи, полно интересныхъ подробностей. Интересно также описаніе пражяго Чикаго и страшнаго пожара, который истребилъ этотъ городъ, но главный интересъ книги миссъ Вилларъ заключается все-таки въ томъ, что въ ней можно найти доказательства огромнаго вліянія, какое имѣютъ американскія женщины на общественныя дѣла въ своемъ отечествѣ.

(Daily News).

«*A Water Biography*». By Robert C. Leslie. Illustrated by the author (*Chapman and Hall*). (Морская биографія). Очень занимательная маленькая книга, умно и живо написанная, заключающая въ себѣ интересные очерки жизни на морѣ. Авторъ описываетъ свои морскія путешествія и похождения и знакомитъ читателей съ особенностями морской жизни. Эту книгу можно рекомендовать, какъ интересное и здоровое чтеніе.

(Athaeneum).

«*Libraries in the Mediaeval and Renaissance Periods*» by W. S. Clark. M. A. (*Cambridge Macmillan and Bowes*). (Библиотеки въ средніе вѣка и въ эпоху возрожденія). Авторъ далъ своей маленькой книгѣ слишкомъ громкое названіе, такъ какъ въ ней заключается больше свѣдѣній о зданіяхъ, въ которыхъ были устроены библиотеки, и о вѣвшемъ ихъ устройствѣ, нежели о книгахъ, входившихъ въ составъ этихъ библиотекъ. Тѣмъ не менѣе, въ книгѣ заключаются нѣкоторыя интересныя данныя, касающіяся положенія библиотекъ и распространенія чтенія въ вышеназванной эпохи.

(Bookseller).

«*Good Reading about many books*». Mostly by their authors (*Fisher Unwin*). (Лучшія мѣста для чтенія въ произведеніяхъ различныхъ авторовъ; мнѣніе самихъ авторовъ). Въ этой книгѣ наиболее популярныя писатели высказываютъ мнѣніе о себѣ и своихъ произведеніяхъ. Конечно, сужденіе автора о своемъ произведеніи не всегда бываетъ свободно отъ пристрастія и къ нему надо относиться съ осторожностью, но, тѣмъ не менѣе, оно не лишено интереса. Еще интереснѣе, безъ сомнѣнія, получить свѣдѣнія изъ самаго источника о томъ, какъ и при какихъ условіяхъ зародилась у автора идея того произведенія,

которое онъ признаетъ наиболѣе характернымъ и лучшимъ, и какъ онъ привелъ въ исполненіе эту идею. Дѣйствительно, нѣкоторые изъ очерковъ, помѣщенные въ книгѣ, очень любопытны и характерны для исторіи литературнаго творчества нашего времени. Многіе изъ авторовъ входятъ въ подробныя объясненія того, что ихъ побудило написать ту или другую книгу и почему они сочли нужнымъ провести въ своемъ произведеніи ту или другую идею. Почти каждый очеркъ снабженъ портретомъ автора, Книга имѣетъ успѣхъ, такъ какъ исторія литературныхъ произведеній всегда интересуетъ читателей.

(Athaeneum).

«*Childhood in Litterature and Art; with some observations on Litterature for Children. A study. By Horace P. Scudder (Boston and New-York: Houghton, Mifflin and Co).* (Дѣти въ литературѣ и искусствѣ; нѣсколько примѣчаній о дѣтской литературѣ). Авторъ посвящаетъ свою книгу обзору литературы, спеціально предназначенной для того, чтобы питать и развивать дѣтскій умъ и воображеніе. Онъ начинаетъ свой очеркъ дѣтской литературы съ древнихъ временъ, со временъ Греціи и Рима и разсматриваетъ какъ греческіе, латинскіе и древне-еврейскіе авторы рисовали дѣтей въ своихъ произведеніяхъ. Затѣмъ онъ переходитъ къ христіанству, средне-вѣковой и современной литературѣ. Маленькія дѣти играютъ весьма незначительную роль въ произведеніяхъ греческихъ авторовъ, и если появляются въ греческихъ драмахъ, то лишь для того, чтобы вышутъ состраданіе. Въ англійской литературѣ, только со временъ Диккенса, дѣти заняли видное мѣсто. Настоящая же дѣтская литература возникла всего лишь около ста лѣтъ тому назадъ. Большая эрудиція автора и масса полезныхъ взглядовъ, которые онъ высказываетъ въ своей книгѣ на значеніе и исторію дѣтской литературы, заставляютъ причислить эту книгу къ разряду такихъ, которыя должны занять почетное мѣсто во всякой библиотекѣ.

(The Literary World).

«*The Romance of History*» by Herbert Greenhough Smith. Second edition (George Newnes). (Романъ исторіи). Авторъ, составивъ свой сборникъ, дѣйствовалъ съ полнымъ безпристрастіемъ, занимствуя свои рассказы изъ исторіи Италіи, Испаніи, Англійи и Франціи. Каждая изъ этихъ странъ внесла свою долю въ это собраніе повѣствованій о жизни и приключеніяхъ различныхъ историческихъ личностей. Но авторъ,

повидимому, все-таки отдаетъ предпочтеніе романическимъ эпизодамъ изъ XVII и XVIII вѣковъ. Дѣйствительно, многіе изъ эпизодовъ, взятыхъ изъ этой эпохи, полны захватывающаго интереса и до такой степени необыкновенны, что современнымъ читателямъ могутъ показаться даже совершенно неправдоподобными. Но то было другое время и другіе люди и, надо сознаться, «странное время и странные люди». Ни одинъ изъ современныхъ романистовъ не рискнулъ бы, конечно, заставить своего героя пережить такія приключенія, какія, напримѣръ, пришлось на долю Казановы или Мазаниелло. Въ числѣ героевъ, приключенія которыхъ описаны авторомъ, находятся Марино Фальери, рыцарь Баяръ, принцъ Рупертъ и мн. др. Живое, блестящее и художественное изложеніе обезпечило успѣхъ книги и поэтому неудивительно, что она вышла уже вторымъ изданіемъ. Исторія въ ней освѣщается романическимъ колоритомъ, и это въ значительной степени способствуетъ усиленію интереса,

(The Literary World)

«*Natural Rights A criticism of some political and ethical conceptions.*» By David G. Ritchie, M. A. (Swan Sonnenschein). (Естественныя права: критика нѣкоторыхъ политическихъ и этическихъ понятій). Книга профессора Ричи очень полезна для настоящаго времени и читатель, заинтересованный въ отдѣленіи плевелъ отъ пшеницы при обсужденіи социальныхъ вопросовъ, не найдетъ скучной ни одну главу этой книги. Она не требуетъ отъ читателя ни особенныхъ знаний, ни особенной эрудиціи, выходящей за предѣлы уровня обыкновенной образованности, такъ какъ критическій разборъ различныхъ социальныхъ ученій изложенъ яснымъ и простымъ языкомъ, и въ этомъ отношеніи трактатъ профессора Ричи значительно отличается отъ многихъ другихъ трактатовъ по различнымъ философскимъ вопросамъ. Между прочимъ, проф. Ричи доказываетъ, что принципы 89 года вовсе не составляютъ принадлежности французской революціи. Билль о правахъ, выдвинутый въ 1776 году въ Виргиніи, въ такой же крайней формѣ признавалъ «естественныя права», каковая получила официальную санкцію въ Парижѣ, а главные пункты этой деклараціи можно найти даже въ пуританскихъ тезисахъ XVII столѣтія. Во второй главѣ своей книги профессоръ Ричи изслѣдуетъ исторію развитія идеи природы въ законахъ и политикѣ. Въ третьей главѣ онъ говоритъ о Руссо и его философіи. Глав-

ное достоинство книги профессора Ричи заключается въ томъ, что она написана языкомъ понятнымъ для всѣхъ. Отъ общаго профессоръ переходитъ къ частностямъ и двѣ трети своей книги посвящаетъ обсужденію частныхъ «естественныхъ правъ» человѣка, права жизни, свободы, терпимости, равенства, собственности и т. п. Очень интересны главы, посвященныя отношеніямъ отдѣльныхъ индивидуумовъ къ общинѣ.

(Literary World).

«*Essays*». By Sarah Atkinson (Dublin: Gill and Son). (Опыты). Авторъ этихъ опытовъ, покойная мистриссъ Аткинсонъ, не была крупнымъ литераторомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, но только потому, что занятія литературой не составляли главнаго въ ея жизни и она отдавала имъ только свои досуги. Она посвятила себя филантропической дѣятельности въ Ирландіи, но, читая ея «опыты», касающіяся различныхъ сторонъ ирландской жизни и исторіи, невольно приходится придти къ заключенію, что въ лицѣ ея Ирландія потеряла именно такого историка, въ какомъ она такъ сильно нуждается. Мистриссъ Аткинсонъ въ своихъ опытахъ бросаетъ яркій свѣтъ на прошлое и настоящее Ирландіи и на всѣ тѣ затрудненія, которыя приходится переживать этой странѣ. Книга написана очень художественнымъ и живымъ языкомъ и поэтому читается очень легко, точно беллетристическое произведеніе. Особенно хороша и поэтична глава, въ которой мистриссъ Аткинсонъ рассказываетъ объ ирландскихъ священныхъ легендахъ. «Опыты» мистриссъ Аткинсонъ смѣло могутъ быть причислены къ ряду классическихъ произведеній ирландской литературы и могутъ быть рекомендованы всѣмъ, интересующимся ирландскими дѣлами.

(Literary World).

«*Psychology for Teachers*». By C. Lloyd Morgan, Principal of University College, Bristol. With a preface by I. G. Fitch M. A. (Edward Arnold). (Психологія для учителей). Книга предназначается для педагоговъ, желающихъ ознакомиться подробнѣе съ вопросами психологіи. Въ ней заключается много интересныхъ свѣдѣній, касающихся психологіи сознанія, ассоціацій, опыта и наблюденія, воспріятія впечатлѣній, анализа, способности обобщенія, умственного развитія, рѣчи, мышленія, литературныхъ способностей, характера и т. п. Книга Моргана прочтется съ интересомъ не одними только педагогами.

(Daily News).

«*Women in India*». By Mary Frances Billington. With introduction by the Marchioness of Dufferin and Ava. Illustrated (Chapman and Hall). (Женщина въ Индіи). Авторъ этой книги, мистриссъ Биллингтонъ, членъ редакціи газеты «Daily Graphic», отправилась въ Индію съ цѣлью ознакомиться съ положеніемъ женщины въ этой странѣ. Пробывъ въ Индіи около трехъ съ половиною мѣсяцевъ, мистриссъ Биллингтонъ, составила изъ собранныхъ ею данныхъ вышеназванную книгу, заключающую въ себѣ не мало любопытныхъ свѣдѣній объ англондійскомъ обществѣ и женщинахъ въ Индіи. Безъ сомнѣнія, обыкновенный читатель найдетъ эту книгу очень интересной и прочтетъ ее съ удовольствіемъ, хотя люди, серьезно интересующіеся индійскими вопросами, и найдутъ, быть можетъ, немножко поверхностнымъ знакомство мистриссъ Биллингтонъ съ Индіей.

(Literary World).

«*Imagination in Dreams and their study*». By Frederick Greenwood. (Поль воображенія въ сновидѣніяхъ). По всей вѣроятности, эта книга заинтересуетъ многихъ читателей, раздѣляющихъ мнѣніе автора, что до сихъ поръ еще недостаточно разъяснена дѣятельность воображенія въ то время, когда воля отсутствуетъ, какъ это бываетъ во время сна. Авторъ возстаетъ противъ поверхностнаго отношенія къ сновидѣніямъ и говоритъ, что они заслуживаютъ глубокаго и серьезнаго изслѣдованія, такъ какъ это изслѣдованіе могло бы освѣтить многія темныя стороны психологіи человѣка и его мозговой дѣятельности. Авторъ приводитъ много интересныхъ примѣровъ, указывающихъ на то, какое вліяніе имѣли сновидѣнія на творческую фантазію человѣка. По мнѣнію автора, способность воображенія во время сна проявляется всегда съ особенною силой. Очень часто люди, у которыхъ сновидѣнія были особенно живы и особенно ярки, просыпаются съ тяжелою головою, какъ послѣ усиленной мозговой дѣятельности. Не имѣя претензіи разрѣшить сложный вопросъ психологіи сна, авторъ все-таки намѣчаетъ путь къ изслѣдованію этого вопроса и поэтому книга его заслуживаетъ вниманія.

(Literary World).

«*Meteorology, Practical and applied*» by Dr. John William Moore (F. S. Repton). (Метеорологія на практикѣ и въ примѣненіи). Книга эта входитъ въ составъ такъ-называемой «The Sanitary Series»; авторъ ея—врачъ, посвятившій свои досуги наблюденію метеорологическихъ явленій и той связи, которая

существует между этими явлениями и эпидемическими болѣзнями. Эту, далеко еще невыясненную связь, авторъ старается опредѣлить на основаніи собственныхъ наблюденій и наблюденій другихъ ученыхъ. Книга очень интересна, такъ какъ бросаетъ нѣкоторый лучъ свѣта на темный и сложный вопросъ о происхожденіи болѣзней и отношенія ихъ къ метеорологическимъ явлениямъ.

(Daily News).

«*Cameos of Litterature*» by M-rs Valentine (F. Warne and Co). (*Literатурныя камеи*). Новое изданіе, входящее въ составъ серіи, извѣстной подъ названіемъ «Half Hours with the best authors» (полчаса, проведенные съ лучшими авторами), заключающее въ себѣ избранныя мѣста изъ популярныхъ авторовъ. Вмѣстѣ съ прежде вышедшими томиками этой серіи, это составляетъ уже 150 статей лучшихъ авторовъ — цѣлую библиотеку, находящуюся въ распоряженіи читателя, желающаго провести «полчаса» со своими любимыми писателями.

(Daily News).

«*Sheep or Goats?*» by Valentine Delle (Fisher Unwin). (*Бараны или козлы?*). Интересная и до нѣкоторой степени способная навести на размышленія книга, но отнюдь не беллетристическое произведеніе, къ которымъ она причисляется. Страницы ея наполнены разсужденіями о разныхъ политическихъ, философскихъ и общественныхъ вопросахъ, о женскомъ вопросѣ, бракѣ и т. п. вопросахъ, составляющихъ злобу дня. На ряду съ многочисленными цитатами изъ разныхъ писателей, поэтовъ, мыслителей, авторъ высказываетъ и свои собственные взгляды на эти вопросы. Тѣмъ не менѣе, въ книгѣ имѣется фабула, что и заставило включить ее въ отдѣлъ беллетристики. Но изображенные авторомъ характеры не представляютъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, — это все типы, олицетворяющіе собою современныя направленія. Во всякомъ случаѣ интересъ книги заключается не въ исторіи, разсказываемой авторомъ, а въ тѣхъ вопросахъ, которые онъ поднимаетъ и обсуждаетъ.

(Daily News).

«*Un contrapion de voyage*» par Eugène Guyon (Dentu). (*Товарищъ въ путешествіи*). Книга, удостоенная почетнаго отзыва французской академіи, заключающая въ себѣ интересные разсказы о разныхъ современныхъ событіяхъ. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ исполнены драматическаго интереса, другіе же представляютъ тонкую сатиру и блестящій юморомъ.

(Journal des Débats).

«МІРЬ БОЖІЙ», № 3, МАРТЬ.

«*From Edinburgh to the Antarctic*». *An Artists Notes and Sketches among the Dundee Antarctic Expedition of 1892—1893*. By W. G. Burn Murdoch. With a chapter by U. S. Bruce, Naturaliste of the barque Balaena (Longmans) (*Отъ Эдинбурга до антарктической области; замѣтки и эскизы художника, принимавшаго участіе въ антарктической экспедиціи 1892—1893*). Таинственная, неизвѣданная область антарктическаго круга вліяетъ на воображеніе сильнѣе, нежели область сѣвернаго полюса, давно уже служащая цѣлью всевозможныхъ экспедицій. Южный полюсъ до сихъ поръ находился въ преенебреженіи и экспедиціи отправлялись туда весьма рѣдко. Въ вышеназванной книгѣ описана одна изъ подобныхъ экспедицій, отправившаяся въ сентябрѣ 1892г. въ область южнаго полюса, съ цѣлью произвести нѣкоторыя метеорологическія и др. наблюденія, а также поохотиться за китами. Къ сожалѣнію, это послѣднее обстоятельство въ значительной мѣрѣ помѣшало выполненію научныхъ цѣлей экспедиціи, но, тѣмъ не менѣе, она не осталась безплодной по своимъ результатамъ. Авторъ вышеназванной книги, художникъ по профессіи, присоединился къ экспедиціи, частью потому что его привлекала таинственная антарктическая область, частью же потому, что онъ не желалъ разставаться со своимъ другомъ, натуралистомъ Брюсомъ, научныя наблюденія котораго собраны въ послѣдней главѣ книги, заключающей въ себѣ очень интересное и поэтическое описаніе области вѣчныхъ снѣговъ и льда, бѣлыхъ медвѣдей и сѣвернаго сіянія.

(Daily News).

«*Arc en ciel*» roman du Né-Japon, par Jean Dargène (Couronné par l'académie française) chez Léon Chailley. (*Падуна*). Прелестная идиллія, предметомъ которой служатъ социальная, религиозная и политическая жизнь Японіи, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Многія современныя событія освѣщаются въ этой книгѣ, что и составляетъ ея главный интересъ, помимо другихъ достоинствъ, яркости красокъ и поэтичности стиля. (Journal des Débats).

«*China past and present*» M-r B. S. Gundry (Chapman and Hall). (*Китайъ въ прошедшемъ и настоящемъ*). Авторъ разсматриваетъ въ своей книгѣ условія, вызвавшія антагонизмъ Китая европейскому вліянію и результаты этого антагонизма въ прошедшемъ и настоящемъ. Очень интересны главы, касающіяся общественной и воспитательной системы Китая, его промышленнаго прогресса

са, торговли и т. п. Въ виду возрастающаго интереса, который приобретаютъ державы крайняго востока въ глазахъ Европы. появленіе вышеназванной книги очень своевременно.

(Daily News).

«*Colour vision*» by Captain W. de W. Abney, with coloured plate and numerous diagrams (Sampson Low and Co). (Цветное зрѣніе). Книга составлена изъ лекцій, читанныхъ авторомъ въ прошломъ году, въ королевскомъ институтѣ. Въ этихъ лекціяхъ изложены результаты научныхъ изслѣдованій автора и

физическихъ опытовъ, произведенныхъ совместно съ другими учеными. Авторъ освѣщаетъ положеніе современной науки, касаясь въ то же время многихъ нерѣшенныхъ вопросовъ и указывая пути къ возможному ихъ разрѣшенію. Очень интересна лекція, касающаяся двѣтной слѣпоты, примѣры которой авторъ цитируетъ изъ собственнаго опыта и наблюденія. Лекціи эти очень напоминаютъ своею формою и популярнымъ изложеніемъ знаменитыя лекціи Тиндала.

(Daily News).

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Годъ IV-й.

№ 4-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

А П Р Ъ Л Ъ

1895 Г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26-го марта 1895 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. СВЯТАЯ НОЧЬ. Ив. Бунина	1
2. ДЕНИСОВСКИЙ КАЗАКЪ Р. Ө. ЧМЫХАЛО , ЕГО СКАЗКИ И ПРИСКАЗКИ. В. Лесевича	9
3. СТИХОТВОРЕНІЕ. ДВѢ МАТЕРИ. (Изъ Виктора Гюго). А. Мейснера	23
4. АУДЕНЦІЯ. (Эпизодъ изъ жизни Бастили). Историческій разсказъ Юліи Безродной . (Окончаніе)	24
5. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. Проф. П. Н. Милюкова . (Продолженіе).	44
6. ЙАМАТОЙО И ЕГО СЕМЬЯ. (Изъ воспоминаній о Японіи). Д. И. Шрейдера	59
7. ЮНЫЕ АМЕРИКАНЦЫ. Очеркъ Сары Гутцлеръ . Пер. Л. Шелгуновой	81
8. ИВАНЪ СЕРГѢВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ . (Жизнь, личность, творчество). (Продолженіе). Ив. Иванова	101
9. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ. Романъ. (Продолженіе). К. М. Станюковича	147
10. ПРОЦЕССЪ ОПЛОДОТВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ. (Продолженіе). Проф. И. П. Бородина	172
11. ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Романъ въ двухъ частяхъ. (Продолженіе). А. Валенберга . Пер. съ шведскаго В. Фирсова	207
12. СТИХОТВОРЕНІЕ. Я ПОМНЮ НОЧЬ. Н. Селиванова	224
13. КАКЪ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЖИЗНЬЮ. Джона Леббока . Переводъ съ англійскаго. (Продолженіе). А. К.	225
14. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. А. Б.	245
15. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Рѣчь сенатора Кони о судѣ присяжныхъ.—Памяти Я. И. Ростовцева .—Восьмичасовой рабочей день на русской фабрицѣ.—Изъ исторіи народнаго образованія въ Сибири.—Грамотность и холера.—Идеальный народный учитель.—Изъ частной жизни гр. Л. Н. Толстого .—Первая Всероссийская выставка печатнаго дѣла.— Н. С. Лѣсковъ .— Ломоносовъ и его современники.	
16. За границей. Темныя стороны общественной благотворительности въ Германіи. — Права женщинъ въ Австраліи и Европѣ.—Американскія странствующія библіотеки.—Драматическое искусство въ Индіи.—Новая летательная машина.	260
17. НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ	288
18. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) КНЯЗЬ И КМЕТЫ. Историческій романъ Юсифа-Игнатія Крашевскаго . Переводъ съ польскаго Л. В—снаго	65
19. 2) ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ. Г. Дююдрэ . I. Древній міръ. Переводъ съ французскаго А. Позенъ , подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго	81
20. 3) ОБЗОРЪ ОБЩЕДОСТУПНЫХЪ КНИГЪ ЛИТЕРАТУРНАГО И НАУЧНАГО СОДЕРЖАНІЯ. Составляется подъ редакціей особой комиссіи по порученію Комитета грамотности, состоящаго при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ.	33
21. НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.	
22. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

СВЯТАЯ НОЧЬ.

Въ этотъ вечеръ на вокзалѣ все было спокойнѣе и сдержаннѣе обыкновеннаго: наступала святая ночь... А когда прошелъ курьерскій девятичасовой поѣздъ, всѣ вздохнули свободнѣе и спѣшили докончить только самыя неотложныя дѣла, чтобы поскорѣе разойтись по квартирамъ, вымыться, надѣть все чистое, и въ семьѣ, съ облегченнымъ сердцемъ, дожидаться праздника. Даже у лакеевъ, которые безшумно убавляли свѣтъ въ лампахъ залы перваго класса, лица были тихія и серьезныя. Всѣ они, дни и ночи живущіе тревожной, безпорядочной жизнью отъ поѣзда до поѣзда, въ постоянныхъ ожиданіяхъ чего-то, всѣ они затихли теперь, приготовляясь къ иному настроенію... И въ вокзалѣ наступили тишина и сумракъ.

Полутемный залъ третьяго класса, всегда переполненный людьми, гуломъ смутнаго говора и движенія, тяжелымъ теплымъ воздухомъ, теперь былъ пустъ и прибранъ. Въ отворенныя окна и двери вѣяло чистой свѣжестью наступающей южной ночи. Въ углу восковыя свѣчи слабо озаряли аналой и золотыя иконы, и среди нихъ кротою и грустно глядѣлъ темный ликъ Спасителя. Лампада краснаго стекла тихо покачивалась передъ нимъ, и по золотому окладу двигались полосы сумрака и свѣта...

Но одинокая кучка пассажировъ была на вокзалѣ. Имъ некуда было пойти подготовиться къ празднику. Они молча сидѣли въ темнотѣ вечера, въ концѣ длинной платформы.

Они чувствовали себя гдѣ-то страшно далеко, затерянными въ незнакомой мѣстности, среди чужихъ людей, подъ чужимъ южнымъ небомъ. Первый разъ въ жизни имъ пришлось двинуться на дальніе заработки, въ далекія южныя степи. Они всего еще боялись, были неловки, покорны, и даже передъ носильщикомъ торопливо сдергивали свои растрепанныя

шапки. Уже второй день они томились тутъ скукой, ожидаа, пока въ нимъ выйдетъ тщедушная и горделивая фигурка помощника начальника станціи (они уже успѣли прозвать его „бочеткомъ“) и строго объявить, что такой-то товарный поѣздъ завтра потянетъ ихъ на „Харцызскую“. Со скуки они весь день проспали, и теперь сидѣли въ угнетенномъ настроеніи.

Душный, темный, вечеръ разслаблялъ тѣло южною нѣгою. Надвигались тучи. Изрѣдка обдавалъ теплый благовонный вѣтеръ, напоенный запахомъ распускающихся тополей. Не смолкая ни на минуту, доносилась съ болота надоѣдливая трескотня лягушекъ, и, какъ всякій непрерывный звукъ, не нарушала тишины вечера. Тихо и темно было и на землѣ, и на небѣ. Направо отъ станціи едва-едва свѣтилъ далекій закатъ; тускло поблескивая, убѣгали туда рельсы. Налѣво уже стояла синяя темнота... огонекъ диска висѣлъ, словно въ воздухѣ, одинокой зеленовато-блѣдной звѣздочкой... Оттуда, изъ загадочной дали, съ неизвѣстныхъ степныхъ мѣстъ, шла ночь.

— Охъ, должно не скоро еще!—шепотомъ сказалъ одинъ изъ мужиковъ, полудежавшій около вокзальныхъ ведеръ, и протяжно зѣвнулъ.

— Служба-то?—отозвался другой.—Должно, не скоро. Теперь не болѣ, какъ семей часть будя.

— А то и всѣхъ восемь наберется, — машинально добавилъ третій.

Всѣмъ скучно. Только одинъ не хочетъ проявить своего настроенія и иронизируетъ:

— Ай соскучился? „А-а-а“...—зѣвнулъ онъ, передразнивая перваго говорившаго, и, приводя извѣстный анекдотъ про дурочку, выданную замужъ, прибавилъ: „У насъ теперь дома спя-я“...—А тебѣ кто жъ не велить? „Да твой Ванька“!

— Будя, Кирюхъ, дуровать-то, — серьезно отвѣтилъ первый и дѣловымъ тономъ обратился къ сосѣду: — Пантелей Парменычъ, поди, глянь на часы-то, ты письмѣнный.

Пантелей Парменычъ, сидѣвшій спиной къ рѣшеткѣ платформы, отозвался добрымъ, слабымъ, голосомъ:

— Не уразумѣю, малый, по тутошнимъ, все сбиваюсь; цѣлыхъ три стрѣлки.

— Да ай не все равно?—опять замѣтилъ Кириллъ, тотъ, что началъ шутить.—Хушь смотри, хушь не смотри—одна честь. Какъ скоро, такъ сейчасъ...

Послѣднія слова онъ произнесъ уже совсѣмъ машинально.

Это былъ еще молодой мужикъ съ добрымъ толстымъ лицомъ; онъ недавно женился и скучалъ теперь сильно, хотъ и скрывалъ тоску въ безпечной позѣ—лежа на животѣ и раскинувъ ноги въ стороны; только по тому, какъ онъ иногда вертѣлъ лохматой головой, положенной на руку, можно было замѣтить, что ему не по себѣ.

Долго молчали. Тучи надвинулись, густая темнота теплою ночи мягко, неслышно обнимала все. Пантелей Парменичъ открылъ трубку, помялъ пальцемъ краснѣвшійся въ ней огонь и на время такъ жарко раскурилъ ее, что смутно освѣтилъ свое старческое доброе лицо съ сѣдыми солдатскими усами и воротъ зипуна, подпоясаннаго обтертой подпояской. На мгновение выступили изъ мрака и бѣлая рубаха лежащаго на животѣ, и короткіе, заскорузлые и изорванные полушубки двухъ другихъ пожилыхъ мужиковъ. Потомъ онъ закрылъ трубку, попытѣлъ и покосился влѣво, на своего племянника. Тотъ тоже лежалъ, все время молча и не въ такой безпечной позѣ, какъ Кирилль. Длинные худыя ноги его, завернутыя въ бѣлыя суконныя портянки, лежали безъ движенія; по очертаніямъ худощаваго тѣла и узкихъ плечъ было видно, что это совсѣмъ еще мальчикъ, истомленный и до времени вытянувшійся на работѣ.

— Федоръ, спишь?—тихо обликнулъ его Пантелей Парменичъ.

— Н-нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ сильнымъ, мягкимъ голосомъ.

Старикъ ласково наклонился къ нему и, улыбаясь, шепотомъ спросилъ:

— Ай по матери соскучился?

Отвѣтъ послѣдовалъ не сразу:

— Чего жъ мнѣ соскучиться?

— Да ну... Ты скажи, не бойся.

— Я и такъ не боюсь.

— То-то, моль, не таись...

Федька молчалъ. Пантелей Парменичъ долго съ задумчивой улыбкой глядѣлъ на его худенькія плечи... потомъ тихонько отвернулся.

Уже и на закатѣ стемнѣло и померкло, и на вокзалѣ все стихло. Контуры вокзальныхъ крышъ едва рисовались на фонѣ ночного неба. Тамъ, гдѣ оно сливалось съ темнотою земли, перекрещивались и мигали зеленые, синіе и красные огоньки сигналовъ... Осторожно лязгая колесами и постукивая короткими ударами дыма изъ трубы, прокатился мимо

платформы паровозъ, освѣтилъ ее краснымъ отблескомъ растопленной печки, около которой, какъ въ тѣсномъ уголкѣ ада, копошились какіе-то черные люди, и все потонуло опять въ темнотѣ. Мужики долго прислушивались, какъ онъ гдѣ-то во мракѣ сипѣлъ горячимъ паромъ.

Потомъ издалека гнусаво запѣлъ рожокъ. Изъ темноты и изъ-за разноцвѣтныхъ огней выдѣлился треугольникъ огненныхъ глазъ. Онъ разгорался и приближался медленно-медленно, а за нимъ тянулся длинный, безконечно-длинный, товарный поѣздъ; подвигаясь все слабѣе, онъ наконецъ остановился и затихъ. Черезъ минуту что-то завизжало, заскрипѣло, вагоны дрогнули, подались назадъ—и замерли. Раздались громкіе голоса—и смолкли. Одинокій фонарь, невѣдомо кѣмъ несомый, колеблясь свѣтлымъ полукругомъ, шелъ надъ самой линіей, подъ темной стѣной вагоновъ.

— Тридцать четыре,—сказалъ одинъ изъ мужиковъ.

— Кого? Вагоновъ-то? Болѣ будя.

— А можетъ и болѣ...

Поѣздъ на время занялъ всѣхъ. Оедька облокотился на руку и долго и удивленно глядѣлъ на темную массу паровоза, смутно освѣщенную по серединѣ, слушалъ, какъ что-то клокотало и замирало въ немъ, какъ потомъ онъ отдѣлился отъ поѣзда и, облегченно и тяжелодохнувъ нѣсколько разъ, ушелъ въ темноту, отрывистыми свистками требуя пути... Ничто, ничто не напоминало тутъ праздника.

— Я думалъ, они хушь въ праздникъ-то не ходять,—сказалъ Оедька.

— Ну, да, не ходять... Имъ нельзя не ходить...

Оедька опять легъ въ напряженномъ раздумьи обо всемъ новомъ и странномъ, что окружало его.

Тогда между мужиками слышались несмѣлыя предположенія, что, можетъ быть, съ этимъ-то поѣздомъ ихъ и отправять. Тяжело въ такую ночь сидѣть въ темнотѣ товарныхъ вагоновъ, да ужъ все одно, лучше бы отправили!

Старикъ заговорилъ о „Харцызской“. Но впереди была полная неизвѣстность: и гдѣ эта „Харцызская“, и когда они приѣдутъ туда, и какая будетъ работа, да и будетъ ли еще? Можетъ и совсѣмъ не быть. Вотъ, если бы земляковъ встрѣтить, которые направили бы на хорошее мѣсто! А то, пожалуй, опять придется гдѣ-нибудь сидѣть въ томительномъ ожиданіи, запивать сухой хлѣбъ теплой водой изъ вокзальной кадки. И тоска отъ неопредѣленности положенія, тре-

вога за свою судьбу и за судьбу семей снова овладѣла всѣми. Даже Кириллъ заворочался, безпокойно зачесался, сѣлъ и опустил голову... Разговоръ оборвался.

— И чего тутъ остались?—долго погода послышался одинъ неувѣренный голосъ. — Хошь бы въ городъ пошли — авось всего версты четыре... либо въ монастырь... служба, говорить, бываетъ дюже хороша!

— А ну какъ сейчасъ велеть садиться?—угрюмо отвѣтилъ Кириллъ. — Его пропустишь, а тамъ и сиди опять десять депъ.

— Надо пойтить спросить...

— Спросить? У кого?

— Да у начальника...

— И правда, пожалуй... Ребя, сходить что ль?

— Да его теперь небось нѣту...

— Ну, кто-нибудь за него...

Однако въ предложенію сходить спросить всѣ какъ-то отнеслись вяло,—и опять замолчали.

— Служба-то и тутъ такая же будетъ,—проговорилъ Кириллъ по прежнему угрюмо.

— Она хушь не такая же, короткая, сказывали, будетъ... И разговѣться тоже нечѣмъ...

— А какъ совсѣмъ пойдешь Христа ради?

Возраженіе было основательное, но вѣдь и тяжело было всѣмъ! И всѣ съ тревогой и грустью поглядывали на воезальный дворъ, гдѣ свѣтились окна, гдѣ въ каждой семьѣ шли приготовленія въ праздниву. У Ѳедьки замирало сердце отъ возрастающаго грустнаго настроенія. Еще въ городъ въ извозчичьи хотѣлъ идти! Только бы домой поскорѣй—ни за что на свѣтѣ больше не пошелъ бы! Только придется ли еще домой-то вернуться?..

— А дни-то, дни-то какіе!—со вздохомъ, слабымъ, задумчивымъ голосомъ сказалъ Пантелей Парменычъ.— Великая суббота-матушка! А мы, какъ татаре какіе, и въ церкви ни разу не были...

— А ты бы теперь ужъ на влиросѣ читаль, дѣдушка!

Но старикъ не слыхалъ этихъ мягко и грустно сказанныхъ словъ. Онъ сидѣлъ и бормоталъ въ раздумьи:

— Эхъ, правда, хороша нонѣ служба! Сказано „да молчить всяка плоть человѣча и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ и ничтоже земное въ себѣ да помышляетъ. Царь бо Царствующихъ и Господь Господствующихъ“...

Голосъ его перешель въ шепоть, а послѣднія слова прозвучали тихо, глубоко растроганнымъ тономъ:

„Предходятъ же сему лицу Ангельстїи со всякимъ началомъ и властью, многоочитїи херувимы и шестикрылатїи серафимы, лице закрывающе и вошюще пѣснь аллилуїя“...

И, помолчавъ, онъ прибавилъ увѣреннѣе, глядя въ одну точку предъ собою:

„Воскресни, Боже, суди земли, яко ты наслѣдиши во всѣхъ языцѣхъ“...

Было ли это трогательное воззваніе, вроткая жалоба чистаго и открытаго передъ лицомъ Господа сердца на людскїя неправды, былъ ли только отеликъ несознаннаго, но глубокаго, тоскующаго чувства? Вѣрно, присодиналась къ нему и жалость къ себѣ, къ своей одинокой старости, которой некуда преклонить голову даже въ свѣтлую ночь воскресенїя?! Все же лицо его было ясно и спокойно. Издалека, изъ родной деревни, можетъ быть, уже доносилось до него пѣніе крестноносцевъ, замирающее въ темнѣющихъ поляхъ, въ теплый апрѣльскїй вечеръ, звонъ и оживленіе солнечнаго праздничнаго утра, веселый говоръ деревенской улицы...

А тишина ночи все болѣе воцарялась кругомъ. И изъ степеней, изъ темно-синей дали все ласковѣе обвѣвало теплымъ влажнымъ вѣтромъ, и сильнѣе благоухали распускающїеся въ темнотѣ тополи.

Всѣ упорно молчали.

Можетъ быть, и всѣ думали объ одномъ, всѣхъ соединяла одна грусть, одни воспоминанїя. И все то, на что каждый смотрѣлъ прежде спокойно, вспоминалось теперь, какъ самое дорогое и завѣтное. Вотъ наступаетъ вечеръ, наступаетъ сдержанная суматоха послѣднихъ приготовленїй къ церкви. На дворахъ запрягаютъ лошадей, суетятся мужики, въ новыхъ сапогахъ и еще распоясанныхъ рубахахъ, съ мокрыми, расчесанными волосами; полунаряженныя дѣвки и бабы то и дѣло перебѣгаютъ отъ избы къ пунькѣ, и обратно, въ избахъ завязываютъ въ платки куличи и пасхи... Потомъ деревня остается пустою и тихою... надъ темной чертой горизонта, на фонѣ заката, видны силуэты идущихъ и ѣдущихъ на село... На селѣ, около церкви, поскрипываютъ въ темнотѣ подѣвжающїя телѣги; церковь освѣщается... въ церкви уже идетъ чтенїе, уже тѣснота и легкая толкотня, пахнетъ восковыми свѣчами, новыми полшубками и свѣжими ситцами... а на па-

перти и на могилахъ, съ другой стороны церкви, темнѣють кучки народа, слышатся сдержанные голоса...

Вдругъ гдѣ-то далеко ударили въ колоколь. Въ мгновеніе у всѣхъ дрогнуло сердце отъ радостнаго волненія и сжалось отъ неясной грусти. Мужики зашевелились, разомъ поднялись и, крестясь, съ обнаженными головами, до земли поклонились на востокъ.

— Федоръ! вставай!—взволнованно пробормоталъ старикъ.

Мальчикъ вскочилъ торопливо и крестился быстро и неровно.

— Опоздали, малый!—прибавилъ старикъ съ тревогой.

— Я не спалъ...—отвѣтилъ мальчикъ виновато.

Звонъ шелъ издалека медленно и важно, но и въ немъ какъ бы слышалась уже радость и волненіе.

— Ахъ, Господи, Господи!—шепталъ Пантелей Парменычъ растерянно.

Но звонъ сталъ стихать. Послѣдній замирающій гулъ еще долго держался въ воздухѣ, и, когда онъ, наконецъ, смолкъ, мужики засуетились, торопливо завязывая котомки какъ бы въ дальнюю дорогу. Въ окнахъ вокзала уже трепетали огни восковыхъ свѣчей. Золотыя иконы сливались съ золотымъ ихъ блескомъ. Зала третьяго класса наполнялась служащими, рабочими и барышнями. Оживленіе возростало, слышался говоръ, торопливые шаги... Мужики стали на платформѣ, у дверей вокзала. Они были смущены новизной обстановки этой встрѣчи праздника и какъ въ туманѣ видѣли чужую, незнакомую толпу подъ сводами вокзала, слышали малороссійскій говоръ.

Наконецъ, сквозь толпу поспѣшно прошелъ молодой священникъ съ причтомъ и тотчасъ же сталъ облачаться въ свѣтлыя ризы, какъ-то особенно шуршащіе глазетомъ; онъ что-то говорилъ въ тоже время и зорко и добродушно вглядывался въ полусумракъ наполнявшагося народомъ зала. Оживленіе еще болѣе увеличилось. Зажигаемыя свѣчи осторожно потрескивали подъ колеблющимися отъ вѣтерка огнями. А издалека, подъ темнымъ ночнымъ небомъ, снова лился звонъ—теперь уже совсѣмъ радостный и свободный.

„Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси“... Торопясь началъ священникъ прекраснымъ звонкимъ теноромъ.

Все заволновалось и задвигалось. Мужики стояли на колѣняхъ и торопливо крестились, подолгу припадая головами къ каменному полу. Пантелей Парменычъ крестился

поспѣшнѣ всѣхъ—онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ кругомъ. Просвѣтленное лицо его было блѣдно и радостно.

— Ѳедоръ! ай что болитъ?—раздался вдругъ возлѣ него шепотъ.

Старикъ такъ и вздрогнулъ:

— Чего? а? Ѳедоръ!

Припавъ головой къ порогу, мальчикъ лежалъ безъ движенія, и только плечи его вздрагивали.

— Ѳедоръ! да что ты!—испуганно повторилъ старикъ, хватая его за плечо.

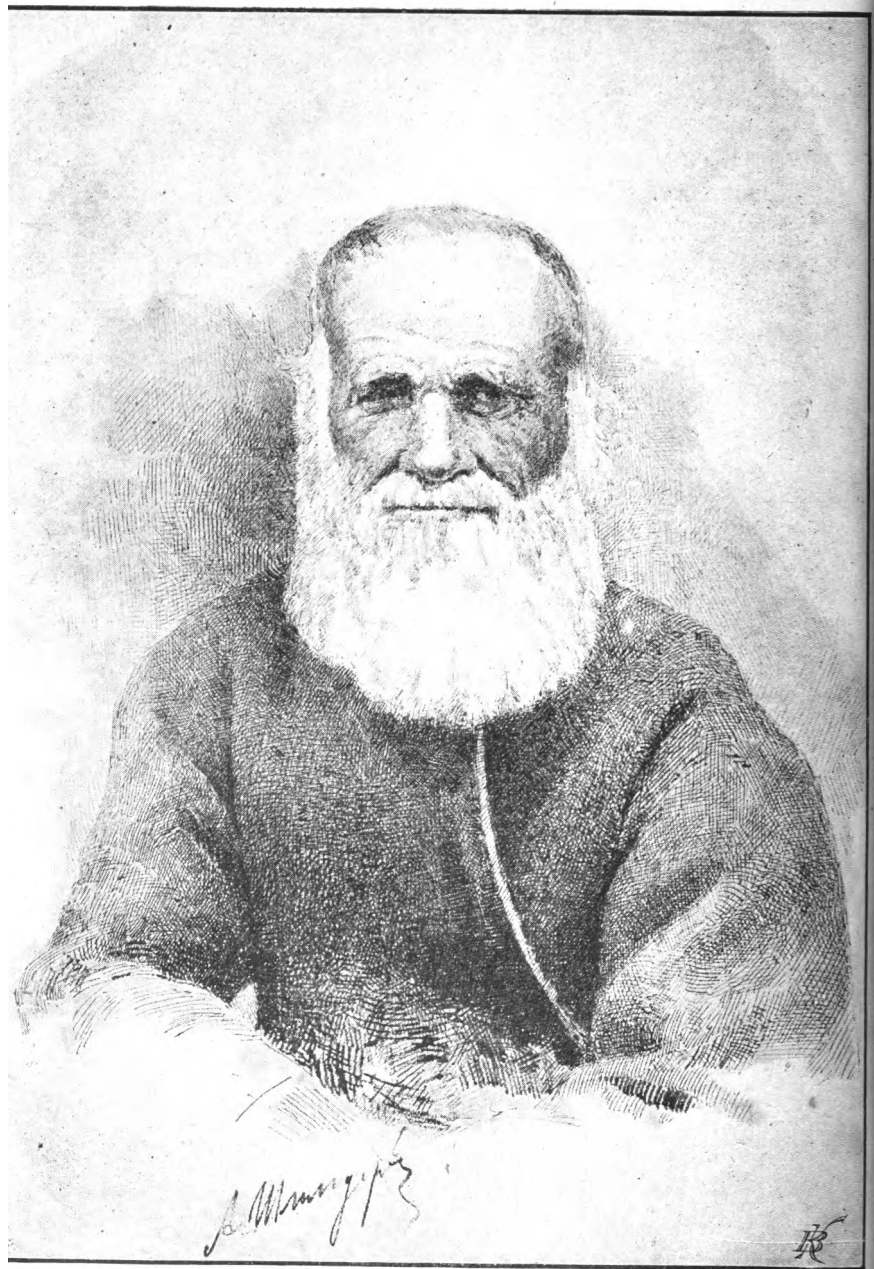
Громкій и радостный хоръ причта заглушилъ и повернулъ его слова.

— Христось... воскресе, дѣдушка!—оборвавшимся отъ внезапныхъ слезъ голосомъ воскликнулъ Ѳедоръ, отрываясь отъ пола.

— Во истину, во истину!..—пробормоталъ Пантелей Парменичъ, порываясь къ нему и прижимая къ себѣ его голову... И съ веселымъ, взволнованнымъ лицомъ, быстро смаргивая свѣтлыя слезы, повторялъ въ то же время:

— Чего ты, чего?.. о чемъ?.. Вона-а! будя, батюшка, будя!..

Ив. Бунинъ.

Денисовскій казакъ
Родіонъ Федоровичъ Чмыхало.

Денисовскій казакъ Р. Ѳ. Чмыхало, его сказки и присказки *)

Мм. гг.

Въ сообщеніи, которое я буду имѣть честь представить вашему вниманію въ сегодняшній вечеръ, я займусь характеристикю Денисовскаго сказочника, Родіона Ѳедоровича Чмыхала, портретъ котораго, сдѣланный извѣстнымъ художникомъ А. Н. Шильдеромъ, вы здѣсь видите, и прочту нѣсколько отрывковъ изъ сказокъ и присказокъ моего даровитаго земляка.

Задача моя обязываетъ меня прежде всего сказать нѣсколько словъ о той общественной средѣ, въ которой дѣдъ Чмыхало родился и состарѣлся.

Село Денисовка—ролина дѣда—находится въ Лубѣнскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи; оно удалено отъ городовъ, желѣзныхъ дорогъ, судоходныхъ рѣкъ, почтовыхъ путей, и даже какъ бы спряталось и отъ сѣти проселочныхъ сообщений, пріютившись на излучинѣ маленькой рѣчки, оставляющей подходъ къ селу только съ одной стороны. Это-ли не укромное мѣстечко для сохраненія стародавняго преданія и всякаго фольклора? **) Въ новѣйшее время, однако же, денисовскій консерватизмъ не устоялъ подъ вліяніемъ необходимости сношеній съ внѣшнимъ міромъ, и если денисовецъ и сохраняетъ еще стародавнюю простоту въ большей степени, нежели села, сравнительно болѣе бойкія, то все же нельзя не признать, что фольклоръ его убываетъ и убываетъ въ особенности въ той своей отрасли, которая предъявляетъ, преимущественно передъ другими, запросъ на таланты: убываетъ въ пѣснѣ и сказкѣ. Пѣвцы и сказочники у насъ, несомнѣнно, вымираютъ. А между тѣмъ, именно эти личности составляли до сихъ поръ тотъ слой крестьянскаго

*) Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Имп. Геогр. Общества 23-го декабря 1894 г. Образцы сказокъ, приводимые ниже въ переводѣ, были читаны въ оригиналѣ.

**) Подъ фольклоромъ разумѣется общая совокупность народныхъ возрѣній, какъ преданій переходящихъ изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ область фольклора такимъ образомъ входятъ всѣ повѣрья, суевѣрья, заклинанія, загадки, пѣсни, пречитанья, сказки и т. п. Терминъ «фольклоръ» англійскаго происхожденія; онъ началъ входить въ употребленіе на континентѣ съ первыхъ годовъ прошлаго десятилѣтія и, въ настоящее время, можетъ считаться общепризнаннымъ.

населенія, который по праву можетъ назваться интеллигентнымъ. У этого рода людей можно подмѣтить духовный интересъ, присущій ихъ жизни, и они никогда не поддаются засасыванью все плотнѣе и плотнѣе надвигающимся на насъ болотомъ лавочной практичности, захватившей уже многихъ, подававшихъ, въ молодые годы, богатые надежды. Контингентъ книжныхъ людей, идущихъ на смѣну этой первобытной интеллигенціи, и очень еще слабъ численно, и далеко не въ такой степени овладѣлъ книжнымъ матеріаломъ, какъ старое поколѣніе сказкой или пѣснью. По этой причинѣ роль книжнаго интеллигента у насъ еще очень слаба и мало замѣтна.

Живя въ селѣ, нельзя не обратить вниманія на тѣ общія черты характера, которыя представляются обоими родами нашихъ интеллигентныхъ людей. Прежде всего бросается въ глаза контрастъ, замѣчаемый у тѣхъ и другихъ, при сопоставленіи ихъ съ героями наживы: въ искусствѣ «купить - продать» интеллигентъ, разумѣется, слабъ, а потому заурядъ бѣденъ. Онъ то и дѣло увлекается въ сторону отъ практическихъ дорожекъ: то изъ-за пѣсни забываетъ о дѣлѣ, то, работая, поетъ, «чтобъ не плакать». Разумѣніе такихъ душевныхъ состояній интеллигента, конечно, недоступно для людей житейской практики. Отъѣздившій кулакъ, погруженный въ свои расчеты и мечты объ излюбленныхъ процентахъ, иной разъ проѣдетъ мимо такого мечтателя на своей сытой лошаdkѣ и не замѣтитъ даже, что тутъ же, вдоль забора, плетется скромный человѣкъ съ вѣчно юнымъ увлеченіемъ въ тысячный разъ перепѣвающій свою любимую пѣсню, или мечтающій о царевнахъ, поджидающихъ на высокихъ башняхъ блестящихъ золотомъ богатырей, несущихся на летучихъ коняхъ, или, наконецъ, еще и еще передумывающій не легкій вопросъ о томъ, гдѣ правда: въ тѣхъ-ли книжкахъ, которыя утверждаютъ, что добро дѣнно само по себѣ, или, напротивъ того, въ тѣхъ, другихъ?..

Къ такого рода интеллигенціи принадлежитъ и «дидъ Чмыхало». Онъ и теперъ помнитъ еще свыше тридцати сказокъ и при сказокъ и умѣетъ рассказывать ихъ выразительно и изящно. «Дидъ Чмыхало» — рослый, статный, красивый старикъ лѣтъ шестидесяти-пяти. Сказкамъ своимъ онъ выучился у отца еще въ юности. Если и отецъ его научился имъ въ этомъ же возрастѣ, то время это надо отнести за сто лѣтъ назадъ, т.-е. считать, что цѣлый вѣкъ уже сказки эти сохраняются въ родѣ Чмыхаловъ.

Родъ этотъ принадлежалъ когда-то къ числу богатыхъ казацкихъ родовъ Денисовки, но, значительно размножившись, онъ, въ новѣйшее время, не имѣетъ уже зажиточныхъ представителей. У нашего дѣда есть небольшой огородъ, хата и одна съ четвертью дес. пахатной земли. Вотъ и все состояніе, которымъ ему пришлось

довольствоваться въ теченіе всей долгой его жизни. И что же? Дѣдъ не только умѣлъ прокормить себя и жену, оплачивать повинности, не дѣлать долговъ, поддерживать хозяйство, но еще умудрился сохранить здоровье, хорошую память и драгоцѣннѣйшее достояніе свое—жизнерадостное, бодрое, настроеніе. На него любо посмотрѣть! Вотъ онъ идетъ съ длинной въ рукахъ палкой, вы и не подумаете, пожалуй, что онъ такъ старъ, развѣ бѣлая, какъ снѣгъ, борода выдастъ. Идетъ онъ прямо, твердо, не грузно, весело здороваясь со встрѣчающимися. Остановите его, заговорите съ нимъ о томъ, что входитъ въ сферу его вѣдѣнія, и онъ сейчасъ уже обнаружитъ свою смѣтливость, свой свѣтлый умъ, свое пониманіе жизни и знаніе людей и, сверхъ всего, вы увидите въ немъ поэта,— «поэта въ душѣ», вѣчно-юнаго и живого и нисколько не дремлющаго, подобно тому поэту, который, будто бы, живетъ во всѣхъ насъ, если вѣрить Альфреду Мюссэ. Сколько простоты, искренности, свѣжести въ этомъ «приподнятомъ» тонѣ жизни, о которомъ иногда болтаетъ «культурная чернь», но который таится въ душѣ этого представителя истинной интеллигенціи, обладателя зачаточнаго, но все же несомнѣннаго, дара отторженія отъ обыденной житейской пошлости.

«Жизнь прожить—не поле перейти!» И дѣдушкѣ нашему, конечно, доводилось переживать испытанія, которыя ему не легко было преодолѣть, и вспоминать о которыхъ подъ старость, наединѣ съ своею бабою, куда какъ должно быть не сладко. Дѣтей онъ потерялъ уже давно; племянники его, хотя и не говорятъ ему, какъ здѣсь сплошь и рядомъ бываетъ: «пора вамъ, дядьку, помирать: вы шось-то дуже зажылысь!»—все же, однако, не оказываютъ ему той помощи, которой онъ вправѣ ожидать отъ наследниковъ его имущества, и, во всякомъ случаѣ, не скрашиваютъ ему жизни; попытка обзавестись «прыймакомъ» окончилась горькой неудачей... Все это въ несложной жизни дѣда является не мелочью; но обо всемъ этомъ онъ вспоминаетъ съ тихою грустью, примиренно, благодушно. Надняхъ еще онъ купилъ досокъ для своего гроба, и мысль о смерти не смущаетъ его.

Не послѣднее мѣсто въ выработкѣ такого настроенія играли у нашего дѣда поэзія его сказокъ и обильный запасъ здраваго смысла и юмора его присказокъ. Присказки и сказки въ достаточной для условій его существованія степени помогали ему смотрѣть сверху внизъ на житейскую сутолоку, происходившую передъ его глазами, и оцѣнивать ее скорѣе съ презрительнымъ добродушіемъ, нежели съ горечью. Онъ знаетъ къ тому же, что и въ этомъ узкомъ, сѣромъ Денисовскомъ міркѣ внѣшній успѣхъ не прочтенъ.

Его скромное міросозернаніе было достаточно для его незатѣйливаго обихода, и оно не обмануло его. Представляя собою олицетвореніе торжества нравственной силы, опиравшейся на самыя скудныя средства, дѣдъ доживаетъ свой вѣкъ со всепримирающею улыбкою на устахъ; и благо ему, что дожить ему не доведется до того времени, когда борьба могла бы оказаться ему не подъ силу! Кто придетъ на помощь тогда къ другимъ, ему подобнымъ? А дѣдъ нашъ, который по таланту, уму, чуткому чувству, является цѣлымъ кладомъ потенциальныхъ силъ, можетъ еще сойти въ могилу оптимистомъ. Судьба поскупилась приложить ему еще кое-что; да и расщедрится ли она и для грядущихъ поколѣній такихъ же Чмыхаловъ? Приложить ли она имъ—не говорю ужъ землицы вѣ-которую толику—но еще и къ ихъ прирожденному духовному достоянію наследственное достояніе человѣчества: искусство, литературу, науку!.. Да, науку, и именно «научную науку», какъ любить теперь иронизировать;—именно: «научную», т.-е. истинную, не фальсифицированную, ту, которая, вмѣсто единичнаго опыта, этого «пошлаго опыта», по мѣткому выраженію Некрасова, даетъ всю совокупность родоваго опыта, всю сумму духовнаго наследія исторіи, и даетъ его *всѣмъ*, являясь къ нимъ не убогой и загнанной.

Дѣдъ Чмыхало, по всей вѣроятности, имѣетъ много общихъ чертъ съ тою старухою изъ Нидерцверна, которая рассказывала Гриммамъ свои сказки: онъ тоже несомнѣнно сознаетъ, что даромъ его надѣленъ не всякій; ему очевидно, что многіе ровно ничего не могутъ удержать въ памяти связно; и онъ также рассказываетъ, осмысленно, аккуратно, съ оживленіемъ и съ явнымъ увлеченіемъ своимъ рассказомъ. Точно такъ же онъ, вслѣдъ за плавной и слитной передачей какой-нибудь сказки, можетъ опять повторить ее медленно, слово за словомъ, отъ начала до конца. Записывать за нимъ при такой передачѣ такъ же легко, какъ подъ диктовку. И у него, наконецъ, какъ и у рассказчицы Гриммовъ, память твердая, удерживающая полностью всѣ подробности изложенія. Въ послѣднемъ свойствѣ этомъ я могъ убѣдиться, сравнивая мои записи 91 года съ его рассказами нынѣшняго: ничто не оказалось измѣненнымъ или извращеннымъ, вплоть до мельчайшихъ подробностей. Отмѣтить дарованіе нашего дѣда только этими чертами было бы однако же недостаточно. Надо послушать, какъ онъ рассказываетъ, чтобы по достоинству оцѣнить его талантъ. Слѣдя за его плавной, выразительною и не монотонной рѣчью, трудно и представить, что передъ вами неграмотный человѣкъ, обитатель захолустья, далекій отъ книжнаго міра, никогда въ жизни не слышавшій ни сколько-нибудь добропорядочнаго чтенія, ни путемъ

сказанной проповѣди. По унаслѣдованіи отъ «батька», да по собственному чутью и разумѣнію, постигъ онъ это, недоступное другимъ искусство,—цѣлесообразную интонацію, своеобразную жестикуляцію,—все, что дѣлаетъ его оригинальнымъ и интереснымъ. Сказка въ устахъ нашего дѣда разворачивается передъ слушателемъ свободно, натурально; это не заученный наизусть урокъ, а вдохновенная импровизація, своего рода поэтический бредъ. Только вкладывая душу въ свое повѣствованіе, можетъ онъ держать въ напряженіи вниманіе всякаго слушателя и заставлять его интересоваться такимъ содержаніемъ, которое въ Денисовкѣ людямъ житейской практики представляется ребяческимъ, а внѣ Денисовки можетъ остановить только вниманіе этнографа.

Чмыхало, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить, рассказываетъ волшебныя сказки и бытовыя присказки. Въ его сказкахъ, какъ и во всѣхъ другихъ этого же рода, волшебныя лица и ихъ волшебныя дѣйствія выступаютъ и разворачиваются на фонѣ мѣстной бытовой обстановки. Кромѣ того, сказки перемежаются иногда эпизодами заурядными, и мѣстный колоритъ выступаетъ при этомъ еще ярче; присказки же сплошь рисуютъ мѣстные бытовыя картины, большею частью, изъ недавняго прошлаго. Изложеніе волшебныхъ эпизодовъ опять во всемъ подобно изложенію ихъ во всякихъ народныхъ сказкахъ: оно просто, сжато, неколоритно и верѣдко сводится на перечень совершаемыхъ дѣйствій, съ повторительнымъ отнесеніемъ событій то къ прошедшему, то къ будущему времени. Рѣчи дѣйствующихъ лицъ почти сплошь держатся этой же схемы, и крайне рѣдко заключаютъ въ себѣ слабо выраженные индивидуальныя черты. По содержанію, сказки Чмыхала примыкая, какъ то само собою разумѣется, ко всесвѣтному сказочному фольклору, представляютъ довольно значительный и разнообразный запасъ типичныхъ инцидентовъ. Если мы примемъ классификацію инцидентовъ Джорджа Гомма, изложенную въ его «Handbook of Folklore», то на 70 инцидентовъ, значащихся въ спискѣ Гомма, на долю Чмыхала приходится 14. Инциденты эти комбинируются у нашего сказочника весьма неравномѣрно. Изъ 17 его сказокъ, 8 представляютъ развитіе какого-нибудь одного инцидента, а именно: совершенія подвиговъ для добыванія невѣсты и царства, исполненія пророчества, побѣды надъ великаншей, бѣгства отъ колдовства, услугъ звѣрей-пособниковъ, убійства чудовища (типъ Персея и Андромеды), подвиговъ 12 богатырей и торжества загнаннаго члена семейства (типъ Синдереллы, или точнѣе, Синдереллуса). Двѣ сказки даютъ комбинаціи инцидентовъ по два: таковы: сказка о трехъ братьяхъ—въ первой части развивае-

тему о человѣкѣ, поднимающемся на небо по бобовому стеблю, а во второй—вращается вокругъ идеи отрожденной отъ тѣла души, пребывающей сперва въ животномъ, а потомъ въ деревѣ, по типу египетской сказки о Битіу и Анупу. Самая сложная сказка—сказка «Про Орла», совмѣщающая 4 инцидента: отдача новорожденнаго дьяволу, приключеніе съ дѣвками-лебедями, волшебное бѣгство отъ преслѣдованія людоеда и потеря сокровища (типъ Аладина). Скучность наличныхъ собственныхъ именъ въ сказкахъ Чмыхала доходитъ почти до полного отсутствія ихъ. Кромѣ нѣкоторыхъ обычныхъ именъ, произвольность которыхъ отмѣчаетъ въ разсказѣ самъ сказочникъ, во всѣхъ 17 сказкахъ встрѣчается только три имени: казакъ Мамарыга, Камнянка Голова и названіе летучаго коня казака Мамарыги—Гиверь. Переходною ступеню отъ волшебныхъ сказокъ къ бытовымъ повѣствованіямъ, называемымъ самимъ повѣствователемъ присказками, можно счесть разсказъ «Про Золотую Гору», разрабатывающій тему «Синбада-Мореплывателя» изъ «Тысячи и одной ночи» и этимъ путемъ восходящій, быть можетъ, къ египетской сказкѣ о кораблекрушеніи изъ извѣстнаго «Сборника» Масперо. Повѣствованіе о Золотой Горѣ такъ обильно перемежается реалистическими эпизодами, живо рисующими народный бытъ, что въ доброй половинѣ оно представляется уже вполне подходящимъ подъ типъ присказокъ. Изложеніе присказокъ, сравнительно съ изложеніемъ сказокъ, полнѣе, разнообразнѣе, цвѣтистѣе, игривѣе; разсказчикъ не довольствуется здѣсь голыми схемами, а явно стремится къ художественной рисовкѣ окружающей его жизни. Въ этомъ отношеніи присказки особенно интересны.

Что касается языка сказокъ Чмыхала, то языкъ этотъ далеко отходитъ отъ чистоты народнаго и приближается къ жаргону отставныхъ солдатъ и писарей. Художественная сторона сказокъ, особенно же присказокъ, много страдаетъ отъ этого неизящнаго и, притомъ, еще и крайне неровнаго, языка. Быть можетъ, на немъ отразилось то обстоятельство, что отецъ нашего разсказчика служилъ погонцемъ въ 1812 году и провелъ годъ или болѣе въ Великороссіи; быть можетъ, онъ является результатомъ охватившаго и дѣда современнаго стремленія перекраивать рѣчь на панскій ладъ,—стремленіе, усердіе котораго доходитъ до того, что слово «винцо» превращается въ «вонцо». Я старался самымъ тщательнымъ образомъ сохранить всѣ особенности дѣдовой рѣчи, хотя и дѣлалъ это тѣмъ съ большимъ сожалѣніемъ, что самъ дѣдъ въ разговорномъ языкѣ держится гораздо ближе къ народу, чѣмъ въ языкѣ своихъ повѣствованій. Впрочемъ, замѣтить надо, что въ

обоихъ случаяхъ онъ все же-таки произносить слова въ перемежку на разные лады и никогда не настаиваетъ ни на томъ, ни на другомъ, такъ что, по временамъ, вслушиваясь въ капризные переходы отъ «хлебъ» къ «хлѣбъ» и отъ «ѣсты» къ «кушать», начинаешь невольно думать: ужъ сироста ли это? и такъ и ждешь, что, выслушавъ замѣчаніе, онъ готовъ и съ своей стороны замѣтить: «про мене, хочъ хлебъ, хочъ хлѣбъ, абы винъ у насъ бувъ» (по мнѣ, хотъ хлебъ, хотъ хлѣбъ, лишь бы онъ у насъ былъ.).

Переходя теперь къ образцамъ изложенія сказокъ Чмыхало, я сперва приведу вамъ два-три отрывка изъ сказки «Про Золотую Гору».

Купеческій сынокъ Ванька отправляется съ своимъ дядею на корабляхъ въ чужую страну. Покончивъ дѣла, дядя отпускаетъ племянника въ городъ и даетъ ему триста рублей для того, чтобы тотъ купилъ себѣ что-нибудь на память.

«Побѣжалъ онъ главною улицею, версту бѣжалъ. Пяти-этажные дома стоятъ, и лѣстницы снизу до самаго верху. Наверху играютъ дамы на гитарахъ, на гармоніяхъ, въ ладоши хлопаютъ:—«скуда, господа купцы!». Онъ подбѣжалъ, посмотрѣлъ на лѣстницу и поскакалъ туда. Поздоровался тамъ со всѣми за руку.—«Какъ бы вамъ, господинъ купчикъ, познакомиться? Садитесь, выпьемъ винца стаканчикъ!»—Сажаетъ его за столъ; онъ садится. Наливаютъ, онъ пьетъ.—«Выпивайте для смѣлости весь!».—Онъ выпилъ весь. Черезъ минуту со стула упалъ. Они взяли вынули изъ кармана деньги, его самого въ попонку, въ конскую, обвернули, вынесли за городъ въ оврагъ, куда вывозятъ навозъ, туда бросили и пошли себѣ.

«Дядя ждетъ племянника; вотъ уже и время прошло, пора и отправляться, а нѣтъ племянника. Еще часа три подождалъ. Пропался Ванька въ томъ навозѣ, встаетъ; штаны обтеръ,—гайда, скорѣе къ дядѣ. Прибѣгаетъ.—«Гдѣ ты, Ванька, былъ? Что долго такъ замѣшкался. Вотъ ты и молодецъ, а не хорошо сдѣлалъ, что долго такъ былъ».—«Дядя», говоритъ Ванька, «я выторговалъ такую штуку, что въ нашемъ царствѣ ея нѣтъ. Триста рублей далъ задатку, а еще, дядя, дайте пятьсотъ рублей».—Вынимаетъ дядя деньги, даетъ:—«только не медли!».—«Нѣтъ, отвѣчаетъ, не буду. То было долго, потому что сторговывался, а теперь сторговался; деньги отдамъ, сразу возьму и приду».

«Взялъ деньги, побѣжалъ тою самою улицею, что и тогда бѣжалъ. Въ тѣхъ пятиэтажныхъ домахъ тогда были игры, а теперь еще почище; зовутъ: «скуда, сюда, купчики!»—и въ ладоши плещутъ. Онъ подбѣжалъ и поскакалъ, какъ зайчикъ, вверхъ по

лѣстницѣ. Прибѣжалъ, поздоровался со всѣми за руку. Просятъ: «садитесь, господинъ купчикъ, къ намъ, за столъ». Сѣлъ, подносятъ ему стаканчикъ вина.—«Выпейте, господинъ купчикъ, для смѣлости; можетъ попляшете, что-ли?» Черезъ минуту времени—упалъ онъ со стула на землю. Вытащили у него деньги, завернули его въ попову и выкинули въ оврагъ, въ навозъ.

«Дядя ждетъ—не дождется; часы проходятъ, нѣтъ Ваньки. посылаетъ приказчиковъ,—не нашли. Часовъ пять еще подождаль; подъ вечеръ уже дѣло идетъ. Перекрестился и отправился въ путь-дорогу».

Ванька остается въ чужомъ городѣ, и послѣ ряда приключеній, схожихъ съ приключеніями «Синдбада-мореплавателя» изъ «Тысячи и одной ночи», дѣлается обладателемъ несмѣтнаго количества драгоценныхъ камней и золота. Нагрузивъ свои сокровища на телѣги, Ванька возвращается въ городъ. «Подѣзжаетъ къ городу и думаетъ: «куда я спрячу такую дорогую вещь? Я не этого царства, у меня нѣтъ здѣсь никакого пристанища».

«Версть за двадцать не доѣзжая до города, онъ свернулъ въ сторону; тамъ была столбовая дорога, шедшая изъ другого города; онъ миновалъ эту дорогу, а тамъ, черезъ версту разстоянія, лѣсъ, оврагъ. Взялъ онъ да и подѣхалъ къ тому оврагу, опрокинулъ въ него всѣ возы, полѣзъ туда, сгрѣбъ все въ одну кучу, прикрылъ его сорной травой, землей обложилъ, лопухами, чтобы не видно было, какъ сіяетъ. Въ карманы взялъ какихъ-нибудь милліоновъ пятнадцать, потомъ сѣлъ на телѣгу и поѣхалъ въ тотъ же самый городъ. Пріѣхалъ въ городъ, лошадей и телѣги распродалъ, купилъ себѣ купеческую одежду и рассказываетъ по городу, размышляя своею головою: «какъ бы мнѣ все это золото и драгоценные камни въ свое царство доставить?». Думаетъ, никакъ не выдумаетъ. Ходилъ онъ такъ, ходилъ, зашелъ въ кабакъ. Въ кабакъ—солдатъ старый, вчера выпилъ много, а сегодня нечѣмъ опохмѣлиться, и такъ ему съ похмѣлья не хорошо. Купецъ ходитъ, руки залажа, и спрашиваетъ: «что, солдатъ, вчера выпилъ много, а сегодня нечѣмъ опохмѣлиться?»—«Точно, вчера много было; господинъ купчикъ, говоритъ солдатъ, а сегодня, хоть бы рюмочку...—нѣтъ!»—«Подай, кабатчикъ, восьмушку водки этому солдату», кричитъ купецъ. Кабатчикъ подноситъ. Выпилъ служивый.—«Подай закуски!»—Подали, закусилъ.—«Ну, благодарю васъ, господинъ купчикъ, что вы меня немножко подкрѣпили!»—«Что, на мѣстѣ теперь твоя душа?» спрашиваетъ купецъ.—«Нѣтъ еще, не совсѣмъ на мѣстѣ!» говоритъ.—«Подай еще восьмушку!»—Подалъ кабатчикъ. Выпилъ солдатъ, закусилъ.—«Ну, благодарю покорно, господинъ

купчикъ, подкрѣпили!»—«Что стала на мѣстѣ твоя душа?» спрашиваетъ купчикъ.—«Нѣтъ, отвѣчаетъ, если бы третья посерединкѣ, то тогда какъ разъ на мѣсто бы стала!»—«Ну, подай, кабатчикъ, третью!»—Подаль онъ и третью.—«Ну, что? Подкрѣпился ли, служивый?»—«Благодарю, господинъ купчикъ, теперь какъ разъ на мѣстѣ моя душа!»—«Подай же закуску, кабатчикъ, жареную утку, да булку».—Подаль утку жареную и булку.—«Ну, кушайте теперь, господинъ служивый; выпили, такъ кушайте!»—«А вы почему не кушаете?»—«Я, отвѣчаетъ, уже позавтракалъ».—«Ты, говоритъ купецъ, солдатъ! Есть у тебя тутъ сыновья, или дочери, или братья?»—«Нѣтъ, говоритъ, я одинъ какъ перстъ. Отслужилъ царю двадцать пять лѣтъ, а теперь какъ пришелъ, лѣтъ пятнадцать живу въ городѣ, а нѣтъ у меня ни кола, ни двора».—Ходитъ купчикъ по избѣ, руки назадъ заложилъ, и грустный такой. Служивый и говоритъ: «вы меня подбодрили, а сами что-то печальны!»—«Я, говоритъ, твоему горю помогъ, а ты моему не поможешь!»—«Разскажите, господинъ купчикъ, признайтесь, можетъ я и помогу».—«Нѣтъ, не поможешь».—«А можетъ я такой, что и могу помочь. Говорите, что такое?»—«Выйдемъ, служивый, изъ кабака, я тогда разскажу».—Вышли, сѣли подъ заборомъ.—«Я, говоритъ, такого-то царства купецъ, у меня есть золото и драгоценные камни; въ томъ царствѣ ихъ нѣтъ; какъ бы доставить ихъ въ то царство?»—«Я буду вамъ говорить, а вы слушайте: дѣло это или не дѣло? Пойдите вы въ думу и позовите священника, и пусть вамъ позволятъ выстроить часовню на томъ самомъ мѣстѣ, на столбовой дорогѣ; вы скажите, что вамъ приснился сонъ, чтобы тутъ собирать на церковь деньги. А меня наймете эти деньги собирать, и скажите, что сразу положите тысячи двѣ, или три; а что я соберу, то и пойдетъ на вашу же церковь. А тамъ, около оврага, я буду дѣлать кирпичи и въ середину буду класть драгоценные камни и золото. А тамъ какъ-нибудь эти кирпичи вы въ ваше царство и доставите».

Проектъ солдата принять и осуществляется: солдатъ работаетъ, а Ванька ходитъ по городу, прислушивается и узнаетъ о такомъ происшествіи:

«Того царства купецъ замотался. Двѣнадцать кораблей у него съ матросами. Изъ казны, да у купцовъ много денегъ взялъ, и не расплачивается, такъ оцѣнка будетъ такого-то числа. Онъ выслушалъ все про это и сталъ держать въ памяти. Подходить то число. Съѣхались купцы со всего царства на оцѣнку. Какъ стали оцѣнивать: одинъ даетъ столько-то миллионъ, а другой даетъ столько-то миллионъ. Мало, одинъ разъ крикнули и другой:

«кто больше?»—Ванька говоритъ: «я чужого царства, можно ли мнѣ прибавлять?»—«Можно, ничего хоть и изъ чужого царства, лишь бы больше!»—«Я столько-то даю миллионѣвъ»,—сказалъ онъ. Какъ крикнули: «кто больше?»—Никто не отзывается. Тогда въ ладоши хлопнули, въ барабанъ забили, деньги отсчитали и за нимъ осталось.

«Купецъ былъ кругомъ въ долгахъ; люди у него несчастные: не допивали, не доѣдали, какъ мертвецы стали.—«Я», говоритъ Ванька, «вась, господа, поправлю».—«Слава Богу! У насъ былъ и плохой хозяинъ, а мы его слушали, а если вы хорошій будете, то намъ еще и лучше будетъ».

Нагружаетъ Ванька приобрѣтенные такимъ образомъ корабли кирпичемъ и отплываетъ на свою сторону. На пути онъ встрѣчаетъ дядю, продолжающаго на своихъ корабляхъ прежнюю торговлю. Ванька предлагаетъ стать на якорь всѣмъ и дня три попить вмѣстѣ. Дядя соглашается. Ванька и говоритъ: «я отпускаю свое продовольствіе на трое сутокъ своимъ и вашимъ матросамъ». — Дядя и говоритъ: «гдѣ ты разбогатѣлъ? Хоть бы своимъ было у тебя, что ѣсть!»—«Я, дядя», отвѣчаетъ Ванька, «не богатый, а щедрый».—Дядя и спрашиваетъ: «гдѣ ты нажилъ это все, откуда ты эти корабли взялъ?»—«Дядюшка», говоритъ онъ, «вы меня бросили, такъ Богъ мнѣ это далъ».—«Почему, Ванька, Богъ мнѣ не даетъ, когда я вотъ уже лѣтъ тридцать ѣзжу за товарами, а какъ тебѣ такъ Богъ и далъ?»—«Потому», говоритъ, «что вы, дядюшка, стары, грѣшны, матросовъ обижаете, людей обманываете, вотъ вамъ Богъ и не даетъ, а я человекъ молодой, никого не обманываю, такъ мнѣ Богъ и далъ».

Попировали.

— «Ну, какіе же у тебя, Ванька, товары?»—«Я везу, дядюшка», говоритъ, «киричь».—«Ты, послѣ этого, не купчикъ», говоритъ дядя, «а первый дуракъ! У твоего отца столько кирпичу, что некуда и дѣвать, а ты везешь еще кирпича!»—«Можетъ быть, дядюшка, я поставлю себѣ конюшню, или что нибудь такое. Ужъ не брошу, если везу».

«Поговорили, потомъ снялись съ якоря и поѣхали въ свое царство».

«Проѣхали сутки трое, доѣхали до пороговъ, до каменныхъ;—стали. Тутъ нужно бросать лукавому гостинцы, а то лукавый кораблей не пропуститъ. Завязываетъ дядя въ платокъ, въ шелковый, гостинцы лукавому и говоритъ: «я и за тебя положу, а то у тебя нечѣмъ заплатитъ».—«Я», говоритъ, «какой товаръ везу, такой ему въ зубы и дамъ, такъ и пройду».—«Не пройдешь! Изъ

за тебя и мои корабли лукавый побьетъ камнями».—«Нѣтъ», говоритъ, «не побьетъ. Вы», говоритъ, «спрячьте свои товары, а я за васъ брошу два кирпича, да за себя два, а за тѣ два кирпича, которые я за васъ кину, дайте подписку, что дома заплатите мнѣ то, что они стоятъ».—«У меня нѣсколько милліоновъ кирпича дома, мы когда прїѣдемъ, ты и возьмешь».—«Возьму ли, нѣтъ ли, а дайте подписку!»—Онъ и далъ подписку. Взялъ онъ два кирпича, въ платокъ завязалъ, и въ другой платокъ два, и кинулъ за себя и за дядю лукавому на порогахъ. Тогда пошли корабли сразу такъ тихо и хорошо, просто чудо.

«Поплыли; трое сутокъ плыли. Подъѣзжаютъ къ своему царству. Проѣхали еще сутокъ двое. Подъѣхали къ пристани противъ царскаго дворца. Тогда закинули якоря, дядя и говоритъ: «теперь пойдешь къ царю, понесешь ему гостинчикъ. У тебя, племянникъ, нѣтъ гостинчика: ты лукавому за меня заплатилъ; а теперь я возьму гостинцы для царя, себѣ и тебѣ, въ платокъ завяжу, да и отдамъ».—«Нѣтъ, дядя, я съ какими товарами ѣду, такими и царя буду дарить, а вашего не хочу».—«Ты меня осрамишь», говоритъ дядя; «какъ же будешь ты царю кирпичъ дарить?»—«Съ какими товарами ѣду, такими и царя буду дарить!»

«Положилъ дядя свой товаръ въ платокъ, въ шелковый, а племянникъ два кирпича положилъ въ свой платокъ. Сѣли на маленькую лодочку и поѣхали къ пристани. Наняли извозчика и поѣхали къ царю. Прїѣхали къ царю, входятъ въ комнаты, здороваются. Спрашиваетъ царь у стараго купца: «что это за купчикъ, что я его не видалъ еще?»—«Это мой племянникъ», говоритъ дядя. Кланяется старый купецъ, даетъ гостинецъ. Принимаетъ царь гостинецъ, кладетъ на столъ. Потомъ кланяется племянникъ, даетъ царю гостинецъ. Царь пришелъ въ смущеніе, увидя кирпичъ, да дѣлать нечего—надо принять. Взялъ царь, положилъ на столъ, отвернулся. Племянникъ протягиваетъ руки, кланяется, даетъ другой кирпичъ. Царь протягиваетъ руки, а этотъ норовитъ такъ, чтобы уронить на полъ. Выпустилъ: кирпичъ упалъ на полъ, разбился, драгоценные камни раскатились, стали играть, комната вся засіяла! Перестали камни играть, утихли; тогда собрали ихъ на тарелку, на каменную, и положили на столъ. Тогда царь обрадовался и молодого купца поцѣловалъ въ голову: «вотъ я», говоритъ, «какъ и царемъ сталъ, такъ не видѣлъ, чтобы такія дорогія вещи привозили въ мое царство!»—Бывало, когда принесутъ купцы гостинцы, такъ царь принимаетъ ихъ не больше, какъ три часа, а этихъ купцевъ трое сутокъ держалъ: пили они съ нимъ и пировали.

«Поблагодарили царя, отправляются на свои корабли. Дядя вышелъ уже изъ комнатъ во дворъ, а племянникъ въ комнатѣ остался.—«Позовите», говоритъ, «дядю въ комнаты. Онъ далъ мнѣ росписку, сколько онъ мнѣ денегъ долженъ».—Позвали.—«Это я», говоритъ, «вернулъ васъ, потому что вы дали мнѣ росписку, сколько вы мнѣ денегъ должны».—«Это», говоритъ, «дѣло пустячное!»—«Нѣтъ, не пустячное!»—Беретъ росписку, даетъ царю. Посмотрѣлъ царь, что за дядю кинулъ онъ лукавому два кирпича, а въ тѣхъ кирпичахъ тридцать два драгоценныхъ камня; потребовалъ царь счетчиковъ изъ Синода, десять человекъ; и стали они считать на счетахъ. Какъ стали они щелкать, такъ часовъ семь щелкали».

Результатомъ этого «щелканья» оказалась такая задолженность дяди племяннику, что царь присудилъ послѣднему все дядино имущество. Дядя мститъ вслѣдъ затѣмъ Ванькѣ измѣнническимъ нападеніемъ на его корабли. Матросовъ избиваютъ, драгоценности грабятъ, а Ваньку съ отрубленными руками и ногами оставляютъ на необитаемомъ островѣ. При помощи ворона-пособника Ванька исцѣляется чудодѣйственной росой и затѣмъ слѣдуетъ обычный сказочный конецъ: полное его торжество, супружество на царевнѣ и воцареніе.

Для ознакомленія съ присказками дѣда Чмыхала я приведу два отрывка: первый—изъ разсказа о двѣнадцати разбойникахъ, второй—изъ анекдота «про Феська и его пана».

Нѣкій парень, натолкнувшись случайно въ лѣсу на пристанище шайки разбойниковъ, вздумалъ овладѣть всѣмъ ими награбленнымъ добромъ, разыгравъ передъ ними комедію приготовленія къ людоедскому пиршеству. Онъ уговаривается объ этомъ со своимъ хозяиномъ, который соглашается ему помочь, и парень, запасшись колоссальными треногами, громаднымъ котломъ и вырытымъ на сосѣднемъ кладбищѣ мертвымъ тѣломъ, окончательно устанавливаетъ въ разговорѣ съ хозяиномъ такую программу ихъ совместныхъ дѣйствій: «смотри, чтобъ ты меня дядюшкой называлъ и по отчеству: или Ивановичемъ, или Никитичемъ, или какъ-нибудь такъ! Чтобъ такъ ты меня и звалъ. Какъ пріѣдежъ на мѣсто, такъ я попрошу, чтобъ насъ пустили переночевать. Ты воловъ выпрягай, а я лягу отдыхать. Будешь ты треноги снимать и развѣшивать—кашу варить. И меня будешь все спрашивать: Иванъ, да по батюшкѣ!»

«Поговорили. Пошелъ Иванъ лѣсомъ, а хозяинъ за нимъ поѣхалъ. Подъѣжаютъ къ разбойникамъ. Разбойники въ ту пору позажигали большія восковыя свѣчи и сѣли ужинать. «Здорово,

господа!» тотъ кричитъ. «Благословите и намъ тутъ переночевать!»—«Ночуйте! Что намъ надо, то само въ руки и лѣзетъ!»—Тотъ легъ на бокъ отдыхать, а этотъ выпрягаетъ воловъ. Выпрягъ воловъ, привязалъ. «Ванька Григорьевичъ!» зоветъ хозяинъ. «Будемъ ужинъ варить, или не будемъ?»—«Какъ? Ты не знаешь? У насъ шкура болитъ; ѣсть хочется!»

«Двѣнадцать разбойниковъ сѣли ужинать и свѣчи уже зажгли. Они и говорятъ: «Господа, не трудитесь. Вотъ у насъ капицы останется, такъ и вамъ будетъ».—«Поминайте отца своего вашей кашей! Мнѣ вашего котелка разглядывать не приходится!»

«Хозяинъ разставляетъ треноги. Тѣ положили ложки и посматриваютъ, зачѣмъ такія большія треноги и съ цѣпью. Нацѣпляетъ котелъ. Наливаетъ изъ бочки воды въ котелъ. «Будешь полный варить, дядюшка Ванька Григорьевичъ, или не полный?» кричитъ хозяинъ.—«Ты, подлець, что спрашиваешь! Ты знаешь, что этотъ котелъ намъ маловатъ!» Тогда онъ налилъ полный, какъ разъ въ уровень съ краями. «Бери топоръ, и давай рубить осину на дрова». Нарубилъ дровъ много. Зажигаетъ кулъ соломы. Кулъ занялся славно... Мелкихъ дровецъ, что взялъ изъ дому, на растопку бросилъ. Осины наложилъ большую кучу. Загорѣлось; такъ сильно горитъ, что и Боже мой! Разбойники и ложки побросали,—смотрятъ, какъ горитъ. Снимаетъ мертвеца съ воза, взялъ за волосы и вертитъ передъ огнемъ надъ котломъ. Разбойники испугались и говорятъ: «видишь, они людей ѣдятъ!»—А этотъ вертитъ надъ котломъ за волосы да и говоритъ: «дядюшка, этотъ баранъ худой!»—«А развѣ ты не видишь, гдѣ сытый! Вонъ въ красной рубашкѣ, у котораго усы какъ прутья,—тотъ сытый; вотъ того», говоритъ, «бери, да и въ котелъ!» А племянникъ какъ схватится, да къ нимъ, а они—бѣжать. Этотъ кричитъ: «перенимай, лови!» Разбойники убѣжали. Все бросили, только съ одними своими душами и убѣжали».

Перейдемъ теперь къ послѣднему изъ рассказовъ нашего дѣда—къ сказкѣ «про Феська и его пана».

Одному пану донесли, что крѣпостной мужикъ его Феська сидитъ въ кабацѣ, пьетъ водку и позволяетъ себѣ говорить нѣчто такое, что, по мнѣнью доносчиковъ, не отзывается благонамѣренностью, а именно: «что онъ своего пана не боится, Богу не вѣритъ».

Панъ, само собою разумѣется, требуетъ неблагонамѣреннаго Феська къ себѣ.

— «Почему это ты говоришь, что ты меня не боишься?» спрашиваетъ панъ.—«А что же, панъ, мнѣ васъ бояться? Развѣ вы», говоритъ, «волкъ? Я вамъ, панъ, оброкъ отдалъ, три дня отбылъ,

а эти три дня мои, теперь я вольный. Такъ я васъ и не боюсь!»— «Хорошо; право, молодець Феськò! Ты оброкъ отдалъ и три дня отбылъ. А почему же ты говоришь, что Богу не вѣришь?»— «Въ четвергъ», говорить, «была погода хорошая, и я поѣхалъ бѣлою кобылою въ степь, и не взялъ съ собою ни поддевки, —ничего. Была погода хорошая, очень теплая; потомъ откуда взялась туча, началась буря, пошелъ дождь большой, и я пріѣхалъ чуть-живой домой. Сутокъ трое парила меня молодуха на печи: чуть не умеръ! Теперь я», говорить, «когда ни поѣду: хорошая погода, дурная, — буду брать одежду».— «Ну, хорошо, Феськò», говорить пань.

Приведенные отрывки, взятые мною всего только изъ трехъ рассказовъ дѣда Чмыхала, дополняютъ сдѣланную мною его характеристику. Прослушавъ ихъ, вы, какъ, смѣю надѣяться, не обвините меня въ злоупотребленіи вашимъ вниманіемъ и вмѣстѣ со мною признаете въ знакомомъ нынѣ и вамъ дѣдѣ несомнѣнно даровитаго человѣка, проявленіе способностей котораго, какъ и у массы ему подобныхъ, надо признать далеко не пропорціональнымъ скрытому въ немъ запасу блестящихъ возможностей, которымъ не суждено было перейти въ дѣйствительность.

В. Лесевичъ.

ДВѢ МАТЕРИ.

(Изъ Виктора Гюго).

Гробъ, покрытый цвѣтами, во храмѣ стоитъ:
Въ немъ младенецъ, съ застывшей улыбкой, лежитъ:
Золотистыхъ кудрей рассыпается прядь;
На груди золотой образокъ, а предъ нимъ—
Угнетенная горемъ, съ рыданьемъ глухимъ,
Безутѣшная молится мать.

Въ томъ же храмѣ—купель,—и дитя въ пеленахъ
Передъ ней на заботливыхъ дремлетъ рукахъ...
Какъ лучистый огонь предъиконныхъ лампадъ,
Устремленный на сына, сіяя, горитъ
И о чистой, глубокой любви говоритъ
Торжествующій матери взглядъ.

Отпѣванье, крестины окончены... Храмъ
Оглашаютъ шаги по гранитнымъ плитамъ:
Гробъ выносятъ,—и встрѣтился взоръ матерей;—
И рыдавшая горько надъ прахомъ роднымъ—
На чужое дитя вдругъ, съ участием живымъ,
Устремила взоръ нѣжныхъ очей.

Посмотрѣла на гробъ ликовавшая мать:
На младенца въ цвѣтахъ и кудрей его прядь—
И невольной слезою покрылись глаза:
Состраданье къ чужой, одинокой судьбѣ
И молитву, и грусть отразила въ себѣ,
Чуть сверкнувъ, та святая слеза.

А. Мейснеръ.

АУДИЕНЦІЯ.

(ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ БАСТИЛИИ).

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ

Юліи Везродной.

(Окончаніе *).

V.

Нѣкоторое время отъ восторга мы неспособны были ни на какое дѣло; но скоро привыкли къ своему счастью, и работа у насъ закипѣла

Скоро въ складѣ нашемъ оказалось много веревокъ... Скоро! Можетъ быть, черезъ годъ послѣ освобожденія отъ шпиона, а то и больше...

Во всякомъ случаѣ, веревки были готовы; приходилось теперь думать о деревянной лѣстницѣ, необходимой, чтобы выбраться изъ рва на брустверь, гдѣ ходили сторожевые солдаты.

Дерево у насъ было подъ руками: мы ежедневно прятали по нѣсколько полѣнъ изъ той вязки, которую намъ приносили для отопленія; но мы не могли похвастать инструментами. Развѣ легко совладать съ толстыми сосновыми полѣнами при посредствѣ плохо отточенного желѣзнаго ножика и неправильно зазубренной, тупой пилы?

И здѣсь восторжествовала находчивость Жерома.

Послѣ выдворенія нашего шпиона, у насъ остался одинъ лишній подсвѣчникъ: негодяй любилъ читать по ночамъ какія-то отвратительныя книги изъ толстой голубой бумаги, въ заплесневѣлыхъ кожаныхъ переплетахъ, и для этой цѣли потребовалъ себѣ отдѣльную свѣчу. Подобная важная милость, въ

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

которой намъ уже нѣсколько разъ отказывали, была ему дарована безъ возраженій. Подсвѣчникъ этотъ остался у насъ и сослужилъ намъ неоцѣненную службу: изъ него скоро была готова прекрасная пила, которая преисправно пилила полѣно.

Каждое перепиленное полѣно мы равняли, обтесывали, округляли и складывали подъ полъ, въ кладовую.

Затѣмъ, когда полѣньевъ набралось достаточное количество, мы смастерили изъ нихъ прочныя четырехъ-угольныя рамы съ отверстіями, въ которыя, при надобности, вставлялись промежуточныя толстыя палки, и скоро (опять-таки черезъ очень долгое время) складная деревянная лѣстница была готова.

Потомъ мы стали мастерить разные предметы роскоши: обзавелись маленькимъ циркулемъ, линейкой, наугольникомъ и многими предметами, крайне необходимыми для нашихъ работъ.

Заняты мы были день и ночь, спали урывками, стараясь выбирать для этого время опасное для работы. Одинъ изъ насъ, обыкновенно, стоялъ около дверей на сторожѣ, потому что тюремщики имѣли предательскую манеру подходить къ камерѣ въ мягкихъ туфляхъ и затѣмъ внезапно открывать двери. Въ такихъ случаяхъ судьба наша висѣла на волоскѣ; не только инструментъ, забытый на столѣ или кровати, но маленькая стружка, слѣдъ опилокъ, кусочекъ полотна—могли насъ предать безвозвратно. Поэтому, мы всегда работали передъ разостланной салфеткой, которую убирали въ одно мгновеніе подъ подушку вмѣстѣ съ работою. Затѣмъ, мы приучили себя имѣть подъ руками только самое необходимое, безъ чего нельзя было обойтись въ данную минуту; остальные же вещи, инструменты, запасы, всегда лежали спряганными подъ плитами пола.

Послѣ долгихъ наблюденій, мы имѣли случай узнать, что дежурный надзиратель ходитъ иногда по корридору, въ мягкихъ сапогахъ, и подслушиваетъ разговоры заключенныхъ. Это открытіе заставило насъ изобрѣсти особый жаргонъ, понятный только намъ однимъ, чтобы не называть вещи ихъ собственными, опасными именами.

Такъ, пилу мы назвали „злой женой“, кусокъ желѣза, служившій намъ ножомъ, назывался „Тубалкаинъ“, въ честь перваго человѣка, открывшаго способъ употребленія желѣзной руды; подпольную кладовую, гдѣ хранились наши сокровища—мы окрестили „Полифемомъ“; деревянную лѣстницу назвали „Іаковъ“, въ воспоминаніе той лѣстницы, которую

видѣлъ во снѣ этотъ библейскій праотець. Веревки назывались „голубями“, потому что были снѣжной бѣлизны; клубокъ нитокъ— „маленькимъ братцемъ“.

И всякій, даже самый маленькій предметъ, непременно носилъ у насъ какое-нибудь иносказательное названіе.

Помню разъ ужасную минуту!

Мы разматывали одинъ клубокъ— „самый маленькій изъ братцевъ“, для того, чтобы свить изъ нитокъ тоненькую бичевку. Только что я приготовился распускать нитки, какъ вдругъ раздалися шаги уже у самой двери, и сейчасъ же, внезапно, повернулся ключъ въ замѣкъ.

Жеромъ, сторожившій входъ, поспѣшно отскочилъ къ кровати, я уронилъ въ испугѣ клубокъ, къ счастью, еще не размотанный. Онъ упалъ на полъ и остановился какъ разъ около моей пятки. Я не замѣтилъ этого!

Жеромъ впился глазами въ вошедшаго надзирателя, для того, чтобы привлечь на себя его вниманіе и громко воскликнулъ:

— О, мой маленькій братецъ! Мой самый маленькій братецъ!

— О какомъ это братцѣ вы такъ горюете?—спросилъ его удивленный надзиратель.

— Мнѣ показалось,—отвѣчалъ плутъ,—что я видѣлъ сейчасъ своего маленькаго брата около лѣвой ноги...

И такъ какъ онъ не спускалъ глазъ съ особы надзирателя, то послѣдній, оглядѣвъ себя кругомъ, спросилъ:

— Около моей лѣвой ноги?

— Нѣтъ, около лѣвой ноги моего товарища,—меланхолически поправилъ его Жеромъ.

— У васъ галлюцинація, милостивый государь,—замѣтилъ надзиратель,—пригладитесь хорошенько, тамъ ничего нѣтъ.

Дѣйствительно, тамъ уже ничего не было, потому что я, легко ударивъ пяткой о клубочекъ, успѣлъ подкатить его подъ кровать, закрытую одеяломъ.

Но смѣлость Жерома обошлось мнѣ не дешево: по выходѣ надзирателя изъ камеры, я неожиданно лишился сознанія.

— Не бойся, товарищъ,—говорилъ мнѣ Жеромъ, когда я пришелъ въ себя,—вѣрь мнѣ, только храбрые побѣждаютъ; трусы—уже давно попались бы на нашемъ мѣстѣ.

— Это не храбрость, а безуміе! Зачѣмъ такъ рисковать ради опрометчивой шутки?—возразилъ я съ упрекомъ.

— Такія шутки всегда удаются!—безпечно отвѣчалъ Же-

ромъ, — развѣ кто-нибудь можетъ повѣрить таковой отвагѣ? Ея-то именно никогда и не подозреваютъ.

Жеромъ слѣпо вѣрилъ въ эти правила. Онъ такъ вѣрилъ въ свою звѣзду, что ничего не боялся; и дѣйствительно, его во всемъ всегда сопровождала удача.

Когда деревянная лѣстница была готова, мы сдѣлали на нее чехоль изъ остатковъ пологна, чтобы избѣжать стука при спускѣ съ высокой каменной башни.

Окончивъ это дѣло, мы принялись за изготовленіе большой веревочной лѣстницы, при посредствѣ которой рассчитывали спуститься въ ровъ, наполненный водою.

Теперь-то именно пошли въ ходъ всѣ безчисленныя дюжины рубашекъ Жерома. Мы рассучили еще всѣ наши простыни, скатерти, чулки и салфетки, оставивъ для обихода только самое необходимое.

Изъ боязни быть застигнутыми, сначала мы сучили только нитки, да наматывали ихъ въ небольшіе клубочки. Прошло много времени, а нашъ Полифемъ только и дѣлалъ, что принималъ въ свою берлогу одного „маленькаго братца“ вслѣдъ за другимъ.

Наконецъ, эта работа подошла къ концу. Теперь мы стали по ночамъ вить веревки.

И снова прошло много дней и много ночей, пока, наконецъ, Полифемъ, лишившійся всѣхъ „маленькихъ братцевъ“, получилъ взаменъ „прекрасную Терпсихору“, т.-е. толстую, бѣлую, какъ снѣгъ, лѣстницу, длиною болѣе чѣмъ въ триста футовъ. И много пришлось впоследствии танцовать этой „прекрасной Терпсихорѣ“. Она совершила съ двумя кавалерами такія воздушныя па, съ высоты головокружительной, что ее, по истинѣ, можно было бы поставить во главѣ всѣхъ танцовщицъ міра!

Затѣмъ, изъ остатковъ нитокъ мы сплели нѣсколько маленькихъ веревочекъ для непредвидѣнныхъ случайностей; и еще одну побольше, чтобы привязать ею „прекрасную Терпсихору“ къ пушкѣ, стоящей на краю башни.

Наконецъ, все было готово.

Сколько времени мы проработали? Не знаю. Могу только сказать, что ко дню нашего бѣгства я былъ уже сѣдой, какъ лунь; а у Жерома, вошедшаго въ тюрьму черноволосымъ, сѣдина пробивалась на бородѣ и на вискахъ.

Теперь наступили для насъ блаженные дни надеждъ и бездѣйствія.

Работа была кончена; но такъ какъ ночи теперь стояли лунныя, намъ надо было переждать нѣсколько времени.

Теперь мы цѣлыми часами сидѣли рядомъ на кровати и еле слышнымъ шепотомъ обсуждали планъ бѣгства.

Вотъ что намъ нужно было сдѣлать:

Черезъ трубу камина выйти на стѣны крѣпости, затѣмъ, спуститься по „прекрасной Терпсихорѣ“ въ ровъ; потомъ по деревянной лѣстницѣ подняться на брустверъ, протащить ее до другого края и потомъ опять по ней спуститься въ канаву; а оттуда уже идти пѣшкомъ въ городской садъ, гдѣ мы уже можемъ чувствовать себя въ безопасности.

Но нужно очень осторожно выбирать удобную ночь! Она должна быть бурная, темная, дождливая—иначе не стоитъ и начинать предпріятія.

VI.

Наконецъ, наступила давно желанная, страстно ожидаемая, радостная и ужасная ночь, въ которую, наконецъ, было нами рѣшено бѣжать изъ крѣпости.

Уже утромъ мы уложили перемѣну бѣлья и платя въ мой прекрасный непромокаемый чемоданъ изъ воловьей кожи, потому что намъ необходимо было имѣть сухую одежду по выходѣ изъ рва, окружавшаго Бастилію.

Сейчасъ же послѣ обѣда мы вытащили изъ подземелья „прекрасную Терпсихору“, поправили ступени въ деревянной лѣстницѣ, запаковали ее въ чехоль и сложили все подъ тюфяки, чтобы не возбудить вниманія тюремщика, который долженъ былъ еще явиться къ намъ съ ужиномъ. Разныя же мелкія вещи были запакованы въ маленькіе пакетики и уже ранѣе спрятаны въ рѣшетку каминной трубы. Не забыта была также бутылка „скюбака“—крѣпкаго шафраннаго напитка, вродѣ водки, которую давали намъ иногда при заболѣваніяхъ желудка. Мы не употребляли ее въ то время, памятуя о ледяномъ купаньи во рвѣ замка, послѣ котораго такъ пріятно будетъ согрѣться.

И вотъ, наконецъ, наступила рѣшительная минута!

Какъ только затворилась дверь за тюремщикомъ, унесшимъ съ собою остатки ужина, мы стали быстро снаряжаться, и скоро Жеромъ уже исчезъ въ отверстіи камина.

Я остался одинъ... Это были ужасныя мгновенія, показавшіяся мнѣ вѣчностью!

Малѣйшій шумъ, завываніе вѣтра, шелестъ одежды, бѣ-

ніе собственнаго сердца—доводили меня почти до обморока. Я стоялъ у жерла камина, придумывая всевозможные случайности, могущія открыть наше предпріятіе. Вдруг войдетъ сейчасъ тюремщикъ, и увидитъ, что нѣтъ Жерома. Вѣдь бывали же случаи, что даже комендантъ дѣлалъ по ночамъ обходы? Или вдругъ часовой замѣтитъ подозрительную тѣнь, копошащуюся около трубы? Вѣдь онъ сейчасъ же забьетъ тревогу, и все будетъ кончено!..

Я доводилъ себя подобными мыслями до галлюцинацій и навѣрно лишился бы чувствъ, если бы не сознавалъ всей трагической необходимости быть храбрымъ.

Наконецъ, изъ отверстія камина весело вылетѣлъ „маленькій братецъ“, этотъ восхитительный вѣстникъ спасенія.

Но „маленькій братецъ“ теперь вовсе не походилъ на тотъ чистенькій бѣленькій клубочекъ, который я недавно наматалъ собственными руками: теперь это былъ грязный, мокрый комокъ сажи.

Я разматалъ его и привязалъ къ нему „прекрасную Терпсихору“. Бѣдная красавица! Сейчасъ путешествіе черезъ каминную трубку превратитъ тебя въ грязную тряпку; но ты намъ по прежнему останешься дорогой, „прекрасной Терпсихорой“.

Я даже шутилъ, привязывая веревку, потому что теперь уже вполне владѣлъ собою: появленіе „маленькаго брата“ меня воскресило, оно дало мнѣ знать, что Жеромъ выбрался наверхъ совершенно благополучно.

Пока я размышлялъ объ этомъ, „маленькій братецъ“ исчезъ, унося съ собою „прекрасную Терпсихору“; но черезъ нѣкоторое время вернулся обратно, кажется, еще грязнѣе прежняго. Теперь онъ отнесъ также исправно наверхъ деревянную лѣстницу, а затѣмъ вскорѣ появился за чемоданомъ.

Вскорѣ все было перетаскано на крышу, и теперь приходилось мнѣ подниматься вверхъ по трубѣ.

Мы не знали, какія предосторожности принимаютъ трубочисты во время подобныхъ путешествій и очень пострадали отъ такого незнанія. Локти и колѣни мои были разодраны чуть ли не до костей, кровь струями текла по рукамъ и ногамъ; нѣсколько разъ я рисковалъ задохнуться отъ сажи, которая залѣпляла глаза, лѣзла въ носъ и горло...

Но все-таки, когда я вышелъ наверхъ къ товарищу, который сидѣлъ верхомъ на трубѣ, весело посвистывая, всѣ эти мелкія ощущенія боли, страха, сомнѣнія потонули въ одномъ ослѣпительномъ сознаніи безграничнаго счастья!

Я былъ свободенъ!

Я былъ, наконецъ, свободенъ черезъ много, много лѣтъ унылой неволи!

Я могъ свободно поднять голову и смотрѣть вволю на бурное небо, на черныя тучи, летавшія низко надъ крѣпостью; я могъ повернуться грудью къ вѣтру и жадно, вволю, вбирать въ себя свѣжія струи воздуха, я могъ сѣсть верхомъ на трубу и смотрѣть внизъ, на обширный горизонтъ, тонуцій во мракѣ ночи, и думать, что мы скоро будемъ тамъ, сокрытыя, незамѣтные... и свободные! свободные навсегда!

Было мгновеніе, когда мы совершенно опьянѣли отъ восторга, до того опьянѣли, что совершенно забыли о дальнѣйшемъ.

Но Жеромъ скоро очнулся.

— Однако, надо осмотрѣть окрестности, такъ сказать, стратегически,—проговорилъ онъ, вставая,—иначе мы не будемъ хозяевами нашего дѣла.

Слѣдуя его совѣту, я сталъ также смотрѣть впередъ, хотя ровно ничего не понималъ въ подобной „стратегіи“.

Я видѣлъ только, что у ногъ нашихъ блестяла линия, похожая на лезвіе ножа, и зналъ, что это былъ ровъ, наполненный водою, который скоро намъ придется переплывать. За ровомъ видѣлся общественный садъ, яростно стучавшій оголенными вѣтвями деревьевъ,—садъ, который мы считали будущимъ мѣстомъ нашего спасенія; за садомъ тянулись нити огней, параллельныя, идущія кругами, звѣздами, гирляндами; это были фонари Парижа; а дальше огромное темное пространство, гдѣ небеса сливались съ землею, и гдѣ царилъ одинъ мракъ, непроглядный, густой.

— За дѣло, за дѣло,—кликнулъ меня Жеромъ,—я уже обследовалъ мѣстность, надо пускаться въ путь, а то насъ можетъ застигнуть разсвѣтъ, и насъ подстрѣлятъ, какъ куropатовъ.

Мы поспѣшно принялись за работу. Изъ всѣхъ вещей нашихъ мы приготовили одинъ круглый свертокъ, въ середину котораго положили все громоздкое, способное производить шумъ.

Этотъ свертокъ мы повалили по крышѣ къ башнѣ Сокровищъ, которую Жеромъ считалъ самой удобной для нашихъ цѣлей.

Здѣсь мы привязали „прекрасную Терпсихору“ къ огромной пушкѣ, стоявшей на краю башни, и тихонько спустили ее внизъ до самой подошвы. Другой веревкой, прилаженной,

къ маленькому блоку, Жеромъ привязаль себя за поясъ, а противоположный конецъ далъ мнѣ въ руки.

Затѣмъ онъ ухватился за зубчатое кружево башни, ступилъ ногою на первую льняную перекладину „прекрасной Терпсихоры“ и исчезъ изъ моихъ глазъ.

Между нами не было произнесено за это время ни одного слова.

Я стоялъ на краю башни около пушки и постепенно отпускалъ веревку по деревянному блоку; но, не смотря на эту предосторожность, наша воздушная танцовщица, ничѣмъ не сдерживаемая внизу, вилась и кружилась, содрагалась и подпрыгивала послѣ вѣждаго движенія своего кавалера.

Я трепеталъ, не смѣя заглянуть внизъ, опасаясь окликнуть, сдѣлать неловкій жестъ или ненужное движеніе и только машинально отпускалъ сколько нужно было веревки. Наконецъ она кончилась.

Я не зналъ, что это означаетъ?

Стоить ли теперь Жеромъ, спасенный, на брустверѣ или же онъ погибъ въ объятіяхъ „прекрасной Терпсихоры“?

Но вдругъ я замѣтилъ, что моя воздушная танцовщица, до сихъ поръ легкомысленно кружившаяся въ воздухѣ, неожиданно образумилась, начала постепенно выпрямляться и потомъ остановилась.

Слава Богу! Жеромъ былъ внѣ опасности!

Сперва я спустилъ къ нему по веревкѣ всѣ наши вещи, а затѣмъ и самъ спустился въ объятія къ „прекрасной Терпсихорѣ“.

Мнѣ не пришлось совершать такого воздушнаго полета, какой совершилъ Жеромъ, потому что мой добрый товарищъ держалъ на землѣ послѣднюю ступеньку; но и то, я чувствовалъ себя въ положеніи бумажнаго змѣя, пущеннаго къ небесамъ неумѣлой рукой. Наконецъ это испытаніе кончилось, и нога моя коснулась камней бруствера.

Простившись съ „прекрасной Терпсихорой“ и оставивъ ее на произволъ вѣтра, мы взвалили себѣ на плечи тюкъ съ деревянной лѣстницей, чемоданъ, бутылку скюбака, и поторопились перейти на другую сторону бруствера, потому что здѣсь часто ходили часовые.

Около рва было темно, какъ въ погребѣ; насъ охватила сырость и плѣсень стоячей воды, что было особенно противно послѣ свѣжаго воздуха, которымъ мы дышали на башнѣ

сокровищъ; а тутъ приходилось еще лѣзть въ эту самую стоячую воду, и надо было сдѣлать это, не теряя ни минуты.

Дрожа отъ холода и отвращенія, мы приладили лѣстницу, опустили ее въ воду и, взваливъ на спину чемоданъ, я сталъ спускаться внизъ первый.

Благодаря тому, что вода въ Сенѣ шла на убыль, и во рву она дошла мнѣ только до пояса.

Въ тотъ моментъ, когда Жеромъ уже стоялъ рядомъ со мною, и мы отнимали лѣстницу, чтобы приставить ее къ противоположной сторонѣ, вдали показался яркій огонь фонаря, послышался звонъ оружія и зазвучали шаги отряда.

— Обходъ идетъ!—шепнулъ Жеромъ,—придется вывѣшаться, волей-неволей.

На короточкахъ, въ водѣ, доходившей намъ до подборка, мы переждали, пока прошли солдаты, а затѣмъ снова побрели по водѣ, держа высоко руки съ деревянной лѣстницей, на которой лежалъ чемоданъ.

Но только что мы собирались устроиться поудобнѣе на противоположной сторонѣ рва, какъ вдали опять показался предательскій фонарь, неожиданно освѣтившій насъ яркой полосой свѣта.

— Вѣроятно, скоро полночь,—прошепталъ Жеромъ,—потому что они стали дѣлать круговые обходы.. надо нырять, ничего не подѣлаешь!

Всѣ вещи были брошены въ воду, и мы погрузились съ головой въ отвратительную жидкость. Лучи свѣта, мельнувъ надъ нами, поползли дальше; а мы тутъ же, за спиною шести солдатъ, стали поспѣшно вылѣзть изъ рва по деревянной лѣстницѣ.

И надо было торопиться: лишь только я выбрался на берегъ, таща за собой чемоданъ съ одеждою, какъ вдали опять показался свѣтъ фонаря и послышались тяжелые шаги стражи.

— Третій обходъ,—сказалъ Жеромъ, смѣясь,—теперь они успокоятся до разсвѣта, въ полной увѣренности, что у нихъ все исправно.

Мы легли ничкомъ на землю и тутъ весело хлебнули по нѣсколько глотковъ скюбака.

Подкрѣпившись, мы почувствовали на душѣ такую радость, что сѣли другъ противъ друга и начали хохотать какъ напроказившіе швальники.

— А не переодѣться ли намъ?—предложилъ я, едва

сдерживая лихорадочную дрожь, которая охватила мое тѣло, благодаря мокрому платью.

— Нѣтъ, надо потерпѣть немного, — отвѣчалъ Жеромъ, — въ такомъ случаѣ придется здѣсь оставить наши лохмотья, а это можетъ навести на слѣдъ раньше времени. Ужъ потерпимъ до лѣсу, тамъ переодѣнемся и весь хламъ зароемъ въ сухіе листья.

— Тогда надо идти поскорѣе, чтобы согрѣться, — сказала я, стуча зубами.

И мы поспѣшили къ деревьямъ, чернѣвшимъ въ отдаленіи густыми оголенными вѣтвями.

И вдругъ... Что случилось? Въ одно мгновеніе произошло нѣчто роковое, ужасное... какое-то несчастье, проклятая случайность, разрушившая въ конецъ всѣ наши радужныя надежды... Но что случилось?.. Нѣкоторое время я даже не могъ сообразить ничего хорошенько.

VII.

Насколько я припоминаю теперь, Жеромъ, шедшій впереди меня шага на три, вдругъ неожиданно куда-то исчезъ, будто провалился сквозь землю.

Оглядываясь во всѣ стороны, чтобы розыскать его, я почувствовалъ, что почва уходитъ у меня изъ подъ ногъ, словно разверзается земля съ намѣреніемъ втянуть меня глубоко, глубоко въ свои нѣдра. Но я даже не успѣлъ еще этого хорошенько почувствовать, какъ уже летѣлъ стремглавъ куда-то внизъ, въ какую-то пропасть, гдѣ уже барахтался мой товарищъ.

Съ воплями боли и отчаянія, я схватился за его шею; но онъ сурово оттолкнулъ меня, говоря:

— Ты хочешь погубить насъ обоихъ? Держись за чемоданъ и ожидай, пока я тебѣ подамъ руку уже съ берега. Проклятая темень!

Онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по каменистому дну, покрытому водою. Я же сидѣлъ неподвижно, сконфуженный своимъ малодушіемъ и терзаемый болью въ лѣвой голени.

— Подумаешь, какая невидаль! — бормоталъ Жеромъ сердито, — простой овражишко, глупая яма, а казалась какой-то глубочайшей пропастью... Поддай мнѣ чемоданъ, а самъ носи водку и слѣдуй за мною: я нашель отлогость.

Я хотѣлъ повиноваться, но не могъ пошевелиться: лѣвая

нога моя такъ болѣла, что всякое движеніе казалось немьслимымъ.

— Не могу!—прошепталь я въ отчаяніи.

— Почему это? Вѣдь я могу же?

— У меня, кажется, сломана нога.

— Бабы выдумки! Если бы у меня были сломаны двѣ ноги, то и тогда я бы постарался выбратъся отсюда, потому что это необходимо.

— Другъ мой, оставь меня и выбирайся самъ: я не могу пошевелиться.

— Ну, ужъ это дудки!

Жеромъ подошелъ къ тому мѣсту гдѣ я сидѣлъ, велѣлъ мнѣ схватить сзади его за шею руками и, поднявъ меня такимъ образомъ, заложилъ мои ноги себѣ подъ мышки. Въ правой рукѣ онъ держалъ чемоданъ, въ лѣвой бутылку скюбака.

— Славная фигура, нечего сказать, хоть на армаркѣ показывай,—проворчалъ онъ уже по прежнему добродушно и пошелъ вверхъ по отлогости.

Я молчалъ; но такое горе терзало мою душу, такое ужасное, жгучее горе, котораго нельзя передать никакими словами!

Я зналъ уже, что мнѣ не быть свободнымъ: сломанная нога не позволяла сдѣлать шагу, а благородный товарищъ мой будетъ не въ силахъ долго тащить подобную ношу. Наконецъ, скоро настанетъ день и мы, все равно, привлечемъ на себя общее вниманіе. Я долженъ остаться на краю этого оврага, и черезъ нѣсколько часовъ меня подберутъ солдаты.

— И какъ я прозѣваль этотъ оврагъ?—бормоталь Жеромъ,—хорошо еще, что у насъ есть перемѣна платья, а то въ люди нельзя было бы показаться...

Я увѣренъ, бѣдняга бормоталь все это только изъ желанія развлечься, потому что даже и для его богатырскихъ плечъ подобная ноша была непосильна.

Задыхаясь, съ колеблющимися ногами, благородный товарищъ все-таки вытащилъ меня на свѣтъ Божій и осторожно положилъ на край оврага.

— Ну, что, пріятель? — продолжалъ онъ, пытаясь казаться беззаботнымъ,—можешь самъ перемѣнить востюмъ?.. Не можешь? Ну, ладно, тогда я тебѣ послужу за лакея.

И добрый малый провелъ не мало времени въ заботахъ о моемъ переодѣваньи: панталоны мои пришлось разрѣзать, потому что нога уже изрядно распухла.

Затѣмъ онъ поспѣшно переодѣлся самъ, связалъ въ узелокъ грязную одежду, чтобы бросить ее въ лѣсу подъ сучіе листья, выпилъ еще скюбака, напоилъ меня и сказалъ:

— Теперь въ путь, нечего медлить, время уже къ разсвѣту... Теперь дѣло пойдетъ успѣшнѣй: съ нами не будетъ чемодана.

— Ни чемодана, ни меня съ тобой не будетъ, дружище! — возразилъ я, стараясь говорить весело, — будетъ съ тобой еще только бутылочка скюбака.

— Молчи! — воскликнулъ Жеромъ сердито, — взбирайся-ка безъ разговоровъ мнѣ на шею... Я тебя донесу до лѣса, а тамъ скроемся въ листьяхъ или въ берлогѣ какого-нибудь звѣря... Да, ободрись же, товарищъ!

— Нѣтъ, другъ мой, намъ нужно разстаться, — возразилъ я, — нога моя распухаетъ все сильнѣе, мнѣ нуженъ докторъ, нужна теплая постель, а въ лѣсу я умру и только задержу тебя напрасно. Иди одинъ.

— Никогда! Чтобы я повинулъ больного?

— Дорогой братъ и товарищъ! Ты освободилъ меня изъ темницы, ты работалъ столько и для моего освобожденія, ты далъ мнѣ вторую жизнь, а третью ты мнѣ дать не имѣешь возможности.

— Полно, что за счеты? — безопасно отвѣчалъ Жеромъ, — нечего тебѣ сжимать такъ пылко мои руки: вѣдь я поступалъ съ тобою такъ изъ эгоизма: мнѣ нуженъ былъ товарищъ, потому что одному нельзя работать. Конечно, я радъ, что судьба столкнула меня съ порядочнымъ человѣкомъ... Однако, довольно разговоровъ, пора двигаться.

— Я тебѣ все это говорю для того, чтобы ты зналъ, какъ я цѣню тебя, чтобы ты зналъ, что я не смогу быть къ тебѣ не благодарнымъ! А воспользоваться теперь твоимъ великодушіемъ было бы съ моей стороны самой черной неблагодарностью.

— Но вѣдь лучше же умереть, чѣмъ вернуться опять въ эту проклятую берлогу!

Я молчалъ, потому что былъ вполне съ этимъ согласенъ. Товарищъ понялъ иначе мое молчаніе.

— Ну, садись поскорѣе мнѣ на плечи! — сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ, — я подерѣнился, согрѣлся и теперь могу нести тебя хоть на край свѣта.

Было мгновеніе, когда я, поддавшись искушенію, уже протянулъ къ Жерому руки, но тотчасъ же со стыдомъ опустилъ ихъ.

— Нѣтъ, это мое послѣднее слово, — отвѣчалъ я, — не убѣждай меня, бѣги одинъ.

— Что же дѣлать мнѣ съ этимъ безумцемъ! — кричалъ Жеромъ, топая въ бѣшенствѣ ногами, — вѣдь надо торопиться! Вотъ уже потянулись изъ деревень обозы, и насъ откроютъ!

Дѣйствительно, за садомъ, по улицѣ уже медленно двигались фуры съ курами, телѣжки съ овощами, корзинами съ яйцами, творогомъ и сметаной. Пригородные обыватели тогда имѣли обыкновеніе выѣзжать изъ своихъ деревень глубокой ночью, чтобы занимать получше мѣста на базарѣ. Судя по этому движенію, можно было заключить, что разсвѣтъ не за горами, что скоро въ тюрьмѣ начнется первый утренній обходъ — и наше бѣгство будетъ открыто.

— Ну, безумецъ, — сказала Жеромъ, подходя ко мнѣ, — если не хочешь идти охотой, я возьму тебя силой.

— Оставь... Клянусь тебѣ, если ты ко мнѣ только дотронешься, я закричу, созову народъ и расскажу, что мы такіе... Пойми, я твердо рѣшился остаться! Ты долго былъ великодушень со мною, теперь пришла моя пора отплатить тебѣ за эти добрыя чувства. Бѣги скорѣе въ лѣсъ. А я наведу погоню на ложный слѣдъ, и пока они будутъ блуждать въ оврагѣ, ты прекрасно спрячешься. Пусть моя погибель сослужитъ тебѣ хорошую службу. Ты молчишь? Ты не хочешь быть мнѣ обязаннымъ? Почему же я могъ принимать отъ тебя благодаренія, а ты гнушаешься моей услугой?..

— Ты правъ, если нельзя иначе, надо мнѣ одному спастись... Прощай, другъ, буду вѣчно о тебѣ помнить.

Пока онъ горячо обнималъ меня, я вынулъ изъ за пазухи деньги, теперь мнѣ ни на что ненужныя, и сунулъ ихъ Жерому въ карманъ вмѣстѣ съ бутылкой скюбака.

— Возьми себѣ всѣ наши сокровища, — сказала я шутливо, — вѣдь я опять пойду на даровой хлѣбъ, и мнѣ ничего не надо.

— Спасибо... прощай! — проговорилъ Жеромъ въ послѣдній разъ, и черезъ мигъ его высокая фигура уже скрылась за огороженными деревьями сада.

— Прощай, на вѣки прощай, счастливецъ! — прошептала я, глядя ему вслѣдъ при начинающейся сѣрвовой мглѣ разсвѣта, — и дай Богъ тебѣ въ новой жизни всякаго успѣха!

Тоска сжимала мое сердце; но я вовсе не сожалѣлъ о своей жертвѣ. Напротивъ, сознание честно исполненнаго долга давало мнѣ силу безстрашно ожидать появленія стражи, и я

даже чувствовалъ нѣкоторое удовольствіе при мысли, что сейчасъ мнѣ представится возможность хорошенько пхъ подурчить.

Наконецъ, на востоѣ заалѣла розовая полоска зарі, за которой на мгновение проглянуло солнце, но тотчасъ же скрылось, окутанное густыми рыжими тучами.

Всталъ туманный день, съ неба падалъ дождь, въ пере-
межку со снѣжной крупой. Я продрогъ до костей и не безъ удовольствія думалъ о свѣтлой больничной комнатѣ и чистомъ волосяномъ тюфяѣ, на который меня скоро положить.

Вотъ послышалась барабанная тревога... значитъ, уже замѣтили наше бѣгство!

Теперь всюду бѣгаютъ солдаты — по двору, по корридорамъ, по башнямъ, — розыскивая мѣсто и направленіе нашего побѣга. А комендантъ заперся у себя въ кабинетѣ злой до послѣдняго предѣла и прокликаетъ хитреца Жерома, который такъ ловко провелъ его, не смотря на всѣ предосторожности...

Вотъ, наконецъ, увидали нашу милую „прекрасную Терпсихору“, танцующую около башни Сокровищъ, — слѣдъ найдены; сейчасъ пустятъ охотниковъ въ погоню за дичью...

Ахъ, поскорѣ бы все кончилось!

Мольба моя была услышана: вскорѣ я увидѣтъ отрядъ стражниковъ, съ дежурнымъ офицеромъ во главѣ, блуждающихъ по краю оврага.

— Вотъ лежитъ одинъ, — сказалъ кто-то изъ отряда, толкая меня грубо ружьемъ, — недалеко, видно, и другой валяется.

Я застоналъ, потому что ударъ пришелся какъ разъ по больному мѣсту.

— Вы ранены? — спросилъ офицеръ, подходя ко мнѣ, — гдѣ же вашъ товарищъ?

— Не знаю, — отвѣчалъ я, притворяясь слабѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, — мы упали въ этотъ оврагъ... я кое-какъ счумѣлъ вываракаться, а господинъ де-Сень-Поль, вѣроятно, остался лежать на днѣ...

— Очень жаль, что ты не остался тамъ же, — сказалъ грубый стражникъ, — по крайней мѣрѣ, возни съ вами было бы меньше.

— Оставьте, онъ и такъ будетъ достойно наказанъ, — замѣтилъ офицеръ, — а пока положите его на плащи и отнесите въ крѣпость. Остальные пойдутъ со мной на розыски другого.

И къ моему величайшему удовольствію, глупцы спустились внизъ, чтобы блуждать нѣсколько часовъ по каменистому, мокрому дну оврага, облегчая этимъ побѣгу Жерому.

Въ больницу ко мнѣ явился комендантъ, осыпая меня вопросами и упреками. На вопросы я не отвѣчала, притворяясь близкимъ къ обмороку, а упреки принимала какъ совершенно заслуженное наказаніе.

Комендантъ грозилъ засадить меня въ каменный мѣшокъ, лишенный воздуха и свѣта, приковать на цѣпь въ подземельи, заточить въ желѣзную клѣтку, гдѣ нельзя свободно повернуться.

Я слушала эти угрозы, думая съ наслажденіемъ о миломъ Жеромѣ, который теперь уже далеко отъ проклятой тюрьмы и на вѣки освобожденъ отъ тѣхъ мученій, къ которымъ мнѣ теперь совѣтуютъ приготовиться.

Появленіе тюремнаго врача остановило потокъ угрозъ коменданта...

Я потерялъ сознание и долго не приходилъ въ себя.

Я бредилъ свободой, я наслаждался разными благами жизни, лежа на больничной койкѣ, а въ это время судьба готовила мнѣ облегченіе...

Очнувшись послѣ горячки, я ничего не забылъ изъ предшествовавшихъ событій и первый вопросъ, который я задалъ старой сестрѣ милосердія, сидѣвшей около меня, былъ вопросъ о Жеромѣ.

— Нѣтъ, онъ не пойманъ, — отвѣчала она потихоньку съ доброй улыбкой на устахъ, — и прежняго коменданта уже нѣтъ въ Бастиліи.

Такія двѣ новости стоили большой благодарности, и я со слезами на глазахъ поцѣловалъ руку своей сидѣлки.

— Да, выздоравливайте теперь безъ страха, — продолжала эта хорошая женщина, — вашего врага перевели въ Венсенскую тюрьму за то, что онъ не поймалъ господина де-Сенъ-Поля.

Новый комендантъ Бастиліи не чувствовалъ никакой охоты наказывать меня жестоко за мое неудачное покушеніе. Онъ даже склоненъ былъ смотрѣть на это снисходительно, потому что, благодаря именно побѣгу Жерома, неожиданно получилъ хорошее мѣсто.

Конечно, я отбылъ соотвѣтственное наказаніе, но оно было чисто формальнымъ, безъ всякихъ личныхъ злобныхъ ухищреній, которыя всегда ужаснѣе самой кары.

Прошло нѣкоторое время—и снова потянулось одинокое, тусклое тюремное существованіе. Но теперь мнѣ все-таки было веселѣе жить: у меня были воспоминанія! Я вѣчно думалъ о Жеромѣ, о его настоящей жизни, болѣлъ душою за него, такъ какъ зналъ безъ всякихъ извѣстій, что жизнь его попрежнему не безукоризненна.

Однажды мнѣ показалось, что я начинаю забывать подробности нашего бѣгства; это меня очень огорчило, потому что я сильно дорожилъ своими воспоминаніями, и смотрѣлъ на нихъ, какъ на единственное сокровище, оставшееся мнѣ въ жизни. И я рѣшилъ на вѣки сохранить для себя свое сокровище, я задумалъ записать все, происшедшее съ нами.

Комендантъ, послѣ долгихъ горячихъ просьбъ, наконецъ, разрѣшилъ выдать мнѣ чернилъ, перьевъ и бумаги. О, какое это было счастье, какая великая милость!

Отнынѣ я пересталъ скучать и со страстью началъ описывать все, что съ нами случилось. Я описывалъ все подробно, самое маленькое приключеніе было для меня дорого! Я ничего не забылъ, снова переживая мое горе и мою радость; но, наконецъ, и записки мои были окончены...

О, Жеромъ, дорогой товарищъ, гдѣ ты? Счастливъ ли? Вспоминаешь ли хоть изрѣдка о своемъ старомъ другѣ, который живетъ лишь одними воспоминаніями?

VIII.

Предсѣдатель окончилъ чтеніе рукописи.

Нѣкоторое время въ залѣ ратуши царило глубокое молчаніе. Наконецъ, торжественная тишина была нарушена тяжелымъ вздохомъ, который вырвался изъ груди стараго узника и пронесся надъ всѣми присутствовавшими, какъ запоздалая жалоба, давно ждавшая сочувствія, какъ стонъ горя, впервые облегченнаго утѣшеніемъ.

— Да, да,—сказалъ старикъ тихимъ голосомъ,—и все это было со мною, друзья! Но это было такъ давно, что я самъ слушалъ свою повѣсть, какъ занимательную сказку... Но это моя рука, это я провелъ надъ моей тетрадкой много, много времени, а когда кончилъ писать, то сложилъ ее вчетверо, зашилъ въ носовой платокъ и повѣсилъ себѣ на шею. Прошло столько лѣтъ, что платокъ этотъ, наконецъ, истлѣлъ у меня на тѣлѣ. Я замѣнилъ его другимъ и все продолжалъ хранить на груди, будто предчувствуя, что настанетъ день искупленья... И онъ

насталъ! Вотъ я, освобожденный, сижу посреди свободныхъ братьевъ и могу смѣло повѣдать имъ свои былыя печали.

Старикъ поднялъ блѣдное лицо, обрамленное бѣлой длинной бородою, откинулся прямымъ станомъ на спинку кресла и продолжалъ, пристально глядя впередъ выпвѣтшими голубыми глазами:

— Какъ неожиданно пришли вы ко мнѣ, братья!.. Помню, случилось это послѣ завтрака. Только что тюремщикъ унесъ посуду, какъ вдали послышался глухой металлическій ударъ. за нимъ послѣдовалъ другой, третій... Сперва я подумалъ, что гдѣ-нибудь недалеко происходятъ маневры, и равнодушно прислушивался къ шуму... Но вотъ содрогнулся желѣзный переплетъ оконной рамы, бомбы стали хлопать о каменные стѣны, по корридору пробѣжало нѣсколько человекъ, обмѣниваясь тревожными восклицаніями,—очевидно, дѣло касалось Бастиліи, и я сталъ прислушиваться тревожнѣе.

Что же случилось?

Воюемъ ли мы съ кѣмъ-нибудь? Побѣждены ли, — и непріятель осаждаетъ городъ? Или поднялась братоубійственная распря, и католикъ опять поднялъ руку на гугенота? Или затѣялась народная драка, которую оказалось нужнымъ порѣшить вооруженной силой? Что же случилось? Скажите мнѣ.

— А вѣдь это были только мы! — раздался громкій голосъ, и изъ толпы выглянула веселая фізіономія двадцатилѣтняго подмастерья.

Взрывъ сдержаннаго смѣха пронесся по залу.

Веселая фізіономія съ наивнымъ удивленіемъ поглядѣла на смѣющихся и смущенно спряталась.

— Да, братья!—продолжалъ старикъ съ блуждающей улыбкой на выпвѣтшихъ губахъ,—это были только вы! Только вы!! но я не зналъ еще этого... Я бѣгалъ взадъ и впередъ по своей камерѣ и никогда еще не чувствовалъ такъ живо всей оторванности своей отъ человѣчества, какъ въ эти минуты освобожденія... А пушки гремѣли все слышнѣе... Вдругъ раздался лязгъ цѣпей, грохотъ бревенъ, и гулъ, какъ оглушительный громъ, пронесся въ воздухѣ.

— Это рухнулъ большой подъемный мостъ,—замѣтилъ румяный подмастерье, который не могъ удержаться, чтобы не вставить своего поясненія; но сейчасъ же и спрятался за спины товарищей.

— Да, это упалъ подъемный мостъ, — отвѣчалъ ему узникъ,—но я не зналъ, что это падаетъ первое звено въ

моихъ оковахъ. Послѣ того стало таѣ тихо, пушки замолели, стѣны перестали содрогаться...

Что же случилось? думалъ я, неужели и это все пройдетъ мимо насъ, несчастныхъ узниковъ, и мы никогда не узнаемъ, что такое около насъ происходило? Торжествовала ли правда, или побѣдила ложь, и какое важное событіе волнуетъ теперь всѣхъ, живущихъ на волѣ?.. Людскія страсти улягутся; враги, помирившись, разойдутся; бойцы станутъ занимать свою семью рассказами о былой распрѣ; а мы по прежнему останемся сидѣть въ полутемномъ каменномъ мѣшкѣ, и никому изъ живущихъ на волѣ не придетъ и въ голову подумать о несчастливцахъ, сидящихъ по многу лѣтъ за желѣзной рѣшеткой и жаждущихъ раздѣлить съ ними ихъ волненія...

Я бросился ничкомъ на кровать, уткнулся головой въ подушку и горько заплакалъ.

Вдругъ, почти около моей двери послышался звонъ шпоръ, веселые голоса стали переключаться между собою, зазвучали ружейные приклады о каменные плиты корридора. Въ одно мгновеніе я превратился въ изступленнаго. Я кинулся къ двери, заколотилъ въ нее руками и ногами, я ревѣлъ дикимъ голосомъ, повторяя только одно слово:

— Освободите! Освободите!

Веселые голоса смолкли. Очевидно, люди остановились, прислушиваясь къ моимъ воплямъ. Наконецъ кто-то рѣшился ударить въ дверь прикладомъ, за этимъ ударомъ послѣдовалъ другой, третій... и чѣмъ больше для меня старались люди, тѣмъ изступленнѣе я кричалъ:

— Помогите! Освободите!

И вдругъ дверь съ шумомъ оторвалась, повиснувъ на одной петлѣ, я кинулся впередъ къ какимъ-то людямъ съ оружіемъ. Но безъ мундировъ, я вдыхалъ въ себя запахъ пороха, которымъ они были окурены, я старался протиснуться къ нимъ, скрыться въ ихъ толпѣ, сдѣлаться среди нихъ незамѣтнымъ, чтобы никто, никто не посмѣлъ меня больше тронуть... Я хваталъ ихъ за руки, почернѣвшія отъ порохового дыма, я обнималъ ихъ колѣна, запачканныя иломъ крѣпостного рва, я прижимался къ ихъ груди и все кричалъ:

— Освободите! Освободите!

— Успокойся, гражданинъ! — сказалъ мнѣ кто-то, — ты теперь свободенъ, и на вѣки!..

— Это былъ я! — воскликнулъ молодой подмастерье и залился восторженными слезами.

Но теперь никто изъ присутствовавшихъ уже не смѣлся.

— И вотъ, такъ-то, — продолжалъ старикъ торжественно, — я сдѣлался гостемъ парижскихъ гражданъ... Сходя внизъ, я видѣлъ всѣ корридоры безъ часовыхъ, всѣ камеры открытыми и пустыми. Я шелъ по лѣстницѣ, привѣтствуемый дружескими восклицаніями; но, когда я вышелъ на порогъ двери, увидалъ голубое небо, свободную улицу, общее движеніе, когда свѣжій вѣтеръ коснулся моего лица, столько времени лишеннаго воздуха, — силы меня оставили... Почти безъ сознанія я сѣлъ въ какую-то карету и очнулся уже здѣсь, гостемъ цѣлаго города. О, да здравствуетъ Франція! Многая лѣта вамъ, братья французы!

Старикъ просвѣтлѣвшими глазами поглядѣлъ на слушателей, и множество рукъ протянулось къ нему въ отвѣтъ для рукопожатія.

— Гражданинъ, — сказалъ предсѣдатель, — теперь тебѣ необходимо подкрѣпиться. Позволь мнѣ предложить тебѣ квартиру, гдѣ ты можешь отдохнуть отъ пережитыхъ волненій.

— Благодарю! — отвѣчалъ старикъ, поднимаясь съ кресла, — но погодите, я еще не кончилъ разговаривать съ вами, граждане города Парижа! Еще у меня есть къ вамъ двѣ просьбы, которыя, я надѣюсь, вамъ исполнить въ тягость не будетъ.

— Мы сдѣлаемъ все, что въ силахъ нашихъ, — отвѣчалъ предсѣдатель, — лишь бы только хоть немного облегчить тебѣ жизнь.

— Осмотрите, прошу васъ, подвалы Бастиліи, обыщите всѣ ея закоулки и найдите мнѣ вещи, сработанныя мною вмѣстѣ съ Жеромомъ. Они найдутся, я знаю навѣрно, потому что въ Бастиліи никогда ничего не пропадало... А когда найдутся мои дорогія вещицы, пусть нація вернетъ ихъ мнѣ! Кому они нужны? Всѣ увидятъ въ нихъ только нитки или полѣнья дровъ, грубо отесанныя въ лѣстницу; а для меня вѣдь это товарищи, это живыя существа, знавшія всѣ мои мысли!..

— Эти вещи твои по праву — отвѣчалъ предсѣдатель, — тебѣ нечего даже просить націю о такомъ подаркѣ.

— Благодарю, — сказалъ старикъ, — теперь другая просьба...

— Чего же ты хочешь, гражданинъ?

— Я хочу уединенія и прошу его у націи.

— Уединенія? — переспросилъ предсѣдатель. — Неужели тебѣ его еще было мало?

— Нѣтъ, его было много, такъ много, что я уже съ нимъ сросся душою... За тѣ тридцать лѣтъ, которыя я прожилъ одинъ, успѣли измѣниться и люди, и нравы. За это время выросло новое поколѣніе, создались новыя права и обязанности, и все, что я вижу теперь, выйдя изъ стѣнъ Бастиліи, мнѣ чуждо! Душа моя по прежнему въ оковахъ, хотя они уже съ нея и сняты... А рубцы, оставленные ими, сотретъ одна могила... Я чувствую себя перенесеннымъ въ новый міръ, къ которому никогда не смогу привыкнуть — вотъ почему я и прошу у націи уединеннаго убѣжища, гдѣ бы мнѣ можно было провести дни, остатокъ моей жизни.

— Твое желаніе будетъ исполнено, — отвѣчалъ предсѣдатель.

— Благодарю, — сказалъ узникъ, и аудіенція, данная націей своему гостю, была окончена.

Юлія Безродная.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Проф. П. Н. Милюкова.

(Продолженіе) *).

II.

Связь первоначальнаго заселенія Россіи съ ея геологическимъ прошлымъ.— Вопросъ о связи первобытнаго населенія Россіи съ ея позднѣйшими обитателями.— Древнѣйшее распредѣленіе племенъ.— Югъ.— Иранцы и турки.— Сѣверъ.— Древнѣйшее расселеніе финновъ: восточная и западная группа.— Дальній сѣверъ.— Древнѣйшія мѣста жительства восточныхъ славянъ.— Расселеніе племенъ въ придиѣпровьи.— Отношеніе древнихъ племенъ къ нарѣчіямъ.— Распредѣленіе малорусскихъ нарѣчій въ зависимости отъ условій расселенія малороссовъ.— Этнографическая основа полѣсскихъ говоровъ.— Великоруссы: вопросы о колонизаціи поволжья и о смѣшеніи здѣсь восточныхъ славянъ съ финнами.— Новгородская колонизація сѣвера.

Наблюденія надъ исторической статистикой русскаго населенія мы могли дѣлать только относительно двухъ послѣднихъ столѣтій русской исторіи. Напротивъ, вопросъ объ этнографическомъ составѣ русскаго населенія возвращаетъ насъ къ самому отдаленному прошлому нашей страны. Только раздвинувъ рамки нашихъ наблюденій далеко за предѣлы исторически извѣстнаго, мы можемъ составить себѣ опредѣленное понятіе о томъ, изъ какихъ составныхъ элементовъ сложилось современное населеніе Россіи.

Надо сказать, что и здѣсь, при всякой попыткѣ проникнуть въ сущность вещей, мы встрѣтимъ болѣе вопросовъ, чѣмъ отговоровъ, болѣе загадокъ, чѣмъ разъясненій. И антропологи, и археологи, и этнографы, и лингвисты еще менѣе политико-экономовъ приготовили намъ данныхъ для твердаго вывода.

Несомнѣнно, прежде всего, одно:—это то, что Россія послѣдней изъ европейскихъ странъ перешла изъ рукъ природы въ руки человѣка. Тогда какъ въ западной Европѣ человѣкъ жилъ, по всей

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль 1895 г.

вѣроятности, уже въ то время, которое геологи называютъ «третичной эпохой»,—въ европейской Россіи нѣтъ никакихъ слѣдовъ существованія человѣка не только въ третичный, но даже во всю первую половину послѣ—третичнаго періода. Начиная съ Финляндіи и кончая Орловской и Курской губерніями, большая часть Россіи была въ это время покрыта сплошнымъ льдомъ; и дальше на югъ, огибая возвышенную плоскость этихъ губерній, ледникъ давалъ два длинныя отростка въ низменности Днѣпра и Дона. На западъ отъ р. Онеги до Балтійскаго моря и на востокъ отъ сѣв. Двины до Урала, все пространство было покрыто моремъ, уровень котораго былъ на 150 метровъ выше теперешняго. Каспійское море при такомъ уровнѣ, доходило тоже до рѣкъ Камы и Бѣлой. Ледникъ сѣверной половины Россіи представлялъ собой покрытую льдомъ и снѣгомъ, лишенную всякой растительной и животной жизни, пустыню, походившую на теперешнюю Гренландію. На югѣ, параллельно сѣвернымъ ледникамъ, возникали многочисленныя прѣсноводныя озера; рѣки начинали прокладывать себѣ свои русла, обратившіяся теперь въ обширныя рѣчныя долины. У южной окраины ледника, во вторую половину ледниковой эпохи, вмѣстѣ съ мамонтомъ и носорогомъ появился, наконецъ, и человѣкъ, умѣвшій выдѣлывать себѣ орудія только изъ неполированного камня. Ледникъ мало-помалу таялъ, отступая на сѣверъ и на сѣверо-западъ. Слѣдомъ за нимъ подвигались въ томъ же направленіи и крупныя млекопитающія, и человѣкъ. Какъ долго они шли, пока не достигли до Финляндіи и до Балтійскаго моря,—это видно изъ того, что въ промежуткѣ вся фізіономія природы измѣнилась и постепенно приняла современный характеръ. Только немногіе экземпляры мамонта добрались до Балтійскаго моря—и скоро исчезли. Человѣкъ, пришедшій сюда, уже умѣлъ полировать свои каменные орудія, знакомъ былъ съ гончарнымъ искусствомъ, и т. д.

Какъ ни поздно, однако же, расселился человѣкъ впервые на пространствѣ теперешней Россіи, все-таки и эта эпоха цѣлыми десятками тысячелѣтій отдѣлена отъ того времени, о которомъ мы имѣемъ сколько-нибудь достовѣрныя свѣдѣнія. Что произошло въ этотъ длинный и темный промежутокъ, остается намъ совершенно неизвѣстнымъ. Напрасно было бы, поэтому, доискиваться, какъ относится первобытный человѣкъ Россіи къ современнымъ ея обитателямъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ, когда только что зарождалась антропологическая наука, основатель русской антропологии, проф. Богдановъ, думалъ, что онъ нашелъ черепа представителей первобытной русской расы въ старинныхъ могилахъ. Впослѣдствіи онъ даже старался приурочить этихъ старожилонъ

Россіи къ какому-нибудь опредѣленному племени: онъ то считалъ ихъ финнами, то славянами. Но въ наше время антропология уже вышла изъ младенчества и отказалась отъ смѣлыхъ рѣшеній такихъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ. Она не рѣшается теперь опредѣлить не только національность, но даже и расу, къ которой принадлежали первобытные жители Европы. Люди такъ давно и долго живутъ на земномъ шарѣ, что они успѣли совершенно перемѣшаться другъ съ другомъ. Поэтому, нѣтъ такихъ антропологическихъ признаковъ, по которымъ можно было бы раздѣлить человѣчество на естественныя группы и семьи. Опредѣлить принадлежность того или другого народа къ той или другой чистой расѣ—такъ же невозможно, какъ опредѣлить расу уличныхъ собакъ. Представителей всѣхъ «расъ»,—въ антропологическомъ смыслѣ этого слова,—можно найти чуть ли не на любомъ пунктѣ земного шара. И такъ, мы должны признаться, что въ нашихъ свѣдѣніяхъ о населеніи Россіи существуетъ огромный пробѣлъ, который нѣтъ надежды заполнить. Когда занимается заря исторической жизни, мы встрѣчаемся уже съ извѣстными намъ и теперь національностями, антропологическое происхожденіе которыхъ покрыто совершеннымъ мракомъ.

Необходимо прибавить, что историческая жизнь народовъ, подобно доисторической,—начинается въ Россіи позднѣе, чѣмъ въ остальной Европѣ. Только около времени Рождества Христова,—на нѣсколько столѣтій раньше или позже,—мы начинаемъ получать о населеніи Россіи сколько-нибудь положительныя или вѣроятныя извѣстія.

Среди этихъ извѣстій самая ранняя касается Черноморья. Сколько мы можемъ судить, югъ Россіи заселенъ былъ тогда племенами, не игравшими почти никакой роли въ послѣдующей русской исторіи. Вѣка за три до Р. Х. здѣсь начинаютъ упоминаться сарматы. На основаніи ихъ собственныхъ именъ, сохранныхъ намъ греческими надписями, мы можемъ утверждать, что сарматы были тотъ же народъ, который во время переселенія народовъ назывался аланами, а въ нашихъ лѣтописяхъ носятъ названіе ясовъ. Остатки этого народа живутъ и до сихъ поръ на склонахъ Кавказскаго хребта и называются осетинами. Они принадлежатъ къ той же арійской или индо-европейской группѣ народовъ, какъ славяне, германцы, греки и римляне; но еще ближе, чѣмъ къ этому (западному) отдѣлу арійцевъ, осетины стоятъ къ восточному отдѣлу—къ мидянамъ и персамъ. Когда-то они распространялись на всею югъ, вплоть до Дуная; самая имена Дуная. Днѣстра, Днѣпра, Дона, повидимому, даны этимъ народамъ: на языкѣ осетинъ, и до сихъ поръ слово «донтъ» значитъ рѣка.

На мѣсто этого стараго «иранскаго» населенія въ историческое время выдвинулось на югѣ Россіи тюркское племя, принадлежавшее къ обширной урало-алтайской группѣ народовъ. Чтобы понять, какая сила толкнула тюрковъ въ Европу, намъ надо было бы заглянуть въ глубь азіатскаго материка. Тамъ мы увидѣли бы, по показанію китайскихъ лѣтописей, какъ на западныхъ границахъ Китая, втеченіе цѣлой тысячи лѣтъ послѣ Р. Х., произошелъ цѣлый рядъ политическихъ переворотовъ, сопровождавшихся этнографическими катастрофами. Каждый изъ такихъ переворотовъ, на протяженіи отъ III-го до XIII-го вѣка по Р. Х., выбрасывалъ изъ Азіи въ Европу новую толпу тюркскихъ кочевниковъ, побѣжденных въ Азіи, но страшныхъ для Европы. За гуннами (IV вѣкъ) послѣдовали булгары, авары (VI вѣкъ); затѣмъ владычество на югѣ Россіи переходило поочередно къ хазарамъ (VII—X вѣкъ), печенѣгамъ (IX—XI), половцамъ (XI—XIII); наконецъ, за тюркскими пашествіями послѣдовало монгольское въ лицѣ татаръ, самыхъ опасныхъ и всего дольше державшихся на югѣ (XIII—XVIII вѣкъ). Бѣ эти волны кочевниковъ, захлестывавшія одна другую, смели безслѣдно старое осѣдлое населеніе южной Россіи, когда-то кормившее своимъ хлѣбомъ Аѳины. За полторы тысячи лѣтъ были, конечно, и промежутки роздыха. Усѣвшись на мѣстѣ, каждая изъ этихъ ордъ замирялась и устанавливала прочныя отношенія съ сосѣдями. Смотря по силѣ орды, это были или отношенія союза, или отношенія подданства. Но едва успѣвали установиться эти отношенія, какъ слѣдомъ за старой волной набѣгала новая и безслѣда смывала предъидущую; жалкіе остатки кочевниковъ искали спасенія отъ своихъ соплеменниковъ на окраинахъ осѣдлыхъ поселеній и составляли съ пограничными жителями пеструю этнографическую смѣсь. Этими отложениями на берегу степнаго моря и ограничилось, впрочемъ, вліяніе тюркскаго элемента. Какъ ни велико было значеніе кочевниковъ въ общемъ ходѣ русской исторіи,—въ образованіи племеннаго состава русскаго населенія роль ихъ была совершенно ничтожна.

Обратимся къ двумъ другимъ этнографическимъ элементамъ, изъ которыхъ и сложилась, главнымъ образомъ, русская національность: къ *финнамъ* и *славянамъ*. Отношенія между ними остаются далеко неразъясненными. Изслѣдованіе языковъ финскихъ племенъ показало однако, что гораздо раньше славянъ сосѣдями финновъ были германцы и литовцы. Ихъ сосѣдскія отношенія установились, повидимому, около времени Р. Х. Западные финны тогда только-что стали отдѣляться отъ восточныхъ (мордвы). Литовское вліяніе они испытали (по новѣйшему мнѣнію ученаго Томсена)

еще въ то время, какъ жили вмѣстѣ; на восточныхъ финновъ это вліяніе литвы сохранялось еще и послѣ раздѣленія. Напротивъ западныя финны уже одни, отдѣльно отъ восточныхъ, пережили вліяніе германцевъ (именно готовъ); и притомъ, это было въ такое время, когда готскій языкъ еще не принялъ того вида, въ которомъ онъ становится намъ извѣстенъ въ IV вѣкѣ по Р. Х. Затѣмъ, наконецъ, сосѣдями западныхъ финновъ становятся и славяне. Когда славяне пришли въ соприкосновеніе съ финнами,— это можно приблизительно опредѣлить тоже по даннымъ языка. Оказывается, что и русскій языкъ тогда еще не принялъ той формы, въ какой мы встрѣчаемъ его въ древнѣйшихъ памятникахъ IX—X вѣка. Русское *ъ* и *ь* произносились еще тогда, какъ *у* и *и*; русское *о* произносилось, какъ короткое *а* *); полногласіе, составляющее особенность русскаго языка передъ другими славянскими нарѣчіями, еще не вполне развилось **); даже носовыя звуки ***) , отсутствіе которыхъ считается обыкновенно другой русской особенностью,—еще сохранялись въ русскомъ языкѣ въ моментъ первой встрѣчи съ финнами. Такимъ образомъ, мы должны предположить, что встрѣча эта произошла, приблизительно, въ V—VII столѣтіи послѣ Р. Х.

Какъ видимъ, языкъ можетъ указать намъ *время*, когда происходили всѣ эти древнѣйшія передвиженія народовъ на пространствахъ Россіи. Языкъ же остается нашимъ главнымъ помощникомъ и при опредѣленіи *мѣста*, гдѣ все это происходило. Географическія названія, обыкновенно, сохраняются долго спустя послѣ того, какъ исчезаетъ народъ, давшій эти названія. Чуждыя и непонятныя для племенъ, занявшихъ мѣсто этого народа, географическія имена снова оживаютъ въ рукахъ языковѣда и могутъ рассказать намъ любопытныя вещи про давно минувшее этнографическое прошлое данной страны. Всѣмъ извѣстны многочисленные названія русскихъ рѣкъ, кончающіяся на *ма* и *ва*. Недавно одинъ специалистъ по финскимъ языкамъ, Веске, доказалъ, что это въ сущности—одинъ и тотъ же суффиксъ, имѣвшій первоначально значеніе «рѣка». Слѣдя за рѣками, носящими подобныя названія, мы приходимъ къ заключенію, что племя, кото-

*) Это, впрочемъ, могло быть и особенностью того нарѣчія, которое оказалось въ сосѣдствѣ съ западными финнами, т. е., вѣроятно, бѣлорусскаго (кривичскаго).

**) Напомню, что «полногласіемъ» называется употребленіе двухъ *е* вмѣстѣ славянскаго *а* (борода, волосы, вм. брада, власы). Какъ произошло полногласіе, не рѣшили еще сами лингвисты.

***) *ñ*—французск. *on*; *ñ*—фр. *in*.

рое давало эти имена, распространялось когда-то съ сѣверо-востока Россіи далеко на юго-западъ, включая Костромскую, Владимірскую, Московскую, Калужскую губерніи и отсюда переходя даже въ бассейнъ Днѣпра,—именно, въ область его верховьевъ и лѣвыхъ притоковъ, кончая Десной. Въ настоящее время на востокъ отъ этой полосы живутъ два близкихъ другъ къ другу племени финновъ: черемисы и мордва. Что касается мордвы, мы знаемъ, что на своихъ теперешнихъ мѣстахъ она живетъ уже втеченіе полуторы тысячи лѣтъ: въ V вѣкѣ упоминаетъ впервые ея имя готскій историкъ Иорданъ, а въ X вѣкѣ довольно точно опредѣляетъ ея мѣсто жительства византійскій императоръ Константинъ Багрянородный. Тотъ же Иорданъ называетъ рядомъ съ мордвой и племя *мери*, хорошо извѣстное нашей лѣтописи. Поселенія мери какъ разъ соотвѣтствуютъ только-что очерченной площади распространенія рѣчныхъ названій. Мерей продолжаетъ называть себя до сихъ поръ черемись (мър, мари); и изъ ея языка объясняется цѣлая масса мѣстныхъ названій рѣкъ и деревень въ губерніяхъ центральной Россіи. Такимъ образомъ, не можетъ быть сомнѣнія, что древнѣйшимъ намъ извѣстнымъ населеніемъ центрального междурѣчья были восточные финны. Мы видѣли, что, по свидѣтельству языка, восточные финны испытали сильное вліяніе литвы. Должны ли были они, чтобы подвергнуться этому вліянію, жить западнѣе, чѣмъ жили потомъ, — или, наоборотъ, литва жила гораздо восточнѣе? Географическія названія даютъ намъ отвѣтъ и на этотъ вопросъ. На основаніи ихъ можно заключить, что литовскія поселенія когда-то, дѣйствительно, распространялись на востокъ, далеко отъ области Нѣмана. Еще на памяти исторіи въ XII вѣкѣ, одинъ оторванный клочокъ литовскаго племени (голядь) продолжалъ жить въ какой-нибудь сотнѣ верстъ отъ Москвы, на сѣверѣ Калужской губерніи.

Перейдемъ теперь къ западнымъ финнамъ. Отдѣлившись отъ восточныхъ еще до великаго переселенія народовъ, они постепенно продвигались отъ верхняго теченія Волги на сѣверо-западъ, въ область озеръ. Отсюда, отъ Ильменя, Ладоги и Онеги, западные финны продолжали двигаться по направленію къ Балтійскому морю. Можно думать, что передовые отряды ихъ, ливы и куроны, въ VI—VII вѣкахъ уже достигли остзейскихъ береговъ, и что въ то же, приблизительно, время проникли карелы на сѣверъ и на западъ отъ Ладоги. Позже поднялись тавасты и раздѣлились на двѣ группы: одна пошла югомъ финскаго залива и осѣла въ Эстляндіи, другая двинулась по сѣверному берегу залива въ свое теперешнее мѣсто жительства, — въ такъ наз. Тавастландъ. По-

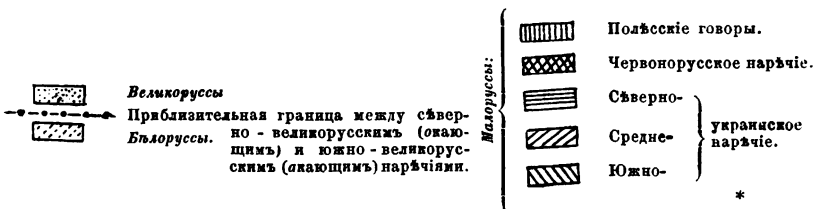
слѣдними шли близко родственные тавастамъ собственно финны; частью они остались въ Эстлядіи, частью,—вѣроятно, черезъ заливъ,—искали пути въ юго-западную Финляндію. Всѣ эти племена и теперь сидятъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда пришли тысячу лѣтъ назадъ; но исторія замела за ними тотъ слѣдъ, который они оставили за собой въ своемъ продвиженіи на западъ. Сохранились только признаки того, что племя тавастовъ, извѣстное русскимъ подъ названіемъ *эми* (или гамскаго народа), жило прежде гораздо дальше на востокъ. Къ племенамъ западныхъ финновъ мы имѣемъ полное право относить также и исчезнувшій народъ *веси*, обитавшій по лѣвымъ притокомъ верховья Волги. Наконецъ, весьма возможно, что «гамскій» же народъ далъ свои названія рѣкамъ, имена которыхъ кончаются на *-ма*, *-ета*, *-юга* (финл. *ioksi*=рѣка). Подобныя названія разбросаны на всемъ сѣверѣ Россіи, начиная съ Ярославской губерніи. Здѣсь, впрочемъ, западные финны встрѣчались уже съ финнами пермской группы (зыряне, пермяки и вотяки) и съ еще болѣе отдаленными родственниками финновъ, лопарями. Теперь только жалкіе остатки лопарей держатся еще тамъ и сямъ на Кольскомъ полуостровѣ; въ древности же это племя занимало все обширное пространство на западъ отъ Двины и на сѣверъ отъ Ладожскаго озера. По своей отдаленности, ни лопари, ни пермская группа не могли, конечно, играть никакой роли въ образованіи русской національности.

Намъ пора теперь вернуться къ первоначальному расселенію русскихъ племенъ, исключивъ всѣ тѣ мѣстности, которыя, по нашимъ предъидущимъ наблюденіямъ, заняты были иранцами и потомъ тюрками, литовцами и финнами,—мы должны будемъ искать древнѣйшихъ поселеній славянъ на югъ отъ Нѣмана и на западъ отъ Днѣпра. Въ самомъ дѣлѣ, различныя соображенія, которыя не мѣсто излагать здѣсь, приводятъ къ выводу, что недалеко отъ этихъ мѣстъ,—въ прикарпатъи, на верхней Вислѣ, въ теперешней Галиціи и Волынской губерніи находилось самое древнее мѣстопребываніе славянъ, какое мы только можемъ услѣдить. Изъ этого центра, въ прямой связи съ передвиженіями германцевъ, начиная съ III-го вѣка по Р. Х., славяне стали распространяться на западъ къ Одеру, на югъ къ Дунаю и на сѣверо-востокъ—вверхъ по Днѣпру и его притокамъ. Мы уже видѣли, что не позже, какъ въ VII столѣтіи, славяне прорѣзали поясъ литовскихъ поселеній на верхнемъ Днѣпрѣ и столкнулись (гдѣ-нибудь около Валдайской возвышенности) съ западными финнами. Навѣрное, къ этому времени славянскія поселенія успѣли уже пустить и другой длинный отростокъ на востокъ — черезъ Десну и

Сеймъ къ Дону. Два-три вѣка спустя (IX—X вв.), мы уже застаемъ восточно-славянскія племена окончательно усѣвшимися въ приднѣпровьи — на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя затѣмъ втеченіи вѣковъ остаются за ихъ потомками. Передвиженія здѣсь были, конечно, и при свѣтѣ исторіи; но большихъ перемѣнъ въ племенномъ составѣ днѣпровскаго бассейна эти передвиженія не произвели. Главныя племенные различія, повидимому, уже въ это древнее время опредѣлились съ достаточной отчетливостью; каждое племя уже заняло свою опредѣленную территорію и держалось за свою «землю» съ замѣчательной цѣпкостью и постоянствомъ. Княжескимъ линіямъ XI—XIII вѣка оставалось только принять эти племенные «земли» за основу, для опредѣленія границъ своихъ владѣній.

Карта русскихъ нарѣчій.

Для насъ интереснѣе, однако же, вопросъ: что сдѣлалось съ древнерусскими племенами послѣ того, какъ территоріи древнихъ княжествъ были перетасованы и вошли въ новыя и болѣе крупныя политическія сочетанія XV—XVI вѣка? Старыя племенные названія за этотъ промежутокъ времени исчезаютъ, затрудняя этимъ нашу задачу. За-то на смѣну названіямъ является новый, болѣе надежный признакъ: особенности языка. Русскія нарѣчія сложились, конечно, не тогда, когда они впервые становятся намъ извѣстными. Разница нарѣчій должна восходить къ болѣе ранней по времени разницѣ племенныхъ группъ. Какъ же относятся къ древнимъ племенамъ современныя русскія нарѣчія?

Надо признаться, что отвѣтить на этотъ вопросъ теперь, когда не изучены, какъ слѣдуетъ, ни древнія племена, ни современныя нарѣчія,—довольно трудно. Но все-же сомнѣваться и колебаться можно только въ извѣстныхъ предѣлахъ: важно намѣтить и эти предѣлы, такъ какъ и они не всегда соблюдаются.

Русскія нарѣчія дѣлятся, обыкновенно, на два отдѣла: сѣверно-русскія и южно-русскія (или малороссійскія). Съ послѣднихъ, какъ болѣе близкихъ къ исконному мѣсту жительства восточныхъ славянъ, мы и начнемъ. На прилагаемой картѣ къ чисто малорусскимъ нарѣчіямъ относятся четыре. Полоса по западной границѣ съ Австріей представляетъ небольшой отрывокъ червонорусскаго нарѣчія, примыкающій къ такому же говору русскихъ жителей Галиции. Начиная отъ этой полосы, тянутся съ запада на востокъ въ три ряда—три главныхъ отѣнка украинскаго нарѣчія: сѣверно-, средне- и южно-украинское. Какимъ же древнимъ жителямъ этихъ мѣстностей соотвѣтствуютъ теперешніе малороссы?

Опустошенія, произведенныя на югѣ тюркскими кочевниками, значительно облегчили намъ объясненіе этой загадки. Всѣ мѣстности на югѣ отъ теченія Десны и отъ линіи, проведенной между Кіевомъ и верховьями южнаго Буга, безусловно не могли сохранить своего древняго населенія, такъ какъ подверглись полному разоренію со стороны тюрковъ. Теперешнее населеніе всѣхъ этихъ мѣстностей, несомнѣнно, явилось сюда въ качествѣ новыхъ поселенцевъ съ запада. Такимъ образомъ, изъ списка древнихъ народностей русскаго юга мы можемъ вычеркнуть добрую половину. Всѣ эти дулебы, уличи, тиверцы, даже поляне и значительная часть древлянъ и сѣверянъ, навѣрное не пережили эпохи тюркскихъ нашествій. Но и населеніе, уцѣлѣвшее на ближайшихъ окраинахъ, едва ли могло сохранить свою этнографическую чистоту: дѣло въ томъ, что здѣсь одни за другими селились тѣ же тюрки, выговяемые новыми пришельцами,—своими же родичами,—

изъ степи. Пограничное населеніе было, такимъ образомъ, или инородческимъ, или смѣшаннымъ. Жители Сквирскаго уѣзда Кіевской губ. называли себя половцами еще въ XVI столѣтіи.

Сколько-нибудь чистаго и безпримѣснаго славянскаго населенія мы можемъ, стало быть, искать только на западъ отъ Кіевской губерніи. Древнее населеніе Волинской губерніи такъ и называлось—волынянами; но это названіе ничего не говоритъ намъ, такъ какъ оно, очевидно, означаетъ не племенной составъ жителей, а только ихъ географическое положеніе. Такимъ образомъ, этнографическій составъ волинскаго населенія остается для насъ загадкой до XIV вѣка, когда эта загадка разъясняется сразу. Дѣло въ томъ, что въ это время Волинь вмѣстѣ съ Галиціей начинаетъ называться въ источникахъ «Малой Россіей», а вмѣстѣ съ тѣмъ на противоположныхъ окраинахъ обѣихъ мѣстностей обнаруживаются ясные признаки того, что жители говорятъ нарѣчіемъ, которое мы теперь называемъ малорусскимъ. Въ Галаціи, несомнѣнно, жили въ древнюю эпоху «бѣлые хорваты». Нѣтъ никакихъ основаній думать, что они только въ XIV вѣкѣ пробрались отсюда на Волинь и замѣстили волынянъ. Такимъ образомъ, мы приобретаемъ увѣренность, что уже старожилы Волини были близко родственны хорватамъ и вмѣстѣ съ ними принадлежали къ предкамъ малорусскаго племени.

Верховья Днѣстра, двухъ Буговъ и Припети мы должны, стало быть, считать самымъ древнимъ извѣстнымъ намъ мѣстомъ жительства малороссовъ. Отсюда, гонимыя польскими государственными порядками, господскими поборами и религіозными преслѣдованіями, массы простаго малорусскаго люда пробирались на юго-востокъ втеченіе столѣтій. Но съ юго-востока грозили турки,— и эта опасность заставляла малороссовъ до поры до времени держаться, въ своемъ движеніи, на сѣверъ отъ степи. Этнографическая карта сохранила намъ нѣкую исторію этой борьбы двухъ противоположныхъ тенденцій. Узкая полоса сѣверно-украинскаго нарѣчія напоминаетъ о времени, когда со стороны степи грозила сильнѣйшая опасность, когда въ окрестностяхъ Житомира населеніе склонялось къ союзу съ татарами (XIII вѣкъ). Сѣверные украинцы держались въ малодоступномъ оазисѣ по верховьямъ Припети и по всему теченію Стыри. Внѣ этого оазиса сѣверно-украинское населеніе сохранилось только въ узкой полосѣ отъ Луцка къ Житомиру и Кіеву. Дальше за Днѣпромъ полоса сѣверно-украинскаго нарѣчія становится шире, охватывая всю часть Черниговской губ. на югъ отъ Десны и сѣверную часть Полтавской. Отъ того ли это, что здѣсь всегда дышалось свободнѣе со

стороны степи, или оттого, что степь перестала быть грозной къ тому времени, когда пришли сюда сѣверные украинцы? Отвѣтъ будетъ различный, смотря по тому, будемъ ли мы видѣть въ здѣшнемъ населеніи потомковъ древняго племени сѣверянъ, уцѣлѣвшихъ отъ татарскаго разгрома, или новыхъ пришельцевъ, заселившихъ эти мѣста послѣ того, какъ прошла опасность. Выше мы отвергли первое предположеніе. Теперь мы должны, слѣдовательно, принять второе. Сѣверные украинцы расселились на лѣвомъ берегу Днѣпра, вѣроятно, въ промежуткѣ XIV—XVI столѣтій.

Опредѣленіе можно говорить о средней полосѣ украинскаго говора. Заднѣпровская часть этой полосы лежитъ какъ-разъ на самой границѣ тюркскихъ и татарскихъ опустошеній. Только къ XVI вѣку мѣстное населеніе начало оправляться отъ этихъ опустошеній. Только въ этомъ вѣкѣ украинцы средней полосы могли придвинуться въ Кіевскую губернію. Дальше же на востокъ, за Днѣпръ ихъ выгнала только окончательная унія Литвы съ Польшей. Заселивъ въ первую половину XVII вѣка Полтавскую губернію, они въ срединѣ столѣтія толпами бросились бѣжать дальше, въ Харьковскую губернію.

Наконецъ, поселенія южныхъ украинцевъ, въ самыхъ древникъ своихъ частяхъ (Подольская губ., югъ Кіевской, Харьковской и Воронежской), не восходятъ ранѣе XVII вѣка. Болѣе же позднія изъ нихъ (въ Херсонской и Екатеринославской губ.) явились только въ прошломъ столѣтіи, когда степь стала окончательно безопасной.

Перейдемъ теперь къ мѣстностямъ, до которыхъ рѣдко или вовсе не доходили опустошенія кочевниковъ. На сѣверъ отъ украинскаго нарѣчія, по сю и по ту сторону Днѣпра, тянется припетское и десненское полѣсье. Народные говоры обоихъ полѣсьевъ, называемые «полѣскими», представляютъ переходный характеръ. Нарѣчіе припетскихъ жителей составляетъ переходъ отъ малорускаго къ бѣлорусскому; жители черниговскаго задесенья говорятъ языкомъ переходнымъ отъ малорускаго къ великорусскому. Одинъ этотъ фактъ,—если только считать его твердо установленнымъ,—долженъ свидѣтельствовать о томъ, что населеніе обоихъ полѣсьевъ является смѣшаннымъ. Но какую роль въ этомъ смѣшеніи сыграло древнее населеніе, которое на этотъ разъ, навѣрное, никуда не дошло и не исчезло, сказать трудно. На Припети сталкивались въ древности дреговичи съ сѣвера, и древяне съ востока. За Десной долженъ былъ сохраниться остатокъ сѣверянъ. Былъ ли языкъ этихъ племенъ и первоначально переходнымъ, или же прежде онъ былъ чище,—въ послѣднемъ случаѣ, къ кому изъ сво-

ихъ составныхъ элементовъ онъ былъ ближе, къ малорусскому, или же къ великорусскому и бѣлорусскому,—все это вопросы, которые нельзя разрѣшить при настоящемъ состоянн нашихъ знаннй.

Относительно бѣлорусскаго племени вопросъ рѣшается легче. Тверешння поселенн бѣлоруссовъ почти совершенно соотвѣтствуютъ своими предѣлами распространенню кривичей въ нашей древней гѣтописи. Вопросъ можетъ быть только относительно того, куда дѣлись радимичи, жившн на пространныхъ Могилевской губернн. Но и этотъ вопросъ можно рѣшить довольно опредѣленно, не углубляясь въ древнѣйшнй перюдъ русской исторн. Территорн Могилевской губернн подвергалась столькимъ опустошеннмъ втеченн долгой борьбы московской и литовской Руси, что древнее населенн ея едва-ли могло сохраниться *).

Съ переходомъ къ великорусскому племени, затрудненн опять растутъ и становятся неразрѣшимыми. Литовцы дѣлятъ великорусское нарѣчн на сѣверно- и южновеликорусское; между обоими въ среднемъ поволжьн существуетъ промежуточное нарѣчн, которое Даль называлъ «восточнымъ». Взаимныя отношенн между этими нарѣчнми, а тѣмъ болѣе подраздѣленн ихъ на говоры, далеко еще не уяснены специалистами по исторн языка. Такъ же мало сдѣлано антропологами для уясненн физическаго типа великорусса.

Главный интересъ вопроса заключается въ томъ, что мы несомнѣнно имѣемъ здѣсь дѣло съ областью, позже колонизованной славянами, и должны предполагать смѣшенн ихъ съ коренными жителями, финнами. Но, прежде всего, какое изъ славянскихъ племенъ колонизовало поволжье? Шелъ ли славянскнй притокъ на Волгу сверху, изъ Новгорода, или съ запада, изъ смоленекой области кривичей, или съ юга, съ Оки, изъ вятичской области? Или же, наконецъ, всѣ три эти теченн существовали и слились въ одно цѣлое? Можетъ быть, нѣкоторый отвѣтъ заключался бы и тутъ въ наблюденнхъ надъ распредѣленнмъ нарѣчнй. На картѣ нарѣчнй обозначена, приблизительно, линн, на сѣверъ отъ которой великоруссы говорятъ на *o*, а на югъ—на *a*. Окающее и акающее нарѣчн, несомнѣнно, указываютъ намъ на два параллельные потока колонизацн: одинъ, направлявшнйся изъ новгородской области внизъ по Волгѣ; другой изъ смоленской области кривичей и изъ вятичской области (Калужской губ.) внизъ по Окѣ. Теперь и бѣлоруссы смоленской области, и великоруссы Калужской губернн, и

*) И если бы даже оно сохранилось, есть основанн думать, что уже въ древнѣйшую эпоху радимичи были въ значительной степени ассимилированы сѣверянами.

рязанцы—одинаково акають. Но когда и какъ произошло это сходство въ говорѣхъ—рѣшить довольно трудно. Какъ давно бѣлоруссы и южно-великоруссы начали акать, объ этомъ лингвисты держатся самыхъ противоположныхъ взглядовъ. Если аканіе очень древне, то можно было бы предположить, что между кривичами и вятичами существовало старинное родство. Если же, напротивъ, аканіе относится къ числу позднихъ явленій языка, то оно могло явиться и вслѣдствіе вліянія одного племени на другое; и тогда является вопросъ, которое именно племя оказывало вліяніе. Историкъ запрашивается предположеніе, что кривичи повліяли на вятичей и—вмѣстѣ съ ними, или одни—создали поздній (XIV вѣка) рязанскій говоръ; но лингвисты высказывали и противоположное мнѣніе. Во всякомъ случаѣ въ отношеніи южно-великорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому много неяснаго и загадочнаго. Съ одной стороны, между ними такъ много общаго, что бѣлорусскій многими считался и отчасти до сихъ поръ считается однимъ изъ южно-великорусскихъ нарѣчій. Съ другой стороны, напротивъ, въ бѣлорусскомъ есть такія коренныя особенности, которыя заставляли выдѣлять его въ особую группу, равноправную съ великорусской и малорусской. Произошли ли черты, роднящія бѣлорусскій съ южно-великорусскими говорами, изъ ихъ первоначальнаго родства, или онѣ возникли путемъ позднѣйшаго вліянія одного на другія, и котораго именно на которое,—всѣ эти вопросы могутъ быть рѣшены только языковѣдами.

Вопросъ о смѣшеніи славянъ съ финнами тоже остается до сихъ поръ неполюбъ рѣшеннымъ. Всѣ мы на глазъ готовы признать финскія черты въ типѣ великорусса; но, тѣмъ не менѣе, физическіе признаки смѣшенія до сихъ поръ не поддаются точному научному опредѣленію. Въ недавней работѣ проф. Зографа мы нашли, было, антропологическое подтвержденіе нашихъ апріорныхъ ожиданій: славянинъ оказывался—высокорослымъ блондиномъ, финнъ—низкорослымъ брюнетомъ; въ среднемъ поволжья авторъ думалъ найти слѣды различныхъ степеней смѣшенія между тѣми и другими. Къ сожалѣнію, антропологи разрушили цифры, на которыхъ пр. Зографъ основывалъ свои заключенія, и мы опять остаемся при однихъ предположеніяхъ. Намъ остается упомянуть о распространеніи сѣверно-великорусскаго нарѣчія на всемъ сѣверѣ Россіи, въ предѣлахъ поморскаго бассейна. Это нарѣчіе, несомнѣнно, явилось здѣсь вмѣстѣ съ новгородскими колонистами. Съ самыхъ древнихъ временъ новгородцы начинаютъ это движеніе на востокъ и сѣверо-востокъ, за «волокъ» (т. е. водораздѣлъ) озернаго бассейна; сперва они появляются здѣсь въ роли сборщиковъ дани; потомъ начинаютъ въ качествѣ звѣропромышленниковъ эксплуатировать

мѣстныхъ лѣсныхъ богатства; а черезъ посредство ли мѣстнаго населенія, или съ помощью новгородскихъ «ватагъ», наконецъ, они разбираютъ между собой лучшія земли по теченію рѣкъ, уже въ качествѣ осѣдлыхъ поселенцевъ. Естественно, что весь этотъ ходъ новгородской колонизаціи совершается постепенно, втеченіе нѣсколькихъ столѣтій. Отдѣльные смѣлые авантюристы еще въ XI вѣкѣ проникаютъ изъ Новгорода чуть не до самаго Урала; но вплоть до конца XII вѣка владычество Новгорода на востокъ отъ Двины остается очень непрочнымъ. Оно выражается исключительно въ дани, которую очень неохотно и нерегулярно платятъ иноподцы, возставая по временамъ и даже убивая сборщиковъ. Но и на западъ отъ Двины власть новгородцевъ, повидимому, до самой середины XII вѣка не сопровождается колонизаціей. Въ XIII столѣтіи начинается борьба новгородцевъ съ суздальскими князьями за волокъ,—на всемъ протяженіи отъ Твери до Устюга. Борьба эта ведетъ ко взаимному размежеванію, и новгородской вольной колонизаціи полагается предѣлъ. На перерѣзъ ей съ юга идетъ уже съ XIV вѣка московское вліяніе. Въ это время самой восточной областью, прочно колонизованной новгородцами, оказывается теченіе Двины; надо прибавить, что въ послѣднюю четверть того же XIV вѣка вольные новгородскіе колонисты успѣваютъ сдѣлать послѣднее усиліе и пробраться на Вятку. Затѣмъ, Новгородъ втягивается въ борьбу, которая все болѣе и болѣе становится борьбою за существованіе. Какъ подѣйствовала эта борьба и ея исходъ на дальнѣйшій ходъ колонизаціи,—видно изъ того, что и теперь иноподческія поселенія финновъ пермской группы начинаются вблизи рѣкъ тѣхъ самыхъ мѣстъ, на которыхъ остановилась новгородская колонизація XIV-го вѣка.

Геологическій очеркъ сдѣланъ по статьямъ гг. *Никитина* (Sur la constitution des dépôts quaternaires en Russie et leurs relations aux trouvailles résultant de l'activité de l'homme préhistorique) и *Чернышева* (Aperçu sur les dépôts posttertiaires en connexion avec les trouvailles des restes de la culture préhistorique au nord et à l'est de la Russie d'Europe) въ Congrès international d'archéologie préhistorique et d'anthropologie. 11-me session, à Moscou т. I. M. 1892. Теорія проф. *Боданова* изложена въ рядѣ работъ, резюмированныхъ въ его статьѣ: quelle est la race la plus ancienne de la Russie centrale? См. тѣ же труды международнаго конгресса и мой «Научный обзоръ» въ «Русской Мысли», 1892 г. Сводъ старой литературы по исторической этнографіи Россіи сдѣланъ во II томѣ названнаго уже ранѣе труда *Schnitzler'a*, L'empire des Tsars. Болѣе новаго общаго свода не существуетъ. Объ иранствѣ сарматовъ см. *Müllenthoff*, Deutsche Alterthumskunde, т. III, статью *B. Ø. Миллера*: Эпиграфическія слѣды иранства на югѣ Россіи. «Журн. Мин. Нар. Пров.», ч. ССXLVII. отд. 2 и его же Осетинскіе этюды, т. III. О тюркахъ, см. *Hermann Vámbéry* «Ursprung der Magyaren. Leipz. 1882 и ея же Das Türkenvolk, Leipz., 1885. О роли тюрковъ на югѣ Россіи въ древнѣйшую эпоху

см. *П. Голубовскаго*, Печенѣги, тюрки и половцы до нашествія татаръ; Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII в. Наблюденія надъ историческими связями финскаго, готскаго, литовскаго и славянскаго языковъ сдѣланы въ сочиненіяхъ датскаго ученаго *В. Томсона*: *Den gotiske sprogklassens indflydelse på den finske*, Копенгагенъ, 1869 (нѣмец. переводъ 1870, Halle) и *Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog*. Копенг. 1890, и финскаго ученаго *Ioos. I. Mikkola*, *Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen*. I. *Slavische Lehnwörter in den westfinnischen Sprachen*. Helsingfors, 1894 (въ *Mémoires de la société finno-ougrienne*. VIII). Наблюденія надъ распространеніемъ финскихъ рѣчныхъ названій см. у *Веске*: *Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка*. Казань, 1890 (въ «Извѣстіяхъ Общ. археологій, исторіи и этнографіи при Казан. унив.» Т. VIII, вып. 1) и *И. Н. Смирнова*, *Вотяки* (*ibid.* т. VIII, вып. 2), *его же* *Пермяки* (*ibid.* т. IX, вып. 2), *Мордва* (*ibid.* т. X) и резаюмирующая статья въ трудахъ московской сессіи международнаго конгресса антропологій и доисторич. археологій, т. I. О родствѣ мери съ черемисами см. статью *Т. Семѣнова* подъ этимъ заглавіемъ (къ вопросу etc.). Очеркъ расселенія западныхъ финновъ сдѣланъ, на основніи Аспелина, по *Шюбергсону*. *Finlands Historia*. Карта русскихъ княжествъ XI—XIII в. въ связи съ древними племенами составлена на основаніи *Н. Барсова*, *Очерки русской исторической географіи*, изд. 2-е, 1885, Варшава; *его же* *Матеріаловъ для историко-географическаго словаря*, 1865, Вильна, и сочиненій по исторіи отдѣльныхъ княжествъ кievской Руси, особенно *М. Грушевскаго*; *Очеркъ исторіи Киевской земли до конца XIV столѣтія*, Киевъ, 1891 и *Довнара-Запольскаго*, *Очеркъ исторіи кривичской и дреговичской земель до конца XIII в.*, Киевъ, 1891. О русскихъ нарѣчіяхъ см. статью *Далъ* въ «Вѣстникѣ русск. геогр. общества», 1852 и IV вып. его «Толковаго словаря», *Потебни*, Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка, *А. Соболевскаго* *Лекціи по исторіи русскаго языка*, изд. 2-е, Спб., 1891. *Ею же* *Очерки изъ исторіи русскаго языка*, *Очерки русской діалектологіи* («Живая Старина», 1892), *Будде*, къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій (изслѣдованіе особенностей рязанскаго говора), Варшава, 1892; *А. Шахматова*. Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій. «Русск. Филологич. Вѣстникъ», 1894, *А. Смирнова*, *Сборникъ древнерусскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи*. Варшава, 1882. Кромѣ указанныхъ сочиненій, пособіями при составленіи карты нарѣчій (№ 3) служили: этнографическая карта Риттиха и Карта южнорусскихъ нарѣчій и говоровъ, составленная въ 1871 и изданная въ Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край; *Матеріалы и изслѣдованія*, собр. *П. П. Чубинскимъ*, т. VII, вып. 2-й, Спб., 1877. О великоруссахъ см. статью проф. *Амучина*, въ «Энциклопедич. словарь» Арсеньева и Петрушевскаго. Теорія проф. *Н. Ю. Зографа* изложена въ его Антропометрическихъ изслѣдованіяхъ мужскаго великорусскаго населенія Влади, Ярославской и Костромской губ. М. 1892, и опровергнута въ брошюрѣ гг. *А. А. Ивановскаго* и *А. Г. Рождественскаго*: *Насколько вѣрны выводы проф. Н. Ю. Зографа etc. и имѣютъ ли эти «Изслѣдованія» какое-либо научное значеніе?* Москва, 1894. О времени основанія Вятки см. «Два реферата, читанныхъ въ засѣданіи VII археологическаго сѣзда въ Ярославлѣ». Вятка, 1887. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, названы *только* тѣ пособія, которыя или непосредственно послужили для составленія очерка, или могутъ помочь читателю основательнѣе ознакомиться съ предметомъ изложенія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЙАМАТОЙО И ЕГО СЕМЬЯ.

(Изъ воспоминаній о Японіи).

«Гироку кориво-айсуруко жичтойу».
(Всѣмъ интересоваться — это значить,
быть вполне человекомъ).

Китайская поговорка.

ГЛАВА I.

Въ семьѣ корзинщика. — Японскій домъ. — Фантастическія превращенія. — Японская постель. — Ванна. — Своеобразныя нравы. — Мои сосѣди. — Хозяйство Йаматойо. — Кукольный садъ. — Парадный обѣдъ. — «Японскія церемоніи». — Приемъ гостей. — Обѣдъ. — Соя. — Японская поговорка. — Деликатность японцевъ. — Курьевый обычай. — Англійскій лордъ и японскіе вельможи.

Я уже нѣсколько дней въ «Странѣ Восходящаго Солнца», при-
смотрѣлся немного и къ жизни, и къ людямъ, къ ихъ обычаямъ
и правамъ. У меня даже есть мой «курума» *), — по крайней мѣрѣ,
такъ онъ самъ себя называетъ, — который слѣдуетъ за мной по
пятамъ всюду, куда бы ни пошелъ я. Все же эта жизнь въ евро-
пейскомъ отелѣ меня не совсѣмъ удовлетворяетъ и сильно мѣшаетъ
знакомству съ внутреннимъ бытомъ обитателей этой живописной
страны, которые съ каждымъ днемъ меня все больше къ себѣ
привлекаютъ. Желая, въ предѣлахъ имѣющагося у меня свобод-
наго времени, поближе сойтись съ туземцами, я рѣшилъ предъ-
отъѣздомъ на сѣверъ страны поселиться въ японской семьѣ.

Съ помощью нѣсколькихъ круглыхъ серебряныхъ іеновъ **) дѣло
быстро улаживается, и, спустя нѣсколько часовъ «курума № 10»

*) «Курума» или «джиннериша» (сокращен. «джинъ»), — это упрямый
человѣкъ, который въ Японіи везетъ на себѣ, вмѣсто лошади, двухколесную
рессорную телѣжку. При отсутствіи въ странѣ лошадей, это здѣсь почти
единственный, за исключеніемъ носилокъ, способъ передвиженія. «Куру» — по
японски значитъ: этотъ, «жа» — лошадь.

Авторъ.

**) Японскій іень равенъ 4,5 германской марки.

уже водворяетъ меня съ багажемъ на далекой окраинѣ города (Нагасаки), въ почтенной семьѣ какого-то корзинщика.

Опишу вамъ мой домъ, т.-е., вѣрнѣе, то игрушечное дѣтское зданіе, въ которомъ живу уже нѣсколько дней.

Японцы—неважные зодчіе и обращаютъ не особенно много вниманія на постройку своихъ домовъ. Даже ихъ храмы, кромѣ буддійскихъ, походятъ, большей частью, снаружи на огромные деревянные сараи; по крайней мѣрѣ, ничто не обнаруживаетъ въ ихъ строителяхъ утонченнаго вкуса и знанія архитектуры. Японскій домикъ снаружи не вызоветъ восторга въ нанимателѣ. Похожій на деревянный сарай, онъ не имѣетъ ничего общаго съ европейскими зданіями; представляя собою, затѣмъ, легкую постройку, онъ страшно много теряетъ отъ тяжелой массивной черепичной крыши, приподнятой вверхъ остріями на китайскій манеръ, которая точно придавливаетъ его къ землѣ всей своей тяжестью. Но зато какъ уютенъ и удобенъ онъ внутри! Чистенькій, свѣтленькій, весь изъ дерева, ивовыхъ прутьевъ и бумаги, онъ—точно кукольный домикъ въ увеличенномъ размѣрѣ.

Входъ представляетъ приподнятую площадку, на которой, прежде чѣмъ вступить во внутренніе покои, я долженъ оставить свои ботинки (японцы оставляютъ здѣсь свои сандалія) и затѣмъ слѣдовать дальше уже въ однихъ чулкахъ. Рѣшетчатая дверь или, вѣрнѣе, стѣна раздвигается,—и я въ своемъ новомъ жилищѣ.

Прежде всего, меня поражаютъ стѣны моей новой квартиры, которыя имѣютъ не только уши, но и... ноги: я стою пораженный на мѣстѣ, и передъ моими глазами, по мановенію введшаго меня хозяина-японца, мѣняются комнаты и вся обстановка, какъ въ сказкѣ. Вотъ я въ одной, вѣроятно, столовой; не успѣлъ приглядѣться къ ней, какъ все моментально мѣняется, и я уже нахожусь въ другой комнатѣ, совсѣмъ непохожей на первую. Спустя нѣсколько мгновеній, всѣ комнаты, стѣны, перегородки исчезаютъ, какъ дымъ, и я вижу себя уже въ огромномъ залѣ, занимающемъ всю площадь дома; не проходитъ минуты, какъ исчезаютъ уже и всѣ наружныя стѣны, и зала, и домъ и я вижу себя точно въ палаткѣ; стѣны нѣтъ—онѣ исчезли; лишь по угламъ ихъ стоятъ четыре столба, поддерживающіе, по прежнему, потолокъ и крышу.

Съ недоумѣніемъ оборачиваюсь къ «курумѣ» и хозяину, и у меня въ головѣ уже мелькаетъ мысль, не сыграли ли они со мной какой-нибудь скверной штуки, пользуясь тѣмъ, что я иноземецъ; но они, глядя на мое недоумѣвающее лицо, заливаются такимъ добродушнымъ хохотомъ, что я забываю о всѣхъ своихъ подозрѣ-

няхъ, заражаюсь ихъ смѣхомъ и начинаю, наконецъ, самъ хотять.

Дѣло объясняется очень просто. Всѣ эти фантастическія превращенія являются результатомъ своеобразной архитектуры японскихъ домовъ: постоянныхъ и прочныхъ стѣнъ нѣтъ здѣсь; вмѣсто нихъ вставляются лишь бумажныя или тонкія деревянныя рамы, которыя можно убрать и раздвинуть въ одну минуту. Въ городахъ, гдѣ земля и мѣста очень дороги, въ наиболѣе скученныхъ кварталахъ, обитателей сосѣднихъ домовъ раздѣляютъ часто только однѣ раздвижныя рѣшетчатыя рамы. Внутреннихъ стѣнъ и постоянныхъ перегородокъ также здѣсь нѣтъ, и если вы хотите устроить себѣ одинъ или два внутреннихъ покоя, то къ вашимъ услугамъ цѣлая система ширмъ и бумажныхъ перегородокъ, которыми вы ограничиваете такое пространство, какое вамъ нужно въ каждый данный моментъ, и комната готова.

Весь полъ моей новой квартиры аккуратно устланъ мягкими циновками изъ ивовыхъ прутьевъ или рисовой соломы, толщиною въ полъпальца; эти циновки упруги, лоснятся и поразительно чисты: ихъ не топчетъ здѣсь никогда даже самая мягкая обувь. Всѣ мы ходимъ въ чулкахъ и скользимъ по блестящему полу, какъ по паркету.

Я захотѣлъ отдохнуть, оглядываюсь — нигдѣ никакого признака мебели. Убранствомъ комнаты служатъ лишь безчисленныя, красивыя ширмы, оригинальныя картины безъ тѣней, представляющія изображенія, инкрустированныя слоновой костью, черепахой и перламутромъ на гладкомъ, блестящемъ, черномъ фонѣ лакированной дощечки, цвѣтныя фонарики, украшающіе стѣны, драпирующіе входъ и свисающіе съ потолка, изящныя этажерки изъ лакированнаго дерева, ажурныя столики. Все это изящно, красиво, придаетъ помѣщенію какой-то особенный, новый для меня, чисто-японскій колоритъ, но я волей-неволей начинаю тосковать по стулу или хотя бы скамейкѣ. Я вѣвремя вспоминаю, однако, что явился сюда «съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ» подвергнуться всему, что ожидаетъ меня въ моихъ новыхъ условіяхъ жизни, и въ подражаніе курумѣ и хозяину, которые давно уже усѣлись на корточки и съ добродушно-лукавой улыбкой слѣдятъ за мной, я храбро опускаюсь на полъ и располагаюсь совсѣмъ по-японски. Но я не долго сижу такъ. Съ непривычки, и особенно благодаря моему европейскому костюму, этотъ способъ отдыха, какъ я убѣждаюсь, не только не достигаетъ цѣли, но еще оказывается и очень мучительнымъ безъ сноровки и опыта.

Послѣ долгихъ, бесплодныхъ и досадныхъ попытокъ, я, на-

нецъ, отказался отъ мысли провести вечеръ по-японски, на корточкахъ, и, отдавъ курумъ приказаніе привезти мнѣ на слѣдующій день всѣ принадлежности японскаго костюма, безъ котораго очевидно, обойтись невозможно, я рѣшилъ расположиться на ночлегѣ.

Деликатный японецъ-хозяинъ оставляетъ меня одного, и я начинаю устраивать себѣ спальню. Тщетно сталъ бы я, конечно, искать здѣсь чего-нибудь похожаго на наши диваны, кушетки и кровати, — ихъ здѣсь съ удобствомъ замѣняютъ тѣ же мягкія и эластичныя циновки на полу, на которыхъ можно спокойно расположиться, не рискуя запачкать ночного бѣлья.

Спальни мнѣ, конечно, недолго искать: стоитъ лишь сдвинуть ширмы вокругъ мѣста, избраннаго мною для сна, и спальня готова. Но мнѣ удастся это сдѣлать не сразу: раза три ширма вылетаетъ изъ рукъ, съ трескомъ и грохотомъ валится на полъ, и съ немалымъ трудомъ возведенное зданіе рушится, точно игрушечный домикъ. За перегородкой я слышу сдавленный смѣхъ всей хозяйской семьи, изъ деликатности не рѣшающейся придти мнѣ на помощь, и это еще больше обезкураживаетъ меня, тѣмъ болѣе, что этотъ сдержанный хохотъ разрушаетъ уже созрѣвшую, было, у меня рѣшимость прибѣгнуть къ содѣйствію моихъ новыхъ сосѣдей.

Наконецъ, спальня готова. Осторожно ступаю я по полу, боясь сотрясеніемъ его снова разрушить эти хрупкія стѣны; порою мнѣ кажется, что даже мое дыханіе способно повергнуть ихъ въ прахъ. Но мнѣ предстоитъ совершить еще цѣлый рядъ трудныхъ и сложныхъ опытовъ, прежде чѣмъ удастся поудобнѣе воспользоваться моею импровизированной спальней. Дѣло въ томъ, что единственными постельными принадлежностями являются здѣсь плотный растянутый матрацъ и стеганое одѣяло (фѣтонъ), въ которое завернуться не такъ-то легко.

Я засыпаю не скоро; притомъ же меня всю ночь беспокоятъ здѣсь крысы, въ изобиліи снующія мимо самаго носа; здѣсь не преслѣдуютъ ихъ, и онѣ играютъ роль такихъ же домашнихъ животныхъ, какъ, напримѣръ, у насъ кошки.

Измученный крысами, безпрестаннымъ безпокойствомъ за цѣлостность сооруженной мной спальни и специальными удобствами японской постели, я проснулся не рано и, какъ оказалось, поставилъ этимъ въ очень затруднительное положеніе своихъ гостеприимныхъ хозяевъ.

Японцы чрезвычайно чистоплотны и опрятны, и одной изъ необходимыхъ принадлежностей домашняго обихода каждаго маломальски зажиточнаго японца является ванна *). Но принять ванну

*) Бѣдняки, лишенные возможности принимать ванну дома у себя, пользуются публичными банями, общими для обоихъ половъ.

безъ гостя, — это было бы, по японскимъ понятіямъ, въ высшей степени невѣжливо, и вся семья, вопреки своей долготѣной привычкѣ, терпѣливо дожидалась меня, пока я проснусь. Не зная еще, въ чемъ состоитъ процессъ принятія японской ванны, я уже заранѣе начинаю внутренно безпокоиться (и, какъ впоследствии оказалось, не безъ основанія), но, не подавая никому и вида, иду вслѣдъ за хозяиномъ. Ванная — тутъ же, въ обитаемомъ нами домикѣ. Захожу и съ любопытствомъ разглядываю это невиданное еще мною сооруженіе. Японская ванна — это огромное, овальное ведро, съ поднимающейся посреди него печной трубой, выходящей наружу, сквозь крышу, а иногда и сквозь стѣну. Ведро это наполняется водой, а труба — горящими древесными углями. Когда температура воды начала достигать уже почти точки кипѣнія, хозяинъ пригласилъ меня войти въ ванну. Угощеніе ванной, какъ я уже сказалъ, считается одной изъ самыхъ крупныхъ и необходимыхъ любезностей, отказаться отъ которой, не желая нанести кровной обиды гостепріимнымъ и радушнымъ хозяевамъ, нѣтъ никакой возможности.

Въ качествѣ гостя, я приглашаюсь войти первымъ. Мой квартирный хозяинъ и всѣ домочадцы, не исключая женщинъ и дѣтей, стоятъ вокругъ насъ, въ ожиданіи своей очереди...

Такая оригинальная и необычная обстановка ставить меня въ крайне неловкое положеніе; я конфужусь, краснѣю, отговариваюсь подъ разными предлогами и силюсь вырваться на свою половину, но, въ концѣ концовъ, приходится уступить настоятельнымъ просьбамъ хозяина, повторяемымъ единодушнымъ хоромъ голосовъ всего общества, не исключая и дамъ, и я, волей-неволей, покоряюсь судьбѣ... Но уже со второй ступеньки я выскакиваю изъ воды, какъ опшаренный: пока я упирался, робѣлъ и смущался, вода достигла уже почти 80 град. по Реомюру!.. Тѣмъ не менѣе, послѣ меня, въ строгой очереди, входитъ въ ванну хозяинъ дома; затѣмъ, хозяйка, сыновья, дочери и вся прислуга поочередно. Каждый изъ нихъ сидитъ въ ваннѣ не менѣе пяти—десяти минутъ, пока, въ буквальномъ смыслѣ, не доварится въ ней.

Но я еще ничего не сказалъ о своихъ хозяевахъ.

Прежде всего, мой квартирный хозяинъ. Это еще совсѣмъ бодрый старикъ, почти безусый и безбородый, какъ и всѣ японцы, что заставляетъ меня часто первое время принимать его издали за бабу, особенно, когда онъ во время работы на открытомъ воздухѣ повязываетъ себѣ голову платочкомъ для защиты отъ солнца. Онъ большой патріотъ своего японскаго отечества, и когда мы съ нимъ ближе сошлись, то сообщилъ мнѣ даже, что раньше онъ

былъ большимъ противникомъ допущенія европейцевъ въ страну, но теперь онъ убѣдился, что присутствіе европейцевъ въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ нисколько не мѣшаетъ японцамъ попрежнему «миги-йери», т.-е. покрывать правую полу одежды лѣвой. Для поясненія я долженъ сказать, что въ Японіи существуетъ обычай всегда покрывать правую полу одежды лѣвой; обычай этотъ ни при какихъ условіяхъ не терпитъ никакихъ отступленій. Поэтому, японцы конца шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія,—ярые ревнители прежнихъ традицій,—когда европейцы ребромъ поставили вопросъ объ открытіи имъ доступа въ «Страну Восходящаго Солнца»,—желая выразить свое опасеніе, что чужеземцы превратятъ ихъ въ своихъ слугъ, и что появленіе ихъ повлечетъ за собой уничтоженіе старыхъ обычаевъ, говорили, что «допущеніе европейцевъ поведетъ къ тому, что мы скоро вынуждены будемъ даже *«хидари ейери»*, т.-е. покрывать лѣвую полу правой. Мой хозяинъ, все же, большой любитель старинныхъ обычаевъ и традицій и почти ничѣмъ не позаимствовался у европейцевъ, исключая часовъ и керосиновой лампы, которыя нынѣ въ ходу, впрочемъ, у всякаго обывателя этой страны. Онъ не носитъ европейскаго платья и ходитъ, попрежнему, въ одномъ *«кири-монъ»*, т.-е. халатѣ, не застегивающемся спереди и перехватываемомъ у талии лишь неширокимъ поясомъ. На ногахъ у него, смотря по времени, деревянные сандалія (въ дурную погоду), на высокихъ деревянныхъ столбикахъ, или плоскія соломенные сандалія: и тѣ, и другія одѣваетъ онъ на ноги, обтянутыя тонкимъ бѣлымъ и чистымъ полотнянымъ или холщевымъ (шитымъ) чулкомъ, причеиъ большой палецъ ноги отдѣленъ особо, на манеръ рукавицъ нашихъ крестьянъ. На этомъ пальцѣ сандалія единственно и держатся, придерживаемыя тонкимъ ремешкомъ, отчего во время ходьбы сандалія всегда отстаютъ отъ пятокъ, шаркаютъ, хлопаютъ и производятъ не особенно пріятный шумъ. По старинному же японскому обычаю, нынѣ сохраняющемуся лишь въ глубинѣ страны и среди низшаго класса населенія, онъ не стрижетъ своихъ волосъ на головѣ, а выбриваетъ небольшую дорожку, начиная отъ лба и почти до макушки, и зачесываетъ волосы задней части головы въ пучекъ, придерживаемый на маковкѣ черепаховымъ гребнемъ. Цѣлый день онъ тутъ же, у самаго дома, вмѣстѣ съ сыномъ, а иногда и дочерьми, плететъ легкія корзины изъ бамбука или ивовыхъ прутьевъ, и, затѣмъ, разъ въ недѣлю отправляетъ ихъ въ Нагасаки на продажу. Косзины эти очень дешевы, но онъ работаетъ быстро, легко и изящно, и работа даетъ ему довольно приличный заработокъ. Притомъ же, и

потребности японской семьи въ обыкновенное время не велики: немножко сушеной рыбы, такъ-называемой, «эда-мамэ»,—форели, или камбалы, въ изобиліи водящейся здѣсь, немножко овощей, рису, дешеваго чаю и табаку,—вотъ и все, чѣмъ питается здѣсь ремесленный людъ.

Жена моего хозяина, пожилая Омаку-санъ,—женщина въ высшей степени привѣтливая и любезная. Ее можно было бы назвать даже симпатичной, еслибы не выбритыя или выпипанные брови и покрытые черной краской зубы, придающіе ей видъ старой обезьяны. Обычай этотъ, къ которому прибѣгаютъ японскія женщины тотчасъ же по выходѣ замужъ, для того, чтобы этимъ какъ бы дать знать, что съ этого момента онѣ уже никому не желаютъ нравиться, кромѣ мужа, и ничѣмъ не интересуются, кромѣ домашняго очага,—въ настоящее время, подъ вліяніемъ проникающихъ въ страну европейскихъ идей, уже начинается кое-гдѣ уничтожаться, особенно въ портовыхъ городахъ, переполненныхъ иностранцами. Не взирая, однако же, на то, что Омаку-санъ отрѣшилась отъ всего внѣшняго міра, который, со дня выхода замужъ пересталъ ее уже интересовать, кромѣ этого домашняго монастыря, въ который она добровольно заключила себя,—она пользуется полной свободой, не имѣющей ничего общаго съ тѣмъ положеніемъ, въ какое попадаютъ замужнія женщины во всѣхъ прочихъ азіатскихъ и особенно мусульманскихъ странахъ. Она ведетъ, какъ и всѣ прочія японскія женщины, вполне свѣтскую жизнь, принимаетъ гостей, сама ходитъ въ гости, принимаетъ самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ своего мужа, и я замѣчаю, что мой добродушный хозяинъ даже нѣсколько побаивается ея, хотя, видно, и старается скрыть это.

Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ домочадцевъ. Старшій сынъ, юноша лѣтъ восемнадцати, закончилъ уже свое школьное образованіе, и нынѣ онъ главный помощникъ отца по плетенію корзинокъ.

За нимъ — семилѣтній Икеда, котораго, впрочемъ, надняхъ будутъ звать ужъ иначе, такъ какъ съ этого времени ему исполнится ровно семь лѣтъ, и онъ уже будетъ посѣщать шинтоистскіе храмы (семья моего хозяина принадлежитъ къ вѣроученію Шинто, старинной религіи японцевъ), а, по понятіямъ японцевъ, всякое важное событіе въ жизни члена семьи (напр., совершеннолѣтіе, поступленіе на службу и пр.) влечетъ за собою почти всегда переимѣну прежняго имени. Семилѣтній Икеда—веселый, живой и рѣзвый мальчикъ, чрезвычайно комичный въ своемъ длинномъ халатѣ (киримонѣ), волочащемся до полу, и съ своей по японски обритою головою, круглою, какъ шарикъ, на блестящей и лоснящейся

поверхности которой презабавно торчатъ хохолки на темени и вискахъ, какъ здѣсь принято водить дѣтей. Сегодня онъ, впрочемъ, необыкновенно серьезенъ, благодаря предстоящей въ его жизни важной перемѣнѣ; но особенно его занимаетъ, конечно, не то, что его не будутъ уже звать больше Икедой, а этотъ маленькій полу-плащъ сине-желтаго цвѣта, который виситъ уже нѣсколько дней на колочкѣ, и въ торжественный день ему будетъ одѣтъ сверхъ халата, какъ это принято изстари здѣсь. Въ этотъ день мой хозяинъ даетъ, по обычаю, парадный обѣдъ, на который и я получилъ приглашеніе.

Остальные члены семьи состоятъ изъ двухъ дочерей и грудного ребенка.

Старшая дочь—дѣвушка лѣтъ пятнадцати—прошла уже всю школу японской дѣвической науки, и совсѣмъ уже свѣтская барышня: она недурно играетъ на «самизенъ» *), премило поетъ. одѣвается съ большимъ вкусомъ въ разноцвѣтные киримоны, но, какъ и большинство японскихъ дѣвицъ, слишкомъ ухаживаетъ за своей наружностью: бѣлится, красится и пудрится, непрерывно вынимая изъ рукава мягкую пуховку, которую она всегда носитъ при себѣ и съ которой никогда не разстается. Мое присутствіе нисколько ее не стѣсняетъ, и она весьма часто довершаетъ свой туалетъ, или исправляетъ недостатки его у меня на глазахъ. Но она дѣлаетъ это такъ мило, добродушно и просто, что, мало-помалу, и я перестаю видѣть въ этомъ что-либо предосудительное.

Младшая сестрица ея, восьмилѣтняя Ойяма, еще совсѣмъ ребенокъ. Она уже, впрочемъ, начала недавно учиться и каждый день посѣщаетъ ближайшую школу. Одѣта она съ такимъ же изысканнымъ вкусомъ, какъ и ея старшая сестра, которая тщательно слѣдитъ за ея костюмомъ и поведеніемъ.

Въ заключеніе слѣдуютъ еще двѣ особы (мужского и женскаго пола), семейнаго положенія которыхъ опредѣлить мнѣ никакъ не удастся. Въ общемъ, — это смирные, тихіе, кроткіе и услужливые люди.

Когда я наканунѣ подѣхалъ къ моей новой квартирѣ, то весь этотъ сонмъ домочадцевъ привѣтливо встрѣтилъ меня у порога, и всѣ съ такой горячей услужливостью кинулись водворять меня въ моему новому жилищѣ, что я былъ просто тронутъ. Дальше порога моей половины, однакожъ, никто не пошелъ, исключая хозяина, предоставляя мнѣ устраиваться по своему. Но зато сегодня, послѣ ванны, они всей гурьбой повалили за мной, съ любопытствомъ разглядывая нѣкоторыя вещи, которые

*) «Самизенъ» — нѣчто вроде гитары.

я успѣлъ уже вынуть изъ чемодана и, наконецъ, повели меня осматривать все свое хозяйство. Я описалъ уже домъ и потому говорить о немъ больше не буду; хозяйская половина ничѣмъ не отличается отъ моей, исключая того, что посреди комнаты стоитъ здѣсь переносная жаровня (очагъ), высотой въ полъ-аршина, наполненная золой и горящими древесными углями, да у одной стѣны имѣется небольшой лакированный шкапчикъ, въ которомъ разставлена въ образцовомъ порядкѣ вся микроскопическая посуда хозяевъ. Около очага сейчасъ нѣтъ никого, но обыкновенно здѣсь собирается вся семья; здѣсь же происходятъ всѣ семейныя совѣщанія и производятся всѣ домашнія работы.

Около дома имѣется маленькій садикъ, скорѣе игрушечный, чѣмъ настоящій. Японцы страстно любятъ природу и зелень, и во всей странѣ, даже въ самыхъ бѣдныхъ захолустьяхъ, вы не найдете ни одного домика, позади котораго не было бы большаго или маленькаго садика. Обыкновенно, эти сады переполнены широколиственными пальмами, тѣнистыми кленами, стройными, высокими и красивыми бамбуками и цѣлыми кучами кустарниковъ, съ небольшими и пестрыми цвѣтами. Но тамъ, гдѣ приходится дорожить мѣстомъ, нужно устраниваться въ предѣлахъ возможности. Мой хозяинъ находится въ такомъ же положеніи; мѣста подъ садъ у него было чрезвычайно мало, и нужно положительно удивляться той массѣ труда, энергіи, изобрѣтательности, кропотливости, которая оны вложила въ дѣло, чтобы создать тотъ восхитительный уголокъ, куда меня только-что ввели! Тутъ я нашелъ и крохотный гротикъ, и миниатюрный каналъ, и воздушный мостикъ, и карликовъ-кедровъ, и тѣнистую аллею, и даже фонтанъ-лилипуть. Все это было мило, красиво, изящно, говорило объ изысканномъ вкусѣ строителя, но, конечно, мало соответствовало нашимъ понятіямъ о садѣ.

Далѣе слѣдуетъ пристройка «го-доунъ», небольшая землянка, въ которой хозяинъ хранитъ свои вещи и драгоценности, въ предупрежденіе гибели ихъ отъ пожара, и на этомъ осмотръ нашъ кончается. Больше въ хозяйствѣ Йаматою нѣтъ ничего: ни амбара, ни сарая, ни погреба.

Когда я, наконецъ, расстаюсь съ своими любезными хозяевами, то Омаку-Санъ вновь напоминаетъ мнѣ о парадномъ обѣдѣ въ ознаменованіе важнаго событія, имѣющаго произойти въ жизни Икеды.

Въ полдень слѣдующаго дня меня приглашаютъ къ обѣду. Приходятъ гости, и я имѣю возможность на дѣлѣ познакомиться съ «японскими церемоніями».

Гости (ихъ являлось по нѣсколько заразъ) входятъ съ мнимой и притворной неувѣренностью, низко кланяясь и прижимая руки къ колѣнямъ, если это мужчины, или падая на колѣни и касаясь лбомъ земли, если это женщины. Хозяева, видимо тронутые вниманіемъ гостей, встрѣчаютъ ихъ очень вычурнымъ привѣтствіемъ.

— Благодаримъ васъ за то огромное удовольствіе, которое доставила намъ послѣдняя встрѣча съ вами, — говорятъ они, обращаясь къ гостямъ.

Гость не остается въ долгу и старается быть еще вѣжливѣе.

— Прошу вашего извиненія за мою грубость, невоспитанность и неделикатность, которой я васъ, вѣроятно, обидѣлъ тогда, — возражаетъ онъ имъ, не переставая униженно кланяться до самаго пояса.

— Какъ можете вы говорить это, когда я, а не вы, виноватъ въ томъ, что не оказалъ вамъ должнаго почтенія?—съ живостью прерываетъ его хозяинъ.

— Что вы?—возражаетъ ему гость, — вы дали мнѣ урокъ хорошихъ манеръ!..

— Но какъ могли вы снизойти до того, чтобы удостоить своимъ посѣщеніемъ мое убогое жилище, — не перестаетъ ломаться хозяинъ, корча при этомъ самую удивленную фізіономію.

— Напротивъ, я никогда не перестану удивляться вашей добротѣ и снисходительности, позволившей вамъ принять въ такомъ почтенномъ домѣ, какъ вашъ, такую ничтожную личность, какъ я, — возражаетъ гость, какъ будто не на шутку удивляясь этой невѣроятной снисходительности своего хозяина.

На этомъ почти всегда прекращается обычный церемональ привѣтствій.

Весь этотъ странный діалогъ сопровождается низкими поклонами и хрипѣніемъ ускореннаго дыханія, что должно служить признакомъ особаго усердія, въ которомъ каждая сторона, видимо, желаетъ превзойти другую. Раздается, наконецъ, заключительный возгласъ: «аригато!», что означаетъ: «милости просимъ!»—и гости переступаютъ порогъ дома.

Здѣсь они держатся сначала какъ бы церемонно и принужденно, но вскорѣ сбрасываютъ эту необходимую по этикету маску и становятся очень милыми, простыми и сообщительными людьми. Хозяинъ и хозяйка лѣзутъ изъ кожи вонъ, чтобы сдѣлать для своихъ гостей пріятнымъ пребываніе въ ихъ домѣ. Они занимаютъ ихъ съ такимъ умѣньемъ, радушіемъ и гостепріимствомъ, что имъ могла бы позавидовать любая европейская салонная дама. Имъ показываютъ различныя вещи: альбомы, рѣдкости, фотографиче-

скіе снимки, картины; гости усердно разсматриваютъ, испуская возгласы удивленія вкусу и выбору хозяевъ, ибо, по японскому этикету, принято обнаруживать большой интересъ въ этихъ случаяхъ.

Наконецъ, начинается обѣдъ.

Гости рассаживаются въ кружокъ на циновкахъ, не переставая весело и оживленно болтать, между тѣмъ какъ хозяйка и ея дочери не перестаютъ подавать намъ всевозможныя блюда.

Сначала подаются на лакированномъ табуретѣ (деревянномъ или изъ папье-маше) чашки, наполненныя супомъ и вареною рыбой. Супъ приходится пить прямо изъ чашекъ, а рыбу, вмѣсто вилокъ и ножей, употребленія которыхъ японцы не знаютъ, нужно ѣсть двумя чистыми лакированными палочками цилиндрической формы. Управляться этими орудіями мнѣ въ высшей степени трудно; по крайней мѣрѣ, мнѣ ни разу не удается доносить пищи до рта и почти всегда приходится ловить ее на лету руками. Но японцы замѣчательно выдержаны и тактичны: они и вида не показываютъ, что отъ нихъ не ускользаетъ мое замѣшательство, вызываемое каждый разъ моими неудачными опытами, и продолжаютъ болтать, какъ ни въ чемъ не бывало, удивительно ловко управляясь этими своеобразными вилками, которыя они пускаютъ въ ходъ, держа ихъ лишь двумя пальцами—указательнымъ и безымяннымъ—своей правой руки. Послѣ супа подается еще длинный рядъ разнообразныхъ блюдъ въ микроскопическихъ дозахъ: дичь, корни какой-то лиліи, морская капуста «джинь-жанъ», трепанги *), еще какіе-то супы—всего подано было, кажется, до пятнадцати блюдъ. Въ заключеніе подали неизбѣжное «кэри». «Кэри» — это крутая рисовая каша, облитая крѣпчайшимъ соусомъ, называемымъ «сойей», съ прибавкой тонкихъ ломтиковъ мяса. Когда возьмешь это блюдо въ ротъ, то оно буквально обжигаетъ, какъ раскаленнымъ желѣзомъ. Соя готовится изъ пшеницы, бобовъ, поваренной соли и воды, и въ полузакрытой кадкѣ вся эта смѣсь бродитъ отъ 1½ до 5 лѣтъ! Еще на пароходѣ мнѣ сообщили туземную поговорку насчетъ сои: японцы говорятъ, что «соя тѣмъ лучше, чѣмъ больше утонетъ въ ней крысъ, пока она готовится на фабрикѣ». При извѣстномъ обиліи крысъ въ Японіи, это слишкомъ похоже на правду. Кушанье это пріѣлось мнѣ еще, когда я плавалъ изъ Владивостока въ Японію на японскомъ пароходѣ «Сат-

*) Трепанги—это длинныя черви, толщиною въ полъ-пальца; они считаются большимъ лакомствомъ у японцевъ, какъ и у китайцевъ. Даже нѣкоторымъ русскимъ путешественникамъ они очень нравятся. Меня, однакоже, стошнило отъ нихъ. Авторъ.

сума-мару» и въ отелѣ «Belle-vue» (въ Нагасаки). Оно очень остро и пикантно на вкусъ, но, послѣ того, понятно, какъ я узналъ секретъ приготовления сои, я уже не прикасался къ этому блюду.

Къ десерту поданы были фрукты, душистый чай въ великолѣпныхъ фарфоровыхъ чашкахъ, величиной съ наперстокъ и, наконецъ, въ большомъ лакированномъ ящикѣ ароматичный японскій табакъ, состоящій изъ тончайшихъ волоконъ, которыми тутъ же набили свои трубки всѣ сидѣвшіе за столомъ, не исключая подростковъ обоого пола и женщинъ. Послѣ этого молодежь и дамы съ хозяйкой отправились въ садикъ гулять, а мужчины остались тутъ же и продолжали пить «саки» *), которую еще раньше, во время обѣда, подавали всѣмъ въ фарфоровыхъ изящныхъ посудахъ-флаконахъ. Каждому изъ обѣдавшихъ поданъ былъ передъ этимъ сосудъ съ чистой водой и микроскопическая чашка, емкостью не больше столовой ложки. «Саки» — очень крѣпкій и острый напитокъ и подается всегда теплымъ.

Слѣдуя японскому этикету, нужно выпить первую чашку этого горячительнаго напитка за здоровье хозяевъ, а потомъ за здоровье гостей—поочередно. Для этого нужно выпить ее, произнося по-японски «банзай» («ваше здоровье!»), поднести ее затѣмъ къ своему лбу и съ низкимъ поклономъ передать ее тому лицу, за здоровье котораго вы пьете. Онъ, въ свою очередь, продѣлываетъ съ вами ту же церемонію. Японцы-мужчины любятъ при случаѣ выпить, и пиръ затягивается, обыкновенно, до глубокой ночи.

Глядя на это малорослое общество—японцы отличаются крайне невысокимъ ростомъ, — на эту массу микроскопическихъ чашекъ, флаконовъ, блюдецъ, чайниковъ и, наконецъ, на эти микроскопическія блюда, годныя, каждое въ отдѣльности, развѣ только для лиллипутовъ или грудныхъ дѣтей, — мнѣ какъ-то невольно казалось, что я попалъ въ общество взрослыхъ дѣтей, играющихъ въ маленькое хозяйство и употребляющихъ пищу больше для забавы, чѣмъ для утоленія голода. Но эти «взрослыя дѣти» дали мнѣ здѣсь же доказательство такого огромнаго такта и деликатности, какими похвалиться могутъ не всегда и европейцы.

Многіе изъ бывшихъ на обѣдѣ гостей видѣли меня здѣсь впервые, знали, что я иностранецъ, изъ любопытства поселившійся въ японской семьѣ, но ничѣмъ не обнаружили не только вазойливости, но даже вполне естественнаго любопытства. Они приняли меня совершенно какъ стараго знакомаго, смотрѣли сквозь пальцы на частое, по невѣдѣнію, нарушеніе мною японскаго этикета, и какъ

*) «Саки» или «саке» — рисовая водка.

будто не замѣчали тѣхъ частыхъ курьезовъ, которые происходили со мной во время обѣда или отъ незнанія ритуала, или отъ неумѣнья обращаться съ нѣкоторыми вещами. Словомъ, я здѣсь не только не встрѣтилъ такого назойливаго любопытства, съ какимъ еще недавно меня окружали корейцы въ Фузанѣ, и впоследствии индусы на Цейлонѣ, арабы въ Аденѣ, сомалійцы въ Перимѣ, и даже китайцы въ Шанхаѣ и Гонгъ-Конгѣ, а имѣлъ здѣсь дѣло съ людьми, вполне благовоспитанными и приличными.

Въ заключеніе еще одна характерная подробность, рисующая нравы японцевъ.

Во время обѣда, когда подавались наиболѣе вкусныя блюда, нѣкоторые гости забирали съ собою все, что имъ нравилось больше всего, и чего они не могли, однако же, тутъ же съѣсть, и клали въ свои широкія рукава, вынувъ оттуда предварительно нѣсколько листовъ тонкой японской бумаги, которую они всегда носятъ при себѣ, употребляя ее вмѣсто носовыхъ платковъ и салфетокъ,—и завернули въ нее эти обѣдки.

Какъ рассказывали мнѣ позже, японцы не измѣняютъ этого обычая даже тогда, когда имъ приходится обѣдать у иностранцевъ *).

Европейцамъ, живущимъ въ Японіи, памятенъ еще надѣлавшій въ свое время столько шума случай на официальномъ обѣдѣ у представителя Англій, лорда Эльджина, данномъ имъ уполномоченнымъ японскаго императора. Когда уполномоченные микадо, по окончаніи обѣда, передъ отъѣздомъ домой, стали вдругъ торопливо завертывать въ бумажки оставшіяся у нихъ на тарелкахъ обѣдки ветчины и колбасы и класть ихъ въ рукава, имѣя въ виду показать дома, чѣмъ ихъ угощали у англійскаго лорда, то послѣдній и вся его свита были такъ поражены этимъ необычнымъ инцидентомъ, что даже, говорятъ, забыли проводить своихъ гостей до порога дверей, чѣмъ нанесли тяжкую обиду самолюбивымъ и вѣжливымъ японцамъ. Послѣ, говорятъ, лорду дали даже понять, что онъ не только не долженъ былъ обнаружить своего удивленія по поводу «обыкновеннаго» поступка японскихъ вельможъ, но, наоборотъ, по японскому этикету, ему слѣдовало бы выразить крайнее удовольствіе, что его трапезѣ дѣлаютъ подобную честь и постараться навязать имъ еще кое-что изъ тѣхъ блюдъ, которыя они не успѣли съ собою захватить...

Далеко уже минуло за полночь, когда гости, значительно повеселѣвшіе отъ обильныхъ возліяній «саки», начали расходиться такъ же церемонно, какъ и пришли.

*) Рассказъ этотъ относится, впрочемъ, лишь къ людямъ низшихъ классовъ японскаго общества, хранящихъ еще старинные обычаи.

ГЛАВА II.

Вліяніе японской обстановки.—«Чайная церемонія».—«Ча-ной-ю».—Исторія Сен-но-рикю.—Японскій языкъ.—Ойама.—Трудность языка.—Горе Ойамы.—Японская азбука.—Письмо.—«Кана».—Японская школа.—Внѣшность.—Внутренній видъ.—Суговара Мичизанѣ.—Школьные порядки.—Взгляды японскаго педагога.—«Дженгъ».—Шутки злого духа.—Омидзе.—Комплиментъ.—Романъ Ивайи.—Своеобразные нравы и взгляды.—Отсутствіе «стыдливости».—Экспромтъ Омидзе.—Возвращеніе съ прогулки.

Два-три дня, проведенныхъ мною въ семьѣ Йоматойо, начинаютъ уже замѣтно вліять на перемѣну моихъ долготѣнныхъ привычекъ. Я хожу въ «киримонѣ», хотя до того никогда въ жизни даже не прикасался къ халату, курю японскую длинную трубку, набитую щепоткой ароматичнаго японскаго табаку, хотя раньше привыкъ курить только папиросы; сижу по-японски (на корточкахъ) на цыновкѣ, кое-какъ управляюсь уже съ извѣстными читателямъ двумя лакированными палочками, употребляемыми здѣсь вмѣсто ножей, вилокъ и ложекъ, и даже немного свыкаюсь съ порядками въ ванной. Единственная вещь, къ которой я никакъ не могу привыкнуть,—это мѣстная обувь—сандаля; они рѣжутъ мнѣ большой палецъ ноги; натираютъ нарывы на немъ, падаютъ съ ногъ; я спотыкаюсь въ нихъ, падаю, цѣпляюсь и не могу сдѣлать ни одного благополучнаго шага. Въ концѣ-концовъ я рѣшаюсь разстаться съ ними и вновь одѣваю ботинки. Но что мнѣ особенно нравится, такъ это душистый японскій чай, который пьютъ здѣсь безъ сахара, а иногда съ леденцами и печеньями.

Пить чай, и особенно готовить его,—это въ «Странѣ Восходящаго Солнца» дѣло въ высшей степени сложное. Существуетъ даже здѣсь особая наука, обязательная для всякой японской дѣвушки, такъ и называемая «чайной церемоніей», или «ча-ной-ю» по японски; безъ знанія «ча-ной-ю», образованіе японской дѣвушки неполно, и она, навѣрное, можетъ разсчитывать въ этомъ случаѣ возбудить смѣхъ и негодованіе всѣхъ своихъ многочисленныхъ сосѣдокъ и остаться навѣкъ старой дѣвой. Употребленіе чая извѣстно въ странѣ еще съ XV в., но, когда введена была эта «чайная церемонія» и, что послужило причиной ея введенія въ обиходъ,—это вопросъ, о которомъ, кажется, до сихъ поръ спорятъ японскіе историки. Достоверно лишь то, что обычай этотъ введенъ и установленъ въ странѣ въ эту же эпоху знаменитымъ японскимъ меценатомъ и поклонникомъ искусства и литературы,—Ю-ши-мазою, который, говорятъ, устраивалъ эти чайныя церемоніи съ большою пышностью и блескомъ, въ специально-воздвигнутомъ имъ для этой

цѣли роскошномъ дворцѣ, называемомъ «джинъ-ка-ку» (серебряный павильонъ), завѣщанномъ имъ въ послѣдствіи монахамъ Шококуджи съ обязательствомъ хранить этотъ обычай навѣки. Монастырь этотъ существуетъ въ Японіи еще и по настоящее время. Японцы высказываютъ предположеніе, что эта церемонія введена здѣсь въ странѣ съ цѣлью поднять уваженіе къ этому «благодѣтельному и полезному напитку», распространить его культуру въ странѣ, и тѣмъ отвлечь отъ употребленія «саки», т.-е. рисовой водки. Въ прежнее время существовали здѣсь для этой цѣли даже особые сановники, главной обязанностью которыхъ было наблюденіе за чайными церемоніями и приготовленіемъ чая. Одинъ изъ такихъ сановниковъ, нѣкій Сен-но-рикіу, собралъ воедино всѣ, такъ сказать, чайные обычаи и превратилъ ихъ въ законъ, обязательный для всѣхъ, составивъ самый суровый ритуалъ на сей случай. Этотъ сложный, запутанный и трудный ритуалъ въ мало-измѣненномъ видѣ сохраняется здѣсь и понынѣ, и изученіе его подрастающимъ женскимъ поколѣніемъ такъ же обязательно, какъ и обученіе грамотѣ. Всѣ подробности этой церемоніи уловить европейцу на первый взглядъ не легко, такъ какъ вся она состоитъ, какъ будто, только въ томъ, чтобы въ извѣстномъ порядкѣ принимать извѣстныя позы, извѣстнымъ образомъ растереть въ порошокъ чайный листъ, заварить, взбить до пѣны бамбуковыми палочками, налить въ чашки, гостю подать, ко рту поднести, прикоснуться къ чайнику и т. д. Вся эта церемонія начинается обыкновенно торжественнымъ омовеніемъ рукъ, причемъ героиня церемоніи произноситъ на-распѣвъ какія-то таинственные слова. Какъ бы то ни было, но чай, въ концѣ-концовъ, становится замѣчательно вкуснымъ, а граціозныя движенія заправляющей церемоніей Омидзе, дѣлаютъ его еще болѣе вкуснымъ. Къ тому же, сегодня Омидзе особенно постаралась: къ ней явилось въ гости нѣсколько подругъ, съ затаенной ревностью слѣдящихъ за каждымъ ея движеніемъ, и по ихъ восхищеннымъ блестящимъ глазамъ, я видѣлъ, что моя молодая хозяйка отличалась на славу.

Любопытно, конечно, знать, на какомъ языкѣ объясняюсь я въ этой японской семьѣ. Прежде всего, говоримъ мы, безъ сомнѣнія, по-англійски. Англійское вліяніе здѣсь велико, и англійскимъ языкомъ въ большей или меньшей степени, владѣютъ здѣсь почти всѣ приморскіе жители, такъ какъ англичанинъ, гдѣ бы онъ ни былъ, «не желаетъ говорить ни на какомъ языкѣ, кромѣ языка своей родины». Къ чести японцевъ, я долженъ сказать, что англичане говорятъ въ обращеніи съ ними на чистѣйшемъ англій-

скомъ языкѣ, а не на томъ англо-китайскомъ жаргонѣ («пичингъ-инглишъ»), который они употребляютъ вездѣ на Востока въ общеніи съ людьми низшей расы, какими они считаютъ туземцевъ въ своихъ индійскихъ колоніяхъ и даже сыновъ «Небесной Имперіи»—въ Китаѣ.

Кромѣ того, я начинаю учиться говорить по-японски. Учителемъ служить мнѣ «мой» курума, навѣщающій меня ежедневно, и восьмилѣтняя Ояма.

Каждый день по утрамъ, приблизительно въ 7 или 8 ч., она приходитъ ко мнѣ и будить меня японскимъ привѣтствіемъ:

— *Оайю-юзаримасу! Тайтей шичиджи-десу! Оташа десука!.. Оссо-суита!..*

Я уже понимаю, что это значить: «Доброе утро! какъ поживаете? Уже очень поздно, давно пробило семь часовъ!» и, въ не менѣе изысканныхъ выраженіяхъ, благодарю ее по японски:

— *Корева гай-джимете омени какаримасу!*

Часто выходятъ у насъ qui-pro-quo; Ояма заливается хохотомъ, и мнѣ стоитъ большого труда унять ее. Оказывается, что я сказалъ почти всю фразу вѣрно, но въ послѣднемъ словѣ измѣнилъ удареніе, и отъ этого фраза получаетъ часто совсѣмъ нежелательный смыслъ и значеніе.

Японскій языкъ очень труденъ, и выучить его иностранцу въ короткое время почти невозможно, хотя онъ и значительно, все-таки, легче китайскаго. Главнымъ камнемъ преткновенія являются здѣсь ударенія. По общему мнѣнію живущихъ здѣсь европейцевъ, къ которому и я всецѣло присоединяюсь, въ японскомъ языкѣ нѣтъ и намекъ на присутствіе какого бы то ни было тоническаго ударенія; по крайней мѣрѣ, сколько я ни прислушивался къ рѣчи моихъ соквартирантовъ, оно ничѣмъ не обнаруживается себя. Тѣмъ не менѣе, японцы увѣряютъ, что такимъ удареніемъ языкъ обладаетъ, хотя оно и крайне незамѣтно для слуха европейца, и что оно достигается чуть-замѣтнымъ повышеніемъ тона въ нужныхъ случаяхъ. Бѣда вся только въ томъ, что это «чуть замѣтное повышеніе тона» существенно вліяетъ на смыслъ фразы или слова,—и это заставляетъ меня иногда терять всякую надежду выучить хоть бы необходимыя разговорныя фразы. Наконецъ, я вспоминаю, что еще Эме Гюмберъ подмѣтилъ, что въ японскомъ языкѣ все сводится къ утверженію («аримасъ»), отрицанію («аримаска») и вопросу («аримасенъ»), и что стоитъ только къ любому слову присоединить, глядя по надобности, одну изъ трехъ указанныхъ выше частицъ, чтобы быть въ большей или меньшей степени понятымъ. Я начинаю храбро лѣпить по этому рецепту цѣ-

лыя фразы и добиваюсь блестящихъ результатовъ: понятливые и сообразительные собесѣдники почти всегда понимаютъ, въ чемъ дѣло.

...Сегодня засталъ я свою маленькую учительницу заплаканую и въ большомъ горѣ. Она только надняхъ начала посѣщать школу, и японская азбука является для нея такой же китайской грамотой, какъ и для меня.

Японскій языкъ, строго говоря, не знаетъ азбуки въ нашемъ значеніи этого слова. Въ немъ нѣтъ, какъ въ европейскихъ языкахъ, знаковъ, которые служили бы для обозначенія каждаго отдѣльнаго звука, а существуетъ лишь сорокъ семь знаковъ, называемыхъ «кана», для обозначенія сорока семи отдѣльныхъ слоговъ. Но такъ какъ слоги сами по себѣ въ высшей степени разнообразны и многочисленны, то словообразованію съ помощью одной этой системы «кана» приходитъ на помощь особенная система интонацій, которая одно и то же слово, при условіи различнаго произношенія, ударенія и т. д., дѣлаетъ совершенно различнымъ по значенію. Оттого-то такъ трудно научиться японскому языку, особенно читать и писать. Но, все-таки, это ничто въ сравненіи съ тѣми многими тысячами китайскихъ гіероглифовъ, которые являются прототипомъ и родоначальникомъ японской «кана». Не говоря уже о томъ, что запомнить изображенія и начертанія, самого по себѣ очень сложнаго и запутаннаго, этой огромной массы гіероглифовъ, нѣтъ никакой возможности для обыкновеннаго человека, не желающаго или не имѣющаго возможности посвятить этому серьезному и упорному труду рядъ долгихъ лѣтъ,—здѣсь приходится имѣть дѣло съ препятствіемъ особаго рода.

Дѣло въ томъ, что, въ силу особенностей китайской азбуки, вы не можете узнать гіероглифа до тѣхъ поръ, пока не услышите его звука; вотъ почему здѣсь всегда читаютъ книги или газеты (въ которыхъ встрѣчаются еще китайскія буквы) вслухъ и нараспѣвъ. Обыкновенно съ этого же начинаютъ здѣсь и изученіе чтенія и письма «кана».

Маленькая Ояма великолѣпно выучила наизусть всѣ сорокъ семь названій «кана», которыя здѣшніе педагоги даютъ сначала учить не въ видѣ отдѣльныхъ литеръ, а въ видѣ четверостишія, такъ удачно подобранаго, что оно заключаетъ въ себѣ всѣ слоги «кана», но, когда она приступила къ изученію письма, то ей сразу представилась масса почти непреодолимыхъ трудностей, начиная съ приготовленій орудій для письма.

Здѣсь пишутъ, какъ извѣстно, кисточкой и тушью, и, при сложномъ, запутанномъ японскомъ письмѣ «кана», изображеніе отдѣль-

ныхъ слоговъ котораго часто отличается одно отъ другого едва уловимыми чертами и штрихами, требуется особенная ловкость и снаровка въ пользованіи кисточкой и особенное умѣнье приготовить растворъ туши, который долженъ получаться вездѣ равномернымъ, безъ сгустковъ, чтобы получить надлежащіе знаки. Положимъ, здѣсь существуетъ для этого и особый приборъ, котораго мнѣ нигдѣ не приходилось видѣть у нашихъ чертежниковъ, позволяющій доводить эту операцію до возможнаго совершенства: приборъ этотъ состоитъ изъ каменной, часто мраморной дощечки, отъ одного края которой имѣется небольшой, чуть замѣтный уклонъ къ другому, что способствуетъ естественному стоку излишней воды и равномерности остающагося на первой половинѣ раствора. Все-таки для восьмилѣтней дѣвочки это дѣло нелегкое. Я пробовалъ, было, помочь ей, но результаты получились еще хуже и я оказался совершенно безсильнымъ...

Крайне заинтересованный исходомъ этого происшествія, я предложилъ ей, вмѣстѣ со мной, отправиться на другой день въ школу къ учителю, попросить его содѣйствія и указаній. Но маленькая Ояма и слышать сначала не хотѣла объ этомъ, не изъ страха передъ учителемъ, а изъ самолюбія, какъ раньше она по тѣмъ же соображеніямъ отказалась отъ предложенной ей братомъ и сестрой помощи. Но, когда я попросилъ ее сдѣлать это «для меня», то она тотчасъ же согласилась, осушила слезы и сейчасъ же начала прыгать, щебетать и кружиться, какъ будто всего этого маленькаго японскаго горя и не бывало.

Такую внезапную перемену она мнѣ тутъ же по наивности и разъяснила: исполнить просьбу «чужого человѣка»—это для Оямы очень пріятно, и «чужой человѣкъ» не долженъ имѣть дурныхъ мыслей о маленькой Оямѣ; ей весело, потому что «чужой человѣкъ» доволенъ ея согласіемъ.

Когда мы на другой день отправлялись съ нею въ ближайшую школу, маленькая Ояма была такъ весела, какъ будто мы шли на какую-нибудь увеселительную прогулку, а не въ школу, гдѣ, по мнѣнію маленькой Оямы, она должна была подвергнуться величайшему позору — сознанію своего безсилія передъ какой-нибудь «кана». И все это дѣлалось для того, чтобы «чужой человѣкъ» былъ доволенъ и не имѣлъ «дурныхъ мыслей» о маленькой Оямѣ, «будто ей непріятно исполнить его просьбу». Какой замѣчательный тактъ и благовоспитанность у маленькаго ребенка!

Признаюсь, мнѣ даже жадко стало пользоваться ея безконечнымъ самопожертвованіемъ и природной, чисто-японской деликат-

костью, и если бы не сильное желаніе посмотрѣть японскую школу, я охотно вернулся бы домой.

Между тѣмъ, маленькая Ояма храбро и беззаботно распѣвала японскую пѣсенку, которую ей накануне задали въ школѣ, для ознакомленія съ названіями всѣхъ сорока семи слоговъ «кана».

Вотъ переводъ этой пѣсенки:

Исчезаетъ цвѣтъ и запахъ:—
 Постоянства въ мірѣ нѣтъ.
 Что же можетъ въ нашемъ мірѣ
 Постояннымъ, вѣчнымъ быть?

—
 Каждый день уходитъ въ вѣчность,
 Каждый день подобенъ сну:
 Онъ уходитъ незамѣтно,
 Не оставивъ въ насъ тревогъ...

Это то самое четверостишіе, въ которомъ удачно подобраны всѣ слоги «кана», которое даютъ здѣсь дѣтямъ учить наизусть для ознакомленія съ ними. Этимъ четверостишіемъ начинается обыкновенно здѣсь ученье.

Наконецъ, мы пришли въ школу, интересовавшую меня еще и потому, что это была одна изъ школъ, посѣщеніе которыхъ *обязательно* для всѣхъ дѣтей 6—10-лѣтняго возраста. Въ этихъ школахъ преподаютъ основныя понятія о нравственности, чтеніе, письмо, ариметику, гимнастику, а въ нѣкоторыхъ также рукодѣліе и пѣніе.

Школьное зданіе, по своему наружному виду, ничѣмъ не отличалось отъ прочихъ японскихъ домовъ, какихъ я уже не мало видывалъ здѣсь раньше.

День былъ солнечный, жаркій, и почти всѣ раздвижныя рамы стѣнъ, затянутыя масляной бумагой, были задвинуты. Оконъ и дверей, по обыкновенію, не было, и когда мы съ Оямой ступили внутрь, оставивъ предварительно ботинки и сандалія у порога, то сначала почти ничего не могли рассмотреть, благодаря царившему здѣсь полусвѣту.

Насъ встрѣтилъ пожилой японецъ, въ національномъ костюмѣ и огромныхъ круглыхъ очкахъ на носу. Узнавъ о цѣли моего посѣщенія, онъ привѣтливо пожалъ мнѣ руку, по-европейски, и пригласилъ меня сѣсть на стоявшій здѣсь единственный низенькій табуретъ, на которомъ возсѣдалъ до моего прихода онъ самъ.

Попросивъ его не прерывать занятій съ многочисленной аудиторіей, состоявшей изъ мальчиковъ и дѣвочекъ шести—восьми-лѣтняго возраста, числомъ до двадцати, — я съ любопытствомъ сталъ оглядываться по сторонамъ, между тѣмъ, какъ

моя спутница, отвѣсивъ учителю глубокой поклоны, какъ это требуется по японскому этикету, усѣлась на свое мѣсто.

Внутреннее убранство школы поражаело своей оригинальностью. Полъ былъ весь устланъ циновками, содержать которыя въ образцовой чистотѣ, какой онѣ здѣсь отличались, было тѣмъ легче, что вся публика сидѣла въ однихъ чулкахъ. На полу ровными рядами расположились ученики около маленькихъ табуретокъ и низенькихъ конторокъ, снабженныхъ всѣми необходимыми письменными принадлежностями, т.-е. приборомъ для разведенія туши, кисточкой, пачками мягкой японской бумаги, линейками и книгами. Кромѣ моей табуретки, конторокъ и ученическихъ табуретокъ, никакой другой мебели въ школьной комнатѣ не было. Я невольно обратилъ вниманіе на манеру, съ которой держали себя здѣсь ученики. Я не замѣтилъ въ нихъ и тѣни растерянности, забитости и страха передъ учителемъ; всѣ глядѣли весело и бодро, и держали себя такъ же непринужденно и просто, какъ у себя дома.

На стѣнахъ (постоянныхъ, деревянныхъ здѣсь было всего двѣ, остальные, по обыкновенію, раздвигались) висѣло нѣсколько портретовъ: нынѣшняго императора Японіи, Мутсу-Гито, министра народнаго просвѣщенія и еще нѣсколькихъ другихъ, среди которыхъ мое вниманіе остановилъ на себѣ портретъ одного въ высшей степени интереснаго японца, въ костюмѣ, какого нынѣ здѣсь уже не носятъ. Замѣтивъ мое любопытство, учитель обязательно далъ мнѣ соотвѣтствующія разъясненія.

Портретъ изображалъ знаменитаго въ Японіи Суговара Мичизанэ, одной изъ выдающихся и интереснѣйшихъ личностей этой страны. Мичизанэ былъ родоначальникомъ цѣлаго ряда поколѣній, которыя, на протяженіи длиннаго ряда вѣковъ—отъ IX в. и до нашихъ дней—отличались исключительно на поприщѣ науки и литературы, сдѣлавшихся, такъ сказать, наследственной профессіей этого замѣчательнаго рода. Самъ родоначальникъ его, Суговара Мичизанэ—блестящій знатокъ китайской литературы (въ его время китайскій языкъ былъ ученымъ языкомъ всего востока)—былъ въ свое время воспитателемъ и учителемъ императора Уда *), пользовался у него огромнымъ вліяніемъ, которое употреблялъ исключительно на дѣло развитія образованія и просвѣщенія въ народѣ, и заслужилъ такое довѣріе со стороны императора, что ему было разрѣшено оказывать, по своему усмотрѣнію, денежную поддержку изъ правительственныхъ суммъ всѣмъ, которые лишены были воз-

*) Замѣчательное совпаденіе: въ шестидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія, т.-е. спустя десять вѣковъ, двое потомковъ Мичизанэ были воспитателями молодого императора, нынѣ царствующаго Мутсу-Гито.

возможности учиться въ высшемъ учебномъ заведеніи страны. При воцареніи новаго императора, онъ былъ удаленъ въ ссылку на островъ Кіу-Сіу, гдѣ вскорѣ и умеръ (въ 903 г.). Безвѣстная смерть въ тяжелой ссылкѣ этого знаменитаго человѣка вызвала недовольство въ народѣ, и, вскорѣ послѣ его смерти, слѣдующій микадо причислилъ его къ лику святыхъ, подѣ именемъ Тенъ-джина **), и онъ и понынѣ считается патрономъ ученыхъ и учащихся.

Благодарная память потомства сохранила воспоминаніе о его великихъ заслугахъ передъ страной и по настоящее время; по распоряженію японскаго правительства, портретъ его помѣщается нынѣ во всѣхъ школахъ, содержимыхъ на счетъ министерства народнаго просвѣщенія, какъ портретъ человѣка, «который долженъ служить идеаломъ для учащагося поколѣнія». Кромѣ того, 25-й день каждаго мѣсяца всѣ школы устраиваютъ празднества въ честь Мичизанэ, а 25-е іюня каждаго года память его чествуется общественымъ праздникомъ «Матсури».

Между тѣмъ, занятія въ школѣ продолжали идти своимъ чередомъ: шелъ урокъ чистописанія (это, какъ читателямъ уже извѣстно изъ предыдущаго, одинъ изъ самыхъ трудныхъ предметовъ для начинающихъ учениковъ), и ученики и ученицы безшумно водили своими кисточками по бумагѣ. Всѣ они еще недавно начали учиться въ школѣ, и потому успѣхи были не блестящи; но по сверкающимъ глазенкамъ всей этой маленькой группы, свободно и живописно расположившейся на корточкахъ, какъ кому поудобнѣе, видно было, что они очень увлечены своей работой и изъ силъ выбиваются, чтобы возможно болѣе четко вывести на бумагѣ какую-нибудь замысловатую букву. Сосѣди ежеминутно заглядывали другъ другу въ тетрадки, горячо спорили изъ-за какого-нибудь штриха или черточки, сравнивали тутъ же, не сходя съ мѣста, свои работы, остряли надъ какимъ-нибудь неправильно выведеннымъ хвостикомъ, и порою здѣсь стоялъ оживленный говоръ, смѣхъ и веселье; звонкій и задорный голосокъ Ойамы покрывалъ часто голоса всей школьной оравы.

Къ моему удивленію, учитель не только не вскакивалъ съ мѣста для водворенія порядка и прекращенія «списыванія», но, напротивъ, принималъ самое дѣятельное участіе въ возникающихъ спорахъ и пререканіяхъ товарищей, и смотрѣлъ сквозь пальцы на весь этотъ шумъ, добродушно, съ комическимъ видомъ, затыкая себѣ уши лишь тогда, когда становилось уже слишкомъ шумно

**) Въ Японіи, какъ я уже упоминалъ выше, существуетъ обычай мѣнять имя въ ознаменованіе всякаго событія.

въ классѣ. Аудиторія въ этихъ случаяхъ моментально умолкала, и я слышалъ, какъ по рядамъ учениковъ пробѣгалъ укоризненный шепотъ.

Замѣтивъ мое недоумѣніе, вызванное этими непривычными для меня школьными порядками, учитель, улыбнувшись, сказалъ мнѣ, что теперь еще тихо, такъ какъ его буйная молодежь нѣсколько стѣсняется присутствія иностранца; въ обыкновенное же время бываетъ еще шумнѣе и оживленнѣе.

— Видите ли, — замѣтилъ онъ дальше, — моя система, какъ и большинства японскихъ педагоговъ, заключается въ томъ, чтобы дать свободно развиваться дарованію и способностямъ cadaго, — это во-первыхъ; не насиловать ихъ — это во-вторыхъ; дать свободу взаимному соревнованію — это въ-третьихъ. Кромѣ того, — добавилъ онъ, — вѣдь я долженъ помнить, что я здѣсь не начальникъ, которому родители отдали подъ надзоръ своихъ дѣтей, а учитель. т.-е., что я являюсь здѣсь въ качествѣ челоѣка, болѣе ихъ значащаго и свѣдущаго, — и только. Зная это, я и стараюсь исключительно о томъ, чтобы всѣми возможными средствами вызвать въ нихъ интересъ къ ученію и поставить себя въ такія отношенія съ ними, чтобы они, не стѣсняясь, откровенно обращались ко мнѣ за всякимъ разъясненіемъ.

— А приходится вамъ ихъ когда-нибудь наказывать? — спросилъ я учителя.

— Да! и очень часто; мое наказаніе состоитъ въ томъ, что я заявляю имъ о своемъ неудовольствіи; обидѣтъ или не послушать старшаго считается у насъ большимъ грѣхомъ, и на бѣднаго ребенка просто жалко смотрѣть: это для него худшее наказаніе.

— Много ли у васъ плохихъ учениковъ? — спросилъ я учителя.

— У меня плохихъ вовсе нѣтъ; японская поговорка гласитъ: если плохъ ученикъ — значитъ, плохъ учитель; нужно только умѣть заинтересовать ребенка ученіемъ, и онъ будетъ учиться, сколько можетъ.

Недоразумѣніе маленькой Ойамы было скоро улажено: она сіяла отъ удовольствія, и мы вскорѣ отправились домой.

Д. И. Шрейдеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЮНЫЕ АМЕРИКАНЦЫ.

Очеркъ Сары Гутцлеръ.

Разнощикъ.

Онъ былъ младшимъ, — и его немножко избаловали. Изъ многихъ преимуществъ, завоеванныхъ имъ, самое главное было право ворчать. Онъ ворчалъ ловко и успѣшно, такъ какъ даже мы, старшіе братья и сестры, настолько привыкали къ его брюзжанью, что не смѣли ни дразнить его, ни шутить съ нимъ, какъ бываетъ обыкновенно въ семьѣ. Ему минуло четырнадцать лѣтъ, когда онъ, по своему обыкновенію, коротко и ясно объявилъ за завтракомъ о своемъ намѣреніи бросить школу и начать зарабатывать свой хлѣбъ насущный. За его рѣшительнымъ заявленіемъ наступило молчаніе. Всѣ мы взглянули на отца, сидѣвшаго въ концѣ стола, и читавшаго утреннюю газету, прихлебывая кофе. Взоры нашей робкой матери со страхомъ обратились на отца; въ нихъ виденъ былъ ужасъ. Но это было напрасно. Отецъ тихо сложилъ газету, поднесъ ко рту чашку съ кофеемъ и выпилъ ее, затѣмъ съ обычнымъ ему задумчивымъ движеніемъ сдвинулъ съ лысаго лба очки на глаза, и безъ малѣйшей тѣни удивленія спросилъ:

— Желаетъ ты получить мое одобреніе, или совѣтъ?

— Только позволеніе.

— Его ты имѣешь.

Прошла недѣля. Повидимому, нашъ Робертъ нашелъ какое-то дѣло; онъ уходилъ изъ дому рано поутру и возвращался поздно вечеромъ, очевидно, сильно усталымъ. Не бойся мы его воркотни, мы непременно спросили бы его, какого рода дѣятельность онъ нашелъ? Въ субботу явилось доказательство, что мальчиѣ сталъ добывать средства существованія. Вечеромъ отецъ собирался пойти въ клубъ, гдѣ онъ любилъ играть въ карты, вдругъ въ комнату

вошелъ нашъ Робертъ и положилъ нѣсколько долларовъ на обѣденный столъ.

— Я принесъ свое содержаніе (board). (Въ американскихъ семьяхъ каждый самостоятельный мальчикъ, даже изъ зажиточнаго класса, вноситъ плату за свое содержаніе). Самостоятельность нашего Роберта смѣшила насъ. Онъ говорилъ съ натянутымъ равнодушіемъ и сопровождалъ свою рѣчь такими вызывающими жестами, что мы едва удержались отъ смѣха, видя, какъ въ его выразительномъ лицѣ проглядывалъ задоръ. Такъ какъ всѣ молчали, то онъ небрежно захлопнулъ свой портмонэ, и направился къ двери. Отецъ же, милостиво улыбаясь, спросилъ:

— Ты далъ высокую плату, Бобъ... но оставилъ ли ты что-нибудь себѣ?

Вмѣсто всякаго отвѣта, мальчикъ досталъ изъ кармана нѣсколько серебряныхъ монетъ и съ нѣкоторымъ негодованіемъ показалъ ихъ. Лицо отца приняло серьезное выраженіе.

— Заработалъ въ одну недѣлю? Ты на мѣстѣ?

— Нѣтъ.

— Такъ позволъ узнать, чѣмъ ты занимаешься?

Онъ отвѣчалъ запинаясь, нерѣшительно.

— Я, я продаю кое-что... я, я... на испытаніи... не могу еще рассказывать... пока нѣтъ ничего вѣрнаго.

— Такъ, такъ, — добродушно смѣясь, сказалъ отецъ; — ты правъ, мальчикъ! надо подождать, пока будетъ что-нибудь вѣрное... совершенно вѣрно... Прощай, мама! до свиданья, дѣти!

Лицо нашего Роберта приняло выраженіе торжества, которое, однако же, тотчасъ же исчезло, когда нашъ второй снизу братъ, Самъ, лукаво подсмѣиваясь и выразительно указывая на спички, спросилъ, не продаетъ ли онъ спички? „Спички, спички хорошія!“

Взоръ черныхъ, полуоткрытыхъ глазъ Роберта, брошенный на него, не предвѣщалъ ничего хорошаго. Надо было ждать взрыва страшнаго негодованія. Но колебаніе продолжалось весьма недолго. Мальчикъ справился съ собой. Онъ предпочелъ отнестись къ выходеѣ съ презрѣніемъ, и высказать свое мнѣніе въ краткой и рѣшительной формѣ:

— Дуракъ!

Дверь шумно захлопнулась, и Робертъ выбѣжалъ при общемъ хохотѣ.

Въ воскресенье утромъ родители спокойно сидѣли за ко-

Феемъ и болтали о разныхъ новостяхъ, какъ вдругъ услышали въ сѣняхъ весьма значительный шумъ. Голосъ нашей прландской кухарки возвышался рѣзко и пронзительно, но отвѣты Роберта произносились сердито, и затѣмъ послышался вопросъ нашего старшаго брата Герри:

— Что случилось?

— Вы хотите знать, что тутъ случилось?.. Вотъ этотъ молодой джентльменъ, мастеръ Робертъ, надулъ меня. Вотъ что случилось!

— Бриджетъ, вы говорите дерзости.

— Я говорю дерзости? Вотъ какъ! Дерзости! Если такой юноша, да еще господское дитя, ведетъ торговлю ничего нестоющими вещами, а я, бѣдная дѣвушка... работающая ради куска насущнаго—голосъ Бриджетъ выразилъ опасное поположеніе прерваться слезами—работающая,—повторила она высокими тономъ, и потомъ, тронутая тѣмъ, что она работающая, она разразилась горькими слезами, и до нашего слуха долетѣли только отрывочныя слова „безсовѣстное надувательство“ и „обманъ“.

— Если вы спокойно не можете объяснить, что вамъ въ сущности надо,—нетерпѣливо началъ Герри.

Бриджетъ перебила его.

— Мнѣ надо мои два шиллинга назадъ, вотъ что мнѣ надо!—вдругъ пронзительно и безъ всякихъ слезъ закричала она.

— Убирайтесь къ чорту!

— А ты, Робертъ, пока долженъ молчать.

— Ого!

— Дай говорить Бриджетъ! Такъ вы хотите назадъ деньги, говорите вы. Братъ мой несправедливо взялъ у васъ что-нибудь?

— Конечно, несправедливо. Онъ торгуетъ дрянью. Всѣмъ онъ суетъ свои коробки съ сюрпризами. И молочнику, и газетчику онъ навязалъ ихъ. Я ничего не говорила бы, если бы въ коробкѣ оказалась цѣпочка, но за дрянное стальное перо—а старой почтовой бумаги, вѣдь мнѣ вовсе и не надо, писать я не умѣю... зачѣмъ мнѣ бумага... да вотъ я вамъ сейчасъ покажу эту дрянь.

Бриджетины башмаки на толстыхъ подошвахъ застучали по черной лѣстницѣ.

— Бѣшенная утка!—процѣдилъ сквозь зубы Робертъ.

— Ты все-таки объясни мнѣ,—спокойно спросилъ Герри.

Отвѣта не послѣдовало. Отецъ поднялся изъ-за стола, и подошелъ къ двери.

— Робертъ!

— Здѣсь, сэръ!

— Мнѣ надо поговорить съ тобой!

Онъ говорилъ строго, и выраженіе лица нашего отца было тоже строгое, когда онъ всталъ передъ Робертомъ.

— Не будешь ли такъ добръ и не скажешь ли мнѣ, что продажа дряни...

— Это не дрянь.

— Что значить продажа дряни? — продолжалъ отецъ, не смотря на горячій протестъ Роберта, и лицо его омрачилось при упрямомъ отвѣтѣ мальчика.

— Я дрянью не торгую.

— Каждая торговля, дающая покупателю поводъ быть недовольнымъ, носитъ на себѣ печать обмана, слѣдовательно такая торговля есть надувательство.

— Бриджетъ скотина!

— Это къ дѣлу не относится. Что такое въ коробкѣ, за которую ты берешь съ молочника и со служанки по два шиллинга?

— Я беру товаръ изъ частнаго дома Бюджетъ и К°, — уклончиво и ворчливо отвѣчалъ онъ.

— Что въ коробкѣ?

— Почтовая бумага и конверты и какой-нибудь сюрпризъ для покупателя.

— Вотъ эта вещь, посмотрите сами, стоитъ ли она два шиллинга.

Бриджетъ вошла очень разсерженная. Она съ торжествующимъ видомъ подала отцу коробку съ огненно-красной этикеткой, на которой красовалась печатная надпись: „Коробка съ сюрпризомъ“. Не взглянувъ на коробку, отецъ досталъ кошелекъ.

— Ты недовольна своей покупкой, Бриджетъ, и деньги свои получишь обратно. Впередъ ты, конечно, будешь осматрительнѣе, и сначала удостовѣришься, годится ли для тебя покупка, а потомъ уже возьмешь ее. Сынъ мой все-таки взялъ на себя трудъ и доставилъ тебѣ заказанную тобой вещь.

— Доставилъ? Заказанную? Я заказала? Да я благодарю Пресвятую Дѣву, когда могу отдохнуть послѣ мытья посуды. А вы думаете, ему стоило труда доставить?.. да вѣдь онъ носитъ эти вещи на ремнѣ по улицамъ. Я заказала! Я пла совершенно спокойно, и, выйдя изъ рынка, вдругъ вижу на углу Поцларской улицы нашего молочника и еще нѣсколькихъ

человѣкъ, а когда я подошла, то кого я увидела тамъ?.. какъ вы думаете?.. съ ними стоялъ нашъ м-ръ Робертъ, и уговаривалъ ихъ, указывая на коробки, и рассказывалъ, что тамъ должны быть и серьги, и цѣпочки... и не успѣла я опомниться, какъ онъ меня уговорилъ, какъ уговорилъ и молочника... но о тѣхъ драгоценныхъ вещахъ, о которыхъ онъ говорилъ, тамъ и помину нѣтъ...

— Это безсовѣстная ложь!

— Робертъ!

— Я никогда не говорилъ драгоценныя, я говорилъ хорошенькія вещи.

— И хорошенькихъ вещей тамъ тоже не было... дрянное перо!

— Можешь идти, Бриджетъ. Вотъ твои деньги... и впередъ не давай воли языку.

Послѣ того, какъ Бриджетъ, скорчивъ гримасу, вышла изъ комнаты, наступило тяжелое молчаніе. Отецъ прервалъ его:

— Такъ ты сдѣлался разнощикомъ?

— Разнощикомъ! разнощикомъ!— вскричалъ Робертъ.— Сейчасъ и разнощикъ! Я просто продаю вещи. Я продаю, *вотъ* что я дѣлаю.

— Такъ! и ты думаешь, что это не одно и тоже? Хорошо. Мы не будемъ объ этомъ спорить! Но мнѣ не нравится, чтобы ты ходилъ по улицамъ и по домамъ, и „продавалъ“ бы вещи... Я надѣюсь, что ты не связанъ съ фирмою Бюджетъ и К°?

— Нѣтъ.

— Ты поэтому можешь отказаться отъ продажи вещей, и, можетъ быть, примешь мѣсто, которое мнѣ предложили для тебя, но отъ котораго я пока отказался?

— Если мѣсто подходящее и мнѣ понравится, то, конечно, приму.

Его самоувѣренность была забавна. Спокойствіе, съ которымъ онъ говорилъ и смотрѣлъ, до такой степени смѣшила насъ, что мы едва удерживались, особенно, когда увидали, что отецъ улыбался, говоря:

— Безконечно благодаренъ тебѣ, будемъ надѣяться, что мѣсто окажется тебѣ подходящимъ.

— Могу я уйти?

— Да.

И Робертъ ушелъ. Отецъ обратился къ намъ и сказалъ: „Въ немъ что-то есть!“ Черезъ полчаса дѣйствительно оказалось, что въ немъ что-то было. У Бриджетъ, вухарки, была

одна слабость, слабость, — свойственная ирландскимъ кухаркамъ. Она потихоньку держала при себѣ всегда бутылку съ водкой, бутылку съ продолговатымъ пирогимъ горлышкомъ. Послѣ сцены, которую ей пришлось пережить въ гостиной, она почувствовала потребность выпить. Бутылка хранилась у нея всегда между матрацами на ея кровати, поэтому понятно, что, услыхавъ сильные крики въ корридорѣ, мы тотчасъ же подумали, что случилось что-нибудь съ ея водкой, которую, какъ говорила Бриджетъ, она не могла выносить. Но на этотъ разъ она вынесла не только водку, но и проглотила вмѣстѣ съ нею два шиллинга, которые какимъ-то чудомъ, исчезнувъ со стола, очутились у нея въ бутылкѣ. Отецъ былъ правъ — въ нашемъ Робертѣ что-то было. Проглоченная кухаркой монета нисколько не удивила Роберта.

Бритье и стрижка волосъ.

Нашъ Робертъ получилъ мѣсто смотрителя Вѣнской кофейни. Онъ взялъ, какъ рассказывалъ нашему черному слугѣ, мѣсто только изъ любезности, чтобы замѣнить на время отсутствія стараго пріятеля нашей семьи. Но быть долго на такомъ мѣстѣ онъ не имѣлъ никакого желанія — надо было только оказать услугу одному пріятелю отца. Надо думать, что услугу эту Робертъ оказывалъ не довольно любезно, или, можетъ быть, его тоненькая, еще дѣтская, фигура не внушала достаточнаго уваженія, необходимаго при такой должности, но только прислуга стала насмѣхаться надъ его напускной важностью, что привело мальчика нашего въ страшнѣйшій гнѣвъ, и онъ пустилъ въ ходъ и руки, и ноги.

Произошла драка.

Нашъ мальчикъ, юркій и живой, вышелъ изъ этой драки безъ ущербъ и побѣдителемъ. Послѣ этого наступила безработица, во время которой онъ въ страшно раздраженномъ состояніи съ жаромъ просматривалъ газеты и внимательно прочитывалъ объявленія, приклеенныя по угламъ на заборахъ. Наконецъ, наступилъ день, когда онъ рано поутру сбѣжалъ съ нашей крутой витой лѣстницы, перескакивая ступени по три, стоя позавтракалъ, затѣмъ, не простившись, бросился къ двери и въ одинъ мигъ былъ на улицѣ.

Къ ужину онъ не явился. Такимъ образомъ прошла первая недѣля, а къ концу ея онъ совершенно неожиданно

появился къ завтраку. Онъ поѣлъ молча и, когда со стола все было убрано, онъ подошелъ къ отцу, и принимая видъ любезнаго равнодушія, подаль ему открытый портсигаръ изъ бронзированной кожи.

— Не хочешь ли сигару?

Отъ испуга и удивленія отецъ выронилъ трубку, которую только-что собирался закурить. Улыбка сошла съ его лица и онъ отвѣчалъ совершенно спокойно и вѣжливо:

— Благодарю... а ты куришь?

— Я... да,—небрежно проговорилъ онъ.

— Съ какихъ же поръ?

— Въ сущности со вчерашняго дня. Дѣло мое требуетъ этого.

— Вотъ какъ! Такъ ты устроился.

— Не совѣмъ.

— Но ты пересталъ быть разнощикомъ?

Мальчикъ скорчивъ презрительную гримасу, посмотрѣлъ на отца.

— Позволь... вѣдь у меня же...—онъ пожалъ плечами, захлопнулъ портсигаръ и съ вызывающимъ взоромъ проговорилъ:—вѣдь у меня же свое собственное дѣло.

Отецъ болѣе выдержать не могъ. Онъ разразился громкимъ смѣхомъ.

— Посмотрите, пожалуйста! твое собственное дѣло! Сынъ мой устроился! Надѣюсь, что ты былъ на столько благодаренъ, что не вложилъ въ него всего своего капитала?

Робертъ, засунувъ руки въ карманы штановъ, прислонился къ камину. Онъ казался совершенно спокойнымъ, и пронія отца не оскорбляла его, и даже, можно сказать, вызвала хвастливость.

— Капитала,—спокойно началъ онъ;— я не вложилъ никакого... у моего associé (товарища) имѣются деньги.

— Вотъ какъ! такъ у тебя и товарищъ есть! Со временемъ мы, можетъ быть, узнаемъ, гдѣ находится твоя торговля... оптовая, или розничная?

— Пока еще розничная... Вальмутская улица, 5... сигары и табакъ!

— Какъ фамилія твоего товарища?

— Вильсонъ.

— Что же онъ уже... уже взрослый?

Этотъ намекъ на его молодость поколебаль его хладно-

кровіе. Онъ заговорилъ рѣзко и отчетливо, а глаза его полузакрылись... что было всегда у него признакомъ гнѣва.

— Моему товарищу, человѣку вполне развитому, уже 46 лѣтъ. Кто сомнѣвается въ моихъ словахъ—онъ бросилъ искоса грозный взглядъ на Саала, подсмѣивавшагося изподтишка—тотъ можетъ лично убѣдиться въ Вальмутской улицѣ, 5. Болѣе говорить мнѣ нечего, кромѣ—онъ, понизивъ голосъ, обратился къ отцу—не вложишь ли ты въ мое дѣло капитала... ну хоть сто долларовъ... мы платимъ шесть процентовъ... мнѣ хотѣлось бы прибавить товару... подумай объ этомъ! Прощайте.

Смѣхъ нашъ былъ прекращенъ серьезнымъ взоромъ отца. Онъ задумчиво проводилъ мальчика глазами. Потомъ ему вдругъ точно пришла въ голову мысль, что мальчикъ нашъ уморителенъ, и онъ, улыбаясь, обратился къ нашему старшему брату, Герри.

— Не будешь ли такъ добръ, не заглянешь ли въ Вальмутскую улицу, 5?

— Съ удовольствіемъ.

— И сегодня же сообщи мнѣ, что найдешь?

— Хорошо.

— Вотъ еще что! Въ присутствіи другихъ... что бы ты тамъ ни нашель... не дѣлай сцены. Слышишь?

Герри не сдѣлалъ никакой сцены, хотя то, что онъ нашель, очень удивило его. Онъ не рѣшался рассказывать. Отецъ тщательно выспрашивалъ его.

— Такъ ты нашель его торговлю?

— Нашель.

— И нашель все такъ, какъ онъ говорилъ?

— Да.

— Такъ у него есть товарищъ?

— Да, товарищъ у него есть.

Герри казался не то смущеннымъ, не то готовымъ захохотать.

— Что это значить, Герри? Ничего смѣшного тутъ нѣтъ.

— Нѣтъ, даже очень смѣшно!—отвѣчалъ Герри.—Прежде всего это парикмахерская для бритья и стрижки волосъ, гдѣ между прочимъ, продаются сигары. Нашъ Робертъ стоитъ у кассы, за которой строго смотритъ; и въ то же время производитъ торговлю табакомъ. Товарищъ его брѣтеть.

— Самъ?

— Конечно. Гордости въ немъ нѣтъ.

— Что это за человекъ?

Герри подошелъ къ отцу и успокоительно положилъ руку къ нему на плечо.

— Не испугайся, отецъ. Товарищъ его—негръ!

— Что?

— М-ръ Вильсонъ негръ. Я знаю его... отлично брѣть... онъ бриль сначала у Киля и Гука. Онъ или получилъ наслѣдство, или накопилъ денегъ, или даже укралъ. Онъ устроился въ Вальмутской улицѣ, 5, и взялъ Роберта въ товарищи. Я особенно не былъ этимъ польщенъ... не знаю, какого ты мнѣнія на этотъ счетъ...

Герри былъ прерванъ появленіемъ Роберта. Онъ не снялъ даже пальто, а съ дѣловымъ видомъ всталъ передъ отцомъ.

— Ты подумалъ, папа?—Затѣмъ, бросивъ взоръ на Герри, онъ процѣдилъ сквозь зубы:—ты, вѣрно, ужъ успѣлъ испортить мнѣ дѣло?

— Позволь, если я вижу, что у тебя компаньонъ...

— Нѣтъ, позволь ты! Если я представляю тебѣ своего компаньона, то могу ждать, что ты скажешь что-нибудь...

— Я и сказалъ!

— Конечно, сказалъ. Ты посмотрѣлъ на него, точно передъ тобою молодой слонъ, и затѣмъ сказалъ: „Господи, Иисусе!“

— „Господи, Иисусе“ тоже слова! Да развѣ съ такимъ человекомъ можно вступать въ товарищество?

— Ого! Что же, онъ воруетъ?

Отецъ до сихъ поръ сидѣлъ спокойно. Тутъ онъ всталъ и подошелъ къ разговаривающимъ.

— Не знаю, Робертъ,—серьезно началъ онъ:—нарочно или по забывчивости умолчалъ ты о томъ, что м-ръ Вильсонъ черный?

— А развѣ кто-нибудь изъ васъ спрашивалъ о цвѣтѣ его кожи?—сверкнувъ глазами, отвѣчалъ онъ.

— Да кому же могло придти въ голову, чтобы съ арапомъ...

— Вовсе онъ не такъ черенъ.

— И ты думаешь, что это смягчающее обстоятельство...

Оттѣнки цвѣта не измѣняютъ сущности дѣла?

— Этого я и не говорю. Для меня въ цвѣтѣ его кожи нѣтъ ничего отталкивающего. Онъ—честный человекъ... и понимаетъ дѣло. Если противъ него ничего нельзя сказать другого, кромѣ того, что онъ черенъ... то меня это нисколько не тревожитъ. Для меня онъ—человекъ... и я очень удивляюсь, что я одинъ такъ думаю.

Онъ сказалъ это безстрастно и рѣшительно. Въ первый разъ безбоязненно поднялъ онъ черные свои глаза на отца... въ первый разъ въ словахъ его звучало не мальчишество, а твердое убѣжденіе, и голосъ его слегка дрожалъ отъ подавленной горечи. Начался споръ объ убѣжденіяхъ. Повидимому, отецъ спорилъ только для того, чтобы, защищаясь, заставить сына высказать свои убѣжденія. Мальчикъ храбро стоялъ на своемъ, пока, наконецъ, отецъ не обѣщаль ему желаемой суммы, подъ условіемъ, чтобы парикмахерская обратилась въ табачную лавку. Тутъ Робертъ заявилъ, что ему надо подумать... и поговорить съ своимъ associé!

Вопросъ былъ порѣшенъ на этомъ. Переменная торговли въ матеріальномъ отношеніи не была выгодной, и по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ фирма распалась. М-ръ Вильсонъ былъ хорошимъ брадобрѣемъ, но въ табакѣ толку не зналъ. Киль и Гукъ предложили ему старое мѣсто. Онъ съ радостью принялъ его. Мы въ продолженіе нѣсколькихъ дней встрѣчали нашего мальчика праздно ходившимъ по улицамъ, пока вдругъ онъ не началъ опять торопливо уходить и приходить. Его розовое, круглое дѣтское личико опять приняло дѣловое выраженіе. Что случилось съ маленькимъ господиномъ? Мы съ напряженіемъ ждали минуты, когда узнаемъ все. Минута эта наступила.

Въ циркѣ.

Палатки были раскинуты. На широкой площадкѣ, на углу пятой улицы, кишили дѣти и праздные парни, тѣснившіеся у щелей закоптѣлаго полотна и съ любопытствомъ заглядывавшіе на привлекательное внутреннее убранство. Уже цѣлую недѣлю большія красныя афиши волновали все юное населеніе нашего всемірнаго города. Цѣлыми толпами становились они ежедневно передъ заборами на углахъ улицъ и, толкая другъ друга, смотрѣли на удивительныя изображенія проскакивающихъ черезъ обручи наѣздницъ въ легкихъ тюлевыхъ костюмахъ. Наконецъ, наступилъ день, въ который прибылъ поѣздъ съ незнакомыми людьми и животными. Старое и молодое все высыпало на улицу смотрѣть на вѣздъ множества странныхъ телѣгъ и воевъ, на которыхъ изъ желѣзныхъ клѣтокъ слышалось рычаніе хищныхъ звѣрей. Циркъ обращалъ всеобщее вниманіе. Пестрая вереница всадницъ, сильно нарумяненныхъ и набѣленныхъ, ѣхала въ коротень-

кихъ юбочкахъ, при оглушительномъ трескѣ мѣднаго оркестра, по улицамъ, приводя въ неистовый восторгъ кричавшую любопытную толпу. Такимъ образомъ, наѣздицы, сопровождаемыя криками и восторгами толпы въѣхали въ отворенныя ворота палатки. Музыка умолкла. Изъ палатки слышались удары молотка и скрипъ пилы... Тамъ дѣлались скамьи. Работа шла торопливо, потому что представленія предполагалось начать въ этотъ же вечеръ.

Была уже половина восьмого. Публика тѣснилась около стоявшей поодаль деревянной будки, гдѣ продавались билеты. Несмотря на ранній часъ, билеты брались съ боя. Всѣ тискались и толкались. Можно было сказать, что всѣ спѣшили, хотя всѣ очень хорошо знали, что ранѣе восьми представленіе не начнется.

Вотъ уже три четверти восьмого. Всѣ разсѣлись по мѣстамъ. Не легко было пробиваться между грубо распиленныхъ простыхъ деревянныхъ скамеекъ и не легко подниматься по крутымъ ступенямъ въ задніе ряды. Тѣсно прижатые другъ къ другу и нѣсколько смущаемые подозрительнымъ колебаніемъ черезчуръ переполненной скамьи, сидѣли мы съ братомъ Самомъ и нашимъ отцомъ въ углу въ пятомъ ряду, и смотрѣли съ любопытствомъ на арену. Ужасная музыка уже заиграла вариации на любимую пѣсню: „Янки Дудль“. Юные голоса американскихъ гражданъ шумно вторили музыкѣ, ударяя тактъ ногами и отъ восторга при звукахъ „Янки Дудль“ подбрасывая свои грязныя шапки.

Восемь часовъ. У входа въ палатку происходитъ какое-то подозрительное движеніе. Публика съ любопытствомъ поднимаетъ головы. Ахъ! драка!

Въ одинъ мигъ собирается толпа и страшно кричитъ и свиститъ. Намъ иногда кажется голосъ, старавшійся возстановить спокойствіе, нѣсколько знакомымъ. „Вытолкать его! Молчать! Бей его! Вонъ! Вонъ!“

— Это намъ просто показалось,—замѣтилъ Самъ:—какъ Робертъ...

Все сразу смолкло. Драка такъ же скоро кончилась, какъ и началась; публика заняла мѣста и снова сидитъ въ ожиданіи.

Восемь часовъ и пять минутъ. Мѣста всѣ заняты. Музыка трещитъ снова, безшумно отдергивается занавѣсъ отъ таинственнаго входа и на арену въѣзжаютъ пестро разряженные наѣздицы. Это тѣ же раскрашенныя лица, что проѣзжали по улицамъ—только теперъ онѣ, улыбаясь, рас-

кланиваются и храбро направляют во все стороны и пятятъ назадъ своихъ выѣзженныхъ лошадей, вѣроятно, для того, чтобы показать, какъ они ихъ слушаются.

Это былъ первый номеръ. Онъ вызвалъ сильныя аплодисменты. Бѣлыя, безконечно громадныя афиши внимательно проглядываются.

Слѣдующій номеръ гласитъ: „Мастеръ Виль на своей любимой лошади Блекфутъ“.

Мастеръ Виль появляется и возбуждаетъ въ сердцахъ робкихъ женщинъ и матерей нѣкоторую жалость. Какъ малъ и слабъ этотъ наѣздникъ... и какъ онъ при этомъ блѣденъ и трогательно красивъ! Онъ встрѣченъ криками. Ему кричали браво и поднимали дѣтей со скамеекъ для того, чтобы лучше было видно, что онъ дѣлаетъ. Какъ онъ наклонялся и изгибался. Какъ онъ управлялъ лошадыю! При этомъ онъ большими дѣтскими глазами смотрѣлъ на публику, и какъ онъ былъ блѣденъ! Вслѣдъ за нимъ вышло множество клоуновъ въ остроконечныхъ шапкахъ, въ полосатыхъ трико и съ неизбѣжными ярко-красными губами. Настоящій восторгъ тутъ только сталъ проявляться. Публика была внѣ себя съ удовольствія. Она кричала и шумѣла безъ конца. Полиція, обязанная охранять порядокъ, не могла справиться съ грубымъ народомъ, поднявшимся съ своихъ мѣстъ и тѣснившимся около самой арены, и не только толкавшимъ дѣтей и женщинъ, но еще ругавшимъ ихъ за то, что они попадались подъ ноги.

Наступилъ первый антрактъ между отдѣленіями.

Выходныя двери открылись настезь. Часть публики воспользовалась этимъ, чтобы выйти на свѣжій воздухъ и выпить чего-нибудь. Въ палаткѣ тоже все оживилось. Изъ всѣхъ угловъ появились мальчики съ яблоками, орѣхами, апельсинами и лимонадомъ, и рѣзкіе голоса ихъ такъ и рѣзали уши. „Яблоки! апельсины!.. Холодный лимонадъ!“ и тотчасъ же другой голосъ перекрикивалъ: „Билеты на пантомиму! десять центовъ за билетъ!“

Пробираясь, какъ кошка, поднялся маленькій продавецъ до верхнихъ скамеекъ, съ великому огорченію нашего Сама, который сталъ на скамѣ покупать у другого мальчика орѣховъ и, столкнувшись съ продавцомъ билетовъ, высыпалъ все орѣхи не въ карманъ, а на голову своего сосѣда. Самъ побагровѣлъ.

— Чортъ бы васъ побралъ!—началъ онъ.

— Слѣпы вы, что ли?—отвѣчалъ ему продавецъ, и Самъ

удовольствовался тѣмъ, что проводилъ продавца сердитымъ взоромъ и сталъ подъ носъ ругаться.

— Лимонада!.. прохладительнаго лимонада, господа!

Отецъ подозвалъ его. Кругомъ насъ раздавались крики: „Яблоки, орѣхи! свѣжіе орѣхи!“, а съ другой стороны кричали: „Купите апельсиновъ, сладкихъ, какъ сахаръ!“ и снова слышалось: „Кому угодно билетъ на пантомиму? Последняя возможность попасть на пантомиму! Угодно, господинъ?.. Сколько?“ Последний продавецъ стоялъ около нашего Сама. Онъ, повидимому, волей-неволей хотѣлъ навязать ему билетъ, и Самъ забавлялся мальчигомъ, дѣлая ему гримасы, и передразнивая. „Билеты на пантомиму!“ выкрикивалъ онъ протяжно и въ носъ.

Движенія его губъ могли возбудить подозрѣніе, что онъ хочетъ купить билетъ. Въ одинъ мигъ маленькіе продавцы собрались къ нему и стали наперерывъ предлагать свои товары. Между тѣмъ скамьи снова наполнились публикой. Проходы наполнились и звонкая музыка заиграла. Мальчикамъ не легко было пробраться съ ихъ яблоками, орѣхами, и лимонадомъ, и тѣмъ не менѣе имъ непремѣнно хотѣлось продать весь товаръ до начала второго отдѣленія, и потому выкрикиваніе продолжалось. Мальчики, какъ истые виртуозы, скользили и пробивались всюду. Всѣ мы — особенно отецъ — съ истиннымъ удовольствіемъ и интересомъ наблюдали за ними. Мы слѣдили глазами за однимъ высокимъ парнемъ, съ подносомъ и стаканами на головѣ; который ловко сохранялъ равновѣсіе, а свободными руками раздавалъ въ это время билеты. Вдругъ мы услышали крикъ, отъ котораго у насъ сперлось дыханіе. Быть не могло, а между тѣмъ...

— Холодный лимонадъ! Холодный лимонадъ со льдомъ! — кричалъ слишкомъ знакомый намъ голосъ, и затѣмъ продолжалъ:

„Яблоки, яблоки, яблоки... вотъ... яблоки!

Мы едва рѣшились поднять глаза. Крикъ все приближался и приближался.. и сквозь густую толпу, скоро и ловко, съ раскраснѣвшимся лицомъ и сверкающими взорами подходилъ нашъ Робертъ.

„Яблоки, орѣхи... каленые ор...“ словно замерли у него на языкѣ. Взоръ его усмотрѣлъ насъ, и густая краска залила его лицо.

Наклонился ли онъ... бѣжалъ ли онъ... мы понять не

могли. Но мѣсто, на которомъ онъ только-что стоялъ, вдругъ опустѣло, и тотчасъ же было занято другими... и точно также ловко и скоро бѣдный отецъ нашъ всталъ съ своего мѣста и, взявъ насъ съ собой, пошелъ къ выходу.

Самъ пошелъ вслѣдъ за нимъ очень тихо... и, очевидно, съ неудовольствіемъ. Онъ всегда отличался недогадливостью, и теперь доказалъ ее, съ удивленіемъ спросивъ:

— Если не ошибаюсь, это былъ нашъ Робертъ?

Недоразумѣнія, возникнувшіе между Робертомъ и нашимъ отцомъ, кончились побѣдой мальчика. Онъ обязался честнымъ словомъ продавать яблоки въ продолженіи двухъ недѣль, въ которыя циркъ будетъ находиться у насъ въ городѣ... и долженъ слово свое сдержать. И слово свое онъ дѣйствительно сдержалъ къ немалому огорченію Герри, который какъ разъ въ это время держалъ экзамень на доктора. Циркъ давалъ представленія каждый вечеръ, и голосъ нашего Роберта все время выкрикивалъ: „Яблоки! Яблоки!“

По бѣлу свѣту.

— Робертъ!

Отвѣта никакого не послѣдовало.

— Робертъ! — крикнулъ отецъ во второй разъ, и дверь во второмъ этажѣ отворилась, и еще не совсѣмъ одѣтый Самъ заглянулъ въ нижній корридоръ.

— Прикажешь передать ему что-нибудь, отецъ?

— Развѣ онъ еще спитъ?

— Не знаю.

— Посмотри, и спроси его, не пойдетъ ли онъ на почту. Въ такомъ случаѣ намъ по дорогѣ. Мнѣ надо поговорить съ нимъ.

Отецъ надѣлъ пальто и перчатки. Въ зубахъ у него была закуренная сигара. Такимъ образомъ стоялъ онъ, съ цилиндромъ въ правой рукѣ, внизу нашей длинной витой лѣстницы и черезъ большую стеклянную дверь смотрѣлъ на улицу, залитую солнцемъ.

Прошло еще минутъ пять и наверху лѣстницы появился въ смущеніи смотрѣвшій внизъ Самъ. Его широкое, добродушное лицо носило необычно серьезное выраженіе. Онъ не спускался, по своему обыкновенію, черезъ двѣ ступени, а шель тихо, держась лѣвой рукой за перила.

— Папа... я...

Добрый старикъ былъ погруженъ въ мысли, и очевидно въ радостныя, отъ которыхъ неохотно оторвался. Онъ повернулъ голову и, все еще думая о чемъ-то, спросилъ:

— Ну, что же, идетъ онъ?

Самъ не рѣшался говорить. Отецъ повернулся къ нему и что-то въ глазахъ сына согнало веселое выраженіе съ его лица.

— Робертъ нездоровъ?

Бѣдный, добрый Самъ! Онъ думалъ, что улыбка смягчить тревожное выраженіе его глазъ.

— Его... его нѣтъ наверху. Я думаю, онъ ушелъ.

— Нѣтъ наверху?

— Говори, отецъ, потише, чтобы мама вдругъ не услышала, что... Робертъ уѣхалъ. Вчера вечеромъ... съ циркомъ... вотъ письмо... я испугалъ тебя, отецъ... прочти сначала письмо...

— Прочти вслухъ! — упавшимъ голосомъ проговорилъ отецъ.

Самъ развернулъ письмо и прочелъ.

„Спѣшу! Рѣшился уѣхать въ Новый Орлеанъ. Давно обязался контрактомъ. Могъ бы представить подставное лицо... но не нашелъ никого. Ъду, поэтому, самъ. Буду занять контролемъ надъ входными билетами. Скучная должность. Контрактъ на 6 мѣсяцевъ. Все обдумалъ, не могу жить подъ присмотромъ. Подробности изъ Новаго Орлеана! Не нашелъ въ комодѣ рубашекъ, вѣроятно, ихъ опять заносилъ господинъ Самъ. Поэтому беру его рубашки. Конечно, всѣ безъ пуговиць. Ъду въ полночь. Прощайте всѣ. Благословите на дорогу.

Робертъ (переверни).

P. S. (Нотабене). Пусть мама обо мнѣ не тревожится. Желтой лихорадки въ Новомъ Орлеанѣ я не получу и на креолѣ не женюсь.

Тотъ же“.

Пришелъ конецъ лѣта. Праздникъ столѣтія привлекалъ массы посѣтителей въ Филадельфію. Желѣзная дорога нашего всемірнаго города была съ утра до ночи наполнена пассажирами, которые, тревожно высматривая, шли вдоль поѣзда, и наконецъ въ послѣднюю минуту находили мѣсто въ спальномъ вагонѣ, занятое для нихъ носильщикомъ.

Мы удобно размѣстились въ спальномъ вагонѣ. Отецъ,

по совѣту матери, завернулъ свой хорошій цилиндръ въ шелковый платокъ, и положилъ въ сѣту надъ своей головой, а самъ надѣлъ фуражку, въ которой можно было, не смотря на пыль и дождь, гулять, спать и сидѣть, а на сѣрое дорожное платье накинулъ плащъ. Поѣздъ мчался на всѣхъ парахъ, и отецъ, растянувшись на креслѣ, собирался уснуть. Остальные пассажиры занялись разсматриваніемъ другъ друга, причемъ каждый изъ нихъ задавалъ себѣ такой вопросъ: „Кто такой этотъ спутникъ?“, пока, наконецъ, къ вечеру всѣ ни утомились, въ девять часовъ улеглись на койки и, укачиваемые движеніемъ вагона, предались мечтаніямъ.

„Двадцать минутъ остановки для завтрака!“ — прокричалъ кондукторъ въ 4 часа утра, и крикомъ прогналъ всякій сонъ. Черезъ пять минутъ всѣ мы уже были въ длинной залѣ станціи, гдѣ вокругъ насъ прислуга монотонно выкрикивала.

„Завтракъ, жареная баранина, почки! кофе и чай!“

Начинался выборъ. И выбиралось таеъ... зря! Всѣ кушанья были прѣсныя и подгорѣтыя, и ѣсть ихъ можно было развѣ только, подправивъ разными пикантными соусами, стоявшими на столѣ. Только что пассажиры принимались за ѣду, какъ раздавался свистокъ, и всѣ бросались по вагонамъ.

Все это вовсе не способствовало веселому настроенію духа пассажировъ, и нашъ отецъ, сильно избалованный ѣдой и лишенный домашняго комфорта, былъ недоволенъ тѣмъ, что Самъ безъ усталы грызъ орѣхи, а Герри сидѣлъ, закрывшись листомъ съ газетными объявленіями.

Прошло такимъ образомъ съ часъ, какъ изъ сосѣдняго курительнаго вагона вышелъ мальчикъ, нагруженный связками книгъ и, войдя въ спальный вагонъ, быстро и молча роздалъ книги пассажирамъ, и также быстро исчезъ. Пассажиры машинально посмотрѣли на заглавный листокъ и также машинально на первую страницу. „Новый романъ м-съ Гольмсъ“, не стѣсняясь, громко прочелъ Самъ, и вопросительно посмотрѣлъ на другихъ пассажировъ—въ надеждѣ, что кто-нибудь объяснитъ, что значитъ раздача такихъ хорошо переплетенныхъ книгъ?

— Ловкая спекуляція, — отвѣтилъ на его безмолвный вопросъ его vis-à-vis, еще молодой человекъ, пріятный наружности. — Положить книги, скучающій пассажиръ начнетъ перелистывать, увлечется, зачитается... вдругъ дверь открывается, и является книгопродавецъ... чтобы собрать книги... Пожалуйста книгу, или деньги... Скука не свой братъ, а книга

чертовски завлекательна... и соглашаешься лучше заплатить, чѣмъ отдать. Ловкая спекуляція!.. право, ловкая!

Пассажиры засмѣялись. Теперь всѣ поняли эту любезную предусмотрительность. Пассажиры были предупреждены и могли не зачитываться книгами до того, чтобы имъ не захотѣлось отдать ихъ. Романъ м-съ Гольмсъ! Вѣдь романовъ ея такъ много! И она выбирала всегда такія интересныя заглавія! Какъ-то она окрестила этотъ желѣзнодорожный романъ? Романъ развертывался, и первая крупно напечатанная страница пробѣгалась. Какъ она хорошо описывала! Читатель точно видѣлъ передъ собою ферму въ центрѣ Кентуки, видѣлъ шаловливую бѣлокурую дочку фермера посреди цѣлой толпы негритянскихъ головъ... плантацію и согнутыя спины бѣдныхъ рабовъ... жаркіе лучи солнца, палящаго курчавыя головы и страшнаго зрителя съ плетью въ рукахъ... а затѣмъ, вечеромъ, большая низенькая комната съ очагомъ! Дрова трещать, пылая въ каминѣ—мирный, почти священный, покой послѣ дневныхъ полевыхъ работъ виденъ на большомъ темномъ челѣ стараго негра, который, сидя на корточкахъ, печетъ картофель—тотъ же покой озаряетъ желтое лицо женщины, прижимающей къ груди малютку, черные глаза котораго устремлены въ дверямъ, гдѣ стоитъ геркулесъотецъ. И вдругъ сцена измѣняется. По дорожкѣ слышатся тяжелые шаги. Это страшный зритель, влюбленный въ молодую желтую мать, которую онъ силой хочетъ увести въ себѣ; онъ вниманія не обращаетъ на внушаемый имъ всеобщій ужасъ. Чернаго мужа отправляетъ онъ съ какимъ-то порученіемъ, на старика передъ очагомъ онъ не смотритъ, и боязливую просьбу молодой женщины, не можетъ ли она исполнить порученія вмѣсто мужа, онъ грозно отвергаетъ. Глаза его горять... онъ...

— Книги, господа! Книги... романы!

Дверь въ салонъ внезапно раскрывается, и крикъ рѣзко достигаетъ слуха читающихъ, разрушая сколоченную изъ досокъ ферму въ Кентуки.

— Книгопродавецъ,—объясняетъ молодой человѣкъ пріятной наружности,—и...

— Робертъ!

— Отецъ!—сразу раздается изъ устъ отца и сына.

Это точно былъ Робертъ. Нашъ младшій братъ... цѣлые мѣсяцы не дававшій о себѣ знать... и не писавшій ни единого слова... Онъ стоялъ передъ нами здоровый и веселый.

— Такъ это твое изобрѣтеніе?—съ любопытствомъ спросилъ Самъ, послѣ первыхъ привѣтствій.—Онъ кивнулъ головой.

— А циркъ?

Онъ немного смутился... У него тамъ... то-есть... тамъ были непріятности... Женщины никогда не умѣютъ отличать порядочнаго человѣка отъ дряни,—сквозь зубы проговорилъ онъ; затѣмъ, съ давно знакомымъ намъ гордымъ движеніемъ, онъ закинулъ голову, и съ небрежной самоувѣренностью прибавилъ:—Можно имѣть и другую цѣль жизни...

— А гдѣ же ты теперь живешь? спросилъ отецъ.

— Я живу здѣсь. У меня есть тутъ спальное отдѣленіе и шкалъ съ книгами. Я постоянно ѣзжу.

— И давно?

— Съ самага начала празднествъ столѣтняго юбилея.

— Какіе же ты имѣешь планы на будущее?

— До конца года останусь книгопродавцемъ на желѣзной дорогѣ.

— А потомъ?

— Потомъ?... не пугайся. . я хочу эмигрировать.

— Эмигрировать!

— Да. Я хочу уѣхать изъ здѣшняго невыносимаго климата. Куда-нибудь въ Колорадо, или въ центральную Америку.

— Ты рѣшилъ?

— Да.

Это было его послѣднее слово. Прошли недѣли и мѣсяцы. Всю осень мы опять не имѣли о нашемъ Робертѣ никакихъ извѣстій. Наступила зима, и въ одно мрачное утро, въ февралѣ, изъ Гондураса пришло отъ него письмо, залѣпленное марками. Мы прочли:

Гондурасъ, декабря 11-го 18...

„Всѣмъ!.. спѣшу—какъ всегда. Лежу, какъ пласть. Пить скляночекъ съ лекарствами въ головахъ... Джимъ Геррисъ, мой спутникъ и другъ въ ногахъ... Не долженъ много писать, слишкомъ слабъ. Былъ боленъ. 9 дней плылъ по морю, три дня ѣхалъ въ горы на ослѣ. Перебирался черезъ страшные потоки... подпруга лопнула... упалъ... снова поднялся... поѣхалъ дальше. Платье промокло... Знойное солнце... прибылъ въ Гондурасъ... свалился. Очнулся... мѣстная лихорадка... очень боленъ! Врача нѣтъ... все индѣйцы. Ходитъ Джимъ Геррисъ... все Джимъ, добрякъ, индѣйскія средства, травы...горькія. Теперь лучше... скоро поправлюсь“. На второй страницѣ мы прочли: „Сообщите Герри.

тутъ хорошо молодымъ врачамъ! Все дичь... цивилизація слаба. Климатъ: солнце и дождь! Люди помѣшаны, воровъ совсѣмъ нѣтъ... замковъ не нужно. Все открыто. Буду обрабатывать землю... разводить кофе... и Джимъ тоже! Въ слѣдующемъ письмѣ напишу больше... еще слабъ. Пусть Герри подумаетъ! чертовски хорошее будущее! Черезъ Панама въ Амапала... а далѣе на ослѣ! Джимъ сердится... долженъ кончить... принимать лекарство... спать. Джимъ всегда заботится, добрый малый. Адресъ...

Тутъ письмо прерывалось, и на слѣдующей страницѣ чужой рукой было написано слѣдующее:

„Не могу позволить нашему больному писать далѣе. Онъ былъ тяжело боленъ. Робертъ замѣчательно хорошій товарищъ. Онъ упоминаетъ о моемъ ничтожномъ уходѣ за нимъ и умалчиваетъ, что всѣ бѣдствія обрушились на него изъ-за меня, что, когда я, пораженный ужасной лихорадкой, свалился въ горахъ, онъ сѣлъ на осла и поскакалъ въ лѣсъ за помощью; не смотря ни на какія опасности, онъ перебирался черезъ страшные потоки. Вотъ тутъ-то у него и лопнула подируга, и онъ, ухватившись за шею осла, удержался. Мокрый побѣхаль онъ далѣе и, не останавливаясь въ продолженіе двѣнадцати часовъ, въѣхалъ въ ворота столицы Тегуцигалпа, гдѣ упалъ, предварительно пославъ обѣщанную помощь, и лишился чувствъ. Когда впоследствии я его нашель, онъ, исхудалый, какъ тѣнь, лежалъ въ хижинѣ у сострадательныхъ дикихъ индѣйцевъ, которые плакали надъ нимъ. Слава Богу, теперь онъ спасенъ, мой добрый, славный спутникъ, и я около него, навсегда, готовый жизнью пожертвовать за него. Готовый къ услугамъ

Джимъ Геррисъ изъ Бостона“.

Послѣ этого письма съ послѣдними извѣстіями о нашемъ Робертѣ прошло четыре года, въ теченіе которыхъ мы не имѣли о немъ никакихъ свѣдѣній. Мы продолжали, по прежнему, жить въ міровомъ городѣ, гдѣ началъ жить нашъ независимый мальчишъ—отецъ давно уже вышелъ въ отставку, а Герри сдѣлался извѣстнымъ врачомъ. Самъ все еще сидѣлъ за книгами. Онъ всегда былъ вялымъ и лѣнивымъ, и, такъ какъ адвокатовъ было много, то въ его услугахъ никто не нуждался. Мать прихварывала. Отецъ посѣдѣлъ и его ясный взоръ изъ-подъ золотыхъ очковъ сталъ серьезнѣе и печальнѣе. Родители не высказывали, какъ глубоко огорчались разлукой съ Робертомъ и его молчаніемъ. Имя его

въ семьѣ давно уже не произносилось, и о немъ, только молча, всѣ грустили. Удивительно ли, что отъ испуга всѣ замерли, когда однажды, рано утромъ, въ воскресенье, вдругъ вошелъ коренастый юноша и крикнулъ:

— Отецъ! мать! братья! сестры!

А на порогѣ за нимъ стоялъ молодой великанъ, который, раскланявшись, сказалъ, что онъ тѣнь нашего Роберта, и фамилія его Геррисъ.

Тоненькій станъ Сама съезжился отъ объятій жесткихъ загорѣлыхъ рукъ Роберта.

— Господи, Иисусе! Пусти, старина! Ты, вѣрно, сдѣлался акробатомъ и показываешь силу въ звѣринцѣ?

— Ошибаешься. Я солидный, хорошо устроившійся купецъ... подъ фирмою „Баледоръ и Геррисъ—Гватемала—оптовая торговля полотнами“.

— И вернешься туда обратно?

— Ну, конечно... вѣдь тамъ же осталась Дженни... ахъ да... вѣдь вы не знаете... Дженни—моя жена. Она послала меня. Отличная женщина, моя Дженни... совсѣмъ бѣдная, держала школу въ Беввудѣ... тамъ былъ одинъ проклятый паренъ, увивавшійся за ней. Ну... не легко намъ было. Нѣкоторое время ей пришлось сильно работать. Въ Колорадо дѣла пошли лучше. А теперь въ Гватемалѣ! Мы живемъ отлично. Не правда ли, Геррисъ? Геррисъ пріѣхалъ со мной... Геррисъ всегда со мной... ну, такъ... Дженни... Она проситъ всѣхъ васъ пріѣхать къ намъ погостить на лѣто. Чудный климатъ! что скажешь, Геррисъ?

Геррисъ серьезно вивнулъ.

— Ты, конечно, еще не женатъ, Самъ, нѣтъ?

Самъ испугался. Онъ сидѣлъ на ручкѣ качалки и, онѣмѣвъ отъ изумленія, смотрѣлъ на губы Роберта. Онъ вздрогнулъ при этомъ неожиданномъ вопросѣ. Очевидно, такое неслыханное подозрѣніе привело его въ ужасъ... Такъ какъ всѣ засмѣялись, то и онъ смущенно засмѣялся.

— Я?—тихо проговорилъ онъ:—я... женатъ?.. нѣтъ!

— Удивительно!—замѣтилъ Робертъ. — А я совѣтовалъ бы тебѣ...

— Полно... оставь,—шутя сказалъ отецъ:—я полагаю, что одного экземпляра независимаго юнаго американца достаточно для одной семьи... что ты, жмама, на это скажешь?

Пер. Л. Шелгуновой.

ИВАНЪ СЕРГЪЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

(Продолженіе *).

V.

Конецъ 1860 года и начало слѣдующаго Тургеневъ проводитъ въ Парижѣ. Жить въ этомъ городѣ для него тягостная необходимость. Онъ попрежнему не любитъ французской столицы. Вторая имперія возмущала его не только своей политической стороной. Въ общественной жизни, и даже въ литературѣ, обнаружались явленія, свидѣтельствовавшія о крайнемъ упадкѣ всякихъ нравственныхъ принциповъ. Тургенева преимущественно интересовало дорогое для него художественное творчество, и здѣсь на каждомъ шагу русскій писатель—идеалистъ приходилъ въ отчаяніе.

Предъ нимъ совершалась безудержная оргія низменныхъ инстинктовъ, въ конецъ убивавшихъ элементарное чувство благородства и чести. И что особенно казалось прискорбнымъ «старому словеснику»—все идейное подвергалось отрицанію со стороны людей, повидимому, нравственно призванныхъ бороться съ грубымъ матеріализмомъ человѣческой жизни,—со стороны писателей, художниковъ, публицистовъ.

Тургенева поражало равнодушіе знаменитѣйшихъ французскихъ литераторовъ къ литературѣ, ея просвѣтительному назначенію. Они ничего не желали знать, кромѣ господствующей парижской моды, весь смыслъ писательской дѣятельности полагали въ искусствѣ «ловить моменты», изъ каждаго своего произведенія создавать крикливую, часто даже просто скандальную, выставку.

Тогда-то разцвѣлъ пресловутый натурализмъ.

Основатель его объявилъ смерть *идеалу*, обозвалъ идеи риторикой, словесной музыкой, «символомъ звучащимъ», или, по натуральной терминологіи—*topage de la forme*, а идеалиста еще хуже, просто *флейтистомъ*, *joueur de flûte*. Рядомъ шла исконная фран-

*) См. «Міръ Божій» № 3, мартъ 1895 г.

цузская національная гордость, самоуслаждение и полнѣйшее презрѣніе къ духовной жизни другихъ народовъ и непоколебимая увѣренность, что умственный свѣтъ свѣтитъ только во французскомъ окошкѣ.

Тургеневъ все это видѣлъ и воспринималъ съ живою чуткостью художника и мыслителя. Въ слѣдующихъ нервныхъ словахъ онъ излагаетъ свои впечатлѣнія Сергѣю Аксакову: «Я познакомился со многими здѣшними литераторами—не съ старыми славами, бывшими коноводами—отъ нихъ, какъ отъ козла, ни шерсти, ни молока—а съ молодыми, передовыми. Я долженъ сознаться, что все это крайне мелко и прозаично, пусто и безталанно. Какая-то безжизненная суетливость, вычурность или плоскость безсилія, крайнее непониманіе всего нефранцузскаго, отсутствие всякой мѣры, всякаго убѣжденія, даже художческаго убѣжденія—вотъ что встрѣчается вамъ, куда ни оглянитесь. Лучшіе изъ нихъ это чувствуютъ сами—и только охаютъ и кричатъ. Критики ихъ—дрянное потакавіе всему и всѣмъ; каждый сидитъ на своемъ конькѣ, на своей манерѣ и кадитъ другому, чтобы и ему кадили—вотъ и все. Одинъ стихотворецъ вообразилъ, что нужно «проводить» реализмъ—и съ усиліемъ, съ натянутой простотой, воспѣваетъ «паръ» и «машины»; другой кричитъ, что должно возвратиться къ Зевсу, Эроту и Палладѣ—и воспѣваетъ ихъ, съ удовольствіемъ помѣщая греческія имена въ свои французскіе стишки; и въ обоихъ капли нѣтъ поэзіи. Сквозь этотъ мелкій гвалтъ и шумъ пробиваются, какъ голоса устарѣлыхъ пѣвцовъ, дребезжащіе звуки Гюго, хилое хныканье Ламартина, болтовня зарпортованшейся Сандъ; Балзакъ воздвигается идоломъ, и новая школа реалистовъ падаетъ въ прахъ передъ нимъ, рабски благоговѣя предъ Случайностью, которую величаютъ Дѣйствительностью и Правдой; а общій уровень нравственности понижается съ каждымъ днемъ, и жажда золота томитъ всѣхъ и каждого—вотъ вамъ Франція! Если я живу здѣсь, то вовсе не для нея и не для Парижа, а въ силу обстоятельствъ, не зависящихъ отъ моей воли»¹⁴²).

Такъ писалъ Тургеневъ въ началѣ 1857 года, и единственной его отрадой было—съ наступленіемъ весны уѣхать въ Россію, въ деревню. То же самое настроеніе владѣетъ Тургеневымъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Въ теченіи осени 1860 года онъ мало работаетъ,—и у него одно объясненіе: «мысль, что я въ Парижѣ, мнѣ очень мѣшаетъ: эта столица міра весьма мнѣ противна».

¹⁴²) Изъ переписки И. С. Т.—ва съ сѣмьею Аксакова. В. Е. 1894, февр. 497.

Только съ ноября онъ «понемногу и очень вяло» принимается за работу. Въ декабрѣ онъ сообщаетъ даже слѣдующее предположеніе: «Въ апрѣлѣ думаю побывать въ Россіи, и, если Богъ дастъ, выдамъ замужъ свою дочь, то я совсѣмъ, и навсегда, вернусь на родину». Въ томъ же письмѣ отъ 13-го декабря 1860 года читаемъ: «Я принялся за работу серьезно—и сижу теперь надъ большою повѣстью (разумѣется, еще больше «Дворянскаго гнѣзда»); надѣюсь одолѣть ее къ марту и тиснуть ее въ «Русскомъ Вѣстникѣ»¹⁴³⁾.

Эта повѣсть—*Отцы и Дети*, не имѣвшая еще заглавія: Тургеневъ только въ концѣ работы давалъ заглавія своимъ произведеніямъ. Романъ дописывался въ Россіи, въ Спасскомъ, въ теченіи лѣта¹⁴⁴⁾. Ему суждено было поднять войну, какой еще не приходилось вести Тургеневу. Раньше литературныхъ событій по поводу *Отцовъ и Детей*—Тургеневъ долженъ былъ, въ качествѣ помѣщика, пережить эпоху отмѣны крѣпостнаго права.

Мы знаемъ, всѣ лучшія надежды Тургенева были сосредоточены на этой великой реформѣ. Еще съ дѣтства онъ страдалъ страданіями подневольныхъ людей, съ юныхъ лѣтъ въ крѣпостномъ рабствѣ видѣлъ своего личнаго врага, поклялся до послѣднихъ силъ бороться съ нимъ. Мы видѣли, какъ одинъ планъ за другимъ возникалъ въ умѣ Тургенева, и всѣ въ одномъ и томъ же направленіи. Сначала *Записки охотника* въ художественныхъ образахъ открыли русской публикѣ *человѣка* въ крѣпостномъ мужикѣ, потомъ художникъ неоднократно пытался—путемъ публицистической и общественной дѣятельности—прийти на помощь дѣлу освобожденія. Легко представить, съ какимъ нетерпѣніемъ Тургеневъ ждалъ желаннаго дня. Этотъ день наступилъ, и Тургеневъ изъ Парижа умоляетъ друзей—сообщать ему каждую подробность, сопровождающую событіе. Онъ, по его словамъ, весь превратился въ ожиданіе, ни о чемъ другомъ не можетъ писать, болѣе, чѣмъ когда-либо рассчитываетъ на дружбу своего давнишняго пріятели. Онъ не перестаетъ возмущаться враждебнымъ отношеніемъ нѣкоторыхъ дворянъ къ реформѣ и въ трогательныхъ выраженіяхъ описываетъ сочувствіе другихъ.

Въ мартовскомъ письмѣ изъ Парижа читаемъ: «Здѣсь русскіе бѣсятся: хороши представители нашего народа! Дай Богъ здоровья государю! Судя по тому, что здѣсь говорится — мы бы никогда

¹⁴³⁾ *Письма*, 80, 82—5.

¹⁴⁴⁾ *Письма*, 94. «Романъ мой подвигается къ концу», пишетъ Тургеневъ Полонскому 14 іюля.

ничего путнаго не дождались. Бѣшенство безсилія отвратительно, но еще болѣе смѣшно».

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Тургеневъ пишетъ: «Здѣсь господа русскіе путешественники очень взволнованы и толкуютъ о томъ, что ихъ ограбили (изъ Положенія рѣшительно не видать, какимъ образомъ ихъ грабятъ!), но принимаютъ мѣры къ устроению своихъ дѣлъ. Вѣроятно, въ нынѣшнемъ году прекратится въ Россіи барщинная работа. Въ прошлое воскресенье мы затѣяли благодарственный молебенъ въ здѣшней церкви, и священникъ Васильевъ произнесъ намъ очень умную и трогательную рѣчь, отъ которой мы всплакнули. (NB. Много ушло изъ церкви до молебна). Передо мной стоялъ Н. И. Тургеневъ и тоже утиралъ слезы; для него это было въ родѣ «нынѣ отпускаеши раба твоего». Тутъ же находился старикъ Волконскій (декабристъ). «Дожили мы до этого великаго дня»,—было на умѣ и на устахъ у каждаго».

Въ концѣ письма Тургеневъ прибавляетъ: «сгораю жаждою быть въ Россіи».

Въ маѣ Тургеневъ былъ въ Спасскомъ и принялся за устройство дѣлъ съ крестьянами. Многочисленныя затрудненія встрѣтили его съ самаго начала. Много предстояло испытаній его доброй волѣ и восторженной вѣрѣ въ лучшее будущее свободнаго народа.

Великое событіе вызвало прискорбную смуту въ умахъ крестьянъ, породило несбыточныя фантастическія надежды у людей, только еще вчера лишенныхъ человѣческой личности. И кому не приходилось считаться съ этимъ разыгравшимся на непривычной свободѣ воображеніемъ? Тургеневу также пришлось бороться съ упорствомъ и съ «задними мыслями», съ наивнымъ, но злобнымъ недоверіемъ,—со всѣми инстинктами, наболѣвшими въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ гнета и обидъ.

Ничто не можетъ поколебать его сочувствія народу: его старинная Аннибаловская клятва по прежнему руководить его отношеніями къ крестьянамъ, ни на одну минуту въ его душу не закрадывается сомнѣніе или негодованіе. Онъ считаетъ своимъ долгомъ вооружиться терпѣніемъ и пойти на всѣ уступки.

За годъ до реформы, крестьянъ нѣкоторыхъ имѣній Тургеневъ перевелъ на оброкъ, хотя этой мѣрѣ всѣми силами противился дядя Ивана Сергѣевича, — его управляющій, Н. И. Тургеневъ. Крестьяне до 19 февраля охотно шли на оброкъ, горячо благодарили Тургенева, но оброка ему не платили. Тургеневъ совершенно благодушно сообщаетъ объ этомъ неожиданномъ для него фактѣ¹⁴⁵⁾.

¹⁴⁵⁾ *Шестъ лѣтъ перетиски. В. Е. апр. 1885, 482.*

Настроеніе крестьянъ рѣзко измѣнилось послѣ объявленія воли. Они повсюду стали отказываться отъ оброка. Недоразумѣнія между помѣщиками, крестьянами и вновь учрежденными сельскими властями возникали безпрестанно. Тургеневъ счумѣлъ избѣжать ихъ. Въ маѣ онъ сообщаетъ: «съ моими крестьянами дѣло идетъ пока хорошо, потому что я имъ сдѣлалъ всѣ возможныя уступки». Въ частныхъ затрудненіяхъ Тургеневъ утѣшалъ себя общими соображеніями о благодѣтельности реформы. «Надо вооружиться терпѣніемъ и выжидать», пишетъ онъ. «Все-таки это дѣло громадное—и то, что уже сдѣлано и осталось, составляетъ полный переворотъ въ русской жизни, который оцѣнять только наши потомки». При выкупѣ Тургеневъ во всѣхъ имѣніяхъ уступилъ крестьянамъ пятую часть и въ главномъ имѣніи не взялъ ничего за усадебную землю ¹⁴⁶).

Но это была только незначительная часть благодѣяній, оказанныхъ Тургеневымъ своимъ бывшимъ крѣпостнымъ.

Очевидецъ свидѣтельствуетъ, что у тургеневскихъ крестьянъ послѣ смерти Ивана Сергѣевича держалась твердая увѣренность, что баринъ завѣщалъ имъ весь господскій лѣсъ ¹⁴⁷). Эта увѣренность была вызвана самимъ Тургеневымъ. Ежегодно, пріѣзжая въ Спасское, онъ дарилъ крестьянамъ десятины по двѣ лѣса, хотя крестьяне во время освобожденія получили прекрасныя надѣлы со всѣми угодьями. Раздача земли происходила крайне просто. Тургеневъ не могъ видѣть крестьянъ, снимавшихъ шапки въ разговорѣ съ нимъ. Очевидно, ему трудно было въ чемъ-либо отказать просителямъ.

Намъ рассказываютъ одну изъ многочисленныхъ сценъ Тургенева съ крестьянами-просителями. Можетъ быть, рассказъ нѣсколько прикрашенъ, но основа его, во всякомъ случаѣ, достоверна. Она подтверждается фактами, не подлежащими сомнѣнію.

Иванъ Сергѣевичъ посѣтилъ одну изъ своихъ деревень и вышелъ къ крестьянамъ. «Красивые и, видимо, зажиточные крестьяне безъ шапокъ окружали крыльцо, на которомъ стоялъ Тургеневъ и, отчасти повернувшись къ стѣнкѣ, царапалъ ее ногтями. Какой-то мужикъ ловко подвелъ Ивану Сергѣевичу о недостаткѣ у него тяговой земли и просилъ о прибавкѣ таковой. Не успѣлъ Иванъ Сергѣевичъ обѣщать мужику просимую землю, какъ подобныя настоятельныя нужды явились у всѣхъ, и дѣло кончилось раздачею всей барской земли крестьянамъ».

¹⁴⁶) *Листья*, 91—4, 234.

¹⁴⁷) Евг. Гаршинъ. *Воспоминанія о Тургеневѣ*. *Ист. В. XIV*, 392.

Но вопросъ этимъ не былъ рѣшенъ. Н. И. Тургеневъ, державшійся совершенно другихъ взглядовъ, чѣмъ его племянникъ, отклонилъ его распоряженія ¹⁴⁸⁾. Такое вмѣшательство не всегда было возможно; вскорѣ оно должно было совѣмъ прекратиться, — и крестьяне невозбранно продолжали до самой смерти барина получать подарки.

Заботы Тургенева о крестьянахъ шли дальше. Онъ учредилъ школу, богадѣльню, больницу и многое еще намѣренъ былъ сдѣлать: смерть помѣшала его планамъ. Крестьянское горе его глубоко трогало. Очевидецъ рассказываетъ, какъ онъ въ послѣдній свой прїѣздъ въ Спасское, за два года до смерти, больной, ночью, рѣшился отправиться на пожаръ, когда ему сказали, что горитъ деревня его крестьянъ ¹⁴⁹⁾. Тургеневъ ежегодно выплачивалъ множество пенсій старымъ слугамъ, стипендій крестьянскимъ парнямъ, выказавшимъ особенные таланты къ наукѣ.

Одинъ изъ нихъ рассказываетъ, съ какимъ вниманіемъ относился Тургеневъ къ нему еще до отпѣны крѣпостнаго права, поощрялъ его успѣхи надеждой на близкое освобожденіе. Оно совершилось, Тургеневъ продолжаетъ высылать деньги своему питомцу и пишетъ ему такія отеческія письма:

«Я всегда съ участіемъ слѣдилъ за ходомъ твоего воспитанія и радовался твоимъ успѣхамъ. Надѣюсь, что теперь, когда ты вступишь на поприще дѣйствительной жизни, ты по прежнему оправдаешь мое довѣріе. Времена, слава Богу, наступили теперь другія, и всякій человѣкъ съ головой и съ поведеніемъ можетъ проложить себѣ дорогу. Будь увѣренъ, что ты найдешь всегда во мнѣ готовность быть тебѣ полезнымъ. Помни, что первые шаги особенно важны и трудны, но они облегчены для тебя тѣми познаніями, которыя ты приобрѣлъ» ¹⁵⁰⁾.

Здѣсь не видно барина: это пишетъ человѣкъ, очевидно, считающій на довѣрчивыя, свободныя отношенія крестьянина. «Онъ никогда не разыгрывалъ аристократа», «въ обращеніи его не проглядывалъ большой баринъ» — такъ отзываются о Тургеневѣ иностранцы ¹⁵¹⁾. Крестьяне, несомнѣнно, испытывали такое же впечатлѣніе. Англичанинъ, жившій съ Тургеневымъ въ деревнѣ, восхищался его обращеніемъ съ крестьянами ¹⁵²⁾. Другой очевидецъ удивлялся откровенности крестьянъ съ Тургеневымъ, — своей

¹⁴⁸⁾ Фетъ. I, 278.

¹⁴⁹⁾ Полонскій. 516.

¹⁵⁰⁾ *Воспом. о селѣ Спасскомъ*. Р. В. 1. cit, 336.

¹⁵¹⁾ Шмидтъ, Крашевскій. *Иностр. критика о Т.—мъ*. 12, 216.

¹⁵²⁾ Рольстонъ. *Тб.* 190.

ство, столь рѣдкое у нихъ относительно господъ, вообще, людей чуждой имъ среды.

И Тургеневу дорога была эта откровенность. Онъ радовался, что у мужика со времени реформы постепенно стало исчезать раболѣпство: «поклонъ мужицкій сталъ уже далеко не тотъ, какимъ онъ былъ при моей матери», говорилъ Тургеневъ. «Сейчасъ видно, что кланяются добровольно—дескать, почтеніе оказываемъ; а тогда отъ каждаго поклона такъ и разлило рабскимъ страхомъ и подобострастіемъ. Видно Федотъ—да не тотъ»¹⁵³).

Тургеневъ придавалъ большое значеніе основательному знакомству съ крестьянскимъ бытомъ. Онъ самъ умѣлъ глубоко проникать въ душу сѣраго человѣка, ясно понимать его нравственный міръ и правдиво и художественно рисовать его интересы, его вѣщную жизнь. Раньше, до реформы, онъ сѣтовалъ, что крѣпостное право мѣшаетъ сближенію помѣщиковъ съ крестьянами, позже, много лѣтъ спустя, онъ не побоялся сознаться, что его свѣдѣнія о русскихъ крестьянахъ утратили всякую свѣжесть, потому что онъ такъ давно живетъ въ отдаленіи отъ нихъ. Очевидно, для него были цѣнны исключительно свѣдѣнія, почерпнутыя непосредственно изъ самаго источника народной жизни,— и не случайно, мимоходомъ, а въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ пристального изученія. При такомъ взглядѣ Тургеневъ былъ далекъ отъ крайнихъ народническихъ увлеченій. Его приводила въ негодованіе мысль, что образованные классы должны учиться у народа. Онъ видѣлъ темныя стороны народной жизни, видѣлъ не маю пятенъ и въ ходячей народной морали. Онъ по личному опыту зналъ, сколько жесткости, равнодушія, извращенныхъ представленій воспитано въ народѣ вѣками крѣпостнаго рабства. Онъ не могъ допускать слѣпой, повальной идеализаціи всего, что можно признать продуктомъ народной жизни и народныхъ воззрѣній.

Но это было вопросомъ о подробностяхъ и частностяхъ. Въ цѣломъ народъ рисовался у Тургенева великой нравственной силой. Ее трудно опредѣлить, разобрать; для Тургенева русскій народъ являлся таинственнымъ незнакомцемъ, сфинксомъ, но гениальный художникъ чувствовалъ глубокое родство своей природы съ духовнымъ существомъ родного народа, чувствовалъ неразрывную связь своего міросозерцанія съ «народной правдой».

Вы помните блестящую сцену въ романѣ *Дворянское гнѣздо*? Два героя ведутъ споръ: одинъ—представитель чиновническаго самонадѣяннаго формализма, человѣкъ, чуждый народу и его жизни,

¹⁵³) Полонскій. 511, 519.

«чужакъ», другой—помѣщикъ, крѣпко сроспѣйся съ народной почвой, несмотря на свое привилегированное положеніе. Чиновникъ—радикаленъ, прямолинеенъ и необыкновенно смѣлъ въ своихъ взглядахъ: для него—дѣйствительность—мертвый предметъ для канцелярскихъ опытовъ. Помѣщикъ держится совершенно другого взгляда на преобразованія и передѣлки. И вотъ какъ авторъ описываетъ результатъ спора; изъ описанія ясно, на чьей сторонѣ его сочувствіе:

Лаврецкій, обозванный отсталымъ консерваторомъ, «не разсердился, не возвысилъ голоса, и покойно разбилъ Пяшина на всѣхъ пунктахъ. Онъ доказалъ ему невозможность скачковъ и надменныхъ передѣлокъ, не оправданныхъ ни знаніемъ родной земли, ни дѣйствительной вѣрой въ идеалъ, хотя бы отрицательный; привелъ въ примѣръ свое собственное воспитаніе, требовалъ прежде всего признанія народной правды и смиренія передъ нею,—того смиренія, безъ котораго и смѣлость противу лжи невозможна; не отклонился, наконецъ, отъ заслуженнаго, по его мнѣнію, упрека въ легкомысленной растратѣ времени и силъ».

Это—дѣйствительно *смиренная* рѣчь въ лучшемъ смыслѣ слова, рѣчь, скрывающая въ глубинѣ упреки совѣсти, испытываемые благороднымъ представителемъ привилегированнаго сословія. Онъ сознаетъ, что не выполнилъ во всей полнотѣ долга предъ своими меньшими братьями.

Самому автору было знакомо это чувство, хотя никто въ мірѣ не согласится, что оно именно здѣсь было законно. Но мы видѣли личное свидѣтельство Тургенева. Великаго писателя всю жизнь преслѣдовало сознаніе наслѣдственной вины предъ народомъ. Онъ стремился, на сколько хватало силъ и средствъ, загладить грѣхи своихъ отцовъ предъ крѣпостными. Онъ многое прощалъ бывшему рабу, вѣчно памятуя его мученическое прошлое. Имъ нерѣдко овладѣвало смущеніе предъ лицомъ этого раба: такъ глубоко жило въ этомъ рыцарскомъ сердцѣ ощущеніе стыда за чужія преступленія! Органическая связь съ народомъ одухотворялась у Тургенева благороднѣйшимъ чувствомъ гуманности и снисхожденія къ униженнымъ и обездоленнымъ. Геній художника и сердце челоуѣка вели его прямымъ путемъ къ предмету его безсмертной вѣры,—къ *народной правдѣ*.

Тургеневъ до конца дней сохранилъ за собой добрыя отношенія крестьянъ. Страдая смертельнымъ недугомъ, лишенный возможности пріѣхать на родину, онъ пишетъ крестьянамъ въ отвѣтъ на ихъ привѣтствія:

«Я получилъ ваше письмо и благодарю васъ за добрую память

обо мнѣ и за хорошія пожеланія. Мнѣ самому очень жаль, что болѣзнь помѣшала мнѣ въ нынѣшнемъ году побывать въ Спасскомъ. Мое здоровье поправляется, и я надѣюсь, что будущее лѣто я проведу въ Спасскомъ».

Письмо оканчивается обычнымъ подаркомъ лѣса ¹⁵⁴). Тонъ письма въ высшей степени простой, сердечный: такъ могъ говорить только человекъ, превосходно знакомый съ своими собесѣдниками и ихъ житейскими нуждами. Тургеневъ, оказывается, точно знаетъ, какъ живутъ его крестьяне, что хорошаго и что дурного въ ихъ жизни. И на все онъ умѣетъ сказать простое, дѣльное слово, понятное каждому мужику.

При такихъ условіяхъ, естественно, Тургеневъ одинъ изъ первыхъ среди помѣщиковъ покончилъ дѣло съ освобожденными крестьянами къ общему удовольствію. Это было большимъ успѣхомъ, но въ теченіе того же самага лѣта Тургеневу пришлось вынести ударъ съ другой стороны,—ударъ, на долго смутившій его нравственный покой, его совѣсть.

Намъ предстоитъ разсказать исторію, о которой часто говорилось въ печати. Мы разскажемъ ее—для полноты достовѣрныхъ фактическихъ данныхъ біографіи Тургенева. И на этотъ разъ, какъ и раньше, по поводу того же вопроса, мы не считаемъ себя въ правѣ произносить какой бы то ни было приговоръ, направленный противъ той или другой личности. Недостатокъ исторической точности въ нашемъ разсказѣ, если таковой окажется, будетъ зависѣть исключительно отъ свойствъ нашихъ источниковъ.

Въ концѣ мая 1861 года въ Степановку, имѣніе Фета, пріѣхали погостить Тургеневъ и гр. Толстой. Оба писателя собирались свидѣться у общаго пріятеля. Тургеневъ даже написалъ гр. Толстому, чтобы онъ непременно заѣхалъ за нимъ въ Спасское по пути въ Степановку. Гр. Толстой также заявлялъ, что ему «хочется видѣть Ивана Сергѣевича». Ничто, повидимому, не предвѣщало грозныхъ событій.

Они послѣдовали на другой же день по прибытіи гостей въ Степановку.

Предъ нами два разсказа объ этихъ событіяхъ: одинъ принадлежитъ Фету—очевидцу, явно предрасположенному къ одной изъ враждебныхъ сторонъ, къ гр. Толстому, другой—записанъ со словъ Тургенева. Въ этихъ разсказахъ много общаго, и существенный моментъ, какъ сейчасъ увидимъ, и въ той, и въ другой передачѣ тождественъ.

¹⁵⁴) Письма, 487.

Мы приведемъ оба разсказа. Фетъ повѣствуетъ:

«Утромъ, въ наше обыкновенное время, т.-е. въ 8 часовъ, гости вышли въ столовую, въ которой жена моя занимала верхній конецъ стола за самоваромъ, а я, въ ожиданіи кофе, помѣстился на ~~другомъ~~ концѣ. Тургеневъ сѣлъ по правую руку хозяйки, а Толстой — по ~~лѣвую~~. Зная важность, которую въ это время Тургеневъ придавалъ воспитанію своей дочери, жена моя спросила его, доволенъ ли онъ своею ~~англійскою~~ англійскою гувернанткой. Тургеневъ сталъ изливаться въ похвалахъ ~~гувернанткѣ~~ и, между прочимъ, разсказалъ, что гувернантка съ ~~англійскою~~ англійскою пунктуальностью просила Тургенева опредѣлить сумму, которую дочь его можетъ располагать для благотворительныхъ цѣлей. «Теперь», ~~сказалъ~~ сказалъ Тургеневъ, «англичанка требуетъ, чтобы моя дочь забирала ~~на~~ на руки худую одежду бѣдняковъ и, собственноручно вычинивъ оную, ~~возвращала~~ возвращала по принадлежности.

— И это вы считаете хорошимъ?—спросилъ Толстой.

— Конечно, это сближаетъ благотворительницу съ насущною нуждой.

— А я считаю, что разряженная дѣвушка, держащая на колѣняхъ грязныя и зловонныя лохмотья, играетъ неискреннюю театральную сцену.

— Я васъ прошу этого не говорить!—воскликнулъ Тургеневъ съ раздувающимися ноздрями.

— Отчего же мнѣ не говорить того, въ чемъ я убѣжденъ?—отвѣчалъ Толстой.

«Не успѣлъ я крикнуть Тургеневу: «перестаньте!»,—продолжаетъ Фетъ, — какъ блѣдный отъ злобы, онъ сказалъ: «такъ я васъ заставлю молчать оскорбленіемъ». Съ этимъ словомъ онъ вскочилъ изъ-за стола и, схватившись руками за голову, взволнованно зашагалъ въ другую комнату. Черезъ секунду онъ вернулся къ намъ и сказалъ, обращаясь къ женѣ моей: «ради Бога, извините мой безобразный поступокъ, въ которомъ я глубоко раскаяваюсь». Съ этимъ вмѣстѣ онъ снова ушелъ».

Другой разсказъ по существу немногимъ отличается отъ только-что приведеннаго. Но въ немъ есть нѣсколько замѣчаній, приписываемыхъ гр. Толстому: Фетъ о нихъ не упоминаетъ ни единымъ словомъ, а между тѣмъ,—именно они должны были вызвать у Тургенева такое бурное негодованіе.

Бесѣдуя о воспитаніи дочери Ивана Сергѣевича, гр. Толстой спросилъ:

— Вѣдь это ваша незаконная дочь?

— Да. Но только что же изъ этого слѣдуетъ?

— А то, что вы производите *experimentum in anima vili*.

«Иванъ Сергѣевичъ не взвидѣлъ свѣта при этихъ словахъ и успѣлъ только крикнуть»:

— Толстой, замолчите, или я въ васъ пущу вижкой.

«Я только увидѣлъ», говорилъ Иванъ Сергѣевичъ, «что какая-то улыбка радости, при мысли, что онъ достигъ своей цѣли, сверкнула въ его глазахъ»¹⁵⁵).

Тургеневъ и гр. Толстой, конечно, немедленно разстались, но на этомъ дѣло не кончилось.

Гр. Толстой послалъ Тургеневу вызовъ; по нѣкоторымъ извѣстіямъ почти одновременно было послано письмо совершенно другого содержанія: гр. Толстой раскаявался въ своемъ поступкѣ¹⁵⁶). Въ самый день ссоры Тургеневъ написалъ слѣдующее письмо:

«Милостивый государь, Левъ Николаевичъ! Въ отвѣтъ на ваше письмо я могу повторить только то, что я самъ своею обязанностью почелъ объявить вамъ у Фета: увлеченный чувствомъ невольной неприязни, въ причины которой теперь входить не мѣсто, я оскорбилъ васъ безъ всякаго положительнаго повода съ вашей стороны и попросилъ у васъ извиненія. Происшедшее сегодня поутру доказало ясно, что всякая попытка сближенія между такими противоположными натурами, каковы вапа и моя, не могутъ повести ни къ чему хорошему; и потому тѣмъ охотнѣе исполняю мой долгъ передъ вами, что настоящее письмо есть, вѣроятно, послѣднее проявленіе какихъ бы то ни было отношеній между нами. Отъ души желаю, чтобы оно васъ удовлетворило и заранѣе объявляю свое согласіе на употребленіе, которое вамъ заблаго-разсудится сдѣлать изъ него.

«Съ совершеннымъ уваженіемъ имѣю честь оставаться, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга»¹⁵⁷).

Ив. Тургеневъ».

Гр. Толстой объявилъ посланному Тургенева, что драться съ Тургеневымъ онъ не намѣренъ: иначе—оба они сдѣлаются сказкой русской публики, а питать ее скандалами онъ не имѣетъ ни охоты, ни повода¹⁵⁸). Извиненія Тургенева гр. Толстой тоже отказался

¹⁵⁵) Фетъ. I, 370. Евг. Гаршинъ. *Ист. В. XIV*, 389. Гаршинъ мѣстомъ ссоры называетъ *Спасское*. Анненковъ отъ себя говоритъ тоже о Спасскомъ, но здѣсь же приводитъ письмо Т—ва, гдѣ читаемъ: «въ этой же деревнѣ (т.-е. у Фета) совершилось неприятое событіе». Несмотря на это указаніе, Анненковъ и въ другомъ мѣстѣ настаиваетъ на томъ, что «сцена» произошла въ Спасскомъ. *Шесть лѣтъ перенески. В. Е.*, апр. 1885. 488, 486, 491.

¹⁵⁶) Гаршинъ. *Ид.*, 390.

¹⁵⁷) Фетъ. I, 372.

¹⁵⁸) Анненковъ. *В. Е.* 1885, апр. 491.

принять на основаніи «противоположности натуры», а извинялъ по причинамъ, которыя предоставлялъ понять самому Тургеневу. Одновременно гр. Толстой писалъ Фету, что онъ презираетъ Тургенева и навсегда порываетъ съ нимъ всѣ сношенія ¹⁵⁹). Въ такомъ же смыслѣ было написано письмо къ Тургеневу. Посланный гр. Толстого требовалъ отвѣта, и Тургеневъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

«Вашъ человѣкъ говоритъ, что вы желаете получить отвѣтъ на ваше письмо; но я не вижу, что бы я могъ прибавить къ тому, что я написалъ. Развѣ то, что я признаю за вами право потребовать отъ меня удовлетворенія вооруженною рукой: вы предпочли удовольствоваться высказаннымъ и повтореннымъ моимъ извиненіемъ. Это было въ вашей волѣ. Скажу безъ фразы, что охотно бы выдержалъ вашъ огонь, чтобы тѣмъ загладить мое, дѣйствительно, безумное слово. То, что я его высказалъ, такъ далеко отъ привычекъ всей моей жизни, что я могу приписать это ничему иному, какъ раздраженію, вызванному крайнимъ и постояннымъ антагонизмомъ нашихъ воззрѣній. Это не извиненіе, я хочу сказать не оправданіе, а объясненіе. И потому, расставаясь съ вами навсегда—подобныя происшествія неизгладимы, невозвратимы—считаю долгомъ повторить еще разъ, что въ этомъ дѣлѣ правы были вы, а виноватъ я. Прибавляю, что тутъ вопросъ не въ храбрости, которую я хочу или не хочу показывать, а въ признаніи за вами права привести меня на поединокъ, разумѣется, въ принятыхъ формахъ (съ инцидентами), какъ и права меня извинить. Вы избрали, что вамъ было угодно, и мнѣ остается покориться вашему рѣшенію.

«Снова прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи.

Изъ Тургеневъ».

Приведенными письмами, очевидно, не ограничилась переписка двухъ враждебныхъ сторонъ. Письма гр. Толстого къ Тургеневу неизвѣстны намъ. Ясно одно: сначала гр. Толстой потребовалъ дуэли, потомъ отказался отъ нея. Ясенъ еще другой, болѣе важный, фактъ: искреннее признаніе Тургенева въ своей винѣ.

Ссора произошла 27-го мая,—Тургеневъ въ тотъ же день призналъ себя виновнымъ и не переставалъ повторять это, даже во время сильнѣйшаго раздраженія противъ гр. Толстого въ ноябрѣ того же года.

Тургеневъ предъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга загра-

¹⁵⁹) Фетъ. I, 373.

ницу узналъ, что по Москвѣ ходятъ списки съ письма гр. Толстого,—письма, крайне оскорбительнаго для Тургенева. Сообщали, будто списки распространяются самимъ гр. Толстымъ, причемъ гр. Толстой называетъ Тургенева трусомъ, не пожелавшимъ драться нимъ. Тургеневъ отъѣзда за границу не отложилъ, но написалъ гр. Толстому письмо, его поступокъ назвалъ «и оскорбительнымъ, и безчестнымъ», и предупреждалъ, что будущей весной, по возвращеніи въ Россію, потребуетъ удовлетворенія.

«Толстой отвѣчалъ мнѣ», рассказываетъ Тургеневъ, «что это распространеніе списковъ—чистая выдумка, и тутъ же прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ, повторивъ, какъ я его оскорбилъ—*проситъ у меня извиненія и отказывается отъ вызова*». Гр. Толстой при этомъ заявлялъ, что всякое новое обращеніе къ нему Тургенева онъ сочтетъ за оскорбленіе, — и Тургеневъ просилъ общаго знакомаго сообщить ему, что онъ также отказывается отъ вызова и считаетъ «все это» похороненнымъ на вѣки¹⁶⁰).

Тургеневъ былъ искренно радъ такой развязкѣ и горько сътовалъ на разныхъ «вѣрныхъ людей», сообщающихъ лживыя вѣсти, и досужихъ друзей. Извинительное письмо гр. Толстого Тургеневъ тотчасъ же уничтожилъ¹⁶¹).

Таковы фактическія данныя прискорбнаго событія. Люди, близко стоявшіе къ обоимъ писателямъ, отказываются объяснить *психологическіе* мотивы того, что произошло на ихъ глазахъ: они не *понимаютъ* этихъ мотивовъ¹⁶²). Мы, конечно, находимся въ еще менѣе выгодномъ положеніи. Несомнѣнно, разговоръ 27 мая явился только внѣшнимъ поводомъ для взрыва, давно назрѣвшаго, подготовленнаго годами. Ссылка Тургенева на «противоположность натуръ», на «крайній и постоянный антагонизмъ возрѣній» подтверждается всей исторіей взаимныхъ отношеній Тургенева и гр. Толстого. Были, конечно, и нравственныя, личныя причины, помимо идейныхъ. Выше мы указывали нѣкоторыя изъ нихъ. Выяснить ихъ во всей полнотѣ въ настоящее время еще труднѣе, чѣмъ прослѣдить антагонизмъ возрѣній¹⁶³).

¹⁶⁰) Феть I, 381. Анненковъ. В. Е. *Иб.* 490.

¹⁶¹) Анненковъ. *Иб.* 492. Феть. I, 381.

¹⁶²) Феть. I, 372.

¹⁶³) Не лишено извѣстнаго интереса сужденіе Боткина о «свѣстяхъ изъ Степановки». «Сцена, бывшая у него съ Толстымъ», пишетъ Боткинъ Фету, «произвела на меня тяжелое впечатлѣніе. Но знаешь-ли, я думаю, что въ сущности у Толстого страстно любящая душа, и онъ хотѣлъ бы любить Тургенева со всею горячностью, но, къ несчастью, его порывчатое чувство встрѣчаетъ одно кроткое, добродушное равнодушіе. Съ этимъ онъ никакъ не можетъ помириться. А потомъ, къ несчастью, умъ его находится въ какомъ-то

Необыкновенно ярко этотъ антагонизмъ сказывается по вопросу, самому близкому для того и другого писателя,—по вопросу о литературной дѣятельности.

Тургеневъ придавалъ великое значеніе этой дѣятельности, и поэтому горячо интересовался судьбой и вліяніемъ своихъ произведеній среди публики. Не менѣ пристально слѣдилъ онъ за художественнымъ развитіемъ другихъ писателей, поощрялъ ихъ. Для него, какъ и для большинства его просвѣщенныхъ современниковъ, литература была благороднѣйшей силой въ дѣлѣ общественнаго развитія. Тургеневъ до конца жизни не перестаетъ слѣдить за журнальными статьями, за новыми беллетристическими произведеніями, сообщаетъ издали друзьямъ свои взгляды и впечатлѣнія, жадно ищетъ новыхъ талантовъ и самоотверженно и любовно расчищаетъ имъ пути къ успѣху. «Каждый старѣющійся писатель», писалъ онъ къ одному изъ молодыхъ авторовъ, «съ удовольствіемъ видитъ литературныхъ себѣ наследниковъ»¹⁶⁴). И Тургеневъ такъ поступалъ всегда и вездѣ, встрѣчая талантливаго юношу, нерѣдко даже производя въ таланты довольно посредственныхъ литераторовъ.

Такое отношеніе вытекало изъ общаго взгляда Тургенева на литературу, на искусство, на художественное творчество. Во времена Тургенева литература была единственнымъ доступнымъ общественнымъ дѣломъ, и мы видѣли стремленія Тургенева—превратить писателей въ признанныхъ руководителей и просвѣтителей общества и народа. «У Тургенева», пишетъ его современникъ и другъ, «привязанность къ русской литературѣ и искусству составляла органическое чувство, одолѣть которое уже были не въ силахъ никакіе посторонніе соблазны и влеченія. Бѣлинскій высоко цѣнилъ это качество своего друга. Для Тургенева—и многихъ

хаосъ представленій, т. е. я хочу сказать, что въ немъ еще не выработалось опредѣленнаго возрѣнія на жизнь и дѣла міра сего. Отъ этого такъ мѣняются его убѣжденія, такъ падаютъ онъ на крайности». Фетъ. I, 378.

Фетъ, рассказавъ это событіе, прибавляетъ слѣдующее сообщеніе, остающееся одинокимъ въ нашихъ источникахъ и не подтверждаемое, по крайней мѣрѣ, по своему внутреннему смыслу—ни письмомъ Тургенева къ гр. Толстому, ни его отзывами о гр. Толстомъ, и ничѣмъ не связанное съ *мотивами* ссоры. Фетъ пишетъ: «Размышляя впоследствии о случившемся, я поневолѣ вспоминалъ мѣткія слова покойнаго Ник. Ник. Толстого, который, будучи свидѣтелемъ раздражительныхъ споровъ Тургенева съ Львомъ Николаевичемъ, не разъ со смѣхомъ говорилъ: «Тургеневъ никакъ не можетъ помириться съ мыслью, что Левочка растетъ и уходитъ у него изъ подъ опеки». (Фетъ. *Изб.* 372). Мы видѣли, что именно «уходъ изъ-подъ опеки» Тургеневъ и приветствовалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ гр. Толстому.

¹⁶⁴) Гаршинъ. *Ист.* В. XIV, 385.

его современниковъ, послѣ народа, ничего болѣе важнаго и болѣе достойнаго вниманія и изученія, чѣмъ русская литература, вовсе и не существовало въ Россіи: ее одну они тамъ и видѣли, и на нее возлагали всѣ свои надежды. Для Тургенева и для многихъ другихъ еще за нимъ—слѣдить за русской литературой—значило слѣдить за первенствующимъ (если не единственнымъ) воспитывающимъ и цивилизующимъ элементомъ въ Россіи»¹⁶⁵).

Тургеневъ называетъ себя «старымъ словесникомъ»¹⁶⁶), и никто изъ критиковъ не обладалъ большимъ чутьемъ къ художественной красотѣ языка, никто не умѣлъ съ болѣе провицательностью оцѣнить форму и разобрать содержаніе литературнаго произведенія, и никто съ болѣе искреннимъ восторгомъ не провозглашалъ безсмертіе искусства и вѣру въ его связующую власть между людьми мысли и чувства¹⁶⁷).

Совершенно другіе взгляды выражалъ Толстой въ эпоху со-вмѣстной литературной дѣятельности съ Тургеневымъ.

Гр. Толстой не чувствуетъ никакого интереса къ современной литературѣ: случается, иные годы онъ не получаетъ «ни одного журнала и ни одной газеты», и находитъ, что «это очень полезно»¹⁶⁸). Онъ не хочетъ даже знать объ успѣхахъ или неудачахъ собственныхъ произведеній. Въ 1863 году Фетъ получаетъ отъ него такое письмо въ отвѣтъ на литературныя извѣстія:

«Я живу въ мірѣ, столь далеко отъ литературы и ея критики, что, получая такое письмо, какъ ваше, первое чувство мое—удивленіе. Да кто же такъ написалъ *Казакъ* и *Полтушку*? Да и что разсуждать о нихъ? Бумага все терпитъ, а редакторъ за все платитъ и печатаетъ. Но это только первое впечатлѣніе, а потомъ вникнешь въ смыслъ рѣчей, покопаешься въ головѣ, и найдешь тамъ гдѣ-нибудь въ углу между старымъ забытымъ хламомъ, найдешь что-то такое неопредѣленное, подъ заглавіемъ *художественное*. И, сличая съ тѣмъ, что вы говорите, согласишься, что вы правы, и даже удовольствіе найдешь покопаться въ этомъ старомъ хламѣ и въ этомъ когда-то любимомъ запахѣ. И даже писать захочется»¹⁶⁹).

Въ этихъ признаціяхъ менѣе всего, конечно, можно открыть

¹⁶⁵) Анненковъ. *Воспоминанія и очерки*. III, 192.

¹⁶⁶) *Письма*, 261.

¹⁶⁷) *Письма*, 102. «Что тамъ ни говори молодежь, а искусство умереть не можетъ, и посильное служеніе ему будетъ всегда тѣсно связывать людей». А. И. Майкову, 18 марта 1862.

¹⁶⁸) Письмо и Фетъ. Фетъ. II, 211.

¹⁶⁹) Фетъ. I, 418.

любовное и почтительное чувство къ литературѣ и искусству. Любопытно сочувственное отношеніе къ разговорамъ Фета о *художественномъ*. Ниже мы будемъ имѣть случай познакомиться съ общимъ смысломъ этихъ разговоровъ и съ отзывами Тургенева объ эстетикѣ Фета. Окажется, что гр. Толстой и Тургеневъ совершенно различно смотрѣли на эту эстетику, и Тургеневъ объяснить намъ, почему теорія Фета возбуждала у него перѣдко глубокое чувство негодованія. Припомнимъ также мнѣнія Фета о литераторахъ и протесты Тургенева. Но со стороны гр. Толстого фетовское міросозерцаніе въ области литературы не встрѣчало ни возраженій, ни протеста.

Много лѣтъ спустя, въ 1874 году, гр. Толстой обнаруживаетъ тоже настроеніе. На похвалы Фета роману *Анна Каренина* и на извѣстія Тургенева о французскомъ переводѣ *Двухъ гусаровъ*, гр. Толстой отвѣчаетъ: «Вы хвалите *Каренину*, мнѣ это очень пріятно, да и какъ я слышу, ее хвалятъ; но навѣрное никогда не было писателя, столь равнодушнаго къ своему успѣху, какъ я... Отъ Тургенева получилъ переводъ, напечатанный въ «*Temps*», *Двухъ гусаровъ* и письмо въ третьемъ лицѣ, просящее извѣстить, что я получилъ, и что г-жей Віардо и Тургеневымъ переводятся другія повѣсти,—что ни то, ни другое совсѣмъ не нужно было»¹⁷⁰⁾.

Что касается романовъ Тургенева, гр. Толстой относился къ нимъ, повидимому, всегда отрицательно. «Единственный человекъ, котораго я совершенно отказываюсь удовлетворить когда-нибудь»,—писалъ Тургеневъ,—«Левъ Толстой. Но что дѣлать! Видно, такъ у меня на роду написано»¹⁷¹⁾.

Въ этомъ отношеніи любопытенъ отзывъ гр. Толстого о *Наканунѣ*. Въ отзывѣ звучитъ то же чувство къ литературной дѣятельности, какое уже намъ знакомо.

«Прочелъ я *Наканунъ*», пишетъ гр. Толстой. «Вотъ мое мнѣніе: писать повѣсти, вообще, напрасно, а еще болѣе такимъ людямъ, которымъ грустно, и которые не знаютъ хорошенько, чего они хотятъ отъ жизни. Впрочемъ, *Наканунъ* много лучше *Дворянскаго тѣзда*, и есть въ немъ отрицательныя лица превосходныя: художникъ и отецъ. Другіе же не только не типы, но даже замыселъ ихъ, положеніе ихъ не типическое, или ужъ они совсѣмъ пошлы. Впрочемъ, это всегдашняя ошибка Тургенева. Дѣвица изъ рукъ вонъ плоха: *Ахъ, какъ я тебя люблю... у нея рысницы были длинныя*...»¹⁷²⁾.

¹⁷⁰⁾ Фетъ. II, 289.

¹⁷¹⁾ *Иб.* I, 326.

¹⁷²⁾ *Иб.* I, 317.

Тургеневъ и послѣ ссоры оставался восторженнымъ цѣнителемъ таланта гр. Толстого. Онъ не могъ выносить его «философіи», «резонерства» и «разсудительства», указывалъ недостатки въ нѣкоторыхъ характерахъ въ романѣ *Война и миръ*, въ идеяхъ романа *Анна Каренина*, по поводу философіи повторялъ извѣстное изреченіе В. П. Боткина на счетъ усилій гр. Толстого открыть Средиземное море,—но въ то же время глубоко огорчался дурными вѣстями объ его здоровьѣ и писалъ, объясняя причину: «Л. Толстой, эта единственная надежда нашей осиротѣвшей литературы, не можетъ и не долженъ такъ же скоро исчезнуть съ лица земли, какъ его предшественники—Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь»¹⁷³). Это повторяется неоднократно. «Что вы мнѣ ничего не говорите о Левѣ Толстомъ?» пишетъ Тургеневъ Фету. «Онъ меня «ненавидитъ и презираетъ», а я продолжаю имъ лично интересоваться, какъ самымъ крупнымъ современнымъ талантомъ».

Позже Тургеневъ свидѣтельствуемъ, что онъ «никогда и ни передъ кѣмъ не отзывался о Левѣ Толстомъ иначе, какъ съ полнымъ уваженіемъ къ его таланту и характеру»¹⁷⁴).

Тургеневъ усердно распространяетъ произведенія гр. Толстого въ то время, когда ссора еще длится, испрашиваетъ у него разрѣшенія, конечно, черезъ третье лицо, на переводъ его повѣстей, дѣятельно пользуется этимъ разрѣшеніемъ и даже благодарить за него. Романъ *Война и миръ* переводится подъ надзоромъ Тургенева. Онъ самъ развозитъ французскіе экземпляры парижскимъ критикамъ, убѣждая ихъ прочесть романъ, не смотря на чудовищный для нихъ объемъ¹⁷⁵),

Авторитетъ Тургенева въ это время высоко цѣнился за границей, и, несомнѣнно, только подъ давленіемъ этого авторитета, знаменитый романъ сталъ, наконецъ, извѣстенъ французской публикѣ.

Примиреніе гр. Толстого съ Тургеневымъ произошло весной 1878 года. Графъ Толстой, подъ вліяніемъ своихъ новыхъ нравственныхъ взглядовъ, написалъ Тургеневу; письмо это намъ неизвѣстно, отвѣтъ Тургенева—въ письмѣ отъ 8 мая—слѣдующій:

«Любезный Левъ Николаевичъ, я только сегодня получилъ ваше письмо, которое вы отправили *poste restante*. Оно меня очень обрадовало и тронуло. Съ величайшей охотой готовъ возобновить нашу прежнюю дружбу, и крѣпко жму протянутую мнѣ вами руку. Вы совершенно правы, не предполагая во мнѣ враждебныхъ

¹⁷³) Фетъ, II, 95, 174, 235, 238. *Письма*. 257, 260.

¹⁷⁴) Фетъ, II, 279, 304.

¹⁷⁵) Фетъ, II, 288. *Русск. Ст.* XL, 211. *И. С. Т.—въ въ его разсказахъ.*

чувствъ къ вамъ; если они и были, то давнымъ-давно исчезли, и осталось одно воспоминаніе о васъ, какъ о человѣкѣ, къ которому я былъ искренно привязанъ, — и о писателѣ, первые шаги котораго мнѣ удалось привѣтствовать равьше другихъ, каждое новое произведеніе котораго всегда возбуждало во мнѣ живѣйшій интересъ. Душевно радуюсь прекращенію возникшихъ между нами недоразумѣній».

«Я надѣюсь нынѣшнимъ лѣтомъ попасть въ Орловскую губернію — и тогда мы, конечно, увидимся. А до тѣхъ поръ желаю вамъ всего хорошаго — и еще разъ жму вамъ руку» ¹⁷⁶).

Разсказываютъ, что Тургеневу все-таки хотѣлось объясниться съ гр. Толстымъ на счетъ прошлыхъ недоразумѣній. Но гр. Толстой предупредилъ всякія объясненія. Тургеневъ былъ по дѣламъ въ Тулѣ, — гр. Толстой случайно находился въ этомъ же городѣ, онъ совершенно неожиданно пришелъ къ Тургеневу и, войдя къ нему въ комнату, дружески обнялъ его, не давъ начать никакихъ объясненій ¹⁷⁷).

Нечего и говорить, что послѣ прекращенія ссоры забота Тургенева о заграничной популярности сочиненій гр. Толстого не могла ослабѣть. Онъ просматриваетъ англійскіе и французскіе переводы повѣстей гр. Толстого, «заботится о рекламѣ» для *Войны и мира*, сообщаетъ англійскимъ и французскимъ писателямъ «факты изъ литературной и общественной жизни» автора. «Философствованіе графа ему, по прежнему, не нравится, «но», пишетъ онъ, «Л. Толстой, какъ большой и живой талантъ, выскочитъ изъ болота, куда онъ залѣзъ — и съ пользой для литературы» ¹⁷⁸).

Восторги Тургенева предъ талантомъ его современника поднимаются, повидимому, съ теченіемъ времени все выше. По крайней мѣрѣ, у насъ есть данныя за послѣдніе три года жизни Тургенева, и всѣ они доказываютъ, по истинѣ, самоотверженное преклоненіе предъ дарованіемъ опаснѣйшаго соперника.

Лѣто 1881 года Иванъ Сергѣевичъ провелъ въ Спасскомъ. Часто заходила рѣчь о гр. Толстомъ. Однажды Тургеневъ прочелъ одну главу изъ романа *Война и миръ* и обратился къ присутствующимъ: «выше этого описанія я ничего не знаю ни въ

¹⁷⁶) *Письма*, 331. Анненковъ ошибается, говоря, что «полное примиреніе между врагами произошло за годъ или за два до смерти одного изъ нихъ». В. Е. апр. 1885, 492. Фетъ дѣлаетъ другую ошибку, утверждая, будто «Тургеневъ явился съ повинною въ Ясную Поляну» для примиренія съ гр. Толстымъ. II, 304.

¹⁷⁷) Гаршинъ. *Ист. В.* Ib, 391.

¹⁷⁸) *Письма*. 339, 348, 336, 347.

Одной изъ европейскихъ литературъ. Вотъ такъ описаніе! Вотъ какъ должно описывать!...

«Всѣ неволью согласились съ Иваномъ Сергѣевичемъ»,—продолжаетъ очевидецъ,—«а Тургеневъ—точно какой кладъ нашелъ—все еще радостно доказывалъ намъ, до какой степени хорошо это описаніе»¹⁷⁹).

Въ 1882 году, въ письмахъ къ Д. В. Григоровичу, Тургеневъ постоянно вспоминаетъ о гр. Толстомъ. «Это—чудащице, но несомнѣнно гениальный человѣкъ—и добрѣйшій»... «Толстой, едва ли, не самый замѣчательный человѣкъ современной Россіи». Во время этихъ отзывовъ Тургеневъ уже страдалъ смертельнымъ недугомъ. Но и приближеніе смерти не могло изгладить въ его памяти мысли о любимомъ писателѣ и человѣкѣ.

Въ концѣ іюня 1883 года Тургеневъ обратился къ гр. Толстому съ трогательнымъ письмомъ: ему суждено было остаться завѣщаніемъ гениальнаго художника и великаго человѣка.

Письмо продиктовано, Иванъ Сергѣевичъ уже не могъ писать, и диктовать было для него непосильнымъ трудомъ, но подпись—его.

«Милый и дорогой Левъ Николаевичъ, долго вамъ не писалъ, ибо былъ и есмь, говоря прямо, на смертномъ одрѣ. Выздоровѣть я не могу, и думать объ этомъ нечего. Пишу же я вамъ собственно, чтобы сказать вамъ, какъ я былъ радъ быть вашимъ современникомъ, и чтобы выразить вамъ мою послѣднюю искреннюю просьбу. Другъ мой, вернитесь къ литературной дѣятельности! Вѣдь этотъ даръ вашъ оттуда, октуда все другое. Ахъ, какъ я былъ бы счастливъ, еслибъ могъ подумать, что просьба моя такъ на васъ подѣйствуетъ!! Я же человѣкъ кончевый—доктора даже не знаютъ, какъ назвать мой недугъ, névralgie stomacale goutteuse. Ни ходить, ни ѣсть, ни спать, да что! Скучно даже повторять все это! Другъ, великій писатель русской земли—внемлите моей просьбѣ! Дайте мнѣ знать, если вы получите эту бумажку, и позвольте еще разъ крѣпко, крѣпко обнять васъ, вашу жену, всѣхъ вашихъ. Не могу больше... Усталъ!»

Есть извѣстіе, что гр. Толстой отвѣчалъ Тургеневу и что «этотъ отвѣтъ глубоко огорчилъ и потрясъ умирающаго»¹⁸⁰).

Въ самый разгаръ ссоры съ гр. Толстымъ Тургеневъ дописывалъ романъ *Отцы и дѣти*. Къ 30-му іюля романъ былъ оконченъ¹⁸¹). Новое произведеніе должно было принести автору

¹⁷⁹) Полонскій. 573—4.

¹⁸⁰) Р. Ст. XL, 212.

¹⁸¹) Анненковъ днемъ окончанія романа называетъ 20 іюля (В. Е. апр. 1885, 494), Тургеневъ въ ст. объ *Отцахъ и Дѣтяхъ* говоритъ о 30 іюля.

столько огорчений, возбудить столько горячихъ распрей, что всѣ личныя недоразумѣнія Тургенева съ разными писателями совершенно блѣднѣютъ передъ этой ожесточенной войной, длившейся цѣлыя годы и донесшей послѣдніе отголоски до нашихъ дней.

Настроеніе Тургенева до выхода въ свѣтъ романа было смутное: то онъ надѣялся, что «участь» романа «будетъ лучше», чѣмъ участь *Наканунъ*, то опасался разочарованія публики, и хотѣлъ возможно дольше удержать у себя свое произведеніе. Любопытно, что авторъ съ самаго начала предчувствовалъ жестокія нападки крайней либеральной печати и въ своемъ дневникѣ, немедленно по окончаніи романа, указалъ на недоразумѣніе, съ которымъ ему предстояло вскорѣ вести энергичную, но, большею частью, бесплодную, борьбу. Катковъ настоятельно требовалъ романъ для первыхъ книжекъ *Русскаго Вѣстника*—на 1862 годъ ¹⁸²⁾.

Конецъ 1861 года проходилъ для Тургенева въ мучительныхъ сомнѣніяхъ, но это только слабое предвѣстіе грядущей бури. Тургеневъ горячо благодаритъ за всякій благопріятный отзывъ о романѣ. Въ октябрѣ такую благодарность получаетъ Анненковъ,—и Тургеневъ прибавляетъ: «довѣріе къ собственному труду было сильно потрясено во мнѣ». Авторъ не останавливался ни предъ какими поправками и измѣненіями. Позже онъ говорилъ, что «работалъ надъ романомъ усердно, долго, добросовѣстно». Всѣ замѣчанія друзей принимаются въ расчетъ, и безпрестанно посылаются требованія—на счетъ новыхъ замѣчаній ¹⁸³⁾. Наеъ изумляетъ терпимость, самоотверженный трудъ и покорное вниманіе къ чужимъ мнѣніямъ у великаго, уже прославленнаго, художника.

Не мало затрудненій создалъ для Тургенева редакторъ *Русскаго Вѣстника*. «Онъ не восхищался романомъ», — рассказываетъ очевидецъ, — «а напротивъ, съ первыхъ же словъ замѣтилъ: «какъ не стыдно Тургеневу было спустить флагъ передъ радикаломъ и отдать ему честь, какъ передъ заслуженнымъ воиномъ» ¹⁸⁴⁾.

Катковъ не удовлетворился бесѣдой съ пріятелемъ Тургенева и написалъ Ивану Сергѣевичу письмо. Отрывокъ изъ этого письма, напечатанный Тургеневымъ въ статьѣ *По поводу Отцовъ и Дѣтей*—

¹⁸²⁾ В. Е. апр. 1885. 482. *Письма*, 97. Въ примѣч. къ статьѣ о романѣ И. С. пишетъ: «Позволю себѣ привести слѣдующую выписку изъ моего дневника: «30-го іюля, воскресенье. Часа полтора тому назадъ я кончилъ, наконецъ, свой романъ... Не знаю, каковъ будетъ успѣхъ. *Современникъ*, вѣроятно, оболетъ меня презрѣніемъ за Базарова и не повѣрять, что во все время писанія я чувствовалъ къ нему невольное влеченіе...»

¹⁸³⁾ *Шестъ лѣтъ переписки*. *Ib.* 490, 496.

¹⁸⁴⁾ *Ib.* 497.

въ высшей степени любопытенъ. Онъ ясно указываетъ спорный пунктъ, возбуждившій многолѣтнюю полемику. Катковъ писалъ:

«Если и не въ апофеозу возведенъ Базаровъ, то нельзя не сознаться, что онъ какъ-то случайно попалъ на очень высокій пьедесталъ. Онъ дѣйствительно подавляетъ все окружающее. Все передъ нимъ или ветошь, или слабо и зелено. Такого ли впечатлѣнія нужно было желать? Въ повѣсти чувствуется, что авторъ хотѣлъ характеризовать начало, мало ему сочувственное, но, какъ будто, колебался въ выборѣ тона и бессознательно покорился ему. Чувствуется что-то несвободное въ отношеніяхъ автора къ герою повѣсти, какая-то неловкость и принужденность. Авторъ передъ нимъ какъ будто теряется, и не любитъ, а еще пуще боится его!»

Это одинъ взглядъ. Рядомъ съ нимъ Тургеневу приходилось выслушивать совершенно противоположныя мнѣнія. Знакомая семья, очень уважаемая авторомъ, совѣтовала ему предать романъ огню. На такомъ трагическомъ концѣ настаивала особенно хозяйка — умная, развитая дама. Тургеневъ пришелъ въ крайнее безпокойство и сдѣлалъ запросъ другимъ своимъ друзьямъ, что дѣлать съ романомъ. На этотъ разъ автора обвиняли въ отрицательномъ отношеніи къ главному герою, «за анти-либеральный духъ»¹⁸⁵⁾.

Объ партіи шли рука объ руку и преслѣдовали автора за каждую мелочь. Катковъ, напримѣръ, жалѣлъ о томъ, что Тургеневъ не заставилъ Одинцову обращаться съ Базаровымъ иронически¹⁸⁶⁾. Критики противоположнаго взгляда негодовали на Тургенева за то, что онъ заставилъ Базарова проиграть въ карты отцу Алексѣю: «Не знаетъ, молъ, чѣмъ бы только уязвить и унижить его! И въ карты, молъ, не умѣетъ играть».

Тургеневъ подъ вліяніемъ отзывовъ выкидывалъ изъ романа цѣлыя сцены. Напримѣръ, въ свиданіи Аркадія съ Базаровымъ, Базаровъ, рассказывая о дуэли, трунилъ надъ рыцарями, и Аркадій слушалъ его съ тайнымъ ужасомъ. Этихъ насмѣшекъ нѣтъ въ окончательной редакціи. «Я выкинулъ это и теперь сожалею», писалъ Тургеневъ Достоевскому: «я вообще много перемарывалъ и передѣлывалъ подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ отзывовъ»¹⁸⁷⁾.

Упреки Каткова произвели на Тургенева особенно сильное впе-

¹⁸⁵⁾ Въ письмѣ къ Анненкову Тургеневъ называетъ «Т—выхъ» — безпощадныхъ судей романа. В. Е. апр. 1885, 498—9.

¹⁸⁶⁾ Катковъ уговорилъ Тургенева «выбросить не мало смягчающихъ чертъ». Объ этомъ сообщалъ самъ Т—въ одному изъ своихъ русскихъ друзей, жившихъ за границей, и прибавлялъ, что онъ очень раскаивается въ своей уступчивости. Письмо относится къ апрѣлю 1862 года.

¹⁸⁷⁾ Письма, 101.

чатлівіе. Онъ рѣшилъ остановить печатаніе романа и передѣлать лицо Базарова съ начала до конца, даже писалъ объ этомъ Каткову, но передѣлка, къ счастью, не состоялась ¹⁸⁸).

Ко всѣмъ этимъ спорамъ присоединилось событіе общественнаго характера, неблагоприятное роману. Осенью 1861 года произошли студенческіе беспорядки. Они быстро были прекращены, но заграничные корреспонденты особенно ими заинтересовались, сообщали о нихъ, извращая и преувеличивая факты. Тургеневъ спрашивалъ изъ Парижа совѣта друзей, не лучше ли при современныхъ условіяхъ отложить печатаніе романа? Въ декабрѣ 1861 года вопросъ все еще оставался нерѣшеннымъ. Редакторъ *Русскаго Вѣстника* настойчиво требовалъ романа, Тургеневъ еще не довелъ до конца передѣлокъ. Всѣ эти тревоженія должны были жестоко измучить автора. Одиннадцатаго декабря онъ писалъ:

«Судя по охватывающей меня со всѣхъ сторонъ апатіи—это будетъ, вѣроятно, послѣднее произведеніе моего краснорѣчиваго пера. Пора натягивать на себя одѣяло—и спать» ¹⁸⁹).

Несмотря на всѣ препятствія и задержки, романъ появился наконецъ, въ мартовской книгѣ *Русскаго Вѣстника*.

Впечатлівіе, произведенное романомъ на публику, было безпримѣрное въ русской литературѣ. Предъ нами рассказъ очевидца, крайне враждебно настроеннаго противъ Тургенева, и тѣмъ любопытнѣе подробности рассказа.

«Можно положительно сказать», пишетъ этотъ очевидецъ, «что *Отцы и Дети* были прочитаны даже такими людьми, которые со школьной скамьи не брали книги въ руки». Приводятся слѣдующіе примѣры. Въ одно общество явился генералъ и тотчасъ же заговорилъ о злобѣ дня:

— Признаюсь, я эту дребедень, называемую повѣстями и романами, не читаю но, куда, ни придешь — только и разговорить что объ этой книжкѣ... стыдять, уговариваютъ прочитать... Дѣлать нечего,—прочитай...» Дальше слѣдовали восторги по поводу того, что авторъ «ловко ошельмовалъ» молодое поколѣніе, обозвавъ юношей извѣстнаго сорта — «нигилистами».

Это слово, извѣстное въ русской литературѣ задолго до Тургенева ¹⁹⁰), превратилось теперь «въ клеймо позора», по выраже-

¹⁸⁸) Таково сообщеніе Анненкова, и оно имѣетъ въ виду, очевидно, болѣе рѣшительныя требованія издателя *Русскаго Вѣстника*, чѣмъ какія удовлетворилъ Тургеневъ смягченіемъ нѣкоторыхъ чертъ. В. Е. апр. 1885, 499.

¹⁸⁹) В. Е. Ію. 502.

¹⁹⁰) Въ журналѣ *Телескопъ* въ тридцатыхъ годахъ была напечатана статья профессора моск. унив. Надеждина—*Сомнѣніе нигилистовъ*. Подъ нигилистами

нію Тургенева. Оно заключало въ себѣ приговоръ въ нравственной смерти. Намъ очевидецъ рассказываетъ случай въ одной чиновничьей семьѣ. Глава семьи—старый служака—не поѣхалъ съ праздничными визитами къ знакомымъ, ссылаясь на свой возрастъ. Жена—старуха—пришла въ ужасъ, заподозрила нигилизмъ, обвинила студента-племянника, жившаго въ ея домѣ, будто онъ глѣзливо вліяетъ на мужа, и изгнала бѣднаго юношу.

Тотъ же очевидецъ яркими красками описываетъ жизнь, будто бы внесенную романомъ во многія семьи: старое и молодое поколѣнія вдругъ оказались въ непримиримо-враждебныхъ отношеніяхъ... Многое, очевидно, здѣсь прикрашено фантазіей автора во сущность факта—потрясающее впечатлѣніе романа на всю грамотную Россію—вполнѣ достовѣрно¹⁹¹).

Тургеневъ въ своей статьѣ говоритъ о «любопытной коллекціи писемъ и прочихъ документовъ», накопившихся у него по поводу романа. «Въ то время», пишетъ онъ, «какъ одни обвиняютъ меня въ оскорбленіи молодого поколѣнія, въ отсталости, въ мракобѣсіи, извѣщаютъ меня, что «съ хохотомъ презрѣнія сжигаютъ мои фотографическія карточки»,—другіе, напротивъ, съ негодованіемъ упрекаютъ меня въ низкопоклонствѣ передъ самымъ этимъ молодымъ поколѣніемъ. «Вы ползаете у ногъ Базарова!» восклицаетъ одинъ корреспондентъ: «вы только притворяетесь, что осуждаете его; въ сущности, вы заискиваете передъ нимъ и ждете, какъ милости, одной его небрежной улыбки».

Несомнѣнно, особенный интересъ представляли для Тургенева отзывы писателей-художниковъ. Намъ извѣстно этихъ отзывовъ довольно много, и они, въ свою очередь, доказываютъ, какъ смутно и неопредѣленно было впечатлѣніе лучшихъ читателей-современниковъ.

Прежде всего—Фетъ. Тургеневъ, какъ увидимъ ниже, совершенно не сочувствовалъ художественнымъ взглядамъ этого поэта, но все-таки немедленно по выходѣ романа усердно просилъ его написать свое мнѣніе. Фетъ немедленно исполнилъ желаніе Тургенева. Смыслъ его критики можно видѣть изъ слѣдующаго въ высшей степени любопытнаго письма Тургенева; оно, между прочимъ, касается одного изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ въ области искусства—*тенденціи*.

разумѣлись враги традиціонныхъ эстетическихъ и литературныхъ теорій. По условіямъ времени, подъ это опредѣленіе должны были подходить сначала пушкинская, и впоследствии, гоголевская школа съ ея стремленіемъ къ реальному самостоятельному творчеству.

¹⁹¹) Головачева. *Ист. В. XXXVII*, 479.

Тургеневъ пишетъ въ отвѣтъ Фету:

«И такъ, не смотря на всѣ ваши евоемизмы, *Отцы и Дети* вамъ не нравятся. Преклоняю голову, ибо дѣлать тутъ нечего; но хочу сказать нѣсколько словъ въ свою защиту, хотя я знаю, сколь это неблаговидно и напрасно. Вы приписываете всю бѣду *тенденціи, рефлексіи*, уму, однимъ словомъ. А по настоящему, надо просто было сказать — мастерства не хватило. Выходитъ, что я наивнѣе, чѣмъ вы предполагаете. Тенденція! А какая тенденція въ *Отцахъ и Детяхъ*, позвольте спросить? Хотѣлъ ли я обругать Базарова, или его превознести? Я *этого самъ не знаю*, ибо не знаю, люблю ли я его, или ненавижу! Вотъ тебѣ и тенденція. Катковъ распекалъ меня за то, что Базаровъ у меня вышелъ въ апофеозѣ. Вы упоминаете также о параллелизмѣ; но гдѣ онъ, позвольте спросить, и гдѣ эти *пары*, вѣрующіе и невѣрующіе? Павелъ Петровичъ вѣритъ, или не вѣритъ? Я этого не вѣдаю, ибо я въ немъ просто хотѣлъ представить типъ С—ыхъ, Р—овъ и другихъ русскихъ ех-львовъ. Странное дѣло: вы меня упрекаете въ параллелизмѣ, а другіе пишутъ мнѣ: зачѣмъ Анна Сергѣевна не высокая натура, чтобы полнѣе выставить контрастъ ея съ Базаровымъ? Зачѣмъ старики Базаровы не совершенно патріархальны? Зачѣмъ Аркадій пошловать, и не лучше ли было представить его честнымъ, но мгновенно увлекшимся юношей? Къ чему Феничка, и какой можно сдѣлать изъ нея выводъ? Скажу вамъ одно, что я всѣ эти лица рисовалъ, какъ бы я рисовалъ грибы, листья, деревья; намозолили мнѣ глаза, я и принялся чертить. А освободиться отъ собственныхъ впечатлѣній потому только, что они похожи на тенденціи, было бы странно и смѣшно. Изъ этого я не хочу вывести заключенія, что стало-быть—я молодецъ; напротивъ, то, что можно заключить изъ моихъ словъ, даже обиднѣе для меня: я не то, чтобы перехитрилъ, а не съумѣлъ; но истина прежде всего. А впрочемъ, *omnia vapitas*»¹⁹²⁾.

Одновременно съ критикой Фета Тургеневъ получилъ такой же неблагопріятный отзывъ отъ Писемскаго: авторъ романа *Тысяча душъ*, находилъ, что «лицо Базарова совершенно не удалось».

Но были мнѣнія и другого свойства. Къ числу защитниковъ романа принадлежатъ Достоевскій и А. Н. Майковъ. Тургеневъ тому и другому отвѣтилъ благодарственными письмами.

Благодаря Достоевскаго, онъ писалъ: «тутъ дѣло не въ удовлетвореніи самолюбія, а въ удостовѣреніи, что ты, стало-быть, не ошибся и не совѣмъ промахнулся — и трудъ не пропасть да-

¹⁹²⁾ Фетъ. I, 395—6.

ромъ... Автору трудно почувствовать *тотчасъ*, насколько его мысль воплотилась, и вѣрна ли она, и овладѣлъ ли онъ ею, и т. д. Онъ какъ въ лѣсу въ своемъ собственномъ произведеніи. Вы навѣрное сами испытали это не разъ. И потому еще разъ спасибо».

Письмо къ А. Н. Майкову исполнено горячаго, задушевнаго чувства. Каждая строка свидѣтельствуешь здѣсь объ искренней радостной признательности.

«Любезнѣйшій Аполлонъ Николаевичъ, скажу вамъ прямо по-мужицки: «Дай вамъ Богъ здоровья за ваше милое и доброе письмо!» Очень вы меня утѣшили. Ни въ одной вещи своей я такъ не сомнѣвался, какъ именно въ этой; отзывы и сужденія людей, которымъ я привыкъ вѣрить, были крайне неблагоклонны; если бы не настоятельныя требованія Каткова — *Отцы и Дети* никогда бы не явились. Теперь я могу сказать себѣ, что не могъ же я написать совершенную чепуху, если такіе люди, какъ вы, да Достоевскій, глядятъ меня по головкѣ и говорятъ мнѣ: «хорошо, братецъ, ставимъ тебѣ 4»¹⁹³).

Но такія минуты Тургеневу приходилось рѣдко переживать. Вскорѣ онъ лично испыталъ, какую смуту вызвалъ герой въ умахъ русскихъ читателей. Онъ рассказываетъ о своемъ прїѣздѣ въ Петербургъ по выходѣ романа. Прїѣхалъ онъ въ самый день извѣстныхъ пожаровъ Апраксинскаго двора. Слово *нигилистъ* уже было подхвачено тысячами голосовъ, и первое восклицаніе, вырвавшееся изъ устъ перваго знакомаго, встрѣченнаго Тургеневымъ на Невскомъ, было: «Посмотрите, что *ваши* нигилисты дѣлаютъ! жгутъ Петербургъ!» Немного спустя въ *Кельнской газетѣ* появилась корреспонденція о томъ, что Тургеневъ поджигатель — не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ слова¹⁹⁴).

Романъ называли памфлетомъ на ненавистныхъ автору критиковъ, между прочимъ, на Добролюбова. Тургеневъ, по его словамъ, получалъ поздравленія, чуть не лобызанія отъ людей противнаго ему лагеря, отъ враговъ. Совѣсть художника оставалась спокойной: онъ «хорошо зналъ», что «честно и не только безъ предубѣжденія, но даже съ сочувствіемъ, отнесся къ выведенному типу».

Это сочувствіе для Тургенева безусловный фактъ. Если Фету онъ заявлялъ — о неясности своихъ настроеній относительно Базарова, — это заявленіе слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что авторъ отнюдь не стремился своего отношенія къ Базарову навязывать читателямъ, *какъ человекъ*, онъ отлично зналъ, любить онъ

¹⁹³) Письма. 100, 102.

¹⁹⁴) Русск. Ст. XL, 315.

или ненавидитъ Базарова; *какъ писатель-художникъ*—онъ представилъ рѣшеніе вопроса своему таланту и самой публикѣ. Другими словами, Тургеневъ—авторъ не зналъ, удалось ли ему вызвать у читателей любовь, или ненависть къ его герою. Отсюда постоянныя сознанія Ивана Сергѣевича въ безсиліи своего художественнаго творчества, въ неясности Базарова, какъ типа, какъ общественнаго явленія известной среды.

Тургеневу оставалось свой личный взглядъ прямо открыть и разъяснить публикѣ.

Немедленно послѣ выхода въ свѣтъ романа Тургеневу сообщали, какое бурное впечатлѣніе произвели *Отцы и Дети* на русскихъ студентовъ въ гейдельбергскомъ университетѣ. Молодежь вообще оказалась на сторонѣ хулителей романа, и преимущественно студенты. Тургеневъ счелъ нужнымъ подробно огвѣтить на упреки гейдельбергскихъ студентовъ; «мнѣніемъ молодежи нельзя не дорожить», писалъ онъ, «я бы очень желалъ, чтобъ не было недоразумѣній на счетъ моихъ намѣреній».

Въ письмѣ отъ 14 апрѣля точно и ясно высказаны основныя идеи романа. На этотъ разъ Тургеневъ открыто становится на сторону новаго героя: «Я хотѣлъ сдѣлать изъ него лицо трагическое—тутъ было не до нѣжностей. Онъ честенъ, правдивъ и демократъ до мозга костей». Все это, несомнѣнно, *хорошія стороны*. «*Вся моя повѣсть*», пишетъ авторъ, «*направлена противъ дворянства, какъ передоваго класса*. Вглядитесь въ лица Н. П. (Николая Петровича Корсакова), П. П., Аркадія. Слабость и вялость или ограниченность». Дуэль, по замыслу автора, должна была особенно ярко освѣтить «пустоту элегантно-дворянскаго рыцарства, выставленнаго почти преувеличенно-комически».

Нѣсколько дней спустя Тургеневъ писалъ въ томъ же смыслѣ заграничному другу, присоединившему свой голосъ къ нападкамъ молодежи на романъ.

«Немедленно отвѣчаю на твое письмо, не для того, чтобы защищаться, а чтобы благодарить тебя и въ тоже время заявить, что при сочиненіи Базарова я не только не сердился на него, но чувствовалъ къ нему «влеченіе, родъ недуга»... Еще бы онъ подавилъ собою «человѣка съ душистыми усами» и другихъ! Это—торжество демократизма надъ аристократіей. Положа руку на сердце, я не чувствую себя виновнымъ передъ Базаровымъ и не могъ придать ему ненужной сладости. Если его не любятъ, какъ онъ есть, со всѣмъ его безобразіемъ, значитъ, я виноватъ и не сумѣлъ сладить съ избраннымъ мною типомъ. Штука была бы не важная представить его идеаломъ; а сдѣлать его волкомъ, и

все-таки оправдать его, — это было трудно; и въ этомъ я, вѣроятно, не успѣлъ; но я хочу только отклонить нареканіе въ раздраженіи противъ него. Мнѣ, напротивъ, сдается, что противное раздраженію чувство свѣтится во всемъ, въ его смерти и т. д.»¹⁹⁵).

Тургеневу приходилось объяснять самыя, повидимому, простыя положенія въ романѣ, приходилось доказывать, что Одинцова одинаково *не влюбляется* ни въ Аркадія, ни въ Базарова. Врядъ ли нынѣшній толковый читатель способенъ впасть въ такія заблужденія, какія на каждомъ шагѣ обнаруживали современники Тургенева. Одинцова, по словамъ автора, только дополняетъ сатиру на дворянство: «это тоже представительница нашихъ праздныхъ, мечтающихъ, любопытныхъ и холодныхъ барынь-эпикуреекъ, нашихъ дворянокъ».

Молодые люди недовольны были развязкой романа, *случайной* будто бы смертью Базарова. По замыслу автора — она «должна была положить послѣднюю черту на его трагическую фигуру».

Письмо 14-го апрѣля оканчивается слѣдующими искренними энергическими словами:

«Если читатель не *полюбитъ* Базарова со всею его грубостью, безсердечностью, безжалостной сухостью и рѣзкостью—если онъ его не полюбитъ, повторю я—я виноватъ и не достигъ своей цѣли. Но разсыропиться, говоря его словами, я не хотѣлъ, хотя черезъ это я бы, вѣроятно, тотчасъ имѣлъ молодыхъ людей на моей сторонѣ. Я не хотѣлъ покупаться на популярность такого рода уступками. Лучше проиграть сраженіе (и, кажется, я его проигралъ), чѣмъ выиграть его уловкой. Мнѣ мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая изъ почвы, сильная, злобная, честная и все-таки обреченная на гибель, потому что она все-таки стоитъ еще въ преддверіи будущаго—мнѣ мечтался какой-то страшный *pendant* съ Пугачевымъ и т. д.—а мои молодые современники говорятъ мнѣ, качая головами: «ты, братецъ, опросто-волосился и даже насъ обидѣлъ: вотъ Аркадій у тебя почище вышелъ—напрасно ты надъ нимъ еще не потрудился». Мнѣ остается сдѣлать какъ въ цыганской пѣснѣ: «снять шапку, да пониже поклониться».

Мы до сихъ поръ приводили только впечатлѣнія и мнѣнія читателей, — обыкновенной публики и журналистовъ, не занимавшихся специально литературной критикой. Но эти отзывы съ изумительной точностью предвосхитили основную точку зрѣнія, и даже многія идеи профессиональныхъ судей художественнаго творчества.

¹⁹⁵) Письмо помѣчено—*Парижъ. Rue de Rivoli 210. 28 apr. 1862.*

Эта основная точка въ высшей степени оригинальна и въ русской литературѣ обнаружилась съ такой всепоглощающей силой только въ первый разъ, по поводу тургеневскаго романа. Фактъ какъ нельзя болѣе краснорѣчиво свидѣтельствовалъ объ общественномъ значеніи романа, но въ то же время самого автора ставилъ въ самое мучительное положеніе, такъ какъ критика превращалась въ энергическое слѣдствіе надъ его личностью и совѣстью.

Для Тургенева такой оборотъ былъ не новостью. Но личныя нападки въ эпоху *Рудина* не идутъ ни въ какое сравненіе съ жестокой войной, возбужденной *Отцами и Дѣтьми*.

Что же собственно волновало страсти и вызывало подчасъ самыя странныя сорбраженія на счетъ авторскихъ цѣлей и идей?

Не романъ, какъ бы талантливо и художественно онъ ни былъ выполненъ, не сама исторія, рассказанная съ великимъ искусствомъ,—однимъ словомъ, не та сторона произведенія, которая навсегда останется лучшимъ достояніемъ русской литературы.

Интересъ читателей и критиковъ сосредоточился исключительно на *одномъ героѣ* романа, на *одной личности*. Ради нея забыли о цѣломъ, забыли о неподражаемомъ творчествѣ автора, забыли о всей его литературной дѣятельности. Одинъ образъ, созданный имъ, поглотилъ все общественное вниманіе.

Были подвергнуты тщательному изслѣдованію мельчайшія подробности, характеризующія героя, взвѣшено каждое его слово, каждое его дѣйствіе. Происходилъ въ полномъ смыслѣ судъ, непосредственно отражавшійся на самомъ авторѣ,—судъ беспощадный, часто жестокий и всегда придирчивый.

Читатели и критики во что бы то ни стало рѣшили добиться опредѣленнаго представленія на счетъ *доктрины, міросозерцанія* автора. И нескончаемые анатомическіе опыты надъ главнымъ героемъ романа казались самымъ надежнымъ рѣшеніемъ вопроса.

Рѣдко люди съ такимъ пристальнымъ вниманіемъ слѣдили и слѣдятъ за реальной личностью. Созданіе художника силой своего вліянія на умы превзошло всякую дѣйствительность.

И это впечатлѣніе осталось на долгіе годы.

Оно, повидимому, обладаетъ даже свойствомъ по временамъ оживать съ былой свѣжестью и съ былою мощью волновать страсти...

Но уже десятки лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ эпохи, кипѣвшей всевозможными вопросами, создавшей особаго рода литературу—воинственную и горячую, литературу стремительной критики и неутомимыхъ поисковъ нравственной правды и общественного блага. Намъ теперь многое непонятно и странно въ этой словесной бурѣ, разыгравшейся изъ-за Базарова. Насъ прежде всего поражаетъ

запальчивость враждебныхъ вылазокъ противъ автора, несмотря ни на какія объясненія съ его стороны.

Откройте главнѣйшіе журналы за шестидесятые годы, и вы будете поражены явленіемъ, совершенно необыкновеннымъ не только у насъ, но и во всей Европѣ. Громкая борьба романтизма съ классицизмомъ и порою натурализма съ романтизмомъ — простыя семейныя ссоры сравнительно съ критическими статьями объ *Отцахъ и Дѣтяхъ*. Тамъ было, по крайней мѣрѣ, ясно, какой писатель и какой органъ стоятъ за ту или другую литературную школу, т.-е. тамъ были *partii*, два опредѣленныхъ лагеря. Ничего подобнаго въ русской журналистикѣ. Здѣсь партией оказался единично *авторъ*, а *печать* самыхъ разнообразныхъ направленій составила ему оппозицію.

Если *Дворянское имѣдо* объединило враговъ и друзей Тургенева въ общемъ чувствѣ признательности и даже восторга, *Отцы и Дѣти* оказались мостомъ, гдѣ сошлись *Отечественныя Записки* и *Современникъ* въ единодушномъ натискѣ на творца Базарова.

Трудно сказать, какому журналу отдать пальму первенства въ бранивомъ азартѣ смертнаго приговора надъ тургеневскимъ романомъ.

Отечественныя Записки заявляли, что «авторъ лишенъ всякой умственной подготовки въ выполненіи цѣли романа», а цѣль эта, по толкованію критика, — «показать, что философія дѣтей противна члвчвческой природѣ и потому не можетъ быть примѣнима къ жизни». Тургеневъ, оказывалось, «не только не имѣетъ никакого понятія о системѣ новой положительной философіи, но и о старыхъ, идеалистическихъ системахъ имѣетъ понятія самыя поверхностныя, ребяческія».

Вся критика изложена въ подобномъ тонѣ, причемъ «сумбурныя разсужденія о молодомъ поколѣніи» — самая мягкая опѣнка тургеневскихъ діалоговъ, а отрицаніе у автора всякихъ «наблюденій надъ живою дѣйствительностью» — самое милостивое замѣчаніе. Весь романъ — сплошной вымыселъ и клевета на философію и молодое русское поколѣніе.

Какія же доказательства у критика?

Прежде всего, Тургеневъ критическое отношеніе «ко всему» смѣшалъ съ безпринципностью, съ нигилизмомъ. Базаровъ — клевета на молодежь, потому что онъ отрицаетъ «честность», идетъ противъ «человѣческой природы», между тѣмъ какъ, по наблюденіямъ критика, русская молодежь «не только не отрицаетъ честности, а напротивъ того, шагу не можетъ ступить безъ того, чтобы разъ двадцать не повторить этого слова при всякомъ удобномъ случаѣ».

Очевидно, Тургеневъ вообще противъ «критической точки зрѣнія», вполне на сторонѣ «отцовъ» и въ критикѣ существующаго видитъ одинъ лишь нигилизмъ, т.-е. извращеніе нравственныхъ и естественныхъ основъ человѣческой жизни. Павелъ Петровичъ Кирсановъ—двойникъ автора романа, и авторъ статьи въ *Отечественныхъ Запискахъ* громитъ этого господина въ полной увѣренности, что своими ударами уничтожаетъ Тургенева.

Откуда, спросите вы, этотъ авторъ узналъ, будто Тургеневъ говоритъ устами Павла Кирсанова? Всякій, умѣющій читать, отнюдь не увидитъ этого героя на идеальной высотѣ. Напротивъ, добродушная, отчасти сострадательная, иронія—выражаетъ истинныя чувства автора къ «a perfect gentleman'у», сраженному на смерть рыцарю «сфинкса» въ лицѣ чужой жены, княгини Р., накрахмаленному ритору на темы — «принсиповъ» и «bien public». «Принсипы» Кирсанова Тургеневъ признаетъ самыми совершенными принципами: критикъ въ этомъ убѣжденъ и произноситъ такой приговоръ автору романа: «Вообще, производя нигилизмъ отъ латинскаго слова nihil, т.-е. ничего, гораздо было бы правильнѣе назвать нигилистами людей, у которыхъ нѣтъ въ головѣ ни одной мысли, провѣренной собственной критикой, кромѣ принятыхъ на вѣру кирсановскихъ принциповъ».

Слѣдовательно, авторъ *Записокъ охотника и Дворянскаго гнзда* рекомендовался публикѣ въ качествѣ слабоумнаго пасквилянта на всякій протестъ, на всякую критическую мысль, обзывался попугаемъ барскихъ тунеедныхъ традицій, авторомъ практически-бессмысленнаго, «априоричнаго» романа, гдѣ главный герой ведетъ войну противъ честности и какихъ бы то ни было принциповъ. т. е. является готовымъ нарушителемъ всякихъ божескихъ и человѣческихъ законовъ... И всѣ эти обвиненія изрекались во имя «критической точки зрѣнія», во имя благороднаго молодого поколѣнія, т. е. во имя свободы мысли и общественнаго прогресса.

Трудно повѣрить, чтобы критикъ *Отечественныхъ Записокъ* отдавалъ сѣбѣ отчетъ въ своихъ словахъ, въ моментъ писанія статьи владѣлъ хотя бы самой поверхностной «критической точкой зрѣнія» на процессъ собственныхъ мыслей. Иначе, было бы прямо чудовищнымъ и постыднымъ такое забвеніе общественныхъ и художественныхъ заслугъ писателя, такое легкомысленное и тупое отношеніе къ смыслу его произведенія, взволновавшаго всю грамотную Россію:

Критикъ *Современника* свою статью написалъ раньше критика *Отечественныхъ Записокъ* и имѣлъ полное право считать себя вдохновителемъ своего коллеги: такъ много общаго въ обѣихъ

статьяхъ. То же основное обвиненіе—въ клеветѣ на дѣтей, въ сочувствіи «пустому фату»—Павлу Кирсанову, въ «странныхъ разсужденіяхъ». Новое для насъ въ статьѣ *Современника* развѣ только—признаніе «талавта» и «прежнихъ заслугъ» Тургенева,—что, впрочемъ, не помѣшало критику *Отцовъ и дѣтей* признать романомъ, «въ художественномъ отношеніи» «совершенно неудовлетворительнымъ».

И здѣсь, очевидно, смертный приговоръ постигъ автора, какъ художника и какъ публициста. Приговоръ даже усиленный, такъ какъ *Современникъ* къ числу оклеветанныхъ Тургеновымъ «дѣтей» причислилъ «значительную часть современной литературы, такъ называемое, ея отрицательное направленіе».

Это замѣчаніе бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на «судороги» критиковъ, какъ выражался *Русскій Вѣстникъ*. Критики-отрицатели усмотрѣли въ романѣ личную сатиру на себя, отождествили себя съ Базаровымъ и потребовали отъ автора полнаго апофеоза для этого героя. «Мы не нигилисты, — вопіяли *Современникъ* и *Отчественныя Записки*, —мы только «отрицатели», сторонники «критической точки зрѣнія»,—зачѣмъ же авторъ обвиняетъ насъ въ безпринципности и нечестности?..

Въ настоящее время такой ходъ идей можетъ казаться патологическимъ продуктомъ воспаленнаго мозга и разбитыхъ нервовъ. Но для современниковъ романа достаточно было нѣсколькихъ неясныхъ, сомнительныхъ чертъ, чтобы очертя голову броситься въ ту или другую крайность. Это было время публицистики по преимуществу, рѣзкой постановки общественныхъ вопросовъ и еще болѣе рѣзкихъ отвѣтовъ. Для психологическаго анализа разносторонняго художественнаго явленія у журналистовъ не было ни времени, ни охоты, ни силъ.

Великія реформы глубоко взволновали жизнь и мысль,—и всѣ, кому было дорого настоящее и будущее родины, невольно спѣшили рѣшать насущныя задачи личной и общественной дѣятельности. Быстрота рѣшенія рѣдко идетъ рядомъ съ вдумчивостью, осторожностью и терпимостью къ чужимъ воззрѣніямъ. Этимъ объясняется исключительно горячій и категорическій тонъ журнальной литературы шестидесятыхъ годовъ. Русская публицистика переживала своего рода медовый мѣсяцъ, и ея нетерпѣливыя, часто необыкновенно запальчивыя, рѣчи по духу и смыслу, напоминаютъ извѣстныя слова Натана о благородномъ Саладинѣ:

Онъ правды требуетъ, онъ хочетъ правды!

Притомъ наличной, ясной, какъ монета....

Такое требованіе не хочетъ знать ни оговорокъ, ни ограниченій,—и естественно, сложная личность Базарова, богатая одина-

ково и положительными, и отрицательными чертами, не могла удовлетворить прямолинейную стремительность критиковъ-публицистовъ. Ихъ запросы клонились только къ двумъ отвѣтамъ—*да* или *нѣтъ*, и если Базаровъ представитель молодого поколѣнія—онъ можетъ быть или воплощеннымъ идеаломъ, или отребьемъ человѣческаго рода. Въ первомъ случаѣ автора ожидали вѣнки и восторженные клики, во второмъ—нешадная мечь и слѣпая хула.

Всѣ эти соображенія могутъ объяснить заблужденія критиковъ на счетъ положительнаго смысла базаровскаго типа, но ничто не объяснитъ и не оправдаетъ забвенія нѣкоторыми критиками всей предыдущей дѣятельности писателя, сплошное поношеніе его нравственнаго и общественнаго развитія. Никакіе «годы» не прикроютъ своимъ страстнымъ характеромъ такой вопіющей несправедливости, такого отсутствія элементарной культурности и гражданскаго чувства.

Указанный нами источникъ опрометчивыхъ сужденій о тургеневскомъ романѣ особенно краснорѣчиво обнаружился въ статьѣ Писарева, далеко превосходившаго талантомъ обоихъ знакомыхъ намъ критиковъ.

Писаревъ не могъ, конечно, впасть въ недоразумѣніе своихъ товарищей просто потому, что обладалъ несравненно болѣе развитымъ психологическимъ анализомъ и критической чуткостью. Но и онъ не могъ отдѣлаться отъ выпрежняго идеалистическаго взгляда на Базарова, какъ представителя современной молодежи.

Положительныя, нерѣдко сильныя и даже блестящія черты базаровскаго характера и базаровской роли бросились Писареву съ перваго взгляда. Онъ понялъ тургеневскаго героя почти такъ, какъ его понималъ самъ авторъ. По мнѣнію критика, «смысль романа вышелъ такой: теперешніе молодые люди увлекаются и впадаютъ въ крайности; но въ самыхъ увлеченіяхъ сказывается свѣжая сила и неподкупный умъ; эта сила и этотъ умъ даютъ себя знать въ минуту тяжелыхъ испытаній; эта сила и этотъ умъ безъ всякихъ постороннихъ пособій и вліяній выведутъ молодыхъ людей на прямую дорогу и поддержать ихъ въ жизни».

Критикъ находитъ, что Тургеневъ лучше всѣхъ молодыхъ реалистовъ понялъ типъ Базарова и заслуживаетъ «глубокой и горячей признательности», какъ «великій художникъ и честный гражданинъ Россіи».

Но для Писарева мало, чтобы Базаровъ съ честью представлялъ молодое поколѣніе, необходимо, чтобы онъ являлся совершенствомъ всюду,—и въ демократической толпѣ, и въ салонномъ обществѣ. На самомъ же дѣлѣ Базаровъ не только не заботится

о манерахъ и хорошемъ тонѣ, — напротивъ, при всякомъ случаѣ обнаруживаегь къ нимъ глубочайшее пренебреженіе. Онъ — *mal élevé* и *mauvais ton*.

Это и беспокоитъ Писарева. Онъ хотѣлъ бы видѣть Базарова «совершеннымъ джентльмэномъ», съ уточненной вѣжливостью и въ щегольскомъ костюмѣ. Критикъ даже упрекаетъ Тургенева въ несправедливости къ Базарову...

Легко оцѣнить достоинство подобныхъ упрековъ. Но при всей наивности они свидѣтельствуютъ о характерности направленія критиковъ шестидесятыхъ годовъ и, только принявъ въ расчетъ эту логику фанатическихъ защитниковъ молодого поколѣнія, можно объяснить драматическую судьбу Базарова именно у самыхъ либеральныхъ судей.

Нѣкоторые взгляды этихъ судей были опровергнуты въ эпоху тѣхъ же шестидесятыхъ годовъ. Врядъ ли многіе могли раздѣлять, напримѣръ, негодованіе критика *Современника* на Базарова, какъ на «ужасное существо, просто дьявола, или, выражаясь болѣе поэтически, Асмодея», одинаково жестокаго и къ своимъ родителямъ, и къ лягушкамъ. Даже журналъ, напечатавшій романъ, мы видѣли, не могъ спастись отъ *личной* точки зрѣнія на Базарова, хотя и защищалъ художественныя достоинства романа.

Въ настоящее время чувства, волновавшія «отрицательную» и всякую другую литературу шестидесятыхъ годовъ, отошли въ область исторіи. Мы можемъ судить о тургеневскихъ герояхъ, не поддаваясь «страсти и гнѣву». Наше сочувствіе или противоположное настроеніе не могутъ увлечь насъ на мелодраматическую высоту, съ которой смотрѣли на Базарова «молодые философы» прошлаго. Мы и останемся исключительно на почвѣ русской общественной исторіи.

Эта исторія и есть, въ сущности, содержаніе тургеневскихъ романовъ. Одинъ изъ нихъ называется *Отцы и дѣти*, явно указывая на смѣну поколѣній. Всѣ произведенія нашего писателя можно бы озаглавить *Дѣды, отцы и дѣти*, потому что для всѣхъ *трехъ поколѣній* Тургеневъ представилъ художественныя біографіи и характеристики.

Старшее поколѣніе не требовало особенныхъ усилій таланта. Это крѣпостники, натуры цѣльныя и одностороннія. Европейская культура не вносила разлада въ ихъ душевный міръ и практическую дѣятельность, — все равно, была ли это чувствительность въ духѣ Стерна или либерализма, по катехизису энциклопедистовъ.

Русскіе «чувствительные путешественники», вродѣ Карамзина

могли свободно воспѣвать «счастливыхъ швейцаровъ», рисовать идиллическіе жанры съ «прекрасными поселянками» и «естественными» поселянами, и въ то же время продавать и промѣнивать «людей» обоего пола. Въ томъ же духѣ и чисто-національная исторія русскаго Мирабо...

Европейская цивилизація не только не смягчала нравы типичныхъ «дѣдовъ»,—напротивъ, давала имъ лишній поводъ резнирать народъ, какъ *canaille misérable*, человѣчество пизшей породы, на вѣки лишенное благъ утонченной культуры.

По русской сценѣ прошли дѣтища всякихъ европейскихъ культуръ,—галломаны, англоманы, и всѣ они съ изумительной легкостью французскія идеи и англійскую складку мирили съ вѣковыми завѣтами крѣпостнаго строя. Поэтъ Сумароковъ, серьезно считавшій себя россійскимъ Вольтеромъ, жестоко возмущался гуманными взглядами екатерининскаго Наказа на крѣпостныхъ мужиковъ и заявлялъ: «нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствъ не имѣетъ».

Сумароковская философія—рѣшающій фактъ въ исторіи русскаго барскаго либерализма. Тургеневъ съ самаго начала своей литературной дѣятельности представилъ типъ крѣпостника-деспота съ тонкими вкусами, Аркадія Павлыча Пѣночкина. «Невѣжество, *mon cher*»,—объяснялъ этотъ господинъ свое варварское управленіе мужиками. Онъ также выписывалъ французскія книги и газеты. Какое значеніе имѣли всѣ эти сокровища для русскихъ «мановъ», Тургеневъ подробно объяснилъ въ романѣ *Дворянское гнѣздо*.

Барскіе помѣщичьи дома кипѣли французскими учителями. Среди нихъ нерѣдко попадался «отставной аббатъ и энциклопедистъ». Понималъ онъ свое дѣло весьма просто. Вотъ, напри- мѣръ, что произошло съ «дѣдомъ» Ловягинымъ. «Энциклопедистъ» удовольствовался тѣмъ, что влилъ цѣликомъ въ своего воспитанника всю мудрость XVIII-го вѣка, и онъ такъ и ходилъ наполненный ею; она пребывала въ немъ, не смѣшавшись съ его кровью, не проникнувъ въ его душу, не сказавшись крѣпкимъ убѣжденіемъ».

Изъ такого вольтерьянца могло выйти все, что угодно: изъ Ивана Петровича вышелъ «англоманъ», горячій сторонникъ «коренныхъ преобразованій», но самодуръ и деспотъ въ самомъ откровенномъ смыслѣ слова, преисполненный презрѣнія къ «согражданамъ», оградившій свою высокоцивилизованную особу цѣлой стѣной хамовъ высшаго ранга отъ мужиковъ.

Сынъ его долженъ одновременно усвоивать идеи Руссо и изучать геральдику, «для поддержанія рыцарскихъ чувствъ». Этотъ

сынъ, въ то же время, замѣчаетъ «разладицу между словами и дѣлами отца, между его широкими либеральными теоріями и черствымъ, мелкимъ деспотизмомъ». Все это не мѣшаетъ «англоману» «вывихивать» свое дѣтище уродливой системой воспитанія и создавать продуктъ, завѣдомо искусственный, неприспособленный ни къ какой осмысленной жизни. «Англоманія» подъ старость разрѣшается ханжествомъ, плаксивыми капризами, слабоуміемъ и тряпичностью,—весьма обычное заключеніе вольтерьянскаго либерализма русскихъ «дѣдовъ». Но чудовищное вліяніе «дѣдовскихъ» порядковъ должно было въ высшей степени печально отразиться на слѣдующемъ поколѣніи.

Это поколѣніе—тургеневскіе «отцы».

Въ первый разъ оно появляется на сценѣ въ лицѣ Лаврецакаго. Потомъ къ нему присоединяются братья Кирсановы. Въ каждой изъ этихъ личностей можно открыть индивидуальныя особенности. Павелъ Кирсановъ, на первый взглядъ, даже, пожалуй, имѣетъ малообщаго съ Лаврецкимъ. Но стоитъ приглядѣться пристальнѣе, и во всей яркости выступаютъ *родовыя черты*, объединяющія всѣхъ названныхъ героевъ въ одинъ типъ.

Прежде всего былая цѣльность крѣпостнической природы утрачена безвозвратно. «Отцы» уже въ дѣтствѣ замѣчали слабыя стороны теоріи и практики «дѣдовъ», и, по самому теченію русской жизни, теоріи должны были возобладать надъ практикой.

Сыну Ивана Лаврецакаго оказалось затруднительнымъ энциклопедію мирить съ конюшней и Жанъ-Жака съ бурмистромъ. Отечественная война была главнѣйшимъ моментомъ въ исторіи разлада вѣковыхъ преданій съ европейской культурой. Къ этой эпохѣ слѣдуетъ отнести первый горячій взрывъ борьбы поколѣній. Онъ увѣковѣченъ въ грибоѣдовской комедіи и, несомнѣнно, безпрестанно обнаруживался во всѣхъ концахъ нашего отечества, во всѣхъ слояхъ русскаго общества.

Въ то время, когда всѣ «дѣды» изумительно походили другъ на друга,—все равно, воспитывали ихъ отставные энциклопедисты, или содержатели нѣмецкихъ пансіоновъ,—среди «отцовъ» обнаружилось крайнее разнообразіе фізіономій. Старинная цѣльность русскаго дворянскаго типа исчезла, и русская натура немедленно проявила самыя разнообразныя нравственныя и психологическія черты.

Намъ извѣстны главнѣйшія изъ этихъ чертъ. Литература воплотила ихъ въ блестящихъ, чисто геніальныхъ, образахъ. Здѣсь и разочарованная жертва чаши наслажденій, осушенной до дна, въ родѣ Онѣгина, здѣсь и благородный идеалистъ въ родѣ Чацкаго, здѣсь и цѣлая толпа неудавшихся практическихъ дѣятелей,

безпомощныхъ «лишнихъ людей», мучениковъ нѣжнаго сердца и гамлетовской рефлексіи.

Отсюда и Тургеневъ взялъ своихъ «отцовъ», и превосходно воспроизвелъ ихъ внутренній міръ, съ которымъ слѣдующему поколѣнію предстояло вести жесточайшую борьбу.

Базаровъ, одинъ изъ самыхъ сильныхъ «дѣтей», очень любитъ употреблять слово романтизмъ, говоря объ «отцахъ», обзываетъ ихъ сплошь «старенькими романтиками». Эти выраженія въ высшей степени мѣтко выражаютъ смыслъ общественнаго явленія.

Крѣпостническій періодъ, по цѣльности и традиціонной устойчивости, справедливо слѣдуетъ признать «классическимъ», — смѣнившая его полоса «романтична» отъ начала до конца.

Романтизмъ въ базаровскомъ смыслѣ — до болѣзненности развитое воображеніе, тщательно взлелѣянная чувствительность сердца и непроницаемая туманность жизненныхъ возрѣній и программъ.

Припомните личности и біографіи отцовъ, — всѣ эти свойства воскреснутъ предъ вами въ поразительной полнотѣ.

Прежде всего, «отцы», какъ первые положительные представители европейской культуры на русской почвѣ, усвоили первичные, элементарнѣйшіе признаки цивилизованнаго человѣка — художественныя наклонности и романтическія сердечныя страсти. «Дѣды», несомнѣнно, понимали толкъ въ комфортѣ и разныхъ искусствахъ, особенно театральномъ, умѣли съ честью провести и любовную интрижку, но все это не захватывало ихъ души, оставалось только предметомъ барской прихоти и барскаго разгула. У «отцовъ» организація несравненно тоньше и нервнѣе. Для нихъ эстетика и любовь — вопросы дѣйствительно внутренней жизни, часто глубокихъ волненій. Они — художники и рыцари въ истинномъ смыслѣ слова.

У cadaго изъ «отцовъ» непременно имѣется интересный романъ, не пошлое приключеніе полноправнаго барина, а исторія съ трогательнымъ, нерѣдко драматическимъ, содержаніемъ. Припомните рассказъ о страсти Павла Кирсанова къ г-жѣ Р., повѣсть о сватовствѣ и брачной жизни Николая, его отношенія къ Фенѣ, біографію Лаврецкаго... Всюду женщина на первомъ планѣ, и женщина не раба, не игрушка, какъ это было при «дѣдахъ», а въ полномъ смыслѣ героиня или подруга. Сравните положеніе Маланья у Ивана Лаврецкаго и роль Фени въ домѣ Кирсанова. Обѣ женщины — крестьянки, крѣпостныя, но въ то время, какъ Маланья для своего мужа, «для дѣда», существо безличное, не мать своего ребенка, у Фени Кирсановъ цѣлуетъ руку, не думаетъ, конечно, отнимать у нея ея дѣтище и безконечно счастливъ мыслью жениться на ней. Это громаднѣйшій шагъ по пути гуманности и культуры.

Другая черта — эстетика. У «дѣда» Дидро, Вольтеръ, Жанъ-Жакъ «сидѣли въ одной только головѣ», не проникали «въ его душу», на «дѣтей» литература производила потрясающее впечатлѣніе, и не только иностранная. Они съ Шиллеромъ залетали въ небеса, но многіе не разставались и съ Пушкинымъ. У каждаго изъ «отцовъ» лучшіе и важнѣйшіе моменты жизни непремѣнно сливаются съ художественными впечатлѣніями. Кирсановъ изливаетъ свою меланхолію въ звукахъ віолончели, Лаврецкій преклоняется предъ Мочаловымъ и именно въ театрѣ, охваченный эстетическимъ волненіемъ, влюбляется въ свою будущую жену. Сначала онъ пораженъ силой ея впечатлѣній въ патетическомъ мѣстѣ драмы, потомъ окончательно покоренъ ея «женско-проницательными замѣчаніями на счетъ игры» Мочалова...

А между тѣмъ, это «спартанецъ», топорный человѣкъ, плебейской крови; какихъ же предѣловъ достигали эстетическія волненія у другихъ «дѣтей», менѣе закаленныхъ физически?

Предѣловъ настоящей драмы.

Всѣ «отцы» — герои интересныхъ романовъ; но этого мало, они, большею частью, побѣжденные герои, жертвы своихъ благородныхъ страстей.

Женская любовь имѣетъ для нихъ роковое значеніе. Они, какъ истинные романтики, всецѣло отдаютъ себя, такъ называемому, «счастью», и если это счастье разбивается злой судьбой, — для нихъ все кончено, дальше жизни нѣтъ.

«Отецъ» можетъ и не облекаться преднамѣренно въ гарольдовъ плащъ, не пугать дѣвицъ мрачными взорами и блѣднымъ лицомъ, но сердце его, все равно, будетъ глотать червь неудовлетвореннаго или обездоленнаго любовнаго чувства.

«Отцу» не справиться съ обидой, онъ обязательно «разочарованный», разъ потерпѣлъ неудачу на поприщѣ романа.

Базаровъ отмѣчаетъ эту черту по поводу Павла Кирсанова.

«Человѣкъ, который всю свою жизнь поставилъ на карту женской любви, и когда ему эту карту убили, раскисъ и опустился до того, что ни на что не сталъ способенъ, этакій человѣкъ — не мужчина, не самецъ».

Послѣднее выраженіе Базаровъ прибавляетъ по своему пристрастію къ «естественному» языку: смыслъ драмы Павла Петровича ясенъ и безъ «самца». И этотъ смыслъ удѣлъ вообще отцовскихъ исторій.

Романъ Лаврецкаго еще болѣе краснорѣчивый примѣръ.

Тургеневъ съ большими подробностями описалъ муки этого героя послѣ измѣны жены, — и этимъ мукамъ не суждено было пре-

кратиться. Самъ Лаврецкій указываетъ на основную драму своей жизни.

«На женскую любовь ушли мои лучшіе года». И онъ до конца не въ силахъ стряхнуть съ себя нравственный гнетъ, созданный преступленіемъ жены. Варвара Павловна для него своего рода судьба, неотвратимый рокъ, по произволу управляющей его горемъ и радостями. Если она исчезаетъ съ горизонта, Лаврецкій оживаетъ для новой любви, для новаго «неземнаго существа», по выраженію Михалевича. Сердечныя вожделѣнія занимаютъ неизмѣнно первое мѣсто въ жизни Лаврецкаго, и онъ или апатиченъ, или прямо несчастливъ и немощенъ, если нѣтъ пищи его романическому чувству. На эту черту также указываетъ Михалевиць.

Естественно, всѣ другія задачи играютъ второстепенную роль. Для «отца», гуманнаго, просвѣщеннаго такихъ задачъ не мало—наука, народъ. Лаврецкій въ самый разгаръ семейнаго счастья погружается въ книги и лекціи. Его не покидаетъ мысль о родинѣ, о крестьянахъ. Онъ, несомнѣнно, преисполненъ всякихъ благихъ намѣреній.

Но если вы спросите, въ чемъ собственно состоятъ эти намѣренія, вы сейчасъ же поймете, что значитъ романтическая наука и романтический интересъ къ народу. Это—благородныя чувства, радостныя ощущенія,—и ни одной ясной, опредѣленной идеи. Это только «порывы», и чѣмъ они стремительнѣе и возвышеннѣе, тѣмъ отъ нихъ дальше до настоящаго сознательнаго дѣла. Это мечты, а не думы.

Авторъ совершенно кстати замѣчаетъ, что Лаврецкій врядъ ли ясно сознавалъ, «въ чемъ собственно состояло дѣло», т. е. не зналъ, къ чему и какъ примѣнить въ Россіи свои свѣдѣнія по англійскому языку и ирригаціи.

Но этотъ туманъ отнюдь не мѣшалъ Лаврецкому весьма дѣльно защищать «народную правду» и питать истинно-отеческія чувства къ крѣпостнымъ. Все несчастье заключалось въ поэтическомъ характерѣ защиты и чувствъ, въ недостаткѣ несомнѣннаго знанія народной жизни и народной души.

Въ такомъ же положеніи и братья Кирсановы. Величайшая драма Лаврецкаго заключалась въ томъ, что его на всю жизнь загипнотизировала красивая женщина,—величайшимъ заблужденіемъ Кирсановыхъ было убѣжденіе, что эстетика и женщина краеугольные камни цивилизаціи и общественной жизни. Павелъ Кирсановъ съ азартомъ защищаетъ цивилизаторское значеніе тапѣра, а Николай убѣжденъ, что у его брата «орлиный взглядъ» и онъ превосходно знаетъ людей только потому, что нережилъ романъ

съ таинственной княгиней Р. Легко представить, въ какомъ положеніи оказываются эти орды предъ лицомъ дѣйствительной жизни, предъ тѣми же «людьми».

Павель горько защищаетъ исконныхъ добродѣтели русскаго мужика, его бытъ, общину, семью, Николай съ особеннымъ наслажденіемъ толкуетъ объ эмансипации, о комитетахъ, о депутатахъ, — и все-таки подлинный мужикъ и подлинная мужицкая жизнь имъ неизвѣстна и совершенно недоступна.

Базаровъ бросаетъ Павлу Кирсанову жесткое, но неопровержимое слово:

«Спросите любого изъ вашихъ же мужиковъ, въ комъ изъ насъ,—въ васъ или во мнѣ—онъ скорѣе признаетъ соотечественника. Вы и говорить-то съ нимъ не умѣете».

И мы видимъ это на фактахъ, на «случаяхъ фермерской жизни» братьевъ Кирсановыхъ и на отношеніяхъ простыхъ людей къ Базарову.

Таковы основы «отцовъ». Базаровъ опредѣлилъ ихъ, по обыкновенію, кратко и ясно.

«Отецъ у тебя славный малый», говоритъ онъ Аркадію. «Стихи онъ напрасно читаетъ, и въ хозяйствѣ врядъ ли смыслить, но онъ добрякъ».

Подъ понятіе стиховъ слѣдуетъ отнести способность «отцовъ» «поставить жизнь на карту женской любви», «развить нервную систему до раздраженія». Подъ рубрику невѣжества въ хозяйствѣ необходимо поставить гуманную мечтательность, полное невѣдѣніе родной земли, наивный патріотическій идеализмъ на счетъ народа.

Все это—данныя, свидѣтельствующія о совершенной непригодности «отцовъ» къ практической дѣятельности, объ ихъ безволи и беспомощности при всякомъ серьезномъ столкновеніи съ реальной, не романтической дѣйствительностью.

Естественно и справедливо подобное поколѣніе должно сойти со сцены, лишь только жизнь предъявитъ настоятельные запросы къ другимъ человѣческимъ способностямъ, помимо чувствительнаго сердца, художественнаго воображенія и сибаритскаго идилическаго взгляда на земное существованіе.

Тургеневъ написалъ трогательнѣйшее напутствіе «отцамъ», уходящимъ въ даль исторіи, заставилъ одного изъ нихъ привѣтствовать растущія молодыя силы и, привѣтствуя, смиренно встрѣтить конецъ своей «безполезной жизни».

Еще это привѣтствіе не было высказано, новое поколѣніе заявило о себѣ въ высшей степени скромно, но рѣшительно и для

«отцовъ» вполне убѣдительно. Протестъ противъ эстетиковъ и романтиковъ послышался сначала изъ женскихъ устъ,—протестъ не во имя какихъ бы то ни было общественныхъ идей, а во имя непогрѣшимаго *нравственнаго сознанія*. Онъ долженъ былъ поколебать «отцовскій» романтизмъ въ области чувства, любовныхъ страстей и драмъ. Именно эта область скорѣе всего могла быть подвергнута сомнѣнію, какъ наиболѣе доступная и непосредственная. Здѣсь для протеста достаточно чуткой совѣсти, строгаго вдумчиваго отношенія къ личному нравственному міру, достаточно врожденнаго благородства натуры и особенно тонкой впечатлительности.

Эти свойства въ совершенствѣ могутъ воплотиться въ лицѣ женщины,—и тургеневская Лиза одно изъ такихъ воплощеній.

Лиза до такой степени не похожа на своихъ родителей, что ее можно приводить какъ краснорѣчивѣйшее доказательство противъ всякаго закона наслѣдственности. И между тѣмъ все несходство можно свести къ двумъ чертамъ—*мучительно вдумчивая мысль и страстно отзывчивая совѣсть*. И онѣ даны Лизѣ природой, никто не заботился развивать ихъ, впечатлѣнія дѣтства нашли восприимчивую почву. Она была уже серьезнымъ ребенкомъ раньше, чѣмъ Агафья стала ей рассказывать житія святыхъ. Въ ней рано проснулася восторженная религіозность и еще больше усилила природную чувствительность ко всему ненормальному и ложному въ нравственномъ смыслѣ, довела до высшей степени мучительную жажду душевной и жизненной гармоніи, непреодолимое стремленіе къ подвигу, къ осуществленію таинственнаго, но великаго долга. Въ семьѣ Калитиныхъ одна только религія съ ея подвижниками и мучениками, съ ея призывами въ высшій идеальный міръ, могла удовлетворить смутнымъ, но неотвязнымъ запросамъ мечтательной идеалистки.

Лиза, по всей справедливости, могла сказать о себѣ: «я не отъ міра сего», и ея религіозное рвеніе ничто иное, какъ результатъ инстинктивнаго отвращенія къ «пѣснямъ земли», т.-е. къ нравственнымъ основамъ окружающей дѣйствительности, результатъ тоски по идеалу. Ея пристрастіе къ исторіямъ о чужихъ подвигахъ и страданіяхъ — безсознательная и безмолвная жалоба на свое душевное одиночество среди близкихъ, но совершенно чужихъ людей. Ея наклонность къ одинокимъ думамъ, къ «своимъ мыслямъ» воспитана безошаднымъ «томленіемъ» въ душиномъ воздухѣ будничныхъ мелочей и неправдъ.

Мы невольно о Лизѣ говоримъ лермонтовскими словами изъ стихотворенія *Ангель*. И не напрасно именно Лермонтовъ воспѣлъ

душу, долго томившуюся на свѣтѣ, полную «желаньемъ чуднымъ», среди пѣсенъ земли внимавшую «звуки небесъ». На первый взглядъ, что общаго между задумчивой пугливой дѣвушкой и грознымъ мужественнымъ пѣвцомъ *Демона*? А между тѣмъ, Лиза и Лермонтовъ характеризуютъ одно и то же нравственное и общественное явленіе. Они оба воплощенные контрасты своей среды, ея враги во имя нравственной силы, во имя правды и личной свободы. Мотивы ихъ протеста тождественны, много общаго и въ ихъ настроеніяхъ.

Дѣтство гениальнаго поэта переполнено «грезами души». Онъ «съ начала жизни любилъ угрюмое уединеніе», его волновали смутные образы «при свѣтѣ трепетной лампы образной», и эти образы говорили ему о страданіяхъ, подвигахъ, о мірѣ, совершенно непохожемъ на дѣйствительность. У юнаго поэта развивается страстное чувство религіозности—обычный плодъ ранняго одиночества и идеалистической мечтательности.

Это все черты тургеневской героини. И сходство вполне естественно. Лиза и Лермонтовъ представители одного и того же поколѣнія «дѣтей», осужденныхъ на роковой нравственный разладъ съ отцами. Сущность разлада для обоихъ одна и та же—и форма протеста должна измѣняться сообразно съ характеромъ, темпераментомъ, энергіей протестующаго.

У Лермонтова негодованіе на лживый свѣтъ, на людскую пошлость и эгоизмъ воплотится въ могучихъ демоническихъ образахъ, въ пламенныхъ сарказмахъ, въ «желѣзномъ стихѣ, облитомъ горечью и злостью». Это—активная борьба, захватывающая поэта ежеминутно, не смотря на его тоску по одиночеству, на его стремленіе уйти отъ людей «въ пустыню»,

У Лизы нѣтъ демонической природы, бурнаго генія мужчины, у нея нѣтъ силъ для наступательной войны, но за то она съумѣетъ до конца удержать свое положеніе. Она не будетъ мечтать въ дѣтствѣ о герояхъ-разбойникахъ, ей не являлся «могучій образъ»

Какъ царь нѣмой и гордый,

но и она создала себѣ

Міръ иной

И образовъ иныхъ существованье,

и эти образы также

Не походили на существъ земныхъ...

Для Лермонтова «все было адъ иль небо въ нихъ», для Лизы только небо и страданія только ради небесъ, наслажденія ихъ радостями.

Никто не знаетъ объ этихъ образахъ. Лиза живетъ *своей*,

никому изъ окружающихъ непонятной, жизнью. У нея, какъ и у Лермонтова, нѣтъ «родной души», и для нея судьи «лишь Богъ да совѣсть».

Оба судьи извѣстны семьѣ Лизы и вообще большинству «отцовъ» только съ формальной стороны. Марѳа Тимоѳеевна, лучшая въ этомъ обществѣ, старается умѣрить релігіозное рвеніе Лизы по весьма характерному соображенію: «не дворянская, молъ, эта замашка». Но релігія Лизы не такъ еще страшна для ея «отцовъ», — несравненно страшнѣе «совѣсть», т.-е. непреодолимое, жгучее желаніе отдавать себѣ строгій отчетъ во всякомъ личномъ поступкѣ и малѣйшемъ ощущеніи, во всѣхъ фактахъ своей и чужой жизни. Это въ полномъ смыслѣ неподкупный судъ, потому что истина его въ самой натурѣ судьи, неопровержимая критика, потому что она одушевлена идеальнымъ представленіемъ о долгѣ, о грозной отвѣтственности за всякое нарушеніе нравственнаго порядка.

У «отцовъ» было не мало гуманнхъ чувствъ и благородныхъ настроеній, но все это оказывалось гораздо чаще романтическимъ прекрасноруміемъ, чѣмъ ясно сознанными правилами жизни. Отцы — «добряки», «золотые люди», «душевные малые»: все это результатъ эстетической культуры, развитой чувствительности, но здѣсь нѣтъ, помимо реального знанія жизни, еще энергія, твердой принципиальной почвы. О нихъ авторъ говоритъ: они не знаютъ, по какому пути идутъ; о Лизѣ мы слышимъ совершенно другое: «вся проникнутая чувствомъ долга».

Это чувство самый вѣрный мотивъ критическихъ воззрѣній на дѣйствительность, и Лиза инстинктивно направляетъ свою критику на тѣ стороны жизни «отцовъ», какія ей доступны, какъ женщинѣ, — на личныя и сердечныя отношенія.

Прежде всего вопросъ о личномъ счастьи.

Лиза на каждомъ шагѣ видѣла, какъ «отцы» устраивали свое благополучіе въ ущербъ другимъ, какъ часто эгоистичны и слѣпы были ихъ стремленія къ жизненнымъ радостямъ, — даже добрая и умная Марѳа Тимоѳеевна оказывалась патріархальной эгоисткой въ своемъ углѣ. «Отцы» проходили мимо разныхъ мелочей, потому что самые добрые изъ нихъ способны были беззавѣтно отдаться чувству самоудовлетворенія и искренне считать законнымъ личное благо, разъ оно не вызывало бьющихъ въ глаза чужихъ бѣдствій. Базаровъ справедливо замѣчаетъ о Павлѣ Кирсановѣ, что тотъ вообразилъ себя «дѣльнымъ человѣкомъ, потому что читаетъ Галиньяшку и разъ въ мѣсяцъ избавить мужика отъ экзекуціи».

«Дѣды» читали Галиньяшку, но экзекуцій не оставляли. У

«отцовъ» нервы слишкомъ «развиты», чтобы наслаждаться жизнью на конюшнѣ. Но вѣдь на свѣтѣ существуютъ не только «экзекуціи» въ прямомъ смыслѣ слова; на каждомъ шагу существованіе бѣднаго и слабого превращается въ сплошное лишеніе и мученичество, въ цѣлую сѣть мелкихъ, но тѣмъ болѣе мучительныхъ, униженій! Для нихъ-то глазъ «отцовъ» отнюдь не былъ изощренъ. Добрѣйшій Николай Кирсановъ убѣжденъ, что онъ все возможное совершилъ, «устроивъ крестьянъ» по правиламъ либеральнаго барства и открывъ ферму. Крестьяне для него по прежнему невѣдомые заморскіе звѣри, они, можетъ быть, гораздо хуже чувствуютъ себя при фермѣ, чѣмъ безъ нея, но «отцу» до этого дѣла нѣтъ. Теоретически красивая программа,—если она не принесла плодовъ, виновата не она, а жизнь, отвергшая ее, люди, не опѣнившіе ее благодарнѣй.

За эту романтическую близорукость на каждомъ шагу приходится платиться «отцамъ», но гораздо болѣе ихъ «подданнымъ», или просто зависимымъ отъ нихъ.

Въ Калиитинской семьѣ Лиза первая почувствовала настоящій ужасъ предъ жертвами, какими покупается часто удовлетвореніе сильныхъ. Она сердцемъ проникла въ бездну обидъ и неправдъ, прикрывающихъ «тишь да гладь» будничной жизни. Самая идея личнаго счастья стала внушать ей невольное опасеніе. Рядомъ съ этой идеей ей мерещилось непремѣнно чье-нибудь страданіе, какая-нибудь несправедливость. Подобному чувству естественно было развиться на почвѣ барской сибаритской культуры, построенной на крѣпостничествѣ. Лиза, «вся проникнутая боязнью оскорбить кого бы то ни было», тщательно вдумывается въ каждое движеніе своей мысли и своего сердца—и шагъ за шагомъ незамѣтно для себя вырабатываетъ въ себѣ рѣзко отрицательные взгляды на принципы и жизнь «отцовъ».

Любовь столь естественное явленіе, въ жизни «отцовъ» она играла первенствующую роль. «Отцы» любили, потому что любятъ, и имъ показалось бы дикимъ разстраивать себя какими бы то ни было вопросами, разъ въ сердцѣ загорѣлась страсть. Любовь—дѣло момента, и чѣмъ она стремительнѣе, тѣмъ больше въ ней «рыцарства». Мотивы ея или исключительно фیزیологическіе, или, въ лучшемъ случаѣ, эстетическіе,—отнюдь не нравственные, не человѣческіе въ полномъ смыслѣ слова. Павелъ Кирсановъ до самой смерти не можетъ забыть «верхней части лица» княгини Р., Лавреціей человѣчнѣе *perfect gentleman'a*. Для него въ высшей степени было важно, что Варвара Павловна «сулила чувству тайную роскошь неизвѣданныхъ наслажденій».

И оба эти героя очертя головы бросились въ объятія своихъ сильфидъ.

Для Лизы немислима подобная оргія чувственности.

Тургеневъ разсказалъ безпримѣрно-глубокую въ психологическомъ смыслѣ исторію любви Лизы къ Лаврецкому. Достаточно было бы этихъ страницъ, чтобы за романистомъ всегда осталось наименованіе гениальнаго писателя.

Надо съ особеннымъ вниманіемъ вчитаться въ каждое слово, чтобы оцѣнить всю силу авторскаго анализа.

Для Лизы голосъ ея сердца — не блаженство, какъ это было для «отцовъ», на примѣръ, для ея сентиментальной матери, — а искусъ новый поводъ къ безконечной вереницѣ трудно разрѣшимыхъ вопросовъ, сомнѣній, мукъ совѣсти.

Ее прежде всего вообще пугаетъ возможность полюбить: вѣдь это значить быть счастливой, — а возможно ли это безъ ущерба кому бы то ни было, безъ нарушенія идеальнаго нравственнаго порядка? И этотъ вопросъ для Лизы тѣмъ поучительнѣе, что ей суждено полюбить человѣка, уже связаннаго съ другой женщиной.

Нужно, слѣдовательно, выяснить свое положеніе относительно этой женщины, возстановить справедливость и всепрощающую гуманность, что для Лизы одно и то же, между Лаврецкимъ и его женой. Ей страшно, что никогда невиданная ею женщина, т. е. вообще человѣкъ, окажется жертвой искупленія за ея чувство. Вѣдь это значило бы вернуться къ порядкамъ «отцовъ», во что бы то ни стало завоевывавшихъ себѣ сердечныя радости. Лиза хочетъ чувство любви перенести изъ области романтизма въ область сознательнаго долга, стихійное влеченіе облагородить нравственнымъ идеаломъ.

Отсюда ея безконечныя колебанія, ея просьбы къ Лаврецкому — простить «тайный упрекъ» за то, что онъ обрадовался ея смерти. Для этой чуткой героини долго не проходитъ безслѣдно ни одна мелочь, чуткость часто граничитъ съ болѣзненной нервностью, хотя Лиза живетъ, повидимому, спокойно и ровно.

Вы припоминаете изумительныя замѣчанія автора по поводу самыхъ незначительныхъ фактовъ. Лаврецкій пожалъ Лизѣ руку, — это заставляетъ ее задуматься. Ей становится хорошо въ его присутствіи, чувство жалости къ нему невольно говоритъ въ ея сердцѣ, но ей «немножко стыдно», потому что она еще не успѣла разобраться въ своихъ ощущеніяхъ, привести ихъ въ согласіе съ своими нравственными понятіями. Отсюда эти вѣчныя «мнѣ кажется»: они свидѣтельствуютъ о напряженной внутренней работѣ, о борьбѣ совѣсти и долга съ влеченіемъ молодости. И упреки со-

вѣсти начинаются у Лизы, раньше, чѣмъ она испытала счастье. Ее беспокоитъ мысль даже о покойной женѣ Лаврецкаго, она не знаетъ, что происходитъ съ ней,—и предъ нами была бы истинная драма, если бы у Лизы не было религіи. Только вѣра имѣетъ силу низводить миръ въ ея душу...

И она, подобно гениальному пѣвцу одиночества, въ «минуту жизни трудную» прибѣгаетъ къ молитвѣ.

Легко предугадать, что произойдетъ съ Лизой, когда судьба подтвердитъ ея сомнѣнія, покараетъ ее за несовершенный грѣхъ. Уже раньше мысль о смерти была близка Лизѣ. Эта мысль совершенно естественно сопутствуетъ нравственному одиночеству, религіозному экстазу, недовольству окружающей жизнью. Лиза говорила Лаврецкому о смерти раньше, чѣмъ надъ ними разразился ударъ. Теперь она безъ малѣйшаго сопротивленія отдастъ себя во власть этой идеи, ей необходимо искупить нѣсколько минутъ личныхъ радостей. Она въ законности ихъ сомнѣвалась отъ начала до конца,—теперь сама судьба оправдала ея сомнѣнія, доказала грѣховность ея любви, и Лиза навсегда умретъ для мирскихъ радостей. Она уйдетъ отъ людей въ пустыню, другими словами—окончательно отвергнетъ существующія основы общества, его нравственность и его дѣятельность.

И какъ бы Лиза мало ни говорила, какъ бы неопредѣленны ни были ея слова, мы знаемъ, во имя чего она отрекается отъ «отцовъ». Ея отрывочныя, часто недоговоренныя рѣчи мы можемъ дополнить пламенными изліяніями поэта. Здѣсь мы найдемъ всѣ основныя черты страданій и сомнѣній Лизы, не найдемъ только «пустыни», хотя она также и поэту безпрестанно является искомымъ идеаломъ. Но у поэта нашлись силы остаться *среди людей бойцомъ и героемъ*. Лизѣ открытъ только одинъ путь—спасти свой нравственный міръ вдали отъ искушеній и суеты. Но уходъ Лизы въ монастырь отнюдь не менѣе краснорѣчивый протестъ, чѣмъ страстныя филиппики Лермонтова противъ «надменнаго, глупаго свѣта», «важнаго шута», «шума земнаго».

Моей души не помялъ міръ,—ему
Души не надо...

могла сказать Лиза, если бы обладала склонностью къ краснорѣчивымъ характеристикамъ своей участи.

Да, «отцы», при всей своей чувствительной гуманности и романтической любви къ прекрасному, не знали человѣческой души, ея вышихъ запросовъ, не обладали чуткостью къ ея страданіямъ, не чувствовали разлада между своими поэтическими настроеніями и удручающей жестокой дѣйствительностью, между благородными

замыслами и вопіющими неправдами окружающей жизни. Они могли уноситься съ Шиллеромъ въ небеса, съ Жанъ-Жакомъ въ миенческой золотой вѣкъ, устраивать даже фермы, благодѣтельствовать мужикамъ и пребывать въ косномъ невѣдѣніи народной души и народной жизни. И на дѣлахъ и помыслахъ «отцовъ» лежала, кромѣ того, гигантская тѣнь всепоглощающаго, всемогущаго бога любви, бога романтическихъ интригъ и трагедій.

Лиза возстала противъ этого идола и первая направила на его волшебныя чары идею долга—предъ ближними и личнымъ человѣческимъ достоинствомъ.

Для Лизы и этой борьбы было вполне достаточно,—отвергнуть романтизмъ «отцовъ» въ существенныхъ для нихъ вопросахъ любви. Но авторъ указалъ и на другую черту своей героини.

Онъ не могъ приписать Лизѣ какихъ бы то ни было отвлеченныхъ идей о народѣ, но та же нравственная чуткость, та же потребность правды неизбѣжно отразились на отношеніяхъ Лизы къ народу.

Эти отношенія совершенно другія, чѣмъ у «отцовъ». Лиза умѣетъ говорить съ народомъ и отлично понимаетъ его.

«Ей было по душѣ съ русскими людьми; русскій складъ ума ее радовалъ; она, не чинясь, по цѣлымъ часамъ бесѣдовала со старостой материнскаго имѣнія, когда онъ пріѣзжалъ въ городъ, и бесѣдовала съ вимъ, какъ съ ровней, безъ всякаго барскаго снисхожденія».

Совершенная новость въ обиходѣ «отцовъ». Тѣ, при всѣхъ своихъ свѣдѣніяхъ по части комитетовъ и машинъ, не умѣли сойтись съ мужикомъ, послѣ пяти минутъ разговора съ нимъ чувствовали себя дурно или «доводили его до истомы», какъ это дѣлаетъ, на примѣръ, Николай Кирсановъ въ качествѣ мирового посредника.

Очевидно, вмѣстѣ съ Лизой исчезалъ романтизмъ отцовъ не только въ вопросахъ любви, онъ уступалъ мѣсто жизненной правдѣ, истинно-народническому чувству и въ области общественныхъ отношеній. Не Лизѣ было проложить новые пути и въ этомъ направленіи. Но она предвѣщала появленіе другихъ «дѣтей», предназначенныхъ для болѣе широкаго протеста, для болѣе обширной борьбы съ романтическими традиціями «отцовъ».

Ив. Ивановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.

Р О М А Н Ъ.

К. М. Станюковича.

(Продолженіе *).

XV.

Антошка остановился у дверей съ разинутымъ ртомъ отъ изумленія и теребилъ въ рукахъ шапку, нѣсколько смущенный и подавленный, при видѣ пушистыхъ ковровъ, картинъ, мебели, обоевъ, разныхъ вещицъ, елѣтки съ попугаемъ, словомъ, всей роскошной обстановки комнаты, въ которой находился.

Никогда въ жизни не видалъ онъ ничего подобнаго и, озираясь съ видомъ ошалѣвшаго дикаря, въ первую минуту не замѣтилъ княгини, сидѣвшей въ дальнемъ углу за письменнымъ столомъ и нѣсколько скрытой трельяжемъ.

— Попка! Попка дуракъ!.. Попочка!

Антошка вздрогнулъ.

Однако, догадавшись скоро, что это кричитъ птица, онъ сосредоточилъ на ней свое вниманіе и улыбнулся.

Княгиня между тѣмъ разсматривала Антошку въ длинный черепаховый лорнетъ съ тѣмъ подозрительнымъ вниманіемъ, съ какимъ обыкновенно смотрятъ благотворители на обращающихся къ нимъ кліентовъ.

Повидимому, она осталась довольна первымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на нее выразительнымъ, блѣднымъ и худымъ лицомъ Антошки, и, отводя лорнетъ, произнесла ободряющимъ, мягкимъ, но въ то же время дѣловымъ тономъ:

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

— Подойди поближе Не бойся, мальчикъ!

Антошка только теперь увидалъ княгиню.

Осторожно ступая по ковру, словно у него былъ ларець въ рукахъ, и боясь что-нибудь задѣть въ этой, полной мебели и всякихъ диковинныхъ штукъ, комнатѣ, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился въ почтительномъ отдаленіи.

— Еще ближе!—приказала княгиня.

Антошка приблизился къ столу.

Первое впечатлѣніе охватившаго его смущенія уже прошло. Не даромъ же Антошка большую часть своей жизни проводилъ на улицѣ, обращаясь за копѣечками для „бѣднаго сиротки“ преимущественно къ хорошо одѣтымъ людямъ, нароча ихъ по возможности „объегорить“, какъ выражался онъ самъ въ минуты откровенности.

И Антошка довольно смѣло поднялъ свои умные, бѣгающіе каріе глаза на свѣжее, красивое, выхоленное лицо княгини и, помня наставленіе „графа“, не соорилъ плаксивой фізіономіи, такъ какъ этого, по обстоятельствамъ, не требовалось.

Повидимому, наружность молодой женщины удовлетворила эстетическое чувство Антошки и вполне соответствовала его представленію о красотѣ настоящихъ княгинь и о томъ, что онѣ ѣдятъ съ золотыхъ тарелокъ и, разумѣется, до отвала пищу самую хорошую и потому такія гладкія и румяныя.

Но костюмъ княгини, признаться, разочаровалъ его.

Воображенію его представлялось—да и фотографіи разныхъ важныхъ барынь, выставленныя въ витринахъ, казалось, подтверждали его—что настоящія княгини и графини обязательно должны быть въ какихъ-нибудь особенныхъ платьяхъ, затканыхъ серебромъ или золотомъ и непременно съ оголенными шеями и руками, украшенными драгоценными камнями, или, по крайней мѣрѣ, въ красныхъ, а не то голубыхъ платьяхъ, стоящихъ много денегъ, а вмѣсто того эта княгиня, въ комнатѣ у которой такъ все красиво и пахнетъ чѣмъ-то пріятнымъ, одѣта вся въ черномъ, точно монашка.

Только горѣвшіе въ ея ушахъ крупныя брилліанты указывали, по мнѣнію Антошки, на отличіе ея отъ обыкновенныхъ барынь, которыхъ онъ видалъ на улицахъ. Да и у многихъ изъ нихъ были такіе же камешки.

„Скупая, должно быть. Жалѣть одѣжи!“ — рѣшилъ Антошка.

— Какъ тебя зовутъ, мальчикъ?

— Антошка, ваше сіятельство! — довольно бойко отвѣчалъ Антошка.

Онъ съ особеннымъ, свойственнымъ мелкимъ торгашамъ, щегольскимъ мастерствомъ произнесъ титулъ, которымъ съ расточительною щедростью награждалъ, не справляясь въ департаментъ герольдіи, лицъ, покупавшихъ у него на улицѣ спички, бумаги и конверты.

— А твоя фамилія?

Антошка опѣшилъ. Онъ не зналъ, какъ его фамилія и никогда не интересовался знать, есть ли у него она и вообще нужна ли ему такая роскошь.

— Меня всѣ Антошкой зовутъ, ваше сіятельство!

— Однако, должна же у тебя быть фамилія?

— Въ документъ, который графъ отобралъ у дяденьки, вѣрно обозначена фамилія.

„Графъ“ и „дяденька“ рѣшительно ничего не объяснили княгинѣ и только усложнили дѣло вопроса, вызвавъ на лицѣ княгини выраженіе нѣкотораго недоумѣнія.

— Таеъ ты не знаешь, какъ твоя фамилія?

— Не знаю, — отвѣчалъ Антошка, нѣсколько сконфуженный, что на первыхъ же порахъ далъ маху и не догадался сочинить фамилію, которая, судя по словамъ княгини, должна была быть и у него.

— Кто твои родители?

— У меня нѣтъ родителей, ваше сіятельство!

— То есть, умерли?

— Богъ ихъ знаетъ. Надо полагать, что умерли.

— И матери не помнишь?

— Не помню.

— У кого же ты жилъ до сихъ поръ?

— У Ивана Захарыча...

— Кто онъ такой... Твой родственникъ?

— Назывался дяденькой, только онъ не дяденька, а чужой... Я у него въ нищенкахъ работалъ, а потомъ съ ларкомъ ходилъ... У него много дѣтей живетъ въ нищенкахъ... На него собираютъ... Этимъ онъ и живетъ.

Антошка рѣшительно заинтересовалъ княгиню, отгрывая ей Америку. Она, ретивая благотворительница, и не знала, что въ Петербургѣ существуетъ такой безнравственный промыселъ.

— Гдѣ живетъ этотъ Иванъ Захаровичъ?

Антошка сказалъ адресъ. Княгиня записала его въ записную книжку и продолжала допросъ:

— А теперь ты гдѣ живешь?

— У графа...

— У какого графа?—удивилась княгиня и въ то же время подумала, что ея несчастный кузень обманулъ ее, написавши, что мальчикъ находится у него.

— То-есть, они не графы, а только ихъ такъ прозываютъ... А по настоящему ихъ зовутъ Александръ Ивановичъ Ополевъ... Они, можно сказать, меня и спасли отъ Ивана Захарыча, какъ я отъ него убѣжалъ... Они мой документъ у него отобрали и пріютили меня..

— А ты отчего убѣжалъ отъ этого Ивана Захарыча?

— Шибко билъ... Ремнемъ билъ...

— Тебя только билъ?

— Меня еще рѣже, а другихъ ребятъ и не дай Богъ, какъ хлесталъ, ваше сіятельство... Особенно маленькихъ...

— За что же онъ наказывалъ?

— Главное, за выручку.

— Какъ, за выручку?

— Если кто, значить, мало соберетъ милостыньки. А—извольте разсудить ваше сіятельство—ежели въ дурную погоду да въ рваной одежѣ, какал тутъ выручка? Тутъ дай Богъ не заколѣтъ отъ холода, а не то, что выручка... А онъ этого не разбиралъ... Все больше жена его, подлая, настраивала. Озвѣрѣетъ и давай ремнемъ...

— Какой ужасъ!—проронила княгиня.—И дѣти никому не жаловались?

— Кому жаловаться? Онъ застрачивалъ. „Вы, говорить, у меня проданные, я, говорить, что хочу, то съ вами и дѣлаю!.. Дай Богъ здоровья, графу, это онъ объяснилъ, что мы не проданные... Я и убѣжалъ отъ этого дьявола, ваше сіятельство!

Положительно Антошка являлся въ нѣкоторомъ родѣ инте-

реснымъ героемъ въ глазахъ княгини. Его разсказъ можетъ дать благодарную тѣму для сегодняшняго засѣданія комитета.

И она сказала Антошкѣ:

— Разскажи мнѣ подробно и по чистой правдѣ, за что именно тебя наказали и какъ ты убѣжалъ... И почему именно „графу“... Ты гдѣ съ нимъ познакомился?

— На улицѣ... Они тоже работали...

— Какъ работали?

— Сбирали, значить... Только больше по вечерамъ...

„До чего упалъ!“ — подумала княгиня и проговорила:

— Такъ разсказывай же, какъ это все случилось...

Съ этими словами княгиня придвинула записную книжку и карандашъ, чтобы отмѣтить существенныя показанія Антошки и не забыть ихъ при докладѣ.

Она всегда, допрашивая клиентовъ съ искусствомъ и настойчивостью хорошаго судебного слѣдователя, записывала даваемые ей свѣдѣнія и затѣмъ наводила болѣе или менѣе точныя справки о просителяхъ, считая возможнымъ и полезнымъ оказывать помощь только болѣе или менѣе добропорядочнымъ нищимъ, то-есть, такимъ, которые, ради подачки, не лгутъ наглѣйшимъ образомъ.

Эта система помощи, возведенная въ принципъ, строго проводилась въ обществѣ „Помогай ближнему!“, предсѣдательницей котораго была княгиня, и потому, вѣроятно, многіе его клиенты запасались самыми добровѣщественными свидѣтельствами, фабриковавшимися умѣлыми людьми, о разныхъ болѣе или менѣе правдоподобныхъ злоключеніяхъ и несчастіяхъ.

Польщенный вниманіемъ, оказаннымъ его особѣ настоящей княгиней, Антошка не безъ повѣствовательнаго таланта разсказалъ о непосредственной причинѣ своего бѣгства, предпославъ эпизодъ съ двугривеннымъ, даннымъ доброй барыней, и не злоупотребилъ вниманіемъ своей слушательницы подробностями выдержанной имъ порки. Подчеркнувъ затѣмъ съ похвальною, впрочемъ, скромностью, подвиги, оказанные имъ самимъ въ этотъ достопамятный вечеръ, онъ съ художественною краткостью и силою росписалъ „дяденьку“ и „рыжую вѣдму“ и съ горячимъ чувствомъ признательнаго сердца разсказалъ про гостепрѣимство добраго „графа“.

— Кабы не графъ, пропасть бы мнѣ, какъ собагѣ, ваше сіятельство!—заклучилъ Антошка свой рассказъ.

И съ этими словами вытеръ рукавомъ обильно струившійся по лицу потъ, такъ какъ продолжительное пребываніе въ теплой комнатѣ, да еще въ полушубкѣ, давало-таки себя знать.

Княгиня записала показанія Антошки и, когда онъ кончилъ, подняла на него испытующій взглядъ.

Довольно приличный, относительно, костюмъ Антошки возбудилъ вдругъ въ ней подозрительныя мысли и словно бросалъ тѣнь на правдивость рассказа. Вѣдь ей рассказываютъ такъ много невѣроятныхъ вещей!

И она спросила:

— Ты не лжешь, мальчикъ?

— Убей меня Богъ, ваше сіятельство.

— Не клянись всеу... Это не хорошо,— строго остановила Антошку княгиня и продолжала:— Тебя не научилъ рассказать всю эту исторію твой графъ?

— Они приказывали правду говорить и ничему не научали. Графъ ничему дурному не научить!—горячо наступилъ за „графа“ Антошка, чуя въ словахъ княгини, что „графа“ подозреваютъ въ чемъ-то нехорошемъ.

— Ты рассказывалъ, что убѣжалъ отъ этого Ивана Захаровича въ лѣтнемъ пальто и въ башмакахъ...

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Такъ объясни мнѣ, пожалуйста: откуда у тебя и полушубокъ и сапоги, а? гдѣ ты ихъ досталъ?—допрашивала княгиня, продолжая смотрѣть въ глаза Антошки и ожидая, что мальчикъ смутится.

Но Антошка нисколько не смутился и отвѣтилъ:

— Все это мнѣ графъ справил.

— Графъ?—усмѣхнулась княгиня.—Но твой благодѣтель самъ нищій... На какія же деньги онъ могъ тебя одѣть?.. Это что-то неправдоподобно!—говорила княгиня, которая дѣйствительно не могла понять, что этотъ несчастный пропойца и нищій, какимъ былъ ея кузень, могъ не только сердечно отнестись къ другому нищему, но еще и одѣть его.

Тогда Антошка рассказалъ про письма, которыя „графъ“ разносилъ и про двадцать пять рублей, полученные отъ какой-то „сродственницы“. Изъ этихъ денегъ графъ и сдѣлалъ полную

обмундировку. Все справилъ: и рубахи, и пиджакъ, и сапоги, и полупубокъ...

— Вотъ какой графъ, ваше сіятельство!—произнесъ дрогнувшимъ голосомъ Антошка...—Какъ отецъ родной... И я за графа, кажется, что угодно приму... Меня-то одѣли и обули самымъ лучшимъ видѣ, а самъ-то графъ, ваше сіятельство, въ сапогахъ пальтецѣ ходять... Наскрозь продуваетъ... Хучь бы воротникъ мѣховой какой, и того нѣтъ... А между тѣмъ больны... Кашляють страсть!—говорилъ сострастностью адвоката Антошка, имѣя заднюю мысль poradѣть въ пользу своего друга. Быть можетъ, княгиня, узнавъ положеніе родственника, справить графу шубу.

Рѣчь Антошки дышала такой правдой, что даже и пессимистическая княгиня повѣрила, что Антошка не рассказываетъ заранѣе сочиненной исторіи. И княгинѣ какъ будто стало неловко за свои подозрѣнія на своего „пропавшаго“ кузена. Она прежде его знала, и онъ ей когда-то даже нравился.

И княгиня, значительно смягчившись, спросила:

— Такъ мой графъ боленъ?

— Грудь должно быть, больны...

— Пьеть, видно?..

— И вовсе не пьютъ, ваше сіятельство!—рѣшительно отвѣчалъ Антошка.

Княгиня недовѣрчиво усмѣхнулась.

Затѣмъ она задала Антошкѣ еще нѣсколько вопросовъ относительно помѣщенія и пици у Ивана Захаровича и, получивъ обстоятельные отвѣты, занесла ихъ въ записную книжку.

Какъ ни лестно было Антошкѣ находиться въ гостяхъ у княгини, тѣмъ не менѣе визитъ этотъ начиналъ казаться ему нѣсколько продолжительнымъ. Было дьявольски жарко и очень хотѣлось ѣсть.

И Антошка рассчитывалъ, что княгиня тотчасъ же прикажетъ выдать графу на шубу, а ему, Антошкѣ, тоже отвалить по крайней мѣрѣ рубль и отпустить его домой.

Но надежды Антошки не оправдались.

Княгиня нѣсколько времени молчала, погруженная, казалось, въ какія-то размышленія, и наконецъ обратилась къ Антошкѣ съ вопросомъ:

— Тебѣ сколько лѣтъ?..

- Пятнадцатый...
- Грамотѣ, конечно, не знаешь?
- Немножко, самоучкой, ваше сіятельство.
- А въ церковь ходишь?..
- Нѣтъ, ваше сіятельство...

Княгиня строго покачала головой и что-то черкнула въ книжкѣ.

— Но, по крайней мѣрѣ, дома молишься каждыиъ?

Антошка, имѣвшій довольно смутныя понятія и о религіи, и о религиозныхъ обязанностяхъ, обыкновенно прибѣгалъ къ помощи Господа Бога въ экстренныхъ случаяхъ, преимущественно тогда, когда выручка была плоха и ему грозила, по его соображеніямъ, порка. Въ такіе моменты Антошка съ страстной горячностью молился Богу, сочиняя самъ молитвы, принаровленные исключительно къ обстоятельствамъ дѣла. Онъ просилъ Всемогущаго, чтобы Онъ послалъ ему хорошую выручку или чтобы запретилъ подлomu чорту дяденькѣ наказывать его ремнемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда молитвы его не бывали услышаны, и Антошка возвращался изъ комнаты „дяденьки“ съ исполосованной спиной, — онъ обращался къ Господу Богу съ молитвами уже самаго не христіанскаго характера, а именно: просилъ, чтобы дяденьку разразило на мѣстѣ, а „рыжую вѣдму“ взяли черти.

Затѣмъ онъ часто упоминалъ имя Божіе и особенно Христа Спасителя во время нищенства, а во время своей торговой дѣятельности клялся и божился, призывая Господа Бога въ доказательство доброкачества и дешевизны спичекъ, конвертовъ и бумаги, — съ расточительностью, во истину грѣховной.

Таково было религиозное поведеніе Антошки.

И потому, когда княгиня задала ему послѣдній вопросъ, онъ, рѣшительно не знавшій, что молиться слѣдуетъ каждый день, а не тогда только, когда грозитъ встrepка, — добросовѣстно сознался, что каждый день не молится.

И, сознавшись, тотчасъ же раскаялся, что не совралъ, такъ какъ опять увидѣлъ, какъ неодобрительно княгиня покачала головой и снова черкнула что-то въ своей книжкѣ...

Рѣшительно конецъ визита подгадилъ все. „Теперь ты-тю и графская шуба, и рубль!“ — подумалъ Антошка,

прозрѣвая, какъ опытный наблюдатель, въ серьезномъ выраженіи красиваго лица княгини, и особенно въ ея глазахъ, большихъ, строгихъ, темносѣрыхъ глазахъ, что-то недовольное и малообъщающее.

— Ты знаешь какую-нибудь молитву?

Увы! Антошка не зналъ ни одной молитвы, кромѣ вдохновенныхъ молитвъ собственнаго сочиненія.

Соврать было рѣшительно невозможно. Эта „занозистая княгиня“, какъ уже мысленно окрестилъ ее Антошка, сейчасъ же поймаетъ.

И Антошка, испытывая чувство подавленности и нѣкотораго раздраженія, далеко безъ прежней развязности проговорилъ:

— Не знаю.

Снова зачиркалъ карандашъ. И опять вопросъ:

— И „Отче нашъ“ не знаешь?

— Не знаю!—угрюмо, опуская на коверъ глаза, прошепталъ Антошка.

— Бѣдный мальчикъ!—промолвила княгиня, отмѣтивъ въ книжкѣ, что Антошка не знаетъ даже „Отче нашъ“.

Но это восклицаніе не пріободрило Антошку и только отозвалось въ его ухахъ, но не проникло въ сердце.

Снова наступило молчаніе.

Антошка съ удовольствіемъ готовъ былъ бы дать тягу, значительно разочаровавшись въ настоящихъ княгиняхъ, которыя вмѣсто того, чтобы дать мальчику на бѣдность и приказать его накормить, нудятъ его допросами, не принимая въ соображеніе, что онъ задыхается отъ жары.

„Нечего сказать, княгиня!“

То-то онъ расскажетъ „графу“, какъ она донимала. И что за бѣда, что онъ не знаетъ молитвъ. Онъ можетъ ихъ выучить, если на то пошло!

— Я подумаю, что для тебя можно сдѣлать, мальчикъ!—проговорила, наконецъ, княгиня и пожала плечики электрическаго звонка.

Явился лакей.

— Проводите мальчика на кухню. Пусть онъ тамъ пождетъ. Что, все приготовлено въ залѣ?

— Все готово, ваше сіятельство!

— Ступай, мальчикъ, посиди. Ты еще будешь мнѣ нуженъ.

Антошка вышелъ, нѣсколько недоумѣвающей.

„Что еще съ нимъ будутъ дѣлать? Неужели опять нудить допросами? Въ такомъ случаѣ хоть бы дали поѣсть!“ — подумалъ Антошка, чувствуя дьявольскій аппетитъ, особенно усилившійся на кухнѣ, гдѣ пахло чѣмъ-то ввуснымъ.

Но княгиня, скорбѣвшая о мальчикѣ, не знавшемъ даже „Отче нашъ“ и рѣшившая сегодня же въ засѣданіи поднять вопросъ о томъ, какъ его устроить, не подумала, что мальчикъ, можетъ быть, голоденъ, и не приказала накормить Антошку.

XVI.

Въ часъ начали собираться члены комитета Общества „Помогай ближнему“.

Въ ожиданіи начала засѣданія въ кабинетѣ княгини шла обычная болтовня: передавали новости, говорили о погодѣ, о только что назначенномъ новомъ министрѣ, о послѣднемъ судебномъ дѣлѣ, интересовавшемъ Петербургъ.

Собравшіяся дамы-благотворительницы принадлежали къ разнымъ кружкамъ петербургскаго общества: было нѣсколько свѣтскихъ дамъ, двѣ, три, принадлежащія къ среднему кругу, одна женщина врачъ, и некрасивая, не молодая, сухощавая дѣвица — купчиха милліонерка, извѣстная своею щедрою благотворительностью.

Во второмъ часу княгиня попросила гостей перейти въ залъ. Почти всѣ собрались, только адмиральша Андрусова, по обыкновенію, опоздала — вѣрно, скоро пріѣдетъ.

Всѣ усѣлись вокругъ большого стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, на которомъ были разложены листы бѣлой бумаги, очиненные карандаши и экземпляры послѣдняго отчета.

На концѣ стола, передъ кресломъ предсѣдательницы рядомъ съ большой чернильницей и перьями лежали папки съ бумагами и красовался звоночекъ.

— Открываю засѣданіе! — произнесла княгиня, опускаясь въ кресло.

По обѣ ея стороны усѣлись единственные два мужчины, бывшіе среди присутствовавшихъ девяти дамъ: казначей Общества, Артемій Ильичъ Пушниковъ, извѣстный петербургскій коммерсантъ и богачъ, пожилой, сухощавый господинъ съ

бритымъ лицомъ, смахивающій на англичанина, и секретарь, г. Цвѣтковскій, молодой блондинъ изъ лицейстовъ съ пріятнымъ, нѣсколько женоподобнымъ лицомъ, мягкими, изящными манерами и почтительно нѣжнымъ взглядомъ красивыхъ голубыхъ глазъ,—словомъ, съ тою наружностью, которая словно бы присуща секретарямъ дамскихъ благотворительныхъ обществъ.

Корректный, элегантно-одѣтый, коротко остриженный, бородкой à la Henri IV, чистенькій и аккуратный, онъ и имѣлъ вполнѣ соответствующее положенію: Евгеній Аркадьевичъ.

Сынъ небогатыхъ родителей, онъ служилъ въ одномъ департаментовъ и подавалъ надежды, а досуги свои посвящалъ обществу „Помогай ближнему!“, работалъ въ немъ усердно и добросовѣстно и нѣсколько побаиваясь строгой председательницы, которая выкала во всѣ дѣла и, энергичная, дѣятельная и до щепетильности аккуратная сама, требовала и отъ другихъ добросовѣстнаго исполненія принятыхъ на себя обязанностей.

— Не угодно ли, Евгеній Аркадьевичъ, прочитатъ протоколъ прошлаго засѣданія?

Цвѣтковскій поднялся съ кресла и пріятнымъ, слегка пѣвучимъ баритономъ сталъ читать протоколъ о разрѣшенныхъ разнымъ лицамъ пособіяхъ, о назначеніи пенсій о наведеніи справокъ, объ отказахъ по тѣмъ или другимъ причинамъ, объ устройствѣ благотворительнаго концерта и т. п.

Чтеніе заняло минутъ пять времени.

— Угодно принять протоколъ?—спросила княгиня.

Никто не возражалъ.

Секретарь положилъ протоколъ передъ председательницей. Она подписала его, и затѣмъ всѣ стали подписывать, передавая протоколъ другъ другу, пока онъ не вернулся къ секретарю и, имъ подписанный, бережно и аккуратно былъ вложенъ въ портфель.

— Вы готовы, Евгеній Аркадьичъ?

— Готовъ, княгиня!—отвѣчалъ секретарь, кладя передъ собой чистый листъ бумаги и вооружаясь перомъ.

— Не угодно ли прослушать справки о лицахъ, обращавшихся съ просьбами о пособіи въ прошлое засѣданіе. Лидія

Семеновна... Вамъ первой... О вдовѣ рядоваго камчатскаго пѣхотнаго полка, Пелагеѣ Устиновой... прачкѣ,—говорила княгиня привычнымъ, дѣловымъ тономъ, громко и отчетливо, заглядывая въ исписанный листокъ.

Некрасивая пожилая дѣвушка-милліонерка, за громаднымъ состояніемъ которой напрасно охотились одно время молодые и красивые женихи титулованныхъ фамилій, стала давать отчетъ о своемъ посѣщеніи прачки.

Она говорила порывисто и горячо, краснѣя, торопясь и заикаясь и оттого, что конфузилась говорить въ собраніяхъ, хотя была членомъ во многихъ благотворительныхъ обществахъ, и оттого, что сознавала некрасивость своего желтаго, прыщеватаго лица съ подслѣповатыми глазами, и оттого, что на нее были обращены взгляды всѣхъ присутствовавшихъ дамъ, которыя не безъ зависти разглядывали ея простое, но прелестно сшитое платье отъ Ворта и крупные брилліанты въ ухахъ.

Она была на прошлой недѣлѣ у Дарьи Семеновой, на Петербургской сторонѣ. Положеніе ея ужасное. Ей пятьдесятъ пять лѣтъ. Вотъ уже годъ, какъ она не въ состояніи работать и добывать себѣ кусокъ хлѣба. У нея застарѣлый ревматизмъ, и она не встаетъ съ постели. Въ больницу ее не принимаютъ...

— Кажется, хроническихъ больныхъ не принимаютъ въ больницы, Анна Игнатьевна?—обратилась некрасивая милліонерка къ дамѣ, сидѣвшей напротивъ.

Плотная, здоровая и крѣпкая женщина-врачъ; лѣтъ около сорока, въ черномъ шелковомъ платьѣ, съ золотой цѣпочкой отъ часовъ поверхъ лифа, съ тѣмъ твердымъ, увѣреннымъ и даже самодовольнымъ выраженіемъ на своемъ широкомъ, румяномъ лицѣ съ крупными некрасивыми чертами, которое нерѣдко бываетъ у женщинъ, добившихся тяжелымъ, долгимъ трудомъ успѣха въ жизни,—подтвердила предположеніе дѣвушки милліонерки, замѣтивъ авторитетнымъ тономъ:

— Совершенно вѣрно. Хрониковъ въ больницы не принимаютъ.

— Вотъ и старуха говоритъ, что ее не приняли...

И дѣвушка-милліонерка продолжала перечислять бѣды Пелагеи Устиновой.

Родныхъ у нея здѣсь ни души. Живетъ она въ отвратительномъ углѣ и три мѣсяца не платитъ за квартиру, такъ что бѣдную старуху квартирная хозяйка грозитъ выгнать... Все, что она скопила на черный день, прожито... Все это рассказала старуха... Она вообще производитъ хорошее впечатлѣніе... Ея слова подтвердили и всѣ ея сожители и квартирная хозяйка.

— По моему мнѣнію, ей непременно слѣдуетъ помочь... даже назначить пенсію!—заключила докладчица, деликатно, разумѣется, умолчавъ, что при посѣщеніи старухи она дала ей своихъ пять рублей.

— Мнѣ кажется, самое лучшее намъ помѣстить ее въ богадѣльню!—проговорила княгиня.

Всѣ согласились, что это было бы лучше всего.

— Я говорила ей объ этомъ, но она не хочетъ.

— Отчего не хочетъ?

— Она надѣется поправиться и опять работать...

Еще бы ей хотѣть въ богадѣльню, этой Пелагеѣ, извѣстной на Петербургской сторонѣ нищей и посѣтительницы кабаковъ.

Она, эта охавшая, съ завязаннымъ лицомъ, старуха тотчасъ же по уходѣ дамы-благотворительницы, вскочила съ постели, какъ встрепанная, и добросовѣстно иодѣлившись съ сожителями за подтвержденіе ея безнабашнаго вранья, ушла изъ квартиры и вернулась домой мертвецки-пьяная.

Отдавши должную дань трудолюбивымъ порывамъ Пелагеи Устиновой, комитетъ постановилъ: назначить ей по три рубля ежемѣсячнаго пособія на годъ, и если она не поправится, хлопотать о помѣщеніи ея въ богадѣльню. О постановленіи извѣстить просительницу.

Женщина-врачъ, сообщившая о престарѣлой вдовѣ мелваго чиновника, и г. Цвѣтковскій, доложившій объ одной молодой женщинѣ, брошенной съ четырьмя дѣтьми негодяемъ мужемъ, были не такъ восторженны въ своихъ рѣчахъ, какъ дѣвушка-милліонерка, и, по всей вѣроятности, менѣе довѣрчивы къ словамъ разнаго бѣднаго люда, который имъ приходилось посѣщать по своимъ обязанностямъ благотворителей. Но такъ какъ и вдова-чиновница, и женщина, брошенная мужемъ, безспорно жили въ нищетѣ, то и имъ было назначено временное пособіе по пяти рублей на каждую, причемъ постановлено было имѣть въ виду брошенную женщину и ея малолѣтнихъ дѣтей.

Затѣмъ княгиня стала докладывать поступившія прошенія.

Ихъ было порядочно, этихъ прошеній, на большихъ и на маленькихъ листахъ бѣлой и сѣрой бумаги, написанныхъ и чувствительнымъ, и строго-дѣловымъ, и патетическимъ, и унизительнымъ, и ругательнымъ слогомъ, и длинныхъ, съ автобіографическими подробными свѣдѣніями, и съ изложеніемъ утѣшительныхъ видовъ на будущее, и лаконическихъ въ нѣсколько строчекъ, и, наконецъ, юмористическихъ, въ которыхъ разная бѣднота, но по преимуществу „престарѣлые капитаны и поручики“, „несчастные благородные дворяне“ и „горемычныя вдовы“, обремененныя сиротами, взывали къ „добрымъ сердцамъ“ и „высокому покровительству“ Высочайше утвержденнаго Общества „Помогай ближнему“.

Княгиня не читала прошеній, особенно длинныхъ и иногда не лишенныхъ глубокаго трагизма, скрытаго въ высокопарныхъ, безграмотныхъ словахъ, а дѣлала извлеченія, выбирая самое существенное.

По нѣсколькимъ прошеніямъ давнишнихъ кліентовъ разрѣшены были выдачи, нѣсколькимъ хорошо извѣстнымъ пьяницамъ было отказано, а по остальнымъ рѣшено собрать свѣдѣнія...

Доложивъ послѣднее прошеніе, княгиня проговорила:

— Теперь позвольте обратить ваше вниманіе на одно изъ тѣхъ ужасающихъ воль, которыя, въ стыду нашему, творятся въ Петербургѣ... Я сегодня, сейчасъ объ этомъ узнала, и совершенно случайно. Знаете ли вы, что въ Петербургѣ существуетъ особый промыселъ: брать несчастныхъ дѣтей и посылать ихъ рваныхъ и плохо обутыхъ просить милыстыню на улицахъ. Мы всѣ, конечно, видѣли такихъ дѣтей, но едва ли кому-нибудь изъ насъ могла придти въ голову чудовищная мысль, что эти дѣти — жертвы чужой организованной эксплуатаціи...

Вслѣдъ за такимъ эффектнымъ началомъ, княгиня, со свойственною ей умѣlostью, передала факты, сообщенные ей Антошкой о заведеніи Ивана Захаровича, объ истязаніи дѣтей, объ ихъ одеждѣ, помѣщеніи, пищѣ.

Для огромнаго большинства благотворительныхъ дамъ сообщеніе княгини было невѣроятнымъ открытіемъ.

Всѣ возмутились.

— Неужели, милая княгиня, такіе ужасы существуют!— воскликнула одна изъ свѣтскихъ благотворительницъ, молодая эlegantная дама.

— Вѣдь это что-то чудовищное!— воскликнула другая.

— И чего смотритъ полиція!— строго замѣтила пожилая супруга какого-то виднаго чиновника.

— Вы, княгиня, открываете одно изъ возмутительнѣйшихъ явленій!— вставилъ, въ видѣ комплимента, секретарь.

Весьма довольная, что ей пришлось открыть это возмутительное явленіе и познакомить съ нимъ своихъ коллегъ, княгиня продолжала:

— У меня находится одна изъ такихъ жертвъ— мальчикъ, который бѣжалъ изъ заведенія нищихъ дѣтей послѣ того, какъ его истязали. Онъ нашелъ пристанище у одного сострадательнаго нищаго, человѣка, когда-то принадлежавшаго обществу, и окончательно павшаго... Этотъ отверженецъ— можете себѣ представить?— принялъ горячее участіе въ мальчикѣ, кое-какъ одѣлъ его, обратившись за подачками къ своимъ родственникамъ, и прислалъ его ко мнѣ съ просьбой что-нибудь сдѣлать для него... Этотъ мальчикъ и разсказалъ мнѣ все... Его исторія— необыкновенно печальная... Онъ сирота... Не зналъ ни отца, ни матери... и „работалъ“, какъ онъ выражается, то-есть, собиралъ милостыню, для этого изверга, какого-то отставнаго солдата... Мальчикъ производитъ хорошее впечатлѣніе, но вообразите, въ какой обстановкѣ онъ росъ?.. Онъ не знаетъ даже своей фамиліи... Только одно имя! А ему пятнадцатый годъ!

Открытие мальчика, „не знающаго своей фамиліи“, вызываетъ общій взрывъ удивленія.

Снова раздаются восклицанія:

— Не знаетъ своей фамиліи!

— Несчастный мальчикъ!

— Это дикарь какой-то!

Только женщина-врачъ не выражала удивленія, и въ глазахъ ея мелькала едва замѣтная улыбка. Ее подмывало даже объявить во всеуслышаніе, что въ сообщенномъ фактѣ нѣтъ ничего особенно удивительнаго и въ доказательство привести кое-какія данныя о положеніи дѣтей бѣдныхъ хотя бы въ Англии.

Но Анна Игнатьевна вспомнила, что получила мѣсто въ институтѣ, благодаря княгинѣ, и, не смотря на желаніе блеснуть эрудиціей, дипломатически промолчала, хорошо сознавая, что омрачить это наивное удивленіе малосвѣдущихъ дамъ и въ особенности княгини—было бы для нихъ непріятно.

„Пусть себѣ удивляются тому, что всякому интеллигентному человѣку хорошо извѣстно! На то онѣ и свѣтскія барыни!“ высокомѣрно подумала Анна Игнатьевна, питавшая въ то же время нѣкоторое завистливое удивленіе къ этимъ свѣтскимъ барынямъ за ихъ манеры и умѣнье одѣваться.

Но еще бѣльшее впечатлѣніе, чѣмъ незнаніе фамиліи, произвели на собраніе слова княгини:

— Мало того... Этотъ мальчикъ никогда не бывалъ въ церкви и никогда не молился... Онъ даже не знаетъ: „Отче нашъ!“

Послѣ нѣсколькихъ секундъ изумленнаго молчанія нѣсколько дамъ сразу заговорили о томъ, что надо принять мѣры противъ такихъ чудовищныхъ явленій... Необходимо указать полиціи. Вѣроятно въ Петербургѣ не одно такое заведеніе, въ которомъ вырастаютъ подобныя дѣти... Что ждетъ ихъ въ будущемъ?.. Обществу „Помогай ближнему“ слѣдуетъ придти имъ на помощь... Это его святая обязанность.. Не правда ли, княгиня?

Княгиня, твердо соблюдавшая порядокъ, позвонила въ колокольчикъ.

Наступило молчаніе.

— Я не имѣю повода сомнѣваться въ правдивости показаній мальчика,—заговорила княгиня,—но во всякомъ случаѣ прежде всего надо навести справки... Если комитету будетъ угодно, я возьму это на себя... Разрѣшаетъ комитетъ?

Всѣ изъявили согласіе.

Кто жъ это лучше сдѣлаетъ, какъ не княгиня?

— Если свѣдѣнія, сообщенныя мальчикомъ, подтвердятся, я сама поѣду просить кого слѣдуетъ о томъ, чтобы обратили вниманіе на эту безжалостную эксплуатацію дѣтей... и затѣмъ доложу комитету... Занесите это въ протоколъ, Евгений Аркадьевичъ!

— Я записалъ, княгиня...

— А я тогда скажу Петру Петровичу... Хотите, княгиня?—спросила молодая эlegantная барыня.

— Отлично... Онъ, конечно, распорядится, чтобы этого не было.

— Конечно, онъ ничего и не знаетъ о бѣдныхъ дѣтяхъ!—промолвила пожилая супруга важнаго чиновника.

— Что же касается мальчика, то я предложила бы комитету помѣстить его въ нашъ пріютъ... У насъ вѣдь есть, кажется, одна вакансія въ пріютѣ, Евгеній Аркадьевичъ?

— Есть, княгиня...

— Угодно комитету разрѣшить помѣстить мальчика въ пріютъ?..

Никто не имѣлъ ничего противъ.

— Оставлятъ его на попеченіи того лица, у котораго находится, было бы гибельно для мальчика и для всей его будущности... А мальчикъ очень способный... Быть можетъ, комитету угодно видѣть будущаго нашего питомца и отъ него самого услышать его печальную эпопею?..

Это предложеніе было принято съ большимъ удовольствіемъ. Всѣмъ любопытно было первый разъ въ жизни взглянуть на маленькаго несчастнаго диваря, не знающаго своей фамиліи и не знающаго „Отче нашъ!“.

XVII.

Благодаря сердобольной молодой судомойкѣ, догадавшейся предложить голодному Антошкѣ стаганъ кофе съ большимъ кускомъ ситника, мальчикъ заморилъ червяка и, снявши полушубокъ, уже съ меньшею подавленностью духа сидѣлъ въ сторонкѣ на кухнѣ и снова любопытно наблюдалъ и за поваремъ, и за другой прислугой, прислушиваясь къ ихъ разговорамъ. Довольно ѣдкія замѣчанія на счетъ княгини только подтвердили предположеніе Антошки, что она „заносистая“ и что ее всѣ слуги въ домѣ боятся.

Прошелъ долгій часъ, и Антошка рѣшился обратиться къ лакею, водившему его въ кабинетъ княгини, съ вопросомъ:

— Позвольте узнать: долго мнѣ еще дожидаться?

Слова эти были сказаны такимъ почтительнымъ тономъ, что Антошка сразу расположилъ къ себѣ великолѣпнаго лакея съ роскошными бакенбардами.

— Теперь, должно быть, недолго. . Комитетъ скоро кончится!—снисходительно проговорилъ онъ.

Антошка видимо не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о комитетѣ, и лакей ему пояснилъ:

— Господа, значить, собрались къ княгинѣ, ну и разсуждаютъ о такихъ же бѣдныхъ субъектахъ, какъ ты... И твое дѣло обсудятъ, какъ слѣдуетъ. Не бойся, и тебѣ выйдетъ какая-нибудь резолюція... Сиди, пока не потребуютъ!

Антошка, рѣшительно не подозрѣвавшій о существованіи благотворительныхъ обществъ и въ теченіи своей, во истину каторжной жизни у „дяденьки“ ни разу не испытавшій ихъ благодѣяній, былъ порядочно-таки удивленъ, что господа собираются для разговоровъ о бѣдныхъ субъектахъ (слово это онъ почему-то счелъ ругательнымъ и вообще презрительнымъ по отношенію къ бѣднымъ) и въ особенности тѣмъ, что господа обсуждаютъ—если только лакей не вретъ—и его какое-то дѣло.

По его мнѣнію, это ужъ совершенно лишнее. Что тутъ обсуждать? Гораздо проще, казалось бы, богачкѣ княгинѣ, не спрашивая ни чьихъ совѣтовъ, дать ему рубль и послать въ конвертѣ графу красненькую: „купите, молъ, себѣ теплый воротникъ“, и дѣло съ концомъ! А то изъ за такихъ пустяковъ собираться и разсуждать, заставляя челоуѣка зря дожидаться,—это Антошка находилъ невѣроятнымъ и „довольно даже глубымъ“.

И онъ подумалъ, что вѣрно княгиня забыла про него, а лакей вретъ и смѣется надъ нимъ, разчесанная шельма!

„Знаю я ихъ, подлецовъ. Они любятъ издѣвку!“—рѣшилъ про себя Антошка, испытавшій не разъ во время лѣтнихъ экскурсій по дачамъ съ ларькомъ лакейскія каверзы.

Однако онъ не выразилъ на своемъ лицѣ подозрѣнія и сдѣлалъ видъ, что вполне повѣрилъ словамъ лакея.

„Пусть себѣ думаетъ, что надуль!“

Но когда, наконецъ, этотъ же самый лакей торопливо вошелъ на кухню съ приказаніемъ Антошкѣ идти за нимъ и, разрѣшивъ Антошкѣ остаться въ блузѣ, ввелъ его въ большую залу, Антошка, увидавъ сидѣвшихъ за столомъ лицъ, убѣдился, что лакей былъ правъ.

„Вѣрно, все княгини и князя!“ подумалъ онъ и, остав-

ленный лакеемъ у двери, поглядывалъ на „княгинь“ безъ особеннаго смущенія и страха, имѣя уже случай изъ продолжительнаго свиданія съ самой настоящей княгиней убѣдиться, что страшнаго въ нихъ рѣшительно ничего нѣтъ. Это не то, что „дяденька“, „рыжая вѣдьма“ или озвѣрѣвшій „фараонъ“!

Онъ замѣтилъ, что княгиня что-то сказала щуплому барину, сидѣвшему около нея, и тотъ направился къ нему.

„Видно, объявка будетъ!“

Но вмѣсто того „щуплый“, какъ обозначилъ Антошка молодого секретаря, довольно осторожно взялъ своими двумя бѣлыми и длинными пальцами за рукавъ Антошкиной блузы и, проговоривъ „идемъ, мальчикъ!“, не безъ нѣкоторой торжественности провелъ Антошку черезъ залу и поставилъ его у кресла предсѣдательницы, лицомъ къ столу такъ, что всѣ господа члены комитета Общества „Помогай ближнему!“ могли отлично разсмотрѣть такую диковину, какъ мальчикъ, прокусившій ногу своего мучителя и—что еще необыкновеннѣе!—не знающій ни своей фамиліи, ни „Отче нашъ“.

Зрители, устремившіе любопытные взоры на Антошку, были, повидимому, нѣсколько разочарованы въ своихъ ожиданіяхъ увидѣть передъ собою маленькаго дикаря, грязнаго, съ всклооченными волосами или что-нибудь въ подобномъ родѣ.

Вмѣсто того, передъ ними мальчикъ, какъ мальчикъ, даже довольно приличный и чистый и совсѣмъ не имѣющій того забитаго вида, который, казалось бы, долженъ имѣть послѣ всѣхъ своихъ злоключеній. Напротивъ! Въ этой маленькой, тщедушной фигуркѣ и особенно въ выраженіи его глазъ было что-то слишкомъ смѣлое и вызывающее для мальчика въ его положеніи и совсѣмъ непривычное въ кліентахъ, съ которыми благотворительныя дамы имѣли дѣло.

Однако, онѣ нашли (о чемъ нѣкоторые и перекинулись французскими фразами), что мальчикъ недурень собою, но только бѣдняжка блѣденъ и, хотя разочарованныя, все-таки не отказали ему въ нѣкоторомъ сочувственномъ сожалѣніи.

Нѣсколько иначе отнеслись къ нему мужчины: казначей, господинъ Пушниковъ подумалъ, что Антошка долженъ быть продувная бестія и что, слѣдовательно, изъ него современемъ можетъ выдти человекъ, а секретарь Евгеній Аркадьевичъ былъ даже нѣсколько шокированъ и не совсѣмъ, по его мнѣ-

нію, почитательною позой Антошки и недостаточнымъ, такъ сказать, проникновеніемъ чувствомъ благоговѣнія и благодарности, которое долженъ бы испытывать этотъ нищенка и бродяжка, имѣя счастье находиться передъ такимъ собраніемъ.

Во всякомъ случаѣ Антошка не оправдалъ ожиданій, и княгиня это тотчасъ же замѣтила.

И, чтобы возбудить интересъ къ открытому ею интересному мальчику, она сказала ему:

— Ну, мальчикъ, расскажи намъ, что ты терпѣлъ у своего Ивана Захаровича и какъ ты отъ него убѣждалъ... Рассказывай, какъ знаешь... Не бойся... Здѣсь все твои добродетели...

Антошка удивился, что это интересуется княгиню настолько, что она во второй разъ заставляетъ его рассказывать да еще не съ глаза на глазъ, а при другихъ.

Однако, дѣлать было нечего. Антошка отешлялся и повторилъ свой рассказъ съ нѣкоторыми, впрочемъ, сокращеніями.

Тѣмъ не менѣе, успѣхъ Антошки, какъ лектора, былъ несомнѣнный, и когда, вслѣдъ за сообщеніемъ Антошки, засѣданіе было закрыто, то многія дамы передъ уходомъ подходили къ Антошеѣ и выражали ему въ болѣе или менѣе теплыхъ словахъ участіе. Его называли „бѣднымъ мальчикомъ“, его трепали по щекамъ лайковыми и шведскими перчатками. Его утѣшали, что теперь положеніе его совсѣмъ измѣнится, и онъ сдѣлается вполнѣ хорошимъ мальчикомъ и будетъ знать не только „Отче нашъ“, но и другія молитвы и вполнѣ оправдаетъ заботы о немъ Общества „Помогай ближнему“.

Антошка принималъ всѣ эти знаки сочувствія довольно равнодушно и, къ ужасу секретаря Евгенія Аркадьевича, даже не благодарилъ, а только хлопалъ глазами, очевидно, не вполнѣ понимая въ чемъ дѣло и какимъ образомъ измѣнится его положеніе, если ни одна изъ этихъ „княгинь“, подходившихъ къ нему и находившихъ, что онъ бѣдный мальчикъ, не дала ему ни гривенника. „А дай каждая изъ нихъ по гривеннику—было бы ровно 90 копѣекъ!“ быстро рѣшилъ въ умѣ своемъ Антошка математическую задачу.

Двухъ мужчинъ онъ вовсе не принялъ въ расчетъ при этой выкладкѣ, такъ какъ сразу почувствовалъ не особенно

дружелюбное отношеніе ихъ къ себѣ. Особенно этотъ „щуплый“ брезгливо посматривалъ на него своими стеклянными голубыми глазами... Отъ этихъ двухъ господъ нечего было и ожидать хотя бы пятака—и чортъ съ ними!..

Но барыни, кажется, могли бы дать по гривеннику. Не бойсь, не обѣднѣли бы. А то трепали по щекамъ и ушли себѣ, а еще княгини?...

Нечего сказать: „Довольно скупыя княгини!“ — подумалъ Антошка, оставаясь наединѣ съ княгиней Моравской въ большой залѣ и поглядывая, какъ она писала какое-то письмо.

„Вѣрно, графу и, вѣрно, сейчасъ вложить бумажку“, рѣшилъ про себя Антошка.

Но его подвижное выразительное лицо, только-что оживленное надеждой, что всѣ его сегодняшнія мытарства кончатся, наконецъ, посылкою денегъ графу, омрачилось, когда княгиня никакой бумажки въ конвертъ не положила и, вручая его Антошкѣ, проговорила:

— Вотъ отдай эту записку твоему графу... Пусть завтра ровно въ часу пришлетъ тебя съ твоимъ документомъ въ пріютъ... Я въ это время сама тамъ буду... Адресъ написанъ... Васильевскій Островъ, десятая линія, д. 15. Не забудешь?

Антошка былъ удрученъ, прозрѣвая что-то очень для себя непріятное, въ виду того, что его требовали съ документомъ.

И онъ спросилъ упавшимъ голосомъ:

— Осмѣлюсь спросить, ваше сіятельство, зачѣмъ мнѣ идти въ пріютъ?

— Какъ зачѣмъ? Я тебя опредѣлю въ нашъ пріютъ. Ты знаешь, что такое пріютъ, мальчикъ?

— То-то не знаю, ваше сіятельство.

— Это — заведеніе для дѣтей. Ты будешь тамъ жить. Тебя будутъ одѣвать, кормить и учить и года черезъ два, три ты выйдешь оттуда порядочнымъ человѣкомъ и о тебѣ позаботятся... Тебѣ пріищутъ мѣсто... Ну, что доволенъ, мальчикъ?

Но вмѣсто выраженія радости, Антошка сталъ мраченъ, какъ туча, и довольно рѣшительно сказалъ:

— Я въ пріютъ не согласенъ, ваше сіятельство!

Княгиня была изумлена. И красивые ее глаза сдѣлались совсѣмъ строгими, когда она спросила:

— Почему же ты не согласенъ?

— Я не уйду отъ графа!

— Глупый мальчикъ! Ты не понимаешь самъ, что говоришь... Тебѣ непременно надо уйти отъ твоего графа.

— Очень даже хорошо понимаю, ваше сіятельство!—вызывающе возразилъ Антошка, чувствуя къ княгинѣ непріязнь за то, что она хочетъ разлучить его съ единственнымъ чело-вѣкомъ на свѣтѣ, котораго онъ безгранично любитъ.

Но княгиня, искренно желавшая вырвать мальчика изъ „когтей порока“, въ которыхъ онъ несомнѣнно погрязнетъ, оставаясь при „графѣ“ не обратила вниманія на тонъ Антошки и проговорила нѣсколько докторальнымъ и, по ея мнѣнію, убѣдительнымъ тономъ:

— Слушай, мальчикъ, что я тебѣ скажу... Слушай и вникни. Твой „графъ“, самъ нищій... Онъ самъ проситъ милостыню на улицахъ... Такъ какъ же онъ будетъ тебя содержать? Это во-первыхъ...

Но Антошка снова не далъ княгинѣ продолжать и съ живостью произнесъ:

— Я достану себѣ мѣсто, ваше сіятельство... Только вотъ выучусь читать да писать... Я въ газетчики пойду, а ужъ какъ угодно, графа не оставлю, развѣ онъ меня прогонитъ... Я очень вамъ благодаренъ, ваше сіятельство, за этотъ самый пріютъ... но отъ графа не уйду... При немъ буду... И графъ этого желаютъ... И до самой его смерти я при ихъ останусь! — возбужденно и горячо заключилъ Антошка.

Не безъ нѣкотораго удивленія внимала княгиня этимъ словамъ, недоумѣвая такой сильной привязанности мальчика къ павшему чело-вѣку. И чѣмъ онъ могъ такъ привязать къ себѣ?

— Твоя признательность очень похвальна и дѣлаетъ тебѣ честь, мальчикъ,—заговорила княгиня, даря Антошку благосклоннымъ взглядомъ,—благодарные люди такъ рѣдки... но ты еще слишкомъ малъ, чтобы понимать людей и понимать свою пользу... Въ пріютѣ ты научишься всему хорошему, а, оставаясь у графа, ты пропадешь... Ты можешь сдѣлаться

порочнымъ и севернымъ человѣкомъ, пьяницей и воромъ, и попадешь въ тюрьму... Вся жизнь твоя погибнетъ... Твой графъ ничему хорошему не научить... Онъ будетъ посылать тебя нищенствовать, какъ и самъ, и никакого тебѣ мѣста не дадутъ... Онъ самъ, этотъ твой „графъ“ пропащій, северный человѣкъ... Берегись его!

Глаза Антошки, возмущеннаго до глубины души такою клеветой на „графа“, уже сверкали злымъ огонькомъ.

— Графъ-то северный? — воскликнул Антошка. — Ну ужъ извините, ваше сіятельство, а графъ, можетъ быть, лучше другихъ генераловъ да важныхъ князей, даромъ что бѣдны!.. И вовсе неправда, что графъ посылаетъ меня нищенствовать... Я самъ предлагалъ работать на ихъ, такъ онъ запретилъ! „Не смѣй, говоритъ, Антошка. Тебѣ, говоритъ, надо выучиться и стать человѣкомъ!“ Вотъ онъ какою графъ! Да такого другого господина не сыскать по добротѣ, а не то что: „дурному научить“. Онъ дурному не научить, не извольте беспокоиться, ваше сіятельство... Онъ добрый, не то что другіе... А если на старости лѣтъ, да больные выходятъ на работу, такъ что жъ изъ этого? У нихъ денегъ нѣтъ, а кормиться надо... По настоящему, если бы богатые сродственники его были добрые, они бы помогли графу, а не то, что его ругать... А то сами богачи, на золотыхъ тарелкахъ кушаютъ, а не могутъ сродственнику новаго пальто справить... Подыхай, моль! Это, не бойсь, благородно, ваше сіятельство?..

Антошка не помнилъ себя отъ охватившаго его негодованія и его рѣчь текла неудержимымъ страстнымъ потокомъ.

Изумленная княгиня не вѣрила своимъ ушамъ.

Такия возмутительно-дерзкія слова у этого мальчика!? Боже! какъ испорченъ этотъ несчастный!

И княгиня смѣрила Антошку съ головы до ногъ презрительно-строгимъ взглядомъ и нервно позвонила въ колокольчикъ.

Явился лакей съ великолѣпными бакенбардами.

— Уведите этого дерзкаго мальчика! — приказала княгиня.

Лакей поспѣшилъ вывести Антошку.

— Что, братецъ, видно, дурная резолюція тебѣ вышла?—

не безъ участія спросилъ лакей, когда Антошка торопливо надѣвалъ полшубовъ на кухнѣ, видимо спѣша поскорѣй удирать, а то, чего добраго, еще его задержать и силкомъ отправить въ этотъ, ставшій ненавистнымъ ему, пріютъ.

— Тоже: въ пріютъ. Такъ я и пошелъ въ ея пріютъ!— взволнованно отвѣчалъ Антошка, направляясь къ дверямъ.

— Такъ что же ты дерзничалъ, коли тебѣ вышла такая резолюція? Въ пріютѣ хорошо... Кормятъ, поютъ вашего брата...

— Очень вамъ благодарны за вашъ пріютъ... Мы и безъ вашего пріюта найдемъ мѣсто!.. Тоже княгиня, нечего сказать!—довольно насмѣшливо проговорилъ Антошка и, юркнувъ за двери, со всѣхъ ногъ пустился по лѣстницѣ.

Нѣсколько взволнованная княгиня скорбно вздохнула, оставшись одна. Господи! Какія вырастаютъ дѣти въ этой ужасной нищетѣ и въ этомъ невѣжествѣ! И какая дерзость у этого мальчика! Какія мысли!? Это, вѣрно, все этотъ несчастный кузень его научилъ вмѣсто того, чтобы выучить хоть какой-нибудь молитвѣ.

Но княгиня не даромъ была энергичная благотворительница.

Тѣмъ съ бѣльшимъ упорствомъ намѣревалась она теперь спасти Антошку. И въ головѣ своей рѣшила непременно отобрать Антошку отъ графа, если только онъ не пришлетъ мальчика добровольно въ пріютъ...

На всѣхъ парахъ летѣлъ Антошка домой, и когда, наконецъ, вернулся и вошелъ въ комнату „графа“, то, торопясь передать свои впечатлѣнія, возбужденно проговорилъ:

— Однако, графъ... княгиня. Ужъ вы извините... хоть она и ваша сродственница, а прямо сказать: скарденая! Держала цѣлое утро и хоть бы велѣла накормить... И ни копѣйки не дала... И всѣ тамъ онѣ разныя княгини... Ни грошика! У нихъ комитетъ былъ, и обо мнѣ тоже разсуждали... И допрашивали... Я имъ два раза разсказывалъ, сперва ей, княгинѣ, а потомъ имъ всѣмъ, какъ отъ дьявола дяденьки убѣждалъ... А княгиня, то какъ бы вы полагали, чѣмъ она меня ошарашила?.. Въ пріютъ, говорить... Съ вами, графъ, молъ, нельзя жить... Станешь воровъ и пьяницей... Ну и отчекрыжилъ же я княгиню будьте спокойны!.. Сказалъ, что

отъ васъ не пойду... Вѣдь вы не отдадите меня въ пріютъ къ нимъ... Не отдадите, графъ?..

— Да ты успокойся Антошка, и толкомъ все расскажи, а то, какъ мельника мелешь... А прежде всего давай обѣдать... И то я тебя заждаюсь... Небойсь, ѣсть хочешь?

Хозяйка подала обѣдъ, и Антошка, утоливъ голодъ, сталаъ рассказывать подробно о своемъ визитѣ къ княгинѣ.

Во время рассказа Антошки „графъ“ то смѣялся, то хмурилъ брови.

К. Станюковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОЦЕССЪ ОПОЛОДОВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ.

И. П. ВОРОДИНА.

(Продолженіе *).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Оплодотвореніе у грибовъ.—Характеристика группы.—Грибы съ яснымъ оплодотвореніемъ (сапролегнии, переноспоры); грибы-сцѣплянки (мухоры); высшіе грибы.—Явленіе апогаміи.—Лишай; интересъ этой группы.

Отъ водорослей перейдемъ теперь къ другой обширной группѣ также низшихъ растений, а именно къ *грибамъ*. При словѣ «грибъ» въ умѣ читателя, незнакомаго съ ботаникою, невольно возникаетъ представленіе о тѣхъ своеобразныхъ организмахъ, имѣющихъ видъ пенька съ шапкою, которые извѣстны каждому по грибамъ, употребляемымъ въ пищу, по мухомору, разнымъ поганкамъ и т. д. Между тѣмъ подобныя «шапочные» грибы составляютъ лишь незначительную часть того, что разумѣетъ ботаникъ, употребляя выраженіе «грибы». Въ большинствѣ же организмы этой группы настолько мелки и невзрачны, что, несмотря на огромное распространеніе ихъ въ природѣ, мы въ общегитіи проходимъ мимо, не обращая на нихъ никакого вниманія и не удостоивая ихъ особыми названіями. А между тѣмъ эти формы, помимо чисто-теоретическаго, представляютъ еще глубокой практической интересъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ, въ лѣсоводствѣ, въ медицинѣ грибы играютъ выдающуюся роль, совершенно затмѣвая въ этомъ отношеніи невинныя водоросли. Дѣло въ томъ, что многія изъ подчасъ опустошительныхъ болѣзней, поражающихъ наши культурныя растенія, какъ теперь несомнѣнно дознано, вызываются развитіемъ мелкихъ организмовъ изъ группы грибовъ. Въ медицинѣ значеніе ихъ становится громаднымъ, если, какъ это нерѣдко дѣлается, относить къ грибамъ и бактеріи, приобрѣвшія въ послѣд-

*) См. «Міръ Вожій», № 3, мартъ.

нее время столь печальную популярность. Впрочемъ, и настоящіе грибы не брезгаютъ «вънцомъ творенія» и нѣкоторыя ушныя болѣзни, напримѣръ, вызываются плѣсенями въ родѣ тѣхъ, что образуются на разлагающихся веществахъ, а плѣсени ботаникъ, не задумываясь, причисляетъ къ грибамъ. Вообще, можно сказать безъ натяжки, что ни въ какой другой группѣ растительнаго царства нѣтъ такого множества недружелюбно къ человѣку построенныхъ организмовъ, какъ между грибами.

Достаточно сопоставить плѣсень и мухоморъ, напримѣръ, чтобы оцѣнить, насколько широко понятіе о грибѣ въ наукѣ. Невольно возникаетъ вопросъ—что между этими организмами общаго, чѣмъ мотивировано соединеніе ихъ въ одну группу? Прежде всего нужно замѣтить, что, каково бы ни было разнообразіе грибовъ, они никогда во внѣшней формѣ своей не подражаютъ высшимъ растеніямъ, а именно лишены всякаго подобія стеблей и листьевъ, не говоря уже о цвѣтахъ. Въ этомъ отношеніи грибы стоятъ даже ниже водорослей, такъ какъ между морскими водорослями встрѣчаются формы, принимающія совершенно обликъ, свойственный высшимъ растеніямъ. Во-вторыхъ, всѣ грибы сходны между собою по своему внутреннему строенію, которое можно назвать вообще нитчатымъ или войлочнымъ. Все тѣло гриба соткано изъ очень тоненькихъ, обыкновенно безцвѣтныхъ ниточекъ. Иногда это нитчатое строеніе замѣтно сразу, какъ, напримѣръ, въ плѣсеняхъ, но оно существуетъ и у болѣе сложныхъ формъ,—и пенекъ, и шапка мухомора, напримѣръ, оказываются подъ микроскопомъ тоже сотканными изъ отдѣльныхъ ниточекъ, только здѣсь эти ниточки сплетены гораздо плотнѣе, чѣмъ въ войлочкѣ плѣсени. Если посѣять мелкія крупинки, называемыя спорами и замѣняющія у грибовъ, какъ и у водорослей, сѣмена, то, хотя бы это были споры шампиньона, напримѣръ, изъ нихъ сначала разовьется нѣжный войлочекъ въ родѣ плѣсени, и потомъ уже на немъ въ разныхъ мѣстахъ станутъ возникать тѣ плотныя тѣла, которыя мы въ общежитіи считаемъ за весь грибъ. Въ дѣйствительности же пенекъ и шапочка, вмѣстѣ взятые, представляютъ только, такъ сказать, плодъ гриба, произведшій же этотъ плодъ войлочекъ скрытъ въ землѣ. Если грибы такъ часто встрѣчаются цѣлыми группами, то это зависитъ отъ того, что одинъ и тотъ же войлочекъ можетъ образовать нѣсколько плодовъ, пробивающихся изъ подъ земли на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга и кажущихся отдѣльными экземплярами. Нитчатое строеніе, свойственное грибамъ, привело къ созданію особенной терминологіи. Каждую ниточку въ отдѣльности называютъ *ифою* (Hyphe), а тотъ войло-

чекъ, на которомъ завязываются плоды, получаетъ названіе *мицелія* или *грибницы*. Подобно тому, какъ многія высшія растенія разводятся не сѣменами, а подземными частями, такъ и грибы можно разводить съ помощью мицелія. Для шампиньоновъ этотъ приемъ весьма употребителенъ, и въ заведеніяхъ, гдѣ они культивируются (въ Петербургѣ, напримѣръ, у Грачева), можно купить землю, въ которой гнѣздится грибница шампиньона; при благоприятныхъ условіяхъ изъ нея вырастаютъ общеизвѣстные шампиньоны, а вмѣстѣ съ тѣмъ она можетъ «заразить» свѣжую землю. т. е. если почва подходящая, грибница разрастается далѣе, и бесплодная до тѣхъ поръ земля начинаетъ сама приносить шампиньоны. Что касается споръ грибовъ, то ихъ нужно искать либо на поверхности, либо внутри плода. У шампиньона, напримѣръ, и многихъ другихъ шапочныхъ грибовъ споры покрываютъ тѣ пластинки, которыя лучами расположены на нижней сторонѣ шапки. Если срѣзать шапку съ зрѣлаго гриба, положить ее на бѣлую или цвѣтную бумагу такъ, чтобы къ бумагѣ обращена была нижняя сторона шапки, и накрыть все, для защиты отъ вѣтра, стаканомъ. то вскорѣ на бумагѣ получаютъ споры, расположенныя лучами, въ видѣ порошка разнаго цвѣта, смотря по грибу: бѣлаго, розоваго, бураго, чернаго. При посѣвѣ этихъ споръ развивается тотъ войлочекъ, который называется грибницей. На практикѣ, впрочемъ, не всегда легко получить подобную грибницу, а, получивъ, часто трудно заставить ее производить плоды; въ противномъ случаѣ давно бы разводили не одни шампиньоны, а и болѣе цѣнные грибы, напримѣръ бѣлые, въ особенности трюфели. Весьма замѣчательно, напримѣръ, и въ высшей степени странно, что споры бѣлаго гриба и многихъ другихъ шапочныхъ грибовъ рѣшительно отказываются прорастать, не смотря на всѣ усилія и ухищренія ботаниковъ. Нельзя сомнѣваться, что въ природѣ прорастаніе ихъ должно происходить, но добиться его ученымъ до сихъ поръ еще не удалось. У простѣйшихъ формъ, какъ мы увидимъ далѣе, хотя есть споры, но нѣтъ того, что бы можно назвать было плодомъ. Многія плѣсени, напримѣръ, можно разводить даже на стеклышкѣ; если посѣять ихъ споры въ каплю подходящей жидкости, развивается сначала бесплодный войлочекъ—грибница, а потомъ, черезъ нѣсколько дней, получаютъ и споры. Такіе грибы для изслѣдованій, разумѣется, несравненно удобнѣе массивныхъ, медленно растущихъ и прихотливыхъ въ своемъ развитіи формъ.

Ниточки или гифы, изъ которыхъ сотканъ грибъ, не всегда одинаковаго строенія. У немногихъ простѣйшихъ формъ каждая гифа, хотя и вѣтвится, представляетъ однако на всемъ протяже-

ни одну клѣточку, т. е. совершенно лишена перегородокъ, слѣдовательно, устроена наподобіе нитчатки вошеріи, но гораздо тоньше ея и безцвѣтна. Напротивъ, у огромнаго большинства грибовъ въ гифѣ встрѣчаются тамъ и сямъ поперечныя перегородки, слѣдовательно—каждая ниточка составлена изъ многихъ клѣточекъ, какъ нити эдогоніевъ, спирогиръ и т. п. Однимъ изъ важнѣйшихъ признаковъ грибовъ служитъ постоянное отсутствіе въ ихъ клѣткахъ того зеленого вещества, которое называютъ хлорофилломъ и которое такъ распространено во всѣхъ прочихъ группахъ растительнаго царства. Это едва ли не единственное вполнѣ рѣзкое отличіе между водорослями и грибами. Правда, мы видѣли выше, что далеко не всѣ водоросли имѣютъ непремѣнно зеленый цвѣтъ—фукусы, напримѣръ, окрашены въ бурый, багрянки въ красный; но это отступленія только кажущіяся; доказано, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ водоросль все-таки заключаетъ настоящій хлорофиллъ, присутствіе котораго только маскируется другимъ красящимъ веществомъ. Грибъ, напротивъ, если онъ даже зеленый (есть, напримѣръ, зеленыя сыроѣшки), хлорофилла не содержитъ. А это обстоятельство имѣетъ глубокое значеніе и рѣзко отражается на всемъ образѣ жизни грибовъ. Между множествомъ различнѣйшихъ красящихъ веществъ, встрѣчающихся въ растеніяхъ или животныхъ, нѣтъ другаго, которое бы играло такую же громадную роль въ экономіи природы вообще, какъ зеленое вещество, называемое хлорофилломъ. Оно одно придаетъ живому существу способность питаться наипростѣйшимъ образомъ. Зеленое растеніе, благодаря именно своей зелени, строитъ свое тѣло изъ простѣйшихъ веществъ, широко распространенныхъ въ окружающей мертвой природѣ. На этомъ фактѣ зиждется, можно сказать, все наше замедлѣніе и лѣсоводство. Пользуясь зеленью воздѣлываемыхъ нами растеній, мы претворяемъ воду и воздухъ въ пищу и топливо. Мясо, молоко и пр. получаютъ нами тѣмъ же путемъ, только косвенно, при содѣйствіи животнаго организма. Извѣстно, что животныя питаются либо другими животными, либо растеніями, пользоваться же прямо веществами мертвой природы они не въ состояніи, именно потому, что не содержатъ животворной зелени—хлорофилла. Отсюда ясно, что только зеленыя растенія въ питаніи своемъ вполнѣ независимы отъ другихъ живыхъ существъ; еслибъ исчезли съ лица земли всѣ животныя организмы, зеленое царство отнеслось бы къ этому довольно равнодушно. Напротивъ, исчезновеніе зеленыхъ растеній неминуемо повлекло бы за собою исчезновеніе вполнѣ отъ нихъ зависимыхъ животныхъ организмовъ. Къ такимъ же несамостоятельнымъ въ своемъ пи-

таніи существамъ принадлежатъ и грибы, по той же причинѣ—отсутствію въ нихъ животворящаго хлорофилла. Всѣ грибы почерпаютъ необходимыя для построенія ихъ тѣла вещества либо прямо изъ живыхъ растений или животныхъ, на которыхъ грибокъ поселяется, либо изъ продуктовъ разложенія живыхъ существъ. Въ первомъ случаѣ мы называемъ грибокъ *паразитомъ*, во второмъ—*сапрофитомъ*. Паразитные грибы причиняютъ различныя болѣзни растений или животныхъ, напримѣръ, насѣкомыхъ, есть даже грибы, паразитирующіе на другихъ грибахъ; къ сапрофитамъ принадлежатъ, напримѣръ, плѣсени, поганки, различные съѣдобные грибы и т. д.

Въ настоящемъ очеркѣ мы не намѣрены знакомить читателя съ группою грибовъ вообще, а поведемъ рѣчь специально о процессѣ ихъ оплодотворенія. Такимъ образомъ намъ придется умолчать о многихъ интереснѣйшихъ явленіяхъ въ жизни этихъ своеобразныхъ организмовъ. Замѣтимъ только мимоходомъ, что нѣкоторые грибы способны образовать нѣсколько (до 4 или 5) совершенно различныхъ сортовъ споръ, которыя долго считались за самостоятельные грибы и получали отдѣльныя названія, пока точными опытами не было доказано, что эти различныя споры способны воспроизводить другъ друга, чередуясь въ опредѣленномъ порядкѣ и представляя только различныя плодоношенія одного и того же гриба. Кромѣ того, развитіе нѣкоторыхъ подобныхъ грибовъ усложняется еще тѣмъ, что оно начинается на одномъ растеніи, а заканчивается на совершенно другомъ, напоминая этимъ общеизвѣстное развитіе многихъ внутренностныхъ червей (глистовъ), которые тоже, чтобы совершить полный кругъ, должны кочевать изъ одного животнаго въ другое, совершенно ему чуждое. Благодаря этому, корень многихъ болѣзней нашихъ культурныхъ растений кроется, какъ увидимъ ниже, подъ-часъ на растеніяхъ совершенно постороннихъ.

По отношенію къ процессу оплодотворенія грибы представляютъ меньшее разнообразіе, нежели водоросли. Весьма немногіе грибы снабжены типическими органами оплодотворенія, въ родѣ тѣхъ, что мы видѣли у эдогоніевъ, вошерій и пр.; немногіе образуютъ зигоспоры, на подобіе спѣплюнокъ; всѣ же остальные или лишены вовсе оплодотворенія, или представляютъ лишь болѣе или менѣе неясныя намеки на половой процессъ. Какъ мы увидимъ ниже, именно послѣднія формы въ настоящее время возбуждаютъ особенный интересъ въ ученыхъ. Если водоросли любопытны въ положительномъ смыслѣ по отношенію къ процессу оплодотворенія, то грибы приковываютъ наше вниманіе преимущественно отрица-

тельною стороною. Но не станемъ забѣгать впередъ и остановимся сначала на формахъ, въ которыхъ оплодотвореніе не подлежитъ сомнѣвію.

Ясный половой процессъ замѣчается въ двухъ небольшихъ группахъ или семействахъ грибовъ, а именно у *сапролегній* и *пероноспоръ*.

Сапролегнии, по образу жизни, рѣзко отличаются отъ всѣхъ прочихъ грибовъ. Онѣ живутъ въ водѣ, прикрѣпляясь къ различнымъ подводнымъ предметамъ растительнаго или животнаго происхожденія. Одно время ихъ относили даже къ водорослямъ, пока не убѣдились, что въ такомъ случаѣ исчезаетъ единственный признакъ, отличающій грибы—отсутствие хлорофилла. Сапролегнии развиваются почти исключительно на мертвыхъ организмахъ; это, слѣдовательно, вообще сапрофитные грибы. Если бросить въ воду мертвую муху, на примѣръ, то она часто покрывается черезъ нѣсколько дней красивымъ бѣлымъ сіяніемъ въ родѣ плѣсени; это одна изъ обыкновеннѣйшихъ сапролегній. Разсматривая ее подъ микроскопомъ, мы увидимъ, что нити ея, хотя обильно вѣтвятся, совершенно лишены внутри перегородокъ. Послѣднія образуются, какъ у вошерій, только тогда, когда наступаетъ размноженіе организма, а до тѣхъ поръ грибокъ представляется одноклѣточнымъ. Размноженіе же его, тоже какъ у вошерій, двоякое: сначала оно происходитъ безполымъ путемъ, впоследствии же развиваются половые органы. Безполое размноженіе заключается въ слѣдующемъ. Зернистое, слизистое содержимое безцвѣтныхъ виточекъ гриба начинаетъ прилипать къ свободнымъ концамъ ихъ, послѣ чего эти концы, опять-таки какъ у вошерій, отдѣляются перегородкою отъ прочей части нити, но вмѣсто того, чтобы выпустить все содержимое въ видѣ одной громадной зооспоры, отдѣлившаяся клѣточка дробитъ его на огромное число мелкихъ зооспоръ (рис. 43 А) и выпускаетъ ихъ затѣмъ чрезъ верхушечное отверстіе (рис. 43 В). Какъ и у многихъ водорослей, каждая зооспора снабжена двумя рѣсничками, но, разумѣется,

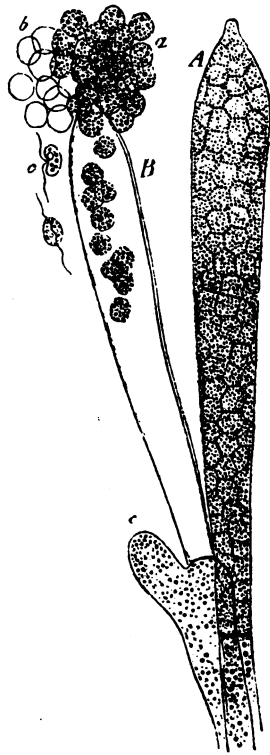

Рис. 43.

совершенно безцвѣтна. Послѣ кратковременнаго движенія зооспора садится на ту же или другую муху и прорастаетъ въ ниточку, которая густо развѣтвляется въ тѣлѣ мухи, а затѣмъ выпускаетъ наружу вѣточки, попережнему образуя зооспоры изъ своихъ кончиковъ. Послѣ того, какъ зооспоры вышли наружу, оставивъ послѣ себя пустой футляръ, нить не погибаетъ, а продолжаетъ расти, либо насквозь чрезъ опорожненный футляръ, либо въ видѣ боковой вѣточки (рис. 43 *C*) и вскорѣ снова отрѣзаетъ свой кончикъ перегородкою для образованія новой массы зооспоръ. Спустя нѣсколько дней, однако, бесполой способъ размноженія смѣняется половымъ, концы ниточекъ начинаютъ шаровидно вздуться (рис.

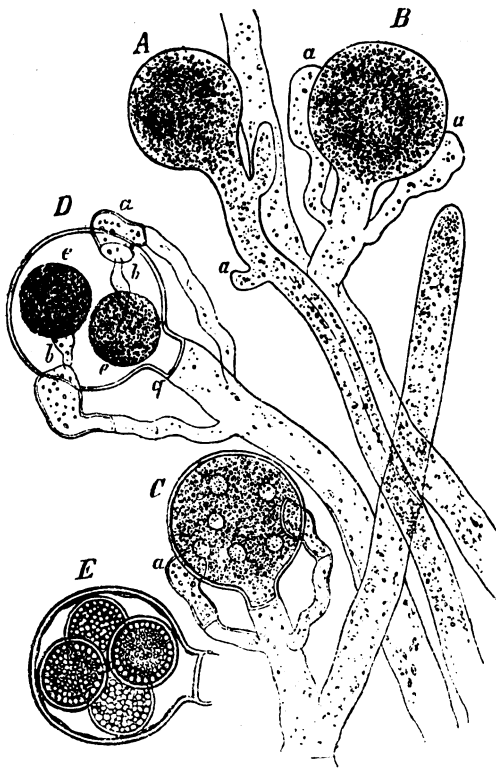

Рис. 44.

и размѣры оогонія, ихъ заключающаго, измѣнчивы. Что касается оплодотворяющихъ органовъ, то они развиваются слѣдующимъ образомъ. Та же самая нить, которая заканчивается оогоніемъ, а не то и другая, смежная съ нею, выпускаетъ изъ себя особия вѣточки, концами своими плотно прикладываящіяся снаружи къ оболочкѣ оогонія (рис. 44 въ *B*, *C* и *D*); скоро концы эти отдѣляются перегородкою въ качествѣ отдѣльной кѣточки (*a* въ *C* и *D*), которая играетъ роль

44 *A*, *B*), и въ это вздутіе стекается слизистое содержимое ниточки—протоплазма; вскорѣ при основаніи обозначается перегородка (рис. 44 *C*), такъ что вздутіе превращается въ особую кѣточку; это женскій органъ, получающій, какъ и у водорослей, название оогонія. Содержимое его, вмѣсто того, чтобы образовать одно яйцо, какъ у эдогоніевъ и вошерій, начинается, какъ у фукусовъ, дробиться на нѣсколько голыхъ участковъ. На рис. 44 въ *D* видно всего два яйца (*e*) внутри оогонія, но чаще ихъ бываетъ больше; вообще же число ихъ непостоянно, тѣмъ болѣе, что

антеридія, т. е. заключенное въ ней содержимое призвано къ оплодотворенію яицъ, замкнутыхъ въ оогоніѣ. Однако, несмотря на чрезвычайно благопріятныя, повидимому, условія наблюденія, зависящія отъ прозрачности объекта и водяной жизни нашего гриба, до сихъ поръ не могли выяснить окончательно, какъ собственно совершается здѣсь оплодотвореніе. Несомнѣнно только одно, что антеридій, какъ это видно на рис. *D*, выпускаетъ сквозь стѣнку оогонія особые отростки (*b*), въ числѣ одного или двухъ, проникающіе къ самымъ яйцамъ. Нѣкоторые наблюдатели утверждали, будто эти оплодотворяющія трубки лопаются и изъ нихъ выходятъ, по мнѣнію однихъ, живчики, по мнѣнію другихъ, особыя хотя подвижныя, но лишеныя рѣсничекъ тѣльца. Эти показанія, однако, оказались результатомъ недосмотра, весьма нерѣдкаго при изученіи низшихъ организмовъ; сплошь и рядомъ внутри послѣднихъ поселяются, въ качествѣ паразитовъ, чуждые, еще болѣе мелкіе организмы, которые, размножаясь, часто выпускаютъ какія-нибудь бродяжки. Теперь можно считать, повидимому, совершенно установленнымъ, что оплодотворяющія трубки у сапролегній только прикасаются къ яйцамъ, оставаясь совершенно замкнутыми и не переливая въ нихъ ничего изъ своего содержимаго. Въ прежнее время, когда оплодотвореніе чрезъ простое прикосновеніе считалось широко распространеннымъ и свойственнымъ, напримѣръ, всѣмъ высшимъ растеніямъ, этотъ результатъ не казался бы особенно страннымъ, но теперь времена измѣнились, оплодотвореніе прикосновеніемъ считается абсурдомъ, а потому неудивительно, если многіе ученые недовѣрчиво смотрятъ на такъ называемые половые органы сапролегній, выражая сомнѣніе, чтобы здѣсь дѣйствительно совершалось оплодотвореніе: органы оплодотворенія несомнѣнно на лицо, но функціонируютъ ли они—это вопросъ. Эти сомнѣнія еще болѣе подкрѣпляются тѣмъ фактомъ, что у нѣкоторыхъ сапролегній антеридіи появляются не всегда, а есть и такія, у которыхъ они даже совершенно не встрѣчаются; тѣмъ не менѣе, въ оогоніяхъ и здѣсь формируются яйца и дальнѣйшая судьба ихъ во всѣхъ случаяхъ та же: голыя вначалѣ яйца покрываются оболочками и превращаются въ ооспоры (рис. 44 *E*). Вслѣдъ затѣмъ грибъ погибаетъ, а сохраняются только образованныя имъ ооспоры; онѣ дѣлаются свободными чрезъ разрушеніе заключающаго ихъ оогонія и впослѣдствіи, прорастая, даютъ начало новому экземпляру сапролегній, который размножается описаннымъ выше безполымъ путемъ, т. е. производитъ бродяжки.

Пероносперы, по своему строенію и развитію, по способамъ своего размноженія, чрезвычайно близки къ сапролегніямъ, но

*

рѣзко отличаются отъ нихъ по образу жизни. Сапролегніи нападаютъ, какъ мы видѣли, на мертвыя существа, представляя сапрофиты; пероноспоры, напротивъ, настоящіе паразиты и поселяются на живыхъ растеніяхъ, нанося имъ нерѣдко большой вредъ. Примѣромъ можетъ служить грибокъ, причиняющій чрезвычайно распространенную и опустошительную болѣзнь картофеля. Для ознакомленія съ пероноспорами вообще онъ, однако, мало пригоденъ, такъ какъ, несмотря на всѣ усилія, у картофельнаго гриба не удалось еще открыть полового размноженія, тогда какъ у многихъ другихъ, практически менѣе важныхъ пероноспоръ, половые

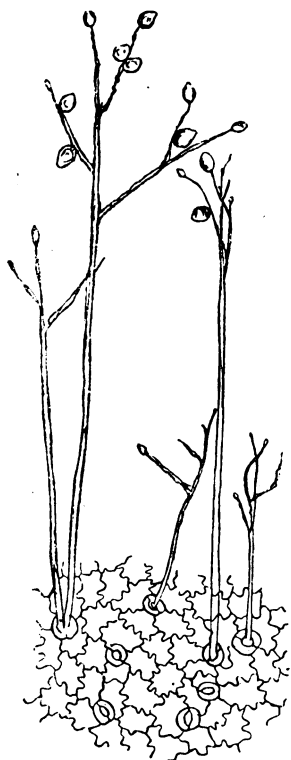

Рис. 45.

органы хорошо извѣстны. Ниточки или гифы этихъ грибовъ гнѣздятся въ тканяхъ пораженнаго ими растенія, пробираясь между клѣточками листа, напримѣръ. Устроена эта гифа совершенно какъ у сапролегній, т. е. она обильно развѣтвлена, но лишена перегородокъ. Такимъ образомъ, пероноспора въ безплодномъ состояніи есть грибокъ одноклѣточный. Размноженіе и здѣсь двоякое: бесполое происходитъ на поверхности или даже внѣ питающаго растенія, половое, напротивъ, обыкновенно внутри послѣдняго. При бесполомъ размноженіи грибныя нити, до тѣхъ поръ скрытыя внутри растенія, пробиваются особыми вѣточками наружу, пользуясь для этого мелкими отверстіями, всегда существующими въ поверхностномъ слое клѣточекъ. Эти отверстія, называемыя устьицами, играютъ роль форточекъ, служа для сообщенія воздуха, заключеннаго внутри растенія, съ внѣшнимъ атмосфернымъ воздухомъ. Если чрезъ устьица выставляется наружу много ниточекъ пероноспоры, то даже простымъ глазомъ замѣтенъ здѣсь илѣжный войлочекъ въ родѣ плѣсени. Выйдя на свѣтъ божій, ниточка развѣтвляется, наподобіе деревца или кустика, и на вѣточкахъ образуются особыя вздутыя клѣточки (рис. 45) въ видѣ шариковъ, лицъ или лимончиковъ. Эти-то клѣточки и представляютъ органы бесполого размноженія пероноспоры; онѣ легко отпадаютъ съ произведшихъ ихъ нитей, переносятся вѣтромъ на другія части того же или на сосѣднія растенія и, прорастая, заражаютъ ихъ, рас-

пространяя такимъ образомъ болѣзнь. Кѣточки эти называютъ *конидіями*,—терминъ, употребляемый только въ группѣ грибовъ; ни у водорослей, ни у другихъ низшихъ растений не бываетъ конидій, у грибовъ же онѣ чрезвычайно распространены, всегда представляя органы безполага размноженія. Вообще конидіей называется кѣточка, отдѣляющаяся или, какъ говорятъ, отшнуровывающаяся отъ грибной нити и служащая для воспроизведенія гриба. Дальнѣйшая судьба отпавшихъ конидій у пероноспорныхъ грибовъ различна. У однихъ конидія при проростаніи выпускаетъ тоненькую ниточку, которая забирается внутрь питающаго растенія и, разрастаясь далѣе, вѣтвясь, порождаетъ новый экземпляръ паразита. Это обычный способъ проростанія, свойственный конидіямъ почти всѣхъ грибовъ. Но у нѣкоторыхъ пероноспоръ кони-

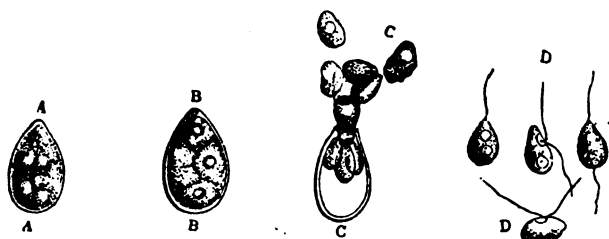

Рис. 46.

дія прорастаетъ иначе (рис. 46). Содержимое ея раздробляется на нѣсколько участковъ, оболочка лопается, и голые участки покидаютъ ее въ видѣ зооспоръ, построенныхъ подобно зооспорамъ водорослей, съ носикомъ и двумя рѣсничками, но не зеленыхъ, а безцвѣтныхъ. Разумѣется, образованіе такихъ зооспоръ происходитъ только, когда конидія очутится въ водѣ, напримѣръ, при дождѣ, росѣ и пр.; въ воздухѣ рѣснички не имѣли бы смысла. Когда конидія прорастаетъ прямо въ трубочку, каждая конидія порождаетъ, разумѣется, лишь одинъ экземпляръ паразита; если же конидія даетъ зооспоры, она можетъ образовать столько новыхъ экземпляровъ, сколько выпущено ею зооспоръ. Что касается органовъ полового воспроизведенія, то они возникаютъ, какъ сказано, внутри питающаго растенія и притомъ подъ-осень,—въ теченіе же всего гѣта грибокъ размножается описанными конидіями, производя поколѣніе за поколѣніемъ. Органы оплодотворенія (рис. 47) живо напоминаютъ намъ соотвѣтствующіе органы сапролегни: тотъ же шаровидно вздутый оогоній, при основаніи отдѣленный перегородкою отъ произведшей его нити, и тотъ же антеридій, плотно приложенный къ оогонію снаружи и выпускающій внутрь оогонія тонкій нитевидный отростокъ — оплодотворяющую

трубку. Вся разница въ томъ, что у пероноспоръ оогоній содержитъ не вѣсколько яицъ, какъ у сапролегній, а одно. Въ противоположность сапролегніямъ, у пероноспоръ обнаружено несомнѣнное переливаніе содержимаго изъ антеридія черезъ трубку въ яйцо, но живчиковъ или другихъ подвижныхъ элементовъ здѣсь никто не находилъ. Разумѣется, оплодотворенное яйцо, облекшись оболочкою, превращается въ ооспору; такія ооспоры развиваются

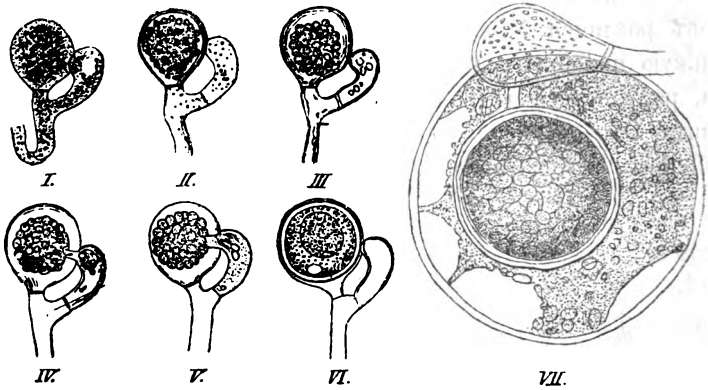

Рис. 47.

цѣлыми тысячами и изолируются лишь слѣдующею весною, черезъ гниваніе заключающей ихъ ткани. Подобно конидіямъ пероноспоръ, онѣ прорастаютъ также двоякимъ способомъ: либо прямо въ трубочку, либо выпуская массу бродяжекъ.

Сходство полового воспроизведенія сапролегніевыхъ и пероноспоровыхъ грибовъ съ тѣмъ, что мы встрѣтили у такихъ водорослей, какъ эдогоніи, вошеріи и т. п., бросается въ глаза. Термины: антеридій, оогоній, ооспора—одинаково примѣнимы и тамъ, и здѣсь; только живчиковъ у грибовъ не замѣчается. Впрочемъ, существуетъ одинъ, повидимому, очень рѣдко встрѣчающійся водяной грибокъ (*Monoblepharis*), у котораго оплодотвореніе производится настоящими живчиками, если только открывшій его французъ не былъ введенъ въ заблужденіе какимъ-либо паразитомъ. Рис. 48 изображаетъ половые органы этого любопытнаго грибка, по образу жизни и строенію близко сроднаго съ сапролегніями. Женскій органъ — оогоній (*o*), въ видѣ вздутаго мѣшка, сидитъ на вершинѣ вѣтви; все содержимое его даетъ одно яйцо, которое послѣ оплодотворенія превращается въ ооспору (*osp*), покрытую бугорчатою оболочкою. Подъ оогоніемъ отрѣзается перегородкою цилиндрическая кѣлочка *a*, это — антеридій. Содержимое ея дробится на небольшое число голыхъ тѣлецъ—живчиковъ, покидаю-

щихъ антеридій чрезъ боковое отверстіе, подъ самымъ оогоніемъ (рис. 48, 2). Хотя эти живчики снабжены каждый одною рѣсничкою, но они предпочитаютъ почему-то добираться до верхушечнаго отверстія оогонія ползкомъ по его стѣнкѣ.

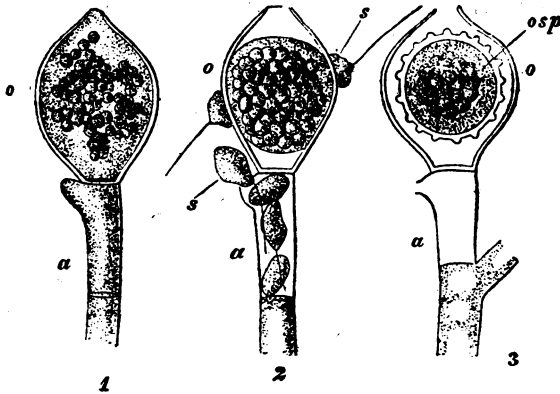

Рис. 48.

То обстоятельство, что сапролегніи постоянно, а пероноспоры иногда, производятъ бродяжки, совершенно не встрѣчающіяся у другихъ грибовъ, придаетъ двумъ названнымъ группамъ еще больше сходства съ водорослями. Неудивительно, что ихъ нерѣдко соединяютъ подъ общимъ названіемъ водоросли-грибы.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ грибамъ, которые по своему половому воспроизведенію соотвѣтствуютъ спѣвлякамъ, напримѣръ, спирогири, между водорослями. Они образуютъ сравнительно небольшую группу *муковыхъ* грибовъ.

Мукоры ведутъ обыкновенно сапрофитный образъ жизни; нѣкоторыя изъ распространеннѣйшихъ плѣсней, легко возникающихъ на разлагающихся веществахъ, принадлежатъ именно сюда. Ихъ поэтому легко культивировать даже на стеклышкѣ въ каплѣ питательной жидкости, напримѣръ, въ отварѣ навоза. Есть, впрочемъ, и паразитныя мукоры, но они тогда поселяются другъ на другѣ: одинъ мукоръ питается прямо навозомъ и т. п., а къ его ниточкамъ прикрѣпляетъ свои нити другой паразитный мукоръ (особый видъ, даже родъ, но изъ той же группы) и высасываетъ изъ него себѣ пищу. Отличить плѣсень мукора отъ всякой другой нетрудно даже въ бесплодномъ состояніи, вслѣдствіе отсутствія перегородокъ. По строенію своего войлочка (грибницы) мукоры сходны съ только-что рассмотрѣнными нами сапролегніями и пероноспорами. На рис. 49 *B* вся обильно развѣтвленная паутинка *m* выросла изъ одной споры и представляетъ на всемъ своемъ протяженіи

одну клітчатку. На такомъ войлочкѣ скоро появляются органы безполага размноженія. Тамъ и сямъ вырастають особенныя, болѣе толстыя вѣточки, которыя поднимаются вертикально въ воздухъ и на концѣ шаровидно вздуваются (*g*); вздутіе отдѣляется при основаніи своемъ перегородкою и такимъ образомъ становится особенною клітчаткою. Рис. 49 *A* изображаетъ строеніе зрѣлой головки. Внутреннее содержимое распалось на массу мелкихъ, неподвижныхъ тѣлецъ, изъ которыхъ каждое есть спора, а ножка, несущая

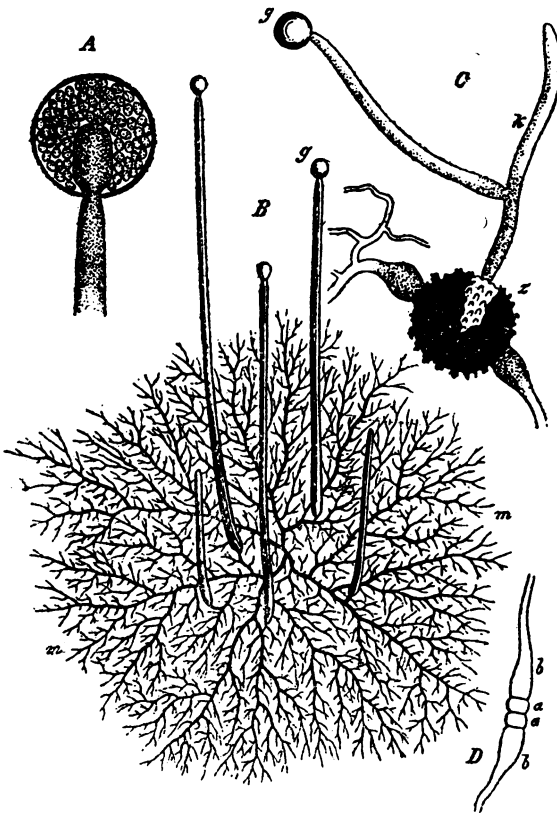

Рис. 49.

головку, сильно впячивается внутрь послѣдней. Описанная головка мукора получаетъ названіе *спорангія*; это терминъ, вообще употребительный для обозначенія мѣстности, содержащаго внутри споры. Только мукоры снабжены подобными спорангіями, другія же плѣсени размножаются иначе. Оттого мукоровая плѣсень, въ отличіе отъ прочихъ, получаетъ названіе *головчатой* плѣсени. Головки ея часто видны простымъ глазомъ, а у нѣкоторыхъ мукоровыхъ даже крупнѣе булавочной головки.

Когда спорангій вполнѣ созрѣетъ, оболочка его лопається, причѣмъ иногда вся головка отскакиваетъ отъ ножки и споры дѣлаются свободными. Онѣ могутъ тотчасъ же прорасти, причѣмъ выпускають, какъ обыкновенно, трубочку и даютъ новую одно-клетчатую паутинку, которая уже черезъ нѣсколько дней, въ свою очередь, приноситъ такіе же спорангіи со спорами. На этотъ ладъ развивается поколѣніе за поколѣніемъ. Но при нѣкоторыхъ, не всегда уловимыхъ условіяхъ тотъ же мукоръ приво-

сильны споры совершенно другаго сорта. Онѣ встрѣчаются гораздо рѣже уже описанныхъ и открыты еще не у всѣхъ муковокъ. Развитие ихъ живо напоминаетъ процессъ такъ-называемой копуляціи, свойственный сѣплянкамъ. На рис. 50 мы видимъ этотъ процессъ въ разныхъ стадіяхъ его теченія. На нитяхъ появляются мѣстами направленные другъ къ другу выростки, которые при дальнѣйшемъ разрастаніи сталкиваются между собою; столкнувшіеся концы отдѣляются перегородками въ видѣ двухъ самостоятельныхъ клѣточекъ (рис. 49 въ *D* клѣтки *a*), а затѣмъ перегородка, раздѣляющая обѣ клѣточки, исчезаетъ и чрезъ сліяніе образуется изъ нихъ обѣихъ одна новая, которая и есть спора. Неудивительно, что такія споры муковокъ получаютъ то же самое названіе, какъ и соотвѣтственные споры сѣплянокъ; это—*зиготы* или *зиготы*. Зигота несравненно крупнѣе тѣхъ мелкихъ споръ, что развиваются въ большомъ числѣ внутри спорангіевъ муковокъ; въ зрѣломъ видѣ она облечена толстою, красивою, бугорчатою шкуркою чернаго или коричневаго цвѣта. Прорастаетъ зигота только послѣ продолжительнаго періода покоя и не такъ, какъ бесполоя споры: вмѣсто паутинки, она даетъ сравнительно короткую, простую ниточку, которая обыкновенно на концѣ приноситъ знакомый уже намъ бесполой спорангій (рис. 49 *C*). Благодаря этому, одна зигота можетъ положить начало цѣлому ряду новыхъ экземпляровъ мукока. Въ половомъ значеніи зиготъ у муковокъ едва ли можно сомнѣваться. Онѣ, очевидно, замѣняютъ половыя ооспоры сапролегній и пероноспоръ. Но при развитіи зиготъ грибовъ незаметно рѣшительно никакого внѣшняго намека на дифференцировку мужскихъ и женскихъ элементовъ; обѣ сливающіяся клѣточки абсолютно похожи другъ на друга. Поэтому мукока напоминаютъ не спирогиру между водорослями, а нѣкоторыя другія сѣплянки, гдѣ содержимыя обѣихъ сѣпленныхъ клѣточекъ направляются другъ къ другу, и зигота развивается въ соединяющемъ ихъ рукавѣ; тамъ тоже нѣтъ никакихъ указаній на то, которая клѣточка женская, которая мужская.

Почти всѣ прочіе грибы могутъ быть собраны въ двѣ гро-

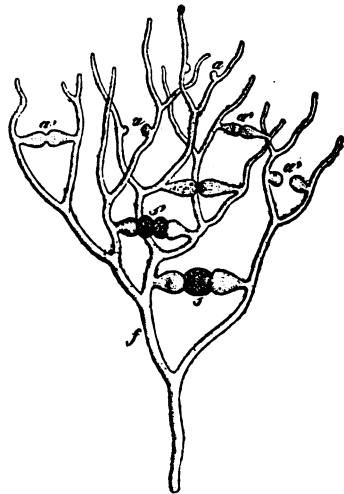

Рис. 50.

мадные группы, отличающіяся другъ отъ друга единственно по способу образованія ихъ споръ, но отнюдь не по вѣшнему виду. Одну группу называютъ *базидіальными* грибами, другую—*сумчатыми*. У первыхъ споры развиваются слѣдующимъ образомъ. Особая клѣточка, называемая *базидіей*, на одномъ концѣ переходящая въ обыкновенную грибную ниточку или гифу (рис. 51 *a*), на другомъ свободномъ концѣ выпускаетъ обыкновенно четыре нитевид-

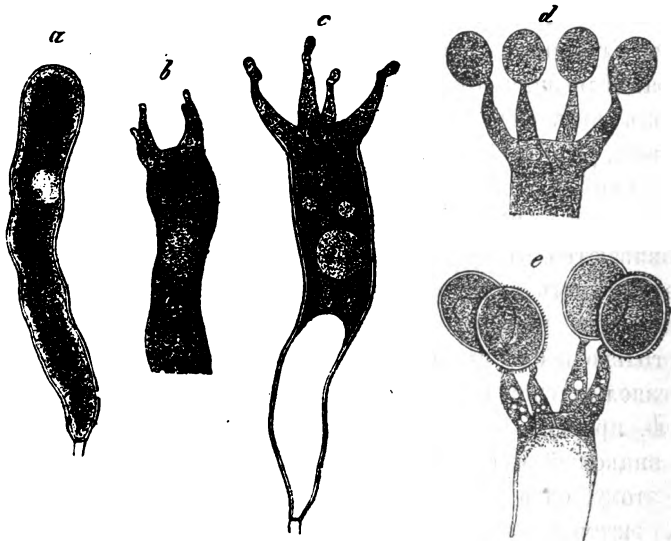

Рис. 51.

ныхъ отростка (рис. 51 *b*, *c*); каждый изъ нихъ, вздуваясь при вершинѣ (*d*, *e*), образуетъ по одной спорѣ, которая, созрѣвши, отпадаетъ съ произведшей ее ножки. Такія базидіи лежатъ обыкновенно чрезвычайно густо,

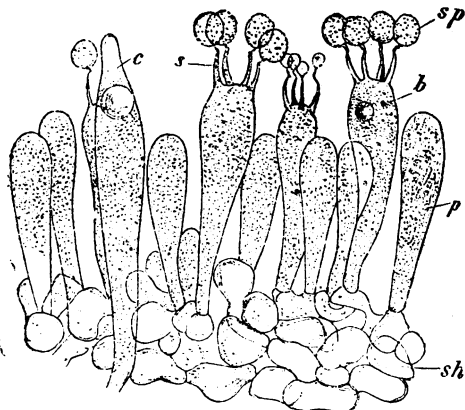

Рис. 52.

плотно прижимаясь другъ къ другу и располагаясь цѣлымъ слоемъ (рис. 52), то на поверхности, то внутри особаго тѣла, называемаго плодомъ.

Совершенно иначе развиваются споры у такъ называемыхъ сумчатыхъ грибовъ. Онѣ возникаютъ здѣсь не въ видѣ вѣшнихъ выростковъ, а вну-

три особенныхъ, почти всегда продолговатыхъ клѣточекъ, на внутреннемъ концѣ тоже связанныхъ съ грибною ниточкой (рис. 53 *f*). Такая клѣточка получаетъ названіе *сумки*, а отсюда и терминъ—сумчатые грибы. Каждая сумка въ огромномъ большинствѣ случаевъ развиваетъ внутри по восьми споръ; когда онѣ созрѣютъ, сумка лопається и споры изъ нея выбрасываются. Подобно базидіямъ, сумки тоже собираются цѣлымъ слоемъ, но обыкновенно послѣдній состоитъ не изъ однихъ сумокъ, а попережку съ ними сидятъ тоненькія ниточки (рис. 53 *B*), остающіяся безплодными и называемыя *парафизами*. Сумки и парафизы, плотно прижимаясь другъ къ другу, образуютъ цѣлый слой, который располагается либо на поверхности плода, либо внутри его. Въ первомъ случаѣ сумчатый плодъ называютъ *апотеціемъ*, во второмъ—*перитеціемъ*. Сообразно съ этимъ, различаютъ двѣ большія категории сумчатыхъ грибовъ: тѣ, которые образуютъ апотеции, будутъ *дискомицеты*, а сумчатые грибы, снабженные перитеціями, составляютъ группу *пиреномицетовъ*. Апотеции имѣютъ обыкновенно видъ блюдечка, воронки или кувшинчика, причеиъ верхняя или внутренняя сторона этого образования занята сумчатымъ слоеиъ. Рис. 53 *A* изображаетъ въ разрѣзѣ одинъ апотецій, напоминающій по формѣ блюдце.

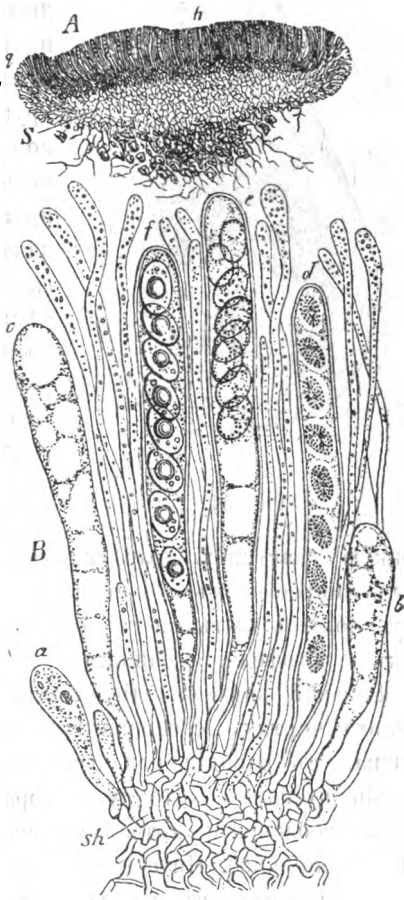

Рис. 53.

Перитеции всего чаще являются въ видѣ шариковъ или продолговатыхъ, напримѣръ, грушевидныхъ тѣлъ, величиною съ булавочную головку или даже меньше. При вершинѣ перитеція большею частью замѣчается отверстіе въ родѣ булавочнаго укола; оно ведетъ во внутреннюю полость, стѣнки которой заняты слоеиъ сумокъ и парафизъ, какъ это видно на рис. 54, изображающемъ перитецій въ продольномъ раз-

рѣзѣ. Бываютъ, впрочемъ, перитеціи и совершенно замкнутые, безъ всякаго отверстія; тогда, конечно, споры не могутъ выбрасываться изъ нихъ, какъ въ первомъ случаѣ, а дѣлаются свободными вполнѣдствіи, когда сгніетъ стѣнка такого плода.

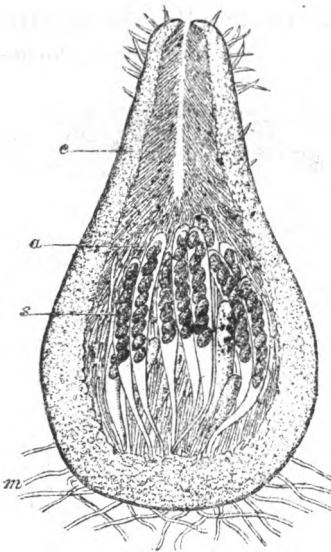

Рис. 54.

тонкую пластинку, вырѣзанную изъ такого плода, разсмотрѣть подъ микроскопомъ, то стѣнки внутренней полости или полостей (ихъ можетъ быть много) оказываются унизанными не сумками, какъ у трюфеля, а базидіями.

Развитіе какъ базидіальныхъ, такъ и сумчатыхъ грибовъ въ общихъ чертахъ совершается слѣдующимъ образомъ. Спора, отпавшая съ базидіи или освободившаяся изъ сумки, при проростаніи пускаетъ ниточку, которая разрастается постепенно въ цѣлый войлочекъ; этотъ войлочекъ есть то, что мы назвали грибноцею (мицеліей). Ниточки (гифы) его отличаются отъ нитей сапролегвій, пероноспоръ и мукоровъ тѣмъ, что всегда раздѣлены внутри перегородочками на отдѣльныя цилиндрическія кѣточки. Само собою разумѣется, пока грибокъ находится въ такомъ безплодномъ состояніи, нѣтъ возможности даже узнать — сумчатый онъ или базидіальный; надо ждать, чтобы на грибноцѣ завязались плоды. Только у весьма немногихъ формъ базидіи или сумки вырастаютъ непосредственно на первоначальномъ войлочкѣ; почти всегда есть такая часть, которую можно назвать плодомъ. Рис. 55 представляетъ грибноцу шампиньона, на которой во многихъ

Выше было уже замѣчено, что на вышній видъ нельзя полагаться при различеніи сумчатыхъ и базидіальныхъ грибовъ. Въ обѣихъ группахъ встрѣчаются формы, сходныя, такъ сказать, параллельныя другъ другу. Такъ, напримѣръ, сморчокъ по формѣ своей напоминаетъ вообще шапочные грибы, а между тѣмъ онъ принадлежитъ къ сумчатымъ, тогда какъ почти всѣ шапочные грибы (поганки, мухоморы, шампиньоны, бѣлые грибы и т. п.) относятся къ числу базидіальныхъ. Трюфель, подобно сморчку, грибокъ сумчатый, но есть чрезвычайно похожіе на него грибы, также образующіе подъ землею плодъ въ видѣ желвака, похожаго на картофелину; однако, если

мѣстахъ появляются плоды (общеизвѣстные шампиньоны), находящіеся на разныхъ стадіяхъ развитія.

Иногда, однако, развитіе происходитъ сложнѣе. Во-первыхъ, кромѣ плодовъ, на которыхъ появляются базидіи или сумки, тотъ же грибокъ можетъ имѣть еще другаго рода органы размноженія. Особенно часто это замѣчается у сумчатыхъ грибовъ. Весьма нерѣдко, прежде чѣмъ станутъ завязываться апотеци или перитеци, на грибницѣ появляются конидіи въ родѣ гѣхъ, что мы видѣли у пероноспоръ, напримѣръ. Иногда грибокъ упорно отказывается производить что-либо, кромѣ конидій, которыя, созрѣвши, тотчасъ прорастаютъ, даютъ новую грибницу, опять приносящую подобныя же конидіи и т. д. Въ такомъ случаѣ нѣтъ возможности сказать, къ какой группѣ грибовъ принадлежитъ данный организмъ, потому что безполые органы размноженія въ видѣ конидій встрѣчаются у самыхъ разнообразныхъ грибовъ. Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи въ настоящее время находится масса несомнѣнныхъ грибовъ, у которыхъ пока только и извѣстны конидіи. Эти формы собираютъ, съ горя, въ одну временную группу подъ названіемъ то *гифомицетовъ*, то *неполныхъ* грибовъ, вполнѣ сознавая всю неестественность ея. Во многихъ изъ нихъ подозрѣваютъ сумчатые грибы, и время отъ времени это подозрѣніе для того или другаго гифомицета подтверждается, послѣ чего его, конечно, исключаютъ изъ числа гифомицетовъ. Такъ случилось съ обыкновеннѣйшею плѣсенью, которую всякій видѣлъ на чернилахъ. Сколько ее ни изучали, а ничего, кромѣ конидій, не могли открыть. Конидіи эти собираются въ четкообразные ряды, которые расходятся лучами въ видѣ кисточки на концѣ особыхъ ниточекъ, поднимающихся вертикально въ воздухъ съ горизонтальнаго войлочка (въ родѣ того, какъ на рис. 61). Отсюда произошло и названіе

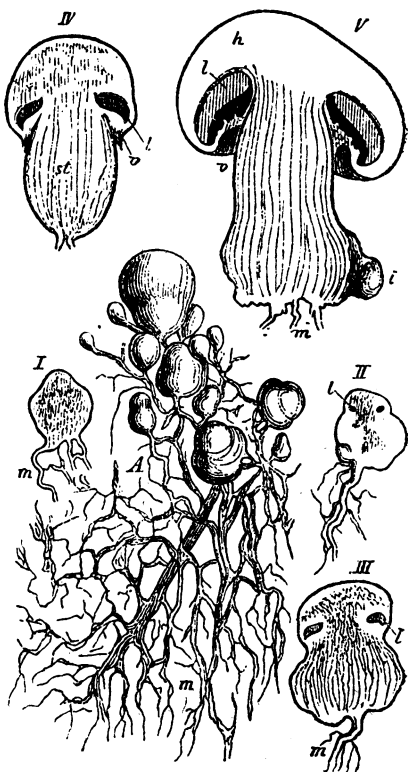

Рис. 55.

этой плѣсени—*кистевикъ* (*Penicillium*). Въ каждомъ ряду отдѣльные члены, т. е. конидіи, нанизываются другъ за другомъ дѣйствительно какъ четки, потому что, по мѣрѣ того, какъ верхнія, болѣе зрѣлыя обсыпаются, при основаніи четки отщипуровываются новыя. Только въ 1874 году нѣмецкому ученому *Брефельду* удалось

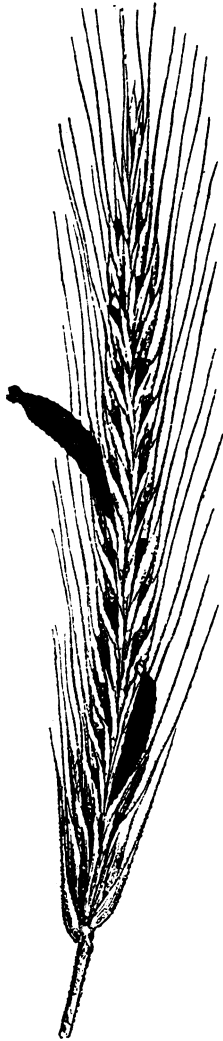

Рис. 56.

наконецъ вывести кистевикъ изъ заколдованнаго круга обычнаго его развитія и заставить произвести болѣе характерное плодоношеніе. Не вдаваясь въ подробности, ограничимся результатомъ: кистевикъ оказался сумчатымъ грибомъ, по строенію своихъ сумчатыхъ плодовъ ближе всего подходящимъ — къ трюфелямъ, только въ миниатюрѣ: трюфелины, которыя онъ образуетъ, не крупнѣе песчинокъ. Такимъ образомъ, если и не настоящій трюфель, то близкій его родичъ, правда, никуда не годный, оказался однимъ изъ постояннѣйшихъ спутниковъ челоуѣка, давно извѣстною плѣсенью.

Но, помимо образованія конидій, въ развитіи грибовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, встрѣчается еще другого рода усложненіе, а именно плодъ, несущій базидіи или сумки, можетъ возникать не прямо на грибницѣ, а при посредствѣ особыхъ тѣлъ, называемыхъ *склеротіями* или *рожками*. Общеизвѣстный примѣръ ихъ представляетъ такъ называемая спорынья. Продолговатая черная тѣла, нерѣдко встрѣчающіяся въ колосьяхъ ржи (рис. 56) и другихъ хлѣбовъ и занимающія мѣсто здороваго зерна, суть именно склеротіи особеннаго сумчатаго гриба, поражающаго специально завязь хлѣбныхъ растений. Такія же образованія, не всегда удлиненныя, иногда почти шаровидныя, и самой различной величины, встрѣчаются и у многихъ другихъ грибовъ, не только сумчатыхъ, но даже базидіальныхъ. Склеротій не есть плодъ гриба; ни на

поверхности, ни внутри его нельзя замѣтить никакихъ споръ; это только сильное уплотненіе бесплодной грибницы: ниточки такъ перепутались и такъ плотно сложились, что между ними не осталось никакихъ полостей и получился крѣпкій желвачекъ. Такіе

желвачки могутъ завязываться въ разныхъ мѣстахъ на рыхломъ первоначальномъ войлочкѣ, который затѣмъ погибаетъ, а образованные имъ склеротіи въ сухомъ видѣ могутъ сохраняться, подобно сѣменамъ высихшихъ растений, нѣсколько мѣсяцевъ или даже лѣтъ (?), не обнаруживая никакихъ измѣненій, но и не теряя жизнениости. По происхожденію своему они, разумѣется, не имѣютъ ничего общаго съ сѣменами; скорѣе бы ихъ можно было сравнить съ такими образованіями, какъ клубни картофеля, напримѣръ. Если склеротіи посѣять, напримѣръ, положить на сырую землю, то изъ нихъ вырастаетъ плодъ или плоды гриба, и только тогда обнаруживается—какому грибу принадлежали посѣянные склеротіи,

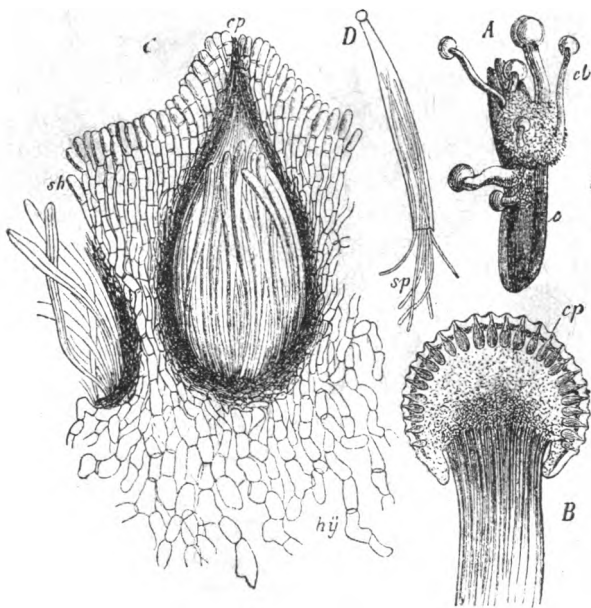

Рис. 57.

сумчатому или базидіальному. Если, напримѣръ, произвести этотъ опытъ надъ рожками спорыньи, то изъ нихъ вырастаютъ точно шляпочные грибки (рис. 57 А), состоящіе изъ ножки и шаровидной головки. Поверхность послѣдней покрыта бугорками, а на разрѣзѣ (рис. 57 В) оказывается, что каждому бугорку соответствуетъ грушевидная полость, узенькимъ каналомъ открывающаяся наружу. Это все перитеціи. Одинъ изъ нихъ представленъ отдѣльно на рис. 57 С, увеличенномъ еще сильнѣе. Удлиненныя клѣтки, которыя наполняютъ полость перитеціи, суть сумки, а безплодныхъ парафизъ здѣсь нѣтъ. Какъ видно изъ рис. 57 D, въ каждой сумкѣ содержится восемь споръ, имѣющихъ видъ ни-

точекъ; сумка при вершинѣ лопнула и споры высовываются изъ нея. Очевидно, такимъ образомъ, что спорыня есть сумчатый грибокъ, притомъ изъ группы пиреномицетовъ, такъ какъ сумки лежатъ скрыто.

Но кромѣ грибовъ базидіальныхъ и сумчатыхъ есть еще одна интереснѣйшая группа грибовъ, которую невозможно обойти молчаніемъ даже въ такомъ краткомъ очеркѣ, каковъ настоящій. Это грибы *ржавчинниковые*. Подъ именемъ *ржавчины* уже съ древнѣйшихъ временъ извѣстна болѣзнь хлѣбныхъ растений, при которой

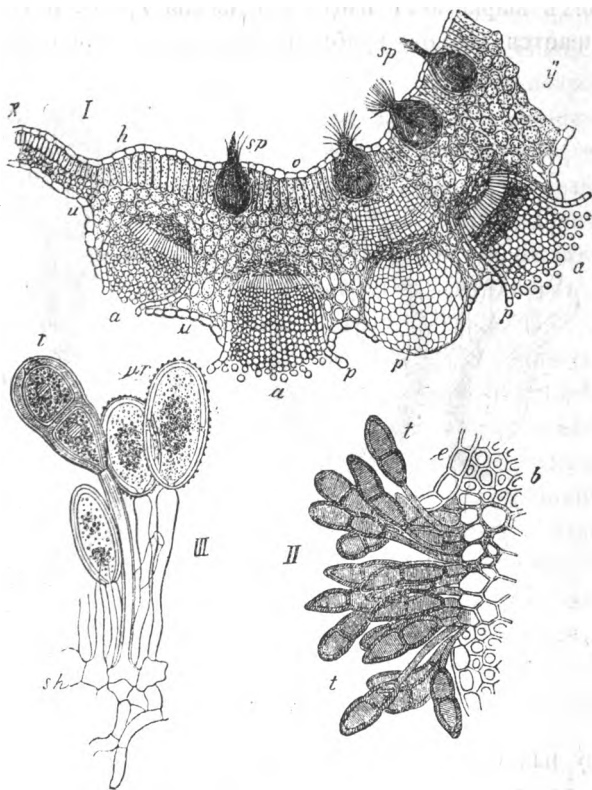

Рис. 58.

листья и стебли покрываются черточками ржаваго цвѣта. Производящій эти черточки грибокъ начинаетъ ежегодно весной свое развитіе на совершенно другомъ растеніи, на примѣръ, на барбарисѣ. На листьяхъ барбариса часто замѣчаются оранжеваго цвѣта припухлости. На разрѣзѣ листа въ этомъ мѣстѣ (рис. 58 I) оказывается, что внутри ткани его гнѣздится грибокъ, дающій двоякаго рода плодоношенія: съ верхней стороны листа образуются небольшія грушевидныя вмѣстилища (*sp*), называемыя *спермогоніями*,

назначеніе которыхъ въ точности неизвѣстно, снизу же — болѣе крупныя, въ зрѣлости широко раскрытыя урночки (*a*) — *эцидіи*. Внутри эцидій наполненъ оранжевыми спорами, которыя навизаны цѣпочками и нарождаются со дна урночки. Эти-то споры и заражаютъ молодые листья злаковъ, вызывая на нихъ ржавчину. На злакахъ грибокъ даетъ уже совершенно иного рода споры: въ теченіе лѣта — крупныя, оранжевыя, одноклѣточные, сидящія каждая на особой ножкѣ (рис. 58 III *ur*); ихъ называютъ *уредоспорами*, онѣ могутъ прорасти тотчасъ же (на злакахъ), содѣйствуя распространенію ржавчины съ растенія на растеніе. Подъ осень ржавыя полосы смѣняются черными: микроскопъ показываетъ, что теперь, вмѣсто уредоспоръ, образуются особыя *телеитоспоры* или *зимнія споры*, такъ какъ онѣ служатъ для сохраненія гриба зимою; эти споры (рис. 58 II *t* и спора *t* въ III) тоже сидятъ каждая на особой ножкѣ, но самая спора коричневаго цвѣта и раздѣлена перегородкою поперекъ на двѣ клѣточки. Прорастаетъ телеитоспора только слѣдующею весною и тритомъ очень оригинально (рис. 59): каждая изъ двухъ клѣточекъ ея выпускаетъ нить, которая на тоненькихъ отросточкахъ приноситъ обыкновенно четыре крошечныя споры, называемыя *споридіями* (*сп* въ рис. 59). Нить послѣ этого гибнетъ, споридіи же уносятся вѣтромъ, попадаютъ случайно на распускающуюся листву барбариса и начинаютъ съизнова удивительно сложный кругъ развитія ржавчиннаго гриба. И такъ, всѣ эти, столь различныя на видъ, сорта споръ, которыхъ легко принять и которые дѣйствительно принимались прежде за совершенно различныя грибы, оказываются только послѣдовательными стадіями одной и той же ржавчины!

Впрочемъ, далеко не всѣ грибы этой группы развиваются такъ сложно. У многихъ ржавчинниковъ не бываетъ, напримеръ, уредоспоръ, или нѣтъ спермогоніевъ и эцидйевъ; только зимнія споры для всѣхъ обязательны, а узнать ихъ легко, потому что, прорастая, онѣ даютъ споридіи. Точно также далеко не всѣ ржавчинники кочуютъ съ одного растенія на

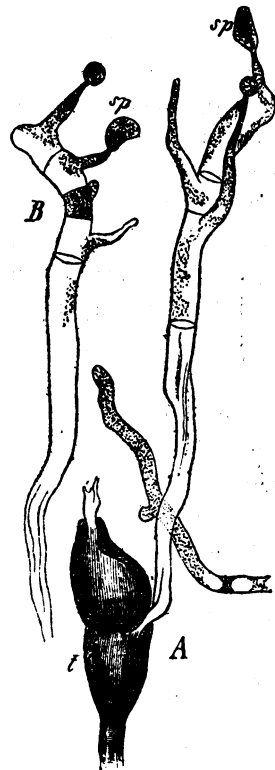

Рис. 59.

другое, какъ описанная выше хлѣбная ржавчина; многіе изъ нихъ проходятъ иногда столь же сложный циклъ развитія на одномъ и томъ же питающемъ растеніи. Это кочеваніе, напоминающее развитіе многихъ глистовъ въ животномъ мірѣ, придаетъ изученію ржавчинниковъ большой практической интересъ, такъ какъ первоначальная причина болѣзни даннаго растенія часто скрывается на совершенно чуждомъ растеніи. Такъ, напримѣръ, яблони и груши заражаются ржавчиною съ можжевельника, пихта — съ брусники, сосна — съ осины и т. п.

Кочеваніе съ одного растенія на другое считалось свойственнымъ только ржавчинниковымъ грибамъ, но въ самое послѣднее время *Вороницу* удалось открыть сумчатый грибъ, кочующій такимъ же образомъ съ голубики на багульникъ: на голубикѣ онъ даетъ конидіи, а на багульникѣ подготавливаетъ свое сумчатое плодоношеніе.

Посмотримъ теперь, не встрѣчается ли гдѣ-нибудь въ циклѣ развитія грибовъ, съ которыми мы нѣсколько познакомились, чего-либо похожаго на оплодотвореніе. Что касается ржавчинныхъ грибовъ, то ученые уже издавна смотрѣли подозрительно на одно изъ свойственныхъ имъ плодоношеній, а именно на спермогоніи — тѣ урночки, которыя, невѣдомо для чего, появляются на листѣ барбариса сверху (рис. 58 I *sp*). Дѣло въ томъ, что внутри спермогоніи образуется масса очень мелкихъ крупинокъ, которыя, хотя и выбрасываются наружу, но не могутъ прорасти (такъ долгое время думали). Въ виду этого рѣшили, что это не споры, а, вѣроятно, мужскіе оплодотворяющіе элементы гриба, которымъ прорасти, конечно, и не полагается; ихъ назвали *сперматіями* (какъ у багряннокъ); прямо сперматозоидами, т. е. живчиками, назвать ихъ нельзя было, такъ какъ они лишены подвижности. Замѣтимъ, что спермогоніи со сперматіями свойственны далеко не однимъ ржавчинникамъ, — они весьма распространены и у сумчатыхъ грибовъ. Въ настоящее время, однако, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что эти органы вовсе не имѣютъ значенія, выражаемаго названіемъ ихъ продуктовъ. Мало того, что никому не удалось найти соответствующихъ женскихъ органовъ, но, главное, теперь выяснилось, что, вопреки всѣмъ прежнимъ показаніямъ, сперматіи могутъ прорасти, хотя обыкновенно такого прорастанія трудно добиться; слѣдовательно, это вовсе не оплодотворяющіе элементы, а очень мелкія споры.

Что касается грибовъ базидіальныхъ и сумчатыхъ, то сначала мнимые органы оплодотворенія искали непосредственно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ формируются споры, считая послѣднія за результатъ

искаго процесса. Самое названіе *именія*, которое дали слою, составленному изъ базидій или сумокъ, ясно указывало на такое предрасположеніе изслѣдователей. Чрезвычайно подозрительно смотрѣли, напримѣръ, одно время на особенныя, крупныя пузыревидныя кѣточки, иногда встрѣчающіяся между базидіями у многихъ шапочныхъ грибовъ. Думали, не играютъ ли эти пузыри роли антеридіевъ, не выпускаютъ ли они живчиковъ, оплодотворяющихъ молодыя базидіи, послѣ чего уже на базидіяхъ вырастаютъ споры. Ничего подобнаго, однако, не оказалось. Тогда ученые стали искать органовъ оплодотворенія въ другомъ мѣстѣ и предположили, что не отдѣльная спора, а весь плодъ, напримѣръ, пенекъ съ шапкою у базидіальныхъ грибовъ, весь апотецій или перитецій у сумчатыхъ грибовъ является какъ результатъ оплодотворенія. Поэтому устремили все свое вниманіе на изученіе того, какъ завязываются будущіе плоды, какъ возникаютъ они на войлочной грибницѣ. Здѣсь дѣло пошло, казалось, успѣшнѣе, особенно для сумчатыхъ грибовъ. Въ нѣсколькихъ случаяхъ удалось замѣтить, что образованію перитеція или апотеція предшествуетъ появленіе на грибницѣ двухъ

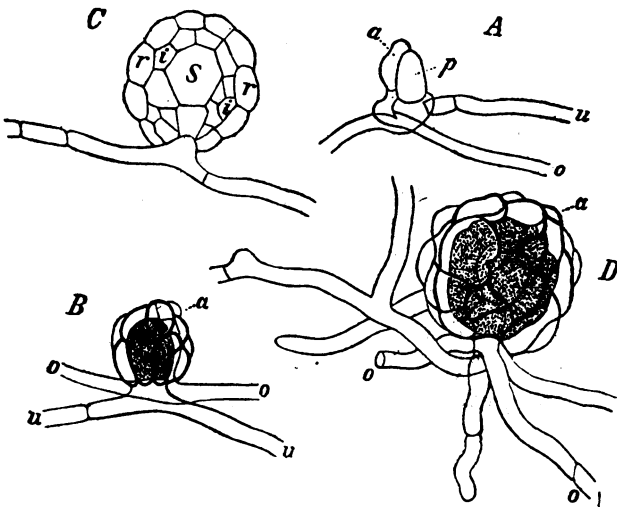

Рис. 60.

своеобразныхъ, характерныхъ кѣточекъ: парочка эта является провозвѣстницею заложенія на этомъ мѣстѣ сумчатаго плода. Сначала она лежитъ совершенно обнаженно, но потомъ обрастается особыми вѣточками грибныхъ нитей, развивающимися при ея основаніи и скрывающими ее отъ глазъ наблюдателя. Обыкновенно обѣ кѣточки другъ на друга непохожи. Одна изъ нихъ въ послѣдствіи, когда она, благодаря обрастанію, очутится внутри молодаго плода,

*

производить изъ себя всѣ сумки послѣдняго: напротивъ, другая клѣточка не обнаруживаетъ никакихъ дальнѣйшихъ измѣненій. Въ виду этого, первая получила названіе *карпогона* или *аскогона*, т.-е. плодородной или сумкородной клѣточки. Что же касается второй, то въ ней склонны были видѣть мужскую клѣточку, производящую оплодотвореніе аскогона; ее назвали *поллинодіемъ*. У разныхъ сумчатыхъ грибовъ форма этихъ клѣточекъ не совсѣмъ одинакова, какъ видно изъ сравненія рисунковъ 60, 61 и 62. На первомъ изъ

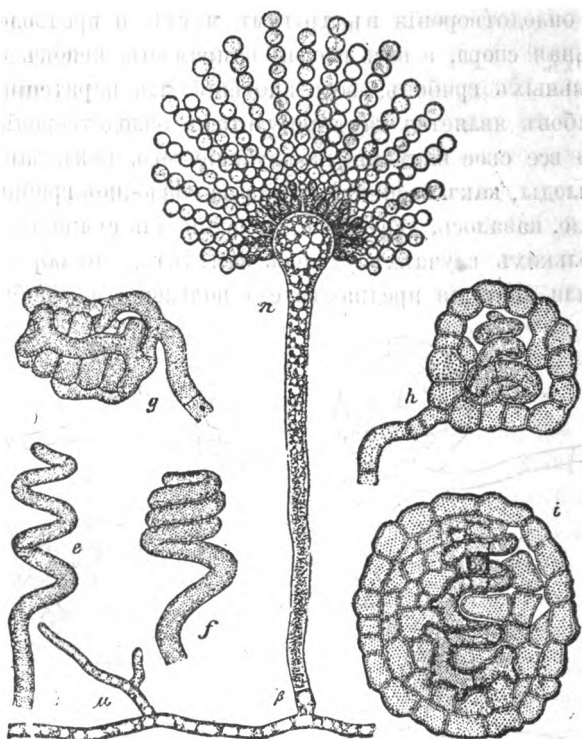

Рис. 61.

нихъ мы замѣчаемъ въ *A* еще обнаженные аскогонъ (*p*) и полинодій (*a*), плотно приложенные другъ къ другу; *B*, *C* и *D*—дальнѣйшія стадіи развитія, по которымъ видно, какъ постепенно обрастается характерная парочка. *D*—еще далеко не зрѣлый плодъ (перитецій); послѣдній будетъ имѣть видъ черного, вполне замкнутаго шарика, внутри котораго лежитъ всего одна сумка, образовавшаяся изъ аскогона (*p*). На рис. 61 изображена одна изъ распространеннѣйшихъ плѣсеньей. Обыкновенно она является въ видѣ конидіальнаго плодоношенія (*abn*), но тотъ же грибокъ можетъ

образовать и шарики (перитеціи), содержащіе внутри многочисленныя сумки со спорами. Провозвѣстникомъ развитія такого сумчатого плодоношенія является завитая какъ штопоръ клѣточка; это аскогонъ (*e*, *f*); его вскорѣ обрастаютъ снаружи другія вѣточки (*g*). Въ *h* и *i*, представляющихъ разрѣзы очень молодыхъ перитеціевъ, мы находимъ штопоръ скрытымъ внутри; современемъ изъ него образуется вся система сумокъ. Наконецъ, на рис. 62 аскогонъ *a* имѣетъ видъ пузыря съ крючковиднымъ отросткомъ *f* на вершинѣ, а *i*—полинодій. Въ *h* начинается обрастаніе оригинальной парочки.

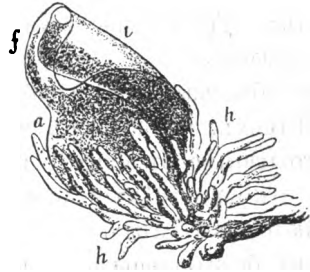

Рис. 62.

Ободренные этимъ успѣхомъ, ученые принялись за соотвѣтствующія наблюденія и по отношенію къ базидіальнымъ грибамъ. Въмѣсто того, чтобы искать органы оплодотворенія попрежнему на лучахъ шапки, гдѣ формируются споры, обратили все свое вниманіе на то, какъ завязываются самыя плоды на грибицѣ. Вліяніе предвзятой идеи было настолько сильно, что органы оплодотворенія дѣйствительно были найдены; ихъ описали, срисовали и торжествовали. Но торжество было непродолжительно и вскорѣ смѣнилось горькимъ разочарованіемъ. Дѣло въ томъ, что при дальнѣйшемъ изученіи развитія сумчатыхъ грибовъ стали наткаться на такіе случаи, въ которыхъ, несмотря на всѣ усилія, невозможно было открыть никакихъ слѣдовъ аскогона и полинодія; будущій плодъ въ ранней молодости имѣетъ тогда видъ клубочка, образовавшагося чрезъ сплетеніе нитей, которыя всѣ похожи другъ на друга. Только въ послѣдствіи обозначается внутри этого клубочка особенная ниточка, порождающая сумки. Разумѣется, въ подобныхъ случаяхъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что сумчатый плодъ возникаетъ безъ оплодотворенія. Но, въ виду сходнаго строенія перитеціевъ и апотеціевъ у различныхъ сумчатыхъ грибовъ, трудно предположить, чтобы одинаковые плоды возникали у однихъ половымъ путемъ, у другихъ—безполымъ. Отсюда естественно должна была явиться реакція противъ прежнихъ увлеченій. Къ аскогону и полинодію, открытіе которыхъ было привѣтствовано съ восторгомъ, стали относиться теперь скептически, задавая себѣ вопросъ—дѣйствительно ли мы имѣемъ въ нихъ органы оплодотворенія. Прямыхъ доказательствъ на это нѣтъ; хотя аскогонъ и полинодій плотно прилегаютъ другъ къ другу, но непосредственнаго сообщенія между ними незамѣтно, и не видно, чтобы содержимое

изъ поллинодія передивалось въ аскогонъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ ясно обозначенъ собственно только аскогонъ, какъ, напримѣръ, въ рис. 61, а то, что мы называемъ поллинодіемъ, можетъ быть разсматриваемо просто, какъ первая изъ обрастающихъ аскогонъ ниточекъ.

Совсѣмъ другими глазами взглянули послѣ этого и на мнимые, только-что передъ тѣмъ описанные половые органы базидіальныхъ грибовъ; сами открывшіе ихъ ученые стали отъ нихъ открещиваться. Тщательное изученіе развитія нѣкоторыхъ поганокъ, вырастающихъ при посредствѣ склеротіевъ, показало, что нигдѣ, ни при образованіи на грибицѣ склеротіевъ, ни при прорастаніи послѣднихъ, не замѣчается рѣшительно ничего, что могло бы быть истолковано въ смыслѣ полового акта.

Въ виду всѣхъ вышеизложенныхъ фактовъ, ученые теперь склоняются къ слѣдующему воззрѣнію. Въ настоящее время плоды какъ базидіальныхъ, такъ и сумчатыхъ грибовъ развиваются безъ оплодотворенія и вообще грибы эти представляютъ организмы безполые, но они сдѣлались таковыми съ теченіемъ времени, чрезъ утрату настоящихъ половыхъ органовъ, которыми нѣкогда были снабжены ихъ предки. У однихъ исчезли всякіе намеки на эти органы, какъ, напримѣръ, у тѣхъ сумчатыхъ грибовъ, гдѣ незамѣтно бываетъ аскогона; у другихъ—сохранились болѣе или менѣе ясные остатки ихъ. Согласно такому представленію, аскогонъ въ настоящее время оплодотворенію болѣе не подвергается, но прежде онъ, быть можетъ, игралъ роль женской кѣточки; какъ бы по старой памяти или по силѣ инерціи, кѣточка эта еще продолжаетъ появляться, хотя и утратила прежнее свое значеніе. Такимъ образомъ безполые высшіе грибы нельзя ставить на одну доску съ также безполыми простѣйшими водорослями, напримѣръ. Послѣднія лишены оплодотворенія именно въ силу чрезвычайной простоты своей организаціи; онѣ не дошли еще до той ступени развитія, гдѣ начинается обозначаться различіе мужскаго и женскаго элементовъ. Высшіе грибы, напротивъ, сдѣлались безполыми чрезъ утрату половой функціи. Чтобы обозначить это различіе, организмы перваго рода называютъ *гамными*, а втораго—*апогамными*. То же явленіе апогаміи, т.-е. потери половой функціи, встрѣчается, какъ увидимъ далѣе, тамъ и сямъ въ разныхъ группахъ растительнаго царства, но больше въ видѣ исключенія, тогда какъ у высшихъ грибовъ оно возведено въ принципъ, дѣлается общимъ правиломъ. Существуетъ даже попытка объяснить теоретически, почему между всѣми растениями именно грибы такъ склонны обходиться безъ процесса оплодотворенія, вообще столь важнаго, судя

по распространенію его какъ въ мірѣ растений, такъ и въ царствѣ животныхъ. Съ этою попыткою мы познакомимся впоследствии.

Само собою разумѣется, указанная выше потеря базидіальными и сумчатыми грибами половой функціи не есть незыблемый фактъ, а только остроумная теорія или, еще вѣрнѣе, гипотеза. При настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній дѣйствительно трудно придумать что-либо другое. Однако даже бесполой характеръ высшихъ грибовъ, не говоря уже о происхожденіи его, еще не можетъ считаться окончательно доказаннымъ. Въ недавнее время дѣло неожиданно усложнилось открытіемъ замѣчательнаго гриба, у котораго каждая отдѣльная сумка развивается какъ результатъ оплодотворенія, происходящаго въ формѣ сцѣпленія двухъ клѣточекъ. Грибъ этотъ принадлежитъ къ маленькой группѣ простѣйшихъ, такъ-называемыхъ голосумчатыхъ грибовъ, у которыхъ нѣтъ ни апотеціевъ, ни перитеціевъ, такъ какъ вообще не получается плодовъ, а сумки возникаютъ обнаженно прямо на грибницѣ.

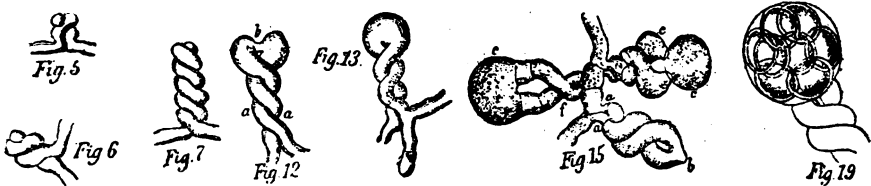

Рис. 63.

Рис. 63-й изображаетъ этотъ процессъ. Тамъ и сямъ возникаетъ по два выростка, обвивающихся другъ около друга наподобіе пробочниковъ, затѣмъ концы ихъ сцѣпляются другъ съ другомъ и, сливаясь, развиваютъ сообща на концѣ двойнаго завитка одну шаровидную сумку, внутри которой формируется, какъ обыкновенно, восемь споръ. Не будь этихъ восьми клѣточекъ внутри, мы бы сказали, что передъ нами не сумка, а зигоспора, какъ у мукоровыхъ грибовъ.

Лучшимъ доказательствомъ того, что бесполой характеръ высшихъ грибовъ не можетъ еще считаться окончательно установленнымъ, служитъ слѣдующій фактъ: въ самое послѣднее время во Франціи снова заговорили объ оплодотвореніи у базидіальныхъ, сумчатыхъ и т. п. грибовъ. Молодой ботаникъ *Данжаръ* утверждаетъ, что хотя настоящихъ половыхъ органовъ у нихъ дѣйствительно нѣтъ, но оплодотвореніе тѣмъ не менѣе существуетъ, проявляясь въ сліяніи двухъ ядеръ. Мы уже знаемъ, что у водорослей ядро живчика сливается съ ядромъ яйца; точно также, рано или поздно, сливаются въ одно ядра копулирующихъ гаметъ. Исслѣ-

дованіе ядеръ у грибовъ чрезвычайно затрудняется необыкновенною ихъ мелкостью. Долгое время кліточки грибовъ считались даже безъядерными, теперь мы знаемъ, что каждая изъ нихъ содержитъ обыкновенно по нѣсколько крохотныхъ ядеръ. Въ молодыхъ базидіяхъ и сумкахъ ядра нѣсколько крупнѣе и здѣсь ихъ замѣтили уже давно, притомъ въ единственномъ числѣ. Путемъ дѣленія изъ ядра базидіи или сумки получается 4 или 8 ядеръ, входящихъ въ составъ споръ, по одному ядру для каждой споры. Теперь Данжаръ увѣряетъ, что въ самой ранней молодости каждая будущая базидія, каждая будущая сумка непременно содержитъ два ядра, которыя вскорѣ сливаются въ одно; это, будто бы, и есть оплодотвореніе и каждая готовая базидія или сумка есть результатъ отдѣльнаго полового акта. Допуская даже вѣрность самаго наблюденія, можно сильно сомнѣваться въ томъ, насколько правильно подобное толкованіе подмѣченнаго слиянія ядеръ.

Въ столь же неопредѣленномъ положеніи, какъ высшіе грибы, находится по отношенію къ оплодотворенію также группа *лишаевъ*. Эти оригинальныя растенія, долгое время изучавшіяся только присяжными знатоками, съ конца шестидесятыхъ годовъ обратили на себя общее вниманіе ученаго міра, такъ какъ поднятъ былъ вопросъ, дѣйствительно ли это самостоятельныя растенія или же лишай является результатомъ своеобразнаго сочетанія, сожитія

Рис. 64.

двухъ совершенно различныхъ организмовъ—гриба и водоросли. Вышній видъ лишаевъ довольно разнообразный. Нѣкоторые изъ нихъ походятъ на кустики, на примѣръ, такъ-называемый исландскій мохъ, также олений мохъ, свѣтлосѣрые кустики котораго можно часто видѣть зимою между нашими двойными рамами. Въ обоихъ этихъ случаяхъ названіе «мха» употребляется совершенно неправильно; какъ мы увидимъ далѣе, мхи—растенія болѣе высокой организаціи, снабженныя стебельками и листьями, чего никогда не замѣчается у лишаевъ. Сѣрая борода, часто свѣшивающаяся съ вѣтвей деревьевъ въ нашихъ лѣсахъ, тоже образуется особымъ лишаемъ (рис. 64). Другіе представители той же

группы имѣютъ видъ пластинъ, распростертыхъ на землѣ, на камняхъ, на корѣ деревьевъ. Иногда пластина эта прикрѣплена къ своей подстилкѣ только въ немногихъ мѣстахъ; въ такомъ случаѣ ее легко содрать (рис. 65), не нарушая ея цѣлости. Но нерѣдко ткань лишая такъ плотно проникаетъ подстилку, такъ сливается съ нею, что отдѣленіе становится невозможнымъ и собрать такой лишай можно только вмѣстѣ съ кускомъ камня или коры, въ которомъ онъ гнѣздится. Случается даже, что самое присутствіе посторонняго организма на корѣ, напримѣръ, дѣлается замѣтнымъ, только благодаря пробивающимся наружу плодамъ его; таковы лишай, изобра-

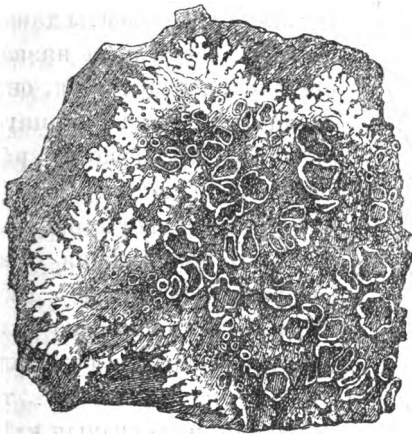

Рис. 65.

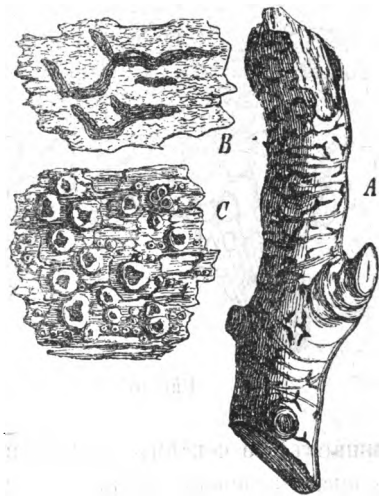

Рис. 66.

женные на рис. 66. Особенно распространены растенія, о которыхъ идетъ рѣчь, въ сѣверныхъ гористыхъ мѣстностяхъ. Кому случалось бывать въ Финляндіи, напримѣръ, тотъ невольно сохранилъ хоть смутное воспоминаніе о тѣхъ разнообразныхъ желтыхъ, сѣрыхъ, коричневыхъ пластинахъ, которыми усыяны тамошніе камни и скалы. Впрочемъ, и у насъ трудно найти стволъ взрослога дерева, кора котораго не служила бы пріютомъ различнымъ лишаямъ.

Но какова бы ни была внѣшняя форма лишая, внутреннее строеніе его въ общихъ чертахъ всегда одинаково, и микроскопъ тотчасъ открываетъ важнѣйшую особенность этихъ организмовъ. Все тѣло ихъ слагается изъ элементовъ двоякаго рода (рис. 67). Одни изъ нихъ совершенно сходны съ тѣми, изъ которыхъ составлено, какъ мы видѣли, тѣло грибовъ; это безцвѣтныя ниточки, получающія тоже названіе гифъ. Особенно ясно замѣтны онѣ во

внутреннемъ слоѣ лишая, представляющемъ строеніе рыхлаго войлочка, на поверхности же гифы часто такъ плотно складываются, что получается кора, въ которой отдѣльныхъ ниточекъ различить

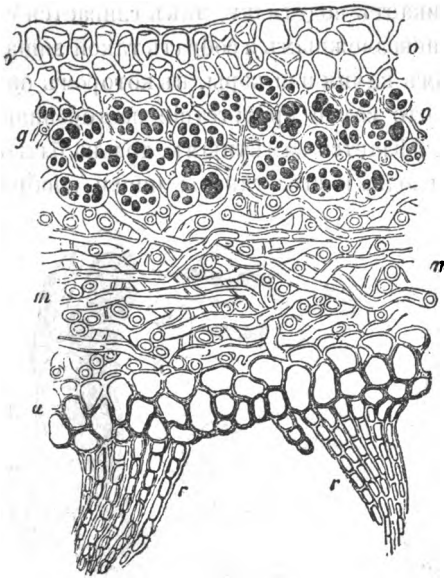

Рис. 67.

нельзя. Но въ извѣстныхъ мѣстахъ между этими грибными элементами вкраплены совершенно другого рода клѣточки, производящія впечатлѣніе водорослей. Если бы мы ихъ встрѣтили отдѣльно, мы, не задумавшись, причислили бы ихъ къ водорослямъ. Эти элементы давно получили специальное названіе *гонидій*. Разумѣется, онѣ не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что у грибовъ называютъ *конидіями*; послѣднія представляютъ органы бесполого размноженія и на водоросли непохожи уже тѣмъ, что обыкновенно безцвѣтны. Гонидии у разныхъ лишайевъ не совсѣмъ одинаковы, имѣютъ то чисто зеленый, то синева-зеленый цвѣтъ, то образуютъ одинокія шаровидныя клѣточки, вслѣдствіе размноженія дѣленіемъ собранныя въ группы, то связаны другъ съ другомъ въ настоящія нити (рис. 68). Но во всякомъ случаѣ гонидии всегда, ни дать ни взять, походятъ на какую-либо дѣйствительно извѣстную, несомнѣнную водоросль. Что касается органовъ размноженія, то они живо напоминаютъ соответствующіе органы грибовъ, именно сумчатыхъ. Только въ самое послѣднее время удалось въ тропическихъ странахъ найти нѣсколько лишайевъ, которые образуютъ свои

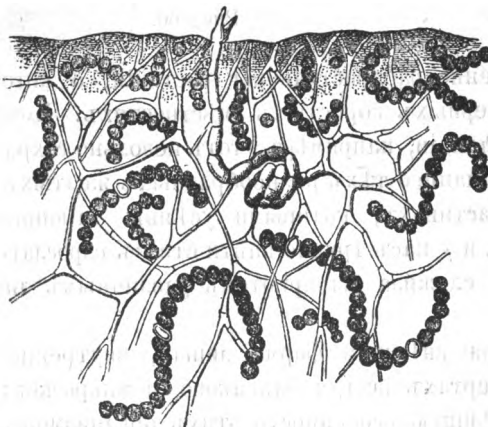

Рис. 68.

напоминаютъ соответствующіе органы грибовъ, именно сумчатыхъ. Только въ самое послѣднее время удалось въ тропическихъ странахъ найти нѣсколько лишайевъ, которые образуютъ свои

споры не внутри сумокъ, а на базидіяхъ, совершенно на манеръ базидіальныхъ грибовъ. Вообще же плоды лишавевъ представляютъ знакомые уже намъ апотеціи или перитеціи, всего чаще первые, въ видѣ блюдечекъ. Такіе апотеціи на рис. 64 означены буквою *a*.

Такимъ образомъ, въ сущности, лишай отличаются отъ извѣстныхъ грибовъ только тѣмъ, что содержатъ среди своей грибной ткани водорослеобразные элементы—гонидіи. Долгое время этому обстоятельству не придавали особеннаго значенія, пока двое русскихъ ученыхъ (*Фаминцынъ* и *Баранецкій*) не показали въ 1867 году, что гонидіи могутъ быть освобождены изъ ткани лишая, причемъ онѣ не только не погибаютъ, но размножаются въ водѣ совершенно какъ водоросли и даже даютъ зооспоры. Тогда-то была построена оригинальная теорія, по которой гонидіи лишавевъ не просто похожи на водоросли, но суть дѣйствительно настоящія водоросли, опутанныя особымъ грибомъ. Въ такомъ случаѣ лишай перестаетъ быть самостоятельнымъ растеніемъ, а является результатомъ своеобразнаго сожительства двухъ совершенно различныхъ организмовъ—гриба и водоросли, причемъ водоросль можетъ жить и безъ гриба, и дѣйствительно встрѣчается въ свободномъ состояніи; напротивъ, соотвѣтствующій грибокъ иначе какъ въ сочетаніи съ подходящею водорослью развиваться не можетъ. Послѣднее необходимо допустить потому, что, хотя въ природѣ и существуетъ великое множество различнѣйшихъ сумчатыхъ грибовъ, но между ними нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, неизвѣстно такихъ, которые бы, точка въ точку, по строенію своихъ апотеціевъ и споръ, напримеръ, походили на какіе-нибудь лишай, отличаясь отъ нихъ единственно отсутствіемъ гонидій. Нельзя сказать, чтобы въ лишай мы имѣли грибокъ, паразитирующій на водоросли; слово паразитизмъ вызываетъ понятіе объ эксплуатаціи однимъ организмомъ другаго во вредъ послѣднему. Въ данномъ же случаѣ водоросль чувствуетъ себя внутри лишая прекрасно и не гибнетъ, а весело размножается среди опутавшей ее грибной ткани. Это не паразитизмъ, а мирное сожительство или, какъ теперь выражаются, *симбіозъ* двухъ различныхъ организмовъ на пользу обоимъ. Въ послѣднее время сдѣлался извѣстнымъ цѣлый рядъ примѣровъ такого симбіоза какъ въ ботаникѣ, такъ и въ зоологіи. Есть даже примѣры сожительства растенія съ животнымъ; такъ, въ тѣлѣ нѣкоторыхъ инфузорій постоянно гнѣздятся извѣстныя зеленыя водоросли.

Изложенная теорія несамостоятельности лишавевъ произвела въ наукѣ страшный переполохъ. Присяжные знатоки этой группы, кропотливо изучавшіе формы излюбленныхъ ими организмовъ, сочли себя оскорбленными до глубины души и истощили все свое красно-

рѣчіе, призывая громы небесные противъ смѣлыхъ еретиковъ. Напротивъ, среди молодежи новое ученіе встрѣчено было весьма сочувственно. Въ настоящее время вопросъ можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ, хотя рутинеры-систематики ни за что не хотятъ признать себя побѣжденными. Корень вопроса заключается въ томъ, откуда берутся первыя гонидіи при развитіи лишая. Согласно прежнему представленію, по которому лишай есть особое, самостоятельное растеніе, если посѣять споры, взятыя изъ сумокъ, получится вначалѣ безцвѣтный войлочекъ, въ родѣ грибнаго, но затѣмъ онъ самъ произведетъ зеленыя гонидіи. Напротивъ, по теоріи, признающей лишай за сочетаніе гриба съ водорослью, изъ посѣянныхъ споръ лишай не можетъ развиваться ничего, кромѣ собственно грибной ткани, гонидіи же, т. е. водоросли, должны налетѣть извнѣ и только тогда можетъ сформироваться дѣйствительный лишай. Въ настоящее время доказано строгими опытами, что изъ споръ лишая удастся вырастить новый лишай только при условіи введенія въ посѣвъ либо подходящей водоросли, либо гонидій, взятыхъ хотя бы изъ совершенно другаго лишая, но по гонидіямъ не отличающагося отъ даннаго.

Для занимающаго насъ вопроса, впрочемъ, безразлично — представляетъ ли лишай самостоятельный организмъ или сочетаніе гриба съ водорослью, и я прошу у читателя извиненія за маленькое отступление, вызванное необычайнымъ интересомъ дѣла. Намъ, собственно, важно знать, какъ возникаютъ у лишая сумчатые плоды и не замѣтно ли при этомъ органовъ оплодотворенія. Дѣйствительно, въ одной группѣ лишаяевъ удалось подмѣтить почти несомнѣнное оплодотвореніе и притомъ въ совершенно неожиданной формѣ, напоминающей то, что мы видѣли между водорослями у багрянокъ. Лишай эти отличаютъ отъ всѣхъ прочихъ подъ именемъ студенистыхъ лишаяевъ. Дѣйствительно, все тѣло ихъ имѣетъ видъ студенистыхъ комковъ, совершенно ссыхающихся въ сухую погоду и снова разбухающихъ въ дождливую. Студень ихъ, какъ показываетъ рис. 68, пронизана частью тоненькими безцвѣтными грибными ниточками, частью четкообразными нитями, состоящими изъ гонидій. На мѣстѣ будущаго сумчатаго плода замѣчается вначалѣ особый характерный органъ. Онъ имѣетъ видъ толстой, безцвѣтной, членистой ниточки, одна часть которой свернута клубочкомъ, а другая прямая и концомъ своимъ выставляется изъ студени свободно наружу. Это женскій органъ лишая или *кармогонъ*, подлежащій оплодотворенію. Только свернутая клубочкомъ часть его заслуживаетъ названіе *аскогона*, такъ какъ она современемъ порождаетъ сумки плода; прямая же часть играетъ роль восприни-

мающаго органа, какъ у багрянокъ, а потому ее и здѣсь называютъ *трихоиномъ* (женскимъ волоскомъ), хотя строеніе ея сложнѣе, такъ какъ она раздѣлена перегородками на нѣсколько клѣточекъ. Оплодотворяющими элементами здѣсь служатъ, будто бы, сперматіи, развивающіяся въ знакомыхъ уже намъ спермогоніяхъ, которые у лишайевъ (какъ и у сумчатыхъ грибовъ) весьма распространены. Совершенно также какъ и у багрянокъ, онѣ приливаютъ къ кончику трихогина, выступающему, какъ сказано, изъ студени, послѣ чего уже происходятъ дальнѣйшія измѣненія, приводящія къ заложенію сумчатаго плода. На рис. 69 мы видимъ разрѣзъ молодаго апотеція; внутренность его занята пока пара-

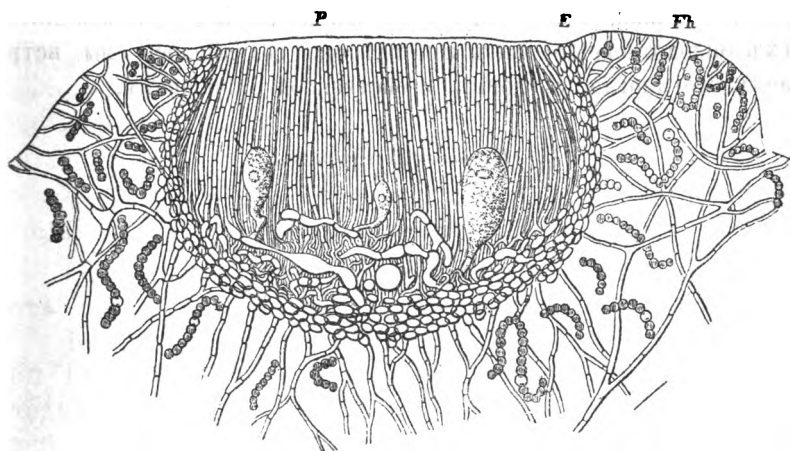

Рис. 69.

физами, а сумки только-что возникаютъ и ихъ замѣтно всего три. Онѣ образовались изъ бывшаго клубочка, трихогина же давно и слѣдъ простылъ.

Такъ какъ у другихъ лишайевъ существуютъ спермогоніи, но нѣтъ вовсе карпогона или замѣтны лишь болѣе или менѣе жалкіе остатки его, то ученые считаютъ, что лишайи, подобно высшимъ грибамъ, суть растенія, утратившія нѣкогда имъ свойственную половую функцію; только студенистые лишайи сохранили ее вполне. Однако даже и для послѣднихъ оплодотворяющую функцію сперматіевъ нельзя считать стоящею внѣ всякаго сомнѣнія, такъ какъ не было доказано, чтобы присутствіе ихъ было безусловно необходимо для заложенія сумчатаго плода. Сомнѣніе особенно законно съ тѣхъ поръ, какъ выяснилось, что сперматіи грибовъ и лишайевъ способны прорасти и что даже сперматіи студенистыхъ лишайевъ не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія. Во всякомъ случаѣ въ высшей степени удивителенъ тотъ фактъ, что лишайи при-

бѣгають или прибѣгали въ прежнія времена къ оплодотворенію въ формѣ, напоминающей намъ болѣе всего оплодотвореніе багряннокъ. Сходство это въ настоящее время, такъ сказать, ничѣмъ не мотивировано, потому что во всѣхъ другихъ отношеніяхъ между багрянками и лишаями не замѣчается ничего общаго.

Подводя въ заключеніе итоги тому, что представили намъ грибы и сродные съ ними лишай, мы находимъ слѣдующее. Есть группа грибовъ (мукоры), въ половомъ отношеніи стоящая на одной высотѣ съ сцѣплянками. Немногіе грибы (сапролегніи и пероноспоры) имѣють типическое оплодотвореніе, т.-е. развиваютъ антеридіи, оогоніи, яйца, но обходятся безъ живчиковъ. Наконецъ, высшіе грибы и лишай, повидимому, утратили нѣкогда существовавшее у нихъ оплодотвореніе; тамъ же, гдѣ оно сохранилось, мы встрѣчаемъ его иногда въ формѣ, свойственной багрянкамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

А. Валенберга.

ПЕРЕВ. СЪ ШВЕДСКАГО В. Фирсова.

*(Продолженіе *).*

Х.

Они стали часто бывать въ еловомъ лѣсу, гдѣ прятали отъ людей свою любовь, и гдѣ продолжалась для нихъ весна.

Каждое утро являлась раскраснѣвшаяся отъ быстрой ходьбы Гильдуръ подъ темные своды елей, и навстрѣчу ей выходилъ изъ лѣса Бурманъ. Всегда въ его рукахъ были для нея цвѣты, самые свѣжіе и красивые, какіе только можно было найти въ городѣ.

Для Гильдуръ была каѳал-то особенная прелесть въ правѣ опираться на его сильную руку, а онъ не могъ вдоволь наслаждаться ею. Иногда онъ останавливался посреди дороги, овладѣвалъ обѣими ея руками и самъ обвивалъ эти нѣжныя ручки вокругъ своей шеи... Потомъ они опять шли дальше.

Онъ говорилъ, что она прекраснѣе и милѣе всего, что онъ видѣлъ въ жизни. Онъ въ самомъ дѣлѣ любилъ въ первый разъ всѣми силами своей пылкой души. И это была не безсознательная, чувственная любовь, онъ зналъ, что именно любилъ въ ней. Онъ любилъ ея нѣжный, ободряющій взглядъ, который всегда видѣлъ передъ собой; онъ любилъ ея милыя черты лица, въ которыхъ отражалось малѣйшее впечатлѣніе, когда она говорила, или слушала; онъ любилъ ея уста, уже давно покорившія его сердце прекрасными звуками, которые онѣ извлекали; но больше всего любилъ онъ ея душу, ко-

*) См. «Міръ Вожій», № 3, мартъ, 1895 г.

торая отзывалась на все, что бы онъ ни говорилъ, что бы ни дѣлалъ, которая хотѣла жить въ его мірѣ, которая поняла его!

Все это онъ говорилъ ей, и она чувствовала себя невыразимо счастливой и благодарной за то, что онъ высвободилъ ее изъ тины будничной жизни, въ которой она считала себя погребенной навсегда. Сбывалась ея завѣтнѣйшая мечта! Человѣкъ, неисчислимо богатый духовными богатствами, пригоршнями разсыпалъ свои сокровища на ея пути и звалъ ее къ себѣ, въ свою сокровищницу, чтобы сдѣлать равную себѣ и раздѣлить съ нею все, чѣмъ онъ обладалъ!

И она такъ любила его за эту щедрость, за эту нѣжность къ ней. Она не скрывала отъ себя, что этотъ сорокалѣтній мужчина, этотъ крупный писатель и энергичный человѣкъ, — во многихъ отношеніяхъ былъ дитя, совершенное, безпомощное дитя. Но это нисколько не роняло его въ ея глазахъ, больше—это увеличивало любовь къ нему.

Проявленіямъ его любви не было и конца, и она все принимала отъ него съ гордостью, сожалѣя только, что сама не умѣетъ съ такою же дѣтской наивностью проявлять свои чувства къ нему. Иногда эта мысль начинала серьезно тревожить ее. Но что ей было дѣлать? Не могла она побороть въ себѣ нѣкоторой застѣнчивости передъ нимъ, хотя съ другими бывала совсѣмъ не особенно робка, и не могла иначе относиться къ тому, кто былъ ея кумиромъ... Хоть бы потребовалъ онъ отъ нея какой-нибудь жертвы! О какъ желала она этого... Но онъ никогда и ничего не требовалъ отъ нея.

Такъ проходили одинъ за другимъ эти счастливые дни, безоблачные и радостные, какъ дни беззаботной юности—безъ размышленій о прошломъ, безъ заботъ о будущемъ.

Они съ самаго начала условились совсѣмъ не касаться вопроса о ихъ предстоящемъ бракѣ, пока Бурманъ не получитъ развода, и никому до тѣхъ поръ не сообщать о ихъ тайной помолвкѣ. Это дѣлалось, главнымъ образомъ, изъ за Гуго и Гертрудъ, очень щепетильнымъ въ вопросахъ о приличіяхъ. Ихъ серьезно огорчило бы, еслибъ они узнали, что Гильдуръ невѣста женатаго человѣка. Трудности въ соблюденіи тайны не предвидѣлось, такъ какъ разводъ Бурманъ ожидалъ получить въ самомъ скоромъ времени. Онъ уже исполнилъ всѣ главнѣйшія формальности и ожидалъ только полученія адреса своей жены, чтобы послать ей бумаги для подписи, послѣ чего разводъ оставалось получить въ двѣ-три недѣли. Правда, онъ уже два года не имѣлъ о своей

женѣ никакихъ свѣдѣній, и до сихъ поръ никто не могъ указать ея мѣстопробыванія, такъ какъ она порвала сношенія со всей своей родней, и въ послѣдніе годы не бывала въ Швеціи. Но у Бурмана были заграницей знакомые, съ которыми она, сколько ему было извѣстно, не прекращала сношеній, къ нимъ-то и обратился онъ съ просьбой указать ея мѣстожителство. Онъ ждалъ отвѣта отъ этихъ знакомыхъ, нисколько не сомнѣваясь, что онъ будетъ благопріятный.

По полученіи развода они предполагали обвѣнчаться какъ можно скорѣе, и тотчасъ же уѣхать изъ столицы, сначала въ провинцію, а потомъ за границу. Гильдуръ уже мечтала объ этомъ добровольномъ изгнаніи, рассчитывая на чужбинѣ стать еще дороже, тамъ ей предстояло замѣнить ему друзей, родственниковъ, родину — все, что онъ покидалъ, расчищая путь своимъ идеямъ.

Однако, Бурманъ все рѣже и рѣже говорилъ о предстоящемъ отъѣздѣ, а когда говорилъ, то относился къ нему, какъ къ простому путешеству. Объ исчезновеніи его личности ради идеи уже не упоминалось. Онъ просто собирался показать молодой женѣ живописнѣйшія и интересныя мѣстности Европы, о другомъ же помину больше не было.

Какъ-то разъ, разсуждая о томъ, что они будутъ дѣлать въ Венеціи и въ Римѣ, съ кѣмъ изъ знаменитыхъ художниковъ онъ знакомъ въ этихъ городахъ и много ли тамъ теперъ ихъ соотечественниковъ, Гильдуръ спросила съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ:

— А что же наше донкихотство?

— Донъ-Кихота мы пока оставимъ гдѣ-нибудь на большой дорогѣ! — отвѣтилъ Бурманъ, смѣясь. — Пусть себѣ сидитъ и дожидается, пока не вернемся подобрать его!

Сказавъ это, онъ поцѣловалъ свою будущую спутницу такъ нѣжно, что и ей самой показалось несвоевременнымъ думать теперъ о донкихотскихъ подвигахъ. Притомъ могла ли она упрекать его за то, что онъ забывалъ ради нея Донъ-Кихота!

Какъ бы то ни было, а это былъ послѣдній разъ, когда Бурманъ упомянулъ о Донъ-Кихотѣ въ связи со своимъ проектомъ самоизгнанія. Не выѣзжая изъ дому, сказочный рыцарь былъ выбитъ изъ сѣдла увлеченіемъ Бурмана къ Гильдуръ, и затѣмъ ему пришлось исчезнуть въ мірѣ преданій, изъ которыхъ его лишь подъ вліяніемъ минуты вызывала фантазія Бурмана.

Какъ-то послѣ обѣда Сеть Бурманъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ мрачный и недовольный только-что полученнымъ изъ заграницы письмомъ, въ которомъ его извѣщали, что, не смотря на всѣ старанія, разыскать его жену нигдѣ не могли. Были основанія предполагать, что она жила въ Гамбургѣ или Берлинѣ, и если только она не перемѣнила фамиліи, можно было еще надѣяться современемъ найти ее. Но трудностей предстояло не мало, и приходилось вооружиться терпѣніемъ.

Это бѣсило Бурмана. И безъ того дѣло запутывалось, и съ каждымъ днемъ становилось труднѣе скрывать отношенія къ Гильдуръ! Многіе уже начинали даже коситься на нихъ... Объявить же о помолвкѣ до полученія развода было немыслимо, какъ ради родныхъ Гильдуръ, такъ и ради Лены. Нѣсколько разъ принимался Бурманъ готовить дочь къ предстоявшему въ его жизни событію. Это было тѣмъ болѣе тяжело, что между нимъ и Леной никогда не произносилось имени ея матери, и онъ совсѣмъ не зналъ, какъ дочь относится къ его разрыву съ ней. Отмалчивалась она и теперь, но Бурманъ сомнѣвался, чтобы она одобрительно отнеслась къ предстоявшей перемѣнѣ въ его жизни.

Передъ нимъ лежалъ чистый листъ почтовой бумаги, и чернила засыхали уже на его перѣ. Онъ не находилъ, что написать въ отвѣтъ на проклятое письмо.

Вдругъ въ залѣ послышались голоса, и въ кабинетъ заглянула Мая.

— Барышня Скогъ желаетъ съ вами поговорить, — сказала она, — насчетъ какой-то книги...

— Проси же! — крикнулъ Бурманъ нѣсколько рѣзко и посмотрѣлъ на старуху, не безъ раздраженія. Ему показалось, что въ тонѣ, которымъ она докладывала о „барышнѣ Скогъ“, было что-то дерзкое. Надо признаться, что Гильдуръ уже слышесмъ часто приходила брать и отдавать книги! Нельзя же злоупотреблять однимъ и тѣмъ же предлогомъ...

Однако, когда Гильдуръ вошла, лицо его прояснилось. Затѣмъ, желая, по возможности, смягчить непріятную новость, онъ такъ краснорѣчиво сталъ доказывать неминуюемость своего и благопріятнаго окончанія дѣла, что самъ повѣрилъ своимъ доказательствамъ, и почти утѣшился. Все, только-что казавшееся ему такимъ затруднительнымъ и тягостнымъ, вдругъ предстало передъ нимъ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Стоило ему только принять затрудненія и двусмысленность помолвки при живой женѣ, какъ справедливое наказаніе за его суро-

вость и мстительность въ этой послѣдней—и все оказывалось въ порядкѣ. Смиреніе искупало всякую двусмысленность и никто не сталъ бы осуждать его. Гильдуръ же и осуждать было не за что! И такъ, нечего медлить, и нужно теперь же объявить близкимъ о принятомъ имъ и Гильдуръ намѣреніи. Кстати, всѣ успѣютъ свыкнуться съ фактомъ къ тому времени, когда явится возможность повѣнчаться.

— А какъ же Лена?—спросила Гильдуръ, которую смущала мысль о томъ, какъ отнесется къ ней будущая падчерица.

Бурманъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Она уже не маленькая!—сказалъ онъ.—Надо же и ей когда-нибудь познакомиться съ жизнью.

Принятое рѣшеніе не скрывать болѣе ихъ отношеній ободрило обоихъ. И не смотря на то, что Мая, по всей вѣроятности, удивлялась, о чемъ барышня Скогъ столько времени разговаривала съ господиномъ докторомъ, а Лена сидѣла, конечно, въ своей комнатѣ, прислушиваясь, скоро ли Гильдуръ выйдетъ изъ кабинета, и сами господа Скогъ должны были хватиться ея, Гильдуръ продолжала сидѣть рядомъ съ Бурманомъ, который обнималъ ея талію рукой и въ самыхъ яркихъ краскахъ рисовалъ передъ ней картину ихъ будущаго счастья. Раза два она порывалась встать, такъ какъ у Скогъ ожидались въ вечеру гости и ей надо еще было переодѣться; но Бурманъ удерживалъ ее, и всякій разъ она опять опускалась на диванъ.

Но въ передней раздался звонокъ, и Гильдуръ вскочила съ дивана. Нельзя же было допустить, чтобы кто-нибудь посторонній засталъ ее здѣсь, въ объятіяхъ Бурмана! Но она не успѣла пройти въ комнату Лены и была еще на порогѣ кабинета, когда въ залу вошелъ пѣсѣтитель, оказавшійся никѣмъ инымъ, какъ директоромъ Валеріусомъ.

На его лицѣ выразилось удивленіе. Сама она почувствовала, что покраснѣла до ушей... Но, поклонившись нѣсколько нерѣшительно, Валеріусъ тотчасъ же овладѣлъ собой и сказалъ своимъ обычнымъ тономъ:

— Я пришелъ къ тебѣ, Бурманъ, съ хорошей новостью. Первое изданіе „Свободы“ почти распродано, и мы хотимъ выпустить второе.

— Что ты говоришь?—вскричалъ Бурманъ, не вѣря своимъ ушамъ. Первое изданіе было довольно велико, и послѣ неблагопріятныхъ отзывовъ газетъ оставлена была всякая

надежда распродать его. И вдругъ оно оказывалось уже распроданнымъ!

— Да, это правда!—подтвердилъ Валеріусъ.

Бурманъ пришелъ въ восторгъ. Онъ всплеснулъ руками, какъ дитя, и все его лицо просіяло счастьемъ. Да, это была для него хорошая минута! Вопреки партійнымъ интригамъ, вопреки всѣмъ препятствіямъ, созданнымъ завистниками его книга пробилась-таки впередъ и только благодаря собственнымъ ея достоинствамъ. Было же, значить, въ его сочиненіяхъ безсмертіе, если тысячи сердецъ отеликались имъ, вопреки давленію критики и прессы.

— Есть еще у насъ цѣлыя тысячи хорошихъ людей!—проговорилъ Бурманъ подавленнымъ отъ волненія голосомъ.

И онъ обнялъ Валеріуса, который опять былъ для него тѣмъ же старымъ, испытаннымъ другомъ, поснѣшившимъ къ нему съ хорошей вѣстью и радовавшимся его радостямъ.

— Если бы ты зналъ, какъ я счастливъ, Валеріусъ!—говорилъ онъ.—Но ты не можешь этого знать... не можешь, не можешь!..

Нѣтъ, Валеріусъ понималъ Бурмана и потому-то и поснѣшилъ ободрить его хорошей вѣстью! Въ горячихъ выраженіяхъ высказалъ онъ, насколько радовала его удача друга, и видно было, что онъ торжествовалъ почти столько же, какъ и самъ Бурманъ.

Гильдуръ стояла въ сторонѣ со слезами радости на глазахъ и не смѣла говорить, боясь не совладать со своимъ чувствомъ. Но, когда Бурманъ обернулся къ ней, она дала волю своему восторгу.

— Есть же на свѣтѣ правда!—вскричала она.—Есть же что-то посильнѣе мелкихъ человѣческихъ ухищреній! Если бы я не вѣрила въ Бога, я повѣрила бы въ него теперь...

И давно уже дрожавшія на рѣсницахъ слезы скатились по разгорѣвшимся отъ волненія щекамъ.

Сеть Бурманъ ударилъ рукой по столу.

— Такъ услышатъ же обо мнѣ въ Швеціи! — сказалъ онъ гордо.—Теперь, когда я знаю, что за мною стоятъ мои читатели, я могу дѣйствовать смѣло!

Въ его мозгу уже заронились широкіе замыслы, и онъ сталъ говорить о своихъ намѣреніяхъ побѣдоносно, не сомнѣваясь въ своихъ силахъ. И Гильдуръ смотрѣла на него съ гордостью, задавая себѣ вопросъ, какъ могло случиться, что этотъ великанъ полюбилъ такое маленькое существо, какъ

она. Но къ ея радости примѣшивалось и легкое уныніе. Она понимала, что теперь окончательно исчезалъ съ земли Донъ-Кихоть, плѣнившій ее своимъ великодушіемъ и которому она мечтала замѣнить все, что онъ собирался покинуть для идеи.

Но вдругъ Бурманъ вспомнилъ о дочери и подошелъ къ дверямъ ея комнаты.

— Лена! — позвалъ онъ. — Отчего ты не выходишь? Неужели ты ничего не слышала?..

Не получивъ отвѣта, онъ заглянулъ въ комнату, но тамъ Лены не оказалось. Впрочемъ, вскорѣ она явилась изъ кухни. Она пожала руку Гильдуръ, потомъ Валеріусу и извинилась, что не могла выйти прежде. Ее задержали хозяйственныя хлопоты...

Услышавъ это, Валеріусъ пытливо посмотрѣлъ сперва на Лену, потомъ на Гильдуръ, и лицо его замѣтно поблѣднѣло. Такъ, значить, Гильдуръ все время сидѣла одна съ Бурманомъ въ его кабинетѣ!..

Онъ уже не слушалъ о чемъ говорилъ Бурманъ и не понималъ, чему обрадовалась бросившаяся обнимать отца Лена. Только когда дѣвушка обернулась къ нему и сказала съ застѣнчивой улыбкой: — Спасибо вамъ, директоръ, за добрую вѣсть, съ которой вы поспѣшили къ намъ, — эта неожиданная благодарность пробудила его къ дѣйствительности. Ни другіе, ни самъ онъ не обратили вниманія на сердечность того, что онъ самъ пришелъ сообщить добрую вѣсть, тогда какъ въ другихъ случаяхъ по дѣламъ изданія онъ сносился съ Бурманомъ почти всегда письменно. Замѣтила это только Лена...

Затѣмъ Валеріусъ обернулся къ Гильдуръ и сказалъ, не безъ ироніи:

— А вѣдь насъ съ вами навѣрное ждуть у васъ дома! Что, если подумаютъ, что мы бѣжали вдвоемъ?

— Такъ пойдемте же скорѣе, чтобы перестали это думать! — отвѣтила она, съ принужденнымъ смѣхомъ, стараясь избѣжать насмѣшливаго взгляда Валеріуса.

Они распрощались и черезъ нѣсколько минутъ уже сидѣли въ гостиной Скоговъ. Гильдуръ не успѣла переодѣться и принуждена была выйти къ гостямъ въ будничномъ платьѣ; она имѣла смущенный видъ и то и дѣло краснѣла. Разумѣется, другіе не преминули подшутить надъ ней, спрашивая, по какому это случаю она дѣлала визиты въ общество господина Валеріуса, а Гуго даже многозначительно переглянулся съ женой.

— Ужъ нѣтъ ли тутъ чего и въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ онъ Гертрудъ позже вечеромъ, оставшись съ ней наединѣ.

Гертрудъ вздохнула.

— Хорошо бы, да только врядъ ли!—сказала она.

Уже нѣсколько недѣль назадъ она великодушно пожертвовала Валеріусомъ въ пользу невѣстки. Она не могла не замѣтить близости, установившейся между Гильдуръ и Бурманомъ, и пожертвовала веселымъ кавалеромъ именно для того, чтобы отвлечь вниманіе невѣстки отъ писателя и спасти ее отъ опасности, очевидно, начинавшей ей угрожать. Она только о томъ и думала, какъ бы ея жертва принесла желанные плоды. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ ничего изъ этого не выходило, хотя замѣтно было, что виновать въ этомъ отнюдь не Валеріусъ...

ХІ.

Облокотившись на обѣденный столъ и не выпуская изо рта папиросы, Бурманъ громко апплодировалъ и кричалъ „браво!“, насколько позволяла мѣшавшая раскрывать ротъ папироса. Этотъ шумъ происходилъ по поводу только-что очень удовлетворительно сыгранной Леной сонаты, которую она разучивала уже давно. Сидѣвшая рядомъ съ Леной Гильдуръ тоже хвалила игру, перемѣшивая однако похвалы критическими замѣчаніями на счетъ отдѣльныхъ мѣстъ, которыя можно было исполнить нѣсколько отчетливѣе.

Уроки музыки давались теперь уже не утромъ, какъ прежде, а между шестью и семью часами послѣ обѣда. Такой перемѣны потребовалъ самъ Бурманъ, выказывавшій теперь особый интересъ къ музыкальнымъ занятіямъ дочери и всегда остававшійся во время уроковъ дома. Еще одна перемѣна. По совѣту Бурмана, уроки давались теперь ежедневно, но значительно укоротились. Бурманъ позволялъ заниматься упражненіями не болѣе получаса, а затѣмъ выходилъ изъ кабинета, прося играть его любимыя пьесы, причемъ, играть приходилось больше учительницѣ, чѣмъ ученицѣ.

Затѣмъ начинались разговоры, или Бурманъ приносилъ какую-нибудь новую книгу, прочитывалъ изъ нея вслухъ что-нибудь особенно замѣчательное, и завязывались пренія о достоинствахъ книги. Въ сущности, никакихъ преній не выходило, такъ какъ Бурманъ, хотъ и спрашивалъ у дѣвицъ ихъ мнѣніе, но рѣдко давалъ имъ время высказаться и вмѣсто того высказывалъ свое собственное.

Когда темы для разговора истощались, Бурманъ часто находилъ предлогъ удалить изъ гостиной Лену, поручая ей разыскать въ кабинетѣ какую-нибудь завалившуюся газету или придумывая какое-нибудь другое, не менѣе хлопотливое порученіе... Гильдуръ же оставалась въ это время въ гостиной и, по возвращеніи Лены, не всегда могла спокойно смотрѣть въ ясные, иногда немного недоумѣвающие, глаза Лены.

Все это происходило отъ того, что, не смотря на принятое рѣшеніе, ни Бурманъ, ни Гильдуръ не рѣшались объявить о своей тайной помолвкѣ.

Сегодня Гильдуръ не успѣла еще поговорить съ Бурманомъ наединѣ. На ея нѣмой вопросъ глазами, не получено ли какое-нибудь новое извѣстіе изъ заграницы, Бурманъ сдѣлалъ отрицательный знакъ головой, но это не удовлетворило ея, и она нетерпѣливо ожидала случая поговорить съ нимъ наединѣ. Прошло уже не мало времени, а случая все не представлялось.

— Не сыграете ли 13-ую сонату? — предложилъ Бурманъ. — Это такая музыка, которой нельзя всласть послушаться!

Гильдуръ стала играть, а Лена хотѣла отойти въ сторону. Въ это время Бурманъ схватился рукой за лобъ, дѣлая видъ, что вспомнилъ что-то важное.

— Лена! — вскричалъ онъ. — Я и забылъ совсѣмъ предупредить Валеріуса, что мнѣ необходимо повидать его сегодня вечеромъ. Не будешь ли такъ добра спуститься внизъ, въ магазинъ, протелефонировать ему? Мнѣ надо знать, въ какомъ часу я могу застать его дома.

Лена покорно отправилась исполнять порученіе отца, и парадная дверь захлопнулась за ней.

Этого только и ждали въ гостиной. Чудные звуки сонаты сразу оборвались рѣзкимъ аккордомъ, и Гильдуръ очутилась въ объятіяхъ Бурмана. Они оба заговорили разомъ, спѣша высказать другъ другу все, что уже цѣлый часъ рвалось у каждого изъ нихъ съ языка. Они такъ увлеклись, что даже и не разслышали, какъ въ передней дверь снова раскрылась.

Оба обернулись, встревоженные какимъ-то шорохомъ позади нихъ. Въ дверяхъ стояла Лена и широко раскрытыми глазами, какъ-то особенно ярко блестящими на ея серьезномъ лицѣ, смотрѣла на отца и на подругу.

Гильдуръ отскочила въ сторону. Бурманъ забарабанилъ пальцами по спинкѣ стула и нерѣшительно посматривалъ въ сторону дочери...

— Я встрѣтила Валеріуса на лѣстницѣ,—заговорила та сдавленнымъ голосомъ. — Онъ шелъ въ господамъ Скогъ и сказалъ, что зайдетъ сюда потомъ...

— Зайдетъ? Ну... вотъ и хорошо!.. Отлично..

Ленѣ, должно быть, стало тяжело видѣть замѣшательство отца, и, отвернувшись, она тихо ушла къ себѣ въ комнату.

Едва она скрылась за дверьми, какъ Гильдуръ закрыла руками лицо и бросилась въ переднюю. Она испытывала такой мучительный стыдъ, что ни минуты дольше не хотѣла оставаться въ квартирѣ Бурмана. Но онъ догналъ ее въ передней, овладѣлъ обѣими ея руками и шопотомъ сталъ успокаивать ее. Вѣдь онъ говорилъ уже, что пора открыть тайну! Всегда можно было ожидать того, что случилось... Впрочемъ, все это не такъ важно! Онъ сейчасъ же переговоритъ съ дочерью... Будетъ еще лучше, если оба они поговорятъ съ Леной!

— Да, да, объясни ей, что я не такъ виновата!—вскричала Гильдуръ.—Она смотрѣла на меня такимъ страннымъ взглядомъ... Но я не хочу, чтобы она презирала меня! Я не хочу этого, не хочу...

Она говорила взволнованнымъ полупшопотомъ, держась одной рукой за ручку дверей, какъ бы приготовляясь обратиться въ бѣгство при первой возможности.

— Да, успокойся только!—сказалъ Бурманъ. — Я ужъ знаю, какъ надо говорить съ нею.

— Выясни все... все! Чтобы она не думала, что я неправа относительно ея матери! Расскажи ей, какъ было... Главное, объ ея матери.

Она съ мольбой смотрѣла ему въ глаза, вполне сознавая, какъ тяжело ему будетъ говорить съ Леной объ ея матери, но считая, что только одной смѣлой истиной можно разогнать то, что грозило омрачить ихъ счастье.

Бурманъ обнялъ ее и приласкалъ, какъ ласкаютъ испуганнаго ребенка.

— Не безпокойся же!—говорилъ онъ.—Неужели я не знаю своей дѣвочки? Хотя мы и не разговариваемъ съ нею о нѣкоторыхъ вещахъ, но понимаемъ другъ друга отлично. Я знаю, что ей неприятно, когда я говорю о чемъ-нибудь, что касается ея матери, потому что она привыкла считать ее только матерью, но отнюдь не моей женой. Вотъ почему я не могу говорить съ ней вполне откровенно... Но мы столкуемся и безъ этого. Все равно, Лена не поняла бы того, что я могъ бы сказать о ея матери, и мои слова только оскор-

били бы ее, ровно ничего не объяснивъ. Нѣтъ, уже лучше мы поговоримъ съ ней, не касаясь ея матери. Не правда ли? Ты вѣдь не требуешь отъ меня этого?

Гильдуръ не знала, что сказать. Его дрожавшій отъ волненія голосъ проникалъ ей въ самую душу,—и она не въ силахъ была противорѣчить ему. Но все-таки она продолжала думать, что только вполнѣ откровенное объясненіе съ Леной могло быть полезно. Къ сожалѣнію, Бурманъ былъ, очевидно, вполнѣ увѣренъ въ безошибочности своихъ взглядовъ, равно какъ и въ томъ, что онъ хорошо знаетъ дочь. Не стоило и пытаться переубѣдить его.

— Однимъ словомъ, предоставь мнѣ поговорить съ ней такъ, какъ мнѣ покажется лучше!—продолжалъ онъ.—Увидишь, что не придется и касаться ея матери. Она просто порадуется за меня и за себя, узнавъ, что ты будешь моей женой.

И онъ опять обнялъ ее, ласково повелъ назадъ въ гостиную, и, усадивъ въ кресло возлѣ окна, пошелъ въ комнату Лены.

Гильдуръ, отвернувшись къ темному окну, нервно тербила въ рукахъ платокъ, ожидая, чѣмъ-то кончится объясненіе съ Леной. Черезъ нѣсколько минутъ послышались въ гостиной шаги. Гильдуръ хорошо разслышала, что Бурманъ вернулся не одинъ. Однако, она не рѣшалась оглянуться.

— Гильдуръ!—сказалъ онъ.

Она собрала все свое мужество и обернулась. Рядомъ съ отцомъ стояла Лена, блѣдная и серьезная, но съ совершенно спокойнымъ выраженіемъ лица. Сеть Бурманъ обнималъ ее одной рукой.

— Я знаю, моя маленькая Лена, что ты привязана къ ней!—сказалъ онъ, поглядывая то на Гильдуръ, то на дочь, точно стараясь сблизить ихъ своими взглядами. — Значить, тебя не должно удивить, что и я полюбилъ ее! Понимаешь, Лена?

— Да,—отвѣтила она очень тихо.

— Такъ вотъ, надо, чтобы она навсегда осталась съ нами... Скажи, желаешь ты помочь мнѣ удержать ее?

— Да...

Она отвѣчала такъ беззвучно, что трудно было сказать, относилась ли она къ дѣлу съ подавленнымъ негодованіемъ или только очень торжественно.

Между тѣмъ Бурманъ овладѣлъ рукой Гильдуръ и ласково,

но настойчиво притянулъ ее къ себѣ; Гильдуръ пришлось по-неволѣ подняться и приблизиться къ нимъ.

— Теперь я вполне увѣренъ, что вы полюбите другъ друга еще крѣпче, чѣмъ прежде!—проговорилъ онъ.

Лена почувствовала на себѣ его пристальный, выжидающій взглядъ, и поняла, что отъ нея требуется какое-нибудь выраженіе радости и сердечнаго расположенія къ Гильдуръ. Тотчасъ же ея губы сложились въ привѣтливую улыбку, на лицѣ выразилась радость и ея руки обвилися вокругъ шеи Гильдуръ.

Онѣ поцѣловались. Но Гильдуръ почувствовала, что поцѣлуй былъ холоденъ, и поняла, что на самомъ дѣлѣ никакого сближенія не состоялось. Вопреки привѣтливой улыбкѣ и кажущейся сердечности Лены, въ дѣвущкѣ было что-то, холодно отталкивающее ее отъ себя, и никогда еще дочь Бурмана не казалась ей менѣе искренней, чѣмъ теперь!

И зачѣмъ только Бурманъ заговорилъ о привязанности Лены къ Гильдуръ? Что онъ могъ знать объ этой привязанности? Это было лишь ни на чемъ не основанное предположеніе, которому онъ самъ тотчасъ же повѣрилъ, потому что желалъ этому вѣрить, но которое прозвучало фальшиво и вызвало со стороны Лены неискренность. Развѣ не лучше было бы, если бы онъ откровенно и честно заявилъ дочери, что, такъ какъ съ ея матерью у него уже порвана всякая связь, то онъ вправѣ создать себѣ новый семейный очагъ и хочетъ жениться на той, которую полюбилъ? Развѣ не прочнѣе было бы такое основаніе ихъ будущихъ отношеній, чѣмъ ссылка на какую-то предполагаемую дружбу, въ дѣйствительности вовсе несуществующую?

Все это Гильдуръ сознавала довольно ясно, и ей было тяжело отвѣчать ласками на притворныя ласки Лены. Ей казалось просто позорнымъ участвовать въ такой комедіи. Раздавшійся въ передней звонокъ обрадовалъ ее...

Въ передней послышались громкіе голоса, и въ гостиную вошли Гуго, Гертрудъ и Валеріусъ.

Бурманъ поспѣшилъ навстрѣчу гостямъ и выразилъ удовольствіе по поводу пріятной неожиданности.

— Да вѣдь ты самъ хотѣлъ меня видѣть? — замѣтилъ Валеріусъ.

Бурманъ вспомнилъ о порученіи, данномъ дочери, и сталъ придумывать дѣло, которое можно бы было назвать неотлож-

нымъ; но его перебила Гертрудъ, не стѣснявшаяся прерывать рѣчь другихъ, когда ей самой надо было что-нибудь сказать.

— А у насъ есть къ вамъ дѣло, господинъ Бурманъ! — сказала она.

— Да, да, мы пришли увлечь васъ всѣхъ съ собой! — пояснилъ Гуго.

— Погода превосходнѣйшая, — продолжала Гертрудъ, — и мы задумали прокатиться при лунѣ вокругъ Дьургорда, а потомъ поужинать гдѣ-нибудь въ ресторанѣ. Хотите ѣхать съ нами?

Странное выраженіе появилось на лицѣ Бурмана и, неожиданно овладѣвъ рукой Гильдуръ, которая напрасно дѣлала попытки остановить его, онъ заговорилъ съ напряженной улыбкой:

— Да, господа, — сказалъ онъ, — сегодня мы не прочь повеселиться. Не правда ли, Гильдуръ? Позвольте вамъ сообщить, что сегодня день нашей помолвки, — помолвки безъ колець, но не менѣе прочной, чѣмъ всякая другая.

Эти слова произвели ошеломляющее впечатлѣніе. Всѣ трое вошедшихъ притихли. Въ комнатѣ водворилось полное безмолвіе. Напрасно Гильдуръ съ мольбой поглядывала и на брата, и на невѣстку, и на Валеріуса. Ни одного сочувственнаго слова у нихъ для нея не нашлось.

— Разумѣется, придется отложить на нѣкоторое время оповѣщеніе! — продолжалъ, помолчавъ, Бурманъ. — Но отъ васъ, какъ ближайшихъ родныхъ Гильдуръ, и отъ тебя, мой лучшій другъ, мы не хотимъ тайтаться!

Снова томительная пауза.

— Это произошло такъ неожиданно! — сказалъ, наконецъ, Скогъ, понявшій, что дальнѣйшее молчаніе превратилось бы въ тяжелое оскорбленіе. — Ну, что же, поздравляю тебя, сестра!

И онъ обнялъ и поцѣловалъ Гильдуръ. Гертрудъ послѣдовала его примѣру. Затѣмъ всѣ пожали руку Бурману, но настолько холодно и небрежно, насколько это было возможно.

Ни Бурманъ, ни Гильдуръ, конечно, не ожидали, чтобы родственники особенно обрадовались помолвкѣ, но такая холодность тоже была для нихъ неожиданностью, и впечатлѣніе получилось болѣе удручающее, чѣмъ можно было предполагать. Даже у добродушнаго Валеріуса не нашлось ни одного сердечнаго слова. Лицо его было точно каменное, а рукопожатіе и улыбка — холодно вѣжливы.

Но Бурманъ былъ не изъ тѣхъ, которыхъ легко смутить. Гордо и смѣло поднялъ онъ голову и сказалъ съ улыбкой.

— Ну, что же, господа? Теперь я васъ спрашиваю: хотите повеселиться съ нами?

Было что-то трогательное въ этой мужественной веселости вопреки всему и въ этомъ великодушномъ нежеланіи вѣрять, чтобы друзья могли въ самомъ дѣлѣ отвернуться отъ него изъ-за условныхъ приличій.

— Да, да... Конечно, хотимъ!—первымъ отозвался Скогъ. На него произвело сильное впечатлѣніе мужество Бурмана, и ему становилось жаль сестры.

Онъ съ опасеніемъ, и даже враждебно относился до сихъ поръ къ замѣтному сближенію Бурмана съ Гильдуръ. Во-первыхъ, его возмущало то, что Бурманъ ухаживалъ за дѣвушкой изъ хорошаго дома, не будучи еще свободнымъ человѣкомъ, что, по его мнѣнію, противорѣчило всякимъ понятіямъ о чести; во-вторыхъ, до него дошли слухи, что въ разрывѣ брака Бурмана нельзя было винить только его жену. Но теперь, когда помолвка Бурмана съ Гильдуръ оказывалась совершившимся фактомъ, онъ не видѣлъ смысла въ усложненіи дѣла раздорами. Онъ даже попытался взглянуть на свои прежнія опасенія, какъ на предрасудки. Взявши за руку сестру и Бурмана, онъ сказалъ:

— Повѣрьте, я отъ души, отъ всей души... желаю счастья вамъ обоимъ!.. А теперь... Да, теперь надо повеселиться! И такъ, я пойду заказать по телефону коляски... Да? значить, двѣ коляски!

Этимъ былъ положенъ конецъ всякимъ сентиментальностямъ, и всѣмъ стало какъ-то легче на душѣ.

Бурманъ и Гильдуръ съ братомъ сѣли въ одну коляску; остальные—въ другую. Гильдуръ понемногу начала успокаиваться. Она съ нѣжностью поглядывала на сидѣвшаго передъ нею брата, глубоко благодарная ему за проявленное дружеское любіе, и чувствовала себя какъ-то особенно спойно отъ сознанія, что больше уже нечего скрывать. Мужчины возлѣ нея тоже разговаривали довольно непринужденно и были, по крайней мѣрѣ, въ миролюбивомъ, если и не въ особенно веселомъ настроеніи.

Но за ужиномъ опять почувствовалась натянутость. Напрасно Гуго съ Сетомъ Бурманомъ провозглашали тостъ за тостомъ; напрасно Гертрудъ дѣлала все, что только могла, чтобы держаться непринужденно, примирившись съ тѣмъ, чего уже

нельзя было измѣнить! Всѣ были въ какомъ-то нервно-напряженномъ настроеніи, разговоръ не клеился, и то и дѣло воцарялось молчаніе.

Валеріусъ пытался шутить, рассказывалъ анекдоты; но шутки его на этотъ разъ выходили положительно неудачныя, анекдоты подвергивались самые избитые, и видно было по его лицу, что онъ едва справлялся съ одолевавшей его разсѣянностью. Когда говорили другіе, онъ, видимо, ничего не слышалъ и то и дѣло поглядывалъ на помолвленныхъ какимъ-то пристальнымъ, потемнѣвшимъ взглядомъ. Пилъ онъ въ этотъ вечеръ больше обыкновеннаго и чаще всего чокался съ Бурманомъ.

— За твое здоровье, Сеть!—говорилъ онъ, точно подавляя вздохъ.—За твое здоровье, старій товарищъ!

— Спасибо, спасибо, Антонъ!—сказалъ Бурманъ, которому, наконецъ, это надоѣло и котораго начали раздражать пристальные взгляды Валеріуса.—Что это ты все меня разсматриваешь? Точно у меня носъ въ сажѣ?

— Нѣтъ!

— Зачѣмъ же ты все поглядываешь на меня?

— Потому что вижу тебя насквозь.

— Ого, какой пронизательный! Что же ты разсматриваешь мою душу, что ли? Можетъ быть, душа у меня въ сажѣ?

— Нѣтъ, душа у тебя не черная.

— А какая же?

— Пестрая!

Бурманъ засмѣялся.

— А меня вы тоже видите насквозь?—полюбопытствовала Гильдуръ, которую тоже смущали пристальные взгляды Валеріуса.

— Нѣтъ, не вполнѣ, хотя во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ онъ! — сказалъ Валеріусъ, небрежно махнувъ рукой въ сторону Бурмана.

— Лучше, чѣмъ я!—вскричалъ Бурманъ.—Не стыдно ли такъ хвастаться!

Валеріусъ, которымъ вдругъ овладѣло непритворно-шутливое настроеніе, сталъ разсматривать друга съ комической важностью.

— То-то, господинъ писатель, господинъ сердецѣдъ!—говорилъ онъ.—Это задѣваетъ тебя за живое, но, тѣмъ не менѣе, это такъ. Я вижу многое, чего ты не видишь. Да! Объявляю, что ты не понимаешь своей невѣсты...

— Не понимаю своей невѣсты? — уже сдвигая брови, переспросилъ Бурманъ.

— Да, не понимаешь!

Напрасно миролюбивый Скогъ пытался шутками прекратить споръ, стараясь остановить Валеріуса. Тотъ отстранилъ его рукой, оперся обоими локтями на столъ и продолжалъ смотрѣть Бурману въ лицо, не переставая посмѣиваться съ нескрываемой ироніей.

— Да, мой милый! — продолжалъ онъ, не смотря на то, что теперь и Гертрудъ пыталась остановить его задорныя шутки. — Ты знаешь свою невѣсту столько же, какъ и прочихъ людей. А прочихъ людей, другъ ты мой сердечный, ты вовсе не понимаешь!

— Вотъ какъ!

Бурманъ овладѣлъ собой и спокойно отхлебнулъ изъ чашки кофе. Нельзя же было относиться къ шуткамъ Валеріуса иначе, какъ къ пьяной болтовнѣ!

— Зачѣмъ же ты въ такомъ случаѣ издаешь мои книги? — спросилъ онъ, немного погодя.

— Потому что твои книги хороши, дьявольски хороши!

— Безъ знанія людей? Какъ же ты хочешь, чтобы я создавалъ въ романахъ людей, которыхъ въ жизни не знаю?..

— То-то и есть, что ты это можешь. Ты создаешь отлично, а это именно и мѣшаетъ тебѣ видѣть окружающихъ людей такими, каковы они въ дѣйствительности. Твой взглядъ проникаетъ въ души не болѣе, какъ настолько — онъ отмѣрилъ на пальцѣ дюймъ — словомъ, самую малость. Дальше тебѣ уже некогда бываетъ разсматривать, потому что на сцену выступаетъ сидящій въ тебѣ сочинитель. Этотъ сочинитель жадно хватается добытый кусочекъ чело-вѣческой души, начинаетъ возиться съ нимъ, вытягиваетъ, пережевываетъ, выворачиваетъ по своему, надставляетъ разными другими, такимъ же путемъ добытыми, посторонними кусочками и не успокоивается до тѣхъ поръ, пока не склеиваетъ цѣлую человѣческую душу, совсѣмъ готовую для новаго сочиненія и такую же жизненную, какъ настоящія души, но не имѣющую ничего общаго съ тѣмъ человѣкомъ, котораго ты изучалъ. А между тѣмъ ты навязываешь ему эту душу, и судишь о немъ по ней, и любишь, и ненавидишь, и презираешь, и восхваляешь за качества и свойства, самимъ же тобою для него придуманныя. Всѣхъ ты наградишь такими душами, и меня, и господъ Скогъ, и свою невѣсту!..

— Господи, что вы говорите!— вскричала госпожа Скогъ, положивъ руку ему на плечо.

Онъ и не оглянулся на нее.

— Въ концѣ концовъ, ты, братъ, живешь одинъ со своими вымыслами,— продолжалъ онъ.— Нашего міра ты и не знаешь, Сеть. У тебя свой собственный міръ, свое собственное царство, въ которыхъ насъ, грѣшныхъ, никогда и не бывало. Не попадете туда и вы, барышня, никогда... никогда въ жизни!

Убѣдившись, что нельзя остановить разсужденій Валеріуса и опасаясь ссоры, Гуго торопливо позвонилъ и потребовалъ отъ лакея счетъ. Гертрудь поднялась со стула и надѣвала уже перчатки. Но остальные сидѣли, не замѣчая этого, точно околдованные словами Валеріуса. Гильдуръ не поднимала головы; Лена не спускала глазъ съ говорившаго и съ жадностью слушала каждое его слово. Спокойнѣе всѣхъ оставался самъ Бурманъ.

— Вотъ такъ характеристика!— сказалъ онъ, сдувая пепель съ сигары, когда Валеріусъ умолкъ. — А знаешь ли, братъ, что намъ не мѣшало бы познакомиться, если мы такъ мало знаемъ другъ друга...

— Не бойсь, я-то знаю тебя хорошо, старый дружище!— усмѣхнулся Валеріусъ и опорожнилъ свой стаканъ.— Во всякомъ случаѣ, могу по совѣсти сказать, что ты благороднѣйшій человекъ, Сеть. Нельзя тебѣ ставить въ вину того, что ты наступаешь на мозоли людямъ, которыхъ, въ сущности, и не замѣчаешь.

— Такъ и это я дѣлаю?

— А то, скажешь, нѣтъ? Мнѣ ты столько разъ наступалъ на ноги, что, небось, это памятно!

При этихъ словахъ въ глазахъ его сверкнуло что-то въ родѣ минутной ненависти, и онъ съ такой силой поставилъ на столъ свой стаканъ, что тотъ разлетѣлся въ дребезги. Тутъ онъ опомнился, весь точно осунулся и поникъ головой.

— Господи Боже мой, стоитъ ли столько разговаривать объ этомъ!— сказалъ онъ уже вяло.— За твое здоровье, Сеть!— прибавилъ онъ, хватая новый стаканъ.— Не смотря ни на что, я люблю тебя, старый товарищъ. На меня ты можешь полагаться! Хорошо ли, худо ли, а сердиться на тебя я не могу и разлюбить не въ силахъ. Ну, будь здоровъ!

— Спасибо. За твое здоровье!

Бурманъ допилъ свой стаканъ и тоже поднялся.

— Въ самомъ дѣлѣ, пора домой!—сказалъ онъ, взглянувъ на Гильдуръ.

Черезъ минуту все общество было на улицѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Я помню ночь:—среди непроглядной вьюги
 Въ глухой степи мы сбилися съ пути.
 Мой бѣдный конь, остановясь въ испугѣ,
 Дрожалъ—впередъ не въ силахъ былъ идти.
 А вьюга злѣй и злѣе клочотала,
 Могильный холмъ свѣвая намъ въ снѣгу,
 Надъ нами смерть холодная витала,
 Вдругъ слабый лучъ прорѣзалъ ночи мглу.
 За нимъ вдали я различалъ призывный,
 Протяжный, мѣрный, колокола звонъ,
 И понялъ я, что благостью всеильной
 Я, грѣшный рабъ, отъ смерти злой спасенъ.
 Такъ и теперь отъ вьюги жизни тяжелой,
 Отъ сердца холода—душой я погибалъ,
 Но мнѣ очей твоихъ привѣтъ блеснулъ украдкой,—
 И въ сердцѣ благовѣсть спасенья прозвучалъ!

Н. Селивановъ.

КАКЪ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЖИЗНЬЮ.

Джона Леббока.

(Переводъ съ англійскаго).

(Продолженіе *).

Глава IV.

Развлеченіе.

Работая непрерывно и не имѣя никакихъ развлеченій, человекъ скучаетъ. Если къ тому же его работа кабинетная, онъ дѣлается слабымъ и болѣзненнымъ. На игры, поэтому, нельзя смотрѣть, какъ на потерю времени; онѣ имѣютъ большое значеніе для нашего здоровья, развивая тѣло, особенно верхнюю часть его, руки и грудь, которыя отъ усидчивыхъ занятій становятся вялыми и слабыми.

Игры не только поддерживаютъ здоровье. Онѣ придаютъ бодрость къ труду, приучаютъ насъ обходиться съ другими: уступать въ мелочахъ, играть честно и не слишкомъ пользоваться выгодой положенія.

Онѣ укрѣпляютъ не только физическое, но и нравственное здоровье; приобретается смѣлость, выдержка, самообладаніе, доброе настроеніе,—качества, которыхъ не найдешь въ книгѣ и которымъ изъ книгъ не научишься. Герцогъ Веллингтонъ справедливо говорилъ, что сраженіе при Ватерлоо было выиграно на Итонскихъ поляхъ. Лучшіе и самые полезные уроки въ народныхъ школахъ преподаются дѣтямъ на лугу, во время игръ. Конечно, игры должны быть играми, т. е. развлеченіемъ, а не особымъ дѣломъ жизни.

Относительно важнаго значенія игръ для здоровья, я приведу мнѣніе двухъ нашихъ величайшихъ авторитетовъ по физиологіи.

*) См. «Мірѣ Божій», № 3, мартъ.

«Мірѣ Божій», № 4, апрѣль.

«Игры,—говоритъ сэръ Джемсъ Пегэть,—обладають важнѣйшими и лучшими свойствами развлеченій. Помимо того, онѣ оказываютъ цѣнное нравственное вліяніе на дѣла и на ежедневный трудъ. Онѣ заставляютъ людей дѣйствовать совмѣстно безъ какихъ бы то ни было корыстныхъ или низкихъ мотивовъ; онѣ приучаютъ быть добрыми и честными товарищами; въ нихъ выступаютъ преимущества дружной, совмѣстной работы, столь важной для успѣха въ жизни, на каждомъ поприщѣ. Приобрѣтаются невольныя честныя привычки, такъ какъ всякое, самое остроумное мошенничество въ игрѣ подвергается единогласному осужденію; а кто привыкъ играть честно, будетъ и въ жизни поступать также. Высокое понятіе о честности въ игрѣ заставляетъ людей презирать многое, что находится вѣѣ закона... Вотъ характерныя качества всѣхъ хорошихъ, живыхъ развлеченій: неизвѣстность, неожиданность и возможность выказать свою ловкость и находчивость въ области, ничего не имѣющей общаго съ ежедневной работой. Одни эти свойства развлеченій доставляютъ намъ пріятную переменѣ, по своей рѣзкой противоположности съ обыденными занятіями трудовой жизни; кромѣ того, является случай упражнять способности и силы, которыя иначе совсѣмъ бы заглохли, оставаясь безъ употребленія въ ежедневной дѣловой жизни».

Профессоръ Михаилъ Фостеръ, секретарь Королевскаго Общества, сообщилъ намъ въ своей недавней лекціи, что «даже при мускульной работѣ, главнымъ образомъ, утомляется мозгъ. Мы всѣ знаемъ мозговую усталость, въ которой мускулы не участвуютъ. Наука доказываетъ, что мозговая, какъ мускульная работа, сопровождается химическими измѣненіями, и что эти измѣненія, различныя въ подробностяхъ, тождественны по существу въ мозгу, какъ и въ мускулахъ. Незначительность мозговыхъ измѣненій, въ сравненіи съ мускульными, уравнивается или даже превосходить ихъ необычайной чувствительностью нервнаго вещества... Если извѣстная струя чистой крови, выработанной совмѣстнымъ трудомъ нѣсколькихъ органовъ, нужна для жизни мускула, для быстрого обновленія его рабочаго капитала и очищенія отъ вредныхъ лишнихъ веществъ, то это тѣмъ болѣе важно для мозга. Между тѣмъ, борьба за существованіе выработала нервный организмъ, всегда готовый опередить своихъ болѣе скромныхъ помощниковъ. При самомъ лучшемъ его устройствѣ, періодъ усиленной работы, между моментомъ, когда вся сложная машина начинаетъ дѣйствовать, и моментомъ, когда сказывается усталость, слишкомъ ограниченъ. Если все это—правда, то слѣдуетъ менѣе заботиться о развитіи дѣятельности мозга, чѣмъ объ укрѣпленіи

его болѣе скромныхъ помощниковъ; такимъ образомъ, ихъ дѣятельное содѣйствіе отдалило бы моментъ утомленія. Таково разумное средство расширить эти границы».

Охота, стрѣльба и рыбная ловля составляютъ такъ называемый спортъ. Всѣ англичане имѣютъ пристрастіе къ нему, даже тѣ, которые не проводятъ своихъ досуговъ съ собаками въ полѣ, съ ружьемъ или удочкой. Это—наслѣдіе предковъ, которые не только жили спортомъ и ради него, но представляли его себѣ, какъ величайшее счастье въ будущей жизни.

Много писали о благотѣльномъ вліяніи чистой воды, но мы еще болѣе обязаны свѣжему воздуху. Какими удивительными свойствами онъ обладаетъ! Онъ проникаетъ въ наше тѣло; освѣжаетъ нашу кожу такъ нѣжно, что мы его не замѣчаемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, обладаетъ такой силой, что заноситъ въ наши комнаты запахи цвѣтовъ и плодовъ, переправляетъ наши корабли черезъ моря и приноситъ въ наши города свѣжесть горъ и моря. Онъ переноситъ звукъ, передаетъ намъ дорогіе голоса и чудную музыку природы; онъ—резервуаръ дождя, орошающаго землю; онъ смягчаетъ полуденную жару и ночной холодъ, сіяетъ надъ нами лучезарнымъ голубымъ сводомъ и освѣщаетъ 'огнями утреннее и вечернее небо. Онъ такъ чудно чистъ, такъ нѣженъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полезенъ, что не удивительно, если Аріель самый прекрасный, очаровательный и граціозный духъ природы.

Джеффрисъ говоритъ: «Нѣтъ ничего упоительнѣе ласкающаго воздуха; онъ развернулся, какъ громадный цвѣтокъ, обхватывая насъ, точно руками Афродиты: небесный сводъ походитъ на опрокинутый надъ нами цвѣтокъ колокольчика, и его волшебный аромат наполняетъ всю землю. Нѣтъ ничего прекраснѣе воздуха, напоеннаго запахомъ дикихъ цвѣтовъ. Полные идеальныхъ стремленій, цвѣты эти, напоминающіе звѣзды, какъ бы выбиваются изъ среды грубыхъ окружающихъ ихъ травъ: ихъ борьба—это порывы гения. Столько прекрасныхъ мыслей зарождалось у меня на этомъ берегу, что я каждое утро туда возвращался. Лишь много лѣтъ спустя, я понялъ, почему я всегда ходилъ въ одно и то же мѣсто, и оно мнѣ не надоѣдало. Я не люблю перемѣнъ. Я люблю однѣ и тѣ же старыя, дорогія мнѣ вещи, тѣ же дикіе цвѣты, деревья и травы, тѣхъ же горлицъ, воронъ и иволгъ, поющихъ до заката солнца, и люблю, чтобы они всѣ были на тѣхъ же мѣстахъ... всю живую лѣстницу весны, ступень за ступенью до великой лѣтней выставки, я хочу видѣть въ томъ же порядкѣ: ежегодно».

Наши поля не блещутъ богатымъ разнообразіемъ швейцар-

*

скихъ луговъ, но иногда они словно горятъ золотистыми цвѣтами. А наши лѣса, можетъ быть, еще прекраснѣе, еще великолѣпнѣе, чѣмъ швейцарскіе.

Часто говорятъ о дурной погодѣ, но, въ сущности, нѣтъ дурной погоды. Погода всегда прекрасна, хотя и разнообразна. Для фермеровъ и крестьянъ, въ виду урожая, погода, можетъ быть плохой, но для человѣка всякая погода—хороша. Солнце чудно хорошо, дождь освѣжаетъ, вѣтеръ бодритъ, снѣгъ возбуждаетъ радостное ощущеніе. Рёскинъ правъ, говоря, что «въ сущности нѣтъ дурной погоды, а есть разная хорошая погода».

Отдыхъ—не лѣнь; хорошо иногда въ солнечный лѣтній денекъ полежать на травѣ подъ деревомъ, прислушиваясь къ журчанію ручья или слѣдя за облаками, плывущими по голубому небу. Такой отдыхъ не есть потеря времени.

Обыкновенно, воздухъ и движеніе неразрывно связаны, такъ что преимущества обоихъ соединены. Нѣтъ ничего полезнѣе для внутренняго міра человѣка, какъ побывать на воздухѣ. Слѣдовало бы каждому, по крайней мѣрѣ, часа два въ день проводить на свѣжемъ воздухѣ, и смотрѣть на это, какъ на исполненіе одной изъ важнѣйшихъ обязанностей.

Свѣжій воздухъ дѣйствуетъ не только на тѣло, но и на душевное состояніе. Природа всегда какъ будто говоритъ съ нами, всегда какъ будто силится передать вамъ какую-то тайну. И дѣйствительно, вся она—тайна.

Земля, небо, поля, лѣса, озера, рѣки—великіе учителя, они насъ учатъ тому, чему никакія книги не научатъ. Въ деревнѣ слѣдуетъ быть, какъ можно больше, на воздухѣ; надо самому грести, собирать цвѣты въ лѣсу, или заниматься раскопками, искать раковины и морскія травы на берегу моря, играть въ крикетъ, вообще дѣлать движенія на воздухѣ; тогда, не только прибавится здоровья, но заботы и огорченія исчезнутъ или, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени смягчатся. Природа насъ успокаиваетъ, освѣжаетъ и укрѣпляетъ. Она содѣйствуетъ тихому и радостному настроенію.

Конечно, жизнь, состоящая изъ однихъ удовольствій и развлеченій, не только эгоистична, но и безсмысленна. Игры не должны дѣлаться цѣлью жизни, но умѣренное наслажденіе не имѣетъ ничего общаго съ лѣнью.

Что такое развлеченіе? Есть истинныя и ложныя удовольствія. У Платона Протархъ спрашиваетъ Сократа: «Какія настоящія удовольствія, Сократъ?»

Сократъ: «Это—удовольствія, доставляемые красотою красокъ.

формъ, запаховъ и звуковъ: это—все то, отсутствіе чего не ощущается и не причиняетъ страданія, но присутствіе чего ощущается и доставляетъ наслажденіе».

Чувства могутъ доставлять истинное удовольствіе, но есть нѣчто высшее. Филебусъ утверждалъ, что «всякому живому существу пріятны наслажденіе, удовольствія и тому подобныя чувственные ощущенія, но мудрость, знаніе, память, вѣрное мнѣніе и правильное разсужденіе гораздо важнѣе и привлекательнѣе для человѣка, способнаго ихъ воспринимать».

Трудно перечислить всѣ истинныя удовольствія. Общественная дѣятельность и друзья, разговоръ, книги, музыка, поэзія, искусство, движеніе и отдыхъ, красота и разнообразіе природы, лѣто и зима, утро и вечеръ, день и ночь, свѣтъ солнца и гроза, лѣса и поля, рѣки, озера и моря, животныя и растенія, деревья, цвѣты, листья и плоды—лишь нѣкоторыя изъ нихъ.

Мы не малаго просимъ, когда молимъ «объ изобиліи плодовъ земныхъ». Человѣкъ, вѣроятно, не знаетъ еще многихъ радостей; онъ ихъ найдетъ лишь на «прекрасномъ пути цивилизаціи», какъ говоритъ Монтегацца.

Мы сами виноваты, если мало наслаждаемся жизнью. «Всѣ могутъ наслаждаться,—говоритъ Рускипъ,—но немногіе умѣютъ».

Величайшій талисманъ въ арабскихъ сказкахъ, это—волшебный коверъ-самолетъ, который можетъ переносить человѣка по его желанію. Въ настоящее время, для насъ дѣлаютъ это желѣзныя дороги, а «по мѣрѣ расширенія области видимаго, увеличивается царство воображаемаго», говоритъ Рёскинъ.

Хорошая бесѣда — одно изъ высшихъ удовольствій жизни. Это—удивительно укрѣпляющая пища для тѣла и души.

Желая описать пріятный вечеръ, Джонсонъ говорилъ: «Мы славно побесѣдовали». Частъ въ обществѣ Дарвина, Лайэля, Кингслея, Рёскипа, Гукера или Тиндаля—дѣйствуетъ, какъ глотокъ свѣжаго воздуха.

Ни въ чемъ почти такъ не различаются люди, какъ въ искусствѣ говорить. Есть очень талантливые и интересные люди, отъ которыхъ слова не добьешься. Всѣ любятъ людей, хорошо говорящихъ. Это искусство, какъ и всякое другое, можетъ быть культивируемо. Но чтобы научиться хорошо говорить, нужно упражняться въ рѣчи; иначе не научишься.

Чтобы хорошо говорить,—замѣчаетъ сэръ Вильямъ Тэмплъ,—необходимы четыре условія: правда, здравый смыслъ, хорошее расположеніе духа и остроуміе.

Первыми тремя можетъ обладать всякій.

Многіе научились многому изъ того, что знаютъ, изъ разговора. «Кто о многомъ разспрашиваетъ, многое узнаетъ и многому научится»,—говоритъ Бэконъ,—въ особенности, если онъ обратится къ людямъ знающимъ; имъ онъ доставитъ удовольствіе, давъ случай высказаться, а самъ будетъ постоянно пріобрѣтать знанія.

Мы недостаточно развиваемъ въ дѣтяхъ, да и въ себѣ, чувство прекраснаго. Между тѣмъ, какое удовольствіе чище, дешевле и доступнѣе? Нѣкоторые находятъ глубокое наслажденіе въ созерцаніи ландшафта, деревьевъ и листьвы, плодовъ и цвѣтовъ, голубого неба, плывущихъ облаковъ, сверкающаго моря, колышущагося озера, блеска рѣки, тѣней на травѣ, луны и звѣздъ ночью. Для другихъ же и мѣсяць, и звѣзды напрасно сіяютъ; птицы и насѣкомыя, деревья и цвѣты, рѣки, озера и море, солнце, луна и звѣзды не доставляютъ имъ никакого удовольствія.

Всѣ наши искусственныя краски годятся для прихотей нашего тщеславія, но онѣ совершенно блѣднѣютъ передъ клочкомъ облака или перомъ дикой утки.

Рѣскинъ говоритъ: «Свѣтъ погасающаго или восходящаго дня, ярко-красныя облака, горящія, какъ маяки, на зеленоватомъ небосклонѣ — особенно сильно возбуждаютъ въ насъ чувство прекраснаго. Краски неба придаютъ что-то воздушное землѣ; а золотая полоса на краю запада отражаетъ закатъ солнца уже тысячи лѣтъ. Закатъ солнца такъ прекрасенъ, что мы какъ будто смотримъ въ двери рая».

Толкователи Талмуда говорятъ, что каждый найдетъ въ маннѣ все, чего больше всего желаетъ и любитъ; точно также, каждый найдетъ въ природѣ то, что доставляетъ наибольшее наслажденіе.

Списокъ истинныхъ удовольствій очень длиненъ; я не стану его перебирать. Столько есть невинныхъ удовольствій, — стоитъ ли искать дурныхъ или сомнительныхъ?! Во всякомъ случаѣ, исчерпайте сперва всѣ хорошія удовольствія, если сможете, а тамъ, будетъ время подумать и о другихъ.

Многіе, какъ говорится, выдавшіе виды и думающіе, что знаютъ міръ, — сильно ошибаются; они подчасъ знаютъ меньше, чѣмъ какой-нибудь крестьянинъ, викогда не покидавшій своей деревни, но умѣющій разумно пользоваться глазами.

Жизнь, полная эгоистическихъ удовольствій, «веселая жизнь», — какъ невѣрно ее называютъ, — жалкая насмѣшка надъ счастьемъ. Кто сдѣлался ея жертвой, жалуется на жизнь, хотя винить долженъ бы только себя. Вовенаргъ сказалъ: «Lorsque les plaisirs nous ont épuisés, nous croyons que nous avons épuisé les plaisirs»

(Когда удовольствія истощили насъ, мы думаемъ, что исчерпали всѣ удовольствія)... «Я молодъ,—говоритъ А. Мюссе,—я прошелъ лишь полпути жизни, и уже усталый, я оборачиваюсь и смотрю съ тоской назадъ». Грустное признаніе! Живи онъ разумно, онъ оглянулся бы съ благодарностью и съ надеждой смотрѣлъ бы впередъ.

Достоинство жизни измѣряется ея нравственной цѣной. Ж. Тайлоръ говоритъ: «Душа и тѣло составляютъ совершеннаго человѣка, когда душа управляетъ разумно и съ любовью заботится о своемъ товарищѣ и подчиненномъ. Но если тѣло станетъ предписывать законы и, отдаваясь своимъ желаніямъ, затемнить пониманіе, а, затѣмъ, завладѣетъ волею, то, тѣло и душа окажутся плохими товарищами, а человѣкъ—несчастливымъ дуракомъ. Если душа не управляетъ,—она повинуется; она должна или повелѣвать, или быть рабой».

Глава V.

Здоровье.

Душа, безъ сомнѣнія, благороднѣйшая часть человѣка, но во всякомъ случаѣ, при настоящихъ условіяхъ существованія, она можетъ дѣйствовать только чрезъ посредство тѣла. Знаменитый англичанинъ Фарадей даетъ забавную иллюстрацію этой мысли. Онъ рассказываетъ, какъ, будучи мальчикомъ въ одной химической лавкѣ, онъ былъ однажды посланъ куда-то съ порученіемъ, и долго не могъ дозвониться. Въ ожиданіи, онъ просунулъ сквозъ рѣшетку голову, не увидитъ ли кого-нибудь? Въ это время ему пришелъ вопросъ, съ которой стороны рѣшетки онъ находится? Онъ рѣшилъ, что человѣкъ находится тамъ, гдѣ его голова; но въ эту минуту дверь неожиданно отворилась и больно ударила его по ногѣ, такъ что онъ сразу понялъ, что голову нельзя отдѣлять отъ другихъ частей тѣла.

При современныхъ условіяхъ жизни, въ особенности важно обращать вниманіе на здоровье. Наши предки, занимаясь земледѣльческимъ трудомъ, больше насъ жили въ деревнѣ, на открытомъ воздухѣ. Мы же больше концентрируемся въ городахъ и работаемъ дома, въ лавкѣ и на фабрикѣ; наши занятія, требуя сидячаго и наклоннаго положенія, сильнѣе дѣйствуютъ на мозгъ и нервную систему. Едва ли, мнѣ кажется, можно сомнѣваться, что населеніе большихъ городовъ слабѣе своихъ предковъ. Проѣзжая по бѣдной части Лондона или вообще какого-нибудь большого промышленнаго центра, нельзя не поразиться отсутствіемъ

жизни въ нашихъ мужчинахъ и женщинахъ, ихъ блѣднымъ цвѣтомъ лица и впалой грудью. Въ извѣстномъ отношеніи, можетъ быть, наши санитарныя улучшенія опасны, поддерживая слабыхъ, истощенныхъ жизнью людей. Большая часть болѣзней происходитъ отъ условій, которыя могли бы быть устранены при нѣсколько болѣе заботливомъ вниманіи и при нѣкоторомъ элементарномъ понятіи о законахъ здоровья.

Въ древнѣйшія времена, о которыхъ у насъ сохранились преданія, мудрые государственные люди обращали большое вниманіе на здоровье. Они понимали великое значеніе правила, — въ здоровомъ тѣлѣ здравый умъ (*Mens sana in corpore sano*).

Заботиться о здоровьи — наша священная обязанность. Говорятъ иногда, что значительная часть законовъ Моисея состояла изъ гигиеническихъ правилъ. Мнѣ кажется, это едва ли вѣрно. Вспомнимъ, что въ Библии мы имѣемъ кодексъ гражданскихъ, социальныхъ и религиозныхъ законовъ. Тѣмъ не менѣе, законы здоровья всегда составляли, если не часть религиознаго культа, то нѣчто къ нему близкое. Святой Павелъ говоритъ: «Развѣ вы не знаете, что ваше тѣло — храмъ Святаго Духа, который въ васъ отъ Бога, и что вы не принадлежите себѣ». Египетское почитаніе тѣла гораздо разумнѣе аскетическаго презрѣнія къ нему: въ грязи и лохмотьяхъ нѣтъ ничего возвышеннаго; въ нихъ, большей частью, кроется, въ сущности, нѣчто совершенно противоположное добродѣтели.

Греки возводили въ долгъ физическое, какъ и умственное воспитаніе. Ихъ женщины принимали участіе въ граціозныхъ, иногда даже въ атлетическихъ упражненіяхъ. Ихъ свободная и здоровая жизнь развила тѣ формы, которыя остаются вѣчно-прекрасными и недостижимыми образцами человѣческой красоты.

«Мы стремимся не къ смерти, а къ жизни, къ которой приспособленъ весь нашъ организмъ: намъ нужна жизнь, полная жизни».

«Чистоплотность важна не менѣе набожности», говоритъ старая пословица, и современные медицинскія открытія не только подтверждаютъ ее, но и объясняютъ, почему это такъ..

Какъ теперь извѣстно, многія болѣзни происходятъ не отъ какого-либо ненормальнаго состоянія тканей, но отъ вторженія другихъ организмовъ; холера, оспа и, вѣроятно, нѣкоторыя другія инфекціонныя болѣзни не могутъ возникать сами собой: ихъ зародышъ долженъ внѣдриться въ нашъ организмъ. Отсюда — громадная важность не только чистоплотности, но и чистоты дома, гдѣ мы живемъ, платья, которое носимъ, воды, которую пьемъ, и воздуха, которымъ дышемъ.

Человѣческое тѣло — это вѣчное чудо, которому нельзя достаточно надивиться. Представимъ лишь на мгновеніе, сколько знаній накапливается въ мозгу! Съ какой быстротой мускулы повинуются волѣ! Опытный музыкантъ, по словамъ сэра Джемса Пэгета, можетъ играть на фортепіано со скоростью двадцати-четырехъ нотъ въ секунду. Для каждой ноты червннй токъ долженъ быть переданъ отъ мозга къ пальцамъ и обратно. Каждая нота требуетъ трехъ движеній пальца: опусканія, подниманія и, по крайней мѣрѣ, еще одного бокового движенія. Все это, вмѣстѣ взятое, составляетъ не менѣе семидесяти двухъ движеній въ секунду; каждое же движеніе требуетъ особаго волевого усилія и направляется безошибочно, съ извѣстной скоростью и съ извѣстной силой, на опредѣленное мѣсто.

Кожа—это нѣжный и очень сложный органъ, состоящій изъ милліона клѣточекъ и заключающій въ себѣ цѣлыя версты жилъ, протоковъ, сосудовъ и нервовъ. Она постоянно обновляется, и, чтобы исполнять свои функціи правильно, требуетъ извѣстной заботы о себѣ и много воды. Употребленіе щетки—почти столь же важно для кожи, какъ и для волосъ.

О многихъ инвалидахъ можно повторить сказанное Мильтономъ о Гобсонѣ, что «изнѣженность была его главной болѣзнью».

Аннибала не могли побѣдить Альпы и снѣга, а наслажденія Капуи изнѣжили и погубили его.

Чувства доставляютъ много невинныхъ удовольствій, но если мы станемъ поддаваться ихъ чарамъ, они погубятъ насъ, подобно древнимъ сиренамъ, на скалахъ и въ круговоротахъ житейскаго моря. Много болѣзней мы наживаемъ себѣ ошибками въ діетѣ. Слово питье часто употребляется, какъ синонимъ спиртныхъ напитковъ, этого проклятія сѣверныхъ народовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ спиртъ можетъ оказаться цѣннымъ лекарствомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ великій соблазнъ. Спиртъ сдѣлался источникомъ, вѣроятно, половины грѣховъ, нищеты и страданій людей. Невинная вода никого еще въ грѣхъ не вводила, но преступленіе можно почти-что опредѣлить, какъ концентрированный спиртъ. Еврейская пословица гласитъ: «Куда сатана не можетъ явиться самъ, туда онъ посылаетъ вино».

«Когда демонъ разъ вошелъ въ дверь, то миръ, надежда и радость улетаютъ навсегда», говоритъ Чалльсъ.

«Отъ вина,—говоритъ Плиній,—руки дрожатъ, глаза слезятся, ночь приноситъ дурные сны, дыханіе утромъ затруднено, и человѣкъ начинаетъ все забывать». Вальтеръ Ралей говоритъ: «Пьющему человѣку нельзя ничего довѣрить, ибо онъ не въ состояніи

ничего скрыть. Вино превращаетъ человѣка не только въ животное, но и въ сумасшедшаго; если же человѣкъ полюбитъ вино,—его презираетъ его собственная жена, и дѣти, и его друзья».

У Шекспира есть великолѣдное мѣсто о винѣ: «Какъ могутъ люди принимать врага, который крадетъ у нихъ умъ? Какъ можемъ мы съ радостью и готовностью превращаться въ животныхъ?»

«Пьющій человѣкъ изъ разумаго превращается сперва въ дурака, а затѣмъ въ животное». Впрочемъ, это обидно для животныхъ.

А съ другой стороны, умѣренность несетъ за собой великое вознагражденіе. Шекспиръ говоритъ: «Хотя я кажусь старымъ, но я силенъ и бодръ, потому что въ юности я никогда не отравлялъ своей крови горячительными напитками... Оттого-то моя зима хотя и морозна, но свѣтла».

Часто удивляются, что въ Библии такъ мало говорится о пьянствѣ, и забываютъ, что она была написана въ жаркомъ климатѣ. Пьянство—отличительный порокъ холодныхъ странъ. Впрочемъ, Соломонъ говоритъ о пьянствѣ и сильно его осуждаетъ.

Есть основаніе полагать, что пьянство понемногу слабѣетъ. Этотъ фактъ стоитъ, конечно, въ тѣсной связи съ болѣе легкимъ доступомъ къ умственнымъ занятіямъ, къ музыкѣ, кнѣгамъ, картинамъ, и съ лучшимъ и болѣе уютнымъ устройствомъ народныхъ училищъ.

Но если зло отъ алкоголя очевидно, то не менѣе распространено другое зло: обжорство. Вѣроятно, девять изъ десяти ѣдятъ больше, чѣмъ нужно. Случайный пиръ ничего, но постоянное отягощеніе желудка пищей—очень вредно дѣйствуетъ на организмъ. Съѣсть лишнее—очень легко; нечего бояться—съѣсть слишкомъ мало.

Умѣренность должна бы проходить черезъ всю жизнь. «Она утончаетъ знаніе и силу и въ десять разъ увеличиваетъ ихъ цѣну; смягчая силу и сдерживая энтузіазмъ, она можетъ быть великой тайной успѣха въ работѣ», говоритъ миссъ Сюэлъ.

Умѣренность—сила, а не слабость; она предполагаетъ полнѣйшее самообладаніе.

Не слѣдуетъ долго сидѣть за столомъ, но и ѣсть скоро—тоже не хорошо. Изъ-за стола слѣдуетъ всегда вставать съ такимъ чувствомъ, какъ будто можно съѣсть еще что-нибудь.

Мозгъ не можетъ работать, когда желудокъ переполненъ. Отдыхать немного послѣ обѣда не бесполезно, но плохо, если человѣкъ такъ живетъ, что ему приходится отдыхать отъ одной ѣды до другой. Нужно ѣсть, чтобы жить, а не жить, чтобы ѣсть. Продолжительныя трапезы укорачиваютъ жизнь.

Когда дикари желаютъ вдохновиться, они прибѣгаютъ къ долговому посту. Является усиленная дѣятельность нервной системы, которую они и принимаютъ за вдохновеніе. Безъ сомнѣнія, они заходятъ слишкомъ далеко, но каждый желающій можетъ убѣдиться на себѣ, что нѣкоторое воздержаніе благотѣльно отзывается на умственной работѣ.

Кромѣ того, легкій желудокъ поддерживаетъ веселое настроеніе. Сытная ѣда вызываетъ угнетенность, и многіе люди страдали больше отъ несваренія, чѣмъ отъ горя.

«Берегитесь,—говоритъ Бэконъ,—всякой внезапной перемены въ пищѣ; если же это необходимо, устройтесь соотвѣтственно: лучший рецептъ для долгой жизни, это—хорошее и спокойное расположеніе духа въ часы ѣды, сна и развлеченія».

«Если желаете быть здоровымъ,—говоритъ Абернети,—вы должны жить на 6 деніе въ день и сами ихъ зарабатывать». Это мудрое изреченіе обнимаетъ въ нѣсколькихъ словахъ все, что нужно для дѣты и движенія. На 6 деніе можно купить, въ дешевыя времена, хорошую, здоровую пищу и въ достаточномъ количествѣ; но ихъ не хватитъ ни на пьянство, ни на обжорство. Оно указываетъ также на необходимость движенія.

При настоящихъ условіяхъ нашей жизни, время, проведенное на воздухѣ, никакъ не можетъ считаться потеряннымъ. Такіе часы не только не вычтутся изъ жизни, но будутъ способствовать удлиненію ея. У римлянъ была великодушная поговорка: *In aëre salus* (въ воздухѣ — благо). Невозможно быть «слишкомъ много» на воздухѣ.

Чистая вода такъ же необходима, какъ и свѣжій воздухъ. Употребляйте, какъ можно больше, воды снаружи и внутрь, и особенно холодной воды, если вы ее переносите. Даже то, что можетъ казаться совсѣмъ не важнымъ, какъ забота о зубахъ, и это можетъ быть далеко не безразличнымъ для довольства жизнью.

Здоровье—гораздо болѣе дѣло привычки, чѣмъ дѣты и медицины. Наши предки имѣли обыкновеніе принимать лекарства въ предупрежденіе болѣзней. Не только медицинскій институтъ, но и Бэконъ совѣтовалъ это. И всетаки, это была радикальная ошибка. Локкъ, кажется, первый указалъ на нецѣльность такого приема. Самое названіе медицинскаго института какъ-будто указываетъ на употребленіе лекарствъ. Но если мы устроимъ нашу жизнь разумно,—намъ придется очень мало расходовать на лекарства.

При достаточномъ количествѣ воздуха, воды и при умѣренности въ пищи, большая часть изъ насъ могутъ наслаждаться славнымъ ощущеніемъ здоровья и силы, и сохранить бодрость и свѣжесть до преклонныхъ лѣтъ.

Но здоровье имѣеть значеніе не для одного только тѣла. Гнѣвъ, ненависть, горе и страхъ вліяють самымъ разрушительнымъ образомъ на продолжительность жизни. Съ другой стороны, доброе настроеніе, душевная ясность и спокойствіе—могущественные элементы здоровья.

Говорятъ, Ликургъ поставилъ въ каждой столовой Спарты маленькую статую бога Смѣха. Бюффонъ говоритъ: «Многіе люди могли бы прожить дольше, не умря они отъ заботъ и горя». Онъ говорилъ о своихъ соотечественникахъ, но это вѣрно и относительно всѣхъ.

Когда мы разстроены, все вліяетъ на наши нервы, и самыя незначительныя пустяки принимаютъ размѣры несчастья. Это вѣрный признакъ, что мы нуждаемся въ отдыхѣ и въ свѣжестъ воздуха.

Мы часто слышимъ о переутомленіи дѣтей и взрослыхъ, которые заработались до смерти. Въ большей части случаевъ не трудъ, а возбужденіе, безпокойство и истощеніе разрушаютъ наше здоровье. Лѣнь, расточительность и безпечность погубили больше людей, чѣмъ тяжкій трудъ. Мозгъ также требуетъ работы, какъ и мускулы. При раннемъ вставаніи, умеренности и разумныхъ привычкахъ, трудъ, даже тяжелый, если только не чрезмерный, служить больше на пользу, чѣмъ во вредъ человѣку.

Всѣмъ приходится испытывать періоды бессонницы. Бессонница дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ; является чувство унынія и подавленности, какъ бы отъ страшнаго горя; маленькія затрудненія на пути, съ которыми въ другое время бороться весело, кажутся непреодолимыми; душа какъ будто избѣгаетъ всего пріятнаго и останавливается надъ тѣмъ, что было или можетъ быть тягостнымъ. Не слѣдуетъ, въ этихъ случаяхъ, падать духомъ; бессонница еще никого не убивала. Въ особенности не слѣдуетъ прибѣгать къ лекарствамъ, которыя являются опасными въ этихъ случаяхъ. Будьте какъ можно меньше дома и какъ можно больше на воздухѣ, старайтесь ко всему относиться спокойно, и сонъ, навѣрное, явится скоро. Если бессонница не длится слишкомъ долго, она окажется даже полезной для человѣка, научивъ его цѣнить сонъ.

Многіе тѣлесныя недуги происходятъ отъ разстройствъ души. Врачи не должны разсматривать только физическія симптомы; часто имъ придется спросить себя: «не можешь ли ты исцѣлить больную душу? Вырвать съ корнемъ горе изъ памяти, стереть заботы, написанныя на челѣ, и какимъ-нибудь чудеснымъ средствомъ очистить сердце отъ гнетущей тоски, которая такъ давить его?»

Здоровье—не только великій залогъ счастья, но существенно вліяетъ и на качество работы. Нетолько неразумно, но и эгоистично пренебрегать имъ.

Когда мы утомлены, мы не можемъ такъ работать, какъ въ бодромъ состояніи. Слѣдовательно, это плохой расчетъ; всякая работа, совершенная при такихъ обстоятельствахъ, потребуетъ затѣмъ прибавочнаго періода покоя и отдыха; но, кромѣ того, и работа не будетъ лучшаго качества,—она будетъ носить на себѣ слѣды раздраженія и слабости. Если же она исполнена въ сотрудничествѣ съ другими, является почва для недоразумѣній и взаимнаго раздраженія. Если заставить человѣка въ такомъ состояніи сдѣлать рисунокъ, — рука его окажется нетвердой и не станетъ повиноваться ему. Таково послѣдствіе не одного мускульнаго утомленія, но и нервнаго истощенія. Трудъ долженъ служить наслажденіемъ, а для этого мы должны работать твердо и энергично, но съ перерывами, не пренебрегая ни пищей, ни отдыхомъ, ни праздниками, ни физическимъ упражненіемъ.

Разслабляющее дѣйствіе нездоровья особенно замѣтно, если мы сами себя довели до такого состоянія. Но есть люди, которые какъ-будто родились для однихъ страданій. Иногда, кажется, природа вознаграждаетъ за немощъ тѣла—ясностью и блескомъ ума. Всѣмъ намъ случалось встрѣчать великихъ страдальцевъ, душевная сила и спокойствіе которыхъ не только урокъ для насъ, но которые какъ-будто возвысились и освятились мученической жизнью.

ГЛАВА VI.

Національное воспитаніе.

Съ древнѣйшихъ временъ, о которыхъ у насъ сохранились преданія, мудрѣйшіе люди всегда указывали на важность воспитанія.

«Изъ всѣхъ сокровищъ,—говоритъ Гитопадеза,—знаніе—самое драгоцѣнное, ибо его нельзя ни украсть, ни отнять, ни сжечь». Платонъ говоритъ: «Воспитаніе, это—самое прекрасное, чѣмъ только могутъ обладать лучшіе изъ людей».

Монтэнъ прямо заявляетъ, что «невѣжество — мать зла». «Ученіе, это — величайшее подаяніе, которое можно дать человѣку», говоритъ Фуллеръ, а одинъ французскій моралистъ замѣчаетъ: «*Pouvoir sans savoir est fort dangereux*» (власть безъ знанія — очень опасна). Невѣжественная жизнь—всегда должна быть сравнительно скучной. Хорошо было сказано, что знаніе нужно

человѣку не только какъ средство заработка, но и какъ средство самой жизни.

Петрарка говорилъ, что онъ ничего такъ не желалъ, какъ учиться; а Шекспиръ, вѣроятно, выражаетъ свои собственные мысли въ словахъ лорда Сея: «Невѣжество—это проклятіе Бога; знаніе даетъ крылья, на которыхъ мы возносимся къ небесамъ».

Соломонъ же говоритъ:

«Главная вещь—это мудрость. И такъ достигай мудрости: Приобрѣтая все иное, не забывай приобрести пониманіе!»

Между тѣмъ, очень долго держались противуположнаго мнѣнія, въ особенности, относительно дѣвушекъ. Есть нѣмецкая поговорка, что «библиотека женщины—это ея гардеробъ», и французская, что «дѣвушекъ слѣдуетъ держать или между четырьмя евангелистами, или между четырьмя стѣнами». Не такъ давно господствовало мнѣніе, что вельможамъ зазорно быть образованными, а бѣдному народу нѣтъ дѣла до образованія. Предполагалось, что это касается лишь монаховъ да священниковъ.

Даже такой хорошій и мудрый человѣкъ, какъ докторъ Джонсонъ, считалъ за очевидную аксіому, что если бы всѣ научились читать, то не нашлось бы никого, кто бы сталъ заниматься ручнымъ трудомъ. Докторъ Джонсонъ былъ большимъ литературнымъ авторитетомъ, и все-таки онъ не понималъ внутренняго достоинства труда.

Это была *первая* ступень. Потомъ стали утверждать, что образованіе должно имѣть специальное отношеніе къ практической сторонѣ жизни. Также говорили, что слѣдуетъ бояться, чтобы дѣти не вышли изъ своего положенія; бѣднымъ дѣтямъ нужны только грамота и ариѳметика; грамота почти необходима при всякомъ дѣлѣ, а ариѳметика нужна для счетоводства.

Этотъ взглядъ былъ очень распространенъ во всѣхъ дѣловыхъ отрасляхъ. Говорятъ, лордъ Эдмонъ выбиралъ себѣ въ банкиры самыхъ необразованныхъ людей Лондона, и говорилъ, что если бы могъ найти людей еще необразованнѣе, то онъ перемѣнилъ бы своихъ банкировъ. Газлиттъ утверждалъ, что мальчики, предвзначенные для дѣловой жизни, не должны учиться ничему другому. «Всякій можетъ зарабатывать деньги,—говорилъ онъ,—хотя бы у него и не было ни одной идеи въ головѣ».

Это—*вторая* ступень.

Въ настоящее время мы стоимъ за образованіе не потому только, что стремимся сдѣлать человѣка лучшимъ работникомъ, но потому, что стремимся *работника* сдѣлать лучшимъ *человѣкомъ*. Викторъ Гюго сказалъ: «Кто открываетъ школу, закрываетъ тюрьму».

«Большая часть нашихъ дѣтей,—сказалъ одинъ государствен- ный мужъ Швейцаріи,—рождены для бѣдности; но мы заботимся, чтобы они не росли въ невѣжествѣ». Въ Англіи страшно цѣнятъ образованіе и понимаютъ всю его важность.

Въ 1869 году Матью Арнольдъ писалъ, что многіе смотрятъ на культуру, красоту и свѣтъ, какъ на лунное сіяніе.

1870 годъ—знаменательный годъ въ соціальной исторіи Англіи, такъ какъ въ этомъ году прошелъ актъ о всеобщемъ образо- ваніи. Въ то время, число дѣтей, обучавшихся въ начальныхъ училищахъ было 1.400.000. Теперь это число возрасло до 5.000.000. Послѣдствія, вытекающія изъ этого факта, рѣзко отражаются на статистикѣ преступности. До 1887 года число заключенныхъ въ тюрьмахъ какъ будто увеличивается. Въ этомъ году оно дошло до 20.800. Съ тѣхъ поръ оно сильно понизилось и нынѣ достигаетъ всего 13.000. Слѣдовательно, оно уменьшилось на треть. Но, при- помнимъ, что въ это же время народонаселеніе сильно растетъ. Съ 1870 года оно возрасло на треть. Если бы число нашихъ преступниковъ росло въ той же пропорціи, то ихъ было бы въ настоящее время 28.000, а не 13.000, т. е. больше, чѣмъ вдвое. Въ такомъ случаѣ расходъ на полицію и тюрьмы былъ бы, по крайней мѣрѣ, въ 8.000.000 ф. стер., вмѣсто 4.000.000. Число ма- долѣтнихъ преступниковъ пало еще болѣе поразительно. Въ 1856 году оно равнялось 14.000. Въ 1866 году, оно пало до 10.000; въ 1876 году—до 7.000; въ 1881 году—до 6.000 и, по послѣднимъ данныхъ, оно въ настоящее время равняется всего 5.100. Если же мы обратимся къ статистикѣ налога на бѣдныхъ, мы увидимъ, что въ 1870 году процентное отношеніе бѣдняковъ къ населенію было болѣе чѣмъ 47 на 1.000. Оно достигало даже 52. Съ тѣхъ поръ оно пало до 22, и я съ радостью могу сказать, что въ главныхъ городахъ оно еще ниже. Слѣдовательно, процентное отношеніе вдвое меньше, чѣмъ было прежде. Годовой расходъ на бѣдныхъ, путемъ налоговъ, равняется у насъ 8.000.000 фунт. стерл.; если же оставалось бы прежнее процентное отношеніи, то онъ доходилъ бы до 16.000.000, или на 8.000.000 больше на- стоящей суммы. Слѣдовательно, если бы мы платили столько же налоговъ, сколько двадцать лѣтъ тому назадъ, то наши преступ- ники намъ стоили бы на 4.000.000 больше, а наши налоги были бы на 8.000.000 больше настоящаго.

Я могъ бы прибавить, что статистика худшихъ преступленій еще болѣе замѣчательна и удовлетворительна. Годовое число лицъ, присужденныхъ къ тюремному заключенію, въ послѣднія 5 лѣтъ передъ 1864 годомъ, равнялось 2.800. Это число сильно

пало, и въ прошломъ году доходило только до 729, т. е. всего четверть прежняго, несмотря на ростъ народонаселенія. Оказывается, что у насъ 8 пустыхъ тюремъ, которыя употребляются для другихъ цѣлей.

Что же касается тѣсной связи преступленія съ невѣжествомъ, то по послѣднимъ даннымъ явствуетъ, что изъ 157.000 ч., приговоренныхъ къ тюремному заключенію, только 5.000 были вполне грамотными и всего 250 ч. можно было назвать образованными людьми.

Слѣдующая таблица иллюстрируетъ поразительнымъ образомъ сильное и прогрессивное паденіе числа обвинительныхъ приговоровъ по уголовнымъ преступленіямъ, и эти цифры еще поразительнѣе, если взять во вниманіе, что въ то время, какъ число преступленій падало, народонаселеніе быстро возрастало.

Въ продолженіе пятилѣтій:	Приблизительное число лицъ, приговариваемыхъ ежегодно въ Англіи и Уэльсѣ къ тюремному заключенію.	Приблизительное народонаселеніе въ Англіи и Уэльсѣ.
31-го декабря 1859 г.	2.589	19.257.000
» 1864 »	2.800	20.370.000
» 1869 »	1.978	21.681.000
» 1874 »	1.622	23.088.000
» 1879 »	1.633	24.700.000
» 1884 »	1.427	26.313.251
» 1889 »	945	27.830.179
» 1892 »	791	29.055.550

Надѣюсь, никто не подумаетъ, что я рассматриваю этотъ вопросъ исключительно со стороны денежной. Я только упомянулъ объ этомъ обстоятельствѣ въ отвѣтъ тѣмъ, которые присодяютъ, какъ аргументъ противъ народнаго образованія, огромные денежные расходы.

Конечно, есть и другіе расходы, нужно принимать въ расчетъ и другія обстоятельства; но хотя эти цифры и не обладаютъ научной точностью, все же онѣ имѣютъ большое значеніе и большой интересъ.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что преступленія, совершенныя по злой волѣ или въ силу непреодолимаго искушенія, составляютъ ничтожный процентъ всѣхъ преступленій страны. Главные источники ихъ—невѣжество и пьянство. Если ихъ число такъ сильно пало за послѣднее время, то это слѣдуетъ приписать не только тому добру и тѣмъ порядочнымъ привычкамъ, которыя дѣти выносятъ изъ школы, но и тому простому обстоятельству,

что они отстранены отъ тлетворнаго и роковаго вліянія уличныхъ нравовъ и примѣровъ.

И такъ, первый ощутительный результатъ всеобщаго образованія — это уменьшеніе налога для бѣдныхъ и опустѣніе тюремъ, другими словами, уменьшеніе числа нищихъ и преступниковъ, особенно малолѣтнихъ.

Тѣмъ не менѣе, можно усомниться въ цѣлесообразности нашей системы воспитанія. Въ жизни намъ приходится всегда отвѣчать на три вопроса: «Справедливо ли это, или несправедливо? Правда ли это, или ложь? Красиво ли это, или безобразно?» Воспитаніе должно помочь намъ отвѣтить на эти вопросы.

Мы не должны забывать Минерву и Музу, но мы недостаточно воспитывались на Библии и на Природѣ.

Грамота, ариѳметика и грамматика не составляютъ воспитанія, точно также, какъ ножъ, вилка и ложка не составляютъ обѣда. Авраамъ, Исаакъ и Яковъ не умѣли читать и писать и, вѣроятно, не знали тройнаго правила.

Меня часто упрекали въ томъ, что я нападаю на классическое образованіе, но этотъ упрекъ — несправедливъ. Я считаю классиковъ важной частью воспитанія; ими нельзя пренебрегать, но они и не составляютъ всего. Чарльзъ Бюктонъ справедливо замѣчаетъ, что наше классическое образованіе слишкомъ часто состоитъ въ заучиваніи словъ, которыя употреблялись людьми, жившими 2.000 лѣтъ тому назадъ. Пренебрегать другими предметами, по мѣткой метафорѣ Цицерона, все равно, что заботиться только о своей правой рукѣ. Наше, такъ называемое, классическое образованіе — совсѣмъ даже и не классическое. Все время уходитъ на изученіе грамматики; смыслъ же классическихъ писателей совсѣмъ теряется. Грамматика — отрасль науки, которая далеко не всегда преподается научно и интересно. При нашей нынѣшней системѣ, нашихъ мальчиковъ не учатъ говорить по латыни или по гречески; верхъ же негѣпости составляетъ то, что ихъ учатъ произносить слова такъ, какъ: викагда ихъ не произносили ни римляне, ни греки. Въ этомъ отношеніи каждая страна учитъ по своему *).

Эта система не возбуждаетъ ни малѣйшей любви къ классической литературѣ. Въ путевыхъ замѣткахъ Теккерея, изъ Коринѳа въ Каиръ, ему является греческая муза и спрашиваетъ его,

*) Это совершенно вѣрно, и, къ тому же, мы постоянно мѣняемъ правила произношенія. Такъ, недавно сдѣлали «открытіе», что латинскую букву «с» надо всегда произносить, какъ «к», напр., не «Цицеронъ», а «Кикеронъ», не «Цезарь», а «Кезарь» и т. д.

Прим. Ред.

счастливъ ли онъ, находясь въ Афинахъ? Онъ отвѣчаетъ болѣе откровенно, чѣмъ вѣжливо: «Сударыня, въ юности мнѣ сдѣлали ваше общество столь ненавистнымъ, что я и теперь не могу примириться съ вами!»

Какъ бы важны ни были классики, они все же составляютъ лишь часть воспитанія. Самое выраженіе: «*Litterae humaniores*» показываетъ, какъ въ древности воспитаніе связывалось съ человѣческой симпатіей ко всему человѣческому. Говорятъ, Шекспиръ плохо зналъ латынь, и еще хуже греческій языкъ. Книги, даже въ связи съ размышленіемъ и бесѣдой, могутъ составить лишь часть воспитанія. Мальчикъ, только изучающій книги и ничего не знающій ни о природѣ, ни о мірѣ, въ которомъ онъ живетъ, никогда не будетъ цѣльнымъ человѣкомъ: онъ навсегда останется дробью.

Кто-то очень мѣтко сказалъ, что наше воспитаніе похоже на чтеніе трактата ботаники—клубѣ цвѣтовъ, въ наивной вѣрѣ, что такое чтеніе заставитъ цвѣты расти лучше.

Мы не только должны многому научиться, но и многому *разучиться*.

Я не желаю быть неблагодарнымъ по отношенію къ своимъ школьнымъ учителямъ. Ихъ профессія трудная, отвѣтственная и истощающая. Играть съ дѣтьми—очень весело, но ихъ учить—другое дѣло.

Можетъ быть, не трудно обучить грамотѣ, но развивать молодую душу, воодушевлять ее надеждой и энергіей, раздуть святую искорку въ полезное пламя, поддержать въ минуты малодушія новыми высокими мыслями и примѣромъ твердыхъ поступковъ,—это не легко. Это, говоритъ Эмерсонъ,—дѣло божественныхъ людей.

Воспитаніе не можетъ задаваться цѣлью—приготавливать юристовъ, священниковъ, солдатъ, учителей, фермеровъ или ремесленниковъ: оно должно стремиться—создавать людей. Мильтонъ говоритъ: «Я называю полнымъ и благороднымъ такое воспитаніе, которое дѣлаетъ человѣка способнымъ справедливо, умѣло и благородно исполнять всевозможныя общественныя должности въ мирное и военное время».

Философы всегда высказывали слишкомъ большую готовность рѣшать на словахъ практическіе вопросы. У Плутарха есть забавное разсужденіе о томъ, что явилось прежде: «курица или яйцо?» и въ доказательство того, что курица явилась раньше, приводится аргументъ, что говорятъ: «куриное яйцо», но никто не говоритъ о «яйцевой курицѣ».

Не хорошо воспитывать дѣтей исключительно на книгахъ. «Напрасно думаютъ иные,—говоритъ Джефферисъ,—что во многихъ книгахъ они найдутъ мысли: они разочаруются. Мысль развертывается у моря, у потока, на горахъ и въ лѣсу, на солнцѣ, на вѣтрѣ, на свободномъ воздухѣ». Къ несчастью, потоки, моря, лѣса, солнечный свѣтъ и свѣжій воздухъ намъ менѣе доступны, чѣмъ это желательно. [Конечно, и въ книгахъ живетъ мысль, но ими слѣдуетъ пользоваться разумно. Рѣчь—очень несовершенное орудіе выраженія. Не каждый ребенокъ вырастаетъ въ чело-вѣка. Даже ариѳметическія истины слѣдуетъ примѣнять съ осторожностью.

Вѣроятно, этимъ пробѣламъ въ воспитаніи, на которыя мы намекаемъ, мы и обязаны, что такъ мало людей продолжаютъ самовоспитаніе по выходѣ изъ школы. Безъ сомнѣнія, мы учимся всю жизнь. «Вѣкъ живи, вѣкъ учись», говоритъ старая пословица; но вопросъ въ томъ, хватаемъ ли мы случайные обрывки знанія изъ газеты или какой-нибудь повѣсти, или мы послѣдовательно ведемъ свое самовоспитаніе или самообразование?

Въ «Радостяхъ жизни» я уже изложилъ то, что мнѣ кажется было бы желательно въ этомъ отношеніи; теперь же я приведу мнѣніе проф. Гексли, мнѣніе, которое совершенно сходится съ моимъ:

«Воспитаніе должно дать возможность среднему, 15—16-лѣтнему мальчику, правильно, легко и до извѣстной степени литературно писать на своемъ родномъ языкѣ. Изученіе классическихъ писателей должно дать ему литературное пониманіе. Оно должно дать ему общія свѣдѣнія изъ отечественной исторіи, понятіе о великихъ законахъ соціальной жизни, элементарное знаніе физическихъ и психологическихъ наукъ и хорошее знаніе ариѳметики и геометріи. Съ логикой онъ долженъ быть знакомъ скорѣе практически, чѣмъ теоретически. Элементаръ музыки и рисованія онъ долженъ научиться почти шутя; они должны быть для него удовольствіемъ и отдохновеніемъ, а не трудомъ».

Такое мнѣніе очень интересно. Многіе изъ насъ, вѣроятно, могли бы сказать вмѣстѣ съ великимъ анатомомъ Джономъ Гунтеромъ: «Въ дѣтствѣ мнѣ хотѣлось знать объ облакахъ и травахъ, и почему листья мѣняются свой цвѣтъ осенью. Я наблюдалъ за муравьями, пчелами, птицами, головастиками и червями; я изводилъ людей разспросами о томъ, чего никто не зналъ и совѣтъ не интересовался знать».

Локкъ, въ своемъ трактатѣ о воспитаніи говоритъ: «Я скажу лишь одну вещь о книгахъ: бесѣда съ книгами не составляетъ

*

главной части воспитанія; есть двѣ другія, которыя слѣдуетъ присоединить сюда, потому что онѣ много содѣйствуютъ нашему усовершенствованію въ знаніяхъ: это—размышленіе и бесѣда. Мнѣ думается, что чтеніе—лишь собраніе грубаго матеріала, изъ котораго многое придется выбросить, какъ ненужное. Размышленіе же, это—выборъ и подборъ матеріала, закладка и постройка зданія. Наконецъ, бесѣда съ другомъ (не требуется вовсе споръ), это—осмотръ строенія; тутъ бросается общій взглядъ на симметрію и красоту отдѣльныхъ частей, отмѣчаются солидность или недостатки работы, и отыскивается лучшее средство ихъ исправить. Кромѣ того, бесѣда часто помогаетъ открывать истину и твердо укрѣпляетъ ее въ нашемъ умѣ».

А. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Обиліе выставокъ: четыре художественныхъ и «первая всероссійская выставка печатнаго дѣла». — Обыватель и его отношеніе къ книгѣ. — Оживленіе издательской дѣятельности. — «Молодая поэзія». — Изъ «Литературныхъ очерковъ» Надсона. — Два разсказа на одну тему: Д. Н. Мамина «Исповѣдь» и Л. Н. Толстого «Хозяинъ и работникъ». — Какъ умирають люди культуры.

Великій постъ—обычное въ Петербургѣ время выставокъ, которыхъ иногда открывается по нѣскольку разомъ, какъ, напр., въ настоящемъ году: четыре художественныхъ—и одна печатнаго дѣла. Такое обиліе художественныхъ произведеній,—результатъ нашего творчества всего только за одинъ годъ, — очень лестно для насъ. Искусства, видимо, процвѣтають, а они, если вѣрить прописямъ «добраго стараго времени», смягчаютъ нравы, что никогда не лишне.

Къ четыремъ этимъ выставкамъ слѣдовало бы прибавить еще пятую—академическую, бывшую въ декабрѣ и январѣ, хотя и незначительную по размѣромъ, но не уступающую «передвижникамъ» по достоинству. Впрочемъ, распространяться о ней нѣтъ особой нужды, такъ какъ лучшіе ея представители фигурируютъ и среди «передвижниковъ», которымъ, безспорно, принадлежитъ первое мѣсто. Здѣсь вы встрѣчаете произведенія любимыхъ художниковъ, болѣе строгій выборъ и больше содержательности. Остальныя выставки служатъ скорѣе сѣроватымъ фономъ, на которомъ болѣе яркимъ пятномъ выступаетъ «передвижная», какъ въ фокусѣ, сосредоточившая лучшія произведенія русскаго творчества. Пейзажи Шишкина, Левитана, Боголюбова, Волкова, Васнецова, портреты Рѣпина, Ярошенко, Сѣрова, жанровыя картинки Маковского, бюсты Забѣлло и Гинсбурга,—развѣ этого недостаточно, чтобы привлечь вниманіе посѣтителей? Пейзажи на первомъ планѣ, жанръ, портреты и немножко исторіи—таково въ общемъ содержаніе выставки.

Пейзажъ занимаетъ мѣста больше всего, какъ будто мы отвернулись отъ человѣческой жизни, со всѣмъ ея вздоромъ, и отды-

хаемъ «на лонѣ природы». Весна и зима, и другія времена года, и лѣсъ, и рѣки, и степь, и море,—даже за полярной кругъ (картина г. Коровина) мы забрались въ погонѣ за природой—все изображено съ надлежащей точностью и добросовѣтностью. Изъ 156 картинъ 89 посвящены пейзажу, въ изображеніи котораго наша живопись достигла замѣчательнаго совершенства. На выставкѣ нѣтъ особенно выдающихся пейзажныхъ картинъ, но нѣтъ и ни одной плохой. Каждая проникнута художественнымъ настроеніемъ, прекрасно передаетъ то, что задумалъ художникъ и что волновало его, хотя всѣ вмѣстѣ они и производятъ впечатлѣніе бѣдности замысла, почти ничтожности содержанія. Маленькіе уголки, если можно такъ выразиться—кусочки природы, выхвачены художникомъ и съ большимъ или меньшимъ умѣньемъ закрѣплены на полотнѣ. Единственную попытку—дать нѣчто цѣльное, широко задуманное, захватывающее—представляетъ картина г. Васнецова «Сибирь», но сѣрая, грязная степь, съ нависшими облаками, и двѣ неясныя скачущія верхомъ фигуры—также можетъ изображать Сибирь, какъ, напр., «Кама» того же художника—любую изъ сѣверныхъ рѣкъ Россіи. Если бы не предупредительная надпись внизу картины, можно бы подумать, что эта «Сибирь» представляетъ поле передъ дождемъ, или «сѣрый день въ степи», подобно многимъ другимъ «сѣрымъ» и «свѣтлымъ днямъ», изображающимъ на выставкѣ.

За пейзажемъ слѣдуютъ жанры всякаго рода, бытовыя сценки, типики и фигурки, болѣе или менѣе оригинальныя, въ общемъ даже занимательныя. Но всѣ эти «пріятели» (которыхъ на выставкѣ нѣсколько), «дѣвочки», «дѣдушки», «внучки», «старушки» и прочіе представители жизни—такъ бѣдны, капельны, до убожества ничтожны, что вчужѣ становится обидно за искусство, которому приходится довольствоваться такимъ матеріаломъ. Какъ исключеніе, можно указать этюды г. Касаткина «Шахтеры-зарубщики» и «Шахтерка», и мы понимаемъ, почему г. Третьяковъ единственно на нихъ остановилъ свое вниманіе, купивъ «Шахтерку» для своей знаменитой московской галереи. Не смотря на сѣроватый тонъ, этюды г. Касаткина выписаны съ силой и живостью, ярко передавая типъ подземнаго человѣка-ирота. Двѣ сильныхъ, угрюмо опустившихся на землю фигуры рабочихъ, покрытыхъ угольною пылью, очевидно только что поднявшихся изъ шахты и отдыхающихъ,—надолго врѣзываются въ памяти зрителя. При видѣ этихъ сурово-добродушныхъ лицъ, съ спокойствіемъ безнадёжности посматривающихъ на васъ, невольно вспоминается безотрадная пѣсенка, записанная Гл. Ив. Успенскимъ на Догу:

Нѣтъ работушки труднѣй,
 Какъ работа шахтерей:
 Шахтеръ рубить, шахтеръ бьетъ,
 Подъ землею ходъ ведетъ...
 День и ночь мы работаемъ.
 День и ночь мы со свѣчами,
 Смерть таскаемъ за плечами!
 Одинъ Богъ Небесный съ нами...

Среди многочисленныхъ портретовъ не обошлось безъ Л. Н. Толстого, котораго полюбили наши художники, какъ бы пробудъ на немъ свои силы. На этотъ разъ выступилъ г. Ярошенко съ портретомъ, который изъ всѣхъ изображеній знаменитаго писателя едва ли не лучший, хотя при первомъ на него взглядѣ вы испытываете нѣкоторое разочарованіе. Предъ нами не тотъ Л. Н. Толстой, какимъ мы его себѣ представляемъ. Художникъ не идеализировалъ, и, по отзыву лицъ, видѣвшихъ графа, достигъ поразительнаго сходства. Предъ вами сильный, здоровый старикъ, съ пронипательными глазами, въ которыхъ искрится умъ и затаянная иронія. Это не библейскій пророкъ, а то, что называется, человекъ «себѣ на умѣ»...

Всѣ портреты на выставкѣ богѣе или менѣ хороши, но они—только портреты, а не картины. Есть, впрочемъ, среди портретовъ г. Рѣпина одинъ, изображающій нѣчто большее, чѣмъ г-жу Н. Женщина въ бѣломъ словно выходитъ изъ рамокъ, съ лицомъ, весело улыбающимся, чему противорѣчить усталое выраженіе грустныхъ глазъ. Этотъ портретъ можно бы назвать «Осень». Последніе лучи лѣтняго солнца еще грѣютъ сквозь туманъ надвигающейся осени, но большая половина пути уже пройдена, и близокъ порогъ, за которымъ кончаются радости жизни, и остаются воспоминанія со всей ихъ жгучей горечью...

Историческая живопись на передвижной выставкѣ этого года представлена очень скудно. Всего двѣ картины: г. Сурикова «Покореніе Сибири Ермакомъ» и г. Клодта «Начало реформъ Петра». Правда, картина г. Сурикова—«дистанція огромнаго размѣра», громадное полотно во всю стѣну, съ массою фигуръ. Художникъ работалъ надъ нею больше пяти лѣтъ, видимо, положилъ на нее массу труда и добросовѣстно изучилъ эпоху во всемъ, что касается внѣшней стороны, оружія и одѣянья. Но въ картинѣ нѣтъ жизни, движенія, естественности. Она производитъ впечатлѣніе обстановочной пьесы на хорошей сценѣ. Театральный жестъ Ермака, «указующаго» сподвижникамъ на враговъ, казаки, старательно цѣлящіеся изъ самопаловъ, знамя въ центрѣ группы «военачальниковъ»—все напоминаетъ сцены изъ старыхъ пьесъ, въ родѣ «Смерть Ляпу-

нова» или «Рука Всевышняго отечество спасла», которыя и теперь даются по праздникамъ въ провинціальныхъ театрахъ. Неестественность всей композиціи еще усиливается странными размѣрами казаковъ, которыхъ художникъ изобразилъ гигантами въ сравненіи съ сибирскими инородцами. Послѣднихъ г. Суриковъ представилъ въ видѣ тѣхъ карапузиковъ-солдатиковъ, которыми на лубочныхъ картинахъ предводительствуютъ великаны-генералы. Что хотѣлъ представить г. Суриковъ? Что предъ его «богатырями» сибирскій инородецъ—ничто, и что сама судьба обрекла его на гибель и истребленіе? Трудно сказать, но ясно одно—новая картина художника не прибавитъ лавроваго листка къ вѣнку, которымъ и публика, и критика справедливо увѣнчали г. Сурикова за его «Стрѣльцовъ» и «Боярыню Морозову».

Говорить о другихъ произведеніяхъ, о выставкахъ акваеристовъ и русскихъ «импрессионистовъ», сисящихся пересадить на русскую почву болѣзненный плодъ французскаго декадентства въ живописи,—не мѣсто въ этихъ «замѣткахъ». Обзоръ «передвижниковъ» даетъ достаточный матеріалъ для характеристики современнаго искусства, на которомъ отразилась общая всеѣмъ тусклая, сѣрая, тихая и неподвижная обыденность, безъ сильныхъ интересовъ, жгучихъ страстей и яркихъ мыслей. Искусство, въ концѣ концовъ, только отражаетъ то, что его окружаетъ. Оно творить типы, которые беретъ изъ жизни, объединяя разсѣянные въ ней черты выдающихся явленій, и возносится до вершинъ идеала по мѣрѣ роста самой жизни.

Какъ достигаетъ этого художникъ, отлично рассказываетъ Г. Успенскій, тоже великій и единственный въ своемъ родѣ художникъ. Въ одномъ изъ своихъ очерковъ «По поводу одной картинки», нынѣ находящейся въ Третьяковской галлерей въ Москвѣ, онъ говоритъ:

«Картинка эта ничѣмъ особеннымъ не замѣчательна. Вотъ она: дѣвушка лѣтъ пятнадцати-шестнадцати, гимназистка или юная студентка, бѣжитъ «съ книжкой подъ мышкой» на курсы или на уроки...

«Такихъ дѣвушекъ, въ пледѣ и мужской круглой шапочкѣ, всякій изъ насъ видалъ и видитъ ежедневно и уже много лѣтъ подъ рядъ, и притомъ въ огромномъ количествѣ... И вотъ художникъ, выбирая изъ, всей этой толпы «бѣгущихъ съ книжками» одну самую ординарную, обыкновенную фигуру, обставленную самыми ординарными аксессуарамъ простаго платья, пледа, мужской шапочки, подстриженныхъ волосъ, тонко подмѣчаетъ и передаетъ вамъ «зрителю», «публикѣ», самое главное, самое важное во всемъ томъ, что мы, «публика», изжевали своими разглагольствованіями; это главное: чисто женскія, дѣвичьи черты лица, проникнутыя на картинѣ, если можно такъ выразиться, присутствіемъ юношеской, свѣтлой мысли. Главное же, что особенно свѣтло ложится на душу, это нѣчто прибавившееся къ обыкновенному женскому

типу—новая, мужская черта, черта свѣтлой мысли вообще, не приклеенная, а органическая... Вотъ это-то изящнѣйшее, не выдуманное и притомъ реальнѣйшее слитіе дѣвичьихъ и юношескихъ чертъ въ одномъ лицѣ, въ одной фигурѣ, освѣщенной не женской и не мужской, а «человѣческой» мыслью, сразу освѣщало, осмысливало и шапочку, и пледъ, и книжку, и превращало въ новый, народившійся, небывалый и свѣтлый образъ человѣческой...»

Но если нѣтъ этихъ отдѣльныхъ, разсѣянныхъ въ жизни черточекъ, нѣтъ ничего выдающагося, «зацѣпляющаго», по выраженію Успенскаго, — искусство мельчаетъ, тускнѣетъ или довольствуется шаблономъ, по которому и выкраиваетъ свои «сюжетки», какъ, напр., это и сдѣлалъ г. Богдановъ-Бѣльскій въ картинѣ «Воскресное чтеніе въ сельской школѣ». Здѣсь есть все, что требуется «по рецепту:» и сіяющій чтець, «одно изъ славныхъ русскихъ лицъ», и захудалый учитель, и степенный батюшка, и «вдумчивые мужички», — словомъ, все, кромѣ пустяковъ: жизни...

«Первая всероссійская выставка печатнаго дѣла», какъ бы скромна она ни была по размѣрамъ, интересна, тѣмъ не менѣе, и любопытна, какъ своего рода «знаменіе времени». Въ сущности, она имѣетъ отрицательное значеніе, показывая намъ съ убѣдительною наглядностью, какъ сильно отстали мы во всемъ, что касается техники печатнаго дѣла. Какойнибудь американецъ или, вообще, человѣкъ, знакомый съ западно-европейской культурой, съ снисходительною улыбкой посмотритъ на всѣ эти устарѣвшія машины, которыми изобилуетъ выставка, на наши изданія, столь отличныя по своей грубой вѣшности отъ западно-европейскихъ, и на весь прочій книгопечатный антуражъ первой печатной выставки. Но для насъ, русскихъ, эта выставка мила и пріятна, при всей ея бѣдности и во многихъ отношеніяхъ даже убожествѣ.

Правда, въ печатномъ дѣлѣ русскіе не сдѣлали ни одного изобрѣтенія, ничего не усовершенствовали, не дали міру ни одной полезной прибавки къ тому, что сами получали и получаютъ. Наши станки всѣ заграничныя, наши словолитни всѣ оттуда же, а наша бумага такъ дорога и въ то же время такъ плоха, что только громадной пошлиной можетъ спасти себя отъ убійственной конкуренціи съ иностранной. Но стоитъ только вспомнить, какъ, сравнительно, недавно еще печатный станокъ получилъ у насъ право гражданства и былъ признанъ полезнымъ на ряду, напр., съ сапожной колодкой, — и тогда выставка получаетъ иное совѣмъ освѣщеніе.

Книга и все, что съ нею связано, занимаетъ самое послѣднее мѣсто въ жизни русскаго обывателя. Сапоги, напр., онъ признаетъ вещь серьезной, и хотя не прочь поторговаться, но не рѣшается

никогда, зайдя въ магазинъ, попросить ихъ даромъ. Онъ понимаетъ, что сапоги требуютъ труда, стоятъ денегъ, и что магазинъ ихъ даромъ не получаетъ. Хозяинъ магазина въ его глазахъ—человѣкъ также серьезный, которому надо свою выгоду наблюсти, и разъ онъ поставляетъ товаръ доброкачественный, то обыватель имъ доволенъ. Совѣмъ иное дѣло съ книгой. Въ глазахъ обывателя она—вещь, за которую платить деньги какъ-то совѣстно, и потому онъ наравитъ по возможности получить ее даромъ. Ему представляется, что изданіемъ книгъ могутъ заниматься люди, которымъ дѣлать нечего, которые отъ бездѣлья «балуются». Поэтому, онъ безцеремонно проситъ книгу и требуетъ еще, «на чайкъ» за это, какъ мужикъ у Глѣба Успенскаго, требовавшій съ барина «за посмотрѣніе»,—и обижается, если ему отказываютъ. Онъ заваливаетъ издателей журналовъ и газетъ требованіями о бесплатной высылкѣ ихъ изданій, проявляя при этомъ столь трогательную увѣренность въ своемъ правѣ, что обезоруживаетъ всякій гнѣвъ. Съ такимъ же легкимъ сердцемъ онъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ человѣкъ аккуратнѣйшій, и даже щепетильный, «зачитываетъ» взятую книгу, растаскиваетъ общественныя библіотеки, вырываетъ картинки изъ дорогихъ изданій и исчерчиваетъ поля книгъ глубокомысленными замѣчаніями во вкусѣ «заборной» литературы.

Не свободно отъ нѣкотораго легкомыслія и, такъ называемое, «общество», среди котораго до сихъ поръ распространенъ взглядъ на писательскую и издательскую, словомъ—книжную дѣятельность, какъ на что-то, не совѣмъ серьезное, въ лучшемъ случаѣ, филантропическое. Сплошь и рядомъ приходится слышать, какъ къ писателямъ обращаются съ требованіемъ разрѣшить бесплатно изданіе того или иного ихъ произведенія. Цѣли, которыми руководятся при этомъ просители, безспорно, очень хороши, но совершенно упускается изъ виду, что писатель—такой же работникъ, какъ и всякій другой, живущій своимъ трудомъ—и только. Что же касается результата его работы—книги, то она такой же товаръ, какъ и все, что идетъ на пользу человѣку. Выдѣлять ее изъ ряда другихъ товаровъ, ставя въ особія условія, значитъ—создавать препятствія для ея распространенія.

Филантропія хороша въ личныхъ отношеніяхъ людей, но нельзя на ней строить общественнаго дѣла. Все, что въ общественной жизни основано на филантропическихъ началахъ, «смертію умретъ» тамъ, гдѣ эта жизнь зиждется на началахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ филантропическими.

Для поясненія этой мысли можетъ служить недавнее (годъ

тому назадъ) ходатайство объ ограниченіи литературной собственности. Всякому покажется въ настоящее время, по меньшей мѣрѣ странной—просьба объ ограниченіи какой-нибудь другой «собственности», напр., на дома, въ такомъ родѣ, что человекъ, приобрѣтшій домъ, можетъ имъ пользоваться, положимъ, 25 лѣтъ, по истеченіи которыхъ онъ переходитъ въ собственность города или другого общественнаго учрежденія. Но такое же ходатайство по отношенію къ литературной собственности оказалось возможнымъ, хотя изъ всѣхъ видовъ частной собственности это самый невинный, и притомъ, уже ограниченный (50 л. со дня смерти автора). Къзалось бы, напротивъ, именно эту собственность слѣдовало бы оградить тамъ, гдѣ всѣ остальные виды частной собственности пользуются всевозможными гарантіями, такъ какъ только при этомъ условіи работники печати, «пишущая братія», могутъ быть хоть сколько-нибудь независимы и самостоятельны. Безъ сомнѣнія, очень пріятно было бы любому автору даромъ раздавать свои произведенія, если бы въ то же время онъ даромъ получалъ все, что требуется ему, какъ и всякому російскому обывателю. Если же нѣтъ послѣдняго условія, то и неожиданное требованіе, предъявляемое къ литературному труду, свидѣтельствуетъ о томъ же «несерьезномъ» къ нему отношеніи, какъ и просьбы обывателя о даровомъ полученіи книгъ...

Но, какъ бы то ни было, а печатный станокъ все же существуетъ у насъ и дѣйствуетъ, и съ каждымъ годомъ дѣятельность его все усиливается. Это усиленіе несомнѣнный фактъ, выражающійся въ ростѣ числа изданій, которыя захватываютъ все больший и больший кругъ читателей. Въ самомъ дѣлѣ, за послѣднія нѣсколько лѣтъ издательская дѣятельность расширилась замѣтно, распространившись на массу книгъ, до сихъ поръ бывшихъ чуть не библиографической рѣдкостью. Новые и старые авторы десятками тысячъ выходятъ въ свѣтъ въ дешевыхъ изданіяхъ и быстро расходятся съ легкой руки гг. Суворина, Ледерле, Павленкова, Пантелѣва и другихъ столичныхъ и провинціальныхъ издателей. Книга по-немногу завоевываетъ себѣ читателя, не въ видѣ отдѣльныхъ любителей чтенія, а массами, въ которыхъ смутно пробуждается стремленіе расширить обыденную жизнь, сложившуюся вѣками, и взглянуть на нее не съ точки зрѣнія личнаго «пошлаго опыта», а опыта мірового, какъ вывода изъ всего, что дали наука и исторія.

Въ связи съ выставкой, въ началѣ апрѣля предстоитъ съѣздъ «дѣятелей печатнаго слова». Что это будетъ за съѣздъ, не видно изъ газетныхъ извѣстій. Можно думать, что на съѣздѣ будетъ

высказано скромное слово объ истинныхъ нуждахъ печати, которой необходимы не одни только печатные станки, словолитни и бумага. Китай владѣеть орудіями печатнаго слова уже три тысячи лѣтъ, но его побилъ Японія, которая съумѣла вдохновить эти орудія. Они живутъ, дышутъ и развиваются только тогда, когда развивается и самое слово, отечественная литература, воплощающая умственную жизнь народа. Печать и народное развитіе связаны неразрывно, и всякая попытка ограничить первую отзывается упадкомъ второго, такъ какъ ничѣмъ нельзя замѣнить ту массу нравственныхъ и умственныхъ богатствъ, которую ежедневно даетъ печать. Въ этомъ отношеніи услуги печати неоцѣнимы, хотя мы такъ же мало замѣчаемъ ихъ, какъ свѣтъ или здорье, значеніе которыхъ только тогда получаетъ надлежащую оцѣнку, когда они исчезаютъ.

«Молодая поэзія» — заманчивое заглавіе небольшого сборника «избранныхъ стихотвореній молодыхъ русскихъ поэтовъ», только что вышедшаго въ свѣтъ.

Молодость и поэзія всегда идутъ вмѣстѣ, потому что область, которую отмежевали себѣ и та, и другая, — это область чувства. Имъ живетъ молодость, и лишь до тѣхъ поръ она молода, пока чувство руководитъ ея. Такъ и съ поэзіей, которая, по мѣткому опредѣленію Надсона, «должна выражать и будить въ человѣкѣ свойственныя его натурѣ чувства». Но есть чувства, и чувства, и по нимъ можно судить, какова молодость, и какова поэзія.

Когда Леопарди въ началѣ этого столѣтія пѣлъ свои «Стансы къ Италиі», онъ выражалъ чувства лучшихъ итальянцевъ своего времени, проникнутыхъ справедливымъ негодованіемъ къ австрійскому режиму. И въ той же Италиі, въ наши дни, нѣкій господинъ д'Аннунціо воспѣваетъ тоже въ «стансахъ» — «трепетанія смерти» и «смертныя содроганія любви», или что-то въ этомъ родѣ, чего «нехитрому уму не выдумать и въ вѣкъ», и что лучше всего опредѣляется остроумной характеристикой г. Буренина, которую онъ сдѣлалъ для «новой поэзіи», — «голубые звуки и бѣлыя поэмы».

Издатели «Молодой поэзіи», г.г. П. и В. Перцовы, «чуждые всякой партійности и тенденціозности, руководились въ своемъ выборѣ единственно правиломъ Тургенева: «въ дѣлѣ поэзіи важна одна только поэзія». Правило, безспорно, вѣрное, и, обращаясь къ сборнику, мы съ полнымъ правомъ должны ожидать, что онъ намъ выяснитъ, какова же эта «молодая поэзія», какими чувствами живетъ она, что выражаетъ и что пробуждаетъ въ читателѣ.

На первой страничкѣ помѣщено стихотвореніе г. Бальмонта «Фантазія», которое можетъ служить «мотивомъ» всего сборника.

Чьи-то вздохи, чье-то пѣнье, чье-то скорбное моленье,
И тоска, и упоенье,—точно искрится звѣзда,
Точно свѣтлый дождь струится,—и деревьямъ что-то снится,
То, что людямъ не приснится, никому и никогда...

И такъ, что то неуловимое, неопредѣленное, неясное самому поэту,—не чувство, а скорѣе, рядъ смутныхъ ощущеній, служащихъ только фономъ, на которомъ слагается образъ. И этотъ мотивъ красной нитью проходитъ черезъ весь сборникъ, повторяясь во всѣхъ лучшихъ стихотвореніяхъ. Приведемъ, для примѣра, одно, по нашему мнѣнію, лучшее изъ всего сборника: это стихотвореніе гр. П. Бутурлина «Баядера».

Луна сквозь туманы—блѣдный привидѣнья;
Едва серебрится восточная даль;
Созвѣздія дрожатъ на рѣкѣ отраженія,
Какъ жемчугъ, упавшій на тусклую сталь.

Едва серебрится восточная даль
И думы рабыни туда улетаютъ...
Какъ жемчугъ, упавшій на тусклую сталь,
Лишь первые дни въ темной жизни блистаютъ!

И думы рабыни туда улетаютъ,
Гдѣ вѣчно бѣлѣетъ святой Эверестъ...
Лишь первые дни въ темной жизни блистаютъ!
Тамъ снился и ей сонъ счастливыхъ невѣстъ.

Гдѣ вѣчно бѣлѣетъ святой Эверестъ,
Она разцвѣла среди бѣдности вольной;
Тамъ снился и ей сонъ счастливыхъ невѣстъ!..
А смерти страшнѣй—красота для бездольной.

Она разцвѣла среди бѣдности вольной
И вянетъ средь роскоши свѣтлыхъ дворцовъ:—
А смерти страшнѣй—красота для бездольной!—
На рынкѣ Дельхи продается любовь.

И вянетъ средь роскоши свѣтлыхъ дворцовъ,
Что лотоса сорванный цвѣтъ, Баядера;—
На рынкѣ Дельхи продается любовь,
Какъ горсть изумрудовъ, какъ шкура пантеры.

Что лотоса сорванный цвѣтъ, Баядера
Въ раздумьи поникла прелестной главой:
«Какъ горсть изумрудовъ!.. Какъ шкура пантеры!..»
Смутился впервые лѣнивый покой.

Въ раздумьи поникла прелестной главой...
У ногъ ея волны журчатъ безмятежно,—
Смутился впервые лѣнивый покой.
Ей слышится голосъ ласкающе-нѣжный..

У ногъ ея волны журчатъ безмятежно:

«Тутъ день безъ веселья, тутъ ночь безъ пировъ!»

Ей слышится шепотъ ласкающе-нѣжный:

«Въ Нирванѣ исчезнуть и стыдъ, и любовь!..»

«Тутъ дни безъ веселья, тутъ ночь безъ пировъ!

Тутъ мысль не томить, не томить наслажденья,—

Въ Нирванѣ исчезнуть и стыдъ, и любовь...»

Луна сквозь туманы—блѣдный привидѣнья.

Это стихотвореніе, безъ сомнѣнія, очень хорошо написано, но именно «написано»,—до того оно смутно по содержанію и въ то же время искусственно построено. Образъ тоскующей рабыни почти неуловимъ, словно закутанъ туманной дымкой, сквозь которую едва проступаютъ колеблющіяся, почти воздушныя, очертанія. Стихъ въ высшей степени музыкаленъ, но повтореніе каждаго стиха черезъ два дѣйствуетъ убаюкивающимъ образомъ, ослабляетъ впечатлѣніе и усиливаетъ неясность. Поэтическое чутье удержало гр. Бутурлина на границѣ, за которой начинаются дѣйствительно, «голубые звуки и бѣлыя поэмы». Стихотвореніе, безспорно, проникнуто поэтическимъ настроеніемъ, которое передается читателю, но достигается это искусственнымъ образомъ, чего не допускаетъ истинная поэзія. Какъ образчикъ послѣдней, возьмемъ двѣ заключительныхъ строфы изъ пушкинскаго «Анчара», который невольно напрашивается на сравненіе съ «Баядерой».

Принесъ—и ослабѣлъ, и легъ

Подъ сводомъ шалаша, на лыжи,

И умеръ бѣдный рабъ у ногъ

Непобѣдимаго владыки.

А царь тѣмъ ядомъ напиталъ

Свои послушныя стрѣлы,

И съ ними гибель рассылалъ

Къ сосѣдамъ въ чуждые предѣлы.

Ни одного лишняго слова, каждое — новый образъ, новая черта, словно высѣченная на мраморѣ, и все вмѣстѣ такъ чудно просто и такъ чудно хорошо! Такова истинная поэзія, простая, безыскусственная и естественная, какъ сама жизнь и красота.

Большинство «молодыхъ поэтовъ», попавшихъ въ сборникъ г.г. Перцовыхъ, производитъ впечатлѣніе чего-то неяснаго, недосказаннаго и страннаго, словно они всѣ чѣмъ-то отуманены. Они силятся что-то высказать, чѣмъ-то заинтересовать насъ, повидимому, очень высокимъ и идеальнымъ, но въ общемъ ничего не выходитъ, кромѣ того, что, по словамъ г. Бальмонта, — «людямъ не приснится, никому и никогда». А если это такъ,—развѣ оно уже такъ важно, чтобы видѣть въ этомъ—какъ заявляютъ

издатели сборника, — «новую полосу русской поэзіи, въ которой — какъ бы то ни было — заключается ея будущее»?

Поэзія, сколь бы высокога мнѣнія мы о ней ни были, все таки зависитъ отъ условій нашего времени и нашего мѣста. «Молодые поэты» сборника только отразили въ своихъ многочисленныхъ произведеніяхъ свое «безвремяе». Они — результатъ той «полосы», которая ихъ захватила, не давъ имъ ни сильныхъ чувствъ, ни высокихъ идей, ни страстныхъ порывовъ «въ надзвѣздную даль», гдѣ вѣчное царство идеала. Они хорошо овладѣли стихомъ, уловили извѣстную поэтическую струнку, которая звучитъ даже въ бреду больного, и дали нѣсколько звучныхъ строфъ, но, мы боимся — ихъ поэзія не «пройдетъ вѣковъ завистливую даль». Внимательно прочитавъ — и не разъ — ихъ сборникъ, испытываешь одно только желанье вернуться скорѣй къ «старикамъ», и «ими сердце освѣжить»...

Насъ было много на челнѣ:

Иные парусъ напрягали,

Другіе дружно упирали

Въ глубь мощныя весла. Въ тишинѣ,

На руль склоняся, нашъ кормщикъ умный

Въ молчаньи правилъ грузный челнъ:

А я — безпечной вѣры полнъ —

Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно волнъ

Измаялъ съ валеу вихоръ шумный...

Погибъ и кормщикъ, и пловецъ!

Лишь я, таинственный пѣвецъ,

На берегъ выброшенъ гровою,

Я гимны прежніе пою

И ризу влажную мою

Сушу на солнцѣ, подъ скалою *).

И намъ эти «прежніе гимны» понятнѣе и болѣе привлекательны высокопарныхъ «новыхъ звуковъ», въ которыхъ и сами «молодые пѣвцы» не могутъ доискаться ни конца, ни начала.

Какимъ-то страннымъ случаемъ, по недоразумѣнью, должно быть, — въ сборникъ попалъ и Надсонъ, потому что его «поэзія» рѣшительно ничего общаго не имѣетъ съ «молодой поэзіей» г.г. Перцовыхъ. Въ противность г.г. Бальмонтамъ, Бутурлинымъ и Фофановымъ, онъ такъ и характеризуетъ свою поэзію:

Нѣтъ, не ищи ея въ дыханіи цвѣтовъ,

Въ мерцаньи яркихъ звѣздъ полуночной порою,

Въ святыхъ словахъ молитвъ, въ тиши родныхъ лѣсовъ,

И въ пѣсняхъ соловьевъ, гремящихъ за рѣкою...

Тамъ умерла она для черствыхъ нашихъ дней,

Прошло владычество безжизненной природы.

*) Пушкинъ. «Аріонъ».

Поэзія теперь—поэзія скорбей,
 Поэзія борьбы и мысли, и свободы.
 Поэзія въ стѣнахъ кипучихъ городовъ,
 Поэзія въ трудѣ за лампою ночью...

Не правда ли, какъ далеко это стремленіе поэта воспрѣвать «борьбу, и мысль, и трудъ»—отъ цѣли, которую ставитъ себѣ, напр., г. Фофановъ въ слѣдующемъ стихотвореніи, безспорно, служащемъ украшеніемъ сборника «молодой поэзіи»?

Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя
 Нашептали цвѣтамъ сказки чудныя...
 Лепестки улынулись атласныя,
 Задрожали листы изумрудныя.
 И цвѣты, опьяненные росами,
 Разсказали вѣтрамъ сказки нѣжныя,
 И распѣли ихъ вѣтры мятежныя
 Надъ землей, надъ волной, надъ утесами.
 И земля подъ весенними ласками,
 Наряжаяся тванью зеленою,
 Переполнила звѣздными сказками
 Мою душу безумно влюбленную.
 И теперь въ эти дни многотрудныя,
 Въ эти темныя ночи ненастныя.
 Отдаю я вамъ, звѣзды прекрасныя,
 Ваши сказки задумчиво-чудныя.

Помѣстивъ Надсона на ряду съ г. Фофановымъ, издатели, очевидно, имѣли въ виду выказать свое безпристрастіе, какъ они и заявляютъ объ этомъ въ предисловіи, но этимъ они нарушили цѣльность. Ему нѣтъ мѣста въ сборникѣ «молодыхъ поэтовъ», онъ цѣликомъ стоитъ въ ряду «стариковъ», по формѣ, простой и изящной, по взглядамъ и стремленіямъ. Развѣ только по возрасту можно было включить его поэзію въ «молодую», но, вѣдь, разная тоже и молодость бываетъ...

Въ своихъ «Литературныхъ очеркахъ» *) Надсонъ такъ опредѣляетъ современную поэзію:

«Поэты, проповѣдующіе искусство для искусства, напрасно думаютъ, что школа ихъ противоположна другой, тенденціозной школѣ: она является просто одною изъ ея составныхъ частей, служа только чувству красоты, тогда какъ вторая служить и чувствамъ справедливости, добра и истины. Не трудно видѣть, которой изъ этихъ двухъ группъ принадлежитъ будущность. Тенденціозность есть послѣднее мирное завоеваніе, сдѣланное искусствомъ, есть пока послѣднее его слово. А искусство, сдѣлавъ также завоеваніе, не отступаетъ назадъ, если только оно не противорѣчитъ его естественному закону. Очевидно, что недалеко время, когда поэзія тенденціозная поглотитъ

*) «Литературные очерки» (1883—1886 г.) С. Я. Надсона. Съ портретомъ автора.—Изд. Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.—Изд. второе. Ц. 1 р.

повзю чистую, какъ цѣлое свою часть, какъ океанъ поглощаетъ разбившуюся объ утесъ свою же волну» (стр. 200—201).

Пророчество—нѣсколько преждевременное, и товарищи Надсона по сборнику г.г. Перцовыхъ прочтутъ его не безъ улыбки.

Но торжество ихъ не долговѣчно, какъ не долговѣчна и та «полоса безвременья», которую они выражаютъ въ своихъ туманныхъ порываніяхъ къ тому, «что людямъ не приснится, никому и никогда». Ибо всему бываетъ конецъ на свѣтѣ,—и въ этомъ величайшее утѣшеніе въ жизни. Вѣчно—одно лишь стремленіе къ истинѣ, и отъ «молодой поэзіи» останется ровно столько, сколько въ ней заключается этого стремленія.

Правду говоря,—немного же отъ нея останется...

Читатели, конечно, успѣли уже познакомиться съ новымъ разсказомъ Л. Н. Толстого «Хозяинъ и работникъ», почему передавать его содержаніе нѣтъ надобности. Намъ хотѣлось бы только сдѣлать одно маленькое сопоставленіе, которое, быть можетъ, читателями «Мира Божьяго» уже и сдѣлано. Въ декабрьской книжкѣ нашего журнала за прошлый годъ былъ напечатанъ разсказъ г. Мамина «Исповѣдь», тема котораго буквально повторяется въ разсказѣ Л. Н. Толстого.

Было бы смѣшно и глупо говорить о какомъ-либо позаимствованіи въ данномъ случаѣ, и если что заслуживаетъ вниманія, такъ это—совпаденіе мысли у обоихъ художниковъ, различными путями приходящихъ къ одной и той же цѣли.

Въ самомъ дѣлѣ, разница въ творчествѣ обоихъ писателей несомнѣнна. Г. Маминъ—художникъ, не задающійся никакой предвзятой моралью, предоставляя читателю самому искать таковую. Онъ художественно, т.-е. правдиво, рисуетъ жизнь въ безчисленныхъ ея проявленіяхъ, заботясь объ одномъ, чтобы впечатлѣніе было вѣрное, именно такое, какое произвела бы дѣйствительность. И если впечатлѣніе получается сильное, то въ этомъ и сказывается талантъ автора, сѣумѣвшаго передать свое настроеніе читателю.

Быть можетъ, это покажется большой ересью, но разсказъ г. Мамина произвелъ на насъ большее впечатлѣніе, чѣмъ «Хозяинъ и работникъ» Л. Н. Толстого. «Исповѣдь» меньше по размѣрамъ, разсказъ ведется сжато до крайности и по обработкѣ не оставляетъ желать лучшаго. «Хозяинъ и работникъ» нѣсколько растянутъ, изобилуя мелочами, правда, въ высшей степени художественно написанными. Далѣе, въ то время, какъ у г. Мамина мораль вытекаетъ сама собой,—у Л. Н. Толстого она съ самаго

начала на первомъ планѣ. Его «хозяинъ» — только хозяинъ, его «работникъ» — только работникъ. То человѣческое, что ихъ сближаетъ, является лишь подъ конецъ, — и это въ своемъ родѣ *tour de force* писателя. Читатель недоумѣваетъ, какимъ это образомъ «хозяинъ», совершеннѣйшее животное, чуждое всего человѣческаго, внезапно превращается въ человѣка? Читатель готовъ уже запротестовать, и только подпись Л. Н. Толстого удерживаетъ его отъ выраженія недоумѣнія.

Ничего подобнаго нѣтъ въ разсказѣ г. Мамина. Его герои — живые люди, со всѣми ихъ недостатками, но и нечуждые человѣческихъ чувствъ. Вамъ понятны ихъ интересы, мысли, взаимныя отношенія, всѣ ихъ поступки вытекаютъ изъ ихъ психики, и, по мѣрѣ развитія дѣйствія, вы больше и больше входите въ ихъ положеніе. Покаянное настроеніе сильнаго и, не смотря все его «звѣрство», въ сущности, добродушнаго, золотопромышленника — не застываетъ васъ врасплохъ. Погибая, онъ силится до послѣдней минуты спасти и своего жалкаго спутника, и еще болѣе жалкаго киргиза-работника. Даже бѣдная собачонка, захваченная пургою въ степи, внушаетъ ему жалость, и онъ не прочь прихватить и ее къ себѣ въ возокъ. Совершенно иначе ведетъ себя «хозяинъ» Л. Н. Толстого. Ни до кого ему нѣтъ дѣла. Почувствовавъ опасность, онъ, не задумываясь, бросаетъ спутника, — ибо такъ необходимо для морали. Иначе, и морали бы не было. И потому-то, когда съ «хозяиномъ» совершается переворотъ, и это животное, только-что безжалостно бросившее «работника» на произволь судьбы, внезапно возгорается самой страстной человѣческой любовью къ нему, — вы изумлены, но ни мало не растроганы. Вамъ такъ и хочется сказать по поводу его рыданій: «Нда, бываетъ и не то еще... Смерть-то не свой братъ»...

Темными путями, ощупью добираемся мы до истины, радуясь всякому указанію. Художественное пониманіе правды, громадный талантъ Л. Н. Толстого вѣрнѣе и лучше помогали намъ прежде. Вспомнимъ потрясающій моментъ смерти Анны Карениной и послѣднія, заключительныя строчки: «И свѣча, при которой она читала исполненную тревогъ, обмановъ, горя и зла книгу, вспыхнула болѣе яркимъ, чѣмъ когда-нибудь, свѣтомъ, освѣтила ей все то, что прежде было во мракѣ, затрещала, стала меркнуть — и навсегда потухла».

Читатель, разбитый, подавленный, оставляетъ книгу и съ ужасомъ останавливается передъ этой прекрасной, такъ зря потерянной, жизнью, вмѣстѣ съ авторомъ ища отвѣта на вѣчный вопросъ: гдѣ же истина?

Теперь Л. Н. Толстой знаетъ, гдѣ истина, но намъ отъ этого не легче. Что онъ далъ намъ своимъ «Хозяиномъ и работникомъ»? Художественный рассказъ о двухъ приматахъ, почти дикаряхъ, и хочеть увѣрить насъ, что въ минуту смерти ихъ осіяла правда, доступная только человѣку.

Нѣтъ, при всемъ уваженіи къ великому художнику, мы не вѣримъ ему, какъ обладателю истины. Не такъ гибнуть люди, которымъ правда доступна, по скольку она вообще намъ доступна.

Мы имѣемъ драгоценный документъ, свидѣтельствующій объ этомъ, написанный человѣкомъ погибшимъ при условіяхъ, близкихъ къ рассказу Л. Н. Толстого. Это—дневникъ капитана де-Лонга, командира «Жанеты», замерзшаго въ устьяхъ Лены *). Ни съ чѣмъ несравнимо впечатлѣніе этихъ простыхъ, безыскусственныхъ, сухо-дѣловыхъ, записей, доведенныхъ де-Лонгомъ до послѣдней минуты. Все время онъ, полузамерзшій, занятъ, во-первыхъ, дѣломъ, которое ему поручено, во-вторыхъ, судьбою своихъ товарищей. Всѣ его мысли сосредоточены на ихъ спасеніи, на ихъ бѣдственной участи. Онъ думаетъ о другихъ, борется за нихъ, вплоть до послѣдняго вздоха, когда ослабѣвшая рука проводитъ молчаливую черту, — краснорѣчивое свидѣтельство исполненнаго долга. Записную книжку нашли возлѣ де-Лонга. И мертвый, онъ словно хранить ее, какъ дорогой документъ съ указаніями, гдѣ слѣдуетъ искать его несчастныхъ товарищей.

Такъ погибаютъ люди культуры, которая, не обѣщая полной истины, учитъ насъ безтрепетно искать ее на всѣхъ путяхъ.

Ибо не дана истина человѣку, но, какъ говорить Гёте,

Ein guter Mensch in seinem dunkeln Drange
Ist sich des rechten Weges wohl bewusst **).

Вопросъ лишь въ томъ, чтобы это стремленіе, хотя бы смутное и неясное, было искреннимъ. Настоящую дорогу мы найдемъ въ концѣ концовъ...

А. Б.

*) У. Гильдеръ. «Во льдахъ и снѣгахъ Сибири. Отчетъ объ экспедиціи для отысканія капитана де-Лонга». Изд. А. Суворина.

**) «Фаустъ»... «Хорошій человѣкъ, въ своемъ темномъ стремленіи, все-таки держится вѣрнаго направленія».

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На Роднѣ.

Рѣчь сенатора Кони о судѣ присяжныхъ. Въ концѣ прошлаго года, въ связи съ занятіями Высочайше утвержденной комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ, происходило совѣщаніе представителей судебныхъ округовъ о дѣятельности суда присяжныхъ. Руководство этимъ совѣщаніемъ было возложено на сенатора Ан. Фед. Кони, который въ своей вступительной рѣчи (изданной теперь отдѣльной брошюрой) сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Принявъ, какъ особую честь, возложенное на меня руководство совѣщаніями вашими по вопросамъ о дѣятельности суда присяжныхъ и о судѣ съ сословными представителями, считаю необходимымъ намѣтить, въ общихъ чертахъ, ходъ нашихъ занятій и приемы, которыми намъ слѣдовало бы при нихъ руководиться. Мнѣ незачѣмъ напоминать вамъ порядокъ возникновенія у насъ суда присяжныхъ и указывать въ нашей правовой исторіи слѣды подобнаго этому суду учрежденій. Порядокъ этотъ вамъ извѣстенъ, а слѣды теряются въ туманѣ слишкомъ отдаленнаго времени и притомъ еще подлежатъ сильному оспариванію. Несомнѣнно одно: введеніе суда присяжныхъ въ странѣ, только-что освобожденной отъ крѣпостнаго права,—было весьма смѣлымъ шагомъ. Крѣпостныя отношенія во всякомъ случаѣ, по существу своему, не могли быть школою для чувства законности ни для кре-

стьянъ, ни для ихъ собственниковъ. А между тѣмъ, и тѣ, и другіе, — особливо первые, вчерашніе безправные люди, — призывались въ большомъ количествѣ, чтобы творить судъ по внутреннему убѣжденію совѣсти. Можно было отступить въ смущеніи предъ возможностью полнаго непониманія ими своей задачи и ограничиться какими-либо полумѣрами, въ видѣ частичныхъ улучшеній стараго суда. Но составители Судебныхъ Уставовъ съ довѣріемъ отнеслись къ духовнымъ силамъ и къ здравому смыслу своего народа. Они рѣшились къ только-что даннымъ людямъ сельскаго сословія гражданскимъ правамъ — присоединить и высокую обязанность быть судьей. Это довѣріе нашло себѣ отзывъ въ великодушномъ сердцѣ Законодателя, и смѣлый шагъ былъ сдѣланъ».

Перехода затѣмъ къ обвиненіямъ, раздающимся противъ суда присяжныхъ, сенаторъ Кони останавливается на обвиненіи въ подкупности присяжныхъ и въ излишней мягкости ихъ приговоровъ. Оба эти обвиненія сенаторъ Кони признаетъ неосновательными, что и доказываетъ съ помощью статистическихъ данныхъ. Такъ, съ 1879 г. по 1892 суду судебныхъ палатъ было предано Правительствующимъ Сенатомъ, по обвиненію въ подкупѣ, 80 лицъ, по 20 дѣламъ, изъ коихъ Палатами признаны виновными и осуждены 29, причемъ 28 изъ нихъ были крестьяне

и одинъ доорянинъ. За то же время, въ Россіи съ участіемъ присяжныхъ было разрѣшено 208,000 дѣлъ, т. е. дѣйствовало 208,000 составовъ присутствія комплектовъ присяжныхъ. Такимъ образомъ, въ годъ было разсмотрѣно до 16,000 дѣлъ, или участвовали около 200,000 присяжныхъ засѣдателей, изъ которыхъ около *двухъ* въ годъ оказались доступными подкупу.

Совѣщаніе представителей судебныхъ вѣдомствъ почти единогласно высказалось въ пользу суда присяжныхъ: изъ 20 лицъ, участвовавшихъ въ немъ, только двое были противъ. Въ своей заключительной рѣчи А. Ѳ. Кони, резюмируя мнѣніе собравшихся представителей судебныхъ вѣдомствъ, заявилъ:

«Судъ жизненный, имѣющій облагораживающее вліяніе на народную нравственность, служащій проводникомъ народнаго правосознанія, долженъ не отойти въ область преданій, а укрѣпиться въ нашей жизни. Русскій присяжный засѣдатель, особливо изъ крестьянъ, относящійся къ своему дѣлу, какъ къ дѣлу служенія совѣсти, кладущій, по замѣчанію В. А. Аристова, призывную повѣстку, сулящую ему тяжелый трудъ и матеріальныя лишенія, *за образа*, — честно и стойко вынесъ и выноситъ тотъ опытъ, которому подвергъ его законодатель. Выходя на минуту изъ роли простого руководителя совѣщанія, я позволю себѣ, на основаніи долголѣтнаго моего судебного служенія на разныхъ ступеняхъ судебной лѣстницы, вполнѣ и всецѣло присоединиться къ мнѣнію большинства, и считаю необходимымъ при этомъ припомнить заявленія двухъ прокуроровъ палаты, изъ которыхъ у одного расцѣпился всѣ сомнѣнія въ высокой пригодности суда присяжныхъ послѣ долголѣтнаго знакомства со свойствомъ работы безприсяжнаго суда, а другому вспомнилось здѣсь то чувство нрав-

ственного удовлетворенія, которое, въ своей практической дѣятельности, онъ выносилъ изъ приговоровъ присяжныхъ, въ которыхъ онъ видѣлъ продуктъ совѣтливаго и внимательнаго отношенія къ дѣлу съ точки зрѣнія жизненной правды, даже и тогда, когда приговоры эти бывали несогласны съ предъявленнымъ обвиненіемъ».

На совѣщаніи разсматривался, въ числѣ прочихъ, вопросъ о выдачѣ денежнхъ пособій присяжнымъ изъ крестьянскаго сословія, которымъ часто очень трудно бываетъ отрываться отъ своего дѣла и проживать въ городѣ во время сессіи суда. По этому вопросу представители судебного вѣдомства пришли къ слѣдующему заключенію:

«Относительно *матеріальнаго обезпеченія* присяжныхъ, принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, были приведены указанія, что и нынѣ нѣкоторыя земства, побуждаемая насущною необходимостью, оказываютъ пособіе присяжнымъ подъ видомъ расходовъ на благотворительность, и что рѣшеніе Сената, лишившее въ 1872 году земство права прямо и нелицемѣрно облегчать нужду присяжныхъ, идетъ въ разрѣзъ съ намѣреніями составителей Судебныхъ Уставовъ, которые, какъ напомнилъ предсѣдатель II отдѣла коммиссіи, сенаторъ Н. Н. Шрейберъ, признавая, что присяжные засѣдатели должны получать вознагражденіе изъ земскихъ сборовъ, лишь потому не ввели правила о порядкѣ опредѣленія сего вознагражденія въ учрежденіе судебныхъ установленій, что приведеніе ихъ въ дѣйствіе относится къ предмету вѣдомства губернскихъ земскихъ собраній. Поэтому, совѣщаніе единогласно признало настоятельную необходимость въ осуществленіи этой благой для достоинства отправленія правосудія первоначальной мысли законодателя».

Такимъ образомъ, судъ присяжныхъ

признавъ высшими судебными авторитетами, какъ лучший и безусловно единственный, который можетъ укрѣпить все возрастающее въ народѣ сознаніе законности, права и справедливости. Какъ судъ равный для всѣхъ, милостивый и скорый, гласный и по тому подлежащій контролю общественнаго мнѣнія, онъ—лучшая гарантія правильнаго отправленія правосудія, этой основы жизни государственной и общественной.

Памяти Я. И. Ростовцева. Въ февралѣ этого года исполнилось 35 лѣтъ со дня смерти одного изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей по освобожденію крестьянъ—Якова Ивановича Ростовцева. «Русскія Вѣдомости» посвятили его памяти прочувствованную статью, откуда мы и заимствуемъ сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія.

«Когда правительствомъ былъ поставленъ на очередь назрѣвшій вопросъ о крѣпостномъ правѣ, Ростовцевъ былъ назначенъ членомъ во вновь учрежденный для разработки помянутаго вопроса секретный комитетъ (3-го января 1857 г.). 8-го января 1858 г. этотъ комитетъ былъ переименованъ въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу. Ростовцевъ сначала отстранялся отъ участія въ крестьянской реформѣ, но потомъ такъ пристрастился къ великому вопросу, что посвятилъ всю свою жизнь его разработкѣ и, даже умирая, говорилъ: «Одинъ саванъ можетъ отдѣлить меня отъ крестьянскаго вопроса». Мало того, по словамъ современника, онъ «свое вліяніе, свой умъ и всѣ свои силы принесъ на служеніе великому земскому дѣлу; своею энергіей и пламенною преданностью вопросу возбуждалъ силы своихъ сотрудниковъ и окрылялъ ихъ вѣру въ торжество этого дѣла». Наконецъ, онъ служилъ нравственной поддержкой въ проведеніи реформы Александру II, который говорилъ Ростовцеву: «Я даже отъ

самыхъ близкихъ Миѣ людей постоянно слышу одинъ только упрекъ и сѣтованія за то, что началъ это дѣло».

Проекты положеній, составлявшіеся въ извѣстныхъ дворянскихъ комитетахъ, поступали на разсмотрѣніе главнаго комитета, при которомъ была образована коммиссія изъ четырехъ членовъ. Большинство комитета съ предсѣдателемъ кн. Орловымъ во главѣ было противъ освобожденія крестьянъ. Но скоро условія разработки великой реформы сразу измѣнились въ благопріятномъ для нея смыслѣ. «Въ перспективѣ представлялись,—замѣчаетъ г. Еленевъ,—долгіе годы лѣнливой казенной работы, въ продолженіе которыхъ много могло бы утечь воды и переѣбниться взглядовъ. А между тѣмъ, Россія все ждала бы да ждала возмѣщеннаго преобразованія. Силою самихъ обстоятельствъ, въ предпримчивомъ умѣ Ростовцева родилась мысль, пользуясь чрезвычайнымъ къ нему расположеніемъ Государя, сосредоточить все дѣло въ своихъ рукахъ и двинуть его впередъ энергически и быстро, привлеки къ его рѣшенію самихъ помѣщиковъ, извѣстныхъ своимъ сочувствіемъ въ реформѣ».

Государь назначилъ Ростовцева предсѣдателемъ коммиссіи составленія сводовъ о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости.

«Благодаря этому назначенію, крестьянское дѣло сходило съ обычной бюрократической колени. Ростовцевъ мечталъ даже о призывѣ въ редакціонныя коммиссіи «нѣсколькихъ разумныхъ крестьянъ, чтобы они... давали отвѣты на два вопроса: понятно-ли? удобоисполнимо-ли?» Но мысль эта не была приведена въ исполненіе.

Другая характерная особенность редакціонныхъ коммиссій состояла въ томъ, что въ нихъ впервые появилась гласность правительственныхъ дѣйствій. Труды ихъ печатались въ количествѣ 3.000 экзмп.; при состав-

леніи проектовъ принимались во вниманіе указанія литературы, а также представлявшіеся проекты частныхъ лицъ».

Окончательную программу крестьянской реформы Ростовцевъ представлялъ себѣ въ такомъ видѣ:

1) Освободить крестьянъ съ землею.

2) Конечною развязкою освобожденія считать выкупъ крестьянами ихъ надѣловъ у помѣщиковъ.

3) Оказать содѣйствіе дѣлу выкупа посредничествомъ, кредитомъ, гарантіями или финансовыми операціями правительства.

4) Избѣгнуть, по возможности, регламентации срочно-обязаннаго періода или сократить переходное состояніе.

5) Барщину уничтожить законодательнымъ порядкомъ черезъ три года переводомъ крестьянъ на оброкъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которые сами того не пожелаютъ.

6) Дать самоуправленіе освобожденнымъ крестьянамъ въ ихъ сельскомъ быту.

Ростовцевъ неутомимо работалъ, стараясь провести реформу въ законченномъ видѣ и охраняя ее отъ нападений враговъ, которые старались всячески затормозить и исказить ее. Благодаря своей энергіи и личному расположенію къ нему Государя, ему удалось отстоять дѣло освобожденія крестьянъ съ землею, но ему не пришлось дожить до осуществленія крестьянской реформы, и онъ умеръ незадолго до ея окончательнаго провозглашенія. О послѣднихъ минутахъ Ростовцева биографъ его рассказываетъ слѣдующее:

«Объ опасномъ положеніи его въ ночь на 6-е февраля было дано знать Государю, согласно его распоряженію. Въ 4 часа утра въ комнату умирающаго вошелъ Государь, взявъ больного за руку и почувствовалъ легкое рукопожатіе. Скрестивъ руки на груди, Государь стоялъ у постели отходящаго въ вѣчность своего сподвиж-

ника, который произнесъ: «Государь, не бойтесь!» Дыханіе становилось все рѣже и рѣже. Государь началъ молиться и заплакалъ. Утромъ 6-го февраля 1860 г. Я. И. Ростовцева не стало.

Въ самый день кончины Ростовцева предсмертная записка его, оставленная имъ безъ подписи и удостовѣренная въ подлинности сыномъ его и скрѣпленная завѣдывающимъ дѣлами редакціонныхъ комиссій, была представлена Александру I. Государь, взявъ ее, сказалъ: «Нашъ бѣдный Яковъ Ивановичъ! Покойный оставилъ намъ здѣсь какъ бы завѣщаніе, которое должно быть для насъ священно».

Въ этомъ году исполнилось 34 года великой реформы, составляющей эпоху въ развитіи гражданской жизни русскаго народа. Дѣло, начатое 19-го февраля 1861 года, это, по словамъ поэта Майкова, — «первая ступень въ царство мысли, гдѣ сіяетъ вѣковѣчный день». Дальнѣйшей ступеню должно служить всеобщее народное образованіе, которое, можно думать, уже не далеко. Напомнимъ высоконенамнательныя слова, начертанныя Его Императорскимъ Величествомъ Николаемъ II-мъ на докладахъ астраханскаго и херсонскаго губернатора: 1) въ отчетѣ астраханскаго губернатора о томъ, что въ сельскомъ населеніи ввѣренной ему губерніи, какъ осѣдломъ, такъ и въ кочевомъ и инородческомъ, замѣчается усиливающееся стремленіе къ обученію дѣтей: «*Слѣдуетъ придти на помощь населенію въ этомъ насущномъ для него вопросѣ*»; 2) въ отчетѣ херсонскаго губернатора о томъ, что потребность въ начальномъ образованіи такъ велика въ губерніи, что всѣ наличныя школы переполнены дѣтьми, но школы этихъ еще очень недостаточно: «*Обращаю самое серьезное вниманіе Министерства Народнаго Просвѣщенія*».

Восьми-часовой рабочий день на русской фабрике. На Добружской бумажной фабрике графа Паскевича (близ Гомеля) впервые в России введен 8-ми-часовой рабочий день. Недавно директор-распорядитель этой фабрики, г. Стульчинский, издалъ брошюру, въ которой онъ излагаетъ организацію работъ на Добружской фабрике. Оказывается, что раньше на фабрике работали двѣ смѣны рабочихъ, по 12 часовъ въ сутки, а теперь работаютъ три смѣны, по 8 часовъ. О результатахъ этого нововведенія г. Стульчинский говоритъ слѣдующее:

«Основываясь на пятимѣсячномъ опытѣ, я могу и долженъ отдать полную справедливость, что рабочіе въ высшей степени добросовѣстно исполняютъ принятыя на себя обязательства взаимны уменьшеннаго рабочаго дня. Въ техническомъ отношеніи работы, какъ качественно, такъ и количественно идутъ если не лучше, то, во всякомъ случаѣ, ничуть не хуже прежняго. Фабрике реформа эта стоитъ едва около 1% суммы выплачиваемаго жалованья,—на рабочихъ же оказала, несмотря на такой сравнительно короткій промежутокъ времени, самое благотворное вліяніе. Рабочій нашъ выглядитъ уже теперь свѣжѣе, прежняя вялость исчезла безслѣдно. Тѣ же положительные результаты оказываются и въ отношеніи ихъ экономическаго быта. Рабочіе, владѣющіе участками земли, не обрабатывали ихъ уже нынѣшнимъ лѣтомъ наемною силой, а воздѣлывали сами. Безземельные рабочіе не отстали тоже въ этомъ отношеніи. Десяткомъ избъ частью уже строится, а частью свозится для нихъ матеріалъ на отведенные фабрикой за ничтожную плату участки».

«Новое Время» справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что, «такимъ образомъ, незначительное повышение общей суммы фабричныхъ расходовъ дало возможность сократить рабочий день на одну треть. Если принять во

вниманіе усиленіе интенсивности труда, то въ общемъ счетѣ фабриканты проигрываютъ еще меньше. Нельзя не пожелать, чтобы гг. фабриканты обратили вниманіе на примѣръ фабрики графа Паскевича».

Изъ исторіи народнаго образованія въ Сибири. Въ выпедшемъ недавно 2-мъ выпускѣ «Ежегодника Тобольскаго музея» напечатанъ интересный очеркъ г. Полонезенцева «Народное образованіе въ г. Ялотуровскѣ и Ялотуровскомъ округѣ». Въ этомъ очеркѣ есть много любопытныхъ данныхъ о развитіи народнаго образованія въ Ялотуровскѣ. Данныя эти любопытны еще и потому, что они характерны для всей Сибири вообще.

«Хотя Ялотуровскъ наименованъ городомъ еще въ 1782 году, но до 1804 г. нѣтъ никакихъ свѣдѣній о какихъ бы то ни было учителяхъ, не говоря уже объ училищахъ, хотя, конечно, «частныхъ учителей было много: дьячокъ, отставной солдатъ, выгнанный со службы приказный, а иногда и женщины — всѣ находили себѣ кусокъ хлѣба въ этомъ занятіи». Въ 1804 г. прибылъ въ Ялотуровскъ «ссылочный» малороссійскій шляхтичъ Ольшевскій, уроженецъ Кіевской губ., который занялся обученіемъ дѣтей чтенію, письму, грамматикѣ, ариметикѣ и Закону Божію. Учениковъ у него было много, и онъ пользовался любовью какъ своихъ учениковъ, такъ и ихъ родителей. Затѣмъ его перевели въ Курганъ, гдѣ онъ пользовался такой же репутацией. «Когда одинъ изъ смотрителей Курганскаго уѣзднаго училища (открыто въ 1817 г.), ярый преслѣдователь частнаго преподаванія, задумалъ закрыть и школу Ольшевскаго, то возбудилъ всеобщее неудовольствіе, и городничій принужденъ былъ отъ имени чиновниковъ и гражданъ письменно заявить смотрителю, что родители отказываются отбирать отъ Ольшевскаго своихъ дѣтей и от-

давать въ уѣздное училище, такъ какъ тамъ въ училищѣ плохо учать и съ дѣтьми обращаются жестоко. Подъ конецъ судьба улыбнулась «несчастному» (такъ называли его во всѣхъ официальныхъ бумагахъ), и онъ былъ допущенъ приходскимъ учителемъ «на сторожевское жалованье» — 6 р. 50 к. ассигнаціями.

Не лучше было и положеніе *первого* приходскаго учителя въ Ялутуровскѣ, Маршалова. Учителю не полагалось жалованья. Нынѣ невѣроятнымъ кажется, — пишетъ Голодниковъ, одинъ изъ бывшихъ учителей Ялутуровскаго уѣзднаго училища, — какъ этотъ молодой человекъ, не имѣвшій родственниковъ, словомъ, никакой поддержки, могъ существовать безъ жалованья, безъ традиціонныхъ наградныхъ, притомъ еще прилично держаться въ обществѣ. Маршаловъ выучился шить себѣ бѣлье, платье; деньги же, необходимыя для удовлетворенія главнѣйшихъ потребностей, онъ приобреталъ такимъ образомъ: «купить карандашей на полтинникъ, да бумаги на рубль, и продаетъ ихъ ученикамъ по нѣсколько повышенной цѣнѣ, и такимъ образомъ приобретаетъ себѣ около четвертака на рубль». Бралъ онъ также частные уроки по 3—4 рубля въ мѣсяцъ (ассигнаціями). Въ такомъ положеніи дѣло было до 1842 г. О помѣщеніи училища, конечно, нечего уже и говорить. «Губернскія полицейскія будки были не впримѣръ счастливѣе училища въ этомъ отношеніи», говоритъ тотъ же Голодниковъ.

Первая школа въ Ялутуровскѣ была построена лишь въ 1842 г., благодаря стараніямъ сосланнаго туда декабриста Якушкина. Онъ сумѣлъ найти средства для постройки школы, и въ новомъ зданіи началось преподаваніе по новымъ методамъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самаго Якушкина. Новые приемы занятій, отсутствіе тѣлесныхъ наказаній,

ласковое обращеніе съ учениками — все это сразу упрочило успѣхъ школы, и въ два года число учениковъ возрасло съ 44 до 200. «Школой заинтересовалась и губернская администрація. Смотрители уѣздныхъ училищъ стали посылать своихъ приходскихъ учителей какъ для изученія основаній новой методы, такъ и приложенія ея на практикѣ. Такимъ образомъ, Якушкинская школа явилась и первой учительской семинаріей въ Сибири».

Якушкинъ же былъ и основателемъ первой женской народной школы въ Сибири. Училище было открыто въ Ялутуровскѣ въ 1846 г. въ наемномъ домѣ.

«Предстояли значительныя затраты на мебель, принадлежности рукодѣльнаго класса и приспособленія квартиры для классныхъ занятій, поэтому была назначена плата за ученіе, но ее вносили только зажиточные родители, — за остальныхъ платили декабристы и ихъ родственники; учитель школы, дьячокъ Сѣдачевъ, также отказался въ пользу ученицъ отъ своего жалованья. Затѣмъ училищу было пожертвовано удобное и помѣстительное зданіе Мясниковой, женой строителя мужского приходскаго училища. Большую помощь въ этихъ дѣлахъ Якушкину, оказалъ протоіерей Знаменскій, взявшій на себя всѣ хлопоты и самъ занимавшійся въ школѣ преподаваніемъ».

Такимъ образомъ, благодаря поддержкѣ духовенства, очень сочувственно отнесшагося къ насажденію женскаго образованія въ Сибири, школа Якушкина стала на твердую почву и явилась образцомъ для другихъ школъ въ томъ же родѣ. До открытія этой школы, общая постановка учебнаго дѣла была очень неудовлетворительна. «Еще въ 1832 г. состоялось распоряженіе объ открытіи церковно-приходскихъ школъ, но духовенство Ялутуровскаго округа отнеслось къ

этому совершенно безучастно, и первая школа открылась лишь въ 1855 г.; два года она была единственной во всемъ округѣ и находилась въ самомъ печальномъ положеніи. Къ 1862 году прибавилось еще 3 школы, «но что это были за школы? Всѣ онѣ помѣщались или въ квартирахъ священниковъ, или въ церковныхъ сторожкахъ, или въ частныхъ квартирахъ, очень мало удобныхъ». Преподаваніе велось самыми рутинными приемами. «Молитвы заучивались долбежку, безъ всякаго разъясненія внутренняго смысла и непонятныхъ словъ и выраженій. Читали ученики чуть-что не по складамъ, не понимая прочитаннаго; арифметическія познанія равнялись нулю: ученики не въ состояніи были произнести трехзначное число; что же касается правописанія, то о немъ не могло быть и рѣчи, потому что сами учителя не отличались грамотностью»... Къ этому надо прибавить еще, что «весь итогъ просвѣтительной дѣятельности сельскихъ школъ Ялтуровскаго округа того времени заключался въ томъ, что 80 мальчиковъ научились читать и писать».

Въ 60-хъ годахъ народное образованіе въ Сибири вступило въ новую фазу своего существованія: сельскія школы были переданы въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ, и съ этихъ поръ распространеніе образованія въ народѣ быстрыми шагами пошло впередъ. Въ этомъ отношеніи большую помощь правительству оказали и многочисленныя частныя «Общества для содѣйствія народному образованію», которыя существуютъ теперь почти во всѣхъ большихъ сибирскихъ городахъ, и дѣятельность которыхъ оказывается въ высшей степени плодотворной.

Нѣкоторые сибирскіе города въ этомъ отношеніи опередили даже Европейскую Россію. Такъ, по свѣдѣніямъ «Томскаго Справочнаго Лист-

ка», Томскъ очень недалеко отъ всеобщей грамотности. По приблизительнымъ вычисленіямъ «Спр. Л.», въ данное время въ городѣ остается внѣ школы около 400 дѣтей школьнаго возраста.

Полагая на каждую школу 100 человекъ, оказывается, что для школьнаго возраста въ Томскѣ недостаетъ только 4-хъ школъ.

«Само собой разумѣется,—говоритъ «Лист.», что главнымъ препятствіемъ къ устройству необходимаго числа начальныхъ школъ является недостатокъ средствъ. На содержаніе недостающихъ 4 школъ, полагая на каждую, приблизительно, 1.100 р., необходимъ ежегодный расходъ въ размѣрѣ не менѣе 4.400 р. Такой расходъ едва ли можно для гор. Томска назвать отяготительнымъ, но хотя бы онъ и вызвалъ нѣкоторыя затрудненія, все-таки нравственный долгъ обязываетъ всѣхъ и каждого озаботиться присканіемъ необходимыхъ источниковъ, и тѣмъ прервать печальное положеніе 400 дѣтей, ежегодно теряющихъ всякую надежду быть грамотными».

Если сопоставить эти данныя съ фактами, приводимыми г. Полонежемъ, то прогрессъ, дѣйствительно, оказывается огромнымъ.

Грамотность и холера. Недавно въ «Самарской газетѣ» были напечатаны воспоминанія очевидца о холерныхъ беспорядкахъ въ селѣ Еделево, въ Сам. губ., интересныхъ тѣмъ, что тутъ выступаетъ на сцену непосредственная разница между грамотными и неграмотными крестьянами, подтверждающая громадное значеніе образованія.

По словамъ газеты, дѣло происходило такъ:

«Когда еще въ Сызранскомъ у. все обстояло благополучно, вернулись въ Еделево двое рабочихъ, бѣжавшихъ изъ Астрахани, гдѣ въ это время свирѣпствовала эпидемія. На другой

день по возвращеніи, въ нѣсколькихъ сосѣднихъ дворахъ захворало 5 — 6 человекъ, которые въ тотъ же день и умерли. Населеніе совсѣмъ не было подготовлено къ такому удару: ходили лишь до того времени слухи, что, молъ, гдѣ-то далеко народъ мретъ отъ какой-то холеры. То странное для народнаго ума обстоятельство, что сами рабочіе, вернувшіеся изъ Астрахани, были здоровы, а сосѣди ихъ умерли (связь между возвращеніемъ рабочихъ и появленіемъ эпидеміи была для всѣхъ очевидна),—это обстоятельство создало въ пораженномъ воображеніи населенія фантастическое представленіе: вернувшіеся съ заработковъ «наняты и пуцаютъ холеру». На бѣду, оба заподозрѣнные сельчане были «грамотники», и одинъ изъ нихъ, способный малый, даже кончилъ курсъ въ начальномъ училищѣ. Слѣдовательно,—заклучилъ народъ,—они «знаютъ». Вотъ тутъ-то и сказался тотъ глухой и скрытый антагонизмъ, который царитъ незамѣтно въ самомъ народѣ—между людьми грамотными и бывальными, съ одной стороны, и неграмотной массой, съ другой. Справедливость все-таки требуетъ замѣтить, что только паника, что лишь необыкновенный случай, гдѣ народъ потерялъ голову, вызвали безобразное насиліе.

Народъ началъ волноваться. Толпа изъ молодежи, въ числѣ которой не было ни одного грамотнаго, отправилась въ поле, гдѣ работалъ одинъ изъ бывшихъ въ Астрахани, и тамъ до полусмерти избила его. Петерпѣвшій передъ этимъ умывался на рѣчкѣ и былъ заподозрѣнъ въ зараженіи воды. Другая толпа направилась ко второму заподозрѣнному съ цѣлью произвести обыскъ и вынудить признаніе, нашла у него какіе-то пузырьки съ лѣкарствами, избила до полусмерти ихъ хозяина и связаннаго отправила его въ волость. Во главѣ этого второго отряда стояли и распорядились сель-

скій староста и полицейскій сотникъ, люди безграмотные. Противъ дикой расправы поднялся рѣшительный протестъ со стороны молодыхъ сельчанъ, прошедшихъ начальную школу; но обезумѣвшая толпа съ такимъ выраженіемъ прокричала: «вы, должно быть, за одно!», что здравомыслящіе успѣли скрыться. Мнѣ говорилъ одинъ крестьянинъ, лѣтъ тридцати, изъ числа кончившихъ курсъ въ школѣ, что когда галдѣвшая толпа провожала арестованнаго за околицу, онъ свернулъ съ дороги и спрятался за амбары, боясь быть заподозрѣннымъ въ качествѣ грамотѣя и соумышленника.

На другой день, когда еще ошалѣвшій народъ продолжалъ свои розыски, бывшіе питомцы земской школы явились вмѣстѣ съ опморскими начетчиками—самыми дѣятельными агентами успокоенія и усовѣщанія. Ни о какихъ бациллахъ они, разумѣется, и понятія не имѣли; но то развитіе, какое они вынесли изъ школы, не могло примирить ихъ съ мыслью, что «холеру пуцаютъ по найму».

На этомъ «бунтѣ» и кончился, но черезъ нѣсколько времени виновные въ беспорядкахъ были привлечены къ судебной отвѣтственности. Судебное разбирательство, происходившее въ мартѣ, выяснило, что особенной вины со стороны крестьянъ не было.

«Въ присутствіи особаго отдѣленія судебной палаты, засѣдавшей въ Симбирскѣ, свидѣтель-священникъ говорилъ: «когда на другой день послѣ вспышки, народъ собрался у моего дома, я былъ тронутъ ихъ жалкимъ, растеряннымъ видомъ. Какіе это бунтари? Они умоляли меня разъяснить, что имъ дѣлать и откуда такая напасть? Тѣ, кто сидятъ теперь на скамьѣ подсудимыхъ, самые лучшіе хозяева въ селѣ: я ихъ двадцать лѣтъ зналъ за хорошихъ людей». Прокуроръ отказался отъ обвиненія, такъ какъ не могъ установить признаковъ ни сопротивленія властямъ, ни бунта.

Всѣ подсудимые оправданы, за исключеніемъ полицейскаго сотника, приговореннаго къ заключенію въ тюрьму за превышеніе власти».

Идеальный народный учитель. «Волжскій Вѣстникъ» сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія объ одномъ изъ сельскихъ учителей Слободскаго уѣзда—г. Книзе. Это—бывшій инспекторъ народныхъ училищъ въ Самарской губерніи, который дослужился на этой службѣ до пенсіи, но отказался отъ нея, считая, что онъ можетъ еще и самъ заработать себѣ кусокъ хлѣба, и на старости лѣтъ пошелъ въ сельскіе учителя. Для своей дѣятельности, какъ сообщаетъ корреспондентъ «Волжскаго Вѣстника», «г. Книзе избираетъ одно изъ самыхъ отдаленныхъ земскихъ училищъ Слободскаго уѣзда, гдѣ не только нѣтъ правильнаго сообщенія, но даже самый народъ, живущій тамъ, представляеть крайне любопытный элементъ. И дѣйствительно, насколько мы знаемъ Синегорскій край, заброшенный далеко на сѣверъ уѣзда, *этотъ уголокъ* представляетъ огромный интересъ какъ въ этнографическомъ, такъ и педагогическомъ отношеніяхъ, давая благодарную почву для человѣка, наблюдательнаго и искренне желающаго поработать на народной нивѣ.

Успѣхъ дѣла, по словамъ населенія, зависитъ безусловно отъ теперешняго учителя г. Книзе, который съ замѣчательной любовью относится къ школѣ. Онъ положительно живетъ интересами школы. Занятія съ учениками продолжаются непрерывно, начиная съ ранняго утра до поздняго вечера. Родители, видя это отношеніе, начали даже отдавать учиться дѣвочекъ, чего, конечно, не было прежде. Встаетъ г. Книзе рано утромъ и съ этого времени находится въ школьныхъ занятіяхъ. Послѣ дневныхъ занятій, г. Книзе устраиваетъ для дѣтей дозволенныя игры и другія разумныя

развлеченія. Однимъ бѣднымъ ученикамъ и ученицамъ онъ заводитъ обувь, другимъ—платье и т. д. Покушаетъ даже на свои средства нѣкоторыя лѣкарства для населенія. Напримѣръ, въ 1894 г. въ Синегорскомъ краѣ наблюдалась эпидемія тифа, но такъ какъ эта болѣзнь требуетъ ухода и здороваго воздуха, то г. Книзе занялся уходомъ самымъ серьезнымъ образомъ, покупая на свои средства крупчатую муку, чай, сахаръ и другіе предметы для больныхъ, благодаря чему ему удалось спасти нѣсколько малютокъ отъ грозной эпидеміи тифа. Послѣ этого сочувствіе населенія, сначала относившагося подозрительно къ г. Книзе, сильно возрасло. Самъ г. Книзе ведетъ совсѣмъ спартанскій образъ жизни: одѣвается весьма непрезентабельно, спитъ на полу на войлокѣ, не смотря на 65-ти-лѣтній возрастъ этого идеалиста».

Въ настоящее время г. Книзе учительствуетъ уже два года и пользуется горячей симпатіей крестьянскаго населенія. Правда, по словамъ корреспондента «Волжскаго Вѣстника», мѣстные кулаки не особенно благосклонно относятся къ этому человѣку, посвятившему свою жизнь «дѣятельной любви къ ближнимъ», но старій учитель этимъ не смущается и продолжаетъ свое дѣло.

Изъ частной жизни гр. Л. Н. Толстого. Въ «Самарской газетѣ» напечатаны выдержки изъ новой книги о гр. Л. Н. Толстомъ, вышедшей недавно на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Graf Leo Tolstoi. Intimes aus seinem Leben». Авторъ книги—г-жа Зейронъ—въ теченіе многихъ лѣтъ была гувернанткой въ домѣ гр. Л. Н. Толстого и имѣла возможность наблюдать знаменитаго писателя въ интимной обстановкѣ его семейной жизни.

Гр. Л. Н. Толстой является настолько крупной фигурой, такимъ вы-

дающимъ явленіемъ въ области художественнаго творчества, что, какъ бы ни относиться къ его «проповѣдямъ» послѣдняго періода,—личность его во всякомъ случаѣ представляетъ несомнѣнный интересъ для всякаго читателя. Воспоминанія г-жи Зейронъ хотя и не отличаются особой глубиной, производятъ пріятное впечатлѣніе своимъ безпристрастіемъ и искренностью: она рассказываетъ то, что видѣла, и въ большинствѣ случаевъ воздерживается отъ всякихъ комментариевъ.

Рассказывая о жизни графа въ послѣднее время, когда въ немъ совершился извѣстный переворотъ, г-жа Зейронъ говоритъ:

«Въ деревнѣ графа любили, но далеко не такъ, какъ можно было бы ожидать. Онъ ничего не требовалъ отъ крестьянъ, но онъ ничего и не дѣлалъ для нихъ, или, по крайней мѣрѣ, очень мало. Онъ постоянно имѣлъ въ виду свою систему, требующую са-мопомощи. Но при этомъ онъ твердилъ каждому: «люби ближняго твоего, какъ самого себя!»... Графъ пахалъ и работалъ вмѣстѣ съ крестьянами; часто, когда онъ говорилъ съ ними и былъ въ дурномъ расположеніи духа, или не хотѣлъ исполнить просьбы—что также случалось,—въ немъ просыпался деспотъ XVI-го столѣтія. Казалось, между графомъ и мужикомъ, стоявшимъ рядомъ съ нимъ,—дѣлая пропасть. Въ глазахъ графа являлось злобное выраженіе, и проситель уходилъ, качая головою».

Въ молодости гр. Толстой увлекался народнымъ образованіемъ, выстроилъ въ Ясной Полянѣ образцовую школу и самъ въ ней учительствовалъ. Но въ послѣднее время, подъ вліяніемъ своихъ новыхъ взглядовъ, онъ все-всѣмъ забросилъ учительство. «Школа полуразвалилась, въ классной комнатѣ, кромѣ нѣсколькихъ столовъ со скамейками, ничего не было. Однажды

г-жа Зейронъ встрѣтила двухъ какихъ-то посѣтителей Ясной Поляны, которые, увидя, въ какомъ состояніи находится школа, услышавъ, что въ имѣніи нѣтъ и слѣда больницы, о которой сообщали имъ въ Москвѣ, ушли, не повидавшись съ графомъ».

Интересенъ также рассказъ г-жи Зейронъ о посѣщеніи Льва Толстого извѣстнымъ проповѣдникомъ реванша, Полемъ Деруледомъ. «Когда онъ явился въ Ясную Поляну, то никто хорошенько не зналъ, кто этотъ господинъ, съ военною выправкою, закутанный въ сѣрый, до верху застегнутый, длиннополый сюртукъ. Имя его, оказалось, никому неизвѣстно, потому что въ Ясной Полянѣ газеты читались плохо. Одно время онъ были даже совершенно изгнаны, подъ предлогомъ, что чтеніе газетъ только отнимаетъ время и отупляетъ читателя. Деруледъ сразу понялъ, что война, реваншъ, собраніе подписей за и противъ—для Л. Толстого вещи, совершенно чуждыя. Это побудило Деруледа придать своему визиту характеръ простой дани почтенія «литературному солнцу Россіи». Ловкій французъ провель въ Ясной Полянѣ три дня и, конечно, очень соскучился, но онъ все-таки надѣялся свести разговоръ на реваншъ. Время отъ времени онъ забрасывалъ удочку, но Л. Толстой немедленно обращался въ мраморъ. Только однажды графъ сталъ говорить о безконечномъ ужасѣ войны. Онъ видѣлъ, какъ ночное кровавое небо глядѣло на поле битвы, и какъ тысячи мертвецовъ съ открытыми глазами требовали, казалось, отчета у тѣхъ, кто дерзнулъ вызвать это побоище. Деруледъ повторялъ, что Рейнъ долженъ бы перейти къ французамъ. На это графъ отвѣтилъ съ улыбкою: «не кровью должны быть проводимы границы между странами, а разумнымъ согласіемъ народовъ, съ соблюденіемъ правъ и выгоды каждой страны». Тутъ выступило на сцену

«que la guerre est dans la nature». Графъ прервалъ этотъ разговоръ, сказавши: «войны должно и можно избѣгать, и если все-таки бывають дни, что брать убиваетъ брата, то это—всесильная власть обстоятельствъ. Главное же, чтобъ не находилось ни одного человѣка, который вызвалъ бы войну или содѣйствовалъ ей».

Съ этими словами графъ всталъ и быстро вышелъ изъ залы. Такъ поборникъ реванша ни съ чѣмъ и уѣхалъ, вѣроятно, досаду порядочно на безплодную для него потерю времени».

Первая Всероссійская выставка печатнаго дѣла. Очень ясное и довольно полное понятіе о книгопечатаніи, — о его характерѣ и отчасти о его значеніи въ настоящее время для человѣчества, даетъ открывшаяся въ февралѣ мѣсяцѣ, въ С.-Петербургѣ, въ зданіи Солянаго Городка, «Первая Всероссійская Выставка Печатнаго Дѣла». Нельзя сказать, чтобы выставка была хорошо устроена; скорѣе напротивъ. Потому ли, что она — первая, или, по какимъ другимъ причинамъ, но комитетъ выставки сдѣлалъ очень мало, чтобы придать ей ту полноту, которая давала бы понятіе о всѣхъ этапахъ, пройденныхъ книгопечатаніемъ со времени изобрѣтенія до настоящей минуты, и о всѣхъ процессахъ, обращающихъ грязный кусокъ тряпки въ изящно переплетенную книгу.

Почти все было предоставлено случайному произволу экспонентовъ, принималось почти все, что тѣ предлагали, и не дѣлалось усилій, чтобы привлечь на выставку тѣхъ, которые почему-нибудь ею мало заинтересовались. Поэтому на выставкѣ имѣется, напр., совершенно ни для кого ненужный шкалъ медицинскихъ изданій книгопродавца Риккера, и вовсе нѣтъ машинъ для изготовленія стереотиповъ, хотя стереотипъ играетъ въ современномъ книгопечатаніи очень

крупную роль. Книгопечатныя машины, напр., выставленныя соперничавшими другъ съ другомъ фирмами, имѣются въ изобиліи, что, можетъ быть, имѣетъ значеніе для покупателя такихъ машинъ, но совершенно не интересно для публики.

Несмотря на эту случайность въ подборѣ выставляемыхъ предметовъ, выставка представляетъ большой интересъ. Къ сожалѣнію, самый интересный для большинства публики, историческій, отдѣлъ весьма бѣденъ, но и въ немъ—есть предметы, заслуживающіе вниманія. Таковъ манекень перваго русскаго печатника Ивана Федорова, отрывшашаго въ Москвѣ при Иоаннѣ Грозномъ первую въ Россіи печатню. Одѣтый въ старинный русскій костюмъ, Федоровъ держитъ въ рукахъ отпечатанный имъ листъ, а рядомъ съ нимъ съ одной стороны наборная васса, съ другой—громадный, несуразный деревянный прессъ для печатанія,—все это въ маленькой не то комнатенкѣ со сводами, не то подвалѣ. Въ другомъ отдѣленіи выставки посѣтитель находитъ недурную картину, изображающую царя Иоанна Грознаго, въ сопровожденіи нѣсколькихъ приближенныхъ посѣщающаго печатню. Здѣсь же есть и еще одна картина,—Гуттенбергъ, изобрѣтатель печатнаго дѣла, съ глубокимъ вниманіемъ разсматриваетъ первый, только-что имъ отпечатанный, листъ.

Бѣглый взглядъ на эти фигуры наводитъ зрителя, если онъ уже успѣлъ пробѣжать отдѣлъ современныхъ машинъ, на любопытную параллель. Одухотворенныя мыслью лица Федорова, Гуттенберга и даже посторонняго посѣтителя — Иоанна Грознаго, говорятъ ему, что печатаніе въ то время было дѣломъ личнаго творчества, личной энергіи, и личность печатника ярко отражалась на его произведеніи. Теперь посѣтитель слышитъ громъ машинъ, передъ нимъ мелькають съ непостижимою быстротою ко-

леса, валы, громадные ремни, зубцы — и онъ чувствуетъ что, личность типографа совершенно теряется въ подобной громадной фабрикѣ; машина подавляетъ его самого, и наборщика, и печатника, но за то станки Гуттенберга и Федорова выпускали лишь жалкіе листки въ ничтожномъ количествѣ экземпляровъ, тогда какъ современная типографія — это сила, не меньшая, чѣмъ, напр., современная пушка.

Между станкомъ Федорова и ротационной машиной «Нивы» — громадная разница, но наборная касса Федорова и современная наборная касса почти ничѣмъ не отличаются. Какъ при Федоровѣ, такъ и теперь — «арміи свинцовой смиренный командиръ», какъ называетъ наборщика Некрасовъ, руками, медленно, набираетъ букву за буквой, вынимая ихъ изъ кассы, приставляетъ одну къ другой, пока не образуется слово, затѣмъ строка, тамъ страница; наконецъ, трудомъ нѣсколькихъ наборщиковъ составляется печатный листъ (наборщикъ въ среднемъ набираетъ отъ 2 до 3 тысячъ буквъ въ часъ, т. е. 4—8 обычныхъ страницъ въ день). Свинцовыя буквы *) насыщаютъ воздухъ свинцовою пылью, которая ложится на легкія, отчасти на глаза рабочихъ, въ нѣсколько лѣтъ отравляя ихъ, нерѣдко доводя до чахотки. Недавно въ газетахъ появилось извѣстіе, что одинъ итальянецъ, доминиканскій монахъ Календоли изобрѣлъ наборную машину; наборщикъ ударяетъ по клавишамъ этой машины, и буквы вставляются на нужныя мѣста, посредствомъ электрическаго тока. Такая машина можетъ набрать до 50.000 буквъ въ часъ, что сдѣлаетъ книгу болѣе доступной для массы; она же сдѣлаетъ

работу менѣе обременительной и вредной. Окажется ли машина пригодной на практикѣ — покажетъ будущее, пока же типографіи держатся тѣмъ же трудомъ наборщика, что и 300 лѣтъ тому назадъ. Только трудъ сталъ еще болѣе тяжелымъ, такъ какъ современная газета требуетъ обязательной ночной работы.

Въ томъ же историческомъ отдѣлѣ посѣтитель найдетъ довольно большую, хотя и плохо систематизированную, коллекцію старинныхъ книгъ, начиная съ XVII вѣка. Изъ осмотра ихъ дѣлается яснымъ великая демократическая роль книгопечатанія. Старинныя книги, а еще болѣе рукописи, написанныя до введенія книгопечатанія, печатались на толстой бумагѣ, пережившей столѣтія (нынѣшняя бумага врядъ ли переживаетъ 50-ти-лѣтній возрастъ); шрифтъ, заглавныя буквы, рисунки, переплетъ, все обнаруживаетъ стремленіе работать не только для современниковъ, но и для отдаленнѣйшаго потомства, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нигдѣ не видно желанія сдѣлать книгу доступной для всѣхъ. Она издается для немногихъ счастливицевъ, имѣющихъ досугъ и деньги. Теперь же, напротивъ, имѣется въ виду преимуществу читатель, если и не изъ самыхъ бѣдныхъ слоевъ народа (такіе еще мало читаютъ), то и не изъ богатыхъ. Изящество не изгоняется изъ книгопечатнаго дѣла, — напротивъ, кое въ чемъ оно сдѣлало значительные шаги впередъ, но оно замѣтно отступаетъ на задній планъ передъ дешевой и быстротой работы.

Отъ исторіи переходимъ къ нашему времени. Прежде всего зритель могъ бы заинтересоваться бумажнымъ производствомъ. Бумага — необходимѣйшій элементъ книгопечатнаго дѣла. Изобрѣтеніе бумаги, замѣнившей старинные матеріалы для письма (выдѣланную кожу и др.), въ исторіи стоитъ въ тѣсной связи съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія, и послѣднее

*) Буквы дѣлаются, впрочемъ, не изъ одного свинца, а изъ такъ-называемаго «типографскаго металла», — металлическаго сплава, въ который входятъ свинецъ и сурьма.

безъ него не произвело бы своего громаднаго вліянія. Но на выставкѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ ничего изъ этой области. Случайно, — какъ и все на выставкѣ, — присланы сюда экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ двѣ или три машинки, для измѣренія тонины и опредѣленія качества уже готовой бумаги; на стѣнѣ красуется карта Россіи, на которой булавами отмѣчены фабрики писчей бумаги; эта карта указываетъ, что центрами производства являются Петербургъ, Москва, Польша и Финляндія, но потребность въ бумагѣ вызвала уже появленіе фабрикъ и за Ураломъ; на стѣнѣ же виситъ таблица, говорящая, что по числу фабрикъ (250) Россія далеко отстала отъ Германіи (1.400) и другихъ странъ Европы и Америки, какъ и по числу выходящихъ газетъ и журналовъ, что видно изъ другихъ таблицъ.

Типографское дѣло представлено гораздо полнѣе. Здѣсь мы находимъ прежде всего нѣсколько словолитныхъ машинъ. На глазахъ зрителя куски типографскаго металла расплавляются въ котлѣ, выливаются въ формочки («матрицы») и быстро одна за другой выбрасываются наружу въ формѣ готовыхъ буквъ. Далѣе, зритель находитъ кассы, изъ которыхъ наборщики на его глазахъ набираютъ данный имъ текстъ. Наконецъ, онъ видитъ длинный рядъ печатныхъ машинъ самой различной конструкціи. Тутъ и маленькія, приводимыя въ движеніе ногой, машинки для печатанія визитныхъ карточекъ, этикетокъ на бутылкахъ и коробкахъ, и ручные прессы для оттискиванія небольшого по формату набора въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Эти послѣднія машины все же несравненно удобнѣе и прочнѣе машинъ Осдорова и Гуттенберга, но ихъ теперь употребляютъ только для корректурныхъ экземпляровъ и т. п. Ихъ вытѣснила скоропечатная машина, громоздкая и шумная, приводимая въ

движеніе паромъ или электричествомъ. Станокъ съ наборомъ, быстро двигаемый громадными рычагами, въ родѣ тѣхъ, которые приводятъ въ движеніе колеса локомотива, проходитъ съ поразительной быстротой подъ валомъ, намазывающимъ наборъ краской, а затѣмъ подъ другимъ валомъ, накладывающимъ на него одной стороной бѣлый листъ бумаги, — и въ минуту готово нѣсколько десятковъ отпечатанныхъ листовъ. Этой машинѣ идетъ уже на смѣну громадная ротаціонная машина, образчикъ которой выставленъ редакціей и типографіей журнала «Нива». Здѣсь отпечатывается нужный текстъ уже не съ набора, а со стереотипа. Такъ называется свинцовая копія, снятая съ набора, посредствомъ гипса или другого матеріала. Наборъ состоитъ изъ отдѣльныхъ буквъ, разбираемыхъ, когда онъ сдѣлаетъ свою роль, и вновь составляемыхъ для новаго набора, а стереотипъ, это — цѣльная доска, не особенно толстая, которая годится лишь для одного текста; отслуживъ свою службу, она немедленно идетъ въ переливку. Для ротаціонной машины стереотипная доска изгибается въ видѣ полога внутри цилиндра, или точнѣе полуцилиндра (съ этими процессами на выставкѣ познакомиться нельзя); этотъ круглый стереотипъ надѣвается на валы ротаціонной машины. На катушкѣ намотана безконечная лента бумаги, которая проходитъ сперва подъ однимъ валомъ машины, потомъ другою стороною подъ другимъ, затѣмъ разрѣзывается громадными механическими ножницами, и ложится передъ рабочимъ въ видѣ готовыхъ листовъ «Нивы». Рабочій передаетъ ихъ на другую машину, которая съ тою же поразительной быстротой механически свертываетъ эти листы. Такимъ образомъ, разъ «Нива» набрана, разъ съ нея снятъ стереотипъ, отпечатаніе ея почти не требуетъ времени: въ часъ производится до 10.000 экземпляровъ

(въ Англии есть машины, отпечатывающія до 100.000 экз. въ часъ; притомъ приспособленіе для свертыванія листовъ тамъ присоединяется къ ротационной машинѣ, такъ что тамъ требуется еще менѣе живого человеческого труда).

Листы книги, отпечатанные на одной изъ этихъ машинъ, поступаютъ къ брошюровщику. Здѣсь особая швейная машина, приводимая въ движеніе электричествомъ, быстро сшиваетъ проволокой (сшиваніе нитками мало-помалу выходитъ изъ употребленія) и склеиваетъ листы въ цѣлую книгу. Глазъ едва успѣваетъ слѣдить за руками работницы, которая накладываетъ на машину листъ за листомъ. Отсюда книга поступаетъ подъ прессъ, затѣмъ въ обрѣзальную машину, потомъ въ красильную, гдѣ по ея бокамъ наводится «мраморъ» или другая краска, и книга совсѣмъ готова для переплета, — всѣ эти процессы зритель можетъ наблюдать на выставкѣ.

Онъ находитъ здѣсь и разные виды приготовленія картинокъ, какъ нераскрашенныхъ, такъ и раскрашенныхъ, видитъ спеціальныя книги для слѣпыхъ, отпечатанныя на бѣлой бумагѣ бѣлыми же, но выпуклыми буквами, которыя слѣпой разбираетъ ощупью, посредствомъ пальцевъ. Есть здѣсь машины для печатанія номеровъ по порядку (для желѣзнодорожныхъ и иныхъ билетовъ и т. п.), гдѣ цифры сами механически перевертываются; есть и множество побочныхъ производствъ, имѣющихъ къ книгопечатному дѣлу лишь весьма отдаленное отношеніе, каковы, напр., рѣзба печатей, картонажное производство, и т. п.

Выставлены также въ большомъ количествѣ и пишущія машины разныхъ системъ, отъ 40-рублевыхъ машинъ Меррита до 300-рублевыхъ машинъ Гаммонда и др. Эта важная отрасль техники общается въ недалекомъ будущемъ блестящее развитіе.

«Миръ вождй», № 4, апрѣль.

Въ то время, какъ типографія все болѣе и болѣе расширяется, приспособляясь къ быстрымъ изданіямъ въ десяткахъ и сотняхъ тысячахъ экземпляровъ, пишущія машины съ приспособленіемъ къ нимъ разныхъ умножительныхъ аппаратовъ (гектографа, литографіи, автокописта, миміографа Эдиссона и даже просто копировальной бумаги) общаются облегчить созданіе промежуточной между частнымъ письмомъ и книгой литературы, произведенія которой могутъ выходить въ свѣтъ въ 5—500 экземплярахъ.

Какъ бы вѣнцомъ всего дѣла, на выставкѣ является книга, журналъ и газета. Главныя издательскія фирмы въ Россіи (Суворинъ, Гоппе, Сытинъ и др.) выставили свои изданія; почти всѣ русскіе журналы красуются въ особой витринѣ. Всего болѣе выставила книгъ Синодальная типографія. Здѣсь Евангелія, Библии, Псалтири, Богослужебныя книги, — цѣною отъ гривенника до напестольныхъ евангелій, въ роскошныхъ переплетахъ въ десятки рублей, съ картинками и безъ нихъ, — сложены особой изящной аркой, и говорятъ о неустанной дѣятельности для распространенія въ народѣ этихъ книгъ. Однако, если бы Лондонское Библейское Общество выставило свои изданія, если бы оно тоже указало количество проданныхъ имъ и розданныхъ даромъ изданій, то было бы сразу видно, что и въ этой области русское издательство ушло не далеко, по сравненію съ Зап. Европейскимъ.

Н. С. Лѣсковъ. 21 февраля въ Петербургѣ неожиданно скончался извѣстный писатель, Николай Семеновичъ Лѣсковъ. Приведемъ здѣсь краткія біографическія свѣдѣнія о немъ, заимствованныя изъ «Недѣли».

«Н. С. Лѣсковъ происходилъ изъ дворянъ Орловской губерніи и родился 4-го февраля 1831 года, въ селѣ Гороховѣ, принадлежавшемъ дядѣ Лѣс-

кова, М. А. Страхову. Отець Лѣскова происходилъ изъ духовенства, и самая фамилія его идетъ отъ погоста, гдѣ цѣлый рядъ предковъ писателя были священниками. Дѣтство свое Лѣсковъ провелъ въ другомъ селеніи Орловской губерніи, въ с. Панинѣ, и начальное образованіе получилъ въ богатомъ домѣ дяди съ материнской стороны, гдѣ онъ росъ вмѣстѣ съ двоюродными братьями. Преподавателями были хорошіе русскіе и иностранные учителя. По смерти дяди Лѣсковъ отданъ былъ въ Орловскую гимназію; во время ученья его здѣсь, умеръ его отецъ, и семья Лѣсковыхъ осталась безъ всякихъ средствъ. Тогда Н. С. взялъ подъ свое покровительство дядя его, С. П. Алферьевъ, который и увезъ въ 1849 году племянника въ Кіевъ. Здѣсь Лѣсковъ продолжалъ свое образованіе. Значительное вліяніе на Лѣскова имѣлъ, по словамъ г. П. Быкова, второй мужъ жены его дяди, англичанинъ-радикалъ Шкотъ, занимавшійся торговыми операціями. Лѣсковъ служилъ у него контрагентомъ и по роду службы своей разъѣзжалъ всюду—и по Волгѣ, и по югу Россіи, и за границей. Эти разъѣзды познакомили Лѣскова съ бытомъ всѣхъ сословій; онъ вынесъ массу разнообразнѣйшихъ впечатлѣній, которыя онъ и излагалъ въ письмахъ къ Шкоту. Послѣдній показывалъ ихъ своему приятелю И. В. Селиванову, извѣстному

писателю, который первый и призналъ литературный талантъ въ авторѣ писемъ. Первымъ печатнымъ произведеніемъ Лѣскова была корреспонденція изъ Кіева о продажѣ Евангелія по слишкомъ возвышеннымъ цѣнамъ. Приѣхавъ въ 1861 году въ Петербургъ, Лѣсковъ сталъ работать въ «Отечественныхъ Запискахъ». Потомъ онъ примкнулъ къ «Сѣверной Пчелѣ» П. С. Усова и здѣсь работалъ три года, выступивъ съ первыми своими беллетристическими произведеніями. Далѣе онъ сотрудничалъ въ «Библиотекѣ для Чтенія», «Времени» Достоевскаго, «Якорѣ», «Русской Рѣчи» и въ другихъ изданіяхъ. Въ семидесятыхъ годахъ онъ явился съ цѣлымъ рядомъ произведеній, положившихъ начало его настоящей извѣстности; это были: «Соборяне», «На ножахъ», «Запечатлѣнный ангель», «Захудалый родъ», «Некуда», «Смѣхъ и горе», «На краю свѣта» и пр. Въ послѣдніе годы Н. С. Лѣсковъ участвовалъ въ «Недѣлѣ», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Русской Мысли» и др. Всего вышло 11 томовъ его сочиненій и готовится къ выпуску 12-й.

Для надлежащей оцѣнки литературнаго наслѣдія, оставленнаго Н. С. Лѣсковымъ, время еще не настало, почему мы и считаемъ за лучшее не высказывать своего мнѣнія, слѣдующаго правилу древнихъ: «О мертвыхъ—или хорошо, или ничего».

Ломоносовъ и его современники.
«Ломоносовъ есть, безъ сомнѣнія, величайшее имя нашей литературы XVIII вѣка, величайшее по цѣлому литературному вліянію, которое давно побуждало видѣть въ Ломоносовѣ «отца» новой литературы»—такъ начинается г. Пыпинъ свою статью о Ломоносовѣ, напечатанную въ мартовской книжкѣ «Вѣстника Европы».

«По извѣстнымъ словамъ Пушкина, Ломоносовъ былъ первымъ нашимъ университетомъ, и этими словами вѣрно обозначается основной смыслъ дѣятельности Ломоносова, заключающейся именно въ томъ, что онъ пролагалъ пути въ самыхъ различныхъ отрасляхъ науки и литературы, становился руководящимъ авторитетомъ въ такой широкой отрасли знанія и поэзіи, ка-

кой съ тѣхъ поръ не обнималъ ни одинъ изъ нашихъ писателей, и своимъ стремленіямъ на поприщѣ знанія и литературы придавалъ ту властную силу, которую сообщаетъ сильный перво-степенный умъ и глубокое убѣжденіе».

Въ этой первой статьѣ г. Пыпинъ говоритъ не о самомъ Ломоносовѣ, а объ его современникахъ—Тредьяковскомъ и Сумароковѣ. Онъ указываетъ на то, что Ломоносовъ и его современники явились «первыми писателями въ настоящемъ смыслѣ слова, для которыхъ литература была профессіей, а не случайнымъ любительствомъ, какъ для ихъ предшественниковъ, вродѣ Кантемира и др.» Первые представители литературной профессіи принадлежали къ разнымъ слоямъ общества: Ломоносовъ былъ свободный крестьянинъ, Тредьяковскій былъ церковникъ, Сумароковъ происходилъ изъ стараго дворянскаго рода. Дѣятельность этихъ трехъ писателей и положила начало новой русской литературы. Хронологически она восходитъ къ 30-мъ и 40-мъ годамъ прошлаго столѣтія. Благоговѣя передъ памятью Петра Великаго, они стремились продолжать его дѣло и насадить въ Россіи искусства и науки. «Въ силѣ политической Россія со временъ Петра сравнялась съ самыми могущественными государствами Европы; нужно было, чтобы она не уступала имъ въ просвѣщеніи и литературѣ. Достичь этого можно было только перенесеніемъ въ Россію тѣхъ успѣховъ просвѣщенія, какими гордилась тогда Европа. Если можно было заимствовать устройство войска, флота и т. д.—отчего нельзя было такимъ же образомъ усвоить и успѣхи литературы?»

Г. Пыпинъ указываетъ далѣе, что это тяготѣніе къ Западной Европѣ вовсе не было случайнымъ капризомъ Петра и его сподвижниковъ, а подготавливалось всѣмъ предшествующимъ ходомъ исторіи, начавшимъ еще со

времени первыхъ сношеній съ Византіей. Татарское нашествіе «насилственно измѣнило ходъ нашей образованности, ослабивъ или совсѣмъ уничтоживъ на время общеевропейскія связи», но какъ только татарское иго было, наконецъ, свергнуто, такъ одной изъ постоянныхъ заботъ московскихъ государей стало привлеченіе въ Москву западныхъ ученыхъ людей и техниковъ, такъ-что «призывъ иностранныхъ ученыхъ при Петрѣ могъ бы считаться послѣдовательнымъ продолженіемъ ранѣе принимавшихся мѣръ». При Петрѣ былъ только «приведенъ въ сознаніе давно, въ сущности уже нѣсколько вѣковъ, бродившій историческій инстинктъ». Этотъ періодъ заимствованій у запада не представлялъ чего-либо исключительнаго въ общемъ историческомъ ходѣ цивилизаціи: «въ исторіи всѣхъ народовъ можно указать эту международную связь знаній, обычаевъ, искусствъ. Заимствованія не уничтожали племенныхъ особенностей даннаго народа, но обогащали племенное содержаніе, развивали его силы, давали возможность болѣе широкаго историческаго дѣйствія».

Въ половинѣ XVIII вѣка во всей европейской литературѣ господствовало вліяніе французской ложно-классической поэзіи. «Въ то время, когда наша литература дѣлала свои первые школьные опыты, французская литература была во всемъ блескѣ своей славы», и понятно, что она сдѣлалась образцомъ для нашихъ писателей. Старая письменность не могла ничѣмъ послужить имъ: она давала только церковныя поученія и вирши Симеона Полоцкаго и его преемниковъ.

Кромѣ собственныхъ произведеній, новые писатели занимались также теоріей литературы. Тредьяковскій переводилъ пѣстику Буало, писалъ трактатъ объ эпопее и «Мнѣніе о началѣ поэзіи и стиховъ вообще». Это былъ первый въ своемъ родѣ трактатъ на

русскомъ языкѣ, свидѣтельствующій о большой начитанности и трудолюбіи автора. Любопытенъ, между прочимъ, его взглядъ на стихи: онъ говоритъ, что въ древнія времена поэзія имѣла большое значеніе, потому что она прославляла подвиги героевъ и воспѣвала добродѣтель; теперь же на ея мѣсто явилась проза, которая исполняетъ ту же задачу. И такъ, прежде стихи были нужное и полезное дѣло, а «нынѣ — утѣшная и веселая забава». Но, хотя теперь въ стихахъ особенной нужды не представляется, Тредьяковскій все-таки признаетъ за ними нѣкоторое право на существованіе: «потому что между учеными словесными надобны стихи, поколику фрукты и конфекты на богатый столъ по твердыхъ кушаніяхъ».

Остановившись довольно подробно на другихъ прозаическихъ трудахъ Тредьяковскаго, г. Пыпинъ обходитъ молчаніемъ его собственные поэтическія произведенія, считая, что характеръ ихъ достаточно извѣстенъ, и переходитъ къ другому литературному работнику той же эпохи — къ Сумарокову. «Свое положеніе въ литературѣ онъ понималъ такъ же, какъ и Тредьяковскій: онъ считалъ себя призваннымъ насаждать новую литературу по тѣмъ образцамъ, какіе представляла въ то время литература французская. Ломоносову, съ которымъ онъ вѣчно ссорился изъ за соперничества, онъ предоставлялъ роль «нашихъ странъ Малерба» и уподоблялъ Пиндару, но за собой хотѣлъ имѣть славу російскаго Расина, а иногда не уклонялся отъ сопоставленія себя съ Вольтеромъ. Для своихъ трагедій онъ выбиралъ русскіе сюжеты, но къ русскимъ героямъ онъ прилагалъ тѣ же шаблоны французской трагедіи и заставлялъ, напримѣръ,

Дмитрія Самозванца говорить своему наперснику такіа тирады:

Зла фурія во мнѣ смятенно сердце
гложетъ,
Злодѣйская душа покойна быть не
можетъ.

Онъ повторяетъ свои образцы со всѣми ихъ внѣшними особенностями: съ торжественными рѣчами героевъ, съ наперсниками, и пр. У него, по мнѣнію г. Пыпина, была «большая восприимчивость, но не было и тѣни самостоятельнаго таланта». Но, не смотря на всѣ свои недостатки, трагедіи Сумарокова имѣли большой успѣхъ у современниковъ: онѣ были первымъ примѣромъ правильной, по тогдашнимъ понятіямъ, трагедіи, и языкъ ихъ, по сравненію со старыми силлабическими виршами, казался даже изящнымъ.

На старости лѣтъ Сумарокову пришлось увидѣть, что французская литература вступила на новый путь и что тамъ, на ряду съ смежно классическими драмами, появляются такіа легкомысленныя произведенія, какъ комедіи Бомарше и Дидро. Сумароковъ былъ очень опечаленъ этимъ обстоятельствомъ, и когда одну изъ комедій Бомарше перевели и на русскій языкъ, онъ разразился громами негодованія противъ переводчика, называя его «подъячимъ» и восклицая съ паоосомъ: «Уже-ли Москва болѣе повѣритъ подъячему, нежели г. Вольтеру и мнѣ, и неужели вкусъ жителей московскихъ сходня со вкусомъ сево подъячева?»

Кромѣ драмъ, Сумароковъ писалъ еще сатиры, басни и мелкія статьи, касавшіяся современной жизни. Историки литературы находятъ, что этими своими произведеніями онъ открывалъ путь явившимся всерѣ сатирическимъ журналамъ и самому Фоввизину.

За границей.

Темныя стороны общественной благотворительности въ Германіи. Въ концѣ прошлаго года, въ Берлинѣ появилась въ печати очень интересная брошюрка Константина Любиза «Obdachlos» (не имѣющіе крова), авторъ которой, заинтересованный положеніемъ безработныхъ рабочихъ въ Германіи, задался вопросомъ, почему всѣ тѣ благотворительныя общественныя учрежденія, которыя устраиваются съ цѣлью придти на помощь безработнымъ и не допустить ихъ сдѣлаться нищими и бродягами, въ сущности такъ мало достигаютъ цѣли. Разумѣется, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, автору нужно было изучить поближе функцію всѣхъ этихъ учреждений, что онъ и сдѣлалъ. Въ результатѣ его изслѣдованій получила вышеназванная брошюрка, заключающая въ себѣ очень много поучительнаго.

Представьте себѣ рабочаго, который по какой-нибудь, часто даже независимой отъ него, причинѣ, остался безъ работы. Конечно, онъ отправляется искать ее въ разныхъ мѣстахъ, и если у него еще осталось нѣсколько грошей, то онъ находитъ пріютъ подъ гостепріимнымъ кровомъ гостинницъ «Herbergen zur Heimath», гдѣ онъ за самую ничтожную плату получаетъ помѣщеніе и столъ. Такія гостинницы устроены исключительно для рабочихъ, лишившихся работы, и значить преслѣдуютъ благотворительную цѣль. Первая такая гостинница была устроена въ Берлинѣ въ 1849 году; а въ настоящее время въ разныхъ мѣстахъ Германіи находятся уже 364 гостинницы, могущія пріютить въ общемъ 20.000 человекъ. Гостинницы эти устроены хорошо и отличаются необыкновенною чистотой и опрятностью. У входа и на стѣнахъ пріемной залы находятся разные благочестивыя надписи и картины, изображающія сцены изъ биб-

лейской исторіи. Цѣны на все очень низкія и провізія вполне доброкачественная. Все идетъ хорошо до девяти часовъ вечера, но тутъ-то и наступаетъ для случайныхъ посѣтителей гостинницы трудное испытаніе. Дѣло въ томъ, что въ Германіи существуетъ законъ, пазываемый «Arbeitsscheu» (отказъ отъ работы), который строго караетъ рабочаго, отказывающагося отъ работы, т.-е. такого, который не хочетъ работать и не ищетъ работы. Достаточно доказать, что такой-то рабочій отказывался отъ предлагаемой работы, или даже, что онъ не довольно энергично искалъ ея, какъ на основаніи этого закона его можно отправить въ рабочій домъ.

Легко можно себѣ представить волненіе всѣхъ явившихся искать пріюта въ гостинницу, когда въ девять часовъ вечера вдругъ является чиновникъ и требуетъ отъ всѣхъ посѣтителей послѣднее рабочее свидѣтельство. Тотъ, который покажется «подозрительнымъ» и не въ состояніи представить вѣскихъ доказательствъ, что онъ не по своей винѣ остался безъ дѣла—немедленно выгоняется изъ гостинницы. Затѣмъ, когда все приведено въ порядокъ и всѣ «подозрительные» удалены, иногда даже при помощи кулаковъ, которыми ихъ награждаетъ «отецъ»—такъ называется управитель гостинницы—то начинается общая молитва, поются религиозныя гимны и читается Библія. Въ три четверти десятаго раздаются жетоны на постели. За эти жетоны уплачивается чистыми деньгами. За 15 пфенниговъ (около 7½ коп.) отводится мѣсто въ большомъ дортуарѣ, дается желѣзная кровать съ соломеннымъ тюфякомъ, чистою простыней и одѣяломъ. За 25 пфенниговъ соломенный тюфякъ замѣняется обыкновеннымъ тюфякомъ и даются два одѣяла.

Испытаніе однако еще не кончи-

лось. Раздается команда: «раздѣваться!». Всѣ раздѣваются и ждут осмотра. Если у кого-нибудь оказываются въ одеждѣ насѣкомыя, то ему немедленно велятъ одѣться и его выгоняютъ изъ гостинницы; затѣмъ уже остальные могутъ спокойно отправляться въ постель.

Тѣ, которые не могутъ заплатить даже такой скромной суммы за кровъ и пищу, какая требуется въ гостинницѣ, прибѣгаютъ къ такъ-называемымъ «станціямъ помощи» (Vergpflegungsstation). Тамъ они находятъ временный пріютъ и пропитаніе и уплачиваютъ за это своимъ трудомъ, т.-е. обязаны проработать за это два или три часа въ пользу станціи. Такихъ «станцій» въ Германіи устроено уже 1.957, и, конечно, онѣ могли бы принести огромную пользу бѣднякамъ, лишеннымъ заработка, но, къ сожалѣнію, устройство ихъ оставляетъ желать многого. «Нужно быть святымъ, чтобы благополучно переночевать въ этихъ пріютахъ и миновать всѣ испытанія,—сказалъ автору брошюры одинъ старый рабочий. — А вѣдь кто изъ насъ не имѣетъ чего-нибудь на своей совѣсти послѣ долгихъ дней безработицы и скитаній!». Все это заставляетъ рабочихъ, по возможности, избѣгать филантропическихъ учрежденій, цѣль которыхъ, безъ сомнѣнія, превосходна, но не можетъ быть достигнута въ огромномъ большинствѣ случаевъ вслѣдствіе необыкновенной грубости и беспощадности администраторовъ этихъ учрежденій по отношенію къ бѣднякамъ, оставшимся безъ работы. Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ рабочихъ, не имѣющихъ крова и работы, предпочитаетъ искать убѣжища въ какихъ-нибудь труппахъ, гдѣ, во всякомъ случаѣ, съ нимъ обращаются какъ съ равнымъ. Очевидно, темную сторону германской филантропіи составляетъ полнѣйшее отсутствіе гуманности, и потому учрежденія, устроенныя съ самою благою цѣлью, большею частью

не удовлетворяютъ своему назначенію: бѣдняки, для которыхъ они устроены, избѣгаютъ ихъ до послѣдней возможности. Въ началѣ рабочій, внавѣи въ нужду, пробуетъ обратиться въ эти учрежденія, но съ нимъ обращаются тамъ сурово и презрительно, какъ съ существомъ низшимъ, и онъ чувствуетъ, что его постоянно подозрѣваютъ въ нежеланіи работать, что, конечно, раздражаетъ людей, только и желающихъ работы. Чтобы избѣжать подобной благотворительности, очень часто честные и трудолюбивые рабочіе прибѣгаютъ къ милостынѣ и превращаются въ бродягъ. Во всякомъ случаѣ, непопулярность и неуспѣхъ этихъ учрежденій въ Германіи ясно указываетъ, что нельзя дѣлать дѣла милосердія, не положивъ въ основу ихъ любви и состраданія къ ближнему. Унижая человѣка, нельзя спасти его отъ паденія или помочь ему подняться, и рука помощи, протягиваемая съ презрѣніемъ, никогда не достигаетъ цѣли.

Права женщинъ въ Австраліи и Европѣ. Англійскія газеты сообщаютъ, что южно-австралійскій парламентъ, слѣдуя примѣру Новой Зеландіи, недавно принялъ проектъ о предоставленіи женщинамъ избирательныхъ правъ на равныхъ основаніяхъ съ мужчинами. Парламентъ установилъ тотъ же минимальный возрастъ для женщинъ - избирательницъ, какъ и для мужчинъ (21 годъ), тотъ же имущественный цензъ при выборахъ въ верхнюю палату и предоставилъ женщинамъ совершенно одинаковое съ мужчинами право избранія въ обѣ палаты. Кромѣ того, женщины пользуются еще однимъ преимуществомъ передъ мужчинами; а именно: въ случаѣ болѣзни, или если онѣ живутъ далѣе пяти километровъ отъ мѣста выборовъ, избирательницы могутъ подавать письменно свои голоса въ пользу своихъ кандидатовъ.

Движеніе въ пользу предоставленія женщинамъ избирательныхъ правъ возникло въ Австраліи уже давно, лѣтъ 30—40 тому назадъ, но до послѣдняго времени оно не имѣло большого успѣха и только послѣ толчка, даннаго этому движенію лигой для расширенія политическихъ правъ женщинъ, образовавшейся въ 1888 году, оно разрослось и приняло широкіе размѣры. Первый законопроектъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ былъ предложенъ извѣстнымъ натуралистомъ Эдвардомъ Стирлингомъ. Усилія его, также какъ и его преемника Кольдуэлла, не остались безъ послѣдствій. и въ прошломъ году новозеландскій парламентъ принялъ законопроектъ о допущеніи женщинъ къ парламентскимъ выборамъ, а вслѣдъ затѣмъ его примѣру послѣдовало и законодательное собраніе Южной Австраліи. Новозеландскія женщины уже воспользовались своими правами, и 90.200 изъ 109.461 избирательницъ участвовали въ парламентскихъ выборахъ. Южноавстралійскимъ избирательницамъ придется воспользоваться своими новыми правами, однако, не раньше 1896 года, когда будутъ прописаны общіе парламентскіе выборы. Вообще, Австралія, въ данномъ случаѣ, опередила не только Европу, но и Америку, гдѣ избирательныя права предоставлены женщинамъ всего пока еще только въ двухъ штатахъ: въ Колорадо и Уомингѣ. Въ Англіи идетъ сильная агитація въ пользу расширенія политическихъ правъ женщинъ, но пока еще никакихъ практическихъ результатовъ не достигнуто. Даже въ Германіи, въ странѣ, гдѣ женщина держится въ наибольшемъ поработеніи у мужчины, былъ поднятъ недавно въ парламентѣ вопросъ о включеніи въ число избирателей и женщинъ. Ораторъ, возбудившій этотъ вопросъ, говорилъ очень краснорѣчиво о шести милліонахъ нѣмецкихъ женщинъ, которыя, наравнѣ съ

мужчинами, упорнымъ трудомъ добываютъ себѣ средства къ существованію. Онъ яркими красками изобразилъ картину борьбы, которую приходится до сихъ поръ еще вести въ Германіи за признаніе въ женщинѣ взрослогаго человѣка, и указывалъ на несправедливость многихъ законовъ по отношенію къ женщинамъ,—законовъ, составленныхъ только мужчинами. Онъ очень горячо заступался за женщинъ вообще и нѣмецкихъ женщинъ въ частности, такъ какъ считаетъ ихъ особенно угнетаемыми мужчинами. Рѣчь его произвела сильное впечатлѣніе, хотя большинство германскаго парламента несомнѣнно было настроено противъ дарованія женщинамъ какихъ бы то ни было правъ, что и выразилось въ ироническихъ восклицаніяхъ, многократно прерывавшихъ рѣчь оратора. Когда онъ сказалъ, что женщины въ Германіи составляютъ большую половину населенія, то съ правой раздался ироническій голосъ: «Вы, конечно, 'хотите сказать—лучшую?» Но ораторъ, нисколько не смущаясь, отвѣчалъ: «да, лучшую!», и распространялся о тѣхъ качествахъ, которыя, по его мнѣнію, возвышаютъ женщину надъ мужчиною въ современномъ обществѣ. Какъ ни краснорѣчива была рѣчь защитника правъ женщины, врядъ ли все-таки она на много подвинула разрѣшеніе женскаго вопроса въ Германіи, такъ какъ въ современномъ германскомъ обществѣ слишкомъ еще крѣпки предрассудки, ограничивающіе сферу дѣятельности женщины узкою домашнею средою. Однако, имъ придется все-таки уступить давленію экономическихъ условій, которыя выдвигаютъ на сцену женскій вопросъ во всѣхъ странахъ, и особенно въ Германіи, и настоятельно требуютъ его разрѣшенія.

Въ статьѣ «University opportunities for women» (университетское образованіе для женщинъ), напечатан-

ной въ «Educational Review», Л. Франкъ дѣлаетъ обзоръ нынѣшняго положенія женщинъ въ цивилизованномъ мірѣ. Авторъ приводитъ много интересныхъ фактовъ, ярко подчеркивающихъ самонадѣянную увѣренность мужчинъ, что именно только они могутъ рѣшать вопросъ, способны ли женщины къ той или другой дѣятельности, хотя гораздо было бы справедливѣе, и даже цѣлесообразнѣе, предоставить рѣшеніе этого вопроса самимъ женщинамъ. Между прочимъ, авторъ указываетъ, какую пользу иногда могутъ принести предразсудки и предубѣжденія. Австрійское правительство, напримѣръ, воспретило въ 1878 году женщинамъ записываться на слушаніе лекцій въ австрійскихъ университетахъ и заниматься медицинскою практикой, но, благодаря религіознымъ предразсудкамъ магометанскаго населенія Босніи и Герцеговины, австрійскому правительству не только пришлось отказаться отъ такого рѣшенія, но даже сдѣлать спеціальныя распоряженія о допущеніи и поощреніи женщинъ къ медицинской практикѣ въ вышеназванныхъ провинціяхъ. И такъ, фанатизмъ и ханжество магометанъ сослужили службу прогрессу въ данномъ случаѣ, побѣдивъ упорство австрійскаго консерватизма и реакціонерныхъ стремленій.

Франція уже открыла двери своихъ университетовъ женщинамъ, въ Германіи же, за исключеніемъ Гейдельбергскаго университета, ни одинъ университетъ не принимаетъ женщинъ и не допускаетъ ихъ ни къ слушанію лекцій, ни къ экзаменамъ. Во всей Германской имперіи, въ настоящее время, занимаются практикой всего лишь шесть женщинъ-врачей. Авторъ при этомъ указываетъ, какой важный шагъ на пути прогресса сдѣлала Россія, открывъ медицинскіе курсы для женщинъ въ 1872 году и давъ женщинамъ, изучавшимъ медицину, право заниматься медицинскою практикой.

Авторъ особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что женщины - врачи пользуются симпатіями населенія, что у нихъ никогда не было никакихъ неприятныхъ столкновеній съ населеніемъ, и что онѣ никогда не были причиною безпорядковъ и смутъ, чего отнюдь нельзя сказать про мужчинъ,

Въ Англіи былъ сдѣланъ огромный шагъ впередъ допущеніемъ женщинъ въ валлійскій университетъ на совершенно равныхъ основаніяхъ съ мужчинами, и не только женщины допускаются тамъ къ полученію ученыхъ степеней, но имъ предоставляется право занимать мѣста въ университетскомъ совѣтѣ. Въ одномъ только Лондонѣ практикуютъ, въ настоящее время, двѣсти сорокъ пять женщинъ-врачей. Голландія принимаетъ женщинъ во всѣ свои университеты. Наибольшее же число женщинъ находится въ швейцарскихъ университетахъ; число учащихся женщинъ въ этихъ университетахъ превышаетъ 400. Однако практикующихъ врачей-женщинъ въ Швейцаріи очень мало, такъ какъ, въ швейцарскіе университеты поступаютъ преимущественно иностранки, уѣзжающія затѣмъ на родину. Въ Италіи, Швеціи, Норвегіи, Даніи, Исландіи и въ Гельсингфорсѣ, женщинамъ открытъ доступъ въ университеты, но въ Италіи и Даніи имъ запрещается юридическая практика, въ Швеціи же и Исландіи имъ не дозволено быть вѣроучителями, кромѣ того, какъ въ Даніи, такъ и въ Исландіи, специально постановлено, что полученіе академическихъ степеней не можетъ открывать дорогу женщинамъ къ занятію общественныхъ должностей.

Въ Соединенныхъ Штатахъ 2.438 женщинъ занимаются медицинскою практикою. Въ 24 штатахъ женщины допускаются въ адвокатское сословіе, восемь женщинъ уже допущены въ верховный судъ и 120 женщинъ занимаются адвокатурою.

Американскія странствующія библіотеки. Въ 1892 году штатъ Нью-Йоркъ ввелъ законъ, разрѣшающій управленію публичною библіотекою штата отдавать въ пользованіе на опредѣленный срокъ цѣлыя собранія книгъ, составленныя изъ сочиненій, имѣющихся въ двойномъ числѣ экземпляровъ или же нарочно прибрѣтенныхъ для вышеуказанной цѣли. Всѣ общественныя библіотеки, находящіяся въ вѣдѣніи штата, общества или общины, могутъ пользоваться книгами на указанныхъ въ законѣ условіяхъ. Нью-йоркская публичная библіотека отдастъ въ пользованіе на шесть мѣсяцевъ коллекціи книгъ, состоящія изъ ста названій, при этомъ взымаются пять долларовъ для покрытія расходовъ по пересылкѣ, печатанію каталоговъ, и т. п. Такія коллекціи книгъ высылаются или по просьбѣ завѣдывающаго какою-либо общественною библіотекою въ штатѣ, или по коллективному заявленію 25 мѣстныхъ жителей; въ послѣднемъ случаѣ должно быть указано лицо, владѣющее какою-нибудь недвижимою собственностью и принимающее на себя отвѣтственность за выданныя книги. Подобныя странствующія библіотеки выдаются также и руководителямъ университетскаго движенія, равно какъ разнымъ читальнямъ и клубамъ, преслѣдующимъ образовательныя цѣли. Кромѣ того, теперь заведены половинныя библіотечки, состоящія изъ 50 названій, которыя выдаются за плату въ три доллара.

Вначалѣ было составлено десять такихъ странствующихъ библіотекъ изъ ста названій, причемъ, при составленіи библіотеки принимались во вниманіе, главнымъ образомъ, образовательныя цѣли, но также имѣлось въ виду удовлетворить и такихъ читателей, которые желаютъ пользоваться чтеніемъ для отдыха и развлечения. Но такъ какъ приходилось все-таки сообразоваться до нѣкоторой степени при устройствѣ библіотекъ, съ разно-

образіемъ вкуса въ читающей публики и со степенью культурности населенія, то въ однѣ библіотеки вошли преимущественно сочиненія такихъ писателей, какъ Вальтеръ Скоттъ, Теккерей, Диккенсъ и др.; въ другія же—преимущественно книги для самообразованія, популярныя научныя сочиненія, и т. д. Въ этихъ ста библіотекахъ книги по своему содержанию распадаются на слѣдующія категории: беллетристика—22%, исторія—18%, біографія—13%, путешествія—11%, естественныя науки и прикладныя знанія—9%, социологія—5%, религія и этика—4%, изящныя искусства—3%, другіе предметы—15%. Кромѣ того, составлены были маленькія библіотечки въ 50 и 25 названій, имѣющія специальный характеръ; въ составъ этихъ библіотекъ входятъ сочиненія по политической экономіи, сельскому хозяйству, французской исторіи и исторіи Соединенныхъ Штатовъ.

Какъ и всякое предпріятіе американцевъ, сразу поставленное на практическую почву, учрежденіе странствующихъ библіотекъ оказалось вполне удовлетворяющимъ своему назначенію. Первая странствующая библіотека отправлена была въ февралѣ 1893 года и затѣмъ въ теченіе восьми мѣсяцевъ, т.-е. по октябрь мѣсяцъ, было разослано восемь такихъ библіотекъ, а въ слѣдующій годъ уже потребовалось 125 библіотекъ. Эти библіотеки перебивали въ 86 мѣстахъ и число разосланныхъ томовъ достигло 11.900. Замѣчательно, что за все время была потеряна только одна книга, цѣною въ 70 центовъ, которые и были взысканы съ поручителя. Въ теченіе полугода каждая такая библіотека имѣла въ среднемъ 290 читателей; наименьшее число читателей было 66, наибольшее—609. Даже маленькія библіотечки имѣли въ среднемъ 338 читателей. Во всякомъ случаѣ, успѣхъ вполне оправдалъ ожиданія и

теперь дѣло странствующихъ библіотекъ стоитъ на прочномъ основаніи въ Америкѣ, такъ какъ примѣру Нью-Йорка послѣдовали и другіе штаты.

Драматическое искусство въ Индіи. Корреспондентка англійской газеты «Daily Graphic», отправившаяся въ Индію съ цѣлью ознакомиться съ индійскою жизнью и обществомъ и приславшая уже нѣсколько интересныхъ корреспонденцій въ эту газету, въ послѣднемъ письмѣ описываетъ свое посѣщеніе главнаго индусскаго театра въ Бомбей. Театръ этотъ можетъ вмѣстить до 1.500 человекъ. Тѣ мѣста, которыя въ европейскихъ театрахъ обыкновенно занимаетъ оркестръ, въ индусскомъ театрѣ предназначены спеціально для индусскихъ дамъ. Эти мѣста находятся ниже партера и высокой рѣшеткой отдѣляются отъ него, такъ что зрительницы скрыты отъ глазъ любителейныхъ.

Когда корреспондентка англійской газеты выразила желаніе присутствовать на представленіи пьесы индусскаго автора Гуерати, то дирекція театра отнеслась къ этому съ величайшимъ сочувствіемъ и даже устроила ей по этому поводу настоящую овацію, какъ первой европейской дамѣ, почтившей своимъ присутствіемъ индусское представленіе. Для англичанки, также какъ и для ея друзей, были поставлены въ первомъ ряду кресла, покрытыя желтымъ атласомъ, и самъ директоръ театра встрѣтилъ ее у входа и надѣлъ ей на шею гирлянду изъ жасмина и другихъ цвѣтовъ. Разумѣется, она просидѣла весь вечеръ, не снимая этого душистаго ожерелья.

Зала была полна. Пьеса называлась «Манцингъ и Абхацазингъ»; сюжетъ ея заимствованъ авторомъ изъ одной старинной индусской легенды.

Незатѣйливость содержанія этой пьесы, преисполненной всевозможныхъ несообразностей и какой-то чисто дѣт-

ской наивности, выкупалась, по словамъ англичанки, не только роскошною постановкой, которая сдѣлала бы честь любому европейскому театру, но и превосходною игрою актеровъ. Роли женщинъ, какъ въ древней Греціи, исполнялись мужчинами, и притомъ такъ хорошо, что невозможно было догадаться объ обманѣ. Драма состояла изъ 12 актовъ и множества картинъ; представленіе длилось шесть часовъ, и, что удивительно, во все это время интересъ зрителей ни разу не ослабѣлъ.

Новая летательная машина. Американскія газеты сообщаютъ объ очень интересныхъ опытахъ съ новымъ летательнымъ аппаратомъ, изобрѣтеннымъ инженеромъ Ланглемъ. Опыты были произведены публично въ Квангико, близъ Вашингтона, и увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. Въ сожалѣнію, газеты не сообщаютъ подробностей относительно устройства этого аппарата и только говорятъ, что новая летательная машина состоитъ изъ четырехъ аэроплановъ. Устройство машины таково, что даетъ возможность управлять аппаратомъ въ горизонтальномъ направленіи, а также двигать его по желанію, то въ нисходящемъ, то въ восходящемъ направленіи. Газеты полагаютъ, что Ланглемъ почти удалось разрѣшить проблему воздухоплаванія. Конечно, требуются еще дальнѣйшіе опыты. Во время перваго опыта аппаратъ совершилъ полетъ на разстояніи 300 метровъ.

Въ журналѣ «Woman at Home» сообщаются нѣкоторыя подробности о домашней жизни королевы итальянской Маргариты. Авторъ этого очерка называетъ ее не только самой привѣтливой, но и самой образованной королевой въ Европѣ. Королева Маргарита прекрасно знаетъ англійскій, французскій, германскій, испанскій и латинскій языкъ и говоритъ на нихъ такъ же бѣгло, какъ и на своемъ род-

номъ языкѣ. Притомъ она изучала также и греческій языкъ. Петрарка, Данте, Гёте и Шекспиръ—ея любимые авторы, особенно Шекспиръ; она даже написала статью о героиняхъ Шекспира, но, конечно, не для печати.

Она стяжала себѣ извѣстность, какъ неутомимая и неустрашимая горная туристка, презирающая опасности и много разъ въ Альпахъ совершала такіа смѣлая экскурсія, которыя приводили въ изумленіе даже опытныхъ проводниковъ. Королева Маргарита совсѣмъ не вѣдаетъ усталости, она взбирается по самымъ крутымъ тропинкамъ, по

краю пропастей, и проводники едва поспѣваютъ за нею. Она не любитъ никакихъ другихъ видовъ спорта и только горныя экскурсіи служатъ для нея любимымъ развлеченіемъ, вмѣстѣ съ занятіемъ садоводствомъ, которому она посвящаетъ почти всѣ свои досуги во время пребыванія въ Монпѣ. Вечера королева посвящаетъ чтенію и своимъ литературнымъ занятіямъ, а утромъ до четырехъ часовъ занимается дѣлами благотворительности, принимаетъ депутаціи и посѣщаетъ учрежденія, которыя состоятъ подъ ея покровительствомъ.

Извѣстный французскій писатель Леметръ въ одной изъ своихъ статей въ «Revue des deux Mondes», о которой мы упоминали въ нашемъ журналѣ, говорилъ о вліяніи сѣверныхъ литературъ на французскую и открыто высказывалъ неудовольствіе по поводу восхищенія французовъ произведеніями иностранныхъ авторовъ. Кромѣ того, Леметръ утверждалъ, что идеи, вносимыя иностранными писателями въ качествѣ новаго товара во Францію, въ дѣйствительности заимствованы ими у французовъ. Противъ этого и вообще противъ стремленія Леметра «монополизировать» идеи возникаетъ другой писатель, Андре Галлаисъ въ «Revue de Paris». «Идеи, — говоритъ онъ, — не могутъ быть названы ни англійскими, ни нѣмецкими, ни французскими, ни славянскими, ни латинскими. Ни одна нація не можетъ считать ихъ своимъ достояніемъ. Никто не можетъ сказать, гдѣ онѣ родились и кто первый ихъ придумалъ. Въ умѣ человѣчества, какъ и въ умѣ отдѣльнаго индивидуума идеи составляютъ цѣпь, въ которой нѣтъ перерыва. Идеи проходятъ черезъ многіе умы, не подозрѣвающіе ни ихъ цѣнности, ни ихъ плодотворности, пока какой-нибудь гениальный че-

ловѣкъ не воспользуется ими и не повѣдаетъ ихъ свѣту. Эти гениальные люди, подъ вліяніемъ среды или особенностей своей расы и темперамента, превращаютъ въ новыя—старыя темы, много разъ уже слышанныя...

Галлаисъ находитъ, что въ настоящее время образуется родъ «европейской литературы», тенденціи которой онъ противопоставляетъ партикуляристскимъ тенденціямъ предидущихъ столѣтій. На высказываемое Леметромъ мнѣніе, что иностранные писатели, которыми теперь такъ восхищаются французы, Ибсенъ, Достоевскій, Толстой и др., заимствовали свои идеи у французовъ же, Галлаисъ возражаетъ: «Что жъ изъ этого? Развѣ мы можемъ считать, что эти идеи дѣйствительно принадлежатъ намъ? Въ теченіе цѣлаго столѣтія французская литература питалась идеями, источникомъ которыхъ служили произведенія г-жи Сталь, Шатобриана и Руссо. Однако, никто изъ этихъ авторовъ не можетъ считаться представителемъ чисто французскаго генія. Первая была уроженка Женевы и соединяла въ себѣ германскую сентиментальность съ итальянскою страстностью; у французовъ она заимство-

вала только языкъ. Шатобрианъ, прежде чѣмъ писать свои произведенія, изучилъ Шекспира, Ричардсона, Вальтеръ-Скота и въ особенности Гете. Шатобрианъ самъ говорилъ въ «*Memoires d'outre tombe*» о томъ, что онъ заимствовалъ многія мысли у Гете. Руссо былъ швейцарцемъ не только по своему происхожденію, но и по воспитанію, характеру и идеямъ. Онъ также не скрывалъ вліянія, которое имѣли на него англійскіе писатели, Локкъ, Сидней, Юнгъ, Томсонъ, Ричардсонъ и др.».

Развивая далѣе свою мысль, Галлаисъ доказываетъ, что наперекоръ критикамъ, осуждающимъ современныя тенденціи къ литературному космополитизму, и возмущающимся извращеніемъ національнаго гения, писатели всѣхъ странъ всегда широко черпали и продолжаютъ черпать другъ у друга. Во всѣхъ европейскіхъ литературахъ замѣтно иностранное вліяніе. Нѣмецкая литература космополитична. Она всегда была широко открыта иностраннымъ вліяніемъ. Даже въ концѣ XVIII столѣтія, въ періодъ «*Sturm und Drang*», которому стараются придать исключительно характеръ національнаго движенія и которое, въ сущности, было движеніемъ международнымъ, нѣмецкая литература оставалась открытою этимъ вліяніямъ. Кто заговорилъ первый о мировой литературѣ — «*Weltliteratur*»? Гете, гений котораго черпалъ безразлично изъ всѣхъ источниковъ. Въ настоящее время въ Германіи встрѣчаются всѣ великія теченія европейской мысли. Франція съ философій Тэна и романами Золя, Россія съ произведеніями Толстого, Скандинавія съ драмами Ибсена содѣйствовали развитію таланта Зудермана, Гауптмана, Гартлебена, Макса Гальбе и др. Современный нѣмецкій писатель, философъ Ницше, имя котораго популярно теперь во всей Европѣ, по своему происхожденію полякъ. Въ

самой Германіи вліяніе его сказалось не непосредственно, а черезъ произведенія нѣкоторыхъ скандинавскихъ писателей.

По мнѣнію Галлаиса, скандинавская литература, вліяніе которой всего сильнѣе сказывается въ настоящее время въ Германіи, не имѣетъ исключительно національныхъ чертъ. Бьерисонъ очень многимъ обязанъ французскимъ и англійскимъ писателямъ; Ибсенъ испыталъ на себѣ поочередно и классическое, и нѣмецкое вліяніе. Въ произведеніяхъ Стриндберга отражается весь французскій натурализмъ. Точно также и итальянская литература не изъята отъ иностраннаго вліянія. На произведеніяхъ многихъ современныхъ итальянскихъ поэтовъ сказывается вліяніе Гейне. У популярнаго итальянскаго писателя Габріеля д'Аннунціо можно встрѣтить черты, напоминающія, то французскихъ романистовъ и поэтовъ, то Толстого и, еще болѣе, Достоевскаго. Русская литература, представленная Вогюэ, какъ олицетвореніе славянскаго гения въ его первоначальной чистотѣ, по словамъ Галлаиса, вскормлена нѣмецкою метафизикой, французскою соціологіей и англійскимъ искусствомъ. Галлаисъ находитъ въ Достоевскомъ слѣды вліянія Диккенса и Евгенія Сю, которыхъ читалъ Достоевскій. «Теперь, — говоритъ Галлаисъ, — когда Достоевскій и Тургеневъ исчезли, а Толстой тратитъ свой гений на противорѣчивые парадоксы, русская литература ощупью ищетъ своего вдохновенія у нѣмцевъ (Ницше) и у французовъ (поэты-символисты). И въ Россіи эти стремленія къ чужеземному также внушаютъ нѣкоторое безпокойство».

Въ Испаніи Галлаисъ также видитъ слѣды иноземнаго вліянія и только въ Англии это вліяніе сказывается слабѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Въ Европѣ, по словамъ Галлаиса, преобладаютъ въ настоящее время два те-

ченія, идущія въ совершенно противоположномъ направленіи и противобѣщавшія другъ другу. Съ одной стороны мы замѣчаемъ, что обмѣнъ и ассимиляція идей совершаются легче и быстрее, чѣмъ прежде. Отношенія между народами становятся легче, сношенія—чаще; различія между нравами, обычаями, привычками, одеждой и законами въ различныхъ странахъ мало по малу исчезаютъ. Народы изучаютъ языкъ другъ друга и стараются проникнуться его духомъ, и какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ слояхъ общества космополитизмъ дѣлаетъ успѣхи.

Процессъ образованія «европейской души» идетъ медленно, но вѣрно и онъ ведетъ къ интеллектуальному единенію народовъ, и когда чувство международной солидарности сдѣлается всеобщимъ достояніемъ, то братство народовъ перестанетъ быть мечтой.

Недавнія открытія египтологовъ бросили чрезвычайно любопытный свѣтъ на положеніе медицинской науки въ древнія времена, за три тысячи лѣтъ до нашей эры. Въ самомъ дѣлѣ, благодаря папирусамъ, которые находятся теперь въ различныхъ европейскихъ библіотекахъ, исторія медицины обогатилась цѣлой серіей замѣчательныхъ работъ. Знаменитый французскій химикъ Бертелло сообщаетъ по этому поводу очень интересныя данныя въ «Journal des Savants», извлеченныя имъ изъ спеціальнаго изученія химіи, минералогіи и медицины древнихъ по имѣющимся папирусамъ.

Египетскіе врачи славились на всемъ древнемъ востокѣ гораздо раньше распространенія греческой науки. Бертелло указываетъ, что объ нихъ упоминается въ Одиссеѣ; Геродотъ также говоритъ о нихъ. Медицинская наука, по мнѣнію ученыхъ, существовала уже въ самомъ началѣ египетской цивилизаціи. Сынъ Менеса, Атотисъ, второй египетскій фа-

раонъ, былъ врачомъ и ему приписываются нѣкоторыя рукописи по медицинѣ и анатоміи. Также точно и Тозортосъ, второй монархъ третьей династіи, былъ также врачомъ.

Древніе ученые, для увеличенія своего авторитета, старались всегда обставить свои открытія таинственнымъ образомъ и рассказывали, что открытія эти они совершили при совершенно необыкновенныхъ, и порою романическихъ, обстоятельствахъ. Такъ, напримѣръ, про одну медицинскую рукопись рассказывали, что она была открыта чудомъ, когда вся страна была погружена въ темноту. Свѣтъ луны, однако, упалъ на рукопись, находившуюся въ святилищѣ богини Тебмутъ и такимъ образомъ повелъ къ ея открытію.

Египетскіе медицинскіе папирусы, подобно медицинскимъ трактатамъ среднихъ вѣковъ, содержатъ въ себѣ, на ряду съ традиціонными средствами, основанными на нѣкоторомъ эмпиризмѣ, которымъ пренебрегать не слѣдуетъ, множество мистическихъ рецептовъ, опирающихся на странныя аналогіи и разнаго рода магическія правила и заклинанія, относящіяся къ самой глубокой древности.

Самый замѣчательный изъ папирусовъ, трактующихъ о медицинѣ, безспорно тотъ, который былъ найденъ Эберсомъ въ 1872 году. Онъ превосходно сохранился и по богатству содержанія долженъ занять первое мѣсто въ ряду памятниковъ античнаго міра. Онъ состоитъ изъ 108 страницъ, каждая заключаетъ въ себѣ отъ 20 до 22.000 строкъ. По Эберсу онъ стносится къ 1553 или 1550 годамъ до Р. Х. Въ этой замѣчательной книгѣ говорится не только о лекарствахъ, но и о болѣзняхъ внутреннихъ органовъ, о женскихъ болѣзняхъ, о болѣзняхъ глазъ и т. п.—однимъ словомъ, книга эта представляетъ нѣчто вродѣ древней медицинской энциклопедіи. Она состоитъ изъ множества

маленькихъ трактатовъ, еще болѣе древняго происхожденія, конечно, тѣмъ самая книга. Въ числѣ элементовъ, служащихъ для приготовленія лекарствъ, встрѣчаются: пиво, медъ, смола, фиги, египетскія сливы и всякаго рода растительные продукты, а также и минеральные продукты. Многіе рецепты имѣютъ весьма странный характеръ и свидѣтельствуютъ о необыкновенной фантазіи составителей ихъ, врачей той эпохи. И чего только не входитъ въ составъ нѣкоторыхъ лекарствъ! Голова рака, мелкоистолченный зубъ кабана, кровь ящерицы, внутренности кошки, экскременты крокодила и т. п. вещества. Все это считалось египтянами дѣйствительными средствами противъ самыхъ разнообразныхъ болѣзней. Но, кромѣ этихъ фантастическихъ средствъ, въ терапіи древнихъ египтянъ встрѣчаются и такія, которыя и до сихъ поръ употребляются въ медицину, напримѣръ: алоэ, анисъ, шафранъ, опиумъ и мн. др. Число минеральныхъ средствъ, употребляемыхъ древними египтянами, не велико. Упоминается только о мѣди и свинцѣ, а также о ртути. Впрочемъ, Бертелло говоритъ, что, судя по нѣкоторымъ даннымъ, древнимъ египтянамъ было извѣстно терапевтическое дѣйствіе морской соли и натра.

Много мѣста въ древней египетской medicinѣ занимаютъ разнаго рода симпатическія средства, до которыхъ и теперь можно найти не мало охотниковъ въ современномъ обществѣ. Любопытно, что методъ Броунъ-Сехара, надѣлавшій столько шума въ ученыхъ обществахъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ также извѣстенъ древнимъ египтянамъ.

Французскій ученый Шарль Рабо сообщаетъ въ «Revue Scientifique» свои личныя наблюденія надъ явлениями такъ-называемой горной болѣзни, которую онъ испыталъ при восхожденіи на гору. Рабо подтверждаетъ

своимъ личнымъ опытомъ, что горная болѣзнь (mal de montagne) можетъ обнаружиться у людей на весьма разнообразной высотѣ и главнымъ образомъ находится въ зависимости отъ физическаго состоянія человѣка. У людей утомленныхъ, слабыхъ, припадки этой болѣзни, обнаруживаются скоро и даже сравнительно на небольшой высотѣ. Рабо рассказываетъ, что онъ наблюдалъ припадки этой болѣзни у одного итальянскаго туриста, который одновременно съ нимъ взобрался на вершину Адамелло (3.547 метр.) въ Трентинѣ. Рабо не испытывалъ ни малѣйшей неловкости и, добравшись до вершины, позавтракалъ съ большимъ аппетитомъ, между тѣмъ какъ бѣдный итальянецъ страдалъ сильнѣйшею одышкой и ничего не могъ ѣсть вслѣдствіе тошноты, но въ другой разъ Рабо самъ подвергся горной болѣзни и на меньшей высотѣ, и онъ объясняетъ это тѣмъ, что накануне совершилъ очень большую экскурсію и поэтому былъ нѣсколько утомленъ. Достигнувъ вершины, онъ вдругъ почувствовалъ, что его непреодолимо клонитъ ко сну и онъ съ трудомъ могъ бороться съ оцѣпенѣніемъ. Проводники всячески старались встряхнуть его, такъ какъ у нихъ существуетъ повѣрье, что тотъ, кто уснетъ на вершинѣ, тотъ не проснется болѣе. Съ большимъ трудомъ удавалось имъ удержать его на ногахъ. Онъ ничего не могъ ѣсть, вслѣдствіе полной потери аппетита. Наконецъ, собравшись съ силами, онъ съ большимъ трудомъ произвелъ нѣсколько топографическихъ наблюденій. На обратномъ пути, какъ только онъ спустился на полтора метра, у него исчезли всѣ признаки болѣзни.

Второй разъ онъ испыталъ эту болѣзнь также потому, что совершилъ восхожденіе, будучи уже нѣсколько утомленнымъ. На этотъ разъ болѣзнь выразилась у него, кромѣ того, разстройствомъ зрѣнія. Снѣжная равни-

на, по которой онъ спускался, на самомъ дѣлѣ очень наклонная, казалась ему совершенно перпендикулярной. Все время онъ испытывалъ головокруженіе, настолько сильное, что не рѣшался смотрѣть впередъ и даже хотѣлъ спускаться, повернувшись спиной къ пропасти. Проводникъ едва убѣдилъ его не дѣлать этого. Временное облегченіе доставляло ему то, когда проводникъ сыпалъ ему мелкій снѣгъ на затылокъ и шею.

Рабо рассказываетъ, что онъ совершилъ сорокъ восхожденій на Альпы

и всего лишь два раза испыталъ горную болѣзнь, и дѣйствительно, оба раза онъ совершалъ восхожденіе не со свѣжими силами, а уже утомленный предшествовавшими экскурсіями. Такимъ образомъ, по мнѣнію Рабо, главное условіе появленія «mal de montagne»—это физическое состояніе организма, и самые крѣпкіе и закаленные въ горныхъ экскурсіяхъ люди не могутъ считать себя гарантированными отъ нея при извѣстныхъ условіяхъ.

НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

«*Our secret friends and foes*» by P.-F. Frankland, London, Society for Promoting Christian Knowledge. (Наша тайные друзья и враги). Этимъ именемъ авторъ называетъ невидимыхъ для простаго глаза микробовъ, среди которыхъ, по его словамъ, мы имѣемъ гораздо болѣе друзей, нежели враговъ. Авторъ очень подробно разъясняетъ, что такое микробы и какова ихъ роль въ экономіи природы. Какъ популярное изложеніе бактериологической теоріи, вышеназванная книга, несомнѣнно, полезна, такъ какъ она въ значительной степени можетъ содѣйствовать разсѣянію неслѣпатога страха передъ микробами, которому подвержены многіе. Особенно интересна глава, въ которой говорится о дѣйствіи свѣта на микробовъ. (Daily News).

«*Economic Classics*» by Mr. W. J. Ashby (Macmillan and Co). London. (Классическая литература политической экономіи). Подъ этимъ именемъ выходитъ серия карманныхъ томиковъ, назначеніе которыхъ доставить читателямъ въ возможно сжатой формѣ вполне ясныя и опредѣленные свѣдѣнія о взглядахъ и трудахъ наиболѣе знаменитыхъ писателей по политической экономіи. Авторъ при этомъ старается излагать главнѣйшія основанія теоріи каждаго изъ этихъ писателей, не въ видѣ резюме, а собственными словами автора этой теоріи. Первые два тома вышедшей бібліотеки посвящены Рикардо и его сочиненіямъ, изъ которыхъ цитированы избранныя главы. Къ тексту приложенъ краткій біографическій очеркъ и біографическій указатель.

(Daily News).

«*Studies in Folk-Song and Popular Poetry*» by Alfred M. Williams. (Elliot Stock). (Изслѣдованіе народныхъ пѣсней и народной поэзіи). Американскій писатель Вильямсъ задался широкою цѣлью изслѣдовать народную литературу и

поэзію обояхъ континентовъ. Результаты своихъ изслѣдованій онъ издаетъ въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ, входящихъ серіями. Въ вышедшихъ уже выпускахъ заключается очень полное и интересное изслѣдованіе американскихъ морскихъ и народныхъ пѣсней временъ гражданской войны. Изъ европейской народной поэзіи авторъ пока напечаталъ только изслѣдованіе румынской народной поэзіи, а также португальскихъ, шотландскихъ и британскихъ народныхъ пѣсней. Конечно, обширный трудъ, задуманный авторомъ, потребуетъ не мало времени для своего выполненія.

(Daily News).

«*My weathers wise - companion*». Presented by B. T. (Blackwood and Sons) London. (Мой спутникъ и указатель погоды). Очень любопытный сборникъ всевозможныхъ метеорологическихъ указаній и народныхъ примѣтъ, по которымъ можно предсказать погоду. Въ книгѣ собрано, по крайней мѣрѣ, до 500 афоризмовъ, касающихся погоды, которые, во всякомъ случаѣ, представляютъ интересъ, какъ выраженіе народной наблюдательности и опыта. Авторъ доказываетъ, что, наблюдая небо, воздухъ, направленіе вѣтра, форму облаковъ, туманъ, росу, небесныя свѣтла, а также наскомовыхъ, птицъ и др. животныхъ и нѣкоторыя растенія, можно всегда вѣрно предсказать погоду. Онъ даетъ указанія, какъ производить эти наблюденія, но нельзя не сознаться, что во многихъ случаяхъ производство ихъ обставлено порядочными затрудненіями и требуетъ особенно благоприятныхъ условій. Это не мѣшаетъ, впрочемъ, книгѣ быть интересной во многихъ отношеніяхъ и полезной, особенно деревенскимъ жителямъ.

(Daily News).

«*Life of Adam Smith*». By John Rae (Macmillan and Co). (Жизнь Адама

Смита). До сихъ поръ еще не было издано подробной и основательной биографіи знаменитаго англійскаго экономиста. Пробѣль этотъ въ настоящее время пополненъ. Авторъ вышеназванной биографіи, очевидно, съ умѣніемъ воспользовался богатымъ матеріаломъ, имѣвшимся у него въ распоряженіи, такъ какъ образъ его героя выдѣляется яркими чертами въ его изложеніи. Вышеназванная биографія должна быть причислена къ перворазряднымъ произведеніямъ подобнаго рода. Въ ней прекрасно изображена эпоха, въ которой жилъ и работалъ знаменитый экономистъ, а также общество, въ которомъ вращался, и люди, съ которыми онъ сталкивался.

(Daily News).

«*The Ideal City*». By Rev. Canon Barnett (J. W. Arrowsmith) London. (Идеальный городъ). Авторъ этой маленькой книги чрезвычайно увлекательно рисуетъ картину осуществленія возвышенныхъ идеаловъ, которые питаютъ въ душѣ всѣ социальныя реформаторы и идеалисты. Авторъ указываетъ тѣ пути, которые могутъ приблизить къ этому осуществленію. Социальныя дѣтели и реформаторы, несомнѣнно, могутъ многое почерпнуть изъ этой маленькой книги, каждая строка которой пронизана искренностью и стремленіемъ къ добру и свѣту. Многое, что говоритъ авторъ, отличается въ высшей степени практическимъ смысломъ и указываетъ, что авторъ вовсе не принадлежитъ къ разряду утопистовъ, питающихся одними мечтами, практическое осуществленіе которыхъ абсолютно невозможно.

(Bookseller).

«*Eskimo Life*» by Fridtjof Nansen. London and New-York (Longmans, Green and Co). (Жизнь эскимосовъ). Съ большимъ юморомъ и въ то же время не безъ грусти знаменитый путешественникъ Нансенъ описываетъ жизнь безстрашныхъ дѣтей сѣвера — эскимосовъ. Онъ очень основательно ознакомился съ ихъ жизнью въ одну зиму, во время которой, какъ онъ самъ говоритъ, раздѣлялъ съ ними и кровъ, и пищу, вмѣстѣ охотился и старался изучить ихъ языкъ, нравы и обычаи. Нансенъ очень подробно описываетъ ежедневную жизнь эскимосовъ и цѣлую главу посвящаетъ ихъ искусству, поэзіи и музыкѣ. Около ста страницъ посвящено религиознымъ идеямъ эскимосовъ, среди которыхъ встрѣчаются курьезные образцы мнѣологическихъ воззрѣній. Нансенъ говоритъ, что эскимосы отличаются добродушіемъ и терпѣливостью. Эскимосъ

очень рѣдко сдѣлаетъ что-нибудь такое, что можетъ причинить вредъ племени. Преступленія составляютъ у нихъ большую рѣдкость. Нансенъ не совсѣмъ доволенъ результатами введенія европейской цивилизаціи среди эскимосовъ; онъ говоритъ, что, благодаря чрезуръ быстрому введенію гражданскихъ и религиозныхъ законовъ, которые требуютъ безусловнаго повиновенія отъ эскимосовъ и вытѣсняють ихъ прежніе обычаи и традиціи, признаваемые ими священными, эти бѣдныя дѣти природы очутились въ настоящее время между двухъ стульевъ. Текстъ книги снабженъ хорошими иллюстраціями и картою Гренландіи

(Popular Science Monthly).

«*My Early adventures and Travels*» by M. H. M. Stanley (London, Sampson Low and Co). (Мои раннія приключенія и путешествія). Имя Стэнли болѣею частью связано въ умѣ читателей съ представленіемъ о дебряхъ и пустыняхъ Африки, поэтому вышеназванная книга является до нѣкоторой степени сюрпризомъ, такъ какъ въ ней описаны приключенія автора не въ Африкѣ, а въ Америкѣ, въ то время, когда онъ принималъ участіе въ походѣ противъ сѣвероамериканскихъ индійцевъ въ 1867 году. Въ этой же книгѣ изложена и ранняя исторія великаго предпріятія, составившаго безсмертное имя Лессепсу, — прорытія Суэзскаго канала. Къ книгѣ приложенъ портретъ, снятый со Стэнли въ Константинополѣ, когда ему было двадцать шесть лѣтъ, и двѣ географическія карты. (Literary World).

«*Abelard; and the origin and early history of universities*». By Gabriel Compayré (William Heinemann). (Абеляръ и происхождение и ранняя исторія университетовъ). Авторъ въ своемъ сжатомъ очеркѣ исторіи университетовъ въ средніе вѣка далъ намъ интересную и вмѣстѣ съ тѣмъ очень полезную книгу. Откройте ее въ любомъ мѣстѣ и вы непремѣнно найдете что-нибудь такое, что васъ заинтересуетъ и дастъ пищу вашему уму. Очень замѣлательно рассказана исторія возникновенія парижскаго университета и тѣхъ правъ, которыми онъ пользовался. Любопытно также описаніе университетской жизни и борьбы, которую приходилось вести ученымъ съ невѣжествомъ и предрассудками общества. Въ краткой библиографической замѣткѣ трудно, конечно, передать содержаніе такой книги и намъ остается только посоветовать нашимъ читателямъ прочесть ее, такъ какъ, на-

вѣрное, это время не будетъ ими по-
трачено бесполезно.

(Literary World)

«*Wandering Words*» by sir Edwin Arnold (Longmans). (Странствующія слова). Подъ этимъ именемъ Эдвинъ Арнольдъ издалъ сборникъ своихъ статей, напечатанныхъ въ разные времена въ американскихъ журналахъ и въ газетѣ «Daily Telegraph». Статьи эти имѣютъ характеръ очерковъ и описаній далечныхъ отдаленныхъ странъ и народовъ. Авторъ заставляетъ совершать своего читателя вмѣстѣ съ нимъ кругосвѣтное путешествіе; онъ увлекаетъ его съ собою то на острова Тихаго Океана, то въ живописную Япцію, то въ таинственныя дебри Индіи, то заставляетъ его взбираться вмѣстѣ съ собою на вершины горъ, странствовать въ пустыни, посѣщать египетскихъ феллаховъ и т. д., и т. д. Блестящій слогъ автора, его наблюдательность, талантливость изложенія и художественность разсказа составляютъ главное достоинство книги, заключающей въ себѣ, кромѣ того, много любопытныхъ свѣдѣній объ отдаленныхъ уголкахъ земного шара. Читатель, несомнѣнно, прочтетъ эту книгу съ начала до конца съ непрерывающимся интересомъ. Книга снабжена многочисленными и очень хорошими иллюстраціями.

(Daily News).

«*Pictures from Bohemia, drawn with pen and pencil*» by James Bakér (Reli-

gions Tract Society). (Очерки Богеміи перомъ и карандашомъ). Новый томъ, входящій въ составъ серіи изданій, принятыхъ съ цѣлью ознакомить английскихъ читателей съ чужеземными странами, составленъ такъ же тщательно, какъ и предыдущіе. Авторъ этихъ очерковъ не ограничивается только описаніемъ страны и народа, но сообщаетъ и историческія свѣдѣнія, а также даетъ понятіе читателямъ и о политическомъ положеніи и условіяхъ страны. Книга снабжена превосходными иллюстраціями.

(Daily News).

Mail (P) «*Terre de fauves*» 1 vol. in 8°, broché (Страна дикихъ звѣрей). Книга написана специально для юношества, но можетъ заинтересовать читателей всѣхъ категорій. Это одно изъ тѣхъ произведеній, въ которомъ блестящая фантазія автора, выражающаяся въ описаніи въ высшей степени драматическихъ приключеній, въ то же время, никогда не переступаетъ за предѣлы вѣроятнаго и описаніе странъ, гдѣ разыгрываются разсказываемыя авторомъ событія, всегда бываетъ вѣрно дѣйствительности. Мѣсто дѣйствія: Индія, берега Ганга и Гамалайи. Авторъ описываетъ походженія смѣлыхъ и предприимчивыхъ путешественниковъ и увлекаетъ воображеніе читателей своимъ разсказомъ, полнымъ драматическаго интереса.

(Journal des Débats).

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

RETURN TO → CIRCULATION DEPARTMENT
202 Main Library

LOAN PERIOD 1	2	3
HOME USE		
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
 1-month loans may be renewed by calling 642-3405
 6-month loans may be recharged by bringing books to Circulation Desk
 Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

MAY 28 1981		
UCLA		
INTERLIBRARY LOAN		
REC. CIR. JUN 29 1981		
INTERLIBRARY LOAN		
JUL 6 - 1987		
UNIV. OF CALIF., BERK.		

FORM NO. DD6, 60m, 3/80 UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
 BERKELEY, CA 94720

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C039585633

